К. 5093

ИСТОРІЯ РОССІИ.

ИСТОРІЯ РОССІИ

СЪ

ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

СОЧИНЕНІЕ

СЕРГѢЯ СОЛОВЬЕВА.

ТОМЪ ОДИННАДЦАТЫЙ.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (Катковъ и К°),
на Страстномъ бульварѣ.
1870.

ИСТОРІЯ РОССІИ

ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ

АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА.

К. 3093.

СОЧИНЕНІЕ

СЕРГѢЯ СОЛОВЬЕВА.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (Катковъ и К°),
на Страстномъ бульварѣ.
1870.

GOGOL B
2412/11-12

BNC0341935
11 BVE0342020

BIBLIOTECA NAZIONALE V. EMANUELE II - ROMA - DEPOSITO PERMANENTE

ГЛАВА I.

Продолженіе царствованія Алексѣя Михайловича.

Гетманскіе и митрополичьи выборы въ Малороссіи.—Переговоры съ Тетерею въ Москвѣ.—Посольство Кикина въ Малороссію.—Выговскій замышляетъ измѣну. — Союзъ его съ ханомъ крымскимъ. — Сношенія хана съ Москвою и дѣла на Дону.—Выговскій и Лесницкій возбуждаютъ козаковъ противъ царя.—Посольство Матвѣева и Рагозина къ Выговскому; посланцы Выговскаго—Меневскій и Коробка въ Москвѣ.—Запорожцы жалуются царю на Выговскаго.—Вопросъ о воеводахъ.—Хитрово въ Малороссіи и Переяславская рада.—Полтавскій полковникъ Пушкарь противъ Выговскаго.—Извѣты его царю.—Лесницкій въ Москвѣ.—Выговскій съ Татарами идетъ на Пушкаря.—Гибель послѣдняго.—Выговскій поддается польскому королю.—Военныя дѣйствія подъ Кіевомъ.—Раздѣленіе Малоросеіи и усобица. — Радость въ Польшѣ.—Двадцать одна причина, почему царь Алексѣй не могъ быть избранъ въ преемники Яну Казимиру.—Старанія Матвѣева склонить Литву на царскую сторону.—Сношенія съ Польшею.—Виленскіе съѣзды.—Враждебныя движенія польскихъ войскъ.—Побѣда Долгорукаго надъ Гонсѣвскимъ и плѣнъ послѣдняго.—Затруднительное положеніе Москвы.—Ординъ-Нащокинъ и его преобразовательные замыслы.—Борьба въ Малороссіи. — Походъ Трубецкаго. Наказъ ему насчетъ соглашеній со Выговскимъ.—Конотопская битва.—Ужасъ въ Москвѣ.—Дѣйствія Выговскаго и сношенія его съ Трубецкимъ.—Дѣла въ Крыму.—Дѣйствія Донскихъ козаковъ.—Паденіе Выговскаго.—Юрій Хмельницкій гетманъ.—Переговоры съ Швеціею.—Ссора Нащокина съ Хованскимъ.—Валіесарское перемиріе.—Побѣгъ сына Ордина-Нащокина за границу и переписка отца съ царемъ по этому случаю.—Кардискій миръ.

Въ Чигиринѣ около гроба знаменитаго гетмана волновалась старшина козацкая важнымъ вопросомъ — кому быть на мѣстѣ Хмельницкаго? Живому Богдану никто не рѣшился отказать въ просьбѣ насчетъ избранія въ гетманы сына его; теперь никто не думалъ объ исполненіи обѣщанія, когда грозный батька козацкій

лежалъ безъ дыханія. Выговскій, не боясь, что его раскуютъ по рукамъ лицемъ къ землѣ, дѣйствовалъ свободно и пріобрѣталъ сильную сторону. Не стало гетмана въ Чигиринѣ, не было митрополита въ Кіевѣ: здѣсь волновались не менѣе важнымъ вопросомъ, какъ выбирать преемника Сильвестру Коссову? Хлопоталъ воевода Андрей Бутурлинъ, призывалъ епископа черниговскаго Лазаря Барановича, печерскаго игумена Иннокентія Гизеля, другихъ игумновъ и говорилъ имъ всякими мѣрами, съ большимъ подкрѣпленіемъ, чтобъ поискали милости великаго государя, правду свою къ нему показали, были подъ послушаніемъ и благословеніемъ великаго государя святѣйшаго Никона патріарха, безъ царскаго указа за епископами не посылали и безъ патріаршаго благословенія митрополита не избирали. Епископъ Лазарь отвѣчалъ, что онъ радъ царской милости и патріаршему благословенію, но надобно подумать съ архимандритами и игуменами. 7 августа Лазарь пріѣхалъ къ воеводѣ и объявилъ, что духовенство кіевское приговорило быть подъ послушаніемъ Никона патріарха, что теперь они ѣдутъ въ Чигиринъ на погребеніе гетманское, а когда возвратятся и укрѣпятся между собою, то отправятъ когонибудь изъ своихъ къ великому государю. Выговскій писалъ Лазарю: «Выбирайте митрополита между собою кого хотите, а намъ теперь по смерти гетманской до того дѣла нѣтъ» [1].

А между тѣмъ въ Москвѣ, ничего не зная, разсуждали съ Павломъ Тетерею, пріѣхавшимъ въ послахъ еще отъ гетмана Богдана Хмельницкаго. 4 августа Тетеря представлялся государю и говорилъ рѣчь: «Егда богодарованную пресвѣтлѣйшаго вашего царскаго величества державу нынѣшними времяны надъ малороссійскимъ племенемъ нашимъ утвержденну и укрѣпленну внутренними созираю очима, привожду себѣ въ память реченное царствующимъ пророкомъ: отъ Господа бысть се и есть дивно во очію нашею воистинно соединеніе Малые Россіи и прицѣпленіе оноя къ великодержавному пресвѣтлѣйшаго вашего царскаго величества скифетру, яко естественной вѣтви къ приличному корени. И якожъ древле Давиду Израильскія дѣвы ликоствующе въ тимпанѣхъ съ радостію и гуслѣхъ припѣваху: побѣди Саулъ со тысящами, а Давидъ со тмами, тако и пресвѣтлому вашему царскому величеству истинно всѣ Россійстіи сынове припѣвати можемъ: иные цари побѣдиша со тысящами, тыжъ великодержавный царь нашъ

побѣдилъ еси со тмами. Преславная воистину есть пресвѣтлаго вашего царскаго величества на враги побѣда, понеже ревнующе по благочестивой вѣрѣ не пощадилъ еси своея царскія главы, не предпочелъ еси своего угодія, но, оставя множицею свой царскій престолъ и презрѣвше своя царскія палаты, изшелъ еси предъ нами на враги наша и самъ возжелалъ еси поборати по насъ прямыхъ подданныхъ своихъ. Воистину поставленъ еси отъ вышнія десницы Божія надъ Сіономъ горою святою Его, надъ Сіоновыми глаголю сыны Россійскими, возвѣщая намъ всѣмъ повелѣнія Господня и свѣдѣнія Его: не возвѣщаеши ли намъ житіемъ непорочнымъ своимъ повелѣній Господнихъ? не учиши ли насъ изрядныхъ добродѣтелей своихъ? и кто не познаваетъ кротость твою, кто ли не причастенъ милости твоея? кто не проповѣдуетъ благоутробія вашего царскаго величества и къ самимъ врагамъ непамятозлобнаго нрава? Дивно есть во очію нашею, дивно и чудесно: понеже егда оскудеваше въ помощи Малая Россія, тогда Богъ подвиже благочестивое вашего царскаго величества сердце, что отъ высокаго своего престола призрѣлъ если на насъ и подъ высокую свою руку воинство наше запорожское щедротне воспріяти благоволилъ, которое, крестнымъ цѣлованіемъ государю и царю своему привязанное, чрезъ насъ, посланниковъ своихъ, предъ святымъ вашего царскаго величества престоломъ до лица земли упадаетъ и, не превратно и не льстиво въ своемъ крестномъ цѣлованіи пребывающе, пресвѣтлаго вашего царскаго величества, яко втораго великаго во царѣхъ и равнаго во апостолѣхъ Владиміра, не точію почитаетъ, но и предпочитаетъ, понеже онъ аще ли россійское племя святымъ просвѣтилъ крещеніемъ, но и самъ кромѣ закона иногда живяше и многихъ сыновъ россійскихъ своимъ порочнымъ языческимъ житіемъ погубляше; но ваше царское величество вящшія сподобися благодати, егда отторженную вѣтвь, Малую Россію, пріобрѣте.»

Оратору былъ сдѣланъ первый вопросъ: по утвержденнымъ статьямъ, въ городахъ должны быть урядники и всякіе доходы собирать на царское величество и отдавать тѣмъ людямъ, которыхъ онъ пришлетъ; изъ этихъ поборовъ давать жалованье начальнымъ людямъ и козакамъ, которые должны быть въ числѣ 60,000. Но поборовъ до сихъ поръ ничего не взято; гетманъ ихъ собираетъ ли и жалованье козакамъ даетъ ли? Государь объ этомъ

спрашиваетъ не для того, чтобъ доходы были надобны въ царскую казну, но для того: государь узналъ, что на гетмана и полковниковъ козаки бунтуютъ, будто они доходы сбираютъ на себя, а имъ жалованья не даютъ. — «То-то и бѣда» отвѣчалъ Тетеря: «что доходы не собираются, жалованье козакамъ не дается, и они служатъ лѣниво, а принудить ихъ нельзя служить безъ жалованья. Съ кіевскаго воеводства я самъ собралъ 20,000 рублей, а можно собрать и 50,000 золотыхъ червонныхъ, если впрямь собирать; въ иныхъ повѣтахъ полковники сбираютъ со двора золотыхъ по два и по три, говорятъ, что собираютъ на гетмана, но гетману если что и дадутъ, то не все, а корыстуются сами, и отъ того происходятъ смуты и бунтовство. Изволилъ бы великій государь послать къ гетману, чтобъ созвалъ раду, при всѣхъ царскую милость объявилъ и статьи вычелъ; хотя гетману это будетъ и не любо, только войску будетъ годно, а намъ теперь съ гетманомъ спорить нельзя, потому что будетъ ему не любо.» — Объявили посланнику и второе неудовольствіе царское: «Гетманъ не исполнилъ статьи, чтобъ не принимать иностранныхъ пословъ; царское величество все посылалъ милостиво, потому что гетманъ писалъ съ покорностію: такъ гетману и всему войску, видя такую милость, надобно знать и обѣщаніе свое исполнять, ибо за всякое крестопреступленіе надобно бояться гнѣва Божія.» — «Все это правда,» отвѣчалъ Тетеря: «только намъ всего этого гетману выговорить нельзя.»

Въ грамотѣ, поданной Тетерею отъ Богдана (отъ 10 іюля), гетманъ писалъ, что пошлетъ къ шведскому королю провѣдать о его умыслѣ; что приказалъ уже полковнику Антону возвратиться и идти подъ Каменецъ; идущему къ нему Бѣнѣвскому скажетъ, чтобъ Поляки непремѣнно выбрали царя въ короли. Тетеря имѣлъ порученіе и отъ Выговскаго: «Билъ челомъ писарь о маетностяхъ жены своей Статкеевичевны, да жены брата своего, дочери Ивана Мещеринова: такъ какое будетъ царскаго величества изволенье?» Ему отвѣчали: «какъ присылалъ къ царскому величеству въ 1655 году Иванъ Выговскій брата своего Данилу бить челомъ о маетностяхъ, то великій государь пожаловалъ ихъ большими городами и маетностями; имъ этимъ можно жить безъ нужды, а Статкеевичевы маетности розданы шляхтѣ присяжной, у которой назадъ ихъ взять нельзя.»

10 августа пришла вѣсть, что Богданъ Хмельницкій умеръ. Тетеря подалъ письмо отъ Выговскаго: писарь писалъ, что гетманъ умеръ 27 іюля, во вторникъ, въ пятомъ часу дня; письмо оканчивалось такъ: «Непремѣнно надобно бить челомъ царскому величеству, чтобъ изволилъ насъ оборонять войскомъ; да прошу еще вашу милость: бейте челомъ царскому величеству, чтобъ мнѣ въ Литвѣ спокойнѣйшее житіе дать, потому что я тутъ, будучи старъ, съ козаками ничего не успѣю.» Тетеря объяснилъ, почему Выговскому хочется имѣній въ Литвѣ: «Хотя царское величество писаря, отца его и братью и пожаловалъ, только они этимъ ничѣмъ не владѣютъ, опасаясь войска запорожскаго.» Ему отвѣчали: «Если они до сихъ поръ не владѣли, опасаясь войска, то теперь будетъ посланъ въ Малую Россію ближній бояринъ князь Алексѣй Никитичъ Трубецкой, онъ объ этихъ маетностяхъ объявитъ, и тогда Выговскимъ можно будетъ ими владѣть свободно съ вѣдома войска.»—«Сохрани Боже!» отвѣчалъ Тетеря: «чтобъ царское величество войску о своихъ пожалованіяхъ объявлять не велѣлъ, потому что объ этомъ и гетманъ Богданъ Хмельницкій не зналъ; если въ войскѣ свѣдаютъ, что писарь съ товарищами выпросили себѣ у царскаго величества такія большія маетности, то ихъ всѣхъ тотчасъ побьютъ и станутъ говорить: мы всѣмъ войскомъ царскому величеству служили и за него помирали, а маетности выпросили себѣ одинъ писарь съ товарищами; да станутъ говорить, чтобъ всѣми городами и мѣстами владѣть одному царскому величеству, а имъ кромѣ жалованья ничего не надобно. Если царское величество велитъ пожаловать писаря, отца его и брата маетностями, то велѣлъ бы отвести въ литовскихъ краяхъ особое мѣсто, чтобъ имъ ни съ кѣмъ ссоры не было, а въ войскѣ запорожскомъ владѣть имъ ничѣмъ нельзя. Изъ присланныхъ мнѣ писемъ вижу я, что теперь старшины всѣ при гетмановомъ сынѣ Юріи, въ войскѣ смирно, и думаю, что выберутъ Юрія въ гетманы. Но какъ послышатъ, что царское величество шлетъ своихъ бояръ и рада будетъ, то при гетмановѣ сынѣ есть много такихъ людей, которые ему дружатъ, а съ полковниками не въ совѣтѣ, и станутъ они ему говорить, чтобъ рады не сбиралъ, чтобъ ему своего владѣнья не убавить, такъ же какъ и отецъ его рады не сбиралъ, а владѣлъ всѣмъ одинъ, что прикажетъ, то всѣмъ войскомъ и дѣлаютъ, а только раду ему собрать, то на радѣ

безъ бунта не пройдетъ: у всякаго будетъ своя мысль, иной захочетъ въ гетманы Юрія Хмельницкаго, иной другаго, а иной захочетъ того, чтобъ владѣлъ всѣмъ царское величество, а хотя и гетманъ будетъ, то владѣнье его передъ прежнимъ будетъ не такъ сильно. У насъ теперь отъ непріятелей опасенья нѣтъ, а въ войскѣ много неразумныхъ людей, которые станутъ мыслить, что царскіе бояре идутъ съ войскомъ затѣмъ, чтобъ войско запорожское чѣмъ-нибудь стѣснить, а намъ теперь войска не надобно. Царское величество изволилъ бы въ своей грамотѣ въ началѣ написать имя гетманова сына Юрія, чтобъ ему не было досадно; отецъ его государю билъ челомъ, чтобъ послѣ него гетманомъ быть сыну его, и царскаго величества на то изволенье есть» [2].

Самъ Выговскій давалъ знать о гетманствѣ Юрія Хмельницкаго; такъ онъ писалъ къ путивльскому воеводѣ Зюзину: «Если хочешь знать, кто теперь избранъ въ гетманы, то, я думаю, ты знаешь, какъ еще при жизни покойнаго гетмана вся старшина избрала сына его пана Юрія, который и теперь гетманомъ пребываетъ, а впередъ какъ будетъ, не знаю; тотчасъ послѣ похоронъ соберется рада изо всей старшины и *нѣкоторой* черни; что усовѣтуютъ на этой радѣ, не знаю. А я послѣ такихъ трудовъ великихъ радъ бы отдохнуть и никакого урядничества и начальства не желаю.» Къ Бутурлину въ Кіевъ писалъ Выговскій, что польскій посолъ Бѣнѣвскій присланъ къ нимъ для хитрости, чтобъ отлучить войско запорожское отъ высокой царской руки, но что такой неправдѣ въ войскѣ запорожскомъ мѣста нѣтъ, отъ царскаго величества оно во вѣки вѣковъ не отступитъ.

Зюзинъ, узнавъ изъ письма Выговскаго о радѣ, отправилъ подъячаго въ Чигиринъ посмотрѣть, что тамъ будетъ дѣлаться. Подъячій пріѣхалъ въ Чигиринъ 21 августа и тотчасъ же явился къ писарю. Выговскій говорилъ ему: «Царскому величеству я вѣренъ во всемъ, служу великому государю и войско запорожское держу въ крѣпости. Какъ гетмана Богдана похоронимъ, то у насъ будетъ рада о новомъ гетманѣ, а мнѣ Богданъ Хмельницкій, умирая, приказывалъ быть опекуномъ надъ сыномъ его, и я, помня приказъ, сына его не покину. Полковники, сотники и все войско запорожское говорятъ, чтобъ мнѣ быть гетманомъ, пока Юрій Хмельницкій въ возрастѣ и въ совершенномъ умѣ будетъ.» Августа 23 похоронили Богдана въ Субботовѣ; 26 была рада: вы-

брали гетманомъ Выговскаго, дали ему царскую булаву и говорили, чтобъ онъ великому государю служилъ вѣрно и надъ войскомъ запорожскимъ добрую управу чинилъ. Выговскій отвѣчалъ: «Эта булава доброму на ласку, а злому на каранье; потворствовать я никому не буду; войско запорожское безъ страха быть не можетъ.» Старшина козацкая, также войты и бурмистры говорили, чтобъ новый гетманъ прочелъ имъ всѣмъ вслухъ царскую жалованную грамоту, хотятъ они знать, на какихъ воляхъ пожалованы. Гетманъ прочелъ грамоту и всѣ закричали: «Ради великому государю служить вѣчно!» Подъячій привезъ Зюзину грамоту отъ новаго гетмана. Выговскій, теперь уже Іоаннъ, а не Иванъ, писалъ, что покойный Богданъ сына своего и все войско запорожское ему въ обереганье отдалъ, а теперь вся старшина и чернь старшинство надъ войскомъ ему же вручили, и онъ царскому величеству вѣрно служить будетъ. Бутурлину Выговскій писалъ: «Ни желанія, ни промысла, ни помышленія моего о томъ не было, чтобъ быть мнѣ старшимъ надъ войскомъ запорожскимъ; но, видно исполняя волю Божію, войско совѣтными голосами возложило на меня не столько урядъ, сколько тягость. Надѣюсь, что царское величество будетъ доволенъ моими услугами.»

Между тѣмъ, еще не зная о выборѣ Выговскаго, государь отправилъ въ Малороссію стольника Кикина объявить войску, что царское величество, извѣстившись еще отъ покойнаго Богдана о непріятельскихъ замыслахъ хана крымскаго, посылаетъ на помощь козакамъ войско свое подъ начальствомъ князя Григорія Григорьевича Ромодановскаго и Василія Борисовича Шереметева; сверхъ того, скоро явятся къ нимъ Алексѣй Никитичъ Трубецкой и Богданъ Матвѣевичъ Хитрово для рады. Мы видѣли, что говорилъ Тетеря о жалованьѣ козакамъ и какъ проговорился онъ, что нѣкоторые будутъ желать непосредственнаго подчиненія Малороссіи царю. Въ Москвѣ не проронили этихъ словъ, и Кикину велѣно было говорить рядовымъ козакамъ: давали ли имъ при гетманѣ Богданѣ во время походовъ жалованье? и если скажутъ, что не давали, внушить, что гетманъ дѣлалъ это безъ воли государя, который назначилъ имъ на жалованье сборъ съ городовъ и повѣтовъ малороссійскихъ, и теперь все это велѣлъ разсмотрѣть и указъ учинить князю Трубецкому. Кикинъ долженъ былъ

также говорить съ войтами, бурмистрами и мѣщанами наединѣ, что гетмана не стало, а на города малороссійскіе наступили непріятели, крымскій ханъ и Ляхи, да у нихъ же между собою учинилось смятеніе; царское величество для ихъ обороны послалъ войско, а для своихъ государевыхъ дѣлъ князя Трубецкаго съ товарищами: такъ они бы ничѣмъ не оскорблялись. А если станутъ говорить: хорошо было бы, еслибъ великій государь для всякихъ непріятельскихъ приходовъ и расправныхъ дѣлъ изволилъ быть у нихъ въ городахъ своимъ воеводамъ, то отвѣчать, что всѣ эти дѣла положены на князя Трубецкаго. А если про воеводъ и не начнутъ говорить, то Кикину самому начать, чтобъ государевымъ воеводамъ быть въ черкасскихъ знатныхъ городахъ для того, чтобъ тамошнимъ жильцамъ отъ полковниковъ и другихъ людей обидъ и налоговъ не было.» Кикинъ долженъ былъ вездѣ развѣдывать: кто у Черкасъ начальный человѣкъ, кого больше слушаютъ и кого хотятъ избрать въ гетманы, Юрія ли Хмельницкаго, или кого другаго, и нѣтъ ли теперь между Черкасами на полковниковъ какого рокошу, и если есть—за что? и чего между ними чаять? и захотятъ ли, чтобъ въ городахъ были государевы воеводы? [3]

Въ Украйнѣ дѣйствительно начинался рокошъ, но шелъ онъ не снизу, а сверху. Присоединеніе къ Москвѣ было дѣломъ народнаго большинства, и большинство это до сихъ поръ не имѣло никакой причины раскаяться въ своемъ дѣлѣ. Другой взглядъ былъ у меньшинства, находившагося на верху: для этого меньшинства, для войсковой старшины и особенно для шляхты соединеніе съ шляхетскимъ государствомъ, съ Польшею, имѣло болѣе прелести. Представителемъ этого меньшинства былъ именно шляхтичъ Выговскій, сдѣлавшійся теперь, *по избранію меньшинства*, гетманомъ. Уже и Богдану, привыкшему, во время борьбы съ Польшею, распоряжаться произвольно, тяжело было подчиненіе московскому государству, столь ревнивому къ правамъ своимъ; уже Богдану тяжело было извертываться предъ послами великаго государя, требовавшими неуклоннаго исполненія обязательствъ. Но стараго Богдана, за его славу и заслугу, щадили въ Москвѣ: будутъ ли щадить Выговскаго? Послѣдній имѣлъ основанія рѣшать этотъ вопросъ отрицательно и давно уже устремлялъ свои взоры на западъ, къ шляхетскому государству, гдѣ

сулили ему блестящее, независимое положеніе, сенаторство. Многіе изъ старшинъ, прельщенные тѣми же выгодами, были на сторонѣ Выговскаго. Но прямо, немедленно объявить себя противъ Москвы и соединиться съ Польшею было нельзя: Польша была слаба, не оправилась еще отъ тяжелыхъ ударовъ, нанесенныхъ ей Москвою и Швеціею, не могла она собственными силами защитить Выговскаго и товарищей его отъ мщенія царскаго; притомъ же войско и народъ были противъ подданства Польшѣ; надобно было сначала хитрить и опереться на какой-нибудь другой союзъ, дѣйствительнѣе польскаго, и Выговскій обратился къ хану крымскому, союзъ съ которымъ такъ много помогъ Хмельницкому въ началѣ борьбы его съ Польшею. Мы видѣли, какой сильный гнѣвъ возбудило въ Крыму извѣстіе о подданствѣ Малороссіи московскому царю. Явно помогая польскому королю противъ козаковъ, подданныхъ царскихъ, ханъ не прерывалъ сношеній съ Москвою, бралъ подарки попрежнему, мѣнялся послами, но послы его твердили: «Царское величество велѣлъ бы донскихъ козаковъ унять, чтобъ они крымскому юрту убытковъ не чинили и на море не ходили; а если царь донскихъ козаковъ унять не велитъ и станутъ отказывать попрежнему, будто донскіе козаки у него, государя, въ непослушаньи, то у хана есть въ степи ногайскихъ Татаръ, вольныхъ людей не мало, и они также московскому государству убытки чинить станутъ. Царское величество въ титулѣ своемъ пишетъ Великую и Малую Русь: у крымскаго хана Малая Русь была подъ рукою лѣтъ съ 7 или 8, но ханъ Малою Русью не писался, а нынѣ Богъ вѣдаетъ, за кѣмъ та Малая Русь будетъ. Прежде съ крымскими послами и гонцами хаживали многіе люди, а послѣ это отговорено, и ходятъ теперь съ послами немногіе люди: чтобъ царское величество указалъ и теперь людямъ ходить попрежнему.» Ханъ писалъ царю: «Въ вашей грамотѣ написано не попрежнему: восточной и западной и сѣверной страны отчичь и дѣдичь, наслѣдникъ и обладатель. Такихъ непристойныхъ титуловъ предки ваши не писывали: гдѣ Москва? гдѣ востокъ? гдѣ западъ? между востокомъ и западомъ мало ли великихъ государей и государствъ? можно было это знать и не писаться всей вселенной отчичемъ, дѣдичемъ и обладателемъ; такъ лживо и непристойно писать непригоже!» Когда послы Выговскаго явились въ Крымъ съ объявленіемъ, что новый гетманъ

откладывается отъ царя московскаго, то ханъ не зналъ. вѣрить или не вѣрить такой радости; ближній человѣкъ его Сефергазы-ага въ разговорѣ съ московскимъ посланникомъ Якушкинымъ сказалъ: «Писарь Иванъ Выговскій, узнавъ, что ханъ Магметъ-Гирей сбирается идти на запорожскихъ Черкасъ войною за ихъ воровство и грубость, присылалъ въ Крымъ гонцовъ своихъ сказать, что онъ, писарь, сдѣлался гетманомъ и у московскаго государя въ подданствѣ быть не хочетъ, хочетъ быть въ подданствѣ у Магметъ-Гирея; но ханъ его словамъ не вѣритъ, потому что Черкасы люди непостоянные». Якушкинъ возражалъ, что Сефергазы-ага напрасно называетъ Черкасъ ворами, воровства ихъ нигдѣ не бывало. Но, сдѣлавъ это возраженіе, Якушкинъ не оставилъ однако безъ вниманія словъ Сефергазы-аги и освѣдомился у преданнаго Москвѣ князя Маметши-Сулешова, зачѣмъ пріѣзжали гонцы отъ Выговскаго? Сулешовъ разсказалъ все подробно: гонцы пріѣзжали съ предложеніемъ союза, какой былъ у козаковъ съ Крымцами при Богданѣ Хмельницкомъ; Выговскій просилъ, чтобъ, по заключеніи союза, ханъ шелъ вмѣстѣ съ нимъ разорять Запорожье, потому что московскій царь посылаетъ Запорожцамъ жалованье и наущаетъ ихъ на него, Выговскаго. Ханъ отправилъ къ Выговскому князя Караша для заключенія союза, и Выговскій объявилъ посланному настоящую причину, по которой онъ отложился отъ Москвы: московскій государь посылаетъ къ нимъ въ черкасскіе города воеводъ, а онъ, гетманъ, у воеводъ подъ началомъ быть не хочетъ, хочетъ черкасскими городами владѣть самъ, какъ владѣлъ ими Богданъ Хмельницкій. Вслѣдствіе этого ханъ велѣлъ объявить Якушкину, что онъ готовъ дать шертную грамоту, но такую, какія давались царю Михаилу Ѳеодоровичу, безъ упоминовенія о Черкасахъ, потому что запорожскіе Черкасы люди вольные, на мѣрѣ еще не стали и у царскаго величества еще не утвердились. Такой шерти московскій царь не могъ принять, и если ханъ заключалъ союзъ съ измѣнившими царю козаками малороссійскими, то въ Москвѣ, разумѣется, не имѣли болѣе побужденій удерживать донскихъ козаковъ отъ войны съ бусурманами. Еще въ маѣ 1657 года Донцы писали царю: «Въ твоихъ государевыхъ грамотахъ къ намъ писано, чтобъ намъ съ турскимъ и съ крымскимъ ханомъ никакого задора не чинить: и мы твоего царскаго повелѣнья не преслушались, съ Азовцами

помирились. Но они души свои потѣснили, въ миру и въ правдѣ своей не устояли, твою вотчину, Черкасскій городокъ, у насъ хотѣли за миромъ и за душами взять, приходили къ намъ на приступъ съ приметомъ и мы долгое время отъ нихъ въ осадѣ сидѣли и отсидѣлись, а приходили къ намъ отъ хана крымскаго многіе мурзы съ Таманцами, Черкесами горскими, Кабардинцами, Малыми Ногаями, Темрюцкими и Азовцами; да и теперь слухи приходятъ, что ханъ хочетъ быть къ намъ самъ со многими умыслами и на похвальбѣ, хочетъ твою вотчину запустошить, столповую рѣку Донъ и верхніе городки». Донцы не остались въ долгу, и лѣтомъ того же года посланники царскіе въ Крыму были свидѣтелями, какъ они вошли въ устье Алмы, чтобъ запастись водою, бились съ Татарами, которые не хотѣли давать имъ воды, жгли деревни. Татары были въ ужасѣ, тѣмъ болѣе, что ханъ ушелъ въ походъ; они ежечасно ждали новаго нападенія козаковъ, покопали глубокія ямы и на ночь сажали туда невольниковъ, ямы закладывали досками и сами спали на этихъ доскахъ, боясь, чтобъ невольники не убѣжали къ козакамъ. Осенью Донцы писали царю, что уже цѣлый годъ не пріѣзжаютъ къ нимъ торговые люди изъ украйныхъ городовъ, изъ Ельца, Воронежа, Бѣлгорода и Валуекъ, хлѣбныхъ запасовъ, пороху и свинцу купить негдѣ, помираютъ голодною смертію. «А мы, холопи твои, служимъ тебѣ съ воды да съ травы, а не съ помѣстій и не съ вотчинъ». Въ мартѣ 1658 года великій государь пожаловалъ, велѣлъ послать къ нимъ тысячу рублей денегъ, тысячу рублей за хлѣбные запасы, пушечныхъ запасовъ тридцать пудъ, зелья пушечнаго пятьдесятъ пудъ. У Донцовъ окончательно развязались руки [4].

Между тѣмъ положеніе новаго гетмана малороссійскаго далеко не было завиднымъ: онъ былъ избранникъ меньшинства и похититель въ глазахъ огромнаго большинства козаковъ, для которыхъ законнымъ гетманомъ могъ быть только выбранный вольными голосами на общей радѣ, а Выговскій не могъ надѣяться такого избранія: за молодымъ Хмельницкимъ было знаменитое имя, дорогое козачеству; минуя Хмельницкаго, были полковники, выдававшіеся впередъ заслугами войсковыми, а Выговскій былъ писарь—званіе, не пользовавшееся особеннымъ уваженіемъ въ воинственной толпѣ; кромѣ того, Выговскій даже не былъ козакъ и,

чтò всего хуже для козака, былъ шляхтичъ. Попытка Выговскаго и его приверженцевъ поднять въ козакахъ неудовольствіе противъ Москвы не удалась. Григорій Лесницкій, пріѣхавши по смерти Богдана изъ Чигирина въ Миргородъ, собралъ раду на своемъ полковничьемъ дворѣ, собралъ сотниковъ и атамановъ и говорилъ имъ: «Присылаетъ царь московскій къ намъ воеводу Трубецкаго, чтобъ войска запорожскаго было только 10,000, да и тѣ должны жить въ Запорожьѣ. Пишетъ царь крымскій очень ласково къ намъ, чтобъ ему поддались; лучше поддаться крымскому царю: московскій царь всѣхъ васъ драгунами и невольниками вѣчными сдѣлаетъ, женъ и дѣтей вашихъ въ лаптяхъ лычныхъ водить станетъ, а царь крымскій въ атласѣ, аксамитѣ и сапогахъ турецкихъ водить будетъ.» Сотники и атаманы отказали, что бусурману не хотятъ поддаваться. Тотъ же Лесницкій прислалъ грамоту въ Константиновъ: «Были мы въ подданствѣ у его царскаго величества на своихъ воляхъ по смерть гетмана Богдана Хмельницкаго; а теперь идутъ къ намъ воеводы Трубецкой и Ромодановскій съ войскомъ и вы должны будете давать имъ кормы и всякую живность; по нашимъ городамъ хотятъ посадить царскихъ воеводъ и живность имъ давать, а которыя подати брали на короля и на пановъ, и тѣ подати будутъ брать на государя; войску быть въ Запорогахъ всего десяти тысячамъ: остальные будутъ или мѣщане, или хлопы, а кто не хочетъ быть мѣщаниномъ, тому быть въ драгунахъ.» Вслѣдъ за этою грамотою Лесницкій прислалъ другую *лукавствомъ,* отводя чернь отъ шатости, чтобъ прежнею грамотою не тревожились. Самъ Выговскій, пріѣхавъ въ Корсунь, созвалъ 11 октября полковниковъ, отдалъ имъ булаву и сказалъ: «Не хочу быть у васъ гетманомъ: царь прежнія вольности у насъ отнимаетъ, и я въ неволѣ быть не хочу». Полковники отдали ему назадъ булаву и говорили, чтобъ былъ у нихъ гетманомъ: «За вольности будемъ стоять всѣ вмѣстѣ,» говорили они, и приговорили послать къ государю бить челомъ, чтобъ все было по старому. Выговскій взялъ булаву и, поднявъ ее, говорилъ: «Вы, полковники, должны мнѣ присягать, а я государю не присягалъ, присягалъ Хмельницкій.» Тутъ отозвался полтавскій полковникъ Мартынъ Пушкарь: «Все войско запорожское присягало великому государю, а ты чему присягалъ: саблѣ или пищали?» Выговскій вынулъ изъ кармана московскія

мѣдныя деньги, бросилъ по столу и сказалъ: «Хочетъ намъ царь московскій давать жалованье мѣдными деньгами; но что это за деньги, какъ ихъ брать?» Отвѣчалъ тотъ же Пушкарь: «Хотя бы великій государь изволилъ нарѣзать бумажныхъ денегъ и прислать, а на нихъ будетъ великаго государя имя, то я радъ его государево жалованье принимать» [5].

Надобно было хитрить съ Москвою. Отсюда въ сентябрѣ явился любимецъ государевъ Матвѣевъ съ выговоромъ генеральному писарю и старшинамъ, зачѣмъ не увѣдомили великаго государя о кончинѣ гетмана Хмельницкаго, и съ приказаніемъ отправить козацкое посольство въ Стокгольмъ для склоненія Шведовъ къ миру. Выговскій оправдывался: въ самый день смерти гетмана приказалъ было онъ тремъ гонцамъ ѣхать въ Москву съ этою вѣстію; но начальные люди стали волноваться и говорить, будто онъ, желая получить гетманство, посылаетъ своихъ людей отъ себя, а не отъ войска запорожскаго; это и заставило его дать знать о гетманской смерти кіевскому воеводѣ Андрею Васильевичу Бутурлину и князю Григорію Григорьевичу Ромодановскому. Въ Швецію обѣщалъ писать, чтобъ король не надѣялся на запорожское войско, которое будетъ дѣйствовать противъ него, если онъ не помирится съ Москвою. Выговскій говорилъ съ Матвѣевымъ только какъ писарь, но Матвѣевъ же привезъ царю извѣстіе, что Выговскій избранъ въ гетманы, и 18 октября государь отправилъ къ Выговскому, уже какъ къ гетману, стряпчаго Рагозина съ извѣстіемъ о рожденіи царевны Софіи Алексѣевны. Вездѣ по дорогѣ простые козаки разсказывали Рагозину, что Грицка Лесницкій отводилъ ихъ отъ государя, но что они и мѣщане не согласились; разсказывали, что Запорожье шатается. Выговскій говорилъ Рагозину: «Изъ Запорожья поѣхали воры бить челомъ царскому величеству: такъ великій государь изволилъ бы держать ихъ у себя, или бы пожаловалъ, ко мнѣ изволилъ прислать, чтобъ впередъ ссоры не было; они себѣ выбрали другаго гетмана. Если великій государь отпуститъ ихъ въ Запороги, то у меня для нихъ поставлены заставы по всѣмъ дорогамъ, чтобъ ихъ переловить. Да я же не велю къ нимъ торговыхъ людей съ запасами пропускать и имъ будетъ ѣсть нечего». При Рагозинѣ пріѣхали изъ Запорожья козаки съ листомъ къ гетману, били челомъ, чтобъ онъ въ Запороги не ходилъ и ни-

кого не посылалъ, потому что воры заводчики бунтовщики всѣ разбѣжались; посланцы били челомъ, чтобъ гетманъ велѣлъ пропускать къ нимъ торговыхъ людей съ запасами. Выговскій отвѣчалъ имъ: «Когда пришлютъ ко мнѣ Барабашенка, то я войска на нихъ не пошлю и торговыхъ людей велю пропускать». И на возвратномъ пути козаки повторяли Рагозину: «Мы всѣ ради быть подъ государевою рукою, да лихо наши старшіе, не станутъ на мѣрѣ, мятутся, только чернь вся рада быть за великимъ государемъ.» Въ Лубнахъ наказный войтъ Котляръ говорилъ посланнику: «Мы всѣ были рады, когда намъ сказали, что будутъ царскіе бояре и воеводы и ратные люди; мы, мѣщане, съ козаками и чернью заодно. Будетъ у насъ въ Николинъ день ярмарка, и мы станемъ совѣтоваться, чтобъ послать къ великому государю бить челомъ, чтобъ у насъ были воеводы.»

Но въ то время, какъ Рагозинъ ѣхалъ въ Чигиринъ, въ Москву пріѣхали козацкіе посланники—есаулъ Миневскій и сотникъ Коробка съ извѣстіемъ, что Выговскій избранъ въ гетманы, и съ просьбою отъ всего войска запорожскаго, чтобъ великій государь утвердилъ избраннаго и далъ ему такую же грамоту, какъ и Хмельницкому. Посланцы разсказывали: «Въ войскѣ и въ городахъ все тихо, посылокъ ссорныхъ отъ польскихъ людей не слыхали и шалости у насъ ни отъ кого нѣтъ, хотятъ всѣ единодушно быть въ подданствѣ вѣчномъ у великаго государя. Учинилъ было бунтъ Лесницкій, внушалъ людямъ, будто государь велѣлъ посажать по малороссійскимъ городамъ воеводъ и вольности козацкія велѣлъ поломать. Но гетманъ Иванъ Выговскій, послыша то, козаковъ разговорилъ, чтобъ они этому не вѣрили, на полковника Грицка гнѣвается и ни въ какую раду пускать его не велѣлъ, и когда Ивана Выговскаго выбирали въ гетманы, въ то время Грицка въ раду не пускали. Какъ великій государь гетмана пожалуетъ, прежнія привилеи велитъ подтвердить, то гетманъ полковника Грицка перемѣнитъ. Бунтуетъ въ Запорогахъ козакъ Барабашенокъ съ своевольниками гультяями и хочетъ учинить въ Запорожьѣ армату, такую же, какая въ войскѣ при гетманѣ; а всему этому заводчикъ Грицка Лесницкій, потому что хотѣлъ на гетманство, и какъ по его мысли не сталось, то онъ въ своемъ полку многія смутныя рѣчи вмѣщалъ; прошлаго года, какъ ходило войско запорожское противъ Татаръ, наказнымъ гет-

маномъ былъ Грицка; Хмельницкій далъ ему булаву и бунчукъ, и какъ гетмана Богдана не стало, то Грицка булавы и бунчука отдать не хотѣлъ; Иванъ Выговскій посылалъ для того къ нему гетманова сына Юрія, но Грицка и ему булавы и бунчука не отдалъ, держалъ ихъ у себя цѣлую недѣлю, такъ что полковники, собравшись, должны были брать ихъ у него силою. Такъ теперь Грицка, злясь на гетмана Выговскаго и на полковниковъ, бунтъ и заводитъ.»

Посланцамъ замѣтили, что на челобитной, ими привезенной, нѣтъ рукъ челобитчиковъ, ни обознаго, ни судьи, ни полковниковъ. Спросили: при избраніи Выговскаго много ли полковниковъ, сотниковъ и черни было? и Запорожцы были ли, и не было ли отъ нихъ рокоша? Посланцы отвѣчали: «На первой радѣ въ Чигиринѣ были полковники и чернь немногіе; запорожскіе козаки были и рокошу отъ нихъ никакого не было. А какъ была другая рада въ Корсуни, то на ней были полковники и козаки всѣхъ полковъ, со всякимъ сотникомъ было черни человѣкъ по 20. На этой радѣ гетманъ Иванъ Выговскій клалъ булаву и бунчукъ и говорилъ войску, чтобъ они гетмана выбрали, кого себѣ излюбятъ, и изъ рады поѣхалъ было вонъ, но войско, догнавъ его, упросило, чтобъ онъ былъ гетманомъ, и булаву и бунчукъ ему дали. Изъ Запорогъ на этой радѣ козаковъ не было потому: еслибы за ними посылать, то въ этомъ прошло бы недѣли три или четыре; да и посылать за ними было не для чего, потому что въ Запорогахъ живутъ наши же братья козаки, переходятъ изъ городовъ для промысловъ, и иной который пропьется или проиграется, а жены ихъ и дѣти живутъ всѣ по городамъ; а присылали на эту другую раду запорожскіе козаки съ листомъ о войсковомъ дѣлѣ.»

Но бояръ не удовлетворяли эти разсказы; смущали ихъ названія: *войско запорожское, гетманъ войска запорожскаго,* а между тѣмъ гетманскіе посланцы съ такимъ пренебреженіемъ отзывались о Запорожьѣ! Посланцамъ даны были еще вопросы: гетманы въ Запорожьѣ ли живали, или въ городахъ, и откуда гетмановъ выбирали, и гетманъ Богданъ Хмельницкій откуда выбранъ? Посланцы отвѣчали: «Прежде гетманы и войско больше живали въ Запорогахъ, потому что въ то время были у нихъ добычи, ходили челнами на море, а теперь имъ на море ходить уже нельзя. Гет-

манъ Богданъ Хмельницкій выбранъ былъ въ Запорогахъ же и самъ онъ былъ Запорожанинъ.» Посланцевъ спросили: не чаютъ ли они впередъ отъ Запорожья бунта, потому что Запорожцевъ на второй радѣ не было? «Бунта не ждемъ,» отвѣчали посланцы: «потому что Выговскаго выбрали всѣмъ войскомъ; но лучше было бы сдѣлать такъ: пусть великій государь пошлетъ въ войско кого ему угодно, тотъ посланный соберетъ всѣхъ полковниковъ, сотниковъ, чернь городовую и изъ Запорожья, учинитъ раду большую вновь, и кого на этой радѣ въ гетманы выберутъ, тотъ бы уже былъ проченъ и царскому величеству присягу далъ; да и гетманъ Иванъ Выговскій желаетъ того же, потому что уже тогда онъ никого бояться не станетъ, въ войскѣ и въ черни никакой смуты не будетъ; если же выберутъ кого-нибудь другаго, то онъ, Иванъ, этимъ не оскорбится.» Гдѣ же лучше собрать раду? спросили ихъ. «Всего лучше въ Переяславлѣ,» отвѣчали они: «потому что мѣсто людное и всѣмъ людямъ съѣздъ близокъ.» Посланцы были отпущены съ грамотою, въ которой государь писалъ войску, что для утвержденія новоизбраннаго гетмана посылаетъ окольничаго Богдана Матвѣевича Хитрово.

Мы видѣли, какія мѣры принималъ Выговскій, чтобъ не пропустить посланцевъ изъ Запорожья въ Москву; онъ забѣжалъ къ Морозову, къ которому писалъ: «Просимъ твоей милости, изволь предъ его царскимъ величествомъ за насъ ходатаемъ быть, чтобъ великій государь своевольникамъ, о вѣрѣ и прямой службѣ нерадящимъ, не изволилъ вѣрить, чтобъ посланцевъ ихъ покаралъ, потому что эти своевольники о вѣрѣ не радѣютъ, о службѣ царской не думаютъ, женъ, дѣтей, пожитковъ и доходовъ никакихъ не имѣютъ, только на чужое добро дерзаютъ, чтобъ было имъ на что пить, зернью играть и другія Богу и людямъ мерзкія безчинства творить; а мы за вѣру православную и за достоинство царскаго величества при женахъ, дѣтяхъ и маетностяхъ нашихъ всегда умереть готовы.»

Страшные Зопорожцы однако пробрались мимо всѣхъ заставъ Выговскаго, въ ноябрѣ явились въ Москвѣ, били челомъ отъ кошеваго атамана Якова Ѳедоровича Барабаша и объявили: «Хотя по сіе время все войско запорожское и вся чернь, городовая и запорожская, великія обиды и притѣсненія терпятъ отъ гетмана городоваго и отъ всѣхъ полковниковъ и другихъ начальныхъ лю-

дей въ городахъ, однако они молчали до вашего царскаго указа. Но теперь все войско запорожское увидало отъ городовыхъ старшинъ противъ вашего царскаго величества великую измѣну; чернь войска запорожскаго узнала подлинно, что еще при жизни Богдана Хмельницкаго вся старшина, гетманъ и всѣ полковники присягу учинили невѣдомо для чего съ княземъ Седмиградскимъ Рагоци, съ королемъ шведскимъ, съ воеводами молдавскимъ и волошскимъ, и къ царю крымскому посылаютъ грамоты: все это измѣны вашему царскому величеству! Чернь войска запорожскаго на это не произволяетъ и никакой измѣны дѣлать не хочетъ; изъ городовъ къ намъ на Запорожье бѣгутъ и сказываютъ, что старшіе городовые отъ вашего царскаго величества отступили.» Посланцевъ спросили: «Какія обиды гетманъ имъ дѣлаетъ?» Они отвѣчали: «Рыбы въ рѣчкахъ ловить не велитъ и вина на продажу держать; отдаютъ все это на аренду, а всѣ поборы сбираетъ гетманъ себѣ, въ войско ничего не даетъ, говоритъ, будто казну держитъ на посольскіе расходы; но пословъ принимаетъ и отпускаетъ онъ безъ указу, чего не довелось дѣлать, при польскихъ короляхъ гетманы этого не дѣлывали.» Спросили: чего же Запорожцы хотятъ теперь? Посланцы отвѣчали: «Хотимъ, чтобъ посланъ былъ въ войско ближній человѣкъ и собралъ раду; на этой радѣ выбирать въ гетманы, кого всѣмъ войскомъ излюбятъ.» Спросили: «Гдѣ раду собрать, въ Кіевѣ?» Козаки отвѣчали: «Въ Кіевѣ изъ Запорожья собираться далеко; лучше радѣ быть подъ городомъ Лубнами, на урочищѣ Соляницѣ: это мѣсто середина.» Потомъ стали говорить, чтобъ быть радѣ въ Запорожьѣ, потому что и прежніе гетманы выбирались изъ Запорогъ, тутъ у нихъ столица запорожская. Имъ отвѣчали: «Несхожее дѣло, что радѣ быть въ Запорожьѣ, мѣсто дальнее и отъ непріятелей опасно; лучше быть радѣ въ Кіевѣ, потому что тутъ столица Малой Россіи, въ Кіевѣ духовныя власти и всякіе урядники; также и въ Лубнахъ радѣ быть непристойно, мѣсто малое, да и гетманъ Выговскій, опасаясь ихъ, туда на раду не поѣдетъ.» Но посланцы настаивали на Лубнахъ. Послѣ этого разговора у нихъ спросили: «Когда умеръ Хмельницкій, то у черни на Выговскаго и полковниковъ была молва и говорили: лучше, еслибъ были у нихъ въ городахъ царскіе воеводы; такъ теперь вамъ надобно ли, чтобъ въ знатныхъ городахъ были воеводы и городовыя всякія дѣла вѣдали, а

полковники вѣдали бы только войсковыя дѣла?» Посланцы отвѣчали: «Объ этомъ мы давно у царскаго величества милости просить хотѣли, вся чернь и мѣщане тому рады, да не допускаютъ до того полковники для своей корысти.» Насчетъ Выговскаго посланцы сказали: «Выговскаго мы гетманомъ отнюдь не хотимъ и не вѣримъ ему ни въ чемъ, потому что онъ не природный запорожскій козакъ, а взятъ изъ польскаго войска на бою при Желтыхъ Водахъ; Богданъ подарилъ ему жизнь и сдѣлалъ писаремъ; но онъ, по своей природѣ, войску никакого добра не хочетъ; да у него и жена шляхтянка изъ знатнаго дома, и та потому же войску запорожскому добра не хочетъ.» Государь отпустилъ и этихъ посланцевъ съ тѣмъ, что высылаетъ окольничаго Хитрово на раду, которая будетъ въ Переяславлѣ.

Такъ ясно высказались въ Малороссіи двѣ враждебныя стороны: сторона старшины и сторона черни, представителемъ которой было Запорожье, наполненное людьми безъ семейства и собственности, какъ писалъ Выговскій. Борьба этихъ сторонъ, неумѣнье соединиться въ общихъ интересахъ страны уже готовили Малороссіи судьбу Новгорода Великаго; Москва съ своимъ началомъ уравненія была тутъ и съ своимъ обычнымъ постоянствомъ при всякомъ удобномъ случаѣ задавала вопросъ: «Ссоритесь, обижаете другъ друга: не хотите ли воеводъ его царскаго величества?» И мы видѣли, что въ Малороссіи шли навстрѣчу этому вопросу: посланцы запорожскіе, войтъ Лубенскій просили воеводъ; о томъ же писалъ къ Ртищеву нѣжинскій протопопъ Максимъ Филимоновъ: «Изволь, милостивый панъ, совѣтовать царю, чтобъ не откладывая взялъ здѣшніе края и города черкасскіе на себя и своихъ воеводъ поставилъ, потому что всѣ желаютъ, вся чернь рада имѣть одного подлиннаго государя, чтобъ было на кого надѣяться; двухъ вещей только боятся: чтобъ ихъ отсюда въ Москву не гнали, да чтобъ обычаевъ здѣшнихъ церковныхъ и мірскихъ не перемѣняли. Мы ихъ обнадеживаемъ, что царь этого не желаетъ, желаетъ только вѣры и правды нашей. Мы всѣ желаемъ и просимъ, чтобъ былъ у насъ одинъ Господь на небѣ и одинъ царь на землѣ. Противятся этому нѣкоторые старшіе для своей прибыли: возлюбивши власть, не хотятъ ея отступиться; пугаютъ народъ, что какъ скоро царь и Москва возьмутъ его въ свои руки, то нельзя будетъ крестьянамъ въ сапо-

гахъ и въ суконныхъ кафтанахъ ходить, въ Сибирь или на Москву будутъ загнаны; для того царь и поповъ своихъ пошлетъ, а нашихъ туда же погонятъ. Слышимъ, что долженъ придти сюда князь Трубецкой: пусть приходитъ, чтобъ скорѣе конецъ былъ съ панами нашими начальными.»

Между тѣмъ уже семь недѣль стоялъ въ Переяславлѣ съ войскомъ князь Григорій Григорьевичъ Ромодановскій, дожидаясь гетмана, чтобъ условиться съ нимъ о военныхъ дѣйствіяхъ. 25 октября пріѣхалъ въ Переяславль Выговскій; московскій воевода встрѣтилъ его упреками: «И покойный Хмельницкій и ты писали государю, что на васъ наступилъ ханъ крымскій вмѣстѣ съ Поляками, и просили помощи; я, по государеву указу, поспѣшилъ къ вамъ изъ Бѣлгорода, вотъ уже семь недѣль стою въ Переяславлѣ, нѣсколько разъ писалъ къ тебѣ, чтобъ ты сюда пріѣхалъ, и ты только теперь явился, а между тѣмъ царскаго величества ратнымъ людямъ запасовъ и конскихъ кормовъ не давали, и много ратныхъ людей отъ этого разбѣжалось, лошади отъ безкормщицы попадали, и если вы запасовъ давать не будете, то мнѣ велѣно отступить въ Бѣлгородъ.» Выговскій отвѣчалъ: «Мы за царскую премногую милость челомъ бьемъ, приходу твоему ради, виноваты, что по сіе время ратнымъ людямъ запасовъ было скудно: послѣ Богдана Хмельницкаго я на гетманствѣ не утверждался долгое время, до корсунской рады, многіе мнѣ были непослушны, а теперь царскаго величества ратнымъ людямъ дворы и запасы будутъ нескудные. Непріятели Ляхи всѣ въ сборѣ, и Татаръ 20.000 наготовѣ, ждутъ, чтобъ между нами въ войскѣ запорожскомъ смута и рознь какая-нибудь началась или чтобъ государевы ратные люди отступили: тогда они на черкасскіе города и придутъ. Если ты съ войскомъ своимъ отступишь и отъ того кровь христіанская прольется, то буди царская воля: но на комъ великій государь изволитъ за это взыскать? Послѣ Богдана Хмельницкаго во многихъ черкасскихъ городахъ мятежи и шатости и бунты были, а какъ ты съ войскомъ пришелъ—и все утихло. А въ Запорожьѣ и теперь мятежъ великій, старшинъ своихъ хотятъ побить и поддаться крымскому хану. Я иду ихъ усмирить, а ты, князь Григорій Григорьевичъ, перейди съ своимъ войскомъ за Днѣпръ и стой за Днѣпромъ противъ непріятелей Ляховъ и Татаръ; черкасскаго войска будетъ съ тобою нѣсколько полковъ,

а я, управясь съ бунтовщиками, буду къ тебѣ за Днѣпръ тотчасъ же. Бунтовщики многіе говорятъ, будто мы царскому величеству служимъ не вѣрно: но мы живымъ Богомъ обѣщаемся, клянемся небомъ и землею, не покажи Господь на насъ милости, если мы какую-нибудь неправду мыслили или впередъ будемъ мыслить.» Ромодановскій сказалъ на это: «Безъ повелѣнья царскаго за Днѣпръ не пойду, стану писать объ этомъ къ великому государю.»

Выговскому очень хотѣлось удалить Ромодановскаго съ царскимъ войскомъ за Днѣпръ на польскія границы; но въ Москвѣ, слыша безпрестанно и отъ Выговскаго и отъ враговъ его о волненіяхъ и вредныхъ замыслахъ, хотѣли стать крѣпкою ногою въ черкасскихъ городахъ, ввести туда воеводъ. Хитрово, пріѣхавъ въ Переяславль для рады, прежде всего началъ говорить гетману о воеводахъ, чѣмъ, разумѣется, заставлялъ его и приверженцевъ его торопиться дѣломъ отпаденія. «Великій государь,» началъ Хитрово: «велѣлъ тебѣ, гетману, и всему войску запорожскому говорить вслухъ: когда вы были подъ властію королей польскихъ, въ то время въ городахъ никакихъ крѣпостей дѣлать вамъ не позволялось, и когда вы учинились подъ государёвою рукою, то непріятели ваши, Ляхи и крымскіе Татары, многіе города и мѣста въ Малой Россіи запустошили. Великій государь, видя на васъ непріятельскія нахожденія, оборонялъ васъ своими ратными людьми, а въ Кіевѣ велѣлъ устроить городъ крѣпкій. Вы и сами такую царскую милость выславляете. Такъ великій государь, желая, чтобъ войско запорожское было отъ непріятельскихъ безвѣстныхъ приходовъ въ безстрашіи, изволилъ въ знатныхъ городахъ малороссійскихъ, Черниговѣ, Нѣжинѣ, Переяславлѣ и другихъ, быть своимъ воеводамъ и ратнымъ людямъ и крѣпить эти города; полковники будутъ вѣдать козаковъ и расправу между ними по войсковому праву чинить, а въ городахъ мѣщанъ будутъ вѣдать войты и бурмистры по ихъ правамъ, а воеводы станутъ вѣдать осадныхъ людей, судить и расправу чинить по вашимъ правамъ; поборы подымные и съ арендъ сбирать въ войсковую казну и давать на войско запорожское, какъ на службу пойдетъ, и осаднымъ ратнымъ людямъ, которые будутъ при царскихъ воеводахъ.» Выговскій, чтобъ оттянуть страшное дѣло, отвѣчалъ письменно: «Мы постановили быть воеводамъ въ городахъ Малой Рос-

сіи, а въ какихъ городахъ имъ быть, объ этомъ доложу вашему царскому величеству, когда, Богъ дастъ, увижу ваши пресвѣтлыя очи.» Потомъ Хитрово говорилъ, что Старый Быховъ сдался на царское имя, а залога (гарнизонъ) въ немъ козацкая: такъ пусть гетманъ прикажетъ козакамъ выйти изъ Быхова, потому что этотъ городъ издавна принадлежитъ къ Оршанскому повѣту. На это Выговскій отвѣчалъ, что готовъ исполнить царскую волю. Хитрово повторилъ также старую жалобу на пріемъ бѣглыхъ крестьянъ: отъ помѣщиковъ и вотчинниковъ брянскихъ, корачевскихъ и путивльскихъ бѣгутъ крестьяне толпами въ черкасскіе города, Новгородъ Сѣверскій, Стародубъ, Почепъ, и, приходя изъ этихъ городовъ къ старымъ своимъ помѣщикамъ и вотчинникамъ, женъ и дѣтей ихъ бьютъ, грабятъ и въ избахъ заваливаютъ, людей ихъ и крестьянъ съ собою вывозятъ со всѣмъ имѣніемъ. Гетманъ обѣщалъ розыскать и карать полковниковъ, виновныхъ въ пріемѣ крестьянъ. Наконецъ Хитрово сдѣлалъ Выговскому слѣдующій упрекъ: «Гетманъ Богданъ Хмельницкій въ грамотахъ къ царскому величеству писался вѣрнымъ слугою и подданнымъ, а ты теперь Иванъ написался вольнымъ подданнымъ: и такъ тебѣ къ царскому величеству писать не годилось.»

Кромѣ Выговскаго, Хитрово нашелъ въ Переяславлѣ обознаго, судью, полковниковъ, сотниковъ и много черни. Нѣсколько времени дожидались полтавскаго полковника Мартына Пушкаря; потомъ начали говорить, что ждать больше нельзя, всѣ разъѣдутся, и если Пушкарь такъ долго не ѣдетъ, то это не спроста, пріѣдетъ съ войскомъ и начнется междоусобіе. Тогда Хитрово созвалъ раду и объявилъ, чтобъ все войско выбирало себѣ гетмана кого хочетъ, по своимъ волямъ. Старшины и чернь отвѣчали единогласно, что выбранъ въ гетманы всѣмъ войскомъ Иванъ Выговскій и любъ онъ всѣмъ. Тутъ Выговскій положилъ булаву и сказалъ, что не хочетъ гетманства, потому что многіе люди въ черни говорятъ, будто онъ на гетманство захотѣлъ самъ собою и будто выбрали его друзья. Обозный, судья, полковники и вся чернь стали его упрашивать, чтобъ держалъ булаву по ихъ единогласному избранію, и гетманъ, по прошенію всего войска, булаву принялъ и присягнулъ великому государю. Дѣло казалось конченнымъ, но вотъ скачетъ гонецъ изъ Полтавы и подаетъ Хитрову грамоту: Пушкарь пишетъ, что пріѣдетъ въ городъ Лубны,

гдѣ должна быть новая рада о гетманскомъ избраніи, а Переяславская рада не въ раду. «Пріѣзжай въ Переяславль видѣться со мною,» отвѣчаетъ окольничій; но Пушкарь не ѣдетъ; возвращается посланецъ Хитрова и доноситъ, что у полтавскаго полковника живутъ посланцы Запорожскаго кошеваго Барабаша — Михайла Стрынжа съ товарищами и при Пушкарѣ говорятъ про Хитрово многія безчестныя рѣчи къ большой ссорѣ.

Прошелъ 1657 годъ. Въ началѣ 1658 Выговскій казнилъ смертію въ Гадячѣ нѣсколько начальныхъ людей, ему непріязненныхъ; съ Пушкаремъ пытался было онъ покончить миромъ; но Пушкарь забилъ въ кандалы и отослалъ въ заточеніе посланца гетманскаго, сказавши: «Выговскій хочетъ и со мною помириться такъ же, какъ помирился въ Гадячѣ съ братьями нашими, которые получше его будутъ, головы имъ отсѣкъ; но со мною ему такъ не сдѣлать.» Выговскій, узнавши о судьбѣ своего посланца, отправилъ противъ Пушкаря полковника Богдана съ козаками и Ивана Сербина съ Сербами своей гвардіи, всего полторы тысячи. Но Пушкарь уже успѣлъ призвать къ себѣ Запорожцевъ, которые, вмѣстѣ съ полтавскими козаками, 25 генваря, разгромили отрядъ Богдана и Сербина подъ Диканькою, побили у нихъ человѣкъ 300, послѣ чего Пушкарь, усиливъ себя войскомъ, набраннымъ изъ всякаго рода людей, выгналъ Лесницкаго изъ Миргорода, гдѣ полковникомъ былъ провозглашенъ Степанъ Довгаль. Новый митрополитъ Кіевскій, Діонисій Балабанъ, грозилъ Пушкарю проклятіемъ за междоусобіе; Пушкарь отвѣчалъ: «Вся чернь войска Запорожскаго не хочетъ имѣть Ивана Выговскаго гетманомъ. Только когда состоится общая рада, и вся чернь Днѣпровская единомысленна будетъ съ чернью городовою всего войска Запорожскаго: тогда, по царскимъ жалованнымъ грамотамъ, вольно будетъ войску Запорожскому всей черни улюбить того же пана Ивана Выговскаго и принять на гетманство, и я готовъ то же сдѣлать вмѣстѣ со всею чернью Запорожскаго войска и быть во всѣмъ послушнымъ. Все, что теперь дѣлается, дѣлается не по моему хотѣнію, а по волѣ Божіей; дѣлаетъ это все войско и вся чернь, по жалованнымъ грамотамъ, и меня одного отъ себя отпустить къ пану Выговскому не хотятъ. Вмѣстѣ съ посланцами, бывшими у царскаго величества, все войско изъ Запорожья выгреблось и съ городовымъ войскомъ Запорожскимъ для рады генеральной соединилось,

а не для какихъ-нибудь бунтовъ. Что мы бунтовщики—этого на насъ никогда никто не докажетъ, и мы готовы во всемъ передъ царскимъ величествомъ оправдаться, только пусть ѣдутъ въ Москву панъ Иванъ Выговскій и панъ Григорій Лесницкій. А что ваша пастырская милость грозите своимъ неблагословеніемъ, то налагайте его на кого-нибудь другаго, кто невѣрныхъ царей принимаетъ, а мы одного православнаго царя держимся. Послали мы на войну православныхъ христіанъ, охраняя собственную жизнь, видя наступленіе враговъ, а междоусобной брани между народомъ христіанскимъ и войскомъ Запорожскимъ не было и не будетъ. А можно было нѣкоторое время и въ Переяславлѣ подождать войска Запорожскаго, которое уже выгреблось изъ Запорожья, также и городоваго войска подождать.» 8 Февраля Пушкарь прислалъ въ Москву первый извѣтъ свой на Выговскаго, писалъ, что гетманъ измѣнникъ государю, помирился съ Ляхами и ордою, и что онъ, Пушкарь, слышалъ объ этомъ отъ Юрія Хмельницкаго.

Выговскій не ѣхалъ въ Москву, какъ приглашалъ его Пушкарь, давалъ знать государю, что непремѣнно бы пріѣхалъ видѣть его пресвѣтлыя очи, еслибъ не задерживали его внутреннія смуты и вѣсти о враждебныхъ движеніяхъ Ляховъ, Татаръ и Турокъ. Вмѣсто гетмана, въ апрѣлѣ, явился въ Москву уже извѣстный здѣсь Григорій Лесницкій. Посланный жаловался, что, по отъѣздѣ Хитрово изъ Переяславля, гетманъ Выговскій спокойно отправился въ Чигиринъ; но въ это время, по наученью Пушкаря, Ивашка Донецъ, бывшій въ Москвѣ посланцемъ отъ Барабаша, собралъ нѣсколько сотъ гультяевъ, приходилъ войною на Чигиринскій полкъ и многихъ людей побилъ и пограбилъ, распуская слухи, что нынѣшнею весною по травѣ будетъ новая рада на Солоницѣ. Выговскій созвалъ раду въ Чигиринъ и объявилъ, что оставляетъ гетманство, видя нестроеніе въ войскѣ, но полковники насилу уговорили его не покидать булавы, и теперь послали его, Лесницкаго, бить челомъ, чтобъ великій государь послалъ приказъ Пушкарю отстать отъ своевольства и быть съ гетманомъ въ соединеніи; да чтобъ великій государь послалъ сдѣлать перепись между козаками, написать 60,000, и впередъ бы гультяямъ въ казаки писаться было не вольно; а теперь отъ этихъ гультяевъ большой мятежъ учинился, потому что всякій называется козакомъ; также переписать всѣ доходы и реестровымъ козакамъ давать жало-

ванье. Такимъ образомъ теперь, вслѣдствіе образованія партій — старшины и черни, самъ гетманъ проситъ о томъ, чего при Хмельницкомъ такъ добивалось польское правительство и чего не хотѣлъ исполнить Богданъ, ибо гультяйство, исключенное изъ реестра, поднимало возмущенія. Съ другой стороны, еслибъ московское правительство исполнило просьбу гетманскую, приняло мѣры противъ гультяйства, то этимъ возбудило бы противъ себя сильное неудовольствіе, чего именно желалъ Выговскій. Въ Москвѣ однако остереглись; бояринъ Шереметевъ, бывшій въ отвѣтѣ съ Лесницкимъ, замѣтилъ ему: «Не будетъ ли бунта, когда многіе козаки останутся за реестромъ?» Лесницкій отвѣчалъ: «Надобно послать изъ Москвы коммиссаровъ знатныхъ людей съ войскомъ, чтобъ въ войскѣ Запорожскомъ было страшно». Лесницкій пошелъ дальше: когда ему сказали, что великій государь, по челобитью Выговскаго, въ знатныхъ городахъ велѣлъ быть своимъ воеводамъ, то онъ отвѣчалъ: «На премногой милости царскаго величества гетманъ и все войско челомъ бьютъ, потому что этимъ въ войскѣ бунты усмирятся; да хотя бы великій государь и въ иныхъ городахъ изволилъ воеводамъ быть, то у нихъ бы въ войскѣ было гораздо лучше и смирнѣе; изволилъ бы великій государь послать въ войско Запорожское своихъ воеводъ и ратныхъ людей для искорененія своеволія».

Но въ то время, когда Лесницкій такъ ловко поддѣлывался подъ желанія московскія, такъ ловко старался показать, что интересы царя и гетмана одинаковы, Пушкарь постоянно держалъ Москву въ тревогѣ своими извѣтами. Онъ писалъ государю (11 марта и 26 апрѣля): «Выговскій измѣнилъ Богу и вашему царскому величеству, помирился съ ордою, ляхами и съ иными землями и замыселъ имѣетъ извоевать Запорожье. Выговскій далъ города по Ворсклѣ Юрію Немиричу лютеранину, чего Хмельницкій безъ указа царскаго не дѣлывалъ; Выговскій держитъ у себя много сербовъ, нѣмцовъ и ляховъ. Съ тѣхъ поръ, какъ Выговскаго поставили гетманомъ безъ совѣта всей черни, не держитъ онъ при себѣ ниодного козака, все держитъ иноземныхъ людей, отъ которыхъ намъ обиды нестерпимыя дѣлаться начали. Окольничій Хитрово Выговскому безъ полевой рады и безъ всей черни въ Переяславлѣ на церковномъ мѣстѣ гетманство далъ, булаву и все украшеніе войсковое въ руки отдалъ; а въ прош-

лые годы всегда въ войскѣ Запорожскомъ въ полѣ общею радою гетмановъ и полковниковъ и иныхъ старшинъ по любви войсковой избирали». Пушкарь просилъ, чтобъ государь самъ пріѣхалъ въ Малороссію, въ Кіевъ, съ патріархомъ, съ сыномъ, съ ближними боярами и думными дьяками, всѣхъ подданныхъ своихъ въ Малороссіи милостивыми очами разсмотрѣть. Посланецъ его Искра объявилъ, что полковники полтавскій, нѣжинскій, миргородскій и всего войска Запорожскаго городовая и Запорожская чернь бьютъ челомъ на гетмана Ивана Выговскаго и на бывшаго миргородскаго полковника Лесницкаго, которые великому государю никакого добра не хотятъ и чаятъ въ нихъ измѣны: такъ чтобъ великій государь пожаловалъ, велѣлъ Выговскаго отъ гетманства отставить, а назначить гетмана и полковниковъ новыхъ и велѣлъ бы имъ для этого собрать раду. Бояре спросили Искру, какія измѣны онъ знаетъ за Выговскимъ? Искра отвѣчалъ: «Безъ указа ссылался съ непріятелями царскаго величества, пословъ ихъ къ себѣ принималъ и отпускалъ, венгерскаго Рагоцу хотѣлъ посадить на польское королевство.» Бояре говорили: «На переяславской радѣ выбрали единогласно Выговскаго и никто тогда въ измѣнѣ его не обвинялъ; Выговскій присягалъ при митрополитѣ и при всемъ духовенствѣ: теперь новой рады сбирать не для чего, потому что это дѣло уже вершоное.» Искра отвѣчалъ: «Переяславская рада была не настоящая, были на ней только тѣ полковники, которые съ Выговскимъ въ одной мысли, а съ ними сотниковъ и черни у полковника человѣкъ по десяти и меньше.» Бояре продолжали: «Что Выговскій иностранныхъ пословъ принималъ, въ томъ онъ повинился, и потому измѣны отъ него нѣтъ.» Искра возражалъ: «Измѣна есть: послѣ рады послалъ Павла Тетерю въ Польшу.» Бояре отвѣчали: «Несхожее дѣло, что гетману, учиня такое крѣпкое обѣщаніе, тотчасъ же измѣну задумать! хотя и послалъ куда Тетерю, такъ не для измѣны же.»

Не видя въ извѣтахъ Пушкаря основаній къ обвиненію въ измѣнѣ, царь приказывалъ полтавскому полковнику не затѣвать смуты, повиноваться гетману. Но пришелъ извѣтъ изъ Кіева отъ Бутурлина. Воевода доносилъ, что 19 мая прислана въ Кіевъ грамота о неправдахъ Выговскаго, который призвалъ къ себѣ орду и, сославшись съ Ляхами, хочетъ все православное христіанство выдать въ неволю; митрополитъ и все духовенство, кіевскій пол-

ковникъ Павелъ Яненко-Хмельницкій, племянникъ покойнаго Богдана, мѣщане и всякихъ чиновъ люди, кіевскіе и пріѣзжіе, безпрестанно говорятъ ему, Бутурлину, что Выговскій привелъ орду, съ Поляками ссылается, а государевыхъ ратныхъ людей у нихъ въ городахъ нѣтъ, и они боятся, чтобъ, сошедшись вмѣстѣ, Поляки и Татары надъ ними не сдѣлали чего-нибудь дурнаго; говорили они ему, воеводѣ, съ большимъ усердіемъ, со слезами, чтобъ великій государь, для обороны христіанской, велѣлъ прислать поскорѣе своихъ бояръ и воеводъ съ людьми ратными. Извѣстіе это опоздало. Еще въ апрѣлѣ государь былъ встрѣвоженъ слухами, что Выговскій призываетъ Татаръ и хочетъ съ ними двинуться противъ Пушкаря. Немедленно былъ отправленъ въ Малороссію Иванъ Опухтинъ съ приказаніемъ, чтобъ гетманъ не смѣлъ самовольно расправляться съ своими противниками, не смѣлъ приводить Татаръ въ Малороссію, а ждалъ бы царскаго войска. Опухтинъ, на жалобы Выговскаго, вызывался самъ ѣхать къ Пушкарю съ царскою грамотою и уговорить его быть послушнымъ гетману; но Выговскій не пустилъ Опухтина въ Полтаву и 4 мая, въ присутствіи посланника, повторяющаго царскій запретъ, выступилъ изъ Чигирина къ Полтавѣ на Пушкаря. На другой день Опухтинъ пошелъ въ соборную церковь и говорилъ духовенству, чтобъ оно написало отъ себя гетману, запретило ему ходить съ Татарами войною на православныхъ христіанъ, пусть ждетъ указа великаго государя. Но и это не помогло. Вслѣдъ за Опухтинымъ отправленъ былъ изъ Москвы съ такимъ же запрещеніемъ Петръ Скуратовъ, который нашелъ Выговскаго уже въ обозѣ подъ Голтвою. Когда въ царской грамотѣ прочли титулъ, то гетманъ сѣлъ на постель, пригласилъ сѣсть и посланника, но тотъ отвѣчалъ, что надобно стоя выслушать грамоту. «Все у васъ высоко,» сказалъ Выговскій, однако дослушалъ грамоту стоя и потомъ началъ говорить: «Все это ничего, грамотами Пушкаря не унять, взять было его да голову отсѣчь, либо прислать въ войско Запорожское. Я къ великому государю писалъ много разъ, чтобъ Пушкаря велѣлъ смирить до Велика дня, а если не изволитъ его смирить, и я самъ съ нимъ управлюсь; можно было его по сю пору смирить, такъ бы православные христіане были цѣлы, которыхъ онъ побилъ; я терпѣлъ, ждалъ царскаго указа, а то бы еще зимою пушкаря смирилъ мечемъ да огнемъ. Я и булавы брать

не хотѣлъ. хотѣлъ жить въ покоѣ. Окольничій Богданъ Матвѣевичъ Хитрово хотѣлъ взять Пушкаря и привезть ко мнѣ, но не только не привезъ. а еще больше ему повадку сдѣлалъ, далъ ему соболей да отпустилъ; а къ Барабашу нечего писать, Барабашъ теперь съ Пушкаремъ. Мы присягали великому государю на томъ, что правъ нашихъ не порушать, а по нашимъ правамъ нельзя полковнику и никому давать грамотъ, кромѣ гетмана; всѣмъ управляетъ одинъ гетманъ, а вы сдѣлали всѣхъ гетманами, дали Пушкарю и Барабашу грамоты, и отъ этихъ грамотъ бунты начались. Когда мы присягали, въ то время Пушкаря не было, все это сдѣлалъ покойникъ Богданъ Хмельницкій да я, иныхъ статей никто и не зналъ; не надобно было тогда и начинать этого дѣла. Пушкарь пишетъ, что позволено имъ на четыре года взять на всякаго голика по десяти талеровъ на годъ, а на сотниковъ больше: какъ будто завладѣли мы шестидесятью тысячами талеровъ! Иду на Пушкаря и смирю его огнемъ и мечемъ, вездѣ его достану, хотя въ царскіе города уйдетъ, кто за него станетъ, тому самому отъ меня достанется; а государева указа долго ждать. Я передъ Пушкаремъ не виноватъ, не я началъ—онъ, хочу съ нимъ биться не за гетманство, а за свое здоровье. Дожидаюсь рады: покину булаву и пойду къ Волохамъ или къ Сербамъ, или къ Молдаванамъ: они мнѣ будутъ рады. Великій государь насъ жаловалъ, а теперь вѣритъ ворамъ, которые ему государю не служили, на степи его людей побивали и казну грабили, тѣхъ жалуетъ, посланцевъ ихъ принимаетъ, деньги имъ и соболей даетъ, а такихъ бунтовщиковъ надобно было присылать въ войско Запорожское. Обычай у васъ такой, что все дѣлать по своей волѣ. Первые бунты начались въ войскѣ отъ посланца царскаго, Ивана Желябужскаго, который посланъ былъ къ Рагоци. И при короляхъ польскихъ также было: какъ начали вольности наши ломать, такъ за то и стало».

Выговскій говорилъ также Скуратову: «Многіе пристаютъ къ Пушкареву совѣту; у полковниковъ, которые теперь при мнѣ, не много людей, другіе идти не хотятъ, и еслибы я не пошелъ, то всѣ бы пристали къ Пушкарю». Дѣйствительно, встала сильная рознь: одни были за Выговскаго, другіе за Пушкаря: Лубны заперлись отъ полковъ Выговскаго, которые должны были силою пробиваться черезъ городъ; но Миргородцы свергнули своего

полковника Довгаля и посадили подъ стражу за преданность дѣлу Пушкаря. Козаки изъ Голтвы не пошли за Выговскимъ въ походъ и гетманъ велѣлъ объявить имъ, что если не пойдутъ, то на возвратномъ пути онъ всѣхъ ихъ перебьетъ и городъ сожжетъ; козаки испугались и выступили въ походъ. Малороссія дѣлилась уже Днѣпромъ: по лѣвую сторону жители всѣхъ городовъ желали, чтобъ были у нихъ воеводы государевы, а на правой сторонѣ козаки говорили: «Пушкарь хочетъ, чтобъ быть государевымъ воеводамъ, но у насъ этого никогда не будетъ».

Испуганные ордою, Барабашъ и Пушкарь написали Выговскому 14 мая: «добраго здоровья и всякихъ радостныхъ потѣхъ милости твоей отъ Господа Бога желаемъ. Вѣдомо учинилось намъ, что ты, поднявъ орду, хочешь огнемъ и мечемъ искоренять города украинскіе. Богъ свидѣтель, что мы стоимъ въ полѣ, послышавъ приходъ иноземныхъ людей, оберегая свое здоровье. Теперь отъ его царскаго величества пріѣхалъ къ намъ стольникъ Алфимовъ для успокоенія, чтобъ между народомъ христіанскимъ кровопролитія не было, чтобъ мы между собою мирно жили и у тебя въ послушаніи были. Мы противъ царскаго повелѣнія что̀ противъ Божія не можемъ стоять, полагаемся на государеву волю и просимъ твою милость, прости намъ наше неисправленіе предъ тобою, а впередъ, по царскому повелѣнію, мы у тебя всегда въ послушаніи будемъ, какъ и другіе полковники, только будь милостивъ и отошли орду назадъ въ Крымъ, а царскихъ и за-днѣпровскихъ городовъ ей не отдавай и въ плѣнъ христіанъ не вели брать».

Но Выговскій не обратилъ вниманія на это письмо, 17 мая выступилъ изъ-подъ Голтвы и остановился въ десяти верстахъ отъ Полтавы, гдѣ Пушкарь и Барабашъ заперлись, выжегши посады. Новый посолъ царскій, Василій Петровичъ Кикинъ, хлопоталъ о примиреніи; по его письмамъ и словеснымъ увѣщаніямъ Пушкарь договорился было съ Выговскимъ помириться за присягою, что гетманъ не будетъ мстить ни ему и никому изъ его товарищей; Выговскій далъ требуемую присягу передъ Кикинымъ, и Пушкарь сбирался ѣхать вмѣстѣ съ послѣднимъ въ обозъ гетманскій, но полтавскіе козаки и запорожцы, пришедшіе съ Барабашемъ, не выпустили его изъ города и запретили мириться съ Выговскимъ. Узнавъ объ этомъ, гетманъ хотѣлъ немедленно дви-

нуться подъ Полтаву; Кикинъ удержалъ его, но не могъ удержать Пушкаря, который въ ночь на первое іюня, вмѣстѣ съ Барабашемъ и Довгалемъ, напалъ на гетманскій обозъ, выбилъ изъ него Выговскаго и все его войско, захватилъ армату, скарбы гетманскіе и пожитки козацкіе. Кикинъ едва спасся отъ смерти; но когда разсвѣло, Выговскій оправился, ударилъ на враговъ и вытѣснилъ ихъ изъ обоза, при чемъ Пушкарь былъ убитъ, а Барабашъ съ немногими людьми ушелъ въ Полтаву; говорили, что побѣжденные потеряли на этомъ бою около 8000 человѣкъ, побѣдители съ 1000. На другой день къ Выговскому явились изъ Полтавы игуменъ, священники, козаки и мѣщане съ повинною; гетманъ поклялся, что не будетъ имъ мстить, но какъ скоро ворота городскіе отворились, то козаки его и Татары ворвались въ Полтаву, стали жечь, грабить, не пощадили и монастыря, а Татары начали забирать въ плѣнъ жителей. «Гдѣ жь твоя клятва?» говорилъ Кикинъ Выговскому, и тотъ самъ ѣздилъ въ Полтаву выбивать козаковъ и Татаръ, посылалъ и къ начальнику татарскаго отряда съ просьбою освободить плѣнныхъ Полтавцевъ.

Съ торжествомъ возвращался гетманъ въ Чигиринъ; но на дорогѣ встрѣтилъ его козакъ съ листомъ отъ Бѣлоцерковскаго полковника; сидя на лошади, Выговскій распечаталъ письмо и нахмурился, прочитавъ недобрыя вѣсти: полковникъ увѣдомлялъ, что кіевскій воевода Андрей Васильевичъ Бутурлинъ далъ ему знать о прибытіи въ Кіевъ царскаго воеводы, назначеннаго въ Бѣлую Церковь. «Воеводы пріѣхали опять бунты заводить,» говорилъ гетманъ въ сердцѣ Скуратову: «пиши, Андрей Васильевичъ, да самъ берегись!» Скуратовъ возразилъ: «Не дѣломъ ты, гетманъ, сердишься: самъ ты великому государю писалъ, чтобъ быть въ черкасскихъ городахъ воеводамъ.» — «Что я къ великому государю пишу,» отвѣчалъ Выговскій: «надъ тѣмъ въ Москвѣ смѣются; никогда я не писалъ о томъ, чтобъ въ Бѣлой Церкви воеводѣ быть; какъ воевода пріѣхалъ, такъ и поѣдетъ, ничего я ему давать не велю. Государевы воеводы должны пріѣзжать ко мнѣ и уже отъ меня въ города ѣхать, а то я ничего не вѣдаю, а они по городамъ ѣдутъ. Въ Кіевѣ государевы люди по сю пору съ Черкасами безпрестанно кіями бьются. Теперь я съ самовольниками самъ управился, государевы воеводы и ратные люди мнѣ больше ненадобны, они только бунты начнутъ. Который злодѣй у насъ

что сдѣлаетъ и уйдетъ въ государевы украйные города, то воеводы его намъ не выдаютъ: такъ и я тѣхъ воровъ, которые прибѣгутъ ко мнѣ изъ государевыхъ городовъ, отдавать не хочу. Съ Пушкаремъ на бою государевы люди были: мои Нѣмцы у нихъ и барабанъ взяли. Государь меня тѣшилъ грамотами, и по сю пору нарочно мѣшкалъ. У короля польскаго намъ было хорошо: придутъ къ нему, скажутъ о чемъ надобно, и указъ тотчасъ. Вамъ надобенъ такой гетманъ, чтобъ взявши за хохолъ водить.» Скуратовъ отвѣчалъ: «Я съ тобою вмѣстѣ на бою былъ, государевыхъ людей съ Пушкаремъ никого не видалъ и ты мнѣ ихъ тогда ниодного не показалъ; а что взятъ барабанъ, и то не барабанъ, а бубенъ, да еслибы и настоящій барабанъ былъ, такъ что жь изъ этого? Черкасы въ Москву и въ украйные города пріѣзжаютъ и покупаютъ что имъ надобно. Ты говоришь, что хорошо вамъ было при короляхъ польскихъ: плакать вамъ надобно, вспомнивши объ этомъ времени, когда благочестивые христіане отъ злаго гоненія прилагались къ латинской вѣрѣ, а теперь благочестивая вѣра множится, и милостію государевою отъ всѣхъ непріятелей вы защищены: такъ тебѣ бы такихъ высокихъ словъ не говорить. О какихъ дѣлахъ пишешь ты къ великому государю, отвѣтъ дается немедленно, а что твои посланцы къ тебѣ пріѣзжаютъ поздно, такъ они мѣшкаютъ за своими забавами, да и оправдываются тѣмъ, что ихъ въ Москвѣ задерживаютъ. Надобно тебѣ самому къ великому государю ѣхать челомъ ударить: тогда самъ государскую милость увидишь. Говоришь, что о государевыхъ воеводахъ ничего ты не зналъ: но со мною прислана къ тебѣ царская грамота, велѣно отписать въ города, чтобъ воеводъ приняли честно, что воеводы изъ Москвы отпущены; ты у меня эту грамоту принялъ, прочелъ и ничего тогда не сказалъ, а теперь, когда воеводы пріѣхали, ты говоришь, что они ненадобны. Говоришь, что намъ надобенъ гетманъ по нашей волѣ: но ты гетманъ въ войскѣ запорожскомъ великому государю многихъ вѣрнѣе.» Выговскій утихъ и отвѣчалъ: «Я великому государю и теперь служу вѣрно, а отъ воеводъ бунты начнутся; государевы ратные люди мнѣ были надобны въ то время, чтобъ въ войскѣ было славно, а мнѣ была честь.» Въ это время ѣхавшій за гетманомъ Чигиринецъ Иванъ Богунъ сталъ кричать: «Намъ воеводы ненадобны; женъ да дѣтей нашихъ переписывать прі-

ѣхали.» Обратившись къ Скуратову, Богунъ закричалъ: «Ты къ намъ воеводою въ Чигиринъ ѣдешь, нездоровъ отъ насъ выйдешь!»—«Уйми его,» сказалъ Скуратовъ гетману; тотъ велѣлъ крикуну замолчать и прибавилъ: «не теперешняя эта рѣчь.» Однако ту же самую рѣчь на письмѣ отправилъ Выговскій въ Москву съ Опухтинымъ: «Всѣ бунты усмирены, потому войско, присланное съ княземъ Ромодановскимъ, болѣе ненужно, и орда отпущена.» Тутъ же гетманъ отправилъ къ царю жалобу на боярина Шереметева: «Бояринъ Василій Борисовичъ Шереметевъ, пріѣхавши въ Кіевъ, съ нами не посовѣтовавшись и не повидавшись, многія новыя дѣла начинаетъ, казны невѣдомо какой спрашиваетъ и воеводъ, безъ совѣта съ нами, по городамъ посылаетъ, на что есть ли указъ вашего царскаго величества — не знаемъ. Челомъ бьемъ, чтобъ ваше царское величество приказалъ ему отъ этого воздержаться; онъ и въ Бѣлой Россіи, дѣлая то же съ христіанами, козаковъ вашему царскому величеству въ остуду учинилъ, самъ будучи виноватъ.»

Въ Москвѣ почли за нужное успокоить гетмана насчетъ воеводъ, и 26 іюля отправился отсюда въ Малороссію подъячій Яковъ Портомоинъ съ такою грамотою: «Писали къ намъ изъ литовскихъ городовъ наши воеводы, что польскій король Янъ Казиміръ послалъ въ Малую Россію прелестные листы, будто бояринъ Шереметевъ и окольничій князь Ромодановскій посланы на тебя, гетмана, и на все войско запорожское. Зная твою вѣрную къ намъ службу, мы не думаемъ, чтобъ ты этимъ письмамъ повѣрилъ: знатные люди отправлены на своевольниковъ, по твоему челобитью, а не для войны съ вами, единовѣрными православными христіанами. Такъ ты объяви начальнымъ и всякимъ людямъ, чтобъ они польскими листами не прельщались и сомнѣнья никакого не имѣли, жили бы подъ нашею высокою рукою въ совѣтѣ и любви.» 9 августа Портомоинъ пріѣхалъ въ Чигиринъ и подалъ гетману царскую грамоту. Выговскій отвѣчалъ: «Ратные люди Ромодановскаго людей побиваютъ и всякое разоренье чинятъ; притомъ князь Ромодановскій своевольниковъ Барабаша да Лукаша и другихъ многихъ Черкасъ къ себѣ въ полкъ принялъ. И я, не дожидаясь того, чтобъ на меня государевы ратные люди пришли войною, иду за Днѣпръ самъ съ войскомъ запорожскимъ и Татарами отыскивать этихъ своевольниковъ, и если государевы рат-

ные люди станутъ ихъ защищать или будутъ какой задоръ въ черкасскихъ городахъ дѣлать, то я молчать не буду, а къ Кіеву пошлю брата своего Данила съ войскомъ и съ Татарами, чтобъ боярина и воеводу выслать вонъ, городъ, который по указу царскаго величества въ Кіевѣ сдѣланъ, разорить и разметать, а если воевода не выйдетъ, то его въ Кіевѣ осадить.» Портомоинъ былъ задержанъ подъ стражею и 11 августа Выговскій выступилъ изъ Чигирина, но еще не для того, чтобъ воевать съ государевыми ратными людьми: ему нужно было сперва покончить другое дѣло...

Еще въ концѣ марта виленскій воевода князь Шаховской писалъ къ государю о вѣстяхъ изъ Варшавы: «Надежду польскій король имѣетъ большую на козаковъ и на Татаръ, да на прусскаго; если козаки не будутъ при королѣ, то король поневолѣ будетъ мириться съ тобою, великимъ государемъ, а если козаки съ королемъ соединятся, то мира у короля съ тобою не будетъ: большая надежда у короля на козаковъ да на Татаръ.» Но это была еще только надежда: Бѣнѣвскій, хлопотавшій еще при Хмельницкомъ о возвращеніи Малороссіи подъ власть королевскую, хлопоталъ о томъ же и при Выговскомъ, но въ договорахъ послѣдняго съ нимъ пока еще не было никакихъ статей, вредныхъ для Москвы: Выговскій, въ сношеніяхъ своихъ съ Бѣнѣвскимъ, съ королемъ и вельможами польскими, хлопоталъ только объ одномъ: чтобъ сохраненъ былъ миръ, чтобъ польскія войска не вступали въ Украйну и дали бы ему, гетману, время управиться со внутреннимъ врагомъ — Пушкаремъ, котораго поддерживало Запорожье и который нашелъ бы большую поддержку въ Москвѣ и во всей черни, еслибъ Выговскій объявилъ себя за Польшу. Но когда Пушкаря не было болѣе, когда враги были поражены безсиліемъ и ужасомъ, когда ханскій союзъ былъ обезпеченъ, а съ Москвою нельзя было болѣе хитрить, потому что походъ полтавскій былъ самымъ дерзкимъ неповиновеніемъ волѣ государя, когда, съ другой стороны, явились въ Малороссіи воеводы,—тогда время открытаго дѣйствія наступило, по мнѣнію Выговскаго, и 7 іюня Бѣнѣвскій извѣстилъ короля, что повѣренный Выговскаго, львовскій мѣщанинъ, Грекъ Ѳеодосій Томкевичъ, ѣдетъ съ рѣшительнымъ объявленіемъ вѣрноподданства, и что тотъ же Ѳеодосій отправляется и къ королю шведскому съ предложені-

емъ заключить миръ съ Польшею и съ угрозою, что въ противномъ случаѣ войско запорожское будетъ стоять за Польшу.

Въ послѣднихъ числахъ августа съѣхался Выговскій съ Бѣнѣвскимъ въ Гадячѣ, и 6 сентября постановлены были здѣсь слѣдующія условія, на которыхъ запорожское войско опять поддавалось Польшѣ: 1) Вѣра древняя греческая уравнивается въ правахъ своихъ съ римскою вездѣ, какъ въ коронѣ польской, такъ и въ великомъ княжествѣ литовскомъ. 2) Митрополитъ кіевскій и пять архіереевъ Русскихъ будутъ засѣдать въ сенатѣ съ тѣмъ же самымъ значеніемъ, какое имѣютъ прелаты католическіе; мѣсто кіевскаго митрополита будетъ послѣ львовскаго римскаго архіепископа, остальные же владыки будутъ сидѣть послѣ католическихъ бискуповъ повѣтовъ своихъ. 3) Войска запорожскаго будетъ 60,000. 4) Гетману великаго княженія русскаго украинскаго вѣчно быть первымъ кіевскимъ воеводою и генераломъ. 5) Сенаторовъ въ коронѣ польской выбирать не только изъ Поляковъ, но и изъ Русскихъ. 6) Дозволяется въ Кіевѣ устроить академію, которая пользуется тѣми же правами, какъ и академія кіевская, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы въ ней никакихъ расколовъ, аріанскихъ, кальвинскихъ, лютеранскихъ учителей и учениковъ не было, и дабы между студентами и прочими учащимися никакихъ поводовъ къ ссорамъ не было; всѣ другія школы, какія прежде въ Кіевѣ были, король велитъ перевести въ другія мѣста. 7) Король и чины позволяютъ учредить и другую академію на правахъ кіевской, гдѣ найдется для нея приличное мѣсто. 8) Коллегіи, училища и типографіи, сколько ихъ понадобится, вольно будетъ устроивать, вольно науками заниматься и книги печатать всякія, и религіозно-полемическія, только безъ укоризны и безъ нарушенія маестату королевскаго. 9) Случившееся при Хмельницкомъ предается вѣчному забвенію. 10) Податей никакихъ правительство польское получать не будетъ; обозы коронные не принимаются; обѣ Украйны находятся только подъ гетманскимъ управленіемъ. 11) Король будетъ нобилитовать козаковъ, которыхъ представитъ ему гетманъ. 12) Короннымъ войскамъ въ Украйнѣ не быть, кромѣ необходимости, но въ такомъ случаѣ они находятся подъ командою гетмана, козакамъ же вольно стоять по всѣмъ волостямъ королевскимъ, духовнымъ и сенаторскимъ. 13) Гетманъ имѣетъ право чеканить монету и платить ею жалованье войску.

14) Во всякихъ нужныхъ дѣлахъ короны польской призываются на совѣтъ козаки; правительство должно стараться, какъ бы отворить Днѣпромъ путь къ Черному морю. 15) Въ войнѣ короля съ Москвою козаки могутъ держать нейтралитетъ, но въ случаѣ нападенія московскихъ войскъ на Украйну король обязанъ защищать ее. 16) Тѣмъ, которые держали сторону козаковъ противъ Польши, возвращаются отобранныя имѣнія и опять они вписываются въ урядъ. 17) Гетману не искать другихъ иностранныхъ протекцій кромѣ польской; онъ можетъ быть въ дружбѣ съ ханомъ крымскимъ, но не долженъ признавать надъ собою власти государя московскаго, и козаки всѣ должны возвратиться въ свои жилища. 18) Король и республика дозволяютъ русскому гетману суды свои и трибуналъ устроить и отправлять тамъ, гдѣ захочетъ. 19) Чигиринскій повѣтъ остается при гетманской булавѣ попрежнему. 20) Въ воеводствѣ кіевскомъ всѣ уряды и чины сенаторскіе будутъ раздаваться единственно шляхтѣ греческой вѣры, а въ воеводствахъ браславскомъ и черниговскомъ попеременно съ католиками 21) Въ русскихъ воеводствахъ учреждаются печатари, маршалки и подскарбіи, и уряды эти будутъ раздаваться только Русскимъ. 22) Титулъ гетмана будетъ: гетманъ русскій и первый воеводствъ кіевскаго, браславскаго и черниговскаго сенаторъ.

Выговскій получилъ все, чего только могъ желать; приверженцы его, съ которыми онъ устроилъ польскій союзъ, были также награждены: урожденые, т.-е. бывшіе прежде шляхтичами, получили земли, не шляхтичи нобилитованы; нѣжинскій полковникъ, Василій Золотаренко, рыцарь войска запорожскаго, принятый за рыцарскія дѣла въ клейнотъ шляхетства польскаго, изъ Золотаренка сдѣлался Злотаревскимъ.

Поддавшись королю, Выговскій хотѣлъ еще продолжать обманывать царя, чтобъ не имѣть на плечахъ московскихъ воеводъ, пока не пришли въ Украйну войска польскія и ханъ крымскій. Въ августѣ онъ клялся въ вѣрности своей къ великому государю передъ посланникомъ его, дьякомъ Василіемъ Михайловымъ, и въ то же время войска его уже дѣйствовали противъ Кіева: 16 августа прибѣжали сюда изъ лѣсовъ работники, которые были посланы за лѣсомъ на острожное и валовое дѣло, солдаты, драгуны и люди боярскіе, битые, стрѣляные и пограбленные, и объ-

явили: «Били насъ и грабили Черкасы, а стрѣляли изъ луковъ Татары, идутъ подъ Кіевъ многіе люди!» Воевода Шереметевъ вышелъ самъ съ воинскими людьми изъ города и разослалъ подъѣзды; подъѣзжане встрѣтили полковниковъ: бѣлоцерковскаго Ивана Кравченка, брацлавскаго Ивана Сербина, подольскаго Астаѳья Гоголя, и какъ увидали Черкасы, что воеводы на-готовѣ, то подъ Кіевъ не пошли, стали въ двухъ верстахъ отъ города за рѣчкою Лыбедью. Шереметевъ послалъ спросить полковниковъ: зачѣмъ они пришли подъ Кіевъ безвѣстно со многими людьми? для чего съ ними Татары? и для чего ихъ люди государевыхъ ратныхъ людей били и грабили, а иныхъ до смерти побили? Полковники отвѣчали: «Пришли мы по приказу гетмана Ивана Выговскаго, Татаръ съ нами нѣтъ, будетъ къ намъ подъ Кіевъ Данила Выговскій, и Татары придутъ съ нимъ; подъ Кіевъ мы пришли и Данила придетъ для договора о всякихъ дѣлахъ.» Послѣ этого пришли еще два полковника—паволоцкій Богунъ да Саблинскій съ пѣхотою, а 23 августа явился и Данила Выговскій съ Татарами и Черкасами, въ числѣ болѣе 20,000; Черкасы отогнали стада у комарицкихъ драгунъ и начали гонять сторожевыя сотни; въ то же время Данила Выговскій завелъ сношенія съ кіевскимъ полковникомъ Павломъ Яненкомъ, велѣлъ на посадѣ на торгу побивать государевыхъ людей, которые ходили изъ города для хлѣбной покупки, и посадъ зажечь. Шереметевъ выслалъ противъ Выговскаго своихъ товарищей, а самъ остался оберегать крѣпость; но въ то время какъ младшіе воеводы бились съ Выговскимъ, кіевскій полковникъ Павелъ Яненко съ своимъ полкомъ приступилъ къ городу отъ посада съ Киселева городка. Шереметевъ выслалъ на вылазку стрѣлецкаго голову Ивана Зубова съ стрѣльцами и солдатами: Зубовъ поразилъ Черкасъ, выбилъ ихъ изъ Киселева городка, взялъ знамя, а младшіе воеводы въ то же время отбили отъ валу, отъ Золотыхъ воротъ Выговскаго, который, соединясь со всѣми другими полковниками, сталъ обозомъ подъ Печерскимъ монастыремъ, а Татаръ поставилъ подлѣ обоза. На 24 число въ ночь у землянаго вала противъ Печерскихъ воротъ начали было Черкасы копать шанцы въ двухъ мѣстахъ, но на разсвѣтѣ вышли изъ города младшіе воеводы съ полковникомъ фонъ-Стаденомъ, который предводительствовалъ пѣхотою, ударили на Черкасъ въ шанцахъ и нанесли имъ рѣшительное по-

раженіе: весь обозъ, пушки, знамена, бунчукъ и печать войсковая достались побѣдителямъ; много Черкасъ потонуло въ Днѣпрѣ, Данило Выговскій ушелъ въ лодкѣ самъ другъ, какъ говорили, раненый. Во время этого боя Яненко изъ своего обоза съ Щековицы приступилъ къ земляному новому валу со всѣмъ своимъ полкомъ, но былъ сдержанъ отрядомъ пѣхоты подъ начальствомъ Сафонова, къ которому съ большаго боя поспѣшилъ на помощь воевода князь Юрій Борятинскій съ рейтарами: Яненко былъ разбитъ и потерялъ обозъ свой на Щековицѣ, которымъ овладѣли стрѣльцы; много Черкасъ Яненковыхъ перетонуло въ Почайнѣ. Со всѣхъ этихъ боевъ Москвѣ досталось 12 пушекъ, 48 знаменъ, три бочки пороху. Плѣнные козаки сказывали воеводамъ, что они приходили подъ Кіевъ по большой неволѣ, старшины высылали ихъ побоями, клялись, что будутъ служить вѣрно государю. Что жь касается мѣщанъ кіевскихъ, то задолго еще до прихода Выговскаго они являлись къ воеводамъ и говорили, что козаки заставляютъ ихъ дѣлать на Щековицѣ земляной валъ, но что они козакамъ отказали и валу не дѣлали; при этомъ мѣщане просили, въ случаѣ прихода воинскихъ людей, позволить имъ перевезтись въ городъ съ женами и дѣтьми и со всѣмъ имѣніемъ. Воеводы позволили, и потомъ сами нѣсколько разъ напоминали имъ, чтобъ перебрались въ городъ; но когда пришелъ Выговскій, то мѣщане стали возиться на Днѣпръ въ суда: воеводы послали сказать имъ: для чего они возятся въ суда, а не въ городъ? Мѣщане отвѣчали: «Возимся по приказу гетмана Ивана Выговскаго, боимся: если Черкасы городъ возьмутъ, то мы пропадемъ.» У нихъ было семь пушекъ, данныхъ имъ княземъ Куракинымъ; теперь, когда подошелъ непріятель, воеводы требовали эти пушки въ городъ; мѣщане отвѣчали, что они отослали ихъ для починки; но когда взятъ былъ обозъ Яненка, то эти московскія пушки очутились здѣсь.

Въ сентябрѣ царь разсылалъ уже грамоты объ измѣнѣ гетмана съ обстоятельнымъ изложеніемъ всего дѣла, а Выговскій все еще продолжалъ притворяться: 8 октября онъ писалъ государю, что и не помышляетъ на московскіе города наступать и присягу ломать: «Бога ради усмотри ваше царское величество, чтобъ непріятели вѣры православной не тѣшились и силъ не воспріяли, пошли указъ свой къ боярину Василію Борисовичу Шереметеву,

чтобъ онъ больше разоренья не чинилъ и крови не проливалъ.» Вслѣдъ за этою другая грамота въ такомъ же родѣ: «Изволь ваше царское величество обратить на насъ прежнее милостивое лице, видя, что мы и нынѣ неотмѣнными вашего царскаго величества подданными остаемся.» Дѣла шли не такъ, какъ бы хотѣлось русскому гетману и сенатору: на восточной сторонѣ Днѣпра огромное большинство было за Москву, хотя большая часть старшины была за Выговскаго, и потому царскіе воеводы, князья Ромодановскій и Куракинъ, могли держаться, опираясь на вѣрныхъ козаковъ. Въ послѣднихъ числахъ ноября, при Варвѣ, вѣрные Москвѣ козаки выбрали себѣ на время въ гетманы Ивана Безпалаго, «чтобъ дѣла войсковыя не гуляли.» Между тѣмъ военныя дѣйствія начались съ обѣихъ сторонъ; города и села запылали, несчастные жители начали испытывать на себѣ всѣ военные ужасы, сами не зная за что. Поляки не приходили на помощь, и, чтобы остановить присылку новыхъ воеводъ московскихъ, Выговскій отправилъ къ царю бѣлоцерковскаго полковника Кравченка съ повинною; на письмо князя Ромодановскаго, чтобъ распустилъ войско и не приходилъ на царскіе города, Выговскій отвѣчалъ (14 декабря изъ табора подъ Ржищевымъ): «На царскіе города приходить я не мыслю, а только своевольниковъ своихъ ускромляю и ускромлять буду, равно какъ и *союзниковъ* ихъ. Мы не для того его царскому величеству присягали, чтобъ у своихъ холопей въ неволѣ быть, чтобъ они насъ за шею водили, но въ надеждѣ на вольность больше прежней; а теперь ты, соединившись съ своевольниками, многую и великую въ Малороссіи ссору учинилъ.» 13 декабря Безпалый писалъ государю, что враги наступаютъ со всѣхъ сторонъ, а царскіе воеводы помощи имъ, вѣрнымъ Малороссіянамъ, не даютъ. Царь отвѣчалъ, что, вслѣдствіе пріѣзда Кравченка съ повинною, онъ назначилъ раду въ Переяславлѣ къ 1 февраля, а между тѣмъ пусть онъ, Безпалый, соединившись съ княземъ Ромодановскимъ, промышляетъ надъ непріятелемъ. Непріятель не заставилъ себя ждать: 16 декабря наказной гетманъ Выговскаго, Скоробогатенко, подступилъ подъ Ромны, гдѣ находился Безпалый, но былъ отогнанъ послѣднимъ, который послѣ этого дѣла писалъ царю: «Если ваша пресвѣтлая царская милость съ престола своего не подвигнитесь въ свою отчину, то между нами, войскомъ запорожскимъ, и всѣмъ наро-

домъ христіанскимъ покою не будетъ; Выговскій Кравченка на обманъ послалъ и ему бы ни въ чемъ не вѣрить.» 20 декабря Татары и вѣрные Выговскому козацкіе полки—каневскій, черкасскій, чигиринскій и корсунскій, подъ начальствомъ переяславскаго полковника Цецуры, наказнаго гетмана Скоробогатенка и Поляка Груши, дали бой князю Ромодановскому у Лохвицы, но были отбиты. Между тѣмъ Шереметевъ изъ Кіева писалъ государю, что Выговскій хотѣлъ пріѣхать къ нему въ Кіевъ для переговоровъ. но что онъ, воевода, безъ царскаго указа не смѣлъ пустить его въ городъ и съ малыми людьми. Шереметевъ прибавлялъ, что междоусобіе въ Малороссіи можетъ прекратиться только вслѣдствіе этихъ личныхъ переговоровъ. Царь отвѣчалъ ему (21 декабря): «Промышляй всякими людьми, чтобъ тебѣ съ гетманомъ въ Кіевѣ видѣться и переговорить, какими бы мѣрами междоусобіе успокоить.» Но и въ Кіевѣ и въ Москвѣ напрасно надѣялись на это успокоеніе: Выговскій, получивъ татарскую помощь, не думалъ болѣе о мирныхъ переговорахъ; у него было всегда въ запасѣ одно оправданіе, что бьется не противъ царскихъ войскъ, противъ своихъ ослушниковъ, Безпалаго съ товарищами [6].

Какъ тяжело отозвалась въ Москвѣ вѣсть о смутѣ малороссійской, объ измѣнѣ Выговскаго, такъ радостно была принята она въ Польшѣ, ибо это была для нея вѣсть о воскресеніи. Мы видѣли, что польскіе коммиссары въ Вильнѣ обязались предложить на сеймѣ объ избраніи Алексѣя Михайловича въ преемники Яну Казимиру. Предложеніе было дѣйствительно сдѣлано, но епископы тутъ же протестовали, что они согласятся на избраніе царя не иначе, какъ съ условіемъ, чтобъ онъ принялъ католицизмъ, и Янъ Казимиръ велѣлъ обнародовать этотъ протестъ по всему королевству [7]. Находили двадцать-одну причину, почему ни царь московскій, ни сынъ его не могли быть избраны въ короли польскіе, и всѣ эти причины сходились преимущественно къ одному, что домъ австрійскій никакъ не выпуститъ изъ рукъ своихъ польской короны: войны козацкія, въ соединеніи съ московскою и шведскою, втолкнули Поляковъ по неволѣ въ объятія австрійскаго дома; король, по совѣту сенаторовъ, еще въ сентябрѣ 1655 года предложилъ императору быть его наслѣдникомъ и обѣщалъ согласіе всей республики, если только императоръ поможетъ ей въ настоящей бѣдѣ; императоръ предложилъ свое посредниче-

ство для примиренія съ Москвою и Швеціею, чтобъ тѣмъ легче, въ качествѣ посредника, достигнуть своей цѣли; Австрійцы внушили Полякамъ, чтобъ прельстили московскаго царя надеждою польской короны, чтобъ въ этой надеждѣ онъ объявилъ войну Швеціи, и какъ только царь вступилъ съ войскомъ въ Ливонію, король и сенаторы, отъ имени республики, чрезъ торжественное посольство, поднесли императору корону польскую; тотъ публично отказался, но частнымъ образомъ принялъ корону для сына своего Карла Іосифа; король польскій въ 1657 году объявилъ королю шведскому, что отказывается отъ титула шведскаго и уступаетъ Швеціи всю Ливонію; Польшѣ легче помириться съ Швеціею и поднять ее противъ Москвы, потому что король шведскій не стремится быть королемъ польскимъ; между Австріею и Польшею идутъ совѣщанія, какъ вести дѣло съ царемъ, чтобъ заставить его продолжать войну съ Швеціею, пока Польша съ нею неуладится; Литовцы, по сосѣдству съ Москвою, изъ страха, льстятъ царю, но Поляки никакъ его не хотятъ; они думаютъ, что самое лучшее средство успокоить Австрійцевъ состоитъ въ томъ, чтобъ папа поручился императору за вѣрность польскаго наслѣдства для его дома подъ страхомъ отлученія въ противномъ случаѣ, объявилъ, что сеймовое постановленіе о царѣ московскомъ нисколько не предосудительно праву австрійскому; если Австрія будетъ довольна этимъ тайнымъ соглашеніемъ и ручательствомъ папы, то Поляки думаютъ, что имъ можно будетъ вести переговоры съ царемъ насчетъ короны и постановленіе, сдѣланное въ случаѣ необходимости, уничтожить властію первосвященника римскаго; Австрійцы уже давно поджигаютъ Порту и Татаръ противъ Москвы, чтобъ такимъ образомъ сдержать царя, а себѣ проложить дорогу къ польской коронѣ [8].

Но въ Москвѣ не знали всѣхъ этихъ причинъ, и царь продолжалъ хлопотать о польскомъ престолѣ, или, по крайней мѣрѣ, о соединеніи Литвы съ Москвою. Въ началѣ 1657 года онъ отправилъ въ Литву любимца своего Матвѣева слѣдить за тамошними дѣлами. Матвѣеву было наказано, въ случаѣ, если произойдетъ разрывъ между Польшею и Литвою, хлопотать, чтобъ литовскія войска перешли подъ высокую руку великаго государя и присягнули ему. Матвѣевъ писалъ, что литовскаго войска при гетманѣ Гонсѣвскомъ немного, оно твердо стоитъ на томъ, чтобъ

по смерти Яна Казимира быть королемъ царю, и ждетъ сейма, но коронное войско рознится: иные хотятъ къ цесарю, другіе къ Рагоци, третьи не хотятъ съ княжествомъ литовскимъ разлучиться; писалъ, что сейма нечего скоро ждать по причинѣ войны у Поляковъ со Шведами. Государь приказывалъ ему розыскать, черезъ какихъ пановъ всего скорѣе можно добиться до благопріятнаго ему рѣшенія на сеймѣ. Матвѣевъ отвѣчалъ, что всего скорѣе можно получить желаемое чрезъ надворнаго маршалка Любомирскаго и познанскаго воеводу Лещинскаго: роды ихъ многолюдные и начальныхъ людей роду ихъ много; только они государству государя своего впередъ не прочатъ, нѣтъ того, чтобъ поболѣть о государствѣ, а просятъ прежде всего чести и подарковъ большихъ—Рагоци сулилъ имъ по сту тысячь червонныхъ; гетманъ Гонсѣвскій потребовалъ точно такой же суммы у царя. «Сперва присягни съ начальными людьми и со всѣмъ войскомъ,» отвѣчалъ ему Матвѣевъ: «тогда государь васъ и пожалуетъ отъ своей казны; самъ помысли: если ты такія большія деньги возьмешь и присягу дашь одинъ, то всякій человѣкъ смертенъ, а теперь время неспокойное отъ непріятелей; ты безпрестанно въ службахъ, убьютъ тебя или въ плѣнъ возьмутъ — кто тогда эти деньги заслужитъ великому государю?»—«Я готовъ присягнуть великому государю,» говорилъ Гонсѣвскій: «готовъ присягнуть, что буду стараться о провозглашеніи его наслѣдникомъ короля Яна Казимира; а теперь начать государю служить никакъ нельзя, чтобъ не испортить дѣла, постановленнаго на съѣздѣ. Если же государь дастъ мнѣ деньги, то я стану призывать начальныхъ людей и войско тайно и присягу дамъ за всѣхъ.» Потомъ Гонсѣвскій говорилъ о необходимости соединенія церквей. Матвѣевъ отвѣчалъ, что когда государь будетъ королемъ, то созоветъ духовенство греческое и римское и другихъ многихъ вѣръ, и *если* духовныя особы на то склонятся волею, а не нуждою, чтобъ быть съѣзду, и *если* тогда великій государь изволитъ сослаться съ цесаремъ и съ папою, то пошлетъ; но чтобъ не было никакого сомнѣнія насчетъ вѣры и церквей, то великій государь уже велѣлъ послать свои грамоты во всѣ покорившіеся ему литовскіе города, что права ихъ, религія и вольности ни въ чемъ нарушены не будутъ. «Хорошо такъ,» сказалъ на это Гонсѣвскій: «но вотъ въ чемъ дѣло: какъ былъ на коронѣ польской король Си-

гизмундъ III, вѣрою католикъ, то было у него 172 сенатора, все разныхъ вѣръ, только двое было католиковъ, и въ сорокъ лѣтъ всѣ стали католиками, не нуждою, а вотъ чѣмъ: никому не давалъ онъ ни воеводства, ни каштелянства до тѣхъ поръ, пока не приступятъ къ католической вѣрѣ.» Гонсѣвскій говорилъ также, чтобъ всѣ правительственныя мѣста въ Литвѣ постоянно оставались за Литовцами, а не были раздаваемы Москвичамъ. Матвѣевъ отвѣчалъ: «Великій государь обычной воли въ неволю не приводитъ; литовская шляхта служитъ ему въ разныхъ строяхъ, и надъ нею начальные люди ихъ же братья шляхта, а не московскіе урядники.»

Въ февралѣ отправился изъ Москвы къ королю стряпчій Іевлевъ, и 22 апрѣля нашелъ короля въ городкѣ Данковѣ. Въ отвѣтѣ паны начали упрекомъ: «Было уговорено, что царскому величеству на общаго непріятеля шведскаго короля войною ходить и людей своихъ посылать; а теперь противъ Шведовъ Русскихъ людей никого нѣтъ; Шведъ съ Рагоци и козаками Хмельницкаго польскую землю плѣнятъ; королевскому величеству становится тѣсно, ожидаетъ войска цесарскаго, а если цесарь не умилосердится, войска не пришлетъ, то мы будемъ въ великомъ разореньи.» Іевлевъ отвѣчалъ: «По договору царское величество ждалъ долго отъ короля гонца, и по сіе время вѣдома никакого не было: такъ царское величество и поусумнился. На шведскихъ и лифляндскихъ рубежахъ у царскаго величества стояли многія рати всю зиму, а теперь царское величество пойдетъ самъ на шведскаго короля. На съѣздѣ въ Вильнѣ договорились и записями укрѣпились, что великаго государя выбирать на королевство, для чего сложить сеймъ въ декабрѣ или генварѣ мѣсяцѣ, а передъ сеймомъ дать знать великому государю черезъ гонца: царское величество ждалъ долгое время, полномочные послы на сеймъ уже были назначены, и замедленіе это царскому величеству учинилось въ великое подивленье.» Паны извинялись, что сейма нельзя было созвать такъ скоро за военными дѣлами, и объявили, что сеймъ будетъ созванъ въ Брестѣ 28 мая. Іевлевъ замѣтилъ, что и въ маѣ сеймъ не состоится, потому что остается одинъ мѣсяцъ, а король до сихъ поръ находится въ дальнихъ мѣстахъ на границѣ цесарской. Паны отвѣчали: «Король видѣлъ и самъ, что сейму на тотъ срокъ не бывать: что же дѣлать? Со всѣхъ

сторонъ непріятели, ты самъ видѣлъ, самъ насилу проѣхалъ. Царское величество сомнѣвается, а у короля иной мысли нѣтъ и не будетъ, и у насъ слова наши и договоръ не перемѣнятся.» Іевлевъ продолжалъ: «Писалъ государю гетманъ Хмельницкій, что Поляки задоръ учинили, малороссійскій городъ Налюзъ истребили, въ Пинскомъ уѣздѣ монастыри попалили.» Паны отвѣчали: «Такого города Налюза во всей Малороссіи нѣтъ; а нашихъ польскихъ людей задоръ по неволѣ: никто не хочетъ быть убитымъ до смерти, а козаки Хмельницкаго сѣкутъ насъ и жгутъ вопреки договору, умыселъ ихъ явенъ: Хмельницкій присягнулъ Рагоцѣ и войско свое къ нему прислалъ.»

Тѣмъ и кончились объясненія. Іевлевъ представлялся и королевѣ, и когда ѣхалъ отъ нея, приставъ говорилъ ему: «Королева старается о дружбѣ царскаго величества съ королемъ такъ, что и въ умъ не вмѣщается такое радѣнье: какъ былъ сеймикъ въ Ченстоховѣ объ окончаніи добраго дѣла между королевскимъ и царскимъ величествами, и на этомъ сеймикѣ канцлеръ коронный разрывалъ и мѣшалъ, то королева сама къ канцлеру и къ другимъ ѣздила и уговаривала ихъ не мѣшать дѣлу». Король въ особой запискѣ давалъ знать царю, чтобъ онъ не вѣрилъ ни въ чемъ ни Французамъ, ни Англичанамъ; о томъ же давала знать королева царицѣ, и прибавляла, что когда царевичъ Алексѣй придетъ въ возрастъ, то она, королева, будетъ стараться женить его на дочери покойнаго императора Фердинанда III.

И 28 мая сейма не было; въ іюлѣ отправленъ былъ къ королю другой посланникъ, стольникъ Алфимовъ, который въ сентябрѣ нашелъ Яна Казимира въ Варшавѣ. Въ отвѣтѣ паны начали тѣмъ, что виленскій договоръ нарушенъ со стороны царя, потому что подданный его гетманъ Хмельницкій вмѣстѣ съ Рагоцы воюетъ польскую землю. Алфимовъ отвѣчалъ, что къ Хмельницкому посланъ указъ отозвать свои войска отъ Рагоцы, и козаки отозваны; но Хмельницкій бьетъ челомъ великому государю, что съ королевской стороны чинятся явныя неправды, султана и хана на войско запорожское Поляки подговаривали и обѣщали имъ всѣ украинскіе города, начиная отъ Каменца-Подольскаго. Когда козаки, по царскому приказу, отъ Рагоцы отступили, то отступили отъ него и Шведы, и Молдаване, и Волохи; Поляки этимъ воспользовались и, соединясь съ Татарами, Рагоцы побили; а еслибъ козаки, по

царскому приказу, отъ Рагоци не отступили, то не отступили бы отъ нихъ и Шведы съ Молдаванами и Волохами; этимъ отъ царскаго величества королю и коронѣ польской сдѣлано вспоможенье не малое. Паны указывали на другое нарушеніе договора: Русскіе не воюютъ больше съ Шведами. Алфимовъ отвѣчалъ: «Шведскіе генералы, которые сперва были въ Польшѣ, теперь стоятъ противъ царскаго войска на своихъ границахъ, и еслибы они не были задержаны царскими воеводами, то теперь разоряли бы польскіе города; слѣдовательно коронѣ польской отъ царскаго величества чинится вспоможенье не малое.» На замѣчаніе Алфимова, что начатое дѣло по виленскому договору надобно кончить немедленно, былъ извѣстный отвѣтъ, что до сихъ поръ непріятели мѣшали, но теперь непріятели отступили и открылась возможность созвать сеймъ, о которомъ дано будетъ знать великому государю.

Прошелъ 1657 годъ—сейма все не было. Въ мартѣ 1658 года явился гонецъ королевскій съ извѣстіемъ, что сеймъ назначенъ на 27 іюня. Въ маѣ мѣсяцѣ изъ Москвы отправились въ Вильну великіе и полномочные послы — бояре князь Никита Ивановичъ Одоевскій, Петръ Васильевичъ Шереметевъ, князь Ѳедоръ Ѳедоровичъ Волконскій и думный дьякъ Алмазъ Ивановъ для новаго съѣзда съ польскими коммиссарами. Но прежде всего они должны были выслушивать жалобы отъ жителей литовскихъ городовъ и уѣздовъ, занятыхъ русскими войсками. Минская шляхта просила ихъ оборонить отъ дальнѣйшихъ наѣздовъ, охранить отъ своевольныхъ людей. Гродненская шляхта била челомъ на воеводу Апрѣлева, который изъ соборной церкви взялъ образъ Богородицы, потиръ и ризы и не хочетъ отдать, несмотря на просьбу шляхты, что дѣлается вопреки вольностямъ, отъ царя пожалованнымъ. Великіе послы отправили къ Апрѣлеву грамоту, чтобъ немедленно возвратилъ въ церковь образъ, потиръ и ризы и ничѣмъ не нарушалъ вольностей обывательскихъ. Потомъ началась переписка съ польскими коммиссарами, которыми были назначены бискупъ виленскій Янъ Завиша и гетманы Павелъ Сапѣга и Гонсѣвскій. Еще не зная о назначеніи коммиссаровъ, великіе послы отправили къ гетману Павлу Сапѣгѣ Дениса Астафьева, который нашелъ его въ имѣніи подлѣ Бреста. Поговоривъ о коммиссарахъ и гдѣ имъ стоять, Астафьевъ спросилъ Сапѣгу: «Слухомъ пронеслось, будто посланъ къ великому государю въ Москву Адамъ Са-

ковичь: отъ васъ ли, гетмановъ литовскихъ, онъ посланъ, и знаешь ли ты, отъ кого онъ посланъ и съ чѣмъ?» Сапѣга долго сидѣлъ молча, потомъ началъ говорить: «Посланъ онъ отъ насъ, съ моего повелѣнья; послалъ его Гонсѣвскій съ тѣмъ: если наши не успѣютъ сдѣлать на сеймѣ по своему, осилятъ насъ коронные, поставятъ на томъ, что прежде мириться съ Шведомъ, тогда дѣлать нечего, перемѣнить нельзя.» Астаѳьевъ сказалъ на это: «Слухъ у насъ такой есть, что съ вами коронные не тянутъ и рознь у васъ началась». Сапѣга отвѣчалъ: «За грѣхъ нашъ у всѣхъ у насъ рознь; прежде всего скажу тебѣ: король съ нами идетъ неправдою, а все водитъ его королева, отъ нея у насъ и вся смута; а съ коронными у насъ рознь отъ того: они себѣ покою хотятъ, а намъ не помогаютъ. Послы пришли изъ многихъ государствъ, королева поѣхала обо всемъ съ ними договариваться, а мы ничего объ этомъ не знаемъ: гдѣ быть тутъ добру? Намъ жаль коронныхъ, а короннымъ жаль насъ; самъ знаешь, какъ не жалѣть? смѣшались мы съ ними вѣрою и поженились—они у насъ, а мы у нихъ, и маетностями помѣшались». — «Если однако будетъ не мѣра» говорилъ Астаѳьевъ: «то какъ смекаете: отступитесь 'отъ нихъ или нѣтъ?» Гетманъ опять долго сидѣлъ молча, потомъ сказалъ: «Какъ кто хочетъ, а я не отступлю». Астаѳьевъ: «У насъ такой слухъ носится, что Саковичь съ тѣмъ и къ великому государю пошелъ, что хотятъ отступить отъ короны». Сапѣга: «Какъ себѣ хотятъ; послали мы Саковича, и что я ему приказывалъ, отъ тѣхъ словъ не отопрусь и по смерть и никого не осрамлю; я не такой человѣкъ; по моему, что говорить, то и дѣлать, а чего не дѣлать, того нечего и говорить; а сверхъ того свой разумъ въ головѣ имѣете, сами разсуждайте; больше тебѣ ничего не скажу; съ чѣмъ Саковичь посланъ, о томъ знаютъ у насъ въ Литвѣ человѣкъ съ десять сенаторовъ; самъ знаешь, то дѣло великое и страшное, что при живомъ государѣ другаго ищемъ. Пожалуетъ ли Саковича великій государь, велитъ ли его принять за его баламутство? да и канцлеръ литовскій Пацъ такой же баламутъ; я думаю, не худо ли Саковичу въ Москвѣ будетъ?» Астаѳьевъ: «Если съ такимъ великимъ дѣломъ идетъ и съ правдою, а не шалберствомъ, то государь велитъ его принять и отпустить съ честію; если же идетъ съ такою правдою, какъ я отъ тебя теперь слышу, то не знаю!... Мы слышали такъ, что вы впрямъ отъ короны от-

ступили и съ тѣмъ Саковича послали къ государю». Гетманъ: «Нѣтъ, отъ короны мы не отступимъ, развѣ по неволѣ, по нуждѣ большой: тогда станемъ промышлять о себѣ. Я не такой человѣкъ, отъ своихъ словъ не отпираюсь, да и того не хочу, чтобъ отъ моего лукавства кровь христіанская пролилась и мнѣ бы пришлось на томъ свѣтѣ отвѣтъ отдавать Богу; лучше истрачу все послѣднее свое панство, да меньше отвѣта Богу отдамъ. Сталъ я на всей своей правдѣ и умереть хочу; все у себя утратилъ, съ кручины надсадился, не слышу на себѣ головы, сердце все изныло; а другіе какъ себѣ хотятъ такъ и живутъ». Саковичъ, пріѣхавшій отъ гетмановъ въ Москву, объявилъ, что гетманы и все поспольство великаго княжества литовскаго по королѣ Янѣ Казимирѣ венгерскаго и французскаго королей выбирать не хотятъ, хотятъ договоръ учинить по виленской коммиссіи, чтобъ выбрать на корону польскую и на великое княжество литовское великаго государя царя. Пусть царское величество прикажетъ своимъ полномочнымъ посламъ съ гетманомъ объ этомъ договориться, и на чемъ договоръ учинятъ и письмомъ укрѣпятся, съ этимъ гетманы поѣдутъ на сеймъ къ королю; и какъ они пріѣдутъ на сеймъ, и если король и корона польская по этому ихъ договору сдѣлать не захотятъ, то они, гетманы, и все поспольство литовское королю въ подданствѣ откажутъ и съ короною польскою въ соединеніи не будутъ, а учинятся въ подданствѣ у великаго государя, по своему договору. А безъ этого объявленія королю и коронѣ польской перейти въ подданство къ царскому величеству имъ нельзя. При этомъ переходѣ Волынь, Подолія и Подляшье должны быть при Литвѣ. Царскимъ полномочнымъ посламъ съ гетманами на договорѣ говорить, чтобъ орду татарскую какимъ-нибудь способомъ на время успокоить. Чтобъ курфюрстъ бранденбургскій и князь курляндскій были съ царскимъ величествомъ и съ великимъ княжествомъ литовскимъ въ соединеніи, а съ Шведами и Поляками не соединялись бы. Запорожскихъ Черкасъ утвердить, чтобъ они отъ царскаго величества никуда не отошли и были бы съ Литвою въ соединеніи. Чтобъ царское величество изволилъ гетмановъ и все поспольство литовское держать въ подданствѣ по ихъ вольностямъ и правамъ, какъ другіе государи государства держатъ, вольностей ихъ и правъ не нарушаютъ. Пусть царское величество гетмана Гонсѣвскаго обнадежитъ, что по смерти Павла

Сапѣги великимъ гетманомъ быть ему, Гонсѣвскому, а малую булаву (гетманство польное) пожаловалъ бы великій государь тому, о комъ онъ, гетманъ, побьетъ челомъ. Наконецъ Гонсѣвскій просилъ себѣ у царя 100.000 червонныхъ, города Могилева и нѣсколькихъ городовъ въ Ливоніи. Царь въ своей грамотѣ отвѣчалъ гетманамъ, чтобъ они съѣхались съ великими послами и договорились о доброначатомъ дѣлѣ немедленно, а онъ ихъ всѣхъ, сенаторовъ и всю Рѣчь посполитую хочетъ содержать въ милостивомъ жалованьѣ, въ вѣрахъ и вольностяхъ по правамъ. Но гетманы не съѣзжались.

По государеву наказу, Одоевскому съ товарищами велѣно было дожидаться польскихъ коммиссаровъ не далѣе 30 іюля. Срокъ этотъ прошелъ, а коммиссары не бывали; къ тому же стали приходить слухи, что въ Польшѣ моровое повѣтріе. Тогда Одоевскій, 6 августа, выѣхалъ изъ Вильны въ Москву. Но въ самый этотъ день пригнали гонцы съ вѣстію, что коммиссары ѣдутъ къ Вильнѣ. Одоевскій не возвратился, а велѣлъ сказать имъ, что царскіе послы жили въ Вильнѣ безъ дѣла семь недѣль, время съѣзда миновало по ихъ коммиссарской проволочкѣ, такъ чтобъ они уже къ Вильнѣ не ѣздили. Коммиссары пріѣхали къ Вильнѣ, не были впущены и возвратились назадъ, крича о безчестьѣ. Одоевскій съ товарищами уже былъ въ Минскѣ, когда пришла къ нему царская грамота съ приказаніемъ возвратиться въ Вильну и пригласить туда опять коммиссаровъ для добраго дѣла. Одоевскій возвратился и послалъ звать коммиссаровъ; они обѣщались пріѣхать, но проволакивали время, а между тѣмъ гродненскій воевода Апрѣлевъ далъ знать Одоевскому въ сентябрѣ, что гетманъ Павелъ Сапѣга идетъ подъ города великаго государя и что литовскіе ратные люди уже начали государевыхъ людей бить, грабить и въ полонъ брать, Гродненскаго повѣта шляхта и мужики всѣ взбунтовались, а коммиссары отпущены подъ Вильну для того, чтобъ великій государь изволилъ отдать польскому королю всѣ литовскіе города: тогда и миръ будетъ; а если государь городовъ не отдастъ, то сейчасъ же начнется война, для чего гетманъ Сапѣга и идетъ. Вслѣдъ за этимъ другое извѣстіе, что запорожское войско поддалось королю; а тутъ шляхта Ошмянскаго повѣта прислали челобитную, что Черкасы наказнаго чаусовскаго полковника Мурашки въ маетностяхъ ихъ людей и крестьянъ въ

конецъ разоряютъ. Переговоры уполномоченныхъ должны были уяснить дѣло. Они съѣхались 16 сентября; московскіе послы начали дѣло требованіемъ всей Литвы за безчестье, нанесенное великому государю проволокою дѣла послѣ перваго виленскаго съѣзда. Коммисары отвѣчали: «Еслибъ мы знали, что съ вашей стороны будетъ такое требованіе, то мы бы и на съѣздъ не поѣхали, говорить мы объ этомъ не будемъ и поѣдемъ назадъ безъ дѣла; а если царскому величеству Литовское великое княжество надобно, то у него ратные люди готовы, и у королевскаго величества ратные люди есть же, Литву надобно добывать кровью, а не посольствомъ.» Коммиссары объявили, что имѣютъ полномочіе относительно двухъ статей—избранія государя въ короли и заключенія вѣчнаго мира. Переговоры объ этихъ статьяхъ отложили до 18 числа. Въ этотъ съѣздъ коммиссары прежде всего подняли вопросъ о Шведахъ, съ которыми, по прежнему договору, одному государству безъ другаго мириться было нельзя. «Слухъ до насъ дошелъ,» сказали коммиссары: «что царскіе послы договариваются о мирѣ со Шведами подъ Нарвою; такъ прежде всего вы должны укрѣпиться съ нами насчетъ этого дѣла, иначе мы вамъ не объявимъ своихъ статей объ избраніи вашего государя въ короли: мы для того и соединяемся съ вами и права свои давныя нарушаемъ, чтобъ надъ общимъ непріятелемъ промыслъ вмѣстѣ учинить и къ такому миру его привести, чтобъ обѣимъ сторонамъ было прибыльно.» Послы отвѣчали, что у великаго государя съ шведскимъ королемъ мира нѣтъ; если же идутъ сношенія, то у польскаго короля такія сношенія начались еще прежде, и что у нихъ, пословъ, нѣтъ наказа относительно шведскаго дѣла. Послѣ многихъ споровъ коммиссары оставили шведское дѣло и приступили къ условіямъ объ избраніи. Послы никакъ не соглашались, чтобъ унія, *грубная* Богу Всемогущему, продолжала существовать. Далѣе коммиссары объявили, что необходимымъ условіемъ избранія царя въ короли должно быть возстановленіе Поляновскаго договора: «Со стороны королевскаго величества царскому величеству и такъ уступлено много, что мы, стародавныя свои права поломавши, при жизни королевской государя вашего въ короли выбрали, не по нуждѣ какой-нибудь, но по доброй волѣ, желая такого преславнаго, великаго, храбраго и мужественнаго государя, отыскивая того, что̀ потеряно, стараясь о цѣлости

государства своего и о прекращеніи кровопролитія; царскому величеству будетъ вѣчная слава, что мы сдѣлали это мимо стародавнихъ своихъ правъ, для соединенія обоихъ народовъ, сами всѣ головами и съ имѣніемъ своимъ великому государю въ подданство отдались; за такое великое дѣло вы должны намъ и своего уступить, не только что наше назадъ отдать. Если же царское величество завоеванныхъ городовъ и земель отдать не изволитъ, то намъ и Богъ поможетъ, и если мы что отыщемъ войною, то вамъ будетъ стыдно.»

Весь сентябрь прошелъ въ безполезныхъ съѣздахъ и спорахъ. Московскіе уполномоченные изъ завоеваннаго въ Литвѣ уступали по рѣку Березу; коммиссары не соглашались, а между тѣмъ послы съ разныхъ сторонъ получали извѣстія о непріязненныхъ дѣйствіяхъ литовскихъ войскъ: оба гетмана—Сапѣга и Гонсѣвскій придвигались къ Вильнѣ, ратные люди ихъ хватали и били Русскихъ, залегли всѣ пути, на Ошмянской дорогѣ подъ Мѣдниками осадили отрядъ драгуновъ, отправлявшихся въ полки князя Юрія Долгорукаго. 9 октября на съѣздѣ послы потребовали у коммиссаровъ, чтобъ всѣ эти зацѣпки были прекращены и драгуны выпущены изъ осады. Коммиссары отвѣчали дерзко: «По нашему прошенью гетманъ Павелъ Сапѣга драгуновъ изъ осады освободитъ, велитъ ихъ отпустить къ Москвѣ, а не въ полки, а что при нихъ оружія, зелья и свинцу, то все у нихъ велитъ взять.» Послы отвѣчали на это съ большимъ шумомъ: «Съ княземъ Юріемъ Алексѣевичемъ Долгорукимъ ратныхъ людей много, будутъ драгуны выручены и безъ гетманскаго отпуска; кровопролитіе начинается отъ вашего несходства, а нашему великому государю по его правдѣ Богъ поможетъ.» Этимъ съѣздъ кончился, и послы дали знать Долгорукому, чтобъ онъ Божіимъ и государевымъ дѣломъ промышлялъ по указу; 19 числа выѣхали они изъ Вильны и въ дорогѣ узнали, что польскіе и литовскіе люди Сапѣгина полку, присяжная шляхта и Черкасы по дорогѣ отъ Вильны къ Минску, около Минска и до Борисова заѣзжаютъ занятыя царскими войсками мѣста; изъ Минска получили они вѣсть, что этотъ городъ съ 1 октября осажденъ Черкасами, которые пишутся королевскими подданными; шляхта минская и другихъ повѣтовъ, въ числѣ 1000 человѣкъ, стоитъ въ минскомъ посадѣ; Черкасы пріѣзжаютъ къ ней каждый день и говорятъ, чтобъ Минскъ взять;

мѣщане минскіе въ городъ въ осаду не пошли и разъѣхались всѣ въ польскіе города [9]. Но князь Юрій Алексѣевичъ Долгорукій поправилъ дѣло: чтобъ не допустить до соединенія непріятельскія силы, со всѣхъ сторонъ скопляющіяся, онъ рѣшился 8 октября напасть на Гонсѣвскаго въ селѣ Варкѣ (Werki). Гонсѣвскій, узнавъ о приближеніи Москвы, поспѣшилъ предупредить нападеніе, и сначала конница его имѣла успѣхъ, замѣшала, обратила въ бѣгство ряды московскіе; но тутъ Долгорукій ввелъ въ дѣло два пѣхотныхъ стрѣлецкихъ полка; Литва не выдержала и побѣжала, оставивъ въ рукахъ побѣдителей своего гетмана [10]. Другой гетманъ, Павелъ Сапѣга, остался цѣлъ благодаря мѣстничеству: двинувшись противъ непріятелей, Долгорукій послалъ къ уполномоченнымъ, Одоевскому съ товарищами, чтобъ отправили къ нему на помощь бывшихъ съ ними ратныхъ людей; но сотенные головы, князь Ѳедоръ Борятинскій и двое Плещеевыхъ, объявили, что имъ идти на помощь къ князю Долгорукому невмѣстно. Послѣ разрядный дьякъ объявилъ имъ на постельномъ крыльцѣ: «Тутъ мѣстъ нѣтъ, всегда большой воевода меньшему помогаетъ; вашею измѣною гетмана Павла Сапѣгу упустили.» Виновные посланы были головою на дворъ къ Долгорукому [11]. Но и самъ Долгорукій разсердилъ государя, отступивъ отъ Вильны безъ указа, не далъ знать въ Москву и о побѣдѣ своей. 17 ноября государь отправилъ къ нему любопытную грамоту: «Похваляемъ тебя безъ вѣсти и жаловать обѣщаемся; а что ты безъ нашего указа пошелъ, и то ты учинилъ себѣ великое безчестье, потому что и хотимъ съ милостивымъ словомъ послать и съ иною нашею государевою милостію, да нельзя послать: отписки отъ тебя нѣтъ, невѣдомо противъ чего писать тебѣ! А безчестье ты себѣ учинилъ такое: теперь тебя одинъ стольникъ встрѣтитъ подлѣ Москвы, а еслибъ ты безъ указа не пошелъ, то къ тебѣ и третій стольникъ былъ бы. Другое то: Поляки опять займутъ дороги отъ Вильны и людей взбунтуютъ. Напрасно ты послушалъ худыхъ людей; видишь ты самъ, что развѣ нынѣ у тебя много друзей стало, а прежде мало было кромѣ Бога и насъ грѣшныхъ; людей ратныхъ для тебя самъ я сбиралъ, и еслибъ не жалѣлъ тебя, то и Спасова образа съ тобою не отпускалъ бы: и ты за мою, просто молвить, милостивую любовь ни одной строки не писывалъ ни о чемъ, писалъ къ друзьямъ своимъ, а тѣ, ей ей! про

тебя же переговариваютъ да смѣются, какъ ты торопишься, какъ и иное дѣлаешь; а я къ тебѣ никогда немилостивъ не бывалъ и впередъ отъ меня къ тебѣ, Богъ вѣсть, какому злу бывать ли; а чаю, что князь Никита Ивановичъ (Одоевскій) тебя подбилъ, и его было слушать напрасно, вѣдаешь самъ, какой онъ промышленникъ? послушаешь, какъ про него поютъ на Москвѣ. А ты хотя бы и пошелъ, но пѣхоту солдатскую оставилъ бы въ Вильнѣ да полкъ рейтаръ, да посулилъ бы рейтарамъ хотя по сороку рублевъ человѣку; а теперь, чаю, и самъ размышляешь, что сдѣлалось безъ конца. Князь Никитѣ показалось, что мы васъ и позабыли, да и людей не стало, и выручить васъ нечѣмъ и некому. Тебѣ бы о сей грамотѣ не печалиться, любя тебя пишу, а не кручинясь, а сверхъ того сынъ твой скажетъ, какая немилость моя къ тебѣ и къ нему. И тебѣ бы отписать ко мнѣ наскоро, коимъ обычаемъ ты пошелъ и чего ради, и чего чая впередъ? будетъ чая миру нынѣшней зимою, то по дѣлу; а будетъ не чая миру и Сапѣгу покинулъ въ собраньѣ на виленской сторонѣ, и то сдѣлалось добрѣ худо. Помысли самъ себѣ: по какому указу пошелъ? какая тебѣ честь будетъ, какъ возьмутъ Ковну или Гродню? Какъ и помыслить, что, пришедши въ Смоленскъ безъ нашего указа, писать объ указѣ! Князь Никита не пособитъ, какъ Вильню сбрѣютъ и по дорогамъ пуще стараго залоги поставятъ, и Шведъ близко, а Нечая и безъ князь Никиты Сергій Чудотворецъ дважды побилъ, а на весну съ Поляками втрое нынѣшняго пуще будетъ сдѣлываться и боемъ биться. Жаль конечно тебя: впрямь Богъ хотѣлъ тобою всякое дѣло въ совершеніе не во многіе дни привести и совершенную честь на вѣки неподвижну учинить, да самъ ты отъ себя потерялъ; теперь тебѣ и скорбно, а какъ пообмыслишься гораздо, и ты и самъ о себѣ потужишь и узнаешь, что не ладнѐ сдѣлалось. А мы и нынѣ за твою усердную вѣру къ Богу, а къ намъ вѣрную службу, всякимъ милостивымъ жалованьемъ жаловать тебя хотимъ; а какъ бы ты безъ нашего указа изъ Вильны не ходилъ, а ратнымъ бы людямъ на прокормъ по своему разсмотрѣнію роздалъ шляхетскія мастности, и послѣ такого великаго побою изволилъ бы Господь Богъ миръ совершить вскорѣ, и ты бъ наипаче нашею, великаго государя, милостію за два такія великія дѣла—се за бой, се за миръ былъ бы пожалованъ. А прочтя сію нашу грамоту и запечатавъ, прислать ее къ намъ съ тѣмъ же, кто къ тебѣ съ нею пріѣдетъ»[12].

Несчастіе Гонсѣвскаго и побѣда князя Ивана Андреевича Хованскаго надъ Литвою при Мядзёлахъ охолодили Поляковъ, разгоряченныхъ подданствомъ Выговскаго, возмечтавшихъ, что съ этимъ подданствомъ успѣхъ войны перейдетъ на ихъ сторону, возвратятся къ нимъ всѣ потерянныя силы. Но, съ другой стороны, взятіе въ плѣнъ гетмана Литовскаго не возгордило Москвы: здѣсь очень хорошо понимали всю опасность, начавшую грозить отъ измѣны гетмана войска Запорожскаго; а главное, казна была истощена пятилѣтнею войною, ратные люди кормились на счетъ занятыхъ земель, и какъ они кормились, мы видѣли изъ жалобъ Ордина-Нащокина, который все болѣе и болѣе пріобрѣталъ привязанность и довѣріе царя сколько умными совѣтами, распорядительностію, столько же и религіозностію, такъ нравившеюся Алексѣю Михайловичу. Весною 1658 года, жалуя его въ думные дворяне, государь прислалъ ему такую грамоту: «Пожаловали мы тебя за твои къ намъ многія службы и радѣнье, что ты, помня Бога и Его св. заповѣди, алчныхъ кормишь, жадныхъ поишь, нагихъ одѣваешь, странныхъ въ кровы вводишь, больныхъ посѣщаешь, въ темницы приходишь, еще и ноги умываешь и наше крестное цѣлованье исполняешь, намъ служишь, о нашихъ дѣлахъ радѣешь мужественно и храбро, и до ратныхъ людей ласковъ, а ворамъ не спускаешь, и противъ шведскаго короля славныхъ городовъ стоишь съ нашими людьми смѣлымъ сердцемъ» [13]. Нащокинъ не переставалъ повторять прежнее. «Теперь» писалъ онъ въ началѣ 1659 года: «теперь изъ Царевичева Димитріева города надобно въ три мѣста посылать помощь, оборонять отъ злаго мученія, надобно оборонить Чадосы отъ осады литовскихъ людей, которые пришли мстить за разоренье шляхты бряславской; рейтары мучатъ людей въ Икажнѣ и Бряславѣ, а донскіе козаки пустошатъ Друю съ волостями; отовсюда просятъ помощи, обливаются кровавыми слезами; лучше бы я на себѣ раны видѣлъ, только бы невинные люди такой крови не терпѣли! Лучше бы согласился я быть въ заточеніи необратномъ, только бы не жить здѣсь и не видать надъ людьми такихъ злыхъ бѣдъ!» Тщетно посылалъ Нащокинъ приказы рейтарамъ и донскимъ козакамъ, чтобъ выступали противъ непріятеля: они не трогались, «отяжелѣвъ награбленными пожитками, которые нахватали у людей, присягнувшихъ царю.» Глядя широкимъ взглядомъ на дѣла, предтеча Пре-

образователя требовалъ новаго, европейскаго образа веденія войны, для котораго въ Москвѣ не было еще ни средствъ, ни пониманія. «Не стыдно—писалъ Нащокинъ—навыкать доброму отъ стороны, и отъ враговъ своихъ свидѣтельство крѣпче принимаемъ: во всѣхъ государствахъ надъ войсками гетманы или генералиссимусы на границахъ бываютъ даже и не въ военное время, а когда война, то и подавна съ войскомъ стоятъ на границахъ, рати къ нимъ идутъ и указы отъ нихъ получаютъ, а не они отъ кого-нибудь указовъ просятъ: отъ этого дѣло скорѣе дѣлается; гдѣ глаза видятъ и ухо слышитъ, тутъ бы и промыслъ держать неотложно. Надобно знающимъ полководцамъ быть по рубежу, рати держать въ строеньи и отъ крови сдерживать, чтобъ миру мѣсто было, а не разрушеніе, не все войну вести.» Нащокинъ требовалъ полнаго преобразованія войска, замѣненія старинной дворянской конницы даточными конными и пѣшими людьми [14].

Но для этихъ преобразованій надобенъ былъ Петръ; царь Алексѣй видѣлъ отсутствіе средствъ къ войнѣ, не имѣлъ возможности создать ихъ, не умѣлъ, подобно сыну своему, собственнымъ неутомимымъ движеніемъ возбуждать всюду коснѣющія силы, и спѣшилъ прекратить войну въ Литвѣ и Бѣлоруссіи, чтобъ обратить всѣ усилія на югъ, въ Малороссію. Польша, обманутая въ своихъ надеждахъ, также хотѣла пріостановить военныя дѣйствія, и вотъ, въ одно и то же время, въ генварѣ 1659 года, московскій посланникъ ѣхалъ въ Польшу, а Польскій гонецъ въ Москву. Король въ грамотѣ своей жаловался на Долгорукаго, что тотъ разорвалъ перемиріе, напавши и взявши въ плѣнъ Гонсѣвскаго, который пришелъ только въ качествѣ коммиссара, для мирныхъ переговоровъ, и имѣлъ при себѣ нѣсколько сотъ конницы; жаловался на уполномоченныхъ царскихъ, что разорвали коммиссію; предлагалъ третью коммиссію и требовалъ освобожденія Гонсѣвскаго, какъ коммиссара, безъ котораго нельзя вести переговоровъ. Царь, съ своей стороны, жаловался королю на польскихъ коммиссаровъ и на Гонсѣвскаго, но также прибавлялъ, что согласенъ на миръ, для заключенія котораго пусть король присылаетъ уполномоченныхъ въ Москву. Король продолжалъ предлагать, чтобъ коммиссія, разорванная подъ Вильною, была возобновлена опять въ Вильнѣ же или въ Минскѣ, или въ Оршѣ, чтобъ во время коммиссіи военныя дѣйствія были задержаны и Гонсѣвскій

освобожденъ; царь отвѣчалъ: «Когда король пришлетъ своихъ великихъ пословъ въ Москву, тогда мы велимъ присоединить къ нимъ и Гонсѣвскаго, и когда доброе дѣло сдѣлается, то онъ вмѣстѣ съ послами и будетъ отпущенъ; что же касается до прекращенія военныхъ дѣйствій, то мы уже велѣли прекратить ихъ на все то время, когда ваши великіе послы будутъ въ Москвѣ.» Понятно, что съ польской стороны это была одна проволочка времени, хотѣли выждать, чѣмъ рѣшится дѣло въ Малороссіи.

Здѣсь упорная борьба продолжалась подъ Лохвицею, гдѣ стояли царскіе воеводы, князья Ромодановскій и Куракинъ, и подъ Ромнами, гдѣ стоялъ Безпалый. Народъ смотрѣлъ съ отвращеніемъ на эту войну, говорили: «Войну начали старшіе, и еслибъ царскіе ратные люди гдѣ-нибудь старшину нашу осадили, то мы бы ее всю, перевязавши, царскому величеству выдали; а теперь мы слушаемся своихъ старшихъ по неволѣ, боясь всякаго разоренія и смертнаго убійства.» Старшіе неволею выбивали козаковъ въ полки, грозя, кто въ полки не поѣдетъ, у того женъ и дѣтей поберутъ и отдадутъ Татарамъ. Пошло въ ходъ слово *измѣнникъ*; такъ величали старшіе козаковъ, которые не хотѣли сражаться противъ царскихъ войскъ.

Въ февралѣ 1659 года Безпалый далъ знать въ Москву, что изъ Новой Чернухи приходили подъ Лохвицу Скоробогатенко и Немиричъ съ Ляхами и Татарами, въ числѣ 30,000, къ городу приступали трижды, но были отбиты. Самъ Выговскій подъ Лохвицу не приходилъ, стоялъ въ Чернухахъ, а потомъ пошелъ къ Миргороду и 4 февраля явился подъ этимъ городомъ. Находившіеся здѣсь московскіе драгуны укрѣпили осаду въ маломъ городѣ, а Миргородцы всѣ присягнули служить государю и ратныхъ людей не выдавать. Но 7 февраля, по прелестнымъ письмамъ отъ Выговскаго и по наговору протопопа Филиппа, Степанъ Довгаль, бывшій здѣсь снова полковникомъ, выѣхалъ изъ города къ Выговскому, Миргородцы зашатались и сдались; московскихъ драгуновъ Выговскій ограбилъ и отослалъ въ Лохвицу, а самъ двинулся въ полтавскій полкъ. На всѣ просьбы Безпалаго о помощи былъ одинъ отвѣтъ изъ Москвы, что идетъ въ Малороссію бояринъ князь Алексѣй Никитичъ Трубецкой.

Трубецкой, дѣйствительно, выступилъ изъ Москвы 15 генваря, съ войскомъ, простиравшимся, какъ говорятъ, до 150,000; 30

числа бояринъ стоялъ уже въ Сѣвскѣ. Но на многочисленное войско въ Москвѣ не надѣялись, хотѣли во что бы то ни стало оторвать Выговскаго отъ Польши, ибо только этимъ можно было добиться счастливаго окончанія дѣлъ съ послѣднею. 7 февраля въ трапезѣ у дворцовой церкви св. Евдокіи государь слушалъ важныя статьи, а комнатные бояре слушали ихъ въ комнатахъ; эти бояре были: Борисъ Ивановичъ Морозовъ, князь Яковъ Куденетовичъ Черкасскій, князь Никита Ивановичъ Одоевскій, Илья Даниловичъ Милославскій, Иванъ Андреевичъ Милославскій. Статьи были отправлены къ Трубецкому; въ нихъ предписывалось воеводѣ войти въ сношенія съ Выговскимъ и предложить ему начать доброе дѣло такимъ способомъ: ратныхъ людей съ обѣихъ сторонъ развесть безъ крови и Татаръ вывести. Когда гетманъ будетъ съ нимъ на съѣздѣ, то всякими мѣрами его уговаривать и государевою милостію обнадеживать. Если Выговскій покажетъ статьи польскаго короля, гдѣ ему написано гетманство и воеводство кіевское, полковникамъ и другимъ начальнымъ людямъ шляхетство, вольности шляхетскія и маетности въ Малороссіи, то написать договоръ, примѣриваясь къ этимъ статьямъ и смотря по тамошнему дѣлу, если между этими статьями не будетъ самыхъ высокихъ и затѣйныхъ, которыя не къ чести государеву имени. Если Выговскаго любятъ и гетманомъ его на будущее время имѣть хотятъ, то ему гетманомъ попрежнему быть. Если станетъ просить воеводства кіевскаго, быть по его прошенію. Если на отца своего, на братью и на друзей станетъ просить каштелянства и старостствъ—быть по его прошенію. Станетъ просить на гетманскую булаву города въ прибавку—согласиться. Если станетъ говорить, чтобъ въ Кіевѣ и другихъ городахъ государевымъ воеводамъ и ратнымъ людямъ не быть, а боярина Шереметева съ людьми ратными изъ Кіева вывести, то боярина вывести, согласиться и на выводъ ратныхъ людей, если будетъ требовать этого упорно. Если станетъ говорить о своевольникахъ, чтобы ихъ усмирить, то отвѣчать: «И такъ много крови христіанской пролилось нынѣшнимъ вашимъ междоусобіемъ, съ обѣихъ сторонъ православные христіане побиты и разорены, а бусурманы были рады; надобно съ своевольниками помириться безъ кровопролитія, а я, по указу великаго государя, стану ихъ къ миру склонять; а если впередъ затѣятъ бунты, то ихъ смирять, но Татаръ не приводить.»

Но дѣло не дошло до переговоровъ. 28 февраля Трубецкой выступилъ изъ Сѣвска и 10 марта пришелъ въ Путивль; 26 марта выступилъ изъ Путивля, направляясь на мѣстечко Константиновъ на Сулѣ, стягивая къ себѣ и московскихъ воеводъ изъ Лохвицы и Безпалаго изъ Роменъ. 10 апрѣля Трубецкой вышелъ изъ Константинова къ Конотопу, гдѣ заперся приверженецъ Выговскаго, полковникъ Гуляницкій. 19 апрѣля Трубецкой подошелъ къ Конотопу и безуспѣшно осаждалъ этотъ городъ до 27 іюня, когда явился туда Выговскій вмѣстѣ съ ханомъ крымскимъ. Оставивши всѣхъ Татаръ и половину козаковъ своихъ въ закрытомъ мѣстѣ за рѣчкою Сосновкою, съ другою половиною козаковъ Выговскій подкрался подъ Конотопъ, на разсвѣтѣ ударилъ на осаждающихъ, перебилъ у нихъ много людей, отогналъ лошадей и началъ отступать. Воеводы, думая, что непріятельскаго войска только и есть, отрядили для его преслѣдованія князя Семена Романовича Пожарскаго и князя Семена Петровича Львова съ конницею. 28 іюня Пожарскій нагналъ Черкасъ, поразилъ и погнался за отступавшими, все болѣе и болѣе удаляясь отъ Конотопа; тщетно языки показывали, что впереди много непріятельскаго войска, и остальная половина козаковъ, и цѣлая орда съ ханомъ и калгою: передовой воевода ничего не слушалъ и шелъ впередъ. «Давайте мнѣ ханишку!» кричалъ онъ: «давайте калгу! всѣхъ ихъ съ войскомъ, такихъ-то и такихъ-то..., вырубимъ и выплѣнимъ.» Но только что успѣлъ онъ перегнать Выговскаго за болотную рѣчку Сосновку и самъ перебрался за нее со всѣмъ отрядомъ, какъ выступили многочисленныя толпы Татаръ и козаковъ и разгромили совершенно Москву. Пожарскій и Львовъ попались въ плѣнъ; Пожарскаго привели къ хану, который началъ выговаривать ему за его дерзость и презрѣніе силъ татарскихъ; но Пожарскій былъ одинаковъ и на полѣ битвы и въ плѣну: выбранивъ хана по *московскому обычаю,* онъ плюнулъ ему въ глаза, и тотъ велѣлъ тотчасъ же отрубить ему голову. Такъ разсказываетъ малороссійскій лѣтописецъ [15]; но московскій толмачъ Фроловъ, бывшій очевидцемъ умерщвленія Пожарскаго, разсказывалъ, что ханъ велѣлъ убить Пожарскаго за то, что этотъ самый воевода въ прошлыхъ годахъ приходилъ войною подъ Азовъ на крымскихъ царевичей. Князь Львовъ былъ оставленъ въ живыхъ, но недѣли черезъ двѣ умеръ отъ болѣзни [16].

Цвѣтъ московской конницы, совершившей счастливые походы 54 и 55 года, сгибъ въ одинъ день; плѣнныхъ досталось побѣдителямъ тысячъ пять; несчастныхъ вывели на открытое мѣсто и рѣзали какъ барановъ: такъ уговорились между собою союзники—ханъ крымскій и гетманъ войска запорожскаго! Никогда послѣ того царь московскій не былъ уже въ состояніи вывести въ поле такого сильнаго ополченія. Въ печальномъ платьѣ вышелъ Алексѣй Михайловичъ къ народу, и ужасъ напалъ на Москву. Ударъ былъ тѣмъ тяжелѣе, чѣмъ неожиданнѣе; послѣдовалъ онъ за такими блестящими успѣхами! Еще недавно Долгорукій привелъ въ Москву плѣннаго гетмана литовскаго, недавно слышались радостные разговоры о торжествѣ Хованскаго; а теперь Трубецкой, на котораго было больше всѣхъ надежды, «мужъ благоговѣйный и изящный, въ воинствѣ счастливый и недругамъ страшный», сгубилъ такое громадное войско! Послѣ взятія стольких городовъ, послѣ взятія столицы литовской, царствующій градъ затрепеталъ за собственную безопасность: въ августѣ, по государеву указу, люди всѣхъ чиновъ спѣшили на земляныя работы для укрѣпленія Москвы. Самъ царь съ боярами часто присутствовалъ при работахъ; окрестные жители съ семействами, пожитками наполняли Москву, и шелъ слухъ, что государь уѣзжаетъ за Волгу, за Ярославль [17].

Разгромивши отрядъ Пожарскаго, ханъ и Выговскій двинулись къ Конотопу, чтобъ ударить на Трубецкаго; но бояринъ уже отступилъ отъ города, и благодаря многочисленной артиллеріи, успѣлъ безъ большаго вреда отъ напирающаго непріятеля перевести свое войско въ Путивль, куда прибылъ 10 іюля; Выговскій и ханъ не преслѣдовали его далѣе рѣки Семи и отправились подъ Роменъ, жители котораго сдались имъ; Выговскій поклялся выпустить бывшій здѣсь московскій гарнизонъ, и, несмотря на клятву, отправилъ его къ польскому королю. Изъ-подъ Ромна союзники пошли подъ Гадячъ. Здѣсь Татары, расположившись станомъ въ полѣ, спокойно смотрѣли, какъ Черкасы Выговскаго рѣзались съ своими братьями, жителями Гадяча, на приступѣ. Осаждающіе должны были отступить, потерявши больше тысячи человѣкъ. Тутъ пришла вѣсть къ хану, что молодой Юрій Хмельницкій съ Запорожцами ходилъ подъ Крымъ, погромилъ четыре ногайскихъ улуса и взялъ много плѣнныхъ. Ханъ и Выговскій немедленно послали

сказать ему, чтобъ отпустилъ плѣнныхъ въ Крымъ, но Хмельницкій отвѣчалъ: «Если ханъ отпуститъ изъ Крыма прежній полонъ козацкій, то и мы отпустимъ Татаръ; если же ханъ пойдетъ на государевы города войною, то и мы опять пойдемъ на крымскіе улусы.» Пошумѣвъ за это съ Выговскимъ, ханъ отдѣлился отъ него, пошелъ на Сумы, Хотмылъ, Карповъ, Ливны, городовъ не тронулъ, но выжегъ уѣзды и направилъ путь домой [18].

Между тѣмъ Трубецкой изъ Путивля писалъ Выговскому, чтобъ тотъ прислалъ къ нему добрыхъ людей для переговоровъ о прекращеніи кровопролитія. Выговскій отвѣчалъ (1 августа), все еще называя себя гетманомъ его царскаго величества: «Знаете вы и сами хорошо, что мы нынѣшнему междоусобію и кровопролитію между христіанами ни малѣйшей не дали причины, и не только самому его царскому величеству, но и вамъ не однажды писали, чтобъ въ совѣтѣ пребывали; такъ и теперь, видитъ Богъ, нестроенія не желаемъ и Бога просимъ, чтобъ Онъ сердца непримирительныя къ братолюбію возвратилъ, и пусть кровь христіанская падетъ на голову того, кто желалъ и желаетъ ея пролитія. Согласно желанію вашему, изъ войска нашего людей добрыхъ двоихъ, троихъ или четверыхъ для разговора о всякихъ добрыхъ дѣлахъ пошлемъ, только бы имъ какой-нибудь неправды не было, и самъ съ вами сойдусь, чтобъ имѣть частыя сношенія. А что вы пишете, что подъ Конотопъ приходили не для войны, а для разговора и усмиренія домашняго междоусобія, то какая ваша правда? Кто видалъ, чтобъ съ такими великими ратями и съ такимъ великимъ нарядомъ на разговоръ приходили? Въ Конотопѣ никакого своеволія и междоусобія не было: зачѣмъ было къ нему приступать? Вы на искорененіе наше со многими людьми пришли, Борзну вырубили и людей въ полонъ забрали, въ чемъ оправдываться не можете, ибо тамошніе люди не только вамъ никакой причины къ нападенію не давали, но и ратямъ вашимъ не противились, а еслибы оборонялись, то не скоро бы вы ихъ взяли.» Въ заключеніе Выговскій писалъ, что не пришлетъ своихъ посланцевъ въ Путивль, но пусть Трубецкой присылаетъ своихъ въ Батуринъ.

Видя, что Выговскій особенно страшенъ въ союзѣ съ ханомъ, въ Москвѣ стали думать, какъ бы разорвать этотъ союзъ. Но прозорливый Ординъ-Нащокинъ писалъ царю: «Вашему царскому

величеству угодно, чтобъ хана крымскаго съ Выговскимъ какими-нибудь письмами поссорить, чтобъ они, побранясь между собою, разошлись: но такихъ людей, которые бы умѣли это сдѣлать, у вашего царскаго величества нѣтъ, не учились; которыя дѣла и по наказу дѣлаются, и тѣ не скоро въ совершеніе приходятъ. Хана крымскаго отъ Выговскаго можно оторвать только однимъ: послать людей на Донъ, только не такъ, какъ былъ на Дону думный дворянинъ Жданъ Васильевичъ Кондыревъ: кромѣ письменныхъ людей было при немъ множество вольныхъ на Дону, а прибыли тебѣ, великому государю, ничего не сдѣлали, и вольные и письменные всѣ померли отъ голоду»[19]. Въ Крыму начали опять грабить Русскихъ пословъ, которые успѣвали только спасать царскіе наказы, пряча ихъ—въ ветчинѣ! Во время похода ханскаго подъ Конотопъ пословъ держали въ тюрьмѣ, въ оковахъ, и говорили имъ: «Государь вашъ Запорожскими Черкасами хочетъ завладѣть; польскій король также хотѣлъ ими завладѣть, но и свое королевство потомъ потерялъ: то же будетъ и московскому государству, будетъ запустошено изъ-за козаковъ.» Татары хвастались конотопскимъ дѣломъ: «Теперь» говорили они: «Московскіе люди полевымъ боемъ съ нами биться не станутъ», но въ то же время не скрывали и своего страха предъ усиливавшимся могуществомъ Москвы: «Вашъ государь» говорили они посламъ: «хочетъ завладѣть козаками и поляками, а потомъ и Крымомъ»; требовали, чтобы царь помирился съ королемъ, удержавъ за собою всѣ завоеванія, но отдавъ Малороссію Польшѣ. Тщетно послы московскіе предлагали большія деньги вельможамъ, если они убѣдятъ хана не помогать Полякамъ и Выговскому; вельможи отвѣчали: «Не думайте, что мы сладимся на деньги; всѣ помремъ, а надъ московскимъ государствомъ и надъ Черкасами всячески станемъ промышлять.» Но и донскіе козаки также промышляли: во время конотопскаго похода суда ихъ явились у крымскихъ береговъ; Донцы высаживались подъ Каѳою, Балаклавою, Керчью, углубляясь внутрь полуострова верстъ на 30, взяли плѣнныхъ тысячи съ двѣ, освободили своихъ полтораста; на турецкой сторонѣ были въ окрестностяхъ Синопа, у Константинова острова и города Кондры, за сутки пути отъ Царягорода; въ степяхъ залегали дороги, прерывали сношенія хана съ Калмыками, отрѣзывали татарскіе отряды, шедшіе къ Выговскому[20].

Въ Москвѣ напрасно очень безпокоились. Конотопское дѣло было явленіемъ случайнымъ, не могшимъ имѣть никакихъ важныхъ послѣдствій. Ханъ, который одинъ давалъ силу Выговскому, ушелъ въ Крымъ, оставивши въ Малороссіи только 15,000 орды; войско, которое могло дать Выговскому Польша, было ничтожно: какихъ-нибудь 1500 человѣкъ! И тщетно ждалъ онъ подкрѣпленій отъ короля. Выговскій возвратился въ Чигиринъ, не могши взять на дорогѣ Гадяча; изъ Чигирина онъ выслалъ было козаковъ западной стороны и Татаръ подъ начальствомъ брата своего Данила, но это войско 22 августа было поражено на-голову московскими войсками, вышедшими изъ Кіева. Въ какомъ состояніи находилась въ это время Малороссія, лучше всего видно изъ донесенія королю Яну Казиміру обознаго короннаго, Андрея Потоцкаго, начальствовавшаго вспомогательнымъ польскимъ отрядомъ при Выговскомъ: «Не изволь ваша королевская милость ожидать для себя ничего добраго отъ здѣшняго края! Всѣ здѣшніе жители (т.-е. жители западной стороны Днѣпра) скоро будутъ московскими, ибо перетянетъ ихъ къ себѣ Заднѣпровье (восточная сторона), а они того и хотятъ, и только ищутъ случая, чтобъ благовиднѣе достигнуть желаемаго. Они послали къ Шереметеву копію привилегій вашей королевской милости, спрашивая: согласится ли царь заключить съ ними такія же условія? Одно мѣстечко воюетъ противъ другаго, сынъ грабитъ отца, отецъ сына. Страшное представляется здѣсь Вавилонское столпотвореніе! Благоразумнѣйшие изъ старшинъ козацкихъ молятъ Бога, чтобъ кто-нибудь, или ваша королевская милость, или царь, взялъ ихъ въ крѣпкія руки и не допускалъ грубую чернь до такого своеволія.»

Восточная сторона перетянула. Здѣсь, какъ скоро Выговскій удалился съ Татарами въ Чигиринъ, переяславскій полковникъ Тимоѳей Цецура объявилъ себя за Москву, перебилъ тѣхъ немногихъ, которые были за Выговскаго, и далъ знать объ этомъ въ Путивль князю Трубецкому. 30 августа кіевскій воевода Шереметевъ писалъ государю, что полковники—Переяславскій, Нѣжинскій, Черниговскій, Кіевскій и Лубенскій добили челомъ и присягнули. На западной сторонѣ Днѣпра, заслышавъ о движеніяхъ Цецуры, козаки начали собираться и разсуждать, оставаться ли имъ въ подданствѣ королевскомъ, или бить челомъ государю московскому? Выговскій находился въ самомъ печальномъ положе-

ніи; многіе изъ близкихъ людей совѣтовали ему пуститься въ степи и уйти къ хану. Андрей Потоцкій понялъ, какая бѣда начнетъ грозить Польшѣ, если еще Турки вмѣшаются въ борьбу за Украйну, и уговорилъ Выговскаго переѣхать изъ Чигирина къ нему въ обозъ, расположенный на Гребенкахъ, недалеко отъ Бѣлой Церкви. Скоро всѣ козаки отстали отъ Выговскаго, собрались около молодаго Юрія Хмельницкаго въ числѣ десяти тысячъ человѣкъ и стали на Германовкѣ. Братъ Выговскаго, Данила, женатый на родной сестрѣ Юрія, Еленѣ Богдановнѣ, соединился также съ шуриномъ своимъ. Шереметевъ писалъ Хмельницкому, чтобъ онъ отступилъ отъ измѣнниковъ и соединился съ вѣрными козаками восточной стороны; 5 сентября Хмельницкій отвѣчалъ, что онъ и все войско запорожское хочетъ служить великому государю. 11 сентября была у козаковъ рада: Иванъ Выговскій пріѣхалъ къ нимъ, показывалъ и читалъ гадячскія условія, подтвержденныя уже на сеймѣ, уговаривалъ козаковъ оставаться подъ королевскою рукою, но вслѣдствіе этихъ уговоровъ едва успѣлъ убѣжать въ Польскій станъ; козаки кричали, что у короля въ подданствѣ быть не хотятъ, хотятъ быть подъ государевою рукою. 13 сентября Хмельницкій съ своимъ войскомъ двинулся на Расаву для соединенія съ стоявшими тамъ полками—чигиринскимъ, уманьскимъ и черкасскимъ; Иванъ Выговскій и Потоцкій слѣдовали за нимъ; козаки говорили, что на Расавѣ будетъ большая рада, гдѣ изберутъ въ гетманы Юрія Хмельницкаго, а Выговскаго убьютъ. Въ двадцатыхъ числахъ Потоцкій съ Выговскимъ остановились подъ Хвостовомъ, а Хмельницкій на Взеньи, близь Бѣлой Церкви, и козаки прислали къ Потоцкому съ просьбою, чтобъ уговорить Выговскаго сложить булаву на радѣ. Потоцкій отправилъ козацкихъ посланниковъ съ бранью; но вслѣдъ за ними пріѣхали къ Выговскому каневскій полковникъ Лизогубъ и миргородскій Грицко Лесницкій съ требованіемъ, чтобъ онъ черезъ нихъ переслалъ войску булаву и бунчукъ, просили о томъ же и Потоцкаго, утверждая, что войско хочетъ остаться вѣрнымъ королю. Послѣ продолжительныхъ переговоровъ Выговскій наконецъ объявилъ Потоцкому, что, для сохраненія мира, готовъ отдать бунчукъ и булаву, но съ тѣмъ условіемъ, чтобъ войско запорожское оставалось вѣрнымъ королю. Лизогубъ и Лесницкій дали слово, что это условіе будетъ выполнено, и онъ отправилъ булаву и

бунчукъ съ братомъ своимъ Данилою. Лизогубъ, Лесницкій и Данила встрѣтили войско на дорогѣ, потому что оно двинулось уже къ польскому стану, чтобъ страхомъ принудить Потоцкаго оставить Выговскаго. Когда бунчукъ и булава, присланные послѣднимъ, внесены были въ раду, то войско тотчасъ отдало ихъ Хмельницкому, громко желая ему счастливаго гетманства.

Между тѣмъ 5 сентября Трубецкой выступилъ изъ Путивля въ черкасскіе города, и вездѣ въ этихъ городахъ принимали его съ торжествомъ; полковники и посполъство, при пушечной стрѣльбѣ, присягали на вѣрную службу великому государю. 27 числа подошелъ Трубецкой къ Переяславлю: полковникъ Тимоѳей Цецура со всѣмъ полкомъ встрѣтилъ его за пять верстъ отъ города; протопопъ Григорій, священники со крестами, мѣщане, войтъ, бурмистры, райцы, лавники и вся чернь за городомъ. Пошли въ церковь, отпѣли молебенъ; послѣ молебна Трубецкой объявилъ Переяславцамъ милость великаго государя, что пожаловалъ, велѣлъ имъ быть подъ своею высокою рукою попрежнему, правъ и вольностей ихъ нарушать не велѣлъ, а что были они отъ него отступны, и онъ вины имъ отдалъ: такъ они бы, видя премногую милость, великому государю служили вѣрно. Переяславцы били челомъ и обѣщали быть подъ рукою великаго государя на вѣки неотступно. Тутъ раздалась стрѣльба изъ всего наряду, что только было въ Переяславлѣ.

На другой день бояринъ отправилъ грамоту къ Юрію Хмельницкому, чтобы онъ, помня милость царскую къ отцу своему и къ себѣ, служилъ великому государю вѣрно, привелъ въ подданство заднѣпровскіе полки; послана увѣщательная грамота за Днѣпръ ко всей старшинѣ и черни, съ обнадеживаніемъ, что они останутся при прежнихъ своихъ правахъ и вольностяхъ. 1 октября пріѣхалъ въ Переяславль отъ Хмельницкаго и всѣхъ полковниковъ полковникъ Петръ Дорошенко и изо всѣхъ полковъ сотники съ листами, и объявили боярину, что гетманъ и все войско рады быть въ подданствѣ у великаго государя при прежнихъ правахъ и вольностяхъ. Бояринъ обнадежилъ ихъ государевою милостью, далъ имъ жалованье и отпустилъ съ приказомъ, чтобъ гетманъ, обозный и полковники для дѣлъ государевыхъ ѣхали къ нему въ Переяславль безъ опасенія, а если опасаются, то пусть оставятъ въ залогъ отправляющагося вмѣстѣ съ Дорошенкомъ посланца Вла-

дыкина. Но Владыкинъ возвратился съ тремя полковниками и привезъ отвѣтъ, чтобъ самъ бояринъ ѣхалъ за Днѣпръ къ Терехтемировскому монастырю. Трубецкой отказалъ; тогда полковники потребовали, чтобъ бояринъ, по крайней мѣрѣ, отправилъ къ нимъ въ войско товарищей своихъ, а если не отправитъ, то Хмельницкій съ полковниками въ Переяславль не поѣдутъ. Тутъ же полковники подали боярину четырнадцать статей, на которыхъ быть имъ въ царскомъ подданствѣ: въ статьяхъ говорилось, чтобъ, кромѣ Кіева, воеводъ не посылать ни въ какіе города и чтобъ московскія войска, которыя будутъ присылаться на помощь, находились подъ гетманскимъ начальствомъ. Царское величество не принимаетъ изъ войка запорожскаго никакихъ листовъ безъ вѣдома гетманскаго и всей старшины, безъ подписи руки гетманской и приложенія печати войсковой. Гетманъ долженъ быть одинъ для всѣхъ полковъ по обѣимъ сторонамъ Днѣпра. Чтобъ избраніе гетмана было вольное какъ для старшихъ, такъ и для меньшихъ, чтобъ кромѣ войсковыхъ людей никого при избраніи не было; по избраніи отправляются къ царскому величеству послы за подтвержденіемъ, въ которомъ не можетъ быть отказа. Всѣхъ иностранныхъ пословъ вольно принимать, отсылая только списки съ привезенныхъ ими грамотъ къ царскому величеству. Чтобъ при заключеніи мира съ окольными землями, а особенно съ Ляхами, Татарами и Шведами, были коммиссары отъ войска запорожскаго съ вольными голосами. Духовенство малороссійское остается подъ властію константинопольскаго патріарха; избраніе духовныхъ властей попрежнему остается вольное. Вольно каждому основывать школы и монастыри.

5 октября Трубецкой послалъ опять Владыкина къ Хмельницкому и полковникамъ, чтобъ ѣхали въ Переяславль безо всякаго опасенія, если же не согласятся, то объявить, что къ нимъ въ войско для приводу къ присягѣ пріѣдетъ товарищъ Трубецкаго, окольничій Андрей Васильевичъ Бутурлинъ. Хмельницкій согласился пріѣхать только подъ послѣднимъ условіемъ, и 9 числа въ одно время Бутурлинъ переѣхалъ на западную сторону Днѣпра, а Хмельницкій на восточную; съ нимъ были: обозный Тимоѳей Носачъ, войсковой судья Иванъ Кравченко, есаулъ Иванъ Ковалевскій да полковники: черкасскій Андрей Одинецъ, каневскій Иванъ Лизогубъ, корсунскій Яковъ Петренко, прилуцкій Петръ

Дорошенко, кальницкій Иванъ Сѣрко, потомъ изъ каждаго полка сотники и козаки. За городомъ гетмана встрѣтили двѣ сотни жильцовъ да три роты рейтаръ; въ городѣ, по улицѣ, по которой ѣхалъ гетманъ, стояли стрѣльцы и солдаты съ ружьями, знаменами и барабанами. 10 числа Хмельницкій со всею старшиною былъ у Трубецкаго, который встрѣтилъ его словами: «Извѣстно великому государю, что ты ему служишь и ни къ какимъ прелестямъ не приставалъ; за твою службу великій государь тебя жалуетъ, милостиво похваляетъ, и тебѣ бы и впередъ служить вѣрно, какъ служилъ отецъ твой, гетманъ Богданъ Хмельницкій.» Хмельницкій билъ челомъ; за ними ударили челомъ старшины, чтобъ государь велѣлъ вины имъ отдать, отлучились они отъ него по неволѣ, принудилъ ихъ измѣнникъ Ивашка Выговскій. Бояринъ отвѣчалъ, что государь вины имъ отдалъ и велѣлъ въ Переяславлѣ созвать раду, выбрать гетмана, кто имъ надобенъ, и постановить статьи.

Къ половинѣ октября пріѣхали въ Переяславль бояринъ Василій Борисовичъ Шереметевъ, окольничій князь Григорій Григорьевичъ Ромодановскій, наказной гетманъ Безпалый, съѣхались всѣ полковники, вся старшина и вся чернь восточной стороны Днѣпра, и 15 числа Трубецкой, призвавши Хмельницкаго и старшинъ, показалъ имъ свою вѣрющую грамоту и прочелъ статьи, старыя Богдановскія и новыя. Хмельницкій и старшина отвѣчали, что статьи надобно прочесть на радѣ при всемъ войскѣ. Но у Трубецкаго была одна важная статья, которую онъ сейчасъ же и объявилъ: государь указалъ въ Новгородѣ Сѣверскомъ, Черниговѣ, Стародубѣ и Почепѣ быть своимъ воеводамъ, потому что эти города изстари принадлежатъ къ московскому государству, а не къ Малой Россіи, а если въ этихъ городахъ устроены козаки землями, и въ другомъ мѣстѣ устроить ихъ будетъ негдѣ, то пусть они на своихъ земляхъ остаются и при воеводахъ. Хмельницкій и старшина отвѣчали: «Въ этихъ городахъ устроено много козаковъ и за ними много земли и всякихъ угодій, Новгородокъ Сѣверскій, Стародубъ и Почепъ приписаны къ нѣжинскому полку, а въ Черниговѣ свой полкъ, и если изъ этихъ городовъ козаковъ вывесть, то имъ будетъ домовное и всякое разоренье, права и вольности ихъ будутъ нарушены, а великій государь велѣлъ намъ быть на прежнихъ нашихъ правахъ и вольностяхъ, и если коза-

ковъ переводить, то надобно опасаться между ними всякой шатости.» Старшина била челомъ, чтобъ объ этомъ на радѣ не говорить, иначе нечего ждать прекращенія междоусобія.

17 октября открылась эта рада на полѣ за городомъ; тутъ же на полѣ для обереганья стоялъ съ московскимъ войскомъ окольничій князь Петръ Алексѣевичъ Долгорукій. Теперь уже обѣими сторонами Днѣпра выбранъ былъ въ гетманы Юрій Хмельницкій. Читали статьи, прежнія Богдановскія и новыя; новыя говорили: Гетманъ со всѣмъ войскомъ всегда долженъ быть готовъ на царскую службу. Никакими ляцкими прелестями не прельщаться, про московское государство никакимъ ссорамъ не вѣрить, ссорщиковъ казнить смертью, о всякихъ ссорныхъ дѣлахъ писать къ великому государю. Безъ государева приказа на войну никуда не ходить и никому не помогать, чтобъ этимъ вспоможеньемъ войско запорожское не умалилось, а кто пойдетъ самовольствомъ, того казнить смертью. Быть царскимъ воеводамъ съ войсками въ городахъ: Переяславлѣ, Нѣжинѣ, Черниговѣ, Браславлѣ, Умани, для обороны отъ непріятелей: воеводамъ этимъ въ войсковыя права и вольности не вступаться; въ Переяславлѣ и Нѣжинѣ быть воеводамъ на своихъ запасахъ, въ Кіевѣ, Черниговѣ и Браславлѣ владѣть маетностями, которыя прежде принадлежали тѣмъ воеводствамъ, а въ полковничьи поборы воеводамъ не вступаться; государевымъ ратнымъ людямъ у реестровыхъ козаковъ на дворахъ не ставиться, ставиться имъ у другихъ жителей, также подводъ подъ посланниковъ и гонцовъ у реестровыхъ козаковъ не брать, брать у городскихъ и деревенскихъ жителей; реестровымъ козакамъ держать вино, пиво и медъ, продавать вино бочкою куда кто захочетъ, а пиво и медъ вольно продавать гарнцемъ, кто же будетъ вино продавать въ кварты, тѣхъ карать. Въ городахъ, мѣстахъ, мѣстечкахъ бѣлорусскихъ залогамъ козацкимъ не быть, чтобъ ссоры между ратными людьми не было. Если гетманъ совершитъ какое нибудь преступленіе, то войско не можетъ его перемѣнить безъ указа царскаго: государь велитъ сыскать о гетманской винѣ всѣмъ войскомъ, и по сыску велитъ указъ учинить какъ повелось въ войскѣ; также и гетману безъ рады и безъ совѣту всей черни въ полковники и въ иные начальные люди никого не выбирать, выбирать полковниковъ на радѣ, кого межь себя излюбятъ изъ своихъ полковъ, а изъ иныхъ не выбирать;

гетманъ также имѣетъ право отставлять полковниковъ безъ рады. Въ начальные люди кромѣ православныхъ христіанъ изъ иновѣрцевъ не выбирать, не выбирать и новокрещеновъ, потому что отъ нихъ большая смута во войскѣ и междоусобіе, и козакамъ дѣлаются налоги и тѣсноты. Измѣнника Ивашки Выговскаго жену и дѣтей, также брата Данила и другихъ Выговскихъ, которые есть въ войскѣ, отдать царскому величеству и впредь въ войскѣ Запорожскомъ Выговскимъ не быть. Совѣтникамъ Выговскаго: Гришкѣ Гуляницкому, Гришкѣ Лесницкому, Самошкѣ Богданову, Антошкѣ Жданову, Герману и Лободѣ никогда въ радѣ войсковой и секретной и въ урядѣ никакомъ не быть. При гетманѣ быть съ обѣихъ сторонъ Днѣпра по судьѣ, по есаулу, по писарю. Полковниковъ и начальныхъ людей гетманъ не можетъ казнить смертью безъ присланнаго на судъ отъ царскаго величества, ибо Выговскій напрасно казнилъ смертью многихъ полковниковъ, начальныхъ людей и козаковъ, которые служили вѣрно царскому величеству. Плѣнниковъ съ обѣихъ сторонъ освободить, а кто захочетъ остаться, тѣхъ не неволить. Немедленно отослать въ Кіевъ знамена, пушки и большую верховую пушку, которыя взяты подъ Конотопомъ. Изъ Стараго Быхова вывести Черкасъ. Бѣглыхъ крестьянъ выдать и впередъ не принимать.—По выслушаніи каждой изъ этихъ статей рада постановляла: быть статьѣ такъ, какъ написана; а прежнія 14 статей, которыя были присланы Хмельницкимъ и старшиною съ Дорошенкомъ, на радѣ отговорены.

По окончаніи рады, гетманъ, старшина и козаки заднѣпровскихъ полковъ отправились въ соборную церковь и принесли присягу; изъ церкви, при громѣ городовыхъ пушекъ, пошли обѣдать къ боярину, который, послѣ государевой чаши, велѣлъ стрѣлять изо всего наряда, что ни есть въ полкахъ; статьи, утвержденныя на радѣ, записаны въ книгу, къ которой гетманъ и старшина приложили руки. Неграмотными оказались: обозный Носачъ, судьи—Безпалый (что былъ наказнымъ гетманомъ), Кравченко, есаулы—Ковалевскій и Чеботковъ, полковники—черкасскій Одинецъ, каневскій Лизогубъ, корсунскій Петренко, переславскій Цецура, калницкій Сѣрко, миргородскій Павелъ Апостолъ, лубенскій Засадка, прилуцкій Терешенко, нѣжинскій Золотаренко. Вмѣсто тѣхъ полковниковъ, которые не были на радѣ, потому что стояли на границѣ противъ Татаръ и Ляховъ, приложилъ руку гетманъ

Хмельницкій. Это были: чигиринскій Кирилла Андреевъ, бѣлоцерковскій Иванъ Кравченко, кіевскій Василій Бутримовъ, уманьскій Михайла Хоненко, бряславскій Михайла Зеленскій, паволоцкій Иванъ Богунъ, подольскій Астаѳій Гоголь. Одинъ экземпляръ статей отосланъ былъ въ Кіевъ: тамъ ихъ напечатали и разослали по всѣмъ полкамъ. 21 октября выѣхалъ изъ Переяславля гетманъ, 26 князь Трубецкой, везя съ собою Выговскихъ—Данилу, Василія, Юрія и Илью; Данила умеръ на дорогѣ, остальные были сосланы въ Сибирь. Кончилъ свое поприще и Нечай: 4 декабря ночью воеводы князь Иванъ Лобановъ-Ростовскій и Семенъ Змѣевъ взяли приступомъ Старый Быховъ, Ивана Нечая съ братомъ, Самушку Выговскаго, женъ ихъ, шляхту, козаковъ и мѣщанъ многихъ взяли въ плѣнъ живыхъ, многихъ побили на приступѣ. За счастливое окончаніе малороссійскихъ дѣлъ князь Алексѣй Никитичъ Трубецкой получилъ шубу въ 360 рублей, кубокъ въ 10 гривенокъ, 200 рублей придачи къ прежнему окладу, да прародительскую вотчину городъ Трубчевскъ (Трубецкъ) съ уѣздомъ; князь Ѳедоръ Ѳедоровичъ Куракинъ шубу въ 330 рублей, кубокъ въ 8 гривенокъ, придачи къ окладу 160 рублей, да на вотчину 8000 ефимковъ; князь Григорій Григорьевичъ Ромодановскій шубу во 150 рублей, кубокъ въ 6 гривенокъ, придачи къ окладу 80 рублей, да на вотчину 6000 ефимковъ.

Въ Москву дошло любопытное сочиненіе, подъ заглавіемъ: Описаніе пути отъ Львова до Москвы, въ которомъ, послѣ описанія страшнаго опустошенія Украйны, заставившаго козаковъ снова поддаться царю, говорится: «Хотя Черкасы исповѣдуютъ вѣру православную, но обычаи и нравы звѣриные имѣютъ; причиною тому одна ересь, не духовная, а политическая, начальники этой ереси—Ляхи, а отъ нихъ научились держать ее крѣпко и Черкасы и мало не всѣ европейскіе народы: взяли себѣ въ голову, что жить подъ преславнымъ царствомъ русскимъ хуже турецкаго мучительства и египетской работы. Такое дьявольское убѣжденіе внушаютъ имъ духовные и греческіе митрополиты, какъ намъ не отъ одного изъ нихъ случалось слышать. Мы почли за полезное написать книгу противъ такихъ ложныхъ, дьявольскихъ внушеній, да соблюдутся люди отъ такого страшнаго заблужденія и хулы, отъ которыхъ произошло нынѣшнее кровопролитіе. Но о книгахъ будетъ рѣчь впереди, а теперь изложимъ кратко наше разсужде-

ніе, какъ надобно обходиться съ Черкасами?»—Тутъ авторъ учитъ, какую рѣчь долженъ держать къ Черкасамъ бояринъ, который будетъ приводить ихъ къ новой присягѣ царю; потомъ совѣтуетъ царю учредить въ Москвѣ особый приказъ, въ которомъ бы приказные люди были изъ самихъ Черкасъ; эти Черкасы были бы поруками за своихъ земляковъ, дома оставшихся. «Надобно, чтобъ съ этихъ поръ ни одинъ гетманъ не выбирался на всю жизнь, а только на три или на два года; чрезъ это и вамъ, служилые люди, которые только и знаете, что вопить: вольность, вольность! умножится вольность, потому что не одному только будетъ доставаться гетманская честь, но многимъ, такъ какъ между вами много есть достойныхъ этой чести; чрезъ это у волостныхъ и городскихъ людей отнимется страхъ и вскорѣ пустыя села и города населятся. Самому царскому величеству не стыдно назваться вѣчнымъ гетманомъ поднѣпровскимъ, волынскимъ и подольскимъ, потому что такое гетманство то же, что и великое княжество, если не царство. Смотрите, Черкасы! какъ прежде вы были постоянно несогласны въ своихъ совѣтахъ, между собою бились, такъ и теперь несогласны: одни изъ васъ хотятъ въ гетманы Хмельницкаго, другіе Безпалаго, и опять готовы изъ-за этого драться: чтобъ предупредить междоусобіе, царское величество Хмельницкому обѣщаетъ гетманство по времени, когда совершенно возмужаетъ, а теперь, пока еще молодъ, лучше ему поѣхать въ Москву и послужить царскому величеству, чтобъ сдѣлаться достойнымъ гетманской чести, а Безпалаго царское величество поставляетъ гетманомъ на три года за его вѣрность. Не дурно было бы также, еслибъ гетманство раздѣлилось, чтобъ одинъ гетманъ былъ на восточной, а другой на западной сторонѣ Днѣпра [21].»

Принужденный возобновить войну съ Польшею при невыгодныхъ условіяхъ, не забирать города бѣлорусскіе и литовскіе, какъ прежде, но биться въ Малороссіи съ малороссійскимъ гетманомъ, царь тѣмъ болѣе спѣшилъ покончить войну съ Швеціею, съ которою не за что было болѣе ссориться, ибо нечѣмъ стало дѣлиться. Съ своей стороны, Карлъ X, котораго дѣла шли дурно въ Польшѣ и который долженъ былъ еще вести войну съ Даніею, искренно желалъ помириться съ царемъ и побуждалъ къ посредничеству курфюрста бранденбургскаго и герцога курлянд-

скаго. Мы видѣли, что при началѣ войны съ нимъ шведскіе послы Густавъ Белке съ товарищами были задержаны въ Москвѣ. Въ концѣ 1657 года король прислалъ къ нимъ грамоту, выражая свое сильное желаніе помириться съ царемъ, съ которымъ, по его убѣжденію, разсорили его Австрійцы, и для облегченія дѣла приказывалъ Белке объявить боярамъ, что онъ соглашается титуловать царя бѣлорусскимъ, литовскимъ, волынскимъ и подольскимъ, хотя и не водится вносить въ титулъ названія областей, пріобрѣтенныхъ оружіемъ, но еще не утвержденныхъ мирнымъ договоромъ. Что же касается титула: «и инымъ многимъ государствамъ, восточнымъ и западнымъ и сѣвернымъ отчичь и дѣдичь и наслѣдникъ», то хотя эти выраженія странны и неопредѣленны, невразумительны и темны и можно ихъ толковать такъ, что царь обнаруживаетъ притязанія на тѣ земли, которыя уступлены Швеціи по столбовскому договору—однако мы, пишетъ король, согласны величать царя и этимъ титуломъ, если онъ дастъ письменное удостовѣреніе, что этими выраженіями не наносится ущерба намъ и землямъ нашимъ. Послы исполнили королевское приказаніе, что̀ не было неожиданностію для царя, ибо королевская грамота была отдана посламъ уже послѣ того, какъ она была переведена для государя. 11 апрѣля 1658 года, на праздникъ Свѣтлаго Христова Воскресенія, великій государь пожаловалъ шведскихъ пословъ, велѣлъ послать къ нимъ съ своимъ милостивымъ словомъ, спросить о здоровьѣ и указалъ послать имъ свое жалованье—столъ. Чрезъ нѣсколько дней послѣ этого пріѣхалъ въ Москву шведскій дворянинъ Кондратъ фонъ-Барнеръ, и 19 апрѣля думный дьякъ Алмазъ Ивановъ имѣлъ переговоры съ послами, которые объявили, что фонъ-Барнеръ пріѣхалъ со всякимъ добрымъ дѣломъ, которое годно на обѣ стороны обоимъ великимъ государямъ, и хотя королю ихъ посчастливилось, съ датскимъ королемъ помирился по своей волѣ, однако онъ отъ добраго дѣла неотступенъ и мира съ царскимъ величествомъ желаетъ. «Королевское величество» продолжали послы: «изволилъ присоединить къ намъ еще двоихъ товарищей, ревельскаго коменданта Бентгорна и Ягана Монсона, и наказалъ намъ вести переговоры на границѣ въ ливонской землѣ, за пять верстъ отъ Нарвы. Королевское величество лучше желаетъ мира съ царскимъ величествомъ, чѣмъ съ королемъ польскимъ, потому что между Швеці-

ею и Москвою нынѣшняя война началась съ подущенія злыхъ людей, за малыми причинами: вотъ почему графъ Магнусъ Делагарди, посланный въ Пруссію для заключенія мира съ Поляками, проволакиваетъ время, дожидаясь извѣстія о томъ, какъ идутъ дѣла въ Москвѣ.»—«Объявите,» сказалъ на это дьякъ: «на какихъ статьяхъ королевское величество желаетъ мира?»—«Обо всѣхъ статьяхъ договоръ будетъ на рубежѣ,» отвѣчали послы: «и великій бы государь изволилъ насъ отпустить изъ Москвы для этого дѣла.»—«По всему видно,» возражалъ дьякъ: «что вы промышляете только о томъ, чтобъ вамъ отсюда высвободиться, а учините ли между государями доброе дѣло или нѣтъ, того невѣдомо.»—«За нами дѣло не остановится,» отвѣчали послы: «изволитъ ли царское величество насъ отпустить, или нѣтъ, только видитъ Богъ, что мы ради между государями доброе дѣло вести, а начинать намъ теперь переговоры до освобожденія нельзя, нигдѣ не водится, чтобъ невольные люди вели мирные переговоры.» 25 апрѣля посламъ объявлено, что государь отпускаетъ ихъ къ королевскому величеству и посылаетъ на съѣздъ своихъ великихъ пословъ. Белке просилъ, чтобъ государь велѣлъ объявить, кто именно царскіе послы будутъ на съѣздъ, гдѣ и когда съѣдутся? просилъ, чтобъ непріятельскія дѣйствія были прекращены и объявлено было свободное сообщеніе между жителями обоихъ государствъ; просилъ взаймы денегъ на 12,000 ефимковъ, которые онъ отдастъ на съѣздѣ московскимъ посламъ, а теперь у нихъ денегъ нѣтъ, покупки искупить не на что; просилъ перевести ихъ на другой дворъ въ городъ и возвратить оружіе: это будетъ знакомъ, что они уже люди свободные. Опредѣлено, что съѣздъ будетъ подъ Нарвою за пять верстъ, за рѣкою, іюня 12; гдѣ будетъ посольскій съѣздъ, туда съ обѣихъ сторонъ будетъ вольно пріѣзжать съ хлѣбомъ и живностію; деньги взаймы дадутся съ порукою торговыхъ иноземцевъ, и на другой дворъ ихъ переведутъ. Не видя въ отвѣтѣ ничего о прекращеніи военныхъ дѣйствій, послы обратились съ предложеніемъ заключить перемиріе; бояре согласились заключить перемиріе съ 20 мая, и если миръ не состоится, то перемирія не нарушать еще мѣсяцъ по разъѣздѣ уполномоченныхъ. 29 апрѣля пословъ перевели въ Китай городъ, отдали имъ оружіе и позволили имъ и людямъ ихъ ходить съ стрѣльцами по городу для закупокъ. 30 апрѣля бояре,

въ отвѣтѣ, объявили посламъ, что государь отпускаетъ на съѣздъ боярина князя Ивана Семеновича Прозоровскаго, думнаго дворянина Аѳанасія Лаврентьевича Ордина-Нащокина, стольника Проичищева и дьяковъ Дохтурова и Юрьева; опредѣлили, что съѣздъ будетъ по среди рѣки Наровы на мосту въ шатрѣ. Бояре дали запись, что царскій титулъ: «восточныхъ, сѣверныхъ и западныхъ» не имѣетъ никакого отношенія къ владѣніямъ шведскаго короля; а послы, въ свою очередь, дали запись, что запись боярская не имѣетъ никакого отношенія къ тѣмъ уступкамъ, которыя могутъ быть сдѣланы на съѣздѣ съ шведской стороны въ московскую.

Ординъ-Нащокинъ находился по прежнему въ Царевичевѣ-Дмитріевѣ городѣ, когда узналъ о своемъ назначеніи вторымъ уполномоченнымъ на съѣздѣ съ Шведами; такъ какъ въ грамотѣ, къ нему присланной, не было означено именно, гдѣ будетъ съѣздъ, то онъ писалъ государю, что всего лучше съѣзжаться между Царевичевымъ-Дмитріевымъ городомъ и Ригою, именно между Нелевардомъ и Керхолемъ, на рѣкѣ Угрѣ, за двадцать верстъ отъ Риги. Онъ боялся уѣхать подъ Нарву на съѣздъ и оставить въ Царевичевомъ-Дмитріевѣ городѣ войска безъ своего надзора, боялся за крестьянъ, которые бы въ такомъ случаѣ были разорены ратными людьми: «Крестьяне,» писалъ онъ: «съ ноября 1656 года по декабрь 1657 собрались въ девятнадцати уѣздахъ, селятся въ самыхъ разоренныхъ мѣстахъ, около большой дороги, и если впередъ ихъ также беречь, то на Шведовъ отъ нихъ помощь будетъ большая; если лифляндскіе мужики, видя милость, обдержатся, то и къ солдатскому ученью будутъ охотны. Не боясь сильныхъ, которые меня ненавидятъ, издалеча, какъ мытарь сокрушеннымъ сердцемъ, какъ евангельская жена грѣшница, твои великаго государя праведныя ноги слезами обливаю: во всѣхъ дѣлахъ службишки мои только объявлялись, а къ совершенію не допускались злыми ненавистями.»

У сильныхъ было все больше и больше причинъ преслѣдовать худороднаго Нащокина злыми ненавистями. Такъ и теперь царь послалъ тайно грамоту къ Царевиче-Дмитріевскому воеводѣ, поручая ему одному вести самые важные переговоры, подкупать шведскихъ уполномоченныхъ, чтобъ всякими средствами добыть завѣтныя морскія пристанища: отецъ указывалъ на то самое мѣсто, гдѣ послѣ сынъ основалъ столицу Россійской имперіи. «Про-

мышляй всякими мѣрами,» писалъ царь Нащокину: «чтобъ у Шведовъ выговорить въ нашу сторону въ *Канцахъ* (Ніеншанцъ) и подъ Ругодивомъ корабельныя пристани и отъ тѣхъ пристаней для проѣзда къ Корелѣ на рѣкѣ Невѣ городъ Орѣшекъ, да на рѣкѣ Двинѣ городъ Кукейносъ, что теперь Царевичевъ-Дмитріевъ, и иныя мѣста, которыя пристойны; а шведскимъ коммиссарамъ или генераламъ, и инымъ, кому доведется, сули отъ одного себя ефимками или соболями на десять, пятнадцать или двадцать тысячъ рублей; объ уступкѣ городовъ за эту дачу промышляй по своему разсмотрѣнію одинъ, смотря по тамошнему дѣлу, какъ тебя Богъ наставитъ, а что у тебя станетъ дѣлаться втайнѣ, пиши къ намъ въ приказъ нашихъ тайныхъ дѣлъ.» Ободренный царскою милостивою грамотою, Нащокинъ началъ настаивать, чтобъ съѣздъ былъ въ Лифляндіи, прямо писалъ къ Прозоровскому, чтобъ тотъ ѣхалъ туда, а что ему, Нащокину, нельзя отступить ни на минуту отъ Двины. Писалъ и къ царю, что Шведы въ Ригѣ только и дожидаются его отъѣзда подъ Нарву, чтобъ начать непріятельскія дѣйствія: «Царевичевымъ-Дмитріевымъ городомъ больше всѣхъ городовъ сдерживаются Литва и Шведы, только надобно, чтобъ онъ былъ наполненъ ратными людьми какъ Псковъ, а то мнѣ къ литовскимъ людямъ на заставы посылать некого; такъ нельзя ни войнѣ, ни миру быть; лучше всякой силы промыслъ; Шведъ всѣхъ сосѣднихъ государей безлюднѣе, а промысломъ надъ всѣми беретъ верхъ; у него, государь, никто не смѣетъ отнять воли у промышленниковъ.»

Представленія Нащокина насчетъ съѣздовъ остались напрасны: приговора, утвержденнаго въ Москвѣ съ обѣихъ сторонъ, перемѣнить было нельзя, и Нащокину былъ присланъ подтвердительный указъ—ѣхать къ бояриму князю Прозоровскому. Но тутъ новая бѣда: Шведы провѣдали, что самымъ несговорчивымъ посломъ будетъ Нащокинъ, которому хочется стать твердою ногою въ Ливоніи, у моря, и вотъ пошла челобитная въ Москву: «Царю государю бьетъ челомъ холопъ твой Аѳонка Нащокинъ: въ нынѣшнемъ, государь, во 167 (1658 году) сентября 29, у твоихъ великихъ пословъ въ деревнѣ Ямѣ были изъ Нарвы отъ шведскихъ пословъ королевскій дворянинъ и переводчикъ и съ твоимъ переводчикомъ Иваномъ Адамовымъ приказывали къ князю Ивану Семеновичу, будто отъ меня, холопа твоего, твоему по-

сольскому дѣлу чинится нарушеніе; наслышались объ этомъ Шведы отъ Русскихъ людей, которые, ненавидя службишку мою, научили иноземцевъ, чтобъ я у посольскаго дѣла не былъ. Милосердый государь! вели разспросить переводчика Ивана Адамова передъ послами, и эту мою челобитную и разспросъ послать къ себѣ въ приказъ тайныхъ дѣлъ, чтобъ мнѣ впредь быть у твоего дѣла отъ многихъ стороннихъ ссоръ безстрашно.» Адамова спросили, и онъ пересказалъ рѣчи шведскаго дворянина: «Царскіе послы,» жаловался Шведъ: «упрямятся, ближе къ Нарвѣ подвинуться не хотятъ, а королевскіе послы и рады бы сюда пріѣхать, да нельзя по причинѣ дальней и дурной дороги; они знаютъ навѣрное, что царскіе послы уже были подъ деревней Гостинцы недалеко отъ Нарвы, но какъ скоро пріѣхалъ кокенгаузенскій воевода Нащокинъ, то они назадъ поѣхали и здѣсь на Наровѣ рѣкѣ стали, на томъ мѣстѣ, куда шведскимъ посламъ невозможно пріѣхать. Изъ этого легко увидать, что Нащокинъ теперь опять ищетъ доброму дѣлу помѣшки, какъ онъ прежде въ ливонской землѣ при графѣ Магнусѣ Делагарди доброму дѣлу помѣшалъ, потому что съ польскимъ гетманомъ Гонсѣвскимъ всегда въ великой дружбѣ жилъ, какъ братъ родной, и Полякамъ норовилъ, а съ ихъ стороны ему подарки большіе были; въ Варшавѣ на сеймѣ знатные люди говорили, что они не боятся мира между Шведами и Русскими, потому что есть человѣкъ, который этому миру помѣшаетъ.»

Съ одной стороны Шведы доносили на Нащокина, съ другой воевода князь Иванъ Андреевичъ Хованскій, стоявшій съ войскомъ во Псковѣ, осердился на пословъ, зачѣмъ они послали память одному изъ его полковниковъ во Гдовъ, чтобъ тотъ шелъ къ нимъ въ Сыренскъ для оберeганія посольскихъ съѣздовъ; но въ сердцахъ Хованскій накинулся не на Прозоровскаго, а на того же Нащокина: «По указу великаго государя,» писалъ Хованскій: «велѣно мнѣ идти ближе къ Нарвѣ, смотря по вѣстямъ: а полка моего вамъ, великимъ посламъ, отнимать у меня не велѣно. Знаю я, чьи это затѣйки! За Нарову рѣку дорогу зналъ я давно, когда Нарова рѣка была пострашнѣе, и на государеву службу, по вѣстямъ, идти готовъ не только подъ Нарву, хотя бы и подъ Ревель; служба моя великому государю извѣстна: за то я отъ многихъ ненавидимъ, что великому государю работаю какъ Богу. По-

хвальныя слова Аѳанасія Лаврентьевича не исполнятся; стану я у великаго государя на васъ милости просить, что высоко себя ставите, будто вамъ велѣно мною наряжать; но вамъ наряжать мною стыдно, добро всякому знать свою мѣру. Вы пишете, что я отдамъ отвѣтъ въ свое время: знаю я, что у васъ такіе люди есть, которые умѣютъ *слагательно* написать, но я въ правдѣ своей надѣюсь на Бога и на великаго государя. Какъ кто ни коварничай и ни умышляй, я не боюсь: суетно помышленіе человѣческое.» Послы писали ему, зачѣмъ онъ не даетъ имъ знать о своемъ походѣ подъ Нарву, а пишетъ вещи, неидущія къ дѣлу, писали, что они дали знать государю о его поведеніи, жаловались, что польскіе съѣзды замедляются по его милости, потому что, не имѣя большаго войска подъ руками въ Ливоніи, нельзя вынудить у Шведовъ выгодныхъ мирныхъ условій. Хованскій отвѣчалъ: «Нѣсть рабъ болій Господа своего, ни посланникъ болій пославшаго его. Что указалъ мнѣ великій государь, и его повелѣніе со страхомъ храню. Отъ кого посольскій съѣздъ замѣшкался, то извѣстно будетъ великому государю. Письма мои, которыя я къ вамъ писалъ, идутъ ли они къ дѣлу, или неидутъ, у васъ и въ свое время мнѣ пригодятся. Письмо, которое вы писали на меня къ государю, писали мнѣ на радость, потому что государь по этому письму велитъ сыскать мою вину, а вашу правду; я, убогая сиротина, въ правдѣ своей надѣюсь на государеву пресвѣтлую неизреченную милость; нѣтъ тайны, которая бы не объявилась, и великому государю все будетъ извѣстно въ свое время.»

Государь нашелъ, что и послы и Хованскій неправы, но что ссора началась отъ пословъ, и потому послалъ сказать имъ: «Вы государеву дѣлу учинили замедленіе и поруху, ссоритесь съ воеводою княземъ Хованскимъ и переписываетесь съ нимъ многими, къ дѣлу ненадобными статьями; къ полковнику послали память мимо князя Ивана съ нимъ для раздора, и довелось вамъ о присылкѣ къ себѣ ратныхъ людей писать къ нему, князю Ивану, а еслибъ онъ по вашему письму ратныхъ людей къ вамъ и не послалъ, то вамъ слѣдовало писать на него великому государю давно. И впередъ бы вамъ съ княземъ Хованскимъ быть въ любви и совѣтѣ.» Хованскому тотъ же посланецъ долженъ былъ сказать: «Тебѣ для обереганья великихъ пословъ надобно было спѣшить изо Пскова во Гдовъ, изо Гдова на съѣзжее мѣсто посылать

безъ задержанья, а прежнихъ своихъ службъ для своей чести объявлять и непристойныхъ словъ, нейдущихъ къ дѣлу, писать не довелось: и впередъ бы тебѣ съ великими послами быть въ любви и совѣтѣ, посылать къ нимъ ратныхъ людей тотчасъ какъ потребуютъ; а что тебѣ велѣно великихъ пословъ оберегать, и то не въ случай и не въ мѣста.» Тотъ же посланный объявилъ Нащокину наединѣ, чтобъ непремѣнно съ Шведскими коммиссарами заключить миръ, хотябъ и съ убыткомъ государевой казнѣ. Но прежде всего царю хотѣлось помирить Нащокина съ Хованскимъ. Посланному было наказано: «Спросить Аѳанасья: за что у нихъ съ княземъ Хованскимъ началась ссора? Если Аѳанасій станетъ говорить, что когда онъ изъ Царевичева-Дмитріева города ѣздилъ въ Печерскій монастырь молиться, то князь Иванъ посылалъ его хватать, чтобъ его удержать за заставою, а сына его Воина за заставою держали долгое время—отвѣчать: заставы были сдѣланы по указу великаго государя, и князь Иванъ думалъ, что онъ Аѳанасій и сынъ его Воинъ пріѣзжали изъ моровыхъ мѣстъ. Если Аѳанасій еще станетъ жаловаться на Хованскаго, то говорить, чтобъ, помня Божію заповѣдь: да не зайдетъ солнце во гнѣвѣ вашемъ, съ княземъ Иваномъ съѣхался и помирился. Потомъ посланный долженъ былъ ѣхать къ Хованскому и если тотъ станетъ говорить о Нащокинѣ съ сердцемъ, то отвѣчать ему съ выговоромъ: Аѳанасій хотя отечествомъ и меньше тебя, однако великому государю служитъ вѣрно, отъ всего сердца, и за эту службу государь жалуетъ его своею милостію: такъ тебѣ, видя къ нему государеву милость, ссориться съ нимъ не для чего, а быть бы вамъ съ нимъ въ совѣтѣ и служить великому государю сообща; а тебя, князя Ивана, взыскалъ и выбралъ на эту службу великій государь, а то тебя всякъ называлъ дуракомъ, и тебѣ своею службою возноситься не надобно; ты хвалишься, что тебѣ и подъ Ревель идти не страшно: и тебѣ хвалиться не довелось, потому-что кто на похвальбѣ ходитъ, всегда посрамленъ бываетъ; *и ты этою своею похвальбою изломишь саблю*; за что ты тѣхъ ненавидишь, которые государю служатъ вѣрно? Тебѣ бы великаго государя указъ исполнить, съ Аѳанасьемъ помириться, а если не помиришься и станешь Аѳанасья тѣснить и безчестить, то великій государь велѣлъ тебѣ сказать имянно, что за непослушанье и за Аѳанасья тебѣ и всему роду твоему быть разорену.»

Нащокинъ отвѣчалъ государю, что если онъ писалъ о нерадѣніи Полоцкихъ и Псковскихъ воеводъ, то онъ это дѣлалъ по государевымъ же грамотамъ, въ которыхъ приказано ему никого не бояться, во всемъ быть надежну, выданъ онъ никому не будетъ: «Ненавидимъ я за твое государево дѣло, не только между русскими людьми оглашенъ, и шведскіе послы доносили на меня боярину князю Прозоровскому. Видя отовсюду нестерпимое гоненіе, не знаю, какъ твое дѣло дѣлать? Велишь мнѣ помириться съ княземъ Хованскимъ: но у меня съ нимъ, по моимъ дѣламъ, никакой ссоры нѣтъ.» Когда посланный передалъ Нащокину приказъ государевъ, чтобъ непремѣнно заключить миръ, хотя бы казнѣ и убытокъ былъ, то онъ отвѣчалъ: «Промышлять я объ этомъ долженъ, да промышлять некѣмъ: въ Нарвѣ мѣщанъ вѣрныхъ теперь нѣтъ, старые померли, а иные отъ войны выбѣжали за море. Государь приказываетъ не жалѣть казны; но дѣло можно дѣлать и безъ денегъ, деньги пригодятся на жалованье ратнымъ людямъ, а у Шведовъ теперь денегъ и своихъ много. Еслибы съѣздъ былъ на Двинѣ, то рижскіе мѣщане, которые въ два года сдѣлались вѣрны великому государю, промышляли бы и шведскихъ пословъ наговаривали и къ миру приводили. Вотъ почему я къ великому государю и не писалъ, чтобъ съѣзду быть подъ Нарвою. и на чемъ заключенъ перемирный договоръ въ Москвѣ, я не зналъ до тѣхъ поръ, пока съѣхался съ княземъ Прозоровскимъ. Въ этомъ договорѣ для чего позабыта Литва, не укрѣплено, что княжество Литовское подъ высокою рукою великаго государя. Думный дьякъ Алмазъ Ивановъ долженъ былъ объ этомъ напомнить и доложить государю; да и то забыли, что велѣно мнѣ видѣться съ Гонсѣвскимъ и соединить рати на общаго непріятеля шведскаго короля; по этому соединенію Гонсѣвскій взялъ въ Лифляндіи два города, да и взялъ Маріенбургъ, заступилъ многія волости и поставилъ заставу за 20 верстъ отъ Риги; московскій договоръ весь написанъ Шведамъ на помощь, и графъ Магнусъ Делагарди показывалъ его на съѣздѣ Полякамъ и хвалился, что они въ этомъ договорѣ не укрѣплены, и княжество литовское отбивалъ отъ подданства этимъ договоромъ; и какъ я поѣхалъ на посольскій съѣздъ, то Шведы пустили славу, что вотъ Ливонская земля отдана имъ, что съѣздъ будетъ на Ижерской землѣ, и будто мнѣ изъ Царевичева-Дмитріева города потому

велѣно ѣхать, что городъ этотъ имъ отданъ. Шведы нарочно назначили съѣздъ подъ Нарвою, чтобъ княжество Литовское разорить и отъ подданства отогнать.»—Выставляя свои заслуги, разумность своихъ совѣтовъ, которыхъ не послушали, выставляя чужія ошибки, жалуясь уже слишкомъ часто на свое печальное положеніе, на гоненія отъ всѣхъ ради государева дѣла, Нащокинъ опять обратился къ Хованскому: «Князя Ивана» говорилъ онъ: «съ промыслъ не стало, и его можно перемѣнить, и велѣть быть у такого дѣла, съ которое его станетъ, Псковъ данъ ему не въ вотчину, а промышленниковъ у великаго государя много, которые въ дѣлѣ промыслъ знаютъ и къ прибыли искательны; хотя бы князь Иванъ былъ многихъ городовъ владѣтель, только въ псковскомъ государствѣ онъ съ промысломъ своимъ не надобенъ; во всякомъ дѣлѣ сила въ промыслѣ, а не въ томъ, что собрано людей много; и людей много, да промышленника нѣтъ, такъ ничего не выйдетъ. Шведы, видя такихъ промышленниковъ, говорятъ, чтобъ половину рати продать да промышленника купить. И теперь Хованскій, вышедъ изъ Пскова, стоитъ даромъ, рать помираетъ съ голоду, а къ промыслу не допуститъ, обжигаетъ себѣ русскіе города, а непріятель радуется, что люди изъ домовъ своихъ выбиты, а къ промыслу не допущены. Лучше было рати оставаться во Псковѣ: и непріятелю было бы страшнѣе, и люди были бы въ покоѣ и къ службѣ на-готовѣ. Обо всемъ этомъ надобно разсмотрѣніе воеводское. Нельзя во всемъ дожидаться указа государева. Вотъ мнѣ не было прислано указа, чтобъ идти подъ Маріенбургъ, но я, видя, что нашихъ ратныхъ людей изъ Полоцка и изо Пскова нѣтъ, а Шведъ въ сборѣ, призвалъ къ себѣ Гонсѣвскаго и пустилъ въ Лифляндію, и затѣмъ взялъ городъ Маріенбургъ. Но кто что ни дѣлаетъ, только я передъ великимъ государемъ безо всякаго оправданія во всемъ виноватъ. А теперь я указу великаго государя не противлюсь, ко князю Ивану во Гдовъ ѣхать готовъ и добивать челомъ, буду передъ нимъ безсловенъ; только впередъ князь Иванъ на этомъ не устоитъ, станетъ дѣлать по прежнему, потому что держитъ при себѣ держальниковъ многихъ, которые его ссорятъ, а онъ имъ вѣритъ, и нравомъ онъ человѣкъ непостоянный. Знаю и самъ, что великому государю годно, чтобъ мы между собою были въ совѣтѣ, и у меня за свое дѣло вражды никакой нѣтъ, но о государевѣ

дѣлѣ сердце болитъ и молчать не даетъ, когда вижу въ государевѣ дѣлѣ чье нерадѣнье. Еслибъ князь Иванъ съ первыхъ дней прислалъ къ намъ пѣшихъ ратныхъ людей, то государево дѣло давно было бы начато, и думаю, что и къ совершенію приходило бы, а то ни мостовъ намостить, ни насъ оберегать некому, а мѣста болотныя.» Прозоровскій говорилъ съ клятвою, что у него съ Хованскимъ отечества и никакихъ прихотей нѣтъ; а Хованскій государеву дѣлу чинитъ поруху для чести своей и его боярина безчеститъ, приказывалъ къ нему при многихъ своихъ полчанахъ, что будто онъ князь Иванъ его боярина больше тремя мѣстами, и онъ бояринъ то поставилъ въ смѣхъ. Да онъ же Хованскій приказывалъ къ нему боярину, чтобъ онъ товарища своего Аѳанасія Лаврентьевича Нащокина ни въ чемъ не слушалъ, будто товарищъ доведетъ его до бѣды; но великій государь ему боярину указалъ съ товарищемъ своимъ во всемъ совѣтоваться и во всемъ ему вѣрить, потому что онъ нѣмецкое дѣло знаетъ, и нѣмецкіе нравы знаетъ же. И онъ бояринъ поставилъ это въ смѣхъ. Хованскій, съ своей стороны, отвѣчалъ посланному: «Указъ великаго государя исполню, ссору эту оставлю, въ безчестьѣ своемъ бить челомъ на великихъ пословъ не стану и впередъ въ совѣтѣ и любви быть съ ними радъ, только бы и они были со мною въ совѣтѣ. Съ княземъ Прозоровскимъ и со всѣми другими послами недружбы и ссоры у меня нѣтъ, только перебранивались на письмѣ; досадно мнѣ то, что пишутъ ко мнѣ съ указомъ; прежде наша братья за честь свою помирали. Недружба у меня съ Аѳанасьемъ Нащокинымъ, и хотя въ отпискахъ пишется князь Прозоровскій, только всѣ затѣйки его Аѳанасьевы, ищетъ онъ мнѣ всякаго зла. Князь Прозоровскій Аѳанасью говорилъ, чтобъ онъ со мною былъ въ совѣтѣ, но онъ князя не слушалъ. По приказу великаго государя я все покину, Аѳанасья прощаю и впередъ съ нимъ въ совѣтѣ и въ любви быть радъ; знаю я, что Аѳанасій человѣкъ умный, великому государю служитъ вѣрно и государская милость къ нему есть, въ прежнія времена и хуже Аѳанасья при государской милости былъ Малюта Скуратовъ; я Аѳанасья не знаю, слыхалъ про него отъ людей, и большой вражды у меня съ нимъ нѣтъ, только что на письмѣ другъ у друга ума отвѣдывали; а какъ я съ нимъ увижусь, то иныхъ ссорщиковъ передъ нимъ поставлю.»

Въ этихъ пересылкахъ, любопытныхъ для потомства, но нисколько не подвигавшихъ посольскаго дѣла, прошло все лѣто. Въ концѣ сентября великіе послы увѣдомили государя, что Шведскіе коммиссары показали упорство большое, не хотятъ присылать дворянъ своихъ на назначенное отъ нихъ же мѣсто, именно въ деревню Кароль, а домогаются, чтобъ съѣздъ былъ подлѣ Нарвы на устьѣ рѣки Плюсы, гдѣ бывали прежніе рубежи московскаго государства съ шведскимъ, хотятъ этимъ снискать себѣ вѣчную славу, а мирные переговоры вести по своей волѣ, потому что урочище на устьѣ Плюсы мѣсто тѣсное и болотное, конскими кормами бѣдное, необоронное и во всемъ негодное. Потомъ шведскіе коммиссары назначили новое мѣсто для съѣздовъ—деревню Валіесаръ, между Нарвою и Сыренскомъ. Царь писалъ Прозоровскому: «Развѣдавъ подлинно, что на съѣздѣ вамъ и нашему дѣлу порухи никакой не будетъ, съѣзжайтесь въ деревнѣ Валіесарѣ, а изъ-за мѣстъ не разъѣзжайтесь.» Прошелъ еще мѣсяцъ слишкомъ въ пересылкахъ и спорахъ, и съѣзды начались только 17 ноября. Московскіе послы требовали ливонскихъ городовъ, корельской и ижерской земли; шведскіе коммиссары объявили, что они могутъ заключить миръ только на Столбовскихъ условіяхъ. Царь послалъ сказать Нащокину: спѣшить заключеніемъ мира къ веснѣ, или, по крайней мѣрѣ, весною; помириться на Юрьевѣ Ливонскомъ, да на Царевичевѣ-Дмитріевѣ городѣ, да на Борисоглѣбовѣ, или, по крайней мѣрѣ, на Царевичевѣ и на Борисовѣ. Если же будетъ нельзя, то промышлять о Борисовѣ съ которыми уѣздами пристойно, хотя много давать денегъ, затѣмъ не стоять, только чтобъ дальше мая не откладывать. Если же ни одного города уступить не захотятъ, то мириться на томъ, чтобъ всѣми городами владѣть до трехъ лѣтъ. Но послы 20 декабря заключили трехлѣтнее перемиріе съ удержаніемъ всего завоеваннаго въ Ливоніи. Царь былъ въ восторгѣ; онъ приписалъ успѣхъ дѣла заступленію Богородицы, ибо съ послами была та же икона Ея (Тихвинская), которая была и съ княземъ Мезецкимъ при заключеніи Столбовскаго мира.

По обычаю, великіе послы, отправленные съ обѣихъ сторонъ для подтвержденія договора, должны были встрѣтиться въ назначенномъ мѣстѣ, сравнить свои грамоты и потомъ уже отправляться по назначенію—шведскіе въ Москву, а московскіе въ Сток-

гольмъ. Великимъ посломъ отъ царя былъ назначенъ думный дворянинъ, намѣстникъ шацкій и лифляндской земли надъ городами начальный воевода Аѳанасій Лаврентьевичъ Ординъ-Нащокинъ, которому было наказано промышлять о вѣчномъ мирѣ между Россіею и Швеціею, а шведскаго короля съ польскимъ королемъ къ миру не допускать, уступить изъ литовскаго княжества Шведамъ Жмудь, сулить имъ это на словахъ, а въ крѣпость не писать, для того, чтобъ не повредить миру съ польскимъ королемъ. Въ сентябрѣ 1659 года Нащокинъ съѣхался съ шведскимъ посломъ Бентгорномъ на Двинѣ между Ригою и Кокенгаузеномъ и уговорился, не разъѣзжаясь, начать въ октябрѣ переговоры о вѣчномъ мирѣ между Дерптомъ и Ревелемъ, потому что оставаться на Двинѣ было опасно отъ польскихъ войскъ. Нащокинъ спѣшилъ заключить вѣчный миръ прежде окончанія переговоровъ, которые велись у Шведовъ съ Поляками въ Пруссіи. Царь писалъ Нащокину, чтобъ къ уступленнымъ въ Валіесарѣ ливонскимъ городамъ вытребовать еще у Шведовъ Иваньгородъ для корабельной пристани; Нащокинъ отвѣчалъ, что Шведы никакъ на это не согласятся, «а что Жмудь имъ сулить, то и они также станутъ давать что не въ ихъ рукахъ; отъ Иваньгорода прибыли никакой нѣтъ: Нарва получше его, и та теперь запустѣла, потому что отъ Новгорода торги худы, а съ моря быть купцамъ ихъ же шведскимъ, да къ Иваньгороду и корабли не ходятъ; когда Иваньгородъ былъ въ русскомъ владѣньѣ, то черезъ Нарову рѣку съ городомъ Нарвою безпрестанныя ссоры и крови были; невозможно быть покою, если эти оба города не будутъ за однимъ государемъ. Еслибы даже на Шведа и упадокъ былъ и уступилъ бы онъ Иваньгородъ и Канцы, то города эти лежатъ къ Шведской и Финской землѣ, кромѣ Шведовъ другихъ купцовъ нѣтъ, на этомъ же морѣ у нихъ города Рига, Ревель, Пернау, Гапсаль, Нарва, велятъ купцамъ пріѣзжать къ своимъ городамъ, и Русскіе люди по неволѣ своими товарами къ ихъ же городамъ будутъ ѣздить; въ торговлѣ Русскіе люди слабы другъ передъ другомъ, туда поѣдутъ, куда ихъ поманятъ, на своихъ мѣстахъ не держатся.»

Нащокинъ былъ правъ относительно неумѣренности московскихъ требованій; но и самъ Нащокинъ сильно обманывался, думая, что Шведы согласятся на вѣчный миръ съ уступкою всего

6*

завоеваннаго Русскими въ Ливоніи; а между тѣмъ царь повторялъ приказаніе — непремѣнно заключить вѣчный миръ, въ даль не откладывая.

Въ февралѣ 1660 года Нащокинъ приготовлялся уговаривать шведскихъ пословъ къ вѣчному миру на съѣздѣ, назначенномъ въ мартѣ, какъ вдругъ поразила его страшная, неожиданная вѣсть. Сынъ его Воинъ уже давно былъ извѣстенъ какъ умный, распорядительный молодой человѣкъ, во время отсутствія отца занималъ его мѣсто въ Царевичевѣ-Дмитріевѣ городѣ, велъ заграничную переписку, пересылалъ вѣсти къ отцу и въ Москву къ самому царю. Но среди этой дѣятельности у молодаго человѣка было другое на умѣ и на сердцѣ: самъ отецъ давно уже пріучилъ его съ благоговѣніемъ смотрѣть на Западъ, постоянными выходками своими противъ порядковъ московскихъ, постоянными толками, что въ другихъ государствахъ иначе дѣлается и лучше дѣлается. Желая дать сыну образованіе, отецъ окружилъ его плѣнными Поляками, и эти учителя постарались, съ своей стороны, усилить въ немъ страсть къ чужеземцамъ, нелюбье къ своему, воспламенили его разсказами о польской волѣ. Въ описываемое время онъ ѣздилъ въ Москву, гдѣ стошнило ему окончательно, и вотъ, получивъ отъ государя порученія къ отцу, вмѣсто Ливоніи, онъ поѣхалъ за границу, въ Данцигъ къ польскому королю, который отправилъ его сначала къ императору, а потомъ во Францію. Сынъ царскаго любимца измѣнилъ государю-благодѣтелю! Что скажутъ теперь враги Нащокина, которыхъ у него было такъ много, которые, при видимой покорности волѣ царской, не могли удержаться, чтобъ предъ посланнымъ царскимъ не назвать Нащокина временщикомъ, обязаннымъ своимъ возвышеніемъ произволу государя, не могли удержаться, чтобъ не сравнить его съ Малютою Скуратовымъ, хотя съ презрительною снисходительностію и признавали, что онъ лучше Малюты? Чего добраго было ожидать отцу измѣнника въ то время, когда, вслѣдствіе долговременнаго господства родовыхъ отношеній, родственники преступника и не столь близкіе подвергались тяжелой опалѣ? Несчастный отецъ самъ увѣдомилъ царя о своемъ горѣ и просилъ уволить отъ посольскаго дѣла, ибо онъ обезпамятѣлъ отъ горя, отъ страха передъ казнію безъ вины. Но онъ напрасно безпокоился. Царь немедленно отвѣчалъ ему: «Вѣрному и избран-

ному и радѣтельному о Божіихъ и о нашихъ государскихъ дѣлахъ и судящему людей Божіихъ и нашихъ государевыхъ вправду (воистину доброе и спасительное дѣло людей Божіихъ судить вправду!), наипаче же христолюбцу и миролюбцу, нищелюбцу и трудолюбцу и совершенно богопріимцу и страннопріимцу и нашему государеву всякому дѣлу доброму ходатаю и желателю, думному нашему дворянину и воеводѣ Аѳанасію Лаврентьевичу Ордину-Нащокину отъ насъ, великаго государя, милостивое слово. Учинилось намъ вѣдомо, что сынъ твой попущеніемъ Божіимъ, а своимъ безумствомъ объявился во Гданскѣ (Данцигѣ), а тебѣ отцу своему лютую печаль учинилъ, и тоя ради печали, приключившейся тебѣ отъ самого сатаны, и мню, что и отъ всѣхъ силъ бѣсовскихъ, изшедшу сему злому вихру и смятоша воздухъ аерный, и разлучиша и отторгнуша напрасно сего добраго агнца яростнымъ и смраднымъ своимъ дуновеніемъ отъ тебе отца и пастыря своего. И мы, великій государь, и сами по тебѣ, вѣрномъ своемъ рабѣ, поскорбѣли приключившейся ради на тя сея горькія болѣзни и злаго оружія, прошедшаго душу и тѣло твое; ей, велика скорбь и туга воистинно! Еще же скорбимъ и о сожительницѣ твоей яко же и о пустыножилицѣ и единопребывательницѣ въ дому твоемъ и пріемшую горькую пелынь тую въ утробѣ своей, и зѣло оскорбляемся двойнаго и неутѣшнаго ея плача: перваго ея плача не имущи тебя Богомъ даннаго и истинна супруга своего предъ очима своима всегда; втораго плача ея о восхищеніи и разлученіи отъ лютаго и яростнаго звѣря единоутробнаго птенца своего, напрасно отторгнутаго отъ утробы ее. О злое сіе насиліе отъ темнаго звѣря попущеніемъ Божіимъ, а вашихъ грѣхъ ради! Воистинно зѣло великъ и не утѣшимъ плачъ кромѣ Божія надѣянія, обоимъ вамъ, супругу съ супружницею, лишившася таковаго наслѣдника и единоутробнаго отъ нѣдръ своихъ, еще же утѣшителя и водителя старости и угодителя честной вашей сѣдинѣ и по оттшествіи вашемъ въ вѣчная благая памятотворителя добраго. Бьешь челомъ намъ, чтобъ тебя перемѣнить: и ты отъ котораго обычая такое челобитье предлагаешь? Мню, что отъ безмѣрныя печали. Обезчестенъ ли бысть? Но къ славѣ, яже ради терпѣнія на небесѣхъ лежащей взирай. Отщетенъ ли бысть? Но взирай богатство небесное и сокровище, еже скрылъ еси себѣ ради благихъ дѣлъ. Отпалъ ли еси отечества? Но имаши отече-

ство на небесѣхъ — Іеросалимъ. Чадо ли отложилъ еси? Но ангелы имаши, съ ними же ликоствуеши у престола Божія и возвеселишися вѣчнымъ веселіемъ. Не люто бо есть пасти, люто бо есть падши не востати: такъ и тебѣ подобаетъ отъ паденія своего предъ Богомъ, что до конца впалъ въ печаль, востати борзо и стати крѣпко, и уповати, и дерзати и на его приключившееся дѣйство крѣпко и на свою безмѣрную печаль дерзостно, безо всякаго сомнительства; воистинно Богъ съ тобою есть и будетъ во вѣки и на вѣки; сію печаль той да обратитъ вамъ въ радость и утѣшитъ васъ вскорѣ. А что будто и впрямь сынъ твой измѣнилъ, и мы, великій государь, его измѣну поставили ни во что, и конечно вѣдаемъ, что кромѣ твоея воли сотворилъ, и тебѣ злую печаль, а себѣ вѣчное поползновеніе учинилъ. И будетъ тебѣ, вѣрному рабу Христову и нашему, сына твоего дурость ставить въ вѣдомство и въ соглашеніе твое ему: и онъ, простецъ, и у насъ, великаго государя, тайно былъ и не по одно время и о многихъ дѣлахъ съ нимъ къ тебѣ приказывали, а такова просто умышленнаго яда подъ языкомъ его не вѣдали. А тому мы, великій государь, не подивляемся, что сынъ твой сплуталъ: знатно то, что съ малодушія то учинилъ. Онъ человѣкъ молодой, хощетъ созданія владычня и творенія руку Его видѣть на семъ свѣтѣ, якоже и птица летаетъ сѣмо и овамо и, полетавъ довольно, паки ко гнѣзду своему прилетаетъ: такъ и сынъ вашъ вспомянетъ гнѣздо свое тѣлесное, наипаче же душевное привязаніе отъ Св. Духа во святой купели, и къ вамъ вскорѣ возвратится. И тебѣ, вѣрному рабу Божію и нашему государеву, видя къ себѣ Божію милость и нашу государскую отеческую премногую милость, и отложа тое печаль, Божіе и наше государево дѣло совершать, смотря по тамошнему дѣлу; а нашего государскаго не токмо гнѣву на тебя къ вѣдомости плутости сына твоего, ни слова нѣтъ; а міра сего тлѣннаго и вихровъ исходящихъ отъ злыхъ человѣкъ не перенять, потому что во всемъ свѣтѣ разсѣяни быша, точію бо человѣку душою предъ Богомъ не погрѣшить, а вихры злые, отъ человѣкъ нашедшіе, кромѣ воли Божіей что могутъ учинити? Упованіе намъ Богъ, а прибѣжище наше Христосъ, а покровитель намъ есть Духъ Святый.»

Съ этою грамотою и съ порученіемъ разговаривать Нащокина отъ печали отправленъ былъ приказа тайныхъ дѣлъ подъячій

Юрій Никифоровъ, которому было наказано: «Аѳанасью говорить, чтобъ онъ объ отъѣздѣ сына своего не печалился, и въ той печали его утѣшать всячески и великаго государя милостію обнадеживать; а что говорятъ въ мірѣ о сынѣ его, что онъ измѣнилъ, и эту измѣну причитаютъ и къ нему, то онъ бы эту мысль отложилъ и уповалъ во всемъ на всемилостиваго Бога и на государскія праведныя щедроты и на свою къ нему великому государю нелицемѣрную правду и службу и радѣнье. О сынѣ своемъ промышлялъ бы всячески, чтобъ его, поймавъ, привести къ нему, за это сулить и давать 5, 6 и 10 тысячъ рублей; а если его такимъ образомъ промышлять нельзя, и если Аѳанасью надобно, то сына его извести бы тамъ, потому что онъ отъ великаго государя къ отцу отпущенъ былъ со многими указами о дѣлахъ и съ вѣдомостями. О небытіи его на свѣтѣ говорить не прежде, какъ выслушавши отцовскія рѣчи, и говорить, примѣрившись къ нимъ. Сказать Аѳанасью: вспомни, что ни одинъ купецъ, не истощивъ богатства своего до конца, не можетъ въ первое свое достоинство придти, а тебѣ, думному дворянину, больше этой бѣды впередъ уже не будетъ, больше этой бѣды на свѣтѣ не бываетъ.»

— «Твоя великаго государя неизреченная милость свѣтомъ небеснымъ мрачную душу мою озарила» отвѣчалъ Нащокинъ: «что воздамъ господеви моему за сіе? Умилосердись, повели заблудшуюся овцу въ суемысленныхъ горахъ сыскивать! Билъ я челомъ объ отставкѣ отъ посольскаго дѣла отъ жалости души моей, чтобъ мнѣ въ такомъ паденіи сынишка моего, зазорну будучи отъ всѣхъ людей, въ дѣлѣ не ослабѣть, и отъ того бы твоему великаго государя дѣлу въ посольствѣ низости не было; отъ одной же печали о заблужденіи сынишка моего я твоего государева дѣла не оставлю: еслибы я жену или чадо паче твоего дѣла возлюбилъ бы, не былъ бы милости достоинъ; нынѣ судимъ отъ Господа наказуюсь, да не съ міромъ осужусь.» Подьячій Никифоровъ доносилъ, что Нащокинъ читалъ государеву грамоту со слезами и говорилъ: «Печали у меня о сынѣ нѣтъ и его не жаль, а жаль дѣла, и печаль о томъ, что сынъ мой, презрѣвъ великаго государя неизреченную милость, своровалъ; а я про то вовсе ничего не зналъ: смертной казни достоинъ я безъ всякаго милосердія, если что-нибудь зналъ. Безмѣрно горько мнѣ то, что сыну моему отданы ефимки, а я, какъ поѣхалъ изъ Москвы, билъ

челомъ Ѳедору Михайловичу Ртищеву, чтобъ ихъ никому не давать, а держать ихъ въ приказѣ Лифляндской земли на государевы расходы. Въ мысль мнѣ не вмѣстится, какъ это учинилось? многіе пріѣзжіе люди мнѣ сказывали, какая неизреченная государева милость была къ сыну моему въ Москвѣ, сказывали, будто посланъ онъ тайно въ нѣмецкія земли и провожалъ его Ѳедоръ Михайловичъ Ртищевъ, и я, слыша объ этомъ, дивился.» «О сынѣ печали у меня нѣтъ,» повторялъ и послѣ Нащокинъ. «Дѣло это положилъ я на судъ Божій, а о поимкѣ его промышлять и за то деньги давать не для чего, потому что онъ за неправду и безъ того пропадетъ и згинетъ, и убитъ будетъ судомъ Божіимъ.»

Въ апрѣлѣ начались съѣзды у Нащокина съ шведскими послами, но не повели ни къ чему: еще въ февралѣ умеръ король Карлъ X Густавъ, и шведскіе послы объявили, что не могутъ заключить вѣчнаго мира, потому что отъ новаго короля нужна имъ полномочная грамота новая. Эту новую грамоту они обѣщали привезти въ іюнѣ мѣсяцѣ; но въ маѣ заключенъ былъ у Шведовъ миръ съ Поляками въ Оливѣ, совершенно перемѣнявшій отношенія ко вреду Москвы: обѣ державы теперь, и Швеція и Польша, особенно послѣдняя, получили возможность усилить свои требованія относительно Москвы, которой приходилось, чтобъ успѣшно воевать и заключить выгодный миръ съ одной изъ нихъ, уступить все другой. Прошелъ іюнь, прошло лѣто, морской ходъ минулся, а шведскіе уполномоченные не являлись на съѣздъ. Между-тѣмъ дѣла шли худо въ Бѣлоруссіи, еще хуже въ Малороссіи; испуганный этимъ, царь писалъ Нащокину, чтобъ заключалъ вѣчный миръ съ Шведами, выговоривъ изъ завоеваннаго города два или хотя одинъ, и давши за нихъ деньги, чтобъ миръ былъ сколько-нибудь честенъ. «На Черкасъ надѣяться никакъ невозможно,» писалъ государь: «вѣрить имъ нечего: какъ трость вѣтромъ колеблема, такъ и они; поманятъ на время, а если увидятъ нужду, тотчасъ русскими людьми помирятся съ Ляхами и Татарами.» «Выговорить два города или одинъ, и ими какъ владѣть?» возражалъ Нащокинъ: «ото Пскова будутъ далеко, около нихъ все будутъ шведскіе города, шведскіе люди; Поляки станутъ приходить на псковскія мѣста и разорять, а Шведы имъ не воспрепятствуютъ. Теперь, пока перемирье съ Шведами не вышло, надобно поскорѣе промышлять о мирѣ съ польскимъ ко-

ролемъ черезъ посредство курфюрста Бранденбургскаго и герцога курляндскаго; съ польскимъ королемъ миръ гораздо надобенъ, нужнѣе шведскаго, потому что разлились крови многія и уже время дать покой. А не уступивши Черкасъ, съ польскимъ королемъ миру не сыскать. Прежде, когда они были отъ великаго государя неотступны, уступить ихъ было нельзя, потому что приняты были для единой православной вѣры; а теперь въ другой разъ измѣнили безъ причины: такъ изъ чего за нихъ стоять? Какъ заключенъ будетъ миръ съ польскимъ королемъ, такъ и Татары отстанутъ: хана деньгами закупить нельзя, потому что онъ султанскій подданный: Турокъ велитъ ему помогать польскому королю, и онъ станетъ помогать, и будетъ отговариваться, что по неволѣ помогаетъ; миромъ съ Поляками Турокъ и ханъ будутъ задавлены, а къ Шведу ханъ на помощь не пойдетъ; ужь если надобно уступить шведу города, то можно уступить и помирясь съ Поляками; я стою за Ливонію ни изъ чего другаго, какъ только памятуя крестное цѣлованіе, у меня тутъ ни помѣстья, ни вотчины нѣтъ. Если съ шведскимъ помириться теперь и города уступить, то съ польскимъ королемъ миру не сыскать: это народъ гордый, подумаютъ, что у насъ большое безсилье и возвысятся безъ мѣры. А вмѣсто того, чтобъ за города платить Шведамъ деньги, лучше удержать перемирье посредствомъ англійскаго короля: послать въ Англію умнаго человѣка, поздравить короля Карла II съ восшествіемъ на престолъ и попросить о посредничествѣ. Король согласится и будетъ радѣть для прежней дружбы, потому что государь съ Кромвелемъ дружбы не имѣлъ и въ посредники его не принялъ. Съ польскимъ королемъ надобно мириться въ мѣру, чтобъ Поляки не искали потомъ перваго случая отомстить; взять Полоцкъ да Витепскъ, а если Поляки заупрямятся, то и этихъ городовъ не надобно: прибыли отъ нихъ никакой нѣтъ, а убытки большіе: надобно будетъ безпрестанно помогать всякою казною да держать въ нихъ войско. Другое дѣло лифляндская земля: отъ нея русскимъ городамъ, Новгороду и Пскову, великая помощь будетъ хлѣбомъ; а изъ Полоцка и Витепска Двиною рѣкою которые товары станутъ ходить, и съ нихъ пошлина въ лифляндскихъ городахъ будетъ большая, жалованными грамотами и льготою отговариваться не станутъ. А если съ польскимъ королемъ миръ заключенъ будетъ ему обидный, то

онъ крѣпокъ не будетъ, потому что Польша и Литва не за моремъ, причина къ войнѣ скоро найдется. Съѣздамъ съ польскими коммиссарами быть въ Полоцкѣ, а въ великихъ послахъ быть боярину князю Ивану Борисовичу Репнину, потому что его Литва хорошо знаетъ, разумъ и дѣла его выславляетъ вездѣ, да съ нимъ быть думному дьяку Алмазу Иванову.» Объявивши свои мысли, Аѳанасій Лаврентьевичъ послалъ такое письмо къ государю: «Бьетъ челомъ бѣдный и беззаступный холопъ твой Аѳонка Нащокинъ. Моя службишка Богу и тебѣ, великому государю, извѣстна; за твое государево дѣло, не страшась никого, я со многими остудился, и за то на меня на Москвѣ отъ твоихъ думныхъ людей доклады съ посяганьемъ и изъ городовъ отписки со многими неправдами, и тѣмъ разрушаются твои государевы дѣла, которыя указано мнѣ въ Лифляндахъ дѣлать; я за свою вину давно достоинъ смерти, не слышалъ бы, что тебѣ, великому государю, безпрестанно отовсюду приносятъ печали черезъ меня, беззаступнаго холопа твоего, и службишка моя до конца всѣми ненавидима. Милосердый государь! вели меня отъ посольства шведскаго отставить, чтобъ тебѣ отъ многихъ людей докуки не было, чтобъ не было злыхъ переговоровъ и разрушенія твоему дѣлу изъ ненависти ко мнѣ.»

Желаніе Нащокина было исполнено: вмѣсто него на съѣзды съ послами новаго шведскаго короля, Карла XI, Бентгорномъ съ товарищами, въ началѣ 1661 года отправился прежній великій посолъ бояринъ князь Иванъ Семеновичъ Прозоровскій съ товарищами: стольникомъ княземъ Иваномъ Петровичемъ Борятинскимъ, стольникомъ Иваномъ Аѳанасьевичемъ Прончищевымъ, дьяками Дохтуровымъ и Юрьевымъ. Въ мартѣ начались съѣзды въ Кардисѣ между Дерптомъ и Ревелемъ. Шведскіе послы начали жалобою на Ордина-Нащокина, который не показалъ никакого расположенія къ вѣчному миру и только проволакивалъ время, водилъ ихъ съ мѣста на мѣсто, что и заставило ихъ, Шведовъ, по неволѣ заключить миръ съ Поляками, тогда какъ имъ гораздо желательнѣе было заключить миръ съ Россіею, чѣмъ съ Польшею. Прозоровскій оправдывалъ своего предшественника и складывалъ всю вину на Шведовъ. Послѣ этого спора Шведы спросили, будетъ ли имъ уступлено все завоеванное въ Ливоніи? и прибавили, что безъ рѣшительнаго отвѣта на этотъ вопросъ они ни о чемъ говорить не станутъ. Прозоровскій потребовалъ горо-

довъ, отданныхъ по Столбовскому миру; Шведы отвѣчали, что объ этихъ городахъ и говорить нечего, потому что они въ прежнихъ мирахъ закрѣплены государскими душами, что они не только не возвратятъ столбовскихъ уступокъ, но требуютъ и остальной корельской земли, которая осталась за царемъ послѣ Столбовскаго мира, да 500,000 золотыхъ червонныхъ. «Такую награду дать отъ какой неволи?» отвѣчалъ Прозоровскій: «лучше этою казною вновь чего-нибудь доступать, нежели напрасно давать; это вы сами можете разсудить.»—«Мы вамъ по дружбѣ объявляемъ,» продолжали Шведы: «что теперь, за Божіею помощію, дѣла у насъ идутъ не попрежнему, какъ было лѣтъ за пять, а запросы наши не такъ велики, какъ велики убытки, понесенные нами отъ войны.» «Намъ эти запросы слышать пуще войны,» возражалъ Прозоровскій: «вы это начинаете мимо прямаго настоящаго дѣла и тѣмъ отводите отъ вѣчнаго покоя христіанскаго.» Послѣ долгихъ споровъ и вычетовъ, Шведы объявили, что уступаютъ въ царскую сторону остальную часть корельской земли, но попрежнему требуютъ завоеваннаго въ Ливоніи и денежной награды за убытки. «Вы уступаете то, чего у васъ въ рукахъ нѣтъ,» отвѣчалъ Прозоровскій: «уступите Ивань-городъ, Ямъ и Копорье, тогда великій государь поможетъ вамъ денежною казною.» Шведы не хотѣли слышать ни о какихъ уступкахъ, и русскіе уполномоченные должны были заключить миръ на всей ихъ волѣ. 21 іюня окончательно подписанъ былъ вѣковѣчный мирный договоръ: обязались другъ другу во всякихъ мѣрахъ всякаго добра хотѣть, лучшаго искать и во всемъ правду чинить; титла обоихъ государей писать по ихъ достоинству и чести, какъ они сами себя описываютъ; царское величество уступаетъ въ королевскую сторону всѣ взятые въ Ливоніи города, а именно: Кокенгаузенъ, Дерптъ, Маріенбургъ, Анзль, Нейгаузенъ, Сыренскъ, со всѣми принадлежащими къ нимъ землями и крѣпостями и со всякими пушечными запасами, съ которыми они взяты; сверхъ того, выходя изъ этихъ городовъ, русскіе обязаны оставить королевскимъ ратнымъ людямъ хлѣбныхъ запасовъ—10,000 бочекъ ржи и 5000 бочекъ жита; для земляныхъ граней въ апрѣлѣ будущаго 1662 года выслать съ обѣихъ сторонъ межевыхъ людей по три человѣка дворянъ и дьяковъ добрыхъ; начать имъ межевать выше Новаго Городка (Нейгаузенъ) между русскими и шведскими деревнями по рѣчкѣ Меузицѣ; съ обѣихъ сторонъ изъ погранич-

ныхъ областей людей не перезывать и не выводить ни тайно, ни явно; между обоими государствами быть вольной и безпрепятственной торговлѣ; по всѣмъ ихъ областямъ, всякими путями, показавши разъ свою проѣзжую память первому порубежному воеводѣ, торговый человѣкъ воленъ ѣхать всюду куда ему угодно; русскимъ торговымъ людямъ имѣть вольные торговые дворы въ Стокгольмѣ, Ригѣ, Ревелѣ, Нарвѣ; на тѣхъ дворахъ отправлять церковную службу въ своихъ хоромахъ, но церквей своей вѣры не ставить, кромѣ той церкви, которую они въ Ревелѣ изстари имѣли; на тѣхъ же условіяхъ Шведамъ имѣть торговые дворы въ Москвѣ, Новгородѣ, Псковѣ и Переяславлѣ; если русскія суда будутъ разбиты бурею у шведскихъ береговъ, то люди безпрепятственно отходятъ оттуда со всѣмъ ихъ имѣніемъ, которое сами сберегутъ или сберечь велятъ, а Шведы должны помогать имъ въ сбереженіи имущества; такимъ же образомъ поступаютъ Русскіе со Шведами на своихъ берегахъ; посламъ, посланникамъ, гонцамъ и переводчикамъ вольно ѣздить черезъ области обоихъ государствъ во всѣ страны, которыя не состоятъ съ ними въ явной враждѣ; черезъ шведскія области путь чистъ въ Россію иностраннымъ купцамъ съ узорочными товарами, которые годны въ казну царскаго величества, также докторамъ и лекарямъ и всякимъ служилымъ и мастеровымъ людямъ; со стороны же царскаго величества королевскому величеству такимъ же образомъ во всемъ воздано будетъ; плѣнные съ обѣихъ сторонъ освобождаются безъ окупа, кромѣ тѣхъ, которые сами добровольно захотятъ служить на той или другой сторонѣ, и тѣхъ, которые въ Россіи приняли православную вѣру греческаго закона; перебѣжчиковъ выдавать съ обѣихъ сторонъ; обиднымъ дѣламъ расправа на рубежѣ чрезъ высланныхъ съ обѣихъ сторонъ годныхъ, добрыхъ и разсудныхъ людей; для большихъ дѣлъ оба великіе государя высылаютъ пословъ своихъ на рубежъ [22].

Миръ былъ тяжелый, потому что условіями своими вполнѣ выражалъ безплодность войны. Но при тогдашнихъ обстоятельствахъ возможность окончательно развязать руки относительно Швеціи была благодѣяніемъ для Москвы: Малороссія опять волновалась, Польша брала верхъ, бояринъ московскій сидѣлъ въ оковахъ у крымскаго поганца, война затягивалась въ безконечность и казна царская пустѣла все болѣе и болѣе.

ГЛАВА II.

Продолженіе царствованія Алексѣя Михайловича.

Сношенія съ новымъ гетманомъ; отказъ въ его просьбахъ. — Непріятельскія дѣйствія и переговоры съ Поляками. — Пораженіе князя Хованскаго подъ Полонкою. — Военныя дѣйствія Долгорукаго у Могилева. — Переписка Бѣнѣвскаго съ Юріемъ Хмельницкимъ. — Походъ Шереметева и Хмельницкаго ко Львову. — Военныя дѣйствія у Любара. — Отступленіе Шереметева къ Чуднову. — Хмельницкій передается Полякамъ. — Сдача Шереметева и плѣнъ въ Крыму. — Состояніе Москвы послѣ извѣстія о Чудновскомъ несчастіи. — Дурныя вѣсти съ Дону. — Ссора воеводъ въ Малороссіи. — Москва печатаетъ извѣстія о военныхъ дѣлахъ для Европы. — Переговоры Бѣнѣвскаго и Хмельницкаго въ Корсунѣ. — Черная рада. — Павелъ Тетеря. — Движенія на восточной сторонѣ Днѣпра въ пользу Москвы. — Наказный гетманъ Самко. — Запорожье, Сѣрко и Брюховецкій. — Посольство Полтева въ Малороссію. — Военныя дѣйствія здѣсь. — Причина ихъ прекращенія. — Смута въ Малороссіи: Самко, Золотаренко и Брюховецкій ищутъ гетманства. — Посольство Протасьева въ Малороссію. — Самко совѣтуетъ, чтобъ западная сторона была уступлена Польшѣ и чтобъ при гетманѣ малороссійскомъ находился постоянно великороссійскій чиновникъ. — Доносы на Самка. — Епископъ Мееодій. — Нашествіе Крымцевъ. — Козелецкая рада. — Доносы Самка и его приверженцевъ на Золотаренка, Мееодія на Самка; Брюховецкій доноситъ и на Самка и на Золотаренка и требуетъ Ртищева въ князья малороссійскіе. — Оправдательная грамота Самка. — Возобновленіе военныхъ дѣйствій въ Малороссіи. — Хмельницкій слагаетъ гетманство и постригается въ монахи. — Тетеря—гетманъ западной стороны. — Продолженіе борьбы между искателями гетманства на восточной сторонѣ. — Церковная усобица вмѣстѣ съ политическою. — Посольство Ладыженскаго въ Малороссію. — Нѣжинская рада; избраніе Брюховецкаго; казнь его противниковъ. — Неудовольствія въ Украйнѣ. — Пораженіе Хованскаго при Кушликахъ. — Потеря Гродна, Могилева, Вильны. — Судьба Виленскаго воеводы князя Данилы Мышецкаго. — Печальное состояніе царскаго войска въ Бѣлоруссіи. — Мирные переговоры. — Размѣнъ плѣнныхъ. — Трагическая смерть Гонсѣвскаго. — Король сбирается перейти на восточный берегъ Днѣпра. Дѣйствія Московскаго воеводы Касогова и Сѣрка на югѣ. — Волненіе въ Запорожьѣ. — Письмо Касогова въ Москву. — Тревога въ Малороссіи по причинѣ королевскаго похода. — Пе-

реговоры дьяка Башмакова съ гетманомъ и старшиною. — Нашествіе короля на восточную сторону и неуспѣхъ его. — Военныя дѣйствія на западной сторонѣ. — Замыселъ Выговскаго и смерть его. — Заточеніе митрополита Іосифа Тукальскаго. — Состояніе царскаго войска въ Малороссіи. — Вражда Брюховецкаго съ епископомъ Меѳодіемъ и съ городами. — Жалобы ратныхъ людей на Брюховецкаго. — Оправдательное письмо его къ Хитрово. — Брюховецкій требуетъ великороссійскаго духовнаго на Кіевскую митрополію и объявляетъ о своемъ пріѣздѣ въ Москву.

Мы видѣли, что грозная туча, ужаснувшая Москву въ 1659 году, пронеслась мимо; ханъ съ Выговскимъ не являлись изъ-подъ Конотопа подъ ея стѣнами; Малороссія снова подчинилась великому государю. 1659 годъ завершился удачею: въ декабрѣ бояринъ Василій Борисовичъ Шереметевъ изъ Кіева ударилъ на Андрея Потоцкаго, разбилъ его и взялъ обозъ [23]. Но въ Малороссіи что-то не ладилось.

Въ декабрѣ 1659 года пріѣхали въ Москву отъ Хмельницкаго послы — Андрей Одинецъ и Петръ Дорошенко съ наказомъ бить челомъ: 1) Чтобъ царскихъ воеводъ, кромѣ Кіева и Переяславля, нигдѣ въ другихъ городахъ не было, кромѣ случаевъ непріятельскаго нашествія. — Государь указалъ: этой статьѣ быть по переяславскому договору, а утѣсненья отъ царскихъ воеводъ и ратныхъ людей войску Запорожскому не будетъ. 2) Чтобъ гетману съ судьями войсковыми и иною старшиною судъ на преступныхъ людей вольно было имѣть на обѣихъ сторонахъ Днѣпра, какъ надъ старшиною, такъ и надъ чернью, и осужденныхъ по закону карать: иначе водворится непослушаніе и черезъ непослушаніе смятеніе въ войскѣ; чтобъ послы гетманскіе грамоту отдавали сами въ руки царскаго величества, и чтобъ эта грамота при послахъ же была прочитываема государю. — Первая половина просьбы была отвергнута, какъ несообразная съ переяславскимъ договоромъ; на вторую отвѣчали: листы гетманскіе при царскомъ величествѣ принимаютъ всегда: такъ повелось издавна; это измѣнникъ Ивашка Выговскій толковалъ, будто посланцамъ ихъ листовъ до царскаго величества доносить не даютъ; но этого никогда не бывало и впередъ не будетъ; листы передъ царскимъ величествомъ читаютъ и все по нимъ государю бываетъ вѣдомо. 3) Чтобъ го-

сударь не принималъ никакихъ грамотъ, челобитенъ и посланцевъ изъ войска Запорожскаго, ни отъ старшинъ, ни отъ черни, ни отъ духовныхъ, ни отъ мірскихъ людей, безъ листа отъ гетмана и печати войсковой: это для разныхъ причинъ, потому что отъ оболганія ненавистныхъ людей многія ссоры происходятъ. — Отвѣтъ: если кто изъ войска Запорожскаго къ царскому величеству безъ гетманскаго листа и пріѣдетъ, то царское величество велитъ дѣло разсмотрѣть, и если которые люди станутъ пріѣзжать по своимъ дѣламъ, а не для смуты, то царское величество и указъ имъ велитъ чинить по ихъ дѣламъ; отъ которыхъ же объявятся ссоры, то государь никакимъ ссорамъ не повѣритъ и велитъ отписать объ этомъ къ гетману. Такъ гетманъ бы ничего не опасался; если же исполнить эту ихъ просьбу, то вольностямъ ихъ будетъ нарушенье, этимъ они вольности свои сами замыкаютъ. 4) При мирныхъ переговорахъ съ королемъ польскимъ и другими окрестными монархами быть и посламъ войска Запорожскаго съ вольнымъ голосомъ и засѣдать въ особомъ мѣстѣ; если будетъ коммиссія съ королевскими послами, то послы войска Запорожскаго станутъ просить о возвращеніи отъ уніатовъ забранныхъ ими у православныхъ владычествъ, архимандритствъ, игуменствъ и разныхъ маетностей. Царское величество указалъ: быть по ихъ прошенью, послать имъ на съѣздъ съ польскими коммиссарами двухъ или трехъ человѣкъ добрыхъ, а не совѣтниковъ Ивашки Выговскаго. 5) Чтобъ гетману и всему войску Запорожскому вольно было пословъ отъ разныхъ государствъ принимать и отпускать, доставляя въ Москву списки съ грамотъ, ими принесенныхъ, или даже подлинныя грамоты съ печатями Отвѣтъ:— турецкихъ, польскихъ и другихъ подобныхъ пословъ не принимать; молдавскихъ и валахскихъ, которые придутъ съ порубежными малыми дѣлами, принимать; если же придутъ съ большими дѣлами, то грамоты присылать въ Москву, а самихъ отпускать. 6) Чтобъ царское величество простилъ Данилу Выговскаго, Ивашку Нечая, Гришку Лесницкаго, Гришку Гуляницкаго, Самошку Богданова, Германку Гапонова, Ѳедку Лободу, быть имъ въ прежнемъ достоинствѣ; чтобъ государь велѣлъ освободить плѣнныхъ, Ивана Сербина и другихъ.—Отвѣтъ: царское величество пожаловалъ, впередъ этимъ людямъ баннитами не быть, а когда гетманъ самъ будетъ у государя, тогда объ этомъ и указъ послѣдуетъ.

7) Чтобъ гетману и войску даны были жалованныя грамоты, какъ даны были Богдану Хмельницкому; чтобъ Юрію Хмельницкому дана была грамота на староство Чигиринское и Гадяцкій повѣтъ, съ которыхъ денежные и хлѣбные сборы должны идти на гетмана. Эта просьба была исполнена. 8) Чтобъ духовенству малороссійскому былъ предоставленъ свободный выборъ митрополита; относительно же того, подъ чьимъ благословеніемъ быть кіевскому митрополиту, то намъ, мірскимъ людямъ, говорить объ этомъ не слѣдуетъ: какъ рѣшитъ константинопольскій патріархъ, такъ и будетъ.—Отвѣтъ: царское величество указалъ: быть тому по нынѣшнему переяславскому договору, митрополиту кіевскому быть подъ благословеніемъ патріарха московскаго, потому что духовенство на переяславской радѣ приговорило такъ.

Юрій не былъ доволенъ Москвою: просьбы, которыя всего больше лежали у него на сердцѣ, не были исполнены. Въ это время заслышали въ Малороссіи, что сбираются на нее съ двухъ сторонъ—король польскій и ханъ крымскій. Въ половинѣ іюля 1660 года гетманъ отправилъ посланцевъ къ царю съ такою *информаціею:* просить государя, чтобъ прислалъ въ Малороссію другаго боярина для обороны отъ хана крымскаго, потому что бояринъ Василій Борисовичъ Шереметевъ пошелъ противъ Ляховъ; объявить, что король польскій, хитрый въ думахъ и въ уставѣ, наступаетъ крѣпко на царское величество и на города украинскіе съ посполитымъ рушеніемъ; къ нему на помощь крымскій ханъ послалъ калгу съ мурзами. Просить государя, чтобъ велѣлъ донскимъ козакамъ промышлять надъ крымскими городами и такимъ образомъ помѣшать соединенію Татаръ съ Поляками. Просить, чтобъ государь отпустилъ шурина гетманскаго Ивана Нечая, потому что однимъ человѣкомъ богатая земля не убожится, а бѣдная не богатѣетъ: «Сколько разъ,» писалъ Юрій въ грамотѣ: «просилъ я ваше царское величество о Иванѣ Нечаѣ, но до сихъ поръ не могъ получить желаемаго: думаю, что писаніе мое до рукъ вашего царскаго величества не доходило; сестры мои двѣ вдовы: одна по Данилѣ Выговскомъ, другая по Иванѣ Нечаѣ, съ дѣтками безпрестанно слезы проливаютъ кровавыя, на меня нарекаютъ и докучаютъ и просятъ, чтобъ вашему царскому величеству билъ челомъ и писалъ.» Посланцы гетманскіе объявили въ Москвѣ, что бояринъ Василій Борисовичъ Шереметевъ пошелъ

противъ короннаго войска, а съ нимъ пошло 11 полковъ Черкасскихъ, всѣхъ ратныхъ людей у него 60,000; наказнымъ гетманомъ при Черкасахъ переяславскій полковникъ Тимоѳей Цецура. Коронный гетманъ Потоцкій стоитъ около Межибожа, а войска у него съ 10,000; Чарнецкій и Сапѣга стоятъ подъ Борисовымъ: два раза приступали они къ этому городу, но были отбиты. Въ Запорожье гетманъ посылаетъ два полка—черкасскій да каневскій, а съ кошевымъ въ Запорогахъ съ 10,000 войска, да охотниковъ съ Сѣркомъ 5000: велѣно имъ промышлять надъ Татарами.

Царь отвѣчалъ гетману, что къ нему на помощь отъ Татаръ идетъ изъ Москвы окольничій князь Осипъ Щербатый со многими ратными людьми, да изъ Бѣлгорода князь Григорій Григорьевичъ Ромодановскій пошлетъ товарища своего Петра Скуратова; къ донскимъ козакамъ уже посланъ приказъ промышлять надъ Крымцами. Въ просьбѣ объ освобожденіи Нечая и на этотъ разъ было отказано гетману; царь писалъ ему: «Иванъ Нечай намъ измѣнилъ, польскому королю Яну Казимиру присягалъ, нашихъ ратныхъ людей на проѣздахъ многихъ побивалъ, въ Мстиславль и Кричевъ мѣщанамъ прелестные листы писалъ, по которымъ мѣщане намъ измѣнили, воеводъ нашихъ и ратныхъ людей побили, а иныхъ воеводъ онъ, Нечай, отослалъ къ польскому королю; онъ же изъ Чаусъ подъ Могилевъ и подъ Мстиславль приходилъ, многое разоренье и кровопролитіе починилъ, въ Смоленскъ къ воеводѣ и въ другіе города воровскіе листы писалъ, называясь вѣрнымъ подданнымъ польскаго короля; въ Быховѣ заперся, нашихъ милостивыхъ грамотъ не послушалъ, почему и взятъ въ Быховѣ нашими ратными людьми. Польскій король и теперь съ нами войну ведетъ, такъ намъ Нечая къ вамъ въ войско Запорожское отпустить нельзя, потому что онъ, по присягѣ своей, станетъ польскому королю желать всякаго добра, а намъ и вамъ всякаго зла» [24].

Но страшное зло сдѣлалось и безъ Нечая. Непріятельскія дѣйствія между московскими и польскими войсками не прекращались. Въ январѣ 1660 года бояринъ князь Иванъ Андреевичъ Хованскій взялъ Брестъ, выжегъ его и высѣкъ, поразивши въ трехъ битвахъ троихъ непріятельскихъ вождей—Полубенскаго, Обуховича и Огинскаго [25]. А между тѣмъ въ Борисовъ пріѣхали князь Никита

Ивановичъ Одоевскій съ товарищами для мирныхъ переговоровъ съ польскими уполномоченными; для участія въ этихъ переговорахъ пріѣхали и послы войска запорожскаго — нѣжинскій полковникъ Василій Золотаренко и Ѳедоръ Коробка съ 53-мя козаками. Относительно Малороссіянъ Одоевскій получилъ наказъ: отвести имъ въ Борисовѣ дворы добрые; для береженья быть у нихъ стрѣльцамъ, чтобъ имъ отъ ратныхъ государевыхъ людей никакой тѣсноты и безчестья не было; на съѣздахъ сидѣть имъ въ государевомъ шатрѣ особо на скамьѣ или на стульяхъ отъ посольскаго стола недалеко, гдѣ пристойно, а къ шатру и отъ шатра велѣть имъ ѣздить за дьяками; а о рубежахъ съ польскими коммиссарами говорить имъ по информаціи, какая имъ дана отъ гетмана Юрія Хмельницкаго и отъ всего войска запорожскаго. Въ информаціи говорилось, что Волынь и Подолія не должны отдѣляться отъ владѣній царскаго величества, тѣмъ болѣе, что государь уже называется волынскимъ и подольскимъ; чтобъ унія была уничтожена; чтобъ плѣнники украинскіе, особенно взятые не на войнѣ, были возвращены; чтобъ была свободная торговля между Малороссіею и Польшею. Но информація оказалась ненужною: русскіе уполномоченные не дождались польскихъ коммисаровъ въ Борисовѣ. Въ мартѣ мѣсяцѣ коронный гетманъ Станиславъ Потоцкій, обозный Андрей Потоцкій, Выговскій съ Поляками и Татарами начали военныя дѣйствія на югѣ, безъ успѣха приступали къ Могилеву (на Днѣстрѣ), Браславлю, Умани, жгли села и разсылали всюду прелестныя грамоты; зимній походъ былъ труденъ: войско терпѣло сильный голодъ, потому что крестьяне попрятали весь хлѣбъ въ ямы, а сами заперлись въ крѣпостяхъ вмѣстѣ съ козаками; край опустѣлъ; ханъ прислалъ только нѣсколько тысячъ Татаръ и то очень изнуренныхъ. Гетманъ Станиславъ Потоцкій писалъ въ апрѣлѣ коммиссарамъ: «Если мы заключимъ миръ съ Москвою, то обѣ фуріи, и турецкая и татарская, непремѣнно бросятся на насъ, потому что господари молдавскій и волошскій поселили въ Татарахъ большое недовѣріе къ намъ, внушивъ, что мы согласились съ Москвою противъ нихъ. Я желалъ бы мира съ Москвою, но если за нимъ должна послѣдовать турецкая война, то надобно хорошенько обдумать дѣло.» Вотъ еще новая причина неуступчивости и медленности со стороны коммиссаровъ [26]! Они стали отказываться писать царя *Малыя и Бѣлыя Россіи* само-

держцемъ, стали требовать, чтобъ московскіе уполномоченные не писали запорожскихъ посланныхъ подданными царскими и чтобъ эти посланные не имѣли вольнаго голоса при переговорахъ. «Странное дѣло!» отвѣчалъ имъ Одоевскій: «у васъ на сеймахъ посолъ каждаго повѣта имѣетъ вольный голосъ; въ Малороссіи повѣтовъ много, а вы не хотите малороссійскимъ посламъ дать вольнаго голоса при нашихъ переговорахъ!» Коммиссары прислали сказать Одоевскому, что послѣ того, какъ Юрій Хмельницкій былъ провозглашенъ гетманомъ, посланцы его за него и за все войско присягали королю въ Шубинѣ. Одоевскій показалъ грамоту коммиссаровъ Золотаренку, и тотъ отвѣчалъ имъ: «Святаго божественнаго маестата дѣло отнимать земли у одного монарха и отдавать ихъ другому, и вы, не желая называть насъ подданными царскими, волѣ Божіей противитесь. Несмотря на то, что нѣкоторые Ляхи, находившіеся въ войскѣ запорожскомъ, старались склонить его на польскую сторону, войско, какъ скоро узнало объ ихъ замыслахъ, свергнуло съ безчестіемъ Выговскаго и отдало булаву Хмельницкому, который, какъ достойный сынъ, пошелъ по стопамъ отцовскимъ и воскресилъ въ войскѣ присягу царскому величеству, умерщвленную насиліемъ Выговскаго, и теперь на Украйнѣ нѣтъ ни одного полка, ни одного полковника, ни одного товарища, который былъ бы подданнымъ королевскимъ». Въ то время, какъ шла эта безполезная переписка, 29 апрѣля ночью, Поляки, съ 1000 человѣкъ, явились подъ Вильною, овладѣли большимъ городомъ и начали приступать къ замку; но Русскіе солдаты сдѣлали удачную вылазку изъ замка и выбили непріятеля изъ большаго города. Съ польскими ратными людьми приходило подъ Вильну много шляхты, присягнувшей прежде царю; наканунѣ непріятельскаго прихода нѣкоторые изъ этой шляхты пріѣзжали подъ Вильну для провѣдыванія; мѣщане вышли къ нимъ на встрѣчу за пять верстъ и разсказали, на которыя мѣста въ городѣ лучше ударить; когда же Поляки подошли къ Вильнѣ, то мѣщане помостили имъ мосты черезъ рвы, ворота съ ними заодно высѣкали и къ замку приводили, указывая на слабыя мѣста. Извѣстный намъ нѣжинскій протопопъ Максимъ писалъ нѣжинскому сотнику Роману Ракушкѣ, бывшему въ Борисовѣ вмѣстѣ съ Золотаренкомъ: «Ради Бога, будьте осторожны на этой коммиссіи съ Ляхами, зная ляцкую хитрость, и боярамъ скажите, чтобъ были осторожны; знаю по-

длинно, что Ляхи призвали въ Литву 12.000 Татаръ и хотятъ подвести ихъ измѣною на царскихъ уполномоченныхъ. Объ этихъ Татарахъ выпытали въ Прилукахъ у пьянаго чернеца Тарасія Бузскаго, который былъ при митрополитѣ Балабанѣ, пріѣзжалъ съ нимъ изъ Слуцка въ Кіевъ и опять съ нимъ уѣхалъ, лютый кобель, и хотя подъ клобукомъ, а настоящій іезуитъ; теперь послѣ Пасхи пріѣзжалъ онъ изъ Слуцка къ пану гетману, сказываетъ, съ митрополичьими письмами; такъ онъ говорилъ, что Заднѣпровье король выдалъ Туркамъ и Татарамъ, чтобъ огнемъ и мечемъ выгубили». Наконецъ, 18 іюня, Одоевскій получаетъ коротенькую записку отъ боярина князя Ивана Андреевича Хованскаго, который осаждалъ Ляховичи: «Князь Никита Ивановичъ! Бога ради берегитесь: идутъ на васъ люди изъ Жмуди, а на насъ ужь пришли — Чарнецкій съ товарищами; посольству у васъ никакъ не статься, обманываютъ; не покручинься, что коротко написалъ: и много было писать да некогда, пошелъ противъ непріятеля. Ивашка Хованскій челомъ бьетъ, Бога ради берегитесь!» Не долго послѣ того послы ждали новыхъ вѣстей: 20 іюня прибѣжалъ изъ полковъ Хованскаго солдатъ и объявилъ о страшномъ несчастіи: 17 числа Хованскій выступилъ изъ обоза подъ Ляховичами, ночевалъ въ двадцати верстахъ въ мѣстечкѣ Мышахъ и на другой день, 18 іюня, въ десяти верстахъ отъ Мышей, въ мѣстечкѣ Волонѣ (Полонкѣ) встрѣтился съ польскими войсками, бывшими подъ начальствомъ Павла Сапѣги, Чарнецкаго, Полубенскаго и Кмитича; здѣсь русская пѣхота потерпѣла совершенное пораженіе, воевода князь Семенъ Щербатый попался въ плѣнъ, двое сыновей князя Хованскаго и воевода Змѣевъ были ранены; Хованскій отецъ съ остальнымъ войскомъ побѣжалъ къ Полоцку; обозъ подъ Ляховичами достался побѣдителямъ. Узнавъ объ этомъ несчастіи, уполномоченные немедленно же выѣхали изъ Борисова въ Смоленскъ [27].

Такъ исполнилось пророчество царя относительно Хованскаго, который съ этихъ поръ сдѣлался знаменитъ своими пораженіями [28]. Но кромѣ Хованскаго въ Бѣлоруссіи былъ еще другой воевода, прославившійся разбитіемъ и взятіемъ въ плѣнъ гетмана Гонсѣвскаго, князь Юрій Алексѣевичъ Долгорукій. 3 октября онъ далъ знать изъ села Губарева, отъ Могилева за 30 верстъ, что въ трехдневномъ бою, 24, 25 и 26 сентября, онъ разбилъ гетмана Павла Сапѣгу, Чарнецкаго, Паца и Полубенскаго, взялъ у нихъ

19 человѣкъ плѣнныхъ; 10 октября новыя вѣсти отъ Долгорукаго оттуда же, что гетманъ Сапѣга приходилъ на его обозъ, но былъ отбитъ. По польскимъ извѣстіямъ, Сапѣга и Чарнецкій напали съ двухъ сторонъ на войска Долгорукаго, разставленныя въ лѣсу въ числѣ 25.000; конницу разбили, но пѣхота, храбро защищаясь, въ порядкѣ возвратилась въ свой лагерь. Въ слѣдующіе дни Поляки окружили Долгорукаго, отнимали съѣстные припасы, шедшіе изъ Смоленска, перенимали людей, хотѣвшихъ пробраться въ Смоленскъ. Въ это время Хованскій, собравшись снова съ силами у Полоцка, въ числѣ 12.000 человѣкъ, началъ наступать на Поляковъ сзади. Чарнецкій и Сапѣга обратились на него и принудили бѣжать; этимъ временемъ Долгорукій отступилъ къ Могилеву, а брата своего Петра послалъ къ Шклову; но князь Петръ потерпѣлъ пораженіе подъ этимъ городомъ [2].

На югѣ дѣла шли еще хуже. Здѣсь Поляки прежде всего хлопотали около новаго гетмана, склоняя его на сторону королевскую. Въ концѣ января 1660 года Бѣнѣвскій писалъ Юрію: «Вы толкуете о непріятельскихъ мучительствахъ, которыя вы претерпѣвали отъ Поляковъ: но неужели природный панъ вашъ король потому кажется вамъ жестокосердымъ, что, какъ добрый отецъ, покрылъ ризою милости и далъ перстень сынамъ заблудшимъ? не потому ли онъ вамъ кажется жестокосердымъ, что всякому до него, какъ до отца, доступъ и разговоръ вольный? или потому, что всѣ присланные отъ васъ были обдарены и удовольствованы? или наконецъ потому, что помазанникъ Божій присягнулъ Царю царей вмѣстѣ съ сенатомъ и Рѣчью Посполитою, что васъ, какъ дѣтей, принимаетъ и вольностей вашихъ никогда не нарушитъ. А царь не потому ли кажется вамъ добръ, что полна Украйна мучительства? Когда бы мой большой и любимый пріятель, родитель вашей милости, воскресъ и увидѣлъ одного зятя своего на крюкѣ, дочь въ плѣну и въ безчестіи; когда бы увидѣлъ другаго зятя неслыханно замученнаго; когда бы увидѣлъ тѣло его истерзанное кнутомъ, пальцы отрѣзанные, глаза вынутые и серебромъ залитые, уши буравомъ просверленныя и серебромъ залитыя; когда бы увидѣлъ другую дочь, умирающую надъ тѣломъ милаго мужа; когда бы увидѣлъ сиротъ малыхъ, у которыхъ отца такъ замучили — еслибъ Богданъ Хмельницкій увидѣлъ все это, то не только принялся бы за оружіе, но и въ огонь ринулся бы; наконецъ ра-

зоренное Заднѣпровье и ежедневныя обиды—дивно мнѣ, какъ все это могло полюбиться? Знаю. что вы присягали царю, но знаю, что не по доброй волѣ; знаю, въ какомъ опасномъ положеніи находились вы подъ Терехтемировымъ; нескорое прибытіе нашей помощи причиною тому, что вы принуждены были присягнуть царю. Но смотрите, какъ сдержаны обѣщанія царскія! Панъ Ковалевскій пишетъ мнѣ, что царь простилъ всѣхъ; но если простилъ, то зачѣмъ же человѣкъ замученъ? Не только печаль, но и безчестье всему войску—прислать къ нему такъ замученнаго зятя гетманскаго, на весь свѣтъ славнаго, въ войскѣ заслуженнаго, а вашей милости шурина. Удивляюсь, что панъ Ковалевскій, присяжный мой братъ, такъ скоро забылъ присягу свою, которую далъ Богу и пану своему природному, забылъ милость панскую, забылъ и мои къ себѣ милости. Не такимъ я зналъ пана Ковалевскаго прежде, во времена покойнаго родителя вашего; вспомнилъ бы то, какъ былъ переводчикомъ у покойника, какъ тотъ черезъ него все дѣлалъ. Еслибы родитель вашъ хотя немножко побольше пожилъ, то водворилъ бы совершенный покой, радѣніемъ и трудами пана Ковалевскаго, который пусть припомнитъ, какія были къ нему милости отъ короля и королевы; а теперь онъ спиною къ помазаннику Божію обращается, несмотря на свою присягу, несмотря на то, что прежде самъ указывалъ способъ, какъ дѣйствовать противъ Москвы. Знаю, что васъ, панъ гетманъ, отлучаютъ отъ насъ двоякаго рода представленіями: вопервыхъ, стращаютъ, что Ляхи будутъ мстить вамъ за обиды, нанесенныя имъ отцемъ вашимъ; но убей меня Богъ съ душою и тѣломъ, если намъ въ голову входитъ что-нибудь подобное; съ какой стати будемъ мстить вамъ! вѣдь вы еще не поднимали рукъ на короля и республику; скорѣе надобно было бы мстить на панѣ Выговскомъ, который такъ жестоко на Польшу наступалъ и, надобно признаться, при покойномъ родителѣ вашемъ никакъ не склонялся на нашу сторону; но сами знаете, какъ онъ теперь взысканъ милостію королевскою, какою честію украшенъ. Вспомните и о панѣ Антонѣ Ждановичѣ: начавши отъ Кракова прошелъ онъ съ огнемъ Польшу, а теперь взысканъ также милостію королевскою. И другихъ примѣровъ безчисленное множество. Бойся, панъ гетманъ, не Польши, бойся Москвы, которая скоро захочетъ доходовъ малороссійскихъ и поступитъ съ вами какъ съ другими. Вовторыхъ, го-

ворятъ, что у Ляховъ нѣтъ войска, говорятъ: и собака на насъ не залаетъ, какъ пойдемъ въ землю польскую. Но жестоко обманется войско запорожское такими вѣстями: до сихъ поръ, несмотря на то, что со всѣхъ сторонъ были мы окружены непріятелями, мы давали имъ отпоръ; теперь же, когда съ шведскимъ королемъ уже заключено перемиріе на 15 лѣтъ, когда войска короля шведскаго вступили къ намъ въ службу, когда наши войска соединились или скоро соединятся съ ордою, когда вся шляхта вооружится, когда войска изъ Пруссіи съ паномъ Чарнецкимъ, изъ Курляндіи съ Полубенскимъ уже направляются въ Литву, то увидятъ, какъ мы безсильны! Не думайте, что король призываетъ васъ, чувствуя свою слабость; нѣтъ, онъ зоветъ васъ потому только, чтобъ Украйна не стала пустынею и чрезъ то не отворились бы ворота въ Польшу; притомъ же панъ природный не мечемъ, но добротою хочетъ привлечь къ себѣ подданныхъ. Свою шею заложу за вашу безопасность, при васъ и съ вами хочу быть. Ради Бога размыслите хорошенько, не навлекайте на себя проклятія за клятвопреступленіе и поступайте по правдѣ, а то теперь какъ смотрѣть на ваши поступки? пишете ко мнѣ, чтобъ я пріѣхалъ, а посланца моего въ заключеніи держали и хотѣли въ Москву отослать! Разсуди, милостивый панъ, и то: хорошо ли отправить пословъ къ помазаннику Божію съ изъявленіемъ покорности, а потомъ поступить совершенно иначе: не значитъ ли это съ Богомъ и государемъ шутить? ибо что дѣлаетъ посолъ, то все равно что дѣлаетъ самъ панъ. Вы своихъ пословъ, людей невинныхъ, подъ такую бѣду подвели! Но я, зная, что не одна мать родила всѣхъ, пословъ этихъ держу у себя въ чести, всякій день вмѣстѣ со мною ѣдятъ и пьютъ, всего у нихъ довольно. Я бы ихъ давно уже отпустилъ, но панъ воевода кіевскій (Выговскій) просилъ не отпускать ихъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ прислана къ нему жена его. Подарите меня за мои услуги, выпустите невинную женщину, потому что не рыцарское дѣло съ женщинами воевать, а я посылаю письменную присягу, что какъ скоро пріѣдетъ въ Межибожь панья Выговская, сейчасъ же отпущу къ вамъ пановъ пословъ вашихъ». Хмельницкій сказалъ посланному Бѣнѣвскаго: «Я другъ твоему пану; пріѣзжаетъ къ намъ или не пріѣзжаетъ — какъ хочетъ, потому что не мое правленіе, а пана Ковалевскаго».

Этотъ отвѣтъ показывалъ лучше всего ничтожность Хмельницкаго; справедливо отозвался объ немъ кіевскій воевода Шереметевъ, который, повидавшись съ Юріемъ, сказалъ: «Этому гетманишкѣ надобно было бы гусей пасти, а не гетманствовать.» При этомъ свиданіи, которое дало Шереметеву такое невыгодное мнѣніе о Хмельницкомъ, они уговорились идти ко Львову, и въ концѣ августа дѣйствительно выступили въ походъ, по двумъ разнымъ дорогамъ: Шереметевъ пошелъ на Котельню, Хмельницкій на Гончариху; къ Шереметеву присоединился отрядъ козаковъ подъ начальствомъ Цецуры. Непріятель умѣлъ утаить свои движенія и свои силы, и на Волыни у Любара Шереметевъ встрѣтилъ тридцатитысячное польское войско подъ начальствомъ гетмана Потоцкаго и маршалка Любомирскаго; но съ Поляками шло еще 60,000 Татаръ. Видя превосходство силъ непріятельскихъ, Шереметевъ засѣлъ въ обозѣ, изъ котораго отбивался въ продолженіе двухъ дней, 5 и 6 сентября; 1500 москвичей и 200 козаковъ полегло при этой оборонѣ. Но бѣды только начинались: въ московскомъ обозѣ оказался голодъ. Чтобъ промыслить что-нибудь, 9 сентября воевода выслалъ трехтысячный отрядъ; но Татары уже стерегли его на дорогѣ, ударили изъ засады, убили 500 человѣкъ, взяли въ плѣнъ 300. Прошло три дня; въ Русскомъ обозѣ царствовала глубочайшая тишина; только по дыму да по лошадямъ, пасущимся внутри и внѣ обоза, можно было догадаться, что въ немъ еще сидятъ люди. Русскіе притаились нарочно, и 13 числа, около 6 часовъ утра, вдругъ выступили на поле, разстилавшееся между двумя непріятельскими станами; Поляки однако не были застигнуты врасплохъ и поспѣшили къ нимъ навстрѣчу; увидавши ихъ, Русскіе немедленно скрылись въ свои укрѣпленія; Поляки возвратились, но только-что успѣли сойти съ лошадей, какъ Русскіе опять показались въ полѣ и четыре раза повторяли эту тревогу. Они не могли долѣе оставаться въ покоѣ: не было ни людскихъ, ни конскихъ кормовъ, ни пороха. 14 числа ночью они подкрались было подъ станъ непріятельскій, но, увидавъ, что Поляки готовы биться, ушли назадъ. Всѣ эти безполезныя движенія только еще болѣе раздражили голодное войско. Козаки первые взволновались и рѣшили уходить; но въ то время, какъ они уже готовы были садиться на коней, является Шереметевъ съ саблею въ рукахъ, упрекаетъ ихъ въ трусости

и обѣщаетъ, если останутся, заплатить имъ въ Кіевѣ хорошія деньги. Козаки успокоились; но на другой день, 16 числа, взволновалось и московское войско, требуя, чтобъ бояринъ выводилъ его ночью изъ обоза, гдѣ оно не можетъ долѣе выносить голода. Шереметевъ отказалъ: «Стыдно намъ бѣжать, будучи въ такой силѣ», говорилъ онъ: «подождемъ до завтрашняго утра, до семи часовъ.» Бояринъ никакъ не могъ рѣшиться бѣжать ночью, воровски; онъ хотѣлъ выступить честно, днемъ, въ виду непріятеля. Исполняя данное слово, онъ передъ разсвѣтомъ отправилъ обозъ съ слабѣйшею частію войска, а самъ выступилъ послѣ съ лучшими полками, отлично отбиваясь отъ наступавшихъ Поляковъ и Татаръ, по свидѣтельству самихъ враговъ. Но это отступленіе не могло совершиться безъ большихъ потерь: кромѣ множества убитыхъ, Русскіе оставили въ рукахъ непріятеля 400 телѣгъ и девять пушекъ. Отдыхать было нельзя: послѣ тяжелаго дня Русскіе должны были продолжать отступленіе всю ночь. Только въ 7 часовъ утра 18 числа достигли они города Чуднова; измученные, не успѣли они еще вздохнуть, оглядѣться, какъ въ 10 часовъ явились Поляки, заняли зáмокъ и гору, господствующую надъ городомъ. Русскимъ поэтому не было никакой возможности оставаться здѣсь: захвативши, сколько можно было, съѣстныхъ припасовъ и зажегши городъ, они вышли изъ него и расположились станомъ подлѣ. Таборъ ихъ представлялъ видъ треугольника: московскіе полки расположились на низменности, козаки занимали возвышеніе. Но едва успѣли они размѣститься на новосельѣ, какъ непріятели окружили ихъ со всѣхъ сторонъ и гранаты полетѣли въ таборъ. Но въ это время стали приходить слухи о приближеніи Хмельницкаго; Поляки боялись, чтобъ гетманъ не занялъ высокой горы, находившейся позади ихъ стана, и потому перенесли его за рѣку Тетерю. Русскіе обрадовались, что могли вздохнуть нѣсколько свободнѣе; притомъ же, по указанію Чудновскихъ жителей, они отыскали запасы хлѣба и могли спокойно дожидаться Черкасъ. Но польскіе вожди не хотѣли оставить ихъ въ этомъ спокойствіи: они рѣшились сдѣлать то же, что нѣкогда старый Хмельницкій сдѣлалъ подъ Зборовымъ: Потоцкій остался наблюдать за Шереметевымъ, а Любомирскій двинулся на перерѣзъ Юрію Хмельницкому и напалъ на него подъ Слободищами. Жаркая схватка съ козаками стоила дорого Полякамъ, не давши имъ

никакого перевѣса, но уже одно неожиданное появленіе Любомирскаго произвело сильное впечатлѣніе; Поляки тутъ, а гдѣ Шереметевъ? Что съ нимъ? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ приносятъ грамоту отъ Выговскаго съ увѣщаніемъ отложиться отъ Москвы, которой силы уже сокрушены, которая болѣе не свѣтитъ, а чадитъ, какъ погасающая лампада; съ уничтоженіемъ войска Шереметевскаго, что немедленно должно послѣдовать, вся тяжесть войны падетъ на гетмана малороссійскаго; а король милосердъ и отъ великодушнаго народа польскаго козаки получатъ то, чего не дождаться имъ отъ варварства московскаго.

Между тѣмъ Шереметевъ хотѣлъ воспользоваться отсутствіемъ Любомирскаго и выйти изъ стана; но Потоцкій загородилъ ему дорогу и принудилъ возвратиться, и въ тотъ же день пришелъ назадъ Любомирскій изъ-подъ Слободищъ. Что же Хмельницкій? Вмѣсто того чтобъ по слѣдамъ Любомирскаго двинуться на помощь къ Шереметеву, онъ 1 октября прислалъ въ польскій станъ грамоту съ просьбою о мирѣ, а 3 числа козакъ перебѣжчикъ изъ русскаго стана принесъ извѣстіе, что бояринъ на другой день готовится выступить къ Пяткамъ для соединенія съ Хмельницкимъ. Цѣлую ночь не спалъ Потоцкій, готовясь къ кровавому дню, и не напрасно: небывалый бой загорѣлся 4 октября, когда Русскіе, съ послѣдними отчаянными усиліями, порывались пробиться сквозь ряды Поляковъ и Татаръ. Никакія усилія не помогли: Шереметевъ возвратился назадъ въ свой таборъ, полкъ Потоцкаго ворвался было туда же за нимъ, но былъ выбитъ. Поляки говорятъ, что еслибы Татары сражались какъ надобно, то войско Шереметева было бы окончательно сокрушено въ этотъ день, но Татары, бросившись грабить русскія телѣги, покинули битву прежде чѣмъ слѣдовало. Русскіе, по счету Поляковъ, потеряли 3000 убитыми.

На другой день, 5 числа, Хмельницкій прислалъ новыя предложенія въ польскій станъ; въ отвѣтъ было отправлено приглашеніе явиться лично и принести присягу королю. Черезъ два дня, 8 октября, гетманъ малороссійскій пріѣхалъ; Поляки изумились, увидавъ наслѣдника страшнаго для нихъ имени: это былъ черноватый осьмнадцатилѣтній мальчикъ, скромный, неловкій, молчаливый, смотрѣвшій послушникомъ монастырскимъ, а не гетманомъ козацкимъ и сыномъ знаменитаго Хмеля. 9 числа Юрій прися-

гнулъ королю, и вечеромъ того же дня отправилъ письмо въ русскій станъ къ Цецурѣ, съ объявленіемъ, что миръ съ Польшею заключенъ и чтобъ полковникъ слѣдовалъ примѣру гетмана, переходилъ на королевскую сторону. 11 октября Цецура отвѣчалъ, что отдѣлится отъ Москалей, какъ скоро удостовѣрится въ присутствіи своего гетмана у Поляковъ, и вотъ Хмельницкій является на холмѣ подъ бунчукомъ. При этомъ видѣ Цецура съ 2000 козаковъ (другіе остаются въ обозѣ) рванулся изъ табора; Татары бросаются на нихъ, думая, что это вылазка, Поляки спѣшатъ защитить перебѣжчиковъ; около 200 козаковъ гибнетъ отъ Татаръ, другіе цѣпляются за польскихъ всадниковъ и достигаютъ табора. Цецура произвелъ здѣсь совершенно иное впечатлѣніе, чѣмъ Хмельницкій: онъ былъ приземистъ, крѣпокъ, пріятной наружности, въ глазахъ горѣла отвага, движенія тѣла изобличали подвижность духа [30].

Побѣгъ Цецуры былъ окончательнымъ ударомъ для Шереметева: о помощи нечего было и думать, а между тѣмъ «отъ пушечной и гранатной стрѣльбы тѣснота была великая; съ голоду ратные люди ѣли палыхъ лошадей и мерли; пороху и свинцу у нихъ нестало.» Въ такомъ отчаянномъ положеніи Шереметевъ продержался еще одиннадцать дней, и 23 октября рѣшился вступить въ переговоры съ польскими вождями; подписаны были слѣдующія условія: 1) царскія войска должны очистить малороссійскіе города: Кіевъ, Переяславль, Нѣжинъ, Черниговъ, оставя въ нихъ пушки и всякіе пушечные запасы, послѣ чего безпрепятственно отступятъ къ Путивлю, взявши съ собою имѣніе свое и казну царскую. 2) Войско Шереметева, сдавши оружіе, всѣ военные запасы и хоругви, остается въ обозѣ три дня, а на четвертый выступаетъ въ города — Кодню, Котельню, Паволочъ и ближнія мѣста. 3) Шереметевъ съ начальными людьми остается у гетмановъ коронныхъ и у султана крымскаго, пока царскія войска не выйдутъ изъ Кіева, Переяславля, Нѣжина и Чернигова; имъ позволяется оставить при себѣ только сабли и имѣть сто топоровъ въ войскѣ для рубки дровъ; когда упомянутые города будутъ очищены, то войско, подъ защитою королевскихъ полковъ, отпустится къ Путивлю, гдѣ будетъ ему возвращено все ручное оружіе; дорогою русскихъ ратныхъ людей не будутъ ни грабить, ни побивать, ни въ плѣнъ брать; пищу себѣ и лошадямъ вольно

имъ будетъ покупать. 4) Козаки, оставшіеся въ таборѣ Шереметева по уходѣ Цецуры, выйдутъ напередъ изъ обоза, оружіе и знамена повергнутъ подъ ноги гетмановъ коронныхъ, и Москвѣ нѣтъ до нихъ никакого дѣла. 5) Шереметовъ съ товарищами ручаются, что воевода князь Юрій Никитичъ Борятинскій на всѣ эти статьи согласится, пріѣдетъ къ гетманамъ и останется у нихъ до очищенія Кіева, Переяславля, Нѣжина и Чернигова; если же онъ этого при первой повѣсткѣ не сдѣлаетъ, то уговорныя статьи до него не касаются.

Вслѣдствіе этого Шереметевъ немедленно отправилъ грамоты Борятинскому, стоявшему подъ Кіевомъ, и другому воеводѣ, Чаадаеву, находившемуся въ самомъ Кіевѣ, просилъ ихъ согласиться на Чудновскій договоръ; Шереметевъ писалъ: «Вамъ бы учинить по этому нашему договору, а въ Кіевѣ, Черниговѣ, Переяславлѣ и Нѣжинѣ государевымъ ратнымъ людямъ быть не у чего, потому что Юрій Хмельницкій со всѣмъ войскомъ и съ городами измѣнилъ.» Но Борятинскій, не находясь въ положеніи Шереметева, не думалъ, что Малороссія потеряна для Москвы потому только, что Хмельницій передался Полякамъ. «Я повинуюсь указамъ царскаго величества, а не Шереметева; много въ Москвѣ Шереметевыхъ!» отвѣчалъ Борятинскій. Получивши этотъ отвѣтъ, Поляки сочли себя въ правѣ задержать воеводъ и войско, ибо главное условіе—очистка городовъ малороссійскихъ—не было исполнено. Но прежде всего надобно было удовлетворить хищныхъ союзниковъ, и самый важный плѣнникъ, за котораго надѣялись получить самый богатый выкупъ, Шереметевъ, отведенъ былъ въ Крымъ, гдѣ сначала сидѣлъ три мѣсяца въ оковахъ въ ханскомъ дворцѣ; потомъ, по ходатайству Сефергазы-аги, кандалы съ него сняли и послали въ Жидовскій городъ; здѣсь онъ имѣлъ при себѣ священника, толмача, могъ писать въ Москву грамоты, и воспользовался этимъ, чтобъ отомстить Борятинскому, сложивши на него всю вину Чудновскаго несчастія: «Я и гетманъ писали къ нему, чтобъ шелъ намъ помогать; онъ было и выступилъ и отошелъ отъ Кіева верстъ съ 70, но, не дойдя до насъ, поворотилъ назадъ, пограбилъ много мѣстечекъ и деревень, а гетману, который его ждалъ, помощи не далъ» [31]. Видя, что московскіе воеводы не намѣрены сдавать Кіева, Поляки отправили туда тайно пана Чаплинскаго подымать жителей противъ Москвы;

воевода узналъ о незванномъ гостѣ и посадилъ его подъ стражу; но Чаплинскому удалось уйти изъ-подъ стражи; онъ скрылся въ монастырѣ, гдѣ игуменъ Сафоновичъ обрилъ у него бороду и усы, нарядилъ монахинею и велѣлъ выпустить изъ города въ то время, когда монахини коровъ выгоняютъ [32].

Сильно испугала Москву вѣсть о Конотопскомъ пораженіи; еще большій ужасъ навела вѣсть о Чудновскомъ. Тогда истреблена была часть войска, сгибли вожди молодые; теперь цѣлое войско, опора власти царской въ Малороссіи, не существуетъ, и бояринъ и воевода, которымъ по справедливости гордились, котораго царь величалъ «вѣрнымъ и истиннымъ послушникомъ своимъ, храбрымъ и мужественнымъ архистратигомъ», бояринъ Шереметевъ въ позорномъ плѣну у крымскаго поганца! Тогда ханъ съ Выговскимъ были ближе къ Москвѣ, но и теперь боялись, что наступающая зима постелетъ гладкій путь Полякамъ и Крымцамъ, и нѣтъ больше войска, которое бы можно было противупоставить имъ; съ другой стороны можетъ явиться подъ Москвою войско литовское, гордое побѣдою надъ Хованскимъ, и какое ручательство, что Шведъ не захочетъ воспользоваться бѣдою Москвы и не нападетъ на нее съ третьей стороны, какъ прежде напалъ на Польшу? Боялись и другаго рода несчастія — боялись бунта черни московской, раздраженной бѣдствіями продолжительной войны, и войны теперь несчастной. Опять во дворцѣ начали приготовляться къ отъѣзду царя въ Ярославль или Нижній [34]. А тутъ еще дурныя вѣсти съ Дону: въ Іюнѣ пришло изъ Царяграда моремъ подъ Азовъ 33 корабля съ людьми ратными, со всякими запасами и пушками, ратныхъ людей съ 10,000; да въ то же время изъ Крыма пришелъ крымскій ханъ, съ нимъ Татаръ, Черкасъ темрюцкихъ, кабардинскихъ и горскихъ и мурзъ ногайскихъ съ 40,000, да рабочихъ людей, Венгровъ, Волохъ и Молдаванъ съ 10,000. Пришедши подъ Азовъ, по обѣимъ сторонамъ Дона поставили двѣ башни каменныя, а между башнями черезъ Донъ подѣлали цѣпи; на устьѣ проѣзднаго Донца, противъ Азова, поставили городъ каменный съ 4 башнями и съ нарядомъ большимъ и малымъ. Во время строенія крѣпостей Донцы ходили трижды для языковъ, но работамъ помѣшать не могли по своему малолюдству, да и боялись на себя непріятельскаго прихода, стада у нихъ Крымцы всѣ отогнали. Пришли на Донъ царскіе воеводы,

стольники Семенъ Савичъ и Иванъ Савостьяновичъ Хитрово, но пришли они уже тогда, какъ ханъ, отстроивъ крѣпости, пошелъ назадъ въ Крымъ. Государевы люди сдѣлали себѣ городокъ выше Черкаска съ полверсты и вмѣстѣ съ козаками ходили подъ Азовъ, выжгли посады, были и подъ башнями, но ничего имъ не сдѣлали. Всѣхъ козаковъ въ Черкаскѣ было только 3000, да государевыхъ людей 7000. Крымцы навѣстили послѣднихъ въ ихъ городкѣ, но были отбиты. Государевы люди были привычны сидѣть и отсиживаться въ городкахъ, но козаки привыкли нападать и грабить, оборонительная война была для нихъ тяжела; они говорили: «Какъ стало на Дону войско быть, такого утѣсненья намъ никогда не бывало: для промысловъ ходить никуда нельзя, и многіе безъ промысловъ съ Дону отъ насъ разбредутся.» Оставшіеся въ Малороссіи воеводы ссорились другъ съ другомъ. Воевода Чаадаевъ изъ Кіева билъ челомъ на воеводу князя Юрія Борятинскаго: «Пишетъ многія отписки у себя на дворѣ, со мною не говоря и ни о чемъ со мною не совѣтуетъ, и во многіе походы ключей городовыхъ мнѣ не отдаетъ, оставляетъ ихъ у человѣка своего Далматова, и передъ своими друзьями хвалится, что онъ меня ото всего оттѣснилъ, а ходитъ онъ въ походы не для государевыхъ дѣлъ, для своей корысти. Мая 23 (1661 г.) ходилъ онъ въ маетность Печерскаго монастыря, Иванково, и, не доходя до нея, выбравъ своихъ угодниковъ, послалъ съ ними людей своихъ, велѣлъ грабить на себя; ратные люди многіе лошадей поморили, а пришли ни съ чѣмъ, только искорыстовался князь Юрій и друзей своихъ накормилъ; а къ тебѣ, великому государю, пишетъ все ложно и посылаетъ съ отписками своихъ угодниковъ. Писалъ онъ къ тебѣ, будто городъ Иванковъ взялъ и многія мѣста и села повоевалъ; но писалъ ложно: кромѣ одного мѣстечка Иванкова нигдѣ войны не бывало, и въ томъ мѣстечкѣ никакихъ воинскихъ людей, кромѣ тутошнихъ жителей, не было и воевать было не съ кѣмъ, а выграбилъ его для своей корысти, и церкви Божіи вездѣ выграбилъ; добрыхъ людей своимъ озорничествомъ всѣхъ отогналъ; а меня называетъ измѣнникомъ, будто я съ тѣми людьми знаюсь для измѣны, и грозитъ убійствомъ; а все это онъ дѣлаетъ по мысли головы Ѳедора Александрова. Многіе ратные люди говорятъ, что имъ подняться не на что, добра отъ насъ никакого не чаютъ, и многіе изъ Кіева бѣгаютъ, на день человѣкъ по 20, 30 и больше» [35].

Обращая все болѣе и болѣе вниманія на Европу, въ Москвѣ боялись невыгоднаго впечатлѣнія, какое произведутъ на нее разглашенія Поляковъ о своихъ торжествахъ надъ Русскими, и сочли за нужное противодѣйствовать этимъ разглашеніямъ путемъ печати. Написано было изложеніе военныхъ дѣйствій 1660 года, гдѣ выставлены успѣхи Долгорукаго и вначалѣ Шереметева, коварство польскихъ коммиссаровъ, длившихъ время нарочно, чтобъ дать своимъ возможность собрать войско и дождаться Татаръ; наконецъ измѣна Хмельницкаго и дурной поступокъ Поляковъ съ Шереметевымъ подъ Чудновымъ. Это извѣстіе отправлено было въ Любекъ къ Ягану фонъ-Горну, чтобъ онъ напечаталъ его на Нѣмецкомъ языкѣ и разослалъ по окрестнымъ государствамъ.

Между тѣмъ Поляки хлопотали, какъ бы въ другой разъ не выпустить изъ своихъ рукъ войска Запорожскаго. Здѣсь опять является главнымъ дѣйствующимъ лицемъ извѣстный намъ Бѣнѣвскій. Юрій далъ ему знать, что онъ собралъ раду въ Корсунѣ, и приглашалъ его на ней присутствовать. Бѣнѣвскій немедленно отправился и узналъ на мѣстѣ, что Хмельницкій непремѣнно хочетъ сложить булаву, что нѣкоторые, подъ личиною дружбы къ нему, уговариваютъ его отказаться отъ гетманства, проча булаву кому-то другому (Выговскому). Но Бѣнѣвскій, опасаясь отъ *этого другаго* бѣды для республики, началъ хлопотать, чтобъ булава осталась за Хмельницкимъ, который, по слабости своей, какъ нельзя лучше приходился для Польши. Чтобъ окончательно убѣдиться, кого хотятъ выбрать въ гетманы, Бѣнѣвскій призвалъ къ себѣ полковниковъ и началъ имъ говорить, что Хмельницкій непремѣнно хочетъ оставить булаву, такъ кого бы они считали достойнымъ гетманства? Большая часть полковниковъ сейчасъ же отвѣчали: «Объ этомъ нечего безпокоиться: у насъ уже готовъ гетманъ, мы пошлемъ кой къ кому и тутъ же его изберемъ,»—и начали расхваливать своего избранника, воображая, что эти похвалы пріятны Бѣнѣвскому. Ночью послѣдній свидѣлся съ Хмельницкимъ и сталъ распрашивать его, что за причины, по которымъ онъ непремѣнно хочетъ сложить булаву?—«Я молодъ, несчастливъ, боленъ (падучею болѣзнію и грыжею),» отвѣчалъ Юрій, насказалъ и много другихъ, менѣе важныхъ причинъ. Бѣнѣвскій сталъ уговаривать его: «Изъ-за пустыхъ причинъ,» говорилъ онъ: «ты хочешь отказаться отъ гетманства, не

думая, какимъ опасностямъ подвергаешь себя, имѣніе свое и домъ!» Бѣнѣвскій открылъ ему интриги его соперника и что̀ его ждетъ, когда этотъ соперникъ сдѣлается гетманомъ. Хмельницкій не вѣрилъ, чтобъ интриги соперника шли такъ далеко; тогда Бѣнѣвскій предложилъ ему призвать немедленно же полковниковъ, которые сами скажутъ ему о своемъ избранникѣ. Полковники были призваны и объявили: «Завтра же надобно созвать раду, и если ты, панъ гетманъ, покинешь булаву, то безъ гетмана быть не можемъ, и сейчасъ же посылаемъ кой къ кому, которому отдаемъ въ опеку себя, женъ и дѣтей нашихъ.» Это объявленіе убило несчастнаго Хмельницкаго: «Завтра будетъ рада,» сказалъ онъ и отпустилъ полковниковъ. Оставшись наединѣ съ Бѣнѣвскимъ, онъ началъ срывать сердце, обвинять каждаго полковника въ измѣнѣ противъ республики и коварствѣ: «И теперь они хотятъ выбрать того въ гетманы, чтобъ опять своевольничать,» говорилъ онъ. Бѣнѣвскій торжествовалъ: онъ пустилъ черную кошку между гетманомъ и полковниками, и чтобъ еще больше раздражить Хмельницкаго и вывѣдать все нужное, сталъ говорить: «А полковники, панъ гетманъ, все зло складываютъ на тебя, говорятъ, что и Сѣрко, и Апостолъ, и Цецура, и Пушкарь изъ-за тебя возмутились; говорятъ, что ваша милость и Брюховецкаго съ частію казны отправилъ къ царю Московскому, и Самченко, твой родной дядя, по твоему внушенію поднялъ бунтъ въ Переяславлѣ.» Бѣдный Хмельниченко совсѣмъ растерялся: сталъ оправдываться, въ иномъ признавался, наконецъ сталъ умолять искусителя: «Будь отцомъ, совѣтникомъ, ходатаемъ у короля и королевы; клянусь, что буду слѣдовать твоимъ совѣтамъ, не буду слушать злыхъ рѣчей.» Бѣнѣвскій, разумѣется, прежде всего присовѣтовалъ не покидать гетманства, потомъ, такъ какъ Юрій, по молодости и нездоровью, нуждался въ помощникѣ, то Бѣнѣвскій присовѣтовалъ ему взять на писарство Тетерю, чѣмъ пріобрѣтетъ довѣренность короля и республики, потому что настоящій писарь Семенъ Голуховскій преданъ царю и царемъ поставленъ. Хмельницкій на все согласился, требуя одного, чтобъ Бѣнѣвскій оставался ему другомъ и добрымъ совѣтникомъ.

10 ноября собралась рада изъ одной старшины на дворѣ гетманскомъ; Бѣнѣвскій началъ первый говорить, объявилъ, что ни одно изъ царскихъ распоряженій не можетъ имѣть больше силы,

и отъ имени королевскаго вручилъ булаву Хмельницкому, при всеобщемъ восторгѣ, какъ будто бы никогда не думали ни о комъ другомъ. Но къ вечеру торжество Бѣнѣвскаго было нарушено: ему дали знать, что чернь бунтуетъ, зачѣмъ рада была въ избѣ, не постаринѣ, подозрѣваетъ тутъ злой умыселъ противъ войска. Бѣнѣвскій послалъ сказать гетману, чтобъ на другой день созвалъ черную раду и на ней снова принялъ отъ него булаву. Хмельницкому не хотѣлось созывать черни: «Если панъ воевода,» отвѣчалъ онъ: «хочетъ черной рады, да еще во время ярмарки, то пусть знаетъ, что погубитъ и себя, и меня, и полковниковъ, и учинитъ смуту большую.» Новый посланецъ отъ воеводы къ гетману: «Напрасно безпокоишься; если не будетъ черной рады, то все равно, что ничего!» Не одинъ Хмельницкій, всѣ старшіе козаки, всѣ домашніе Бѣнѣвскаго были противъ черной рады; но воевода былъ непреклоненъ, и Хмельницкій, раскаяваясь, что обѣщалъ его слушаться, велѣлъ повѣстить раду.

11 ноября площадь у церкви св. Спаса шумѣла глухимъ шумомъ: стояло тысячъ двадцать черни, а гетманскій дворъ былъ на-запертп: тамъ тихо сидѣли перетрусившіеся полковники и гетманъ, дожидались, пока пріѣдетъ на раду Бѣнѣвскій: что̀-то будетъ, ка̀къ-то приметъ его чернь? И вотъ толпы расколыхались, ѣдетъ воевода, сходитъ съ лошади, садится на скамью, озирается: «Гдѣ же панъ гетманъ?» Въ отвѣтъ раздался крикъ: «Ваша милость на мѣстѣ королевскомъ: пошлешь за гетманомъ, и долженъ придти.» Бѣнѣвскій послалъ и гетманъ явился съ полковниками: безъ шапки, кланяясь на всѣ стороны, вошелъ онъ въ кругъ, положилъ шапку на земь, на шапку булаву—знакъ, что слагаетъ съ себя гетманство. Но вотъ онъ начинаетъ говорить: «По Божіей и по вашей волѣ возвратились мы къ пану прирожденному, и чтобъ не оставалось больше между нами московскихъ распорядковъ, король его милость прислалъ коммиссара своего: онъ введетъ между нами порядокъ.» Смолкъ Хмельницкій, не владѣвшій даромъ слова, и началъ широкую рѣчь Бѣнѣвскій объ отеческомъ милосердіи короля; кончилъ тѣмъ, что король прощаетъ всѣ ихъ вины. Въ отвѣтъ раздались крики: «Благодаримъ Бога и короля; это все старшіе насъ обманывали для своего лакомства; если теперь кто вздумаетъ бунтовать противъ короля, того сами побьемъ, не пощадимъ и отца роднаго!» Когда поустали кричать,

Бѣнѣвскій подошелъ къ булавѣ, поднялъ ее и отъ королевскаго имени передалъ Хмельницкому; тутъ же Носачъ объявленъ былъ обознымъ. Раздались новые крики въ честь Хмельницкаго, и толпы двинулись въ церковь—присягать королю. Вечеромъ гетманскій домъ заблисталъ яркими огнями, гремѣли пушки, шелъ роскошный, польскій пиръ; подпившіе козаки особенно расхваливали королеву, только и слышалось: «мать наша!» На другой день новая рада: читали гадяцкія привилегіи войску Запорожскому; всѣ были очень довольны и ругали Выговскаго: «Еслибы онъ, такой и такой, прочелъ намъ эти привилеи, то ничего бы дурнаго не случилось.» На третьей радѣ отдана была печать войсковая Тетерѣ. Новый писарь—это нашъ старый знакомый: мы видѣли его въ Москвѣ, слышали, какую великолѣпную рѣчь онъ говорилъ царю Алексѣю Михайловичу, какъ ставилъ его выше св. Владиміра, слышали, какъ потомъ онъ разсказывалъ о непорядкахъ малороссійскихъ и какъ проговорился, что нѣкоторые изъ его земляковъ желаютъ непосредственно зависѣть отъ царскаго величества. И теперь Тетеря началъ разсказывать, какъ онъ былъ въ Москвѣ, но не повторилъ своей привѣтственной рѣчи и своихъ разговоровъ съ думными людьми; онъ разсказывалъ козакамъ, какіе страшные замыслы противъ Малороссіи питаетъ царь! Онъ все это провѣдалъ, будучи на Москвѣ! Ораторъ произвелъ сильное впечатлѣніе на слушателей. «Не дай намъ, Боже, мыслить о царѣ, ни о бунтахъ!» говорили козаки. Они глубоко были тронуты: мудръ, добродѣтеленъ, великъ явился передъ ними панъ писарь Тетеря, такъ безукоризненно, такъ свято ведшій себя въ Москвѣ. «Панъ писарь!» говорили они: «будь милостивъ, учи гетмана уму-разуму, вѣдь онъ молоденькій еще! поручаемъ его тебѣ, поручаемъ тебѣ женъ, дѣтей, имѣніе наше!»

Въ то время какъ въ Корсунѣ происходили эти чувствительныя сцены, въ то время какъ въ здѣшней соборной церкви козаки присягали королю, на другой сторонѣ Днѣпра, въ Переяславлѣ, также толпился народъ въ соборной церкви: дядя Хмельницкаго, полковникъ Якимъ Самко, вмѣстѣ съ козаками, горожанами и духовенствомъ клялся умирать за великаго государя, за церкви Божіи и за вѣру православную, а городовъ малороссійскихъ врагамъ не сдавать, противъ непріятелей стоять и отпоръ давать. Получивъ отъ племянника грамоту съ увѣщаніемъ поко-

риться королю, Самко отвѣчалъ: «Я съ вашею милостію, пріятелемъ своимъ, свойства не разрываю; только удивляюсь, что ваша милость, вѣры своей не поддержавъ, разрываешь свойство наше съ православіемъ. Ты пишешь, что король видитъ руку Промысла въ бѣдѣ, случившейся съ Шереметевымъ; правда, что Богъ всѣмъ управляетъ, сокрушаетъ и милуетъ, немощныхъ сильными дѣлаетъ, но надобно знать что̀ счастье и что̀ грѣхъ? потому что счастье измѣнчиво. Я не измѣнникъ потому только, что не хочу Ляхамъ сдаться; я знаю и вижу пріязнь ляцкую и татарскую. Ваша милость человѣкъ еще молодой, не знаешь что̀ дѣлалось въ прошлыхъ годахъ надъ козацкими головами: а царское величество никакихъ поборовъ не требуетъ и, начавши войну съ королемъ, здоровья своего не жалѣетъ; мы теперь должны немощныхъ немощь носить, а не себѣ угождать; лучше съ добрыми дѣлами умереть, нежели дурно жить. Пишете, что царское величество никакой помощи къ намъ не присылаетъ: вѣрь ваша милость, что есть у насъ царскіе люди и будутъ; а еслибъ даже ихъ и не было, то его воля государева, а мы будемъ обороняться отъ наступающихъ на насъ враговъ, пока силъ станетъ, помня примѣръ Шереметева, который хотя и сдался, однако мало хорошаго получилъ: вопреки присягѣ сенаторской, со всѣмъ войскомъ въ неволю татарскую пошелъ. Видя, что сдѣлалось съ Шереметевымъ и Цецурою, хотя умру, а на прелести ваши не сдамся.» Выбранный наказнымъ гетманомъ, Самко, въ началѣ декабря, прислалъ сказать въ Москву о своей вѣрности и что бояринъ Шереметевъ выдалъ войско запорожское, при немъ бывшее, въ неволю Татарамъ; ему, разумѣется, отвѣчали, что во всемъ виноватъ Хмельницкій, а не Шереметевъ.

Запорожье было также за царя, Запорожье, пустившее отъ себя отпрыскъ: лихой козакъ Сѣрко, съ которымъ такъ часто будемъ встрѣчаться впослѣдствіи, составилъ свою особую дружину и дѣйствовалъ самостоятельно. Вскорѣ послѣ Чудновскаго дѣла присказалъ въ Москву запорожскій кошевой Иванъ Брюховецкій и объявилъ: «Миръ съ Поляками Хмельницкій заключилъ по наговору тѣхъ, которымъ отъ короля дана честь: Носача, Лесницкаго, Гуляницкаго; у гетмана напередъ была ли о томъ мысль или нѣтъ—не знаю, только гетманъ шелъ въ сходъ къ Шереметеву не на то мѣсто, гдѣ ближе, и ставился не тамъ, гдѣ надобно;

пришедши въ Слободище, отъ боярина за три мили, стоялъ три дня, а къ боярину въ сходъ не шелъ. Какъ на Кодачкѣ, на радѣ, былъ договоръ у гетмана съ бояриномъ, тутъ впервые измѣнили по вымыслу Выговскаго: уговорились, что боярину идти напередъ, тогда какъ довелось идти напередъ черкасскимъ полкамъ, а гетману быть съ бояриномъ, отъ него не отставать. Якимъ Самко царскому величеству вѣренъ ли, про то я не знаю, а гетману Юрію Хмельницкому онъ дядя родной; только ему, Самку, недругъ Иванъ Выговскій; и прежде онъ отъ Выговскаго отбѣгалъ и жилъ на Дону, а въ войскѣ при немъ жить не смѣлъ. Василій Золотаренко царскому величеству вѣренъ, и Семенъ писарь вѣренъ, только развѣ помѣшаетъ ему то, что онъ теперь женился на Дорошенковой сестрѣ» [36].

Чтобъ разузнать, въ какомъ дѣйствительно состояніи находятся дѣла въ Малороссіи, кто вѣренъ и кто нѣтъ, кто кому дядя и кто кому зять, и какъ это родство и свойство мѣшаетъ вѣрности, отправился стрѣлецкій голова Иванъ Полтевъ. Пріѣхавши въ Нѣжинъ 29 декабря, Полтевъ прежде всего повидался съ тамошнимъ царскимъ воеводою, княземъ Семеномъ Шаховскимъ, и спросилъ его: «Нѣжинскій полковникъ Василій Золотаренко великому государю вѣренъ ли, къ нему, воеводѣ, совѣтенъ ли, сколько при немъ козаковъ, въ козакахъ и мѣщанахъ нѣтъ ли какой шатости и Василью Золотаренку они послушны ли?»—«Золотаренко великому государю вѣренъ,» отвѣчалъ Шаховской: «со мною совѣтенъ; козаковъ при немъ тысячъ съ десять; между немногими козаками и мѣщанами была шатость.» На другой день къ Золотаренку явился сотникъ города Дѣвицы, Демидъ Рагоза, съ извѣтомъ на козака Тараса Незная, который говорилъ при многихъ людяхъ: «Полковникъ Золотаренко хочетъ быть подъ московскимъ царемъ, а мы хотимъ быть у польскаго короля, при Юріи Хмельницкомъ.» Незная схватили, привели къ полковнику, и когда козакъ повинился, Золотаренко велѣлъ собрать раду; на радѣ приговорили—казнить Незная за такія рѣчи, и приговоръ былъ исполненъ. Полтевъ объявилъ Золотаренку, что великій государь все войско Запорожское этой стороны Днѣпра пожаловалъ, гетмана избрать позволилъ, кого войскомъ изберутъ: «Ты бы, полковникъ» продолжалъ Полтевъ: «согласился съ гетманомъ наказнымъ, Якимомъ Самкомъ, и съ другими полковниками, которые

великому государю вѣрны, и съ войскомъ Запорожскимъ и чернью, и выбрали бы гетмана.»—«Царскаго величества бояре и воеводы съ войскомъ къ намъ будутъ ли?» спросилъ Золотаренко: «Когда царскіе ратные люди въ Нѣжинѣ будутъ, то Украйна всего Нѣжинскаго полка будетъ крѣпка: мы великому государю вѣрно служить рады.»—«Въ Сѣвскѣ» отвѣчалъ Полтевъ: «будетъ бояринъ Петръ Михайловичъ Салтыковъ съ конными и пѣшими людьми, а въ Путивлѣ окольничій князь Иванъ Лобановъ-Ростовскій.» Золотаренко обрадовался и сказалъ: «Еслибъ царскіе воеводы пришли ко мнѣ въ Нѣжинъ скоро, то Украйна по сю сторону Днѣпра была бы цѣла, непріятелей всѣхъ бы выбили за Днѣпръ; если же воеводы ко мнѣ скоро не придутъ, то къ Кіеву и Переяславлю изъ Нѣжина проѣзду не будетъ; стоятъ крѣпко и великому государю вѣрно служатъ только нѣжинскій да черниговскій полки; если же этихъ полковъ не будетъ, то и переяславскій полкъ не устоитъ.»

Московскіе воеводы скоро придти не могли послѣ недавнихъ несчастій, а уже 2 генваря 1661 года заднѣпровскіе Черкасы съ Поляками приступали къ Козельцу. Они были отбиты съ урономъ, но Золотаренко ждалъ гостей къ себѣ и сказалъ Полтеву: «Теперь намъ гетмана выбирать некогда: наступаютъ со всѣхъ сторонъ непріятели.» Дѣйствительно, 6 генваря враги явились подъ Нѣжинымъ, ворвались въ посадъ и завязали бой съ Нѣжинцами. На бою взятъ былъ Татаринъ, который объявилъ, что послалъ ихъ Хмельницкій изъ Чигирина для провѣдыванія, есть ли на восточной сторонѣ Днѣпра царскіе ратные люди? и Черкасы съ горожанами хотятъ ли здѣсь великому государю вѣрно служить, или хотятъ поддаться польскому королю? если царскихъ ратныхъ людей нѣтъ, то онъ съ заднѣпровскими козаками, Татарами и Поляками пойдетъ подъ Переяславль, Нѣжинъ и Черниговъ, скоро къ нему придутъ изъ Крыма Татары, охочіе люди, пока еще Днѣпръ стоитъ. Услыхавъ эти вѣсти, Золотаренко сказалъ Полтеву: «Оставайся здѣсь, въ Переяславль тебѣ ѣхать нельзя чрезъ непріятелей,» и прибавилъ прежнее: «о гетманскомъ избраніи теперь нечего думать: наступаютъ Ляхи и Татары.» 10 генваря Поляки опять приступали къ Козельцу и опять были отбиты. Вѣрные Черкасы начали наступательныя дѣйствія и бились съ Поляками подъ Остромъ; а генваря 30 и февраля 2, 4 и 6 приходили

Поляки и Татары подъ Нѣжинъ и бились съ его жителями, но безъ успѣха. Съ другой стороны князь Иванъ Андреевичъ Хованскій въ февралѣ подъ Друею разбилъ и взялъ въ плѣнъ измѣнившаго государю полковника Лисовскаго. Скоро пришла вѣсть, что Поляки съ Чарнецкимъ и Татары ушли за Днѣпръ, оставя на восточной сторонѣ Татаръ съ тысячу человѣкъ да Поляковъ два полка; а въ апрѣлѣ пріѣхали въ Москву посланцы отъ Самка и объявили, что Ляховъ на восточной сторонѣ Днѣпра нигдѣ нѣтъ, дороги къ Кіеву, Нѣжину и другимъ мѣстамъ чисты; немногіе Ляхи, которые были въ Триполѣ, Оржищевѣ и у Бѣлой Церкви, всѣ отступили въ коронные города, остались больные и тѣхъ около Бѣлой Церкви Черкасы тайно всѣхъ побили; Татаръ также нигдѣ нѣтъ; полки лубенскій, миргородскій, прилуцкій и полтавскій великому государю добили челомъ; не сдаются только Остряне; Сѣрко въ Запорожьѣ великому государю служитъ вѣрно.

Что же это значило? Въ Москвѣ боялись, что Поляки воспользуются чудновскою побѣдою, перейдутъ немедленно со всѣми силами на лѣвый берегъ Днѣпра, займутъ всю Малороссію и двинутся къ беззащитной столицѣ царской, а между тѣмъ это страшное войско исчезаетъ отвсюду! Ужь не Шведы ли опять напали на Польшу? не Турки ли собрались ворваться въ Подолію? Нѣтъ: побѣдоносное воинство потребовало жалованья и, не получа его, по обычаю своему, взволновалось, отказалось повиноваться вождямъ, составило союзъ подъ именемъ *священнаго* и стало жить на счетъ польскихъ крестьянъ.

Такимъ образомъ Польша своею безурядицею дала возможность Москвѣ нѣсколько отдохнуть послѣ ударовъ 1660 года. Но временное облегченіе для Москвы послѣдовало только съ одной стороны, съ юго-запада, со стороны короннаго войска, а въ Литвѣ и Бѣлоруссіи не прекращались наступательныя дѣйствія враговъ, которымъ Москва, при тогдашнемъ истощеніи въ людяхъ и казнѣ, не могла давать успѣшнаго отпора. При этомъ Малороссія не хотѣла понимать затруднительнаго положенія Великой Россіи и безпрестанно докучала просьбами о присылкѣ войска, котораго негдѣ было взять царю. Самко жаловался, что кромѣ небольшаго (въ 2500 человѣкъ) отряда князя Бориса Ефимовича Мышецкаго, онъ не имѣлъ никакой помощи отъ царскихъ воеводъ; несмотря однако

на такую безпомощность, онъ, Самко, не только давалъ отпоръ непріятелю, но и самъ ходилъ на него: въ Терехтемировѣ громилъ Татаръ, подъ Стайками Ляховъ, подъ Козловымъ измѣнника Сулиму. Посланцы наказнаго гетмана подали слѣдующія просьбы: 1) чтобъ государь прислалъ въ Переяславль ратныхъ людей на помощь; 2) прислалъ жалованье козакамъ, которые, будучи съ бояриномъ Шереметевымъ, коней и оружіе растеряли, а теперь служатъ великому государю; 3) чтобъ великій государь велѣлъ деньги Самковы обмѣнять и прислать къ нему; 4) чтобъ указалъ быть у нихъ въ городѣ и надъ ратными людьми одному воеводѣ, а не двоимъ, потому что отъ двоихъ порядка не будетъ; именно приказалъ бы у нихъ быть стольнику князю Василью Волконскому; 5) чтобъ царскія грамоты посылались къ нимъ для увѣренія за большою печатью. Въ заключеніе посланцы объявили отъ имени Самка, что нѣжинскій полковникъ Василій Золотаренко съ нимъ въ сопротивленіи и на раду не поѣхалъ. Государь отвѣчалъ, что воеводамъ уже данъ указъ помогать Черкасамъ, жалованье имъ князь Ромодановскій роздалъ, деньги Самковы мѣдныя обмѣнены на серебряныя и отправлены съ Меѳодіемъ, епископомъ мстиславскимъ.

Въ маѣ пріѣхали новые посланцы и объявили, что въ третье воскресенье послѣ Пасхи была у нихъ рада въ полѣ, въ Быковѣ, съ милю отъ Нѣжина: были на радѣ князь Григорій Григорьевичъ Ромодановскій съ своими ратными людьми, стольникъ Семенъ Змѣевъ, наказной гетманъ Якимъ Самко, нѣжинскій полковникъ Золотаренко, полковники Прилуцкій, Лубенскій, Миргородскій, изъ полтавскаго полка сотники тѣхъ городовъ, которые великому государю добили челомъ, и все войско тѣхъ полковъ, которые при Якимѣ Самкѣ. Всѣ выбирали въ гетманы Якима Самка, одни Нѣжинцы хотѣли выбрать своего полковника Золотаренка и приговорили на радѣ всѣмъ войскомъ отдать гетманское избраніе на волю царскаго величества, кого онъ, великій государь, пожалуетъ въ гетманы. Полтавскій полковникъ Жученко на радѣ не былъ, потому что вины свои великому государю не принесъ, и сидитъ въ Полтавѣ, а при немъ держатся городки: Опушня, Котельва, два Санжарова, новый да старый, да Кобыляки. Юрій Хмельницкій въ Чигиринѣ, при немъ писарь генеральный Тетеря, да Носачь, да Грицка Лесницкій, судья войсковой, а войска при Хмельницкомъ

никакого нѣтъ; посылалъ онъ къ королю на сеймъ, и посланецъ пріѣхалъ назадъ ни съ чѣмъ, даже корму ему королевскаго не давали. Сѣрко пошелъ для добычи на Бугъ, на Андреевскій островъ, и тамъ стоитъ съ войскомъ своимъ для татарскаго прихода; атаманъ стоитъ въ Запорогахъ съ большимъ войскомъ: съ Сѣркомъ они сходятся для порядка во всякихъ войсковыхъ дѣлахъ, а ни къ кому не приклоняются: ни къ государю, ни къ польскому королю.—Посланцы говорили, что на радѣ положено отдать гетманское избраніе на волю царскую, кого государь пожалуетъ въ гетманы, но въ грамотѣ привезенной ими отъ всѣхъ, бывшихъ на радѣ, говорилось: «Мы на той радѣ между собой усовѣтовали, что намъ самимъ безъ вѣдома вашего царскаго величества нельзя гетмана выбирать, и потому черезъ пословъ своихъ просимъ: извольте милость свою надъ нами вѣрными своими показать и намъ по давнему обычаю того гетмана избрать, кого все войско любитъ, и къ намъ на это избраніе прислать кого-нибудь изъ ближнихъ своихъ людей.» Государь отвѣчалъ, что о гетманскомъ избраніи будетъ имъ указъ впередъ.

Указъ замедлился въ Москвѣ, потому что здѣсь видѣли новую смуту въ Малороссіи вслѣдствіе соперничества Самка и Золотаренка; въ Москвѣ не хотѣли спѣшить выборами и потому, что являлась надежда безъ кровопролитія подчинить себѣ и западную сторону Днѣпра. Юрій Хмельницкій, оставленный Поляками и Татарами, прислалъ въ Москву съ объявленіемъ, что онъ въ Слободищахъ долженъ былъ перейти на королевскую сторону по неволѣ; онъ писалъ государю: «Если что со мною, по принужденію заднѣпровскихъ полковниковъ, учинится, если я долженъ буду повиноваться ихъ принужденію, то вамъ бы, великому государю, не обвинять меня за это, а я впередъ какъ можно стану промышлять о своемъ обращеніи и желаю быть попрежнему въ подданствѣ у вашего царскаго величества.» Дѣйствительно, въ Польшѣ шли слухи, что Хмельницкій посылалъ монаха Шафранскаго въ Константинополь къ патріарху съ просьбою разрѣшить его отъ присяги королю, а самъ намѣревался условиться съ Брюховецкимъ и Самкомъ, чтобъ они напали на него съ московскимъ войскомъ: тогда онъ, какъ будто по неволѣ, сдался бы на царское имя, извиняясь тѣмъ, что Поляки не прислали къ нему помощи. Говорили также, что Выговскій замышляетъ быть гетманомъ, но

подъ покровительствомъ Турціи [37]. Вслѣдствіе присылки Хмельницкаго, 26 іюня отправленъ былъ въ Малороссію дворянинъ Протасьевъ; царь писалъ съ нимъ къ Самку: «Юрія Хмельницкаго не допускаютъ до обращенія къ намъ немногіе измѣнники, заднѣпровскіе полковники, которые, по ляцкому хотѣнію, давно ищутъ погибели всему войску запорожскому: такъ вы бы, гетманъ, наказной, служа намъ, къ родственнику своему, Юрію Хмельницкому, написали, чтобъ онъ обратился и былъ подъ нашею высокою рукою попрежнему; обнадежь его, что если обратится, то вины его всѣ будутъ забыты и получитъ онъ отъ насъ городъ Гадячь, который прежде былъ пожалованъ отцу его; если захочетъ ѣхать къ намъ, то пусть ѣдетъ безо всякаго опасенія, увидитъ милость нашу, получитъ многое жалованье и честь, а твоя служба забыта никогда не будетъ.» Пріѣхавши въ Нѣжинъ, Протасьевъ обратился къ воеводѣ князю Семену Шаховскому съ обычнымъ вопросомъ, какъ идутъ дѣла? Шаховской отвѣчалъ, что все хорошо, въ полковникѣ Золотаренкѣ и козакахъ шатости нѣтъ, но есть шатость въ мѣщанахъ, переписываются съ измѣнникомъ Грицкою Гуляницкимъ и даютъ ему знать обо всемъ, что дѣлается въ Нѣжинѣ. Потомъ Протасьевъ видѣлся съ полковникомъ, отдалъ ему царскую грамоту и дары—соболи; Золотаренко тутъ же сталъ дарить этими соболями сотниковъ и другихъ начальныхъ людей, говоря имъ: «Служите великому государю во всемъ правдою такъ же, какъ и я служу, и ни на какія бы вамъ ляцкія прелести не уклоняться и съ измѣнниками не ссылаться.» 11 іюля Протасьевъ пріѣхалъ въ Переяславль; здѣсь воевода князь Волконскій объявилъ ему, что Самко великому государю вѣренъ, въ переяславскихъ козакахъ и мѣщанахъ до сихъ поръ никакой шатости нѣтъ, о Ляхахъ и Татарахъ по сю сторону Днѣпра не слыхать. Получивши эти свѣдѣнія, посланникъ обратился къ Самку съ требованіемъ, чтобъ тотъ по указу царскому, завелъ сношенія съ Хмельницкимъ. Самко отвѣчалъ: «Я великому государю служить радъ и къ Юрасу Хмельницкому писать стану скоро; но государь прислалъ бы для него, Юраса, милостивую грамоту, которую я перешлю къ нему тайно.» Протасьевъ перешелъ къ другому дѣлу: «Ты Якимъ пишешься къ великому государю съ *вичемъ* мимо прежнихъ обычаевъ, а прежніе гетманы, Богданъ Хмельницкій и сынъ его Юрій, писались безъ *вича* просто.» Самко отвѣчалъ на это:

«Я человѣкъ неграмотный, а писарь у меня новый, и такія государевы дѣла мнѣ и писарю не за обычай, впередъ я съ *вичемъ* писаться не стану.» Самко выразилъ безпокойство, что въ послѣдней грамотѣ его къ царю была прописка въ титулахъ; Протасьевъ отвѣчалъ: «Прописка есть и посланцамъ твоимъ за это выговорено: только царскаго гнѣва за это на тебя нѣтъ, не сомнѣвайся, а пиши впередъ остерегательно.»—«Въ письмѣ къ Змѣеву,» продолжалъ Протасьевъ: «ты жаловался на царскую немилость: объяви мнѣ, какая это немилость?» — «Писалъ я это прежде,» отвѣчалъ Самко: «писалъ, что служу великому государю, не щадя головы своей, и за мою службу въ то время ко мнѣ и къ козакамъ государева жалованья ничего не было, и я думалъ, что на меня государь гнѣвается, что кто-нибудь ему на меня нанесъ; думалъ, что царскому величеству городъ Переяславль не надобенъ, потому что князь Григорій Григорьевичъ Ромодановскій и остальныхъ людей изъ Переяславля взялъ, и козаки, видя, что городъ остался безлюденъ, начали было шататься. Но теперь, когда великаго государя милость объявилась, въ городѣ людей прибавляется и въ козакахъ шатости никакой нѣтъ. Пожаловалъ бы великій государь, не велѣлъ города безлюднымъ оставлять, потому что городъ украйный; наступитъ непріятель безвѣстно, а людей въ немъ будетъ мало, такъ чтобъ какая поруха городу не учинилась. Изволилъ бы государь поскорѣе прислать своихъ ратныхъ людей въ Переяславль, такъ я бы сталъ промышлять надъ непріятелями, которые за Днѣпромъ, чтобъ не дать Ляхамъ и Татарамъ собраться вмѣстѣ.» Протасьевъ уговаривалъ Самка, чтобъ онъ не оскорблялся, отъ царскаго величества немилости къ нему никакой нѣтъ, писемъ на него отъ воеводъ ни отъ кого не бывало, и впередъ государь ссорамъ никакимъ вѣрить не станетъ. «Великому государю радъ служить», отвѣчалъ на это Самко: «на томъ я ему крестъ цѣловалъ; а великій государь пожаловалъ бы, ссорамъ и наносньмъ словамъ вѣрить не велѣлъ, потому что я человѣкъ беззаступный и простой.»

Въ Малороссіи оправдывали медленность Москвы, уговаривали не давать гетманства ни тому, ни другому сопернику. Во время бытности Протасьева въ Переяславлѣ, пріѣхалъ туда Нѣжинскій протопопъ и говорилъ царскому посланнику: «Слухъ у насъ есть, что Самко и Золотаренко домогаются отъ великаго государя созванія рады для гетманскаго избранія. Великій государь не велѣлъ

бы сказывать гетманства ни Самку, ни Золотаренку потому: если будетъ Самко гетманомъ, то Золотаренко не будетъ ему послушенъ; а будетъ гетманомъ Золотаренко, то Самко станетъ подъ нимъ подкапываться. Пусть великій государь не велитъ сказывать гетманства ни тому, ни другому, пока утишится вся Украйна, а между тѣмъ, быть можетъ, обратится къ царскому величеству и Юрій Хмельницкій съ заднѣпровскими полками.» Самъ наказной гетманъ, по крайней мѣрѣ повидимому, отчаявался быть настоящимъ гетманомъ, сносился, по царскому приказанію, съ Юріемъ Хмельницкимъ и давалъ совѣты Москвѣ, какъ поступать относительно западной стороны Днѣпра. «Надобно» говорилъ Самко: «крѣпить здѣшнюю сторону Днѣпра тѣмъ, что по Днѣпру поставить городки и въ нихъ посадить людей, да за Днѣпромъ занять городокъ Каневъ, чѣмъ освободится водяной путь до Переяславля и дальше, а больше того въ государеву сторону ничего не надобно. Если же Юрій Хмельницкій придетъ въ подданство къ великому государю по прежнему, то за Днѣпръ надобно будетъ послать ратныхъ людей 20,000 и больше и занять тамъ шесть городовъ—Чигиринъ, Корсунь, Умань, Каневъ, Браславль, Бѣлую Церковь. Изъ этихъ городовъ жителей перезвать бы на сю сторону Днѣпра, а Заднѣпріе уступить Польскому королю безъ людей; такая уступка будетъ изъ воли, Польскій король къ миру придетъ скорѣе и здѣшняя сторона Днѣпра подъ высокою рукою великаго государя утвердится; если же этихъ заднѣпровскихъ городовъ не занять и уступить ихъ Польшѣ, то король и этой стороны Днѣпра уступить не захочетъ. Если Юрій Хмельницкій поддастся по прежнему, то ему бы надъ полковниками быть владѣтельну; при гетманѣ непремѣнно долженъ быть человѣкъ, присланный изъ Москвы для того: если полковникъ затѣетъ что-нибудь недоброе, то его наказать тайно, если же не уймется, то казнить смертію, а безъ присланнаго изъ Москвы человѣка быть нельзя.» Такимъ образомъ наказной гетманъ Запорожскій самъ указывалъ на условія мира съ Польшею, по которымъ западная сторона Днѣпра должна быть уступлена королю: мы увидимъ, что это будетъ исполнено въ Андрусовѣ; самъ наказной гетманъ указывалъ на необходимость присутствія великороссійскаго чиновника при гетманѣ: это будетъ исполнено при Петрѣ Великомъ. Наконецъ Самко, многіе полковники и старшіе козаки

говорили, чтобъ царь указалъ вѣдать ихъ окольничему Өедору Михайловичу Ртищеву, потому что Ртищевъ къ нимъ ласковъ, объ ихъ прошеньѣ всякую рѣчь доноситъ царю, и что̀ имъ скажетъ, то все правдиво.

Имѣя соперниковъ, Самко хорошо зналъ, какими средствами дѣйствовали обыкновенно соперники другъ противъ друга: «Я» говорилъ онъ: «служу великому государю вѣрно и радѣтельно, власти себѣ никакой не ищу и не желаю. Мнѣ лучше съ государевыми людьми ссылаться и совѣтоваться, нежели съ своими, потому что отъ своихъ ненависть и оболганіе.» Не одного Золотаренка имѣлъ въ виду Самко, когда говорилъ о ненависти и оболганіяхъ: на сцену выступилъ третій искатель гетманства, уже извѣстный намъ Иванъ Мартыновичъ Брюховецкій. «О промыслѣ надъ Татарами» говорилъ Самко: «я стану писать въ Запорожье къ Сѣрку, а къ Брюховецкому объ этомъ писать не стану; лучше писать объ этомъ къ Сѣрку, а не къ Брюховецкому.» Самко еще не высказывался, почему не хочетъ переписываться съ Брюховецкимъ; но Брюховецкій, въ письмѣ къ воеводѣ Касогову (отъ 14 сентября), уже прямо обвинялъ Самка въ измѣнѣ.

Но въ Москвѣ тревожились тѣмъ, что не одни свои доносили на Самка, доносили и государевы люди. Въ октябрѣ явился къ Хмельницкому ханъ крымскій съ ордою, и гетманъ, волею-неволею, отправился съ Татарами за Днѣпръ и осадилъ Переяславль. Непріятелю не удалось ничего сдѣлать надъ Переяславлемъ; но воевода Чаадаевъ доносилъ государю, что во все осадное время Самко пилъ и промысла отъ него никакого не было, на вылазки не выѣзжалъ; если козаки съ государевыми людьми выйдутъ на вылазку, то наказной гетманъ приказывалъ вгонять ихъ въ городъ; если козаки возьмутъ въ плѣнъ Татаръ, то Самко таилъ ихъ отъ царскихъ воеводъ, таилъ всякую вѣдомость. Во время осады Самко три раза съѣзжался съ племянникомъ своимъ Хмельницкимъ на мельничной плотинѣ и разговаривалъ тайно. Возвращаясь съ свиданія, онъ разсказывалъ Чаадаеву, что обнадеживалъ племянника государскою милостію, уговаривалъ быть подъ рукою великаго государя: но Юраска не слушается по неволѣ: всѣмъ владѣютъ Носачь, да Грицка Миргородскій, да Грицка Гуляницкій. Въ другой разъ Самко прислалъ къ Чаадаеву писаря объявить, что у него съ Юрасомъ ссылка о добромъ дѣлѣ, какъ бы всѣмъ

быть подъ государевою рукою; а писарь, съ пьяну, проговорился, что ссылка между племянникомъ и дядею идетъ о томъ, чтобъ вмѣстѣ соединиться съ ханомъ крымскимъ. Доносили на Самка и жители городовъ, говорили: «у насъ бы и мѣдными деньгами торговали, да старшіе, полковники и сотники, берутъ себѣ за правежомъ у насъ ефимки, серебряныя деньги и польскіе гроши: отъ того у насъ мѣдныя деньги и въ расходъ нейдутъ; а Самко приказалъ, чтобъ нигдѣ мѣдныхъ денегъ не брали» [38].

Тяжела становилась для царя смута малороссійская; со всѣхъ сторонъ доносы въ измѣнѣ: кому и чему вѣрить? Московскіе воеводы, еслибы даже были изъ нихъ люди вполнѣ чистые по характеру и безпристрастные, какъ люди пришлые въ Малороссіи, не могли доставить государю вполнѣ вѣрныхъ свѣдѣній объ отношеніяхъ лицъ и партій; нуженъ былъ человѣкъ тамошній, малороссійскій, человѣкъ, хорошо знающій людей и отношенія ихъ, вліятельный по своему званію, чуждый партій и пристрастія — однимъ словомъ, высшее лице духовное, архіерей. Но мы уже видѣли, въ какое положеніе ставило себя высшее духовенство малороссійское относительно правительства московскаго. Мы видѣли столкновенія съ Сильвестромъ Коссовымъ. Преемникъ Коссова, Діонисій Балабанъ, измѣнилъ царю вмѣстѣ съ Выговскимъ. Такимъ образомъ къ смутѣ политической присоединялась смута церковная и въ Кіевѣ не было митрополита, ибо московское правительство не могло признавать въ этомъ званіи измѣнника Діонисія, а политическія смуты не позволяли приступать къ избранію другаго митрополита, поднимать вопросъ — отъ какого патріарха зависѣть ему—отъ константинопольскаго или московскаго? Временнымъ правителемъ, блюстителемъ митрополіи кіевской былъ епископъ черниговскій Лазарь Барановичъ; но этотъ архіерей не пользовался большимъ довѣріемъ въ Москвѣ. Гораздо болѣе усердія великому государю показывалъ знакомый уже намъ протопопъ нѣжинскій Максимъ Филимоновъ. Онъ былъ вызванъ въ Москву, 5 мая 1661 года поставленъ въ епископы Мстиславскіе и Оршанскіе подъ именемъ Меѳодія и отправленъ въ Малороссію въ санѣ блюстителя митрополіи кіевской. Мы скоро увидимъ его дѣятельность.

Легко понять, что для восточной Малороссіи и для Москвы важно было то обстоятельство, что западная сторона не могла вос-

пользоваться смутою, соперничествомъ между искателями гетманства: Хмельницкій слишкомъ ничтоженъ, а Польша ослаблена возмущеніемъ войска. Только Татары напоминали о себѣ, и не одной Малороссіи. Въ генварѣ 1662 года многочисленныя толпы Крымцевъ, подъ начальствомъ князя Ширинскаго, ворвались въ сѣвскія и корачевскія мѣста и захватили множество плѣнныхъ. Сѣвскій воевода, бояринъ князь Григорій Семеновичъ Куракинъ, отправилъ противъ нихъ товарища своего, Григорья Ѳедоровича Бутурлина. Бутурлинъ напалъ на разбойниковъ, взялъ въ плѣнъ самого князя Ширинскаго, много Татаръ и, что всего важнѣе, освободилъ русскихъ плѣнниковъ, которыхъ было до 20,000. Съ другой стороны самъ ханъ подошелъ къ Путивлю, но былъ отброшенъ воеводою, бояриномъ княземъ Иваномъ Ивановичемъ Лобановымъ-Ростовскимъ, и не пошелъ дальше [39].

Татарская туча прошла, и опять все вниманіе царя сосредоточилось на дѣлахъ малороссійскихъ. Весною 1662 года въ Москвѣ узнали, что въ Козельцѣ была рада для избранія гетмана, и немедленно пришли объ этой радѣ различныя извѣстія: съ одной стороны писалъ Самко и преданные ему полковники, что на радѣ былъ епископъ Меѳодій, полковники, сотники и есаулы сей стороны Днѣпра, а черни и всего посполиства не было; черни и посполиству Самко быть не велѣлъ потому, чтобъ городу большихъ убытковъ не было; на радѣ выбрали въ гетманы Самка до указа великаго государя, а какъ великаго государя указъ будетъ о полной радѣ, то на этой полной радѣ гетманъ велитъ быть всему посполиству и черни. Когда послѣ рады присутствовавшіе разъѣхались по домамъ и пріѣхали въ Нѣжинъ епископъ Меѳодій и Василій Золотаренко, то послѣдній епископу говорилъ, что Самко принялъ гетманство самовольствомъ, а онъ, Василій, съ своимъ полкомъ ни въ какихъ расправахъ его слушать не хочетъ. «Васюта» писали приверженцы Самка: «обѣщалъ идти къ намъ въ войско, но когда епископъ Меѳодій въ Нѣжинъ пріѣхалъ, то Васюта обѣщаніе свое и присягу отмѣнилъ, на службу вашего царскаго величества идти не хочетъ, намъ всѣмъ сомнѣнье, а непріятелямъ потѣху сдѣлалъ; нашу вѣрную службу уничижаетъ, самовольно не повинуется власти войсковой, упрямствомъ дома живетъ, только казну сбираетъ и стережетъ, а границъ не обороняетъ; боимся, чтобъ не исполнилось на немъ слово Брюховец-

каго, что Васюта въ конституціи у короля написанъ и сдѣланъ шляхтичемъ.» Прося о присылкѣ оборонной грамоты на Золотаренка и всѣхъ непослушныхъ, приверженцы Самка просили царя, чтобъ оборонилъ ихъ и отъ Брюховецкаго, который ихъ безчеститъ; просили, чтобъ всему войску вольно было всякаго старшаго и меньшаго по разсмотрѣнію съ гетманомъ, по своему обычаю, карать, и чтобъ виновнаго въ ихъ глазахъ никто изъ воеводъ московскихъ не защищалъ, а только со всѣмъ войскомъ приговаривалъ; «а то теперь князь Шаховской, повѣривши несправедливому умыслу Васютину, государевыхъ ратныхъ людей въ городки нѣжинскаго полка посылаетъ, какъ будто бы мы съ гетманомъ Нѣжинъ разорить хотѣли.» Приверженцы Самка извѣщали, что жители малороссійскихъ городовъ, послышавъ о порчѣ мѣдныхъ денегъ на Москвѣ, не берутъ ихъ у войска и живности ни откуда не привозятъ, государевы ратные люди съ голоду помираютъ и междоусобіе безпрестанное въ тѣхъ городахъ, гдѣ они живутъ; полки не берутъ годоваго жалованья мѣдными деньгами, хотя бы ихъ рубить велѣли, но всѣхъ не перерубить.

Легко понять, какое впечатлѣніе должны были произвести въ Москвѣ подобныя грамоты: Самко и приверженцы его писали безсмыслицу, за которою скрывалось какое-то незаконное дѣло: что это была за рада въ Козельцѣ безъ черни и посполъства? Гетманъ выбранъ, зачѣмъ же еще нужна новая рада? Что-нибудь одно: или рада въ Козельцѣ была незаконная, или новая рада не нужна! Изъ грамотъ самихъ приверженцевъ Самка уже можно было видѣть, что въ Малороссіи начинается то же самое, что было при Выговскомъ: гетманъ выбирается на какой-то странной радѣ, но вотъ новый Пушкарь, Золотаренко Нѣжинскій, противится, говоритъ, что избраніе незаконное, гетманство взято самовольствомъ, и конечно царь не долженъ въ другой разъ повѣрить новому Выговскому; а тутъ еще, для довершенія сходства, приверженцы Самка требуютъ, чтобъ царь позволилъ имъ раздѣлаться съ противниками, карать ихъ, какъ Выговскій спѣшилъ покарать непослушника своего Пушкаря.

Епископъ Меѳодій спѣшилъ оправдать подозрѣнія, естественно рождавшіяся по прочтеніи грамотъ Самка и его приверженцевъ. «Пока не видалъ я подлиннаго лукавства наказнаго гетмана Якима Самка» писалъ Меѳодій: «до тѣхъ поръ не смѣлъ объ немъ

ничего худаго тебѣ, великому государю, объявить; но теперь, когда лукавство его и неправда оснаружились, трудно мнѣ этого тебѣ, великому государю, не извѣстить, потому что душа моя отдана Богу и тебѣ. Самко обманулъ меня и полковниковъ—Нѣжинскаго, Черниговскаго, Прилуцкаго и другихъ: писалъ, чтобъ съѣхались въ городъ Козелецъ съ небольшими людьми для великихъ государевыхъ дѣлъ, для скорыхъ войсковыхъ потребъ и для разговору, посовѣтоваться, какъ бы съ непріятелемъ управиться. Когда мы къ нему съѣхались, то онъ началъ говорить, чтобъ полковники выбрали себѣ совершеннаго гетмана, чтобъ имъ было у кого быть въ послушаніи и чтобъ было кому противъ непріятелей стоять, и въ ту ночь, 14 апрѣля, ввелъ въ Козелецъ нѣсколько тысячъ козацкой пѣхоты, разставилъ вездѣ караулы и не велѣлъ никого выпускать изъ города. Я ему говорилъ, чтобъ онъ этого не дѣлалъ и не приказывалъ выбирать гетмана до твоего государева указа; но онъ меня не послушалъ и велѣлъ полковникамъ выбирать совершеннаго гетмана; я сталъ говорить полковникамъ, чтобъ не выбирали, но онъ началъ грозить имъ смертію, и они по неволѣ выбрали его. 15 апрѣля я выгналъ его изъ церкви отъ присяги, а онъ пуще сталъ грозить полковникамъ смертью; тѣ бросились ко мнѣ съ просьбами, и я, видя ихъ слезное прошеніе, чтобъ не погубить ихъ, какъ-нибудь изъ Козельца вывесть, и особенно жалѣя вѣрнаго твоего слуги, Василья Золотаренка, позволилъ Самку дѣлать что̀ хочетъ.» Въ заключеніи письма Меѳодій просилъ, чтобъ государь поскорѣе прислалъ боярина для гетманскихъ выборовъ, чтобъ эти выборы были въ полѣ, а не въ городѣ, и чтобъ на нихъ были Запорожцы съ своимъ кошевымъ Брюховецкимъ.

Меѳодій жалѣлъ больше всего вѣрнаго слуги царскаго Золотаренка, и однако просилъ, чтобъ на радѣ былъ Брюховецкій, который, прокладывая себѣ путь къ гетманству, не щадилъ ни Самка, ни Золотаренка; онъ писалъ къ Меѳодію: «Панъ Васюта не имѣетъ права перехватывать и драть моихъ грамотъ, я не его служка, я царскій войсковой холопъ; пусть онъ прежде расплатится за пшеницу, которую съ братомъ покрали въ Корсунѣ, а теперь запрещаетъ не мнѣ, а всему войску. Завидуютъ нашей бѣдной саламатѣ; коли хотятъ, помѣняемся: пусть сюда идутъ, а мы на ихъ мѣсто пойдемъ, въ то время узнаютъ, кто кого обманетъ. Васюта

не надѣясь, чтобъ его здѣсь слушали, потому что войско въ откупахъ не ходитъ, какъ они хотятъ выманить булаву и указывать тѣмъ, кто ихъ не хочетъ слушать; научились до году откупа откупать и табакъ, а войско привыкло умирать только за свои вольности. Этимъ особнымъ гетманствомъ они до конца землю сгубятъ. Царское величество обѣщалъ не дѣлать насилія войску, признавать гетманомъ только того, кого чернь по волѣ Божіей излюбивъ выберетъ, а не силою; никогда не бывало, чтобъ гетманы были накупные, безъ заслугъ войсковыхъ, а теперь прежде невода рыбу начали ловить; теперь прежде всего надобно землю успокоить. Все войско скучаетъ, говоритъ: долголь намъ еще такую неволю терпѣть, что въ городахъ гетмановъ ставятъ на нашу пагубу, а теперь и подавно кричатъ, что никого не было при князѣ Ромодановскомъ. Васюта только о богатствѣ хлопочетъ, которое въ землѣ погніетъ, а ничего добраго роднинѣ этимъ не насовѣтуетъ, или къ Ляхамъ свезетъ, чтобъ заплатить за шляхетство: вѣдь онъ тамъ доложенъ въ конституцію, какъ Гуляницкій и другіе; боюсь, чтобъ онъ не задумалъ чего-нибудь недобраго. Бѣдная наша отчизна гибнетъ, потому что не хотимъ оборонять ее отъ непріятелей, а только за гетманствомъ гоняемся; еще намъ новаго наслѣдника Выговскому и Хмельницкому паны городовые хлопочутъ прибавить. Самко пуще цыгана всѣхъ людей морочитъ, а онъ-то и есть главный измѣнникъ, на обличеніе котораго посылаю грамоту къ вашей святынѣ; намъ не о гетманствѣ надобно заботиться, а о князѣ малороссійскомъ отъ его царскаго величества; на это княжество желаю Ѳедора Михайловича (Ртищева).»

Самко хорошо зналъ, что на него со всѣхъ сторонъ посылаются обвиненія въ Москву, что его выставляютъ тамъ измѣнникомъ—слово, пошедшее въ ходъ въ Малороссіи съ легкой руки Выговскаго, считавшееся вѣрнымъ средствомъ вредить противнику предъ великимъ государемъ. 30 мая Самко написалъ въ Москву жалобную грамоту, въ стопы ногъ царскихъ челомъ билъ, посылалъ тридцать человѣкъ Татаръ, взятыхъ въ плѣнъ. «Изъ этой посылки,» писалъ Самко: «ваше царское величество разсмотрѣть изволишь, что, не щадя головы своей съ своими переяславскими козаками, бьюсь съ непріятелемъ за ваше величество и за цѣлость нашей Малороссіи. Смиренно молю: покажи премногую милость надъ вѣрнымъ слугою своимъ, не дай меня въ поноше-

ніе соперникамъ моимъ, которые выставляютъ меня передъ тобою измѣнникомъ; они въ домахъ своихъ сидятъ, помощи намъ на непріятеля давать не хотятъ, и, не считая самихъ себя измѣнниками, грамотами оправдываются, а работою оправдываться не хотятъ; а мою работу и вѣрную службу самъ Господь Богъ видитъ, за всѣхъ одинъ умиралъ на пограничьѣ, и теперь совсѣмъ готовый стою въ полѣ со всѣми доброжелательными вашему величеству людьми, жду присылки боярина и милостиваго слова отъ вашего величества. Не знаю, для чего епископъ съ Васютою меня измѣнникомъ описываютъ? я не перестану плакать объ этомъ до тѣхъ поръ, пока не пришлешь ко мнѣ такихъ грамотъ, чтобъ всякій мой противникъ и непослушникъ устыдился. Да бью челомъ, повели, многомилостивый государь, прислать мнѣ деньги, которыя я далъ взаймы на ратныхъ людей воеводѣ Чаадаеву; прошу я объ этихъ деньгахъ, вспомнивъ, что всякій человѣкъ смертенъ, и если я умру, то некому будетъ бить о нихъ челомъ вашему царскому величеству, потому что было у меня два сына, но они вдругъ померли, и я хочу, чтобъ при жизни моей все мое было у меня. Бью челомъ вашему царскому величеству, чтобъ епископъ пересталъ побуждать на злое, а тѣ люди, которые были надуты совѣтами епископскими, пусть начнутъ вмѣстѣ со мною вѣрно служить вашему царскому величеству. Смиренно молимъ, изволь на все войско пустить вольный голосъ о выборѣ гетманскомъ, по старому предковъ нашихъ порядку, а епископъ чтобъ въ это не вступался; я хлопочу не о гетманствѣ, проливаю кровь за цѣлость Малой Россіи и за добрый порядокъ и убиваюсь впрямь вѣрою и правдою за ваше царское величество.» Самко утверждалъ, что не хлопочетъ о гетманствѣ, требовалъ новой рады, выбора вольными голосами, а между тѣмъ на той же грамотѣ подписался гетманомъ, не хотѣлъ отступиться отъ титула пріобрѣтеннаго на незаконной Козелецкой радѣ [40].

Но въ то время, какъ раздоры между Самкомъ, Золотаренкомъ и Брюховецкимъ волновали восточную сторону Днѣпра, на западной Юрій Хмельницкій собрался съ силами и, подкрѣпленный Поляками и Татарами, началъ наступательное движеніе. 12 іюня козаки западной стороны съ Поляками и Татарами, въ числѣ 6000, напали внезапно на Самка, стоявшаго таборомъ въ трехъ верстахъ отъ Переяславля; битва длилась съ полудня до ночи, и

Самко отбился. Къ нему на выручку прислалъ князь Волконскій изъ Переяславля московскихъ ратныхъ людей, которые и дали ему возможность отступить въ Переяславль. Хмельницкій осадилъ его здѣсь, но 8 іюля Самко съ Москвою и козаками вышелъ на вылазку и поразилъ непріятеля, который отступилъ къ Каневу. Кременчукскіе козаки измѣнили, 23 іюня впустили въ городъ двѣ тысячи козаковъ Хмельницкаго, но 500 человѣкъ московскаго гарнизона вмѣстѣ съ мѣщанами засѣли въ маломъ городѣ и отбили осаждавшихъ. Узнавъ объ этомъ, князь Ромодановскій немедленно выслалъ къ нимъ на помощь десять тысячъ московскаго войска. 1 іюля это войско подошло къ Кременчуку и ударило на осаждавшихъ, осажденные сдѣлали съ своей стороны вылазку, козаки потерпѣли совершенное пораженіе, и Кременчукъ былъ очищенъ отъ измѣнниковъ. Ромодановскій съ главными силами своими и съ Золотаренкомъ вступилъ въ Переяславль, соединился здѣсь съ Самкомъ и 16 іюля напалъ на таборы Хмельницкаго, который потерпѣлъ совершенное пораженіе. Каневъ и Черкасы были заняты царскими войсками. Но скоро счастіе перемѣнилось: Хмельницкому съ Татарами удалось разбить подъ Бужиномъ московскій отрядъ, бывшій подъ начальствомъ стольника Приклонскаго, и прогнать его за Днѣпръ (3 августа); по донесенію Хмельницкаго королю, 1 августа подъ Крыловымъ истреблено было больше 3000 царскаго войска; подъ Бужиномъ погибло 10,000, козаки и Татары взяли семь царскихъ пушекъ, множество знаменъ, барабановъ и разныхъ военныхъ снарядовъ. Послѣ этого Ромодановскій тотчасъ велѣлъ отступать, бросая тяжести; но султанъ Магметъ-Гирей, переправившись съ своими Татарами черезъ Сулу, настигъ Ромодановскаго, разбилъ его, взялъ 18 пушекъ и весь лагерь. Ромодановскій ушелъ въ Лубны. Но Хмельницкій, донося объ этихъ успѣхахъ королю, умоляетъ прислать поскорѣе помощь, жалуется на свое безсиліе, на невозможность удерживать въ повиновеніи украинскій народъ, шатающійся отъ малѣйшаго вѣтра. Тетеря писалъ королю, что, пріѣхавъ въ станъ Хмельницкаго на Рассавѣ, онъ нашелъ здѣсь много безпорядковъ: самъ гетманъ человѣкъ усердный, но войско непослушное. И Тетеря настаивалъ на то же, что необходимо какъ можно скорѣе прислать помощь Хмельницкому, иначе дѣла примутъ дурной оборотъ. Въ октябрѣ явился къ королю Грицка Лесницкій съ прось-

бою отъ Хмельницкаго, чтобъ король позволилъ ему сложить гетманство, ибо онъ не въ состояніи болѣе нести эту трудную должность, будучи молодъ и разоренъ подарками, которые долженъ былъ давать Татарамъ и которые простираются до милліона. Лесницкій же привезъ страшную новость, что соперничество между Москвою и Польшею, соперничество, разорившее Украйну и не могущее окончиться по безсилію обѣихъ державъ, пролагаетъ дорогу третьему сопернику: Татары, говорилъ Лесницкій, уговариваютъ всю Украйну, чтобъ она отторглась отъ республики и отдалась въ покровительство хана и Порты, которые способны защищать ее, тогда какъ Польша этого сдѣлать не хочетъ и не можетъ: Поляки ссорятся между собою у себя дома, войско не слушается короля, и еслибы не Татары, то Польша давно бы уже погибла. Лесницкій прибавлялъ, что эти внушенія могли имѣть сильное вліяніе на чернь. Тетеря доносилъ, что войско не терпитъ Хмельницкаго, требуетъ его смѣны, и что едва онъ, Тетеря, успѣлъ уговорить козаковъ успокоиться; для этого онъ употребилъ угрозу, что если они обидятъ Хмельницкаго, то этотъ богачъ найметъ Татаръ и опустошитъ Украйну. Мы не знаемъ, дѣйствительно ли Тетеря уговаривалъ козаковъ не смѣнять Хмельницкаго; знаемъ только то, что послѣдній въ концѣ 1662 года самъ отказался отъ гетманства и постригся въ монахи, а Тетеря избранъ былъ на его мѣсто. Новый гетманъ началъ тѣмъ, что увѣдомилъ короля о нестерпимыхъ обидахъ отъ орды, повторяя прежнюю просьбу о присылкѣ ратныхъ людей, ибо если ханъ придетъ прежде польскаго войска, то Украйна распрощается съ королемъ. Тетеря писалъ, что Хмельницкій потому отказался отъ гетманства, что не могъ получить отъ короля помощи, и онъ, Тетеря, долженъ безпрестанно докучать объ этомъ же, а на войско Запорожское надежда слаба, потому что въ немъ больше такихъ, которые желаютъ не спокойствія, а постоянныхъ смятеній [41].

Въ то время, какъ западная сторона перемѣнила гетмана, на восточной попрежнему продолжалась борьба между искателями гетманства, борьба, вешаяся доносами въ Москву. Самко билъ челомъ, чтобъ государь отставилъ его отъ старшинства, потому что Нѣжинскій полковникъ его слушаться не хочетъ и наносы на него наноситъ; жаловался, что въ Малороссіи трое гетмановъ,

кромѣ него еще Золотаренко и Брюховецкій: послѣдній самовольно прислалъ своихъ козаковъ въ города и въ полкахъ беретъ стаціи; Самко просилъ уволить его отъ гетманства и дать оборонную грамоту, чтобъ на него и на имѣніе его наступать не смѣли и никакихъ обидъ не дѣлали. Самко жаловался и на князя Ромодановскаго, просилъ, чтобъ на его мѣсто былъ присланъ другой бояринъ, потому что Ромодановскій, не слушая его совѣтовъ, тратитъ войско, слушается только Меѳодія и Золотаренка, генеральной рады не собираетъ, отъ чего смута и своевольство, ибо онъ, Самко, какъ гетманъ несовершенный, распоряжаться не можетъ. «Меѳодій и Васюта» продолжаетъ Самко: «отговариваются отъ рады отсутствіемъ Запорожцевъ: но у насъ всегда, по стародавнымъ правамъ, гетманомъ выбирали въ городахъ безъ Запорожцевъ, потому что войско Запорожское одно, выходящіе изъ Запорожья должны по своимъ полкамъ расходиться. Теперь орда насъ заперла и множество людей побила; а на Преображеньевъ день, подъ самыми Лубнами, Татары, напавши на таборъ нѣжинскій, многихъ побили, самъ полковникъ, таборъ оставя, напередъ ушелъ въ Лубны. Все это приключилось отъ того, что епископъ и Васюта отвели князя Ромодановскаго отъ совѣта съ нами, въ поле, въ безхлѣбіе вывели; неопытные въ дѣлахъ войсковыхъ, епископъ и Васюта были виновниками потери славы и людей. А я, вашего царскаго величества вѣрный слуга, хотя и уничиженъ ими, загоны всѣ изъ-за Днѣпра вывелъ и въ Переяславль пришелъ въ цѣлости. Умоляю, милосердый государь, вели князю Ромодановскому, или кому-нибудь другому, собрать полки козацкіе, чтобъ больше какъ бѣдныя овцы безъ пастыря не ходили и не гинули, но при своихъ вольностяхъ стояли бы за вѣру православную, а теперь и сами не знаемъ, за что погибаемъ?» Относительно Юрія Хмельницкаго, Самко извѣщалъ, что онъ посылалъ къ нему Каневскаго полковника Лизогуба уговаривать покориться государю; но Хмельницкій велѣлъ разстрѣлять посланнаго въ Чигиринѣ и съ нимъ вмѣстѣ многихъ другихъ Каневцевъ, Черкасцевъ, Корсунцевъ, которые начали было радѣть государю. За это Самко велѣлъ порубить 10 человѣкъ плѣнныхъ Поляковъ, «потому что мы» писалъ онъ въ Москву: «никакого добра отъ Ляховъ не ищемъ.» Потомъ Хмельницкій далъ знать Самку, что слагаетъ съ себя гетманство и идетъ въ монахи.

Самко жаловался на Меѳодія за то, что епископъ этотъ вмѣстѣ съ Золотаренкомъ совѣтовали Ромодановскому медлить созваніемъ рады; а Меѳодій писалъ царю, что Самко не поѣхалъ на раду самъ и другимъ запретилъ; полковники нѣжинскій и черниговскій отговорились дальностію пути и тревожнымъ состояніемъ страны; иные полковники, боясь Самка и глядя на Золотаренка, не поѣхали. Брюховецкій писалъ, что Самко измѣнникъ, потому что хулитъ московскія серебряныя копѣйки, велѣлъ спалить суда, которыми царь пожаловалъ войско низовое, Кодакъ уступилъ Татарамъ, Кременчукъ, сговорясь съ Хмельницкимъ, сжегъ; вѣрныхъ государю людей отослалъ къ Хмельницкому, который, по его письмамъ, переказнилъ ихъ. А тутъ еще церковная усобица: митрополитъ Діонисій Балабанъ послалъ къ константинопольскому патріарху съ жалобою, что Меѳодій изгналъ его и силою похитилъ митрополичій престолъ посредствомъ мірской власти. По просьбамъ Балабана и Хмельницкаго, патріархъ выдалъ на Меѳодія проклятіе, которое Балабанъ переслалъ въ Кіевъ, отъ чего здѣсь произошло сильное волненіе между духовными и мірскими людьми. Меѳодій просилъ царя ходатайствовать у патріарха о снятіи проклятія [42].

Въ такихъ смутахъ проходилъ 1662 годъ. Зимою нечего было думать о созваніи рады, имѣвшей прекратить эти смуты, и потому 19 декабря отправленъ былъ изъ Москвы въ Малороссію стольникъ Ладыженскій, съ объявленіемъ, что весною должна быть непремѣнно рада, на которую обязаны всѣ явиться, а для прекращенія неудовольствій на зиму, Ладыженскій долженъ былъ объявить Брюховецкому, стоявшему въ Гадячѣ, чтобъ онъ шелъ на зиму къ себѣ въ Запорожье, а весною приходилъ опять для рады. Это требованіе сильно не понравилось Брюховецкому; онъ отвѣчалъ Ладыженскому: «Не дождавшись государева указа и полной рады въ Запороги мнѣ появиться нельзя, свои козаки меня убьютъ тотчасъ, зачѣмъ я столько людей водилъ, и, не дождавшись рады, пришелъ. Самко заказъ дѣлаетъ въ городахъ крѣпкій, чтобъ въ Запорожье никто не ходилъ и запасовъ не пропускалъ; а если надо мною Самко или козаки что сдѣлаютъ, то Запорожье смятется и въ городахъ будетъ замятня большая. По сношеніямъ съ Самкомъ, Юраска Хмельницкій многихъ за Днѣпромъ полковниковъ и козаковъ казнилъ, которые великому

государю добра хотѣли; а чернь вся и теперь хочетъ поддаться великому государю; когда выберется гетманъ всѣми вольными голосами, пункты закрѣпятся и чернымъ людямъ въ поборахъ легче будетъ, то за Днѣпромъ, смотря на это, черные люди поддадутся великому государю.» Ладыженскій, по наказу, повторялъ царское требованіе; Брюховецкій расплакался: «Радъ я государю служить и голову за него положить; но выгребъ я съ козаками въ судахъ, у козаковъ лошадей нѣтъ, живучи здѣсь многое время пропились всѣ до нага, зимою идти нельзя, тотчасъ меня убьютъ свои козаки; да и Самко великому государю не вѣренъ, на дорогѣ меня убьетъ, какъ Выговскій Барабаша, и если надо мною что случится, то, говорю тебѣ сущую правду, вся Украйна смутится и Запорожье отложится. Если государь весною полной рады учинить не велитъ, то я извѣщаю, что Самко поддастся королю: для этого Юраска Хмельницкій и гетманство сдалъ Павлу Тетерѣ по родству. Чего прежде у насъ никогда не бывало, нынче гетманъ, полковники и начальные люди всѣ города, мѣста и мельницы пустопорожжія разобрали по себѣ, всѣмъ владѣютъ сами своимъ самовольствомъ и черныхъ людей отяготили поборами такъ, что въ Царѣградѣ и подъ бусурманами христіанамъ такой тягости нѣтъ. Когда будетъ полная черная рада и пункты всѣ закрѣпятся, то всѣ эти доходы у гетмана, полковниковъ и начальныхъ людей отнимутъ, а станутъ эти доходы собирать въ государеву казну государевымъ ратнымъ людямъ на жалованье: поэтому-то наказный гетманъ и начальные люди полной черной рады и не хотятъ.» 14 генваря 1663 года у Брюховецкаго съ его козаками былъ кругъ, въ кругу козаки кричали, что они наги и безконны, и пѣшкомъ имъ въ Запорожье никакъ идти нельзя; а еще наканунѣ, 13 числа, Брюховецкій написалъ царю такую грамоту: «Мы, все войско запорожское, съ великою охотою ради бы указъ твой исполнить, но не можемъ, потому что время зимнее; теперь на зиму изъ Запорожья въ города за хлѣбомъ приходятъ, а не изъ городовъ идутъ въ Запорожье; притомъ же путь туда изъ Гадяча дальный, съ полтораста миль; а за порогами никакихъ городовъ нѣтъ, ни сѣютъ, ни орутъ, только отсюда изъ городовъ хлѣбъ добываютъ, и то развѣ саблею. Умилосердись, государь праведный, не дай погибнуть головамъ нашимъ отъ безбожныхъ измѣнниковъ, изволь нѣсколько полковъ ратныхъ людей къ намъ прислать, а въ городахъ позволь быть намъ до полной рады.»

Въ Гадячѣ Ладыженскій нашелъ и епископа Меѳодія, который былъ совершенно на сторонѣ Брюховецкаго и говорилъ московскому посланнику тѣ же рѣчи, что и тотъ, также толковалъ объ измѣнѣ Самка; пріѣхали полковники — полтавскій, миргородскій и зѣнковскій и подтвердили слова Брюховецкаго и Меѳодія. Ясныхъ доказательствъ измѣны Самковой представить не могли, и потому внушали, что Юрій Хмельницкій Самку племянникъ, а Самкова сестра за Павломъ Тетерею, которому Хмельницкій сдалъ гетманство, и какъ только Самко сдѣлается совершеннымъ гетманомъ, то непремѣнно измѣнитъ. Разсказывали, что Бѣнѣвскій съ ханомъ всѣ пункты положилъ, и ханъ къ королю приказывалъ, чтобъ Черкасамъ для прелести жаловалъ большія почести, хотя бы кого и въ краковскіе воеводы пожаловалъ, только бы всѣхъ Черкасъ обратилъ къ себѣ; а когда всѣ Черкасы будутъ подъ властію короля, то онъ будетъ ихъ мало-по-малу сжимать и приведетъ ихъ въ свою волю; для этого онъ и прислалъ Павла Тетерю и велѣлъ ему принять гетманство у Юраски Хмельницкаго. Въ Гадячѣ Ладыженскій узналъ, что Золотаренко сблизился съ Самкомъ и согласился на избраніе его въ гетманы; московскаго посланника извѣстили, что Золотаренко все свое имѣніе перевезъ изъ Путивля въ Нѣжинъ: «По этому ихъ вѣрность знать можно,» толковали Ладыженскому: «пока Золотаренко съ Самкомъ не еднался, до тѣхъ поръ государю и прямилъ, а теперь имѣніе свое все изъ Путивля перевезъ, чтобъ у него ничего въ старыхъ государевыхъ городахъ не было.» Меѳодій говорилъ Ладыженскому: «мнѣ по государеву указу ѣхать въ Кіевъ нельзя, не смѣю, потому что Самко государю не прочитъ, хочетъ измѣнить, а меня велитъ погубить; государь бы пожаловалъ, до полной рады велѣлъ мнѣ жить въ Гадячѣ.»

Когда Ладыженскій пріѣхалъ въ Переяславль, то здѣсь Самко разсыпался передъ нимъ въ жалобахъ, что онъ служитъ вѣрою и правдою, а государь его не жалуетъ, гетманомъ послѣ Козелецкаго избранія не утверждаетъ. Ладыженскій отвѣчалъ, что государь не утверждаетъ его по розни полковниковъ, которые не всѣ въ Козелецкой радѣ были, и хочетъ, чтобъ его, Самка, выбрали полною радою, согласно съ правами. Самко продолжалъ: «Если государь епископа Меѳодія изъ Кіева и изо всѣхъ черкасскихъ городовъ вывести не велитъ, а быть ему на радѣ, то мы и

на раду не пойдемъ; никогда и митрополиты на раду не ѣзжали и въ гетманы не выбирали; служить великому государю отъ такихъ баламутовъ нельзя, я гетманство съ себя сдаю, выбирайте себѣ Черкасы ласковаго господаря. Государевы люди живутъ въ Переяславлѣ многое время, государево жалованье даютъ имъ деньгами мѣдными, а у насъ въ черкасскихъ городахъ деньгами мѣдными не торгуютъ; отъ этого ратные люди оскудѣли въ конецъ и начали воровать безпрестанно, многихъ людей безъ животовъ сдѣлали, жить съ ними вмѣстѣ нельзя.» Ладыженскій упомянулъ о царской милости къ нему, Самку; тотъ отвѣчалъ: «Посланники, пріѣзжая изъ Москвы, всегда мнѣ государскія милости сказываютъ, а не только что государева жалованья, не могу дождаться и своихъ денегъ, которыя далъ взаймы воеводѣ Чаадаеву на жалованье государевымъ ратнымъ людямъ 4000 рублей.» Ладыженскій отвѣчалъ, что деньги не привезены потому, что дороги не безопасны. Потомъ Самко обратился къ Брюховецкому: «Зачѣмъ Брюховецкій называется гетманомъ? въ Запорожьѣ бываютъ только кошевые атаманы; Брюховецкому вѣрить нельзя, потому что онъ полуляхъ; былъ Ляхомъ, да крестился, а въ войскѣ не служивалъ и козакомъ не бывалъ, служилъ онъ у Богдана Хмельницкаго и приказано ему было во дворѣ, а на войну Богданъ его съ собою никогда не бралъ. Козаки порознь по своимъ лейстрамъ (реестрамъ) переписаны, а мужики себѣ переписаны будутъ; леестровые козаки станутъ государю служить, а съ мужиковъ станутъ собирать государеву казну и хлѣбные запасы; а теперь, въ этой розни, у великаго государя все пропадаетъ, называются всѣ козаками, на службу нейдутъ и государевой казны не платятъ; а какъ непріятели наступятъ, то козаки леестровые многіе, не хотя государю служить, а мѣщане не хотя податей давать, бѣгаютъ въ Запорожье, да только на себя рыбу ловятъ, а сказываютъ, будто противъ непріятеля ходили.»

Въ то время, какъ Ладыженскій жилъ въ Переяславлѣ, пріѣхалъ человѣкъ Самка, Жилка, посыланный къ Тетерѣ. Ладыженскій зазвалъ Жилку къ себѣ и разспрашивалъ, потчивалъ и дарилъ, и вотъ что узналъ: былъ онъ Жилка у гетмана Павла Тетери, а Юраска Хмельницкій при немъ постригся и жить ему въ Чигиринѣ въ Новоскицкомъ монастырѣ. Писалъ Самко къ Тетерѣ, чтобъ имъ другъ съ другомъ жить мирно, а Тетеря писалъ,

чтобъ имъ соединиться и поддаться королю; но козаки говорятъ, чтобъ сложиться съ Татарами; а Татары говорятъ, что у Турскаго они отягчены великою данью и имъ бы отъ Турскаго отложиться да съ Черкасами жить заодно; Павелъ Тетеря на той сторонѣ непрочный гетманъ, пойдетъ опять въ Польшу къ королю, потому что онъ секретаремъ у короля. — Ладыженскій, послѣ разговоровъ съ Жилкою, пошелъ къ Самку и потребовалъ, чтобъ онъ далъ ему всѣ письма, присланныя Тетерею. Самко отвѣчалъ: «Теперь я началъ пить, имѣю вольность, а какіе у меня есть листы, всѣ пошлю въ Москву.» Тетеря, давая знать королю о сношеніяхъ своихъ съ Самкою, писалъ: «Панъ Самченко склоняется отчасти къ добру и, какъ я понялъ изъ его письма, прельстится еще больше, если ваша королевская милость увѣрите его и всѣхъ Заднѣпровцевъ явнымъ ручательствомъ и другою, особою привилегіею въ томъ, что не будете мстить ни ему и никому изъ Заднѣпровскаго войска и что наравнѣ съ нами даруете ему свободу и милость.»

Въ Гадячѣ Ладыженскому говорили, что Золотаренко соединился съ Самкомъ, хочетъ его въ гетманы; въ Переяславлѣ Самко утверждалъ, что въ Нѣжинѣ была рада, полковники и чернь выбрали его въ совершенные гетманы и листъ ему прислали, закрѣпя руками своими и печатями; а на весну по травѣ быть радѣ только затѣмъ, чтобъ князю Ромодановскому отдать ему при полковникахъ и при всей черни пункты и привилеи. Но когда Ладыженскій сказалъ объ этомъ въ Нѣжинѣ Золотаренку, тотъ отвѣчалъ: «Въ Нѣжинѣ у насъ рада была нынче о томъ, чтобъ государь пожаловалъ, велѣлъ до весны полную раду отсрочить, а до полной рады быть старому гетману Самку, чтобъ между нами розни не было: а на полной радѣ кого всею чернью выберутъ, тому и быть гетманомъ; въ совершенные гетманы Самка не выбирали; это онъ затѣялъ; онъ безпрестанно ссылался съ Юраскою Хмельницкимъ, а теперь ссылается съ Тетерею, и вѣрить ему нельзя.»

И въ грамотѣ къ царю Самко повторилъ просьбу не допускать епископа Меѳодія на раду; повторилъ и жалобу на воровство московскихъ ратныхъ людей, которые били, грабили Переяславцевъ и называли ихъ измѣнниками; Самко требовалъ смертной казни виновнымъ и жаловался на переяславскаго воеводу, князя Волконскаго, который воровъ не казнитъ, какъ будто самъ съ

ними вмѣстѣ воруетъ. Царь въ мартѣ мѣсяцѣ отправилъ въ Переяславль стольника Петра Бунакова розыскать по жалобѣ наказнаго гетмана. Когда Бунаковъ явился къ Самку и подалъ ему царскую грамоту, тотъ отвѣчалъ, что на царской милости челомъ бьетъ, но что розыску обиднымъ дѣламъ сдѣлать нельзя: ратные люди обижали Переяславцевъ долгое время, такъ что иные обиженные побиты на бояхъ, другіе взяты въ плѣнъ, иной челобитчикъ и есть, да отвѣтчика нѣтъ, отвѣтчикъ на-лицо, такъ челобитчика нѣтъ, и потому теперь отъ переяславскихъ жителей на ратныхъ людей челобитья не чаять; пусть великій государь пожалуетъ, впередъ своимъ ратнымъ людямъ обижать Переяславцевъ не велитъ. Бунаковъ жилъ въ Переяславлѣ съ 29 мая по 28 іюня, на съѣзжемъ дворѣ сидѣлъ каждый день, и во все это время только разъ приведенъ былъ драгунъ, пойманный въ кражѣ, повинился, былъ битъ кнутомъ на козлѣ и въ проводку и отданъ на поруки. Бунаковъ призвалъ переяславскихъ начальныхъ людей и спросилъ ихъ, будутъ ли наконецъ челобитныя отъ Переяславцевъ на московскихъ ратнымъ людей, или нѣтъ? Тѣ отвѣчали, что по прежнимъ челобитнымъ нѣкоторые Переяславцы учинили сдѣлки съ обидчиками; иные ратные люди въ искахъ сидятъ въ тюрьмѣ и стоятъ на правежѣ; а вновь челобитій вскорѣ не чаять, и ему, Бунакову, въ Переяславлѣ жить, надобно думать, не зачѣмъ [43].

Между тѣмъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ Брюховецкій писалъ къ князю Ромодановскому, что Самко съ Тетерею тайно войну ведутъ противъ великаго государя такимъ обычаемъ: Тетеря Татаръ призываетъ, а Самко государевыхъ бѣдныхъ людей грабитъ и платежъ вымышляетъ; теперь, говорятъ, по его же призыву, три тысячи Татаръ пошли къ Путивлю, чтобъ помѣшать радѣ. Но Татары не помѣшали радѣ. Еще въ мартѣ государь отправилъ въ Малороссію окольничаго князя Данила Великаго-Гагина объявить старшинѣ, войску, мѣщанамъ и черни, чтобъ они учинили черневую енеральную раду для выбора совершеннаго гетмана всѣми вольными голосами, кто имъ будетъ любъ, по ихъ стародавнымъ войсковымъ правамъ и по переяславскимъ статьямъ. Подъ Нѣжинымъ, въ іюнѣ мѣсяцѣ, собралась эта рада: пріѣхали епископъ Меѳодій, Самко, Брюховецкій, всѣ полковники и вся старшина, было все войско и мѣщане. Брюховецкій и отсюда не замедлилъ отправить

доносъ въ Москву; 8 іюня онъ писалъ царю: «По указу вашего пресвѣтлаго царскаго величества, благодѣтеля нашего милости вашего, пришелъ я съ войскомъ на раду подъ Нѣжинъ, и стою въ Новыхъ Млынахъ, потому что полковники и чернь просятъ, чтобъ я сжидался съ ними. А Васюта Золотаренко докладывался окольничаго князя Великаго-Гагина, чтобъ позволилъ ему съ нами драться, потому что не любитъ правды, которую ему чернь хочетъ въ глаза говорить и объявлять его измѣну, что онъ съ Самкомъ усовѣтовалъ отложиться отъ вашего царскаго величества, для чего и города всѣ укрѣпили и колокола на пушки перелили. Только ихъ совѣтъ Господь разорилъ счастьемъ вашего царскаго пресвѣтлаго величества, и еслибы эти смутники на сей сторонѣ Днѣпра чернь не обманывали, то и та сторона давно бы подъ вашею высокою рукою была; полковникъ Поволоцкій недавно побилъ всѣхъ Ляховъ и Жидовъ, которые были въ его полку; теперь онъ одинъ такъ сдѣлалъ, а еслибъ не Самко съ Васютою смущали здѣсь народъ, то и всѣ полковники за Днѣпромъ сдѣлали бы то же, что Поволоцкій.» Брюховецкій подписался: «Вѣрный холопъ и нижайшая подножка пресвѣтлаго престола.»

Наконецъ судьба искателей гетманства рѣшилась. 18 іюня была знаменитая черная или генеральная рада, о которой такъ много толковали и переписывались. Не дали еще Гагину дочитать царскаго указа о гетманскомъ избраніи, какъ съ одной стороны раздались крики: «Брюховецкаго!» а съ другой: «Самка!» но за криками слѣдовала драка: Запорожцы Брюховецкаго кинулись на приверженцевъ Самка; бунчукъ наказнаго гетмана былъ сломанъ, онъ самъ едва могъ выдраться изъ толпы и скрыться въ шатеръ царскаго воеводы; нѣсколько человѣкъ было убито; побѣдители Запорожцы столкнули Гагина съ его мѣста и выкрикнули своего кошеваго гетманомъ. Гагинъ однако не далъ Брюховецкому утвержденія отъ имени царскаго: Самко объявилъ ему, что гетманство Брюховецкаго, пріобрѣтенное насиліемъ, не есть законное, что ни онъ, ни войско не признаетъ его гетманомъ и что необходимо собрать новую раду; рада была созвана, но Самко не получилъ отъ нея никакой выгоды, потому что приверженцы его перешли на сторону Брюховецкаго, провозгласили его гетманомъ и стали грабить возы своей старшины; единственною причиною такого отступничества малороссійскій лѣтописецъ полагаетъ не-

постоянство своихъ соотечественниковъ. Послѣ этого новаго избранія, противъ котораго нельзя было ничего сказать, Гагинъ далъ булаву Брюховецкому; Запорожцы праздновали свое торжество трехдневнымъ убійствомъ: гибли непріязненные Брюховецкому полковники и ихъ мѣсто заступали Запорожцы. Новый гетманъ отправилъ въ Москву благодарственное посольство и, вмѣстѣ съ Меѳодіемъ, попрежнему твердилъ объ измѣнѣ Самка и Золотаренка; обвиненные отданы были на войсковый судъ, по древнему обычаю козацкому; судьями были враги-побѣдители, которые и приговорили побѣжденныхъ къ смертной казни; приговоръ былъ исполненъ въ Борзнѣ 18 сентября, въ присутствіи обозцаго Ивана Цесарскаго, кіевскаго полковника Василія Дворецкаго и прилуцкаго Данилы Несоцкаго. Вмѣстѣ съ Самкомъ и Золотаренкомъ казнены были: Аѳанасій Щуровскій, Аникій Силичъ (полковникъ черниговскій), Степанъ Шамрицкій, Павелъ Киндѣй, Ананка Семеновъ, Кириллъ Ширяй. Десять человѣкъ: Семенъ Третьякъ, Матьяшъ Панкѣевъ, Дмитрій Черняевскій, Самойла Савицкій, Михайла Вуяхѣевъ, Ѳома Тризничъ, Иванъ Воробей, Семенъ и Прокофій Кулженскіе, Левка Бутъ, Лубенскаго Мгарскаго монастыря игуменъ Викторъ были отвезены въ оковахъ въ Москву; отвезли ихъ тѣ же Цесарскій и Дворецкій. Украйна волновалась. Въ Черниговѣ всѣ начальные люди радѣли Полякамъ, купцы и чернь тянули къ Москвѣ. Черниговскій епископъ Лазарь Барановичъ хвалился, что онъ удержалъ Новгородъ Сѣверскій за Москвою. Въ Кіевѣ воевода Чаадаевъ успѣлъ пріобрѣсти всеобщую любовь, но волновалось войско по причинѣ мѣдныхъ денегъ: двадцать мѣдныхъ денегъ платили за одну серебряную [44].

Такимъ образомъ и прекращеніе распри между искателями гетманства не обѣщало продолжительнаго спокойствія въ Малороссіи; а между тѣмъ Польша оправилась, войско получило жалованье. Мы уже упоминали, что въ Бѣлоруссіи и Литвѣ война продолжалась очень неудачно для Москвы. Осенью 1661 года Хованскій, вмѣстѣ съ Ординымъ-Нащокинымъ, потерпѣлъ новое пораженіе при Кушликахъ отъ литовскаго войска, бывшаго подъ начальствомъ Жеромскаго; изъ 20.000 Русскихъ не болѣе тысячи спаслось въ Полоцкъ вмѣстѣ съ Хованскимъ и раненымъ Нащокинымъ; Литва хвалилась, что потеряла только человѣкъ около

40 убитыми и взяла множество плѣнныхъ, въ томъ числѣ сына Хованскаго; девять пушекъ, знамена, образъ Богородицы, бывшій съ Нащокинымъ при Валіесарѣ и которымъ такъ дорожили и царь и воевода, достались побѣдителямъ [45].

Потеряны были Гродно, Могилевъ, самая Вильна. Въ этой столицѣ Литвы сидѣлъ воеводою стольникъ князь Данила Мышецкій только съ 78 солдатами. Самъ король осадилъ Вильну и отправилъ къ Мышецкому литовскаго канцлера Паца и подканцлера Нарушевича съ требованіемъ сдачи, обѣщая для воеводы и всѣхъ ратныхъ людей свободный выходъ къ московскимъ границамъ съ казною и со всѣмъ имѣніемъ. Мышецкій отвѣчалъ, что сдастъ городъ, если король позволитъ ему распродать весь хлѣбъ и соль и дастъ ему подъ его пожитки 300 подводъ. Король не согласился на распродажу хлѣба и соли и обѣщалъ дать воеводѣ только 30 подводъ. Тогда Мышецкій объявилъ, что хотя всѣ помрутъ, а города не сдадутъ. Король велѣлъ своему войску готовиться къ приступу. Узнавши объ этомъ отъ перебѣжчика, Мышецкій велѣлъ у себя въ избѣ, въ подпольѣ, приготовить 10 бочекъ пороху, и хотѣлъ, зазвавши къ себѣ въ избу всѣхъ солдатъ, какъ будто бы для совѣщанія, запалить порохъ. Но солдаты провѣдали объ этомъ умыслѣ, схватили воеводу, сковали и выдали королю. Когда его привели къ Яну Казимиру, то онъ не поклонился: король, видя его гордость, не захотѣлъ съ нимъ говорить самъ, а выслалъ канцлера Паца спросить его, какого онъ хочетъ милосердія? «Никакого милосердія отъ короля не требую, а желаю себѣ казни,» отвѣчалъ Мышецкій. Его желаніе было исполнено; передъ казнью читали сказку, что Мышецкаго казнятъ не за то, что онъ былъ добрый кавалеръ и государю своему служилъ вѣрно, города не сдалъ и мужественно защищался, но за то, что онъ былъ большой тиранъ, много людей невинно покаралъ и, на части разсѣкши, изъ пушекъ ими стрѣлялъ, иныхъ на колъ сажалъ, беременныхъ женщинъ на крюкахъ за ребра вѣшалъ, и онѣ, вися на крюкахъ, рождали младенцевъ. Передъ смертію осужденный написалъ духовную, которую потомъ одинъ монахъ доставилъ въ Москву: «Память сыну моему князю Ивану Даниловичу Мышецкому, да женѣ моей княгинѣ Аннѣ Кириловнѣ: вѣдайте о мнѣ убогомъ: сидѣлъ въ замкѣ отъ польскихъ людей въ осадѣ безъ пяти недѣль полтора года, принималъ отъ непріятелей своихъ всякія утѣсненія и отстоялся

отъ пяти приступовъ, а людей съ нами осталось отъ осадной болѣзни только 78 человѣкъ; грѣховъ ради моихъ измѣнили семь человѣкъ, Ивашка Чешиха, Антошка Поваръ да Сенька подъячій, и польскимъ людямъ обо всемъ дали знать. Отъ этого стала въ замкѣ между полковниками и солдатами шаткость большая, стали мнѣ говорить шумомъ, чтобъ городъ сдать; я склонился на это ихъ прошенье, выходилъ къ польскимъ людямъ на переговоры и просилъ срока на одинъ день, чтобъ въ то время, гдѣ изъ пушекъ разбито, позадѣлать; но пришли ко мнѣ начальные люди и солдаты всѣ гилемъ, взяли меня, связали, заковали въ желѣза, рухлядь мою пограбили всю безъ остатка, впустили польскихъ людей въ замокъ, а меня выдали королю и просили казнить меня смертію, а сами всѣ, кромѣ пяти человѣкъ, приняли службу королевскую. Король, мстя мнѣ за побитіе многихъ польскихъ людей на приступахъ и за казнь измѣнниковъ, велѣлъ казнить меня смертію.» Приговоръ былъ исполненъ поваромъ княжескимъ; тѣло казненнаго похоронено въ Духовомъ монастырѣ. Послѣ въ Вильнѣ разсказывали, что многіе люди видѣли, какъ обезглавленный воевода расхаживалъ около своей могилы.

Смоленскій воевода, князь Петръ Долгорукій, извѣщая государя объ успѣхѣ, одержанномъ княземъ Даниломъ Борятинскимъ надъ Поляками при Благовичахъ (въ Могилевскомъ уѣздѣ), прибавляетъ: «въ Быховѣ хлѣбныхъ запасовъ ничего нѣтъ, ратные люди ѣдятъ траву и лошадей.» Въ самомъ Смоленскѣ на рынкахъ не было хлѣбнаго привоза, потому что уѣздные люди, обмолотивши хлѣбъ, ссыпали его въ ямы, а солому жгли, и никто не везъ хлѣба на продажу въ городъ. Царь долженъ былъ грозить имъ за это жестокимъ наказаньемъ безо всякой пощады. Грозя смоленскимъ уѣзднымъ людямъ наказаніемъ за укрывательство хлѣба, царь приказывалъ пустошить въ конецъ другіе уѣзды, не имѣя другаго средства вредить усиливающемуся непріятелю. Такъ въ сентябрѣ онъ послалъ указъ Долгорукому отправить ратныхъ людей въ уѣзды Дубровинскій, Оршанскій, Копысскій, Шкловскій, Могилевскій, Кричевскій съ тѣмъ, чтобъ они забрали жителей, хлѣбъ и скотъ, а сѣно и солому жгли безъ остатку, чтобъ польскимъ людямъ въ зимнее время пристанища не было. Ратные люди исполнили охотно этотъ царскій указъ въ надеждѣ обогатиться добычею. Они подошли подъ Копысъ, разбили непріятеля, сдѣлавшаго

на нихъ вылазку изъ этого города. Ходить на приступы было запрещено, чтобъ не тратить людей, въ которыхъ чувствовался большой недостатокъ. Желая постращать жителей Копыса и принудить ихъ къ сдачѣ безъ бою, воевода Толочановъ велѣлъ пускать въ городъ гранаты, отъ которыхъ загорѣлось два двора. Тутъ солдаты, ударивъ въ барабаны, закричавъ ясакомъ, пошли на приступъ. Толочановъ бросился къ полковникамъ, крича, что на приступы ходить не велѣно; полковники отвѣчали, что солдаты пошли безъ ихъ приказанія, самовольно. Тогда воевода отправилъ полковниковъ Вильяма Брюса и Николая фонъ-Залена отвести солдатъ отъ города, послалъ съ полковниками есауловъ и дворянъ; но полковники, возвратясь изъ-подъ города, объявили, что солдаты ихъ не послушали, поручиковъ и дворянъ перебили, полковника Брюса ранили по рукѣ, фонъ-Залена кирпичемъ въ голову. Приступъ не удался, солдаты были перебиты и переранены. Толочановъ спрашивалъ возвратившихся съ приступа, зачѣмъ они пошли безъ приказанія? тѣ отвѣчали: «Намъ обуховъ не перетерпѣть; мы всѣми полками скажемъ, что намъ велѣли идти полковники и начальные люди.» Если слышались частыя жалобы изъ Малороссіи на побѣги ратныхъ людей, то въ Бѣлоруссіи было то же самое: изъ отряда майора Дурова убѣжало 35 человѣкъ, у полковника Жданова 57, на лицо осталось 564; у стрѣлецкаго головы Колупаева не пошло на службу изъ Москвы 46 человѣкъ, ушло 128, на лицо 209; у полковника Дефрома убѣжало 226 солдатъ, на лицо 330 и т. д. Борисовъ еще съ 1660 года находился въ осадѣ; въ 1662 году воевода его, Кирилла Хлоповъ, писалъ, что ратные люди безпрестанно бьютъ челомъ о соли, а ему дать имъ нечего, и онъ боится, чтобъ отъ нихъ не сдѣлалось чего нибудь дурнаго, потому что они сильно скучаютъ и измѣняютъ, начали перебѣгать къ польскимъ людямъ. Смоленскій воевода, князь Петръ Долгорукій, доносилъ, что у него пороху и фитилю нѣтъ. Въ маѣ мѣсяцѣ изъ Кобрина вышелъ полковникъ Статкѣвичь съ тѣмъ, чтобъ стянуть литовскіе отряды, находившіеся въ Полоцкомъ, Витебскомъ, Борисовскомъ и Минскомъ повѣтахъ, идти съ ними въ Оршу и стеречь, чтобъ осажденные въ Быховѣ и Борисовѣ не получали изъ Москвы подкрѣпленій и запасовъ; узнавъ, что изъ Смоленска къ Быхову идутъ московскіе ратные люди съ денежною казною и запасами, Статкѣвичь послалъ свое войско перенять ихъ. Въ пяти

верстахъ отъ Чаусъ, между рѣками Проней и Басею, Поляки Статкѣевича встрѣтились съ Русскими, бывшими подъ начальствомъ иностранца, генералъ-майора Вильяма Друмонта: въ упорномъ бою 15 знаменъ старой королевской пѣхоты были истреблены всѣ до одного человѣка, конницу побѣдители топтали на 15 верстахъ и взяли въ плѣнъ 70 человѣкъ. Но этотъ частный успѣхъ не могъ перемѣнить общаго хода дѣлъ въ пользу Москвы. Поляки знали, что пѣхота начинаетъ перебѣгать изъ московскихъ полковъ вслѣдствіе скуднаго жалованья, получаемаго мѣдными деньгами; что для предупрежденія побѣговъ солдатъ и стрѣльцовъ въ Смоленскѣ не пускаютъ за городскія стѣны; что иностранные офицеры не довольны опять вслѣдствіе плохаго жалованья мѣдными деньгами и насильственною задержкою въ Россіи; что солдаты бѣгутъ изъ самой Москвы и изъ полковъ украинскихъ, бѣгутъ въ степи и въ Сибирь; что въ Москвѣ самъ царь лично два раза упрашивалъ войско не покидать службы; что большая половина смоленской шляхты склоняется на сторону королевскую; что въ самой Москвѣ, по причинѣ мѣдныхъ денегъ, дороговизна, голодъ и возмущенія. Въ Литвѣ, въ мѣстечкѣ Виленахъ, въ это время находилось 242 русскихъ чиновныхъ плѣнниковъ, въ томъ числѣ одинъ стольникъ (князь Петръ Ивановичъ Хованскій), 3 полковника, 2 стрѣлецкихъ головы, 4 подполковника, 7 ротмистровъ, 2 майора, 8 капитановъ, 15 поручиковъ, 11 прапорщиковъ, 103 человѣка дворянъ и дѣтей боярскихъ. Такъ какъ ихъ содержали очень дурно, то царь считалъ своимъ долгомъ посылать къ нимъ деньги, что еще увеличивало военные расходы: такъ въ началѣ 1662 года роздано было плѣннымъ въ Литвѣ 836 золотыхъ червонныхъ, да въ займы, для нужды и голоду, дано 82 золотыхъ. Кромѣ того были плѣнные у короля, Чарнецкаго и другихъ сенаторовъ.

Чѣмъ хуже шли дѣла въ Бѣлоруссіи и Литвѣ, тѣмъ сильнѣе становилось въ Москвѣ желаніе мира. Въ 1661 году попытка царя задержать военныя дѣйствія мирными переговорами не удалась. Съѣздъ посольскій, обѣщанный въ октябрѣ, не состоялся. Въ мартѣ 1662 года новый посланникъ царскій, стольникъ Нестеровъ, пріѣзжалъ въ Варшаву съ тѣмъ же предложеніемъ перемирія на время посольскихъ съѣздовъ. Сенаторы отвѣчали, что если царь уступитъ королю Кіевъ, Переяславль, Нѣжинъ и всѣ черкасскіе города Заднѣпрской Путивльской стороны, также Полоцкъ, Ви-

тебскъ, Динабургъ, Борисовъ и Быховъ, то король велитъ заключить перемиріе и удержать войска мѣсяца на два или на три для посольскаго съѣзда, которому быть на Поляновкѣ. Нестеровъ отвѣчалъ, что въ два или три мѣсяца уполномоченные не успѣютъ съѣхаться; для перемирья на два или на три года онъ уступитъ королю Борисовъ, о другихъ же городахъ ему говорить не наказано; потомъ согласился уступить еще Динабургъ; но паны объявили ему рѣшительно, что перемирья не будетъ, а ратные люди отведутся на 15 миль отъ того мѣста, гдѣ будетъ назначенъ съѣздъ уполномоченныхъ; сенаторы прибавили, что если постановлять договоръ о перемирьѣ, то надобно посылать къ крымскому хану, что потребуетъ много времени; безъ пересылки же съ крымскимъ ханомъ перемирья заключить нельзя. Нестеровъ отвѣчалъ на это: «Удивительно, что королевское величество и вся Рѣчь Посполитая въ государствѣ своемъ безъ вѣдома искони вѣчнаго христіанскаго непріятеля крымскаго хана сдѣлать ничего не можете и не смѣете; а крымскій ханъ между христіанскими государствами никогда покою не пожелаетъ, и о томъ королевскому величеству крымскаго хана спрашивать не доведется.» Паны отвѣчали: «Крымскій ханъ намъ товарищъ, да и король и вся Рѣчь Посполитая перемирья заключить не хотятъ.» На это Нестеровъ сказалъ: «Съ которой стороны перемирью не быть, съ той стороны и правдѣ не быть.» Но царскіе уполномоченные—бояринъ князь Никита Ивановичъ Одоевскій, бояринъ князь Иванъ Семеновичъ Прозоровскій, думный дворянинъ Аѳанасій Лаврентьевичъ Ординъ-Нащокинъ и думный дьякъ Алмазъ Ивановъ уже отправились въ Смоленскъ, куда къ нимъ высланы были и польскіе плѣнники — гетманъ Гонсѣвскій, полковники Невѣровскій и Обуховичъ съ товарищами, всего 212 человѣкъ, потому что за этихъ плѣнниковъ король обѣщалъ отдать окольничаго князя Осипа Щербатаго, стольниковъ князей Семена Щербатаго и Григорья Козловскаго, Ивана Акинѳова; а гетманъ Гонсѣвскій обѣщалъ государю, что за него король дастъ, кромѣ означенныхъ плѣнниковъ, еще князя Петра Хованскаго. Гонсѣвскаго немедленно отпустили изъ Смоленска въ Шкловъ; но русскіе плѣнники не были возвращены, потому что Потоцкій, Любомирскій, Чарнецкій, на долю которыхъ они достались, не хотѣли отпустить ихъ безъ окупу. Между тѣмъ изъ Борисова пришла вѣсть, что съѣстные запасы

всѣ вышли и Нѣмцы сильно скучають; въ Москвѣ признали невозможнымъ поддерживать долѣе этотъ городъ и послали приказъ воеводѣ его, Хлопову, покинуть Борисовъ. 9 іюля Хлоповъ исполнилъ приказъ, вышелъ изъ города со всѣми ратными людьми, пушками, запасами и казною.

Лѣто проходило. Польскіе коммиссары не являлись для переговоровъ. Австрійскіе послы, пріѣхавшіе для посредничества, жили понапрасну въ Смоленскѣ. Въ августѣ пріѣхалъ въ Смоленскъ выпущенный изъ плѣна окольничій князь Осипъ Щербатый; но вмѣстѣ съ нимъ пріѣхалъ Львовскій купецъ, Грекъ Кирьякъ, который заплатилъ за плѣнника Потоцкому 20,000 золотыхъ польскихъ, и теперь пріѣхалъ искать своихъ денегъ. Такъ какъ Потоцкій взялъ деньги вопреки рѣшенію короля и сейма, опредѣлившихъ, чтобъ плѣнныхъ не давать на окупъ, то въ записи, данной Шербатовымъ, было означено, что окольничій посулилъ гетману подарокъ за его добродѣйство. Полномочные послы велѣли выгнать Кирьяка изъ Смоленска и писали шкловскому коменданту: «Вы пишете въ своей грамотѣ, что окольничій князь Щербатовъ отпущенъ изъ шкловской крѣпости по приказу королевскому за гетмана Гонсѣвскаго: такъ вопреки указу королевскому съ какой стати онъ будетъ еще платить деньги за какое-то добродѣйство гетмана Потоцкаго? То ли гетманское добродѣйство, что, вопреки присягѣ своей, вмѣсто увольненія плѣнникомъ его сдѣлалъ и, по бусурманскому обычаю, захотѣлъ его продать? Когда гетманъ Гонсѣвскій по милости великаго государя нашего изъ плѣна былъ освобожденъ, то на немъ никакихъ подарковъ никто не спрашивалъ. Христіанское ли то дѣло, чтобъ христіанину христіанами какъ скотомъ торговать и прибыли по бусурмански искать?» Несчастный Грекъ считалъ также себя въ правѣ думать, что съ нимъ поступили по бусурмански; онъ писалъ къ Одоевскому съ товарищи: «Самъ князь Щербатовъ обѣщался мнѣ и поручился; вы обѣщались, что будетъ мнѣ свободный пропускъ въ Москву. Я у плѣнниковъ былъ отцомъ и добродѣемъ, а теперь какъ измѣнникъ выгнанъ изъ Смоленска. Христіанское ли это дѣло, бѣднаго торговаго человѣта приводить къ такой пагубѣ, что мнѣ уже не зачѣмъ къ бѣднымъ моимъ дѣтямъ возвратиться. Камень бы заплакалъ, смотря на мою обиду, какой и бусурманы не дѣлаютъ. Такія обиды государства до пагубы приво-

дять. Со слезами къ ногамъ вашимъ припадаю, пропустите меня къ наияснѣйшему царю, а онъ государь христіанскій, великій, еще ни одному нашему брату торговому человѣку обиды не сдѣлалъ и бѣдныхъ сиротъ не ослезилъ.» Потоцкій прикрылъ выкупъ именемъ подарка, но Чарнецкій не считалъ нужнымъ церемониться; онъ прямо потребовалъ съ плѣнныхъ, находившихся у него въ Тыкотинѣ, съ 75 человѣкъ окупу 16,000 рублей, мѣхъ рысій или за него сто рублей денегъ, да барса; плѣнники посулили окупъ, не стерпя тяжкой нехристіанской неволи и немѣрной работы. Послы отписали Чарнецкому, чтобъ онъ, зная сеймовое постановленіе о размѣнѣ плѣнныхъ, оставилъ бусурманскій обычай; отписали всему войску коронному, чтобъ оно московскихъ плѣнниковъ высылало на размѣну на своихъ Поляковъ, которыхъ множество въ московскомъ государствѣ. Наконецъ въ сентябрѣ освобождены были обѣщанные за Гонсѣвскаго знатные плѣнники—князья Семенъ Щербатый, Григорій Козловскій, Петръ Хованскій, Иванъ Акинѳовъ. Для остальныхъ назначена была въ мѣстечкѣ Горахъ генеральная размѣна, для чего съѣхались съ обѣихъ сторонъ размѣнные коммиссары; мѣняли чинъ на чинъ и человѣка на человѣка; на время размѣны условились прекратить непріятельскія дѣйствія. Въ октябрѣ коммиссары разъѣхались, не кончивши размѣны; русскіе коммисары жаловались на несоблюденіе условій со стороны Поляковъ. Во время размѣны королевскіе ратные люди приходили подъ Витебскъ, въ витебскомъ повѣтѣ села и деревни разорили и городъ держали въ большой тѣснотѣ; другой отрядъ Поляковъ приходилъ подъ Великія Луки, выжегъ посады, въ уѣздѣ села и деревни разорилъ; наконецъ во время же размѣны Поляки напали на русскій отрядъ, возвращавшійся съ хлѣбными запасами изъ Полоцка въ Витебскъ. Польскіе коммиссары не отдавали русскихъ начальниковъ людей на обмѣнъ за польскихъ, своихъ начальныхъ людей называли волонтерами и шишами; за русскихъ полковниковъ и полуполковниковъ просили своихъ товарищей по шести и по семи человѣкъ; товарищей, драгуновъ и челядниковъ брали выборомъ, шляхту, свою братью, родоватыхъ людей называли челядью и хлопцами и давали за нихъ не противъ ихъ версты людей боярскихъ и мужиковъ, побранныхъ въ обозахъ и въ дорогѣ за возами, а не на бою. Тщетно русскіе коммиссары настаивали, чтобъ Поляки брали за полковника шляхты и драгуновъ

по четыре человѣка, за полуполковника по три, а за иные чины, кромѣ прапорщиковъ, по два: Поляки дѣлали по своему, и, оставя своихъ плѣнныхъ, человѣкъ съ двѣсти, уѣхали изъ Горъ и задержали русскихъ плѣнныхъ, начальныхъ людей, въ Шкловѣ; освобождено же было русскихъ плѣнниковъ всего 438 человѣкъ, Поляковъ отпущено 381 человѣкъ; за размѣною осталось въ Смоленскѣ Поляковъ и Литвы 366 человѣкъ, да у князя Петра Долгорукаго 150; польскіе коммиссары потому требовали такъ много шляхты за начальныхъ русскихъ людей, что между польскими плѣнными начальныхъ людей не было. Не зная еще о прекращеніи размѣны, изъ Москвы продолжали высылать польскихъ плѣнниковъ, такъ что въ ноябрѣ въ Смоленскѣ было ихъ 611 человѣкъ; дворъ, на которомъ прежде помѣщались плѣнники, и тюрьма стали тѣсны, а на мѣщанскихъ дворахъ ставить ихъ было нельзя, потому что всѣ дворы были заняты ратными людьми. Плѣннымъ давали – шляхтичу по десяти мѣдныхъ денегъ на день, челяднику и драгуну по шести, да каждому по четверику сухарей и по гривенкѣ соли на мѣсяцъ. Но воевода смоленскій, князь Петръ Долгорукій, объявилъ, что въ казнѣ сухарей мало и впередъ плѣннымъ давать будетъ нечего. Государь, получивъ объ этомъ извѣстіе, велѣлъ Одоевскому давать за русскихъ начальныхъ людей столько польскихъ плѣнниковъ, сколько запросятъ коммиссары, лишь бы русскіе люди, будучи въ плѣну, не померли напрасною смертію.

Но число русскихъ плѣнниковъ, начальныхъ людей увеличивалось у Поляковъ: 16 декабря королевскія войска, подъ начальствомъ полковника Черновскаго, взяли приступомъ Усвятъ, плѣнили воеводу и многихъ государевыхъ людей побили и побрали въ плѣнъ; шляхетскій ротмистръ Глиновецкій, шляхтичъ Сестринскій и мѣщанскій войтъ были повѣшены за то, что не сдали города Полякамъ. Посланецъ Одоевскаго Дичковъ понапрасну жилъ въ Вильнѣ, дожидаясь какого нибудь отвѣта отъ коммиссаровъ; тѣ отпустили его ни съ чѣмъ, отговариваясь, что сами не получаютъ никакого приказа отъ короля. Дичковъ привезъ въ Смоленскъ извѣстіе о страшной смерти гетмана Гонсѣвскаго и маршалка Жеромскаго: 16 ноября явились въ Вильну товарищи войсковые Хлевинскій да Новошинскій съ толпою ратныхъ людей и спрашивали, гдѣ Гонсѣвскій и Жеромскій? Имъ сказали, что Же-

ромскій въ церкви у обѣдни, а Гонсѣвскій у себя дома лежитъ боленъ. Новошинскій отправился въ церковь, гдѣ былъ маршалокъ, и потребовалъ, чтобъ тотъ ѣхалъ съ нимъ къ войску. «Дайте мнѣ отслушать обѣдню», отвѣчалъ Жеромскій. Тутъ солдаты схватили его и силою повели изъ церкви. Напрасно служившій обѣдню священникъ говорилъ имъ, что они этимъ оскорбляютъ домъ Божій: солдаты обругали ксёнза измѣнникомъ, вывели Жеромскаго и повезли его за городъ. Отъѣхавши 12 миль по гродненской дорогѣ, на рѣкѣ Нѣманѣ солдаты бросились на свою жертву, изсѣкли саблями и забили обухами до смерти. По той же дорогѣ Хлевинскій везъ въ каретѣ больнаго Гонсѣвскаго, съ которымъ сидѣлъ его домовый ксёнзъ. Въ десяти миляхъ отъ Вильны гетмана встрѣтилъ еще отрядъ ратныхъ людей; увидя ихъ, Гонсѣвскій сказалъ ксёнзу: «У Минуція написано, что нынѣшняго дня будетъ убитъ великій человѣкъ вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ.» Только что онъ успѣлъ сказать это, какъ ѣхавшіе навстрѣчу солдаты поровнялись съ каретою и закричали, чтобъ онъ выходилъ. «Для чего выходить?» спросилъ гетманъ. «Выходи!» кричали солдаты съ ругательствами: «пришелъ твой часъ!» Гонсѣвскій вышелъ и сталъ говорить: «Везите меня въ войско, потому что по правамъ нашимъ и челядника безъ суда не караютъ, не только что гетмана.»—«Не указывай!» закричали солдаты и хотѣли немедленно его разстрѣлять; несчастный могъ вымолить только сроку, чтобъ исповѣдаться у ксёнза. Убійцы выставили три обвиненія противъ Гонсѣвскаго: 1) при освобожденіи своемъ изъ плѣна присягнулъ царю, что съ помощію Орды и Шведовъ подведетъ Польшу подъ власть государеву; разглашали, что у гетмана захвачены царскія грамоты. 2) Пропустилъ въ Ригу товарные струги смоленскихъ и витебскихъ мѣщанъ. 3) Пріѣхалъ въ Вильну Устинъ Мещериновъ съ грамотами, безъ войсковаго вѣдома былъ у гетмана ночью и грамоты ему отдалъ. Жеромскаго убили за то, что былъ съ Гонсѣвскимъ въ одной думѣ.

Въ февралѣ 1663 года царь приказалъ Одоевскому пересмотрѣть плѣнныхъ, находившихся въ Смоленкѣ, и раздѣлить ихъ на двѣ части: которые познатнѣе, тѣхъ держать въ Смоленкѣ, а которые похуже, тѣхъ отпустить въ Польшу безъ размѣны и наказать имъ бить челомъ королю, чтобъ онъ сдѣлалъ то же и съ русскими плѣнниками. Вслѣдъ затѣмъ отпущена была изъ Москвы

другая толпа плѣнниковъ также безъ размѣны. Одоевскій съ товарищами получилъ приказъ возвратиться въ Москву, а въ Польшу еще въ 1662 году отправился Ординъ-Нащокинъ съ предложеніемъ тѣснаго союза подъ условіемъ уступки Смоленска и Сѣверскихъ городовъ, какъ было до Смутнаго времени, съ предложеніемъ денегъ для расплаты съ бунтующимъ войскомъ за уступку южной Ливоніи. Но знаменитый московскій дипломатъ не успѣлъ въ своемъ дѣлѣ: чтобъ заключить выгодный миръ, король считалъ необходимымъ перейти самому на восточный берегъ Днѣпра [46].

Въ третій разъ страшная опасность начала грозить Москвѣ. 8 сентября отправлена была къ находившемуся при брюховецкомъ воеводѣ, стольнику Кириллу Хлопову, такая грамота: «Говорить гетману тайнымъ обычаемъ: если король польскій со всѣмъ войскомъ коронныымъ и съ измѣнниками Черкасами той стороны Днѣпра и съ крымскими Татарами станетъ наступать всѣми силами, то, по самой конечной мѣрѣ, если устоять противъ нихъ будетъ нельзя, гетманъ долженъ укрѣпить осаду во всѣхъ городахъ и, соединившись съ воеводою княземъ Григоріемъ Григорьевичемъ Ромодановскимъ, отступать къ пограничнымъ московскимъ и черкасскимъ городамъ, къ крѣпкимъ мѣстамъ, гдѣ пристойнѣе, по своему разсмотрѣнію.» Для удержанія союзниковъ королевскихъ, Татаръ, еще прежде успѣли подкрѣпить Запорожье: туда отъ бѣлгородскаго полка Ромодановскаго отдѣленъ былъ отрядъ изъ 500 человѣкъ драгуновъ, солдатъ и Донскихъ козаковъ подъ начальствомъ стряпчаго Григорія Касогова. Сначала этого отряда было достаточно, потому что война велась мелкая: кременчугскіе козаки опять перешли въ королевскую сторону, ихъ примѣру послѣдовали жители городовъ Потока и Переволочны. Въ Кременчугѣ засѣлъ наказный гетманъ западной стороны, Петръ Дорошенко. Узнавши, что въ Запорожье пробирается московскій отрядъ, Дорошенко въ іюлѣ мѣсяцѣ послалъ провѣдать объ немъ двѣсти козаковъ и сотню Татаръ, которые столкнулись съ людьми Касогова подъ Кишенкою и были побиты; Переволочане опять поддались великому государю; Касоговъ въ другой разъ побилъ татарскихъ загонщиковъ подъ Кишенкою и, соединившись съ Запорожцами и Калмыками, отправился въ сентябрѣ за Днѣстръ: здѣсь выжгли они ханскія села, много въ нихъ побили Армянъ

и Волоховъ и 20 сентября возвратились въ Сѣчь всѣ въ цѣлости; на другой день, 21 числа, явились въ Сѣчь 1200 Запорожцевъ, которые ходили на море, пришли они пѣшкомъ и разсказывали кошевому своему Ивану Сѣрко и Касогову, что настигли ихъ на морѣ турецкія суда, бились съ ними три дня и двѣ ночи, на третью ночь козаки утекли отъ Турокъ къ берегу, изрубили свои суда и полемъ пустились домой. 2 октября Сѣрко и Касоговъ выступили подъ Перекопь; 11 числа ночью Сѣрко съ пѣшими Черкасами и солдатами вошелъ въ перекопскій посадъ съ крымской стороны, а Касоговъ съ конными Черкасами и русскими людьми пришелъ къ воротамъ перекопскимъ съ русской стороны; большой каменный городъ былъ взятъ, но малаго Русскіе взять не могли и ушли, зажегши большой городъ; Янычары и Татары преслѣдовали ихъ верстъ съ пять. 16 октября Касоговъ и Сѣрко возвратились въ Сѣчь; изъ отряда Касогова было убито только десять человѣкъ; плѣнныхъ въ Сѣчь не привели, порубили, не пощадивъ ни женъ, ни дѣтей, на томъ основаніи, какъ доносилъ Касоговъ, что въ Крыму и Перекопи было повѣтріе; но пріѣхали въ Москву запорожскіе посланцы съ тою же вѣстію о походѣ подъ Перекопь и объявили: «Въ Перекопи при насъ мороваго повѣтрія не было, слышали они, что было повѣтріе, но задолго до ихъ прихода; плѣнныхъ мы всѣхъ порубили будучи между собою въ ссорѣ, а кошевой атаманъ Иванъ Сѣрко писалъ про моровое повѣтріе къ гетману Брюховецкому, думаемъ, отъ стыда, что языковъ къ нему послать было некого, потому что войскомъ всѣхъ побили.»

Скоро послѣ этого начали приходить отъ Касогова печальныя вѣсти: онъ писалъ, что 23 ноября прислалъ измѣнникъ Тетеря въ запорожскую Сѣчь посланцевъ своихъ, двухъ крыловскихъ мѣщанъ, съ прелестными листами, и когда эти листы читали въ радѣ, то половина Запорожцевъ не хотѣли и слушать, но другіе обрадовались; начались шатости въ Запорогахъ большія; Сѣрко боится за себя, за московскаго воеводу и за всѣхъ государевыхъ ратныхъ людей; запасы, привезенные Касоговымъ, вышли, а покупать въ Запорожьѣ—осминка муки ржаной стоитъ пять рублей, а пшена и не добыть ни за какія деньги, отъ чего многіе ратные люди разбѣжались. Касоговъ приготовился уже къ смерти и писалъ къ отцу своему: «Батюшка! помилуй меня, дай благосло-

веніе и прости, потому что, думаю, въ послѣдній разъ пишу къ тебѣ. Если черкаскіе города сдадутся, то и Запорожье сдастся королю, и мнѣ съ Сѣркомъ тутъ матъ: и теперь бунтуютъ и на насъ совѣщаются; чуть только осилятъ, сейчасъ выдадутъ насъ или Ляхамъ, или Татарамъ. Смилуйся, государь! дѣвочку мою не покинь! охъ, жаль, какъ душѣ съ тѣломъ, съ нею разстаться и невидать до дня суднаго! Больше писать не умѣю отъ печали лютой; помилуй меня, прости грѣшника и не забудь за меня къ Богу черезъ нищихъ послать и душу мою бѣдную помянуть; челядь мою русскую вели отпустить на волю, а Татаръ вели удержать, на обмѣну пригодятся. Умились надъ бѣдною, вѣкъ свой въ горѣ скоротавшею моею женою сиротою, не вели ее оскорбить послѣ меня; не утѣшилась бѣдная при мнѣ, только состарѣлась и отъ бѣднаго житья сокрушилась.»

Отъ гетмана сначала приходили хорошія вѣсти: осенью 1663 года, 15 октября, Брюховецкій далъ знать царю, что генеральный есаулъ взялъ приступомъ городъ Потокъ; 23-го воевода Хлоповъ далъ знать, что они съ гетманомъ ходили подъ Кременчукъ и взяли его со всѣми людьми, нарядомъ и знаменами. Но въ то же самое время получена была въ Москвѣ грамота Меѳодія изъ Кіева (отъ 12 октября); епископъ писалъ, что 8 октября король Янъ Казимиръ пришелъ въ Бѣлую Церковь, которая отъ Кіева только въ 60 верстахъ; въ Кіевѣ малолюдно, а городъ большой: «Бога ради,» писалъ Меѳодій: «изволь великій государь, въ прибавку прислать въ Кіевъ ратныхъ людей поскорѣе; да и къ гетману изволь прислать войска, а гетманъ Иванъ Брюховецкій тебѣ отъ всего сердца вѣрно служить хочетъ; укажи князю Григорію Григорьевичу Ромодановскому поспѣшить въ украинскіе и черкасскіе города, также и другимъ войскамъ отъ Сѣвска, Путивля и Брянска, потому что тамъ войска эти даромъ стоятъ, только даромъ людей ѣдятъ, а здѣсь очень надобны. Кіевъ, Черниговъ и вся Украйна тебѣ, великому государю, очень надобны, потому что за этими черкасскими городами твое россійское государство какъ за стѣною твердою стоитъ и стоять будетъ; сохрани Боже уступить Кіева и другихъ черкасскихъ городовъ, тогда король и Ляхи дальше пойдутъ; кто тебѣ объ уступкѣ Кіева станетъ совѣтовать, тотъ Богу и тебѣ врагъ и измѣнникъ. Прошу также милости, вели перемѣнить переяславскаго воеводу, князя Василія

Богдановича Волконскаго: человѣкъ упрямый; лучше его перемѣнить, нежели изъ-за его вражды съ гетманомъ какая поруха учинится.» Царь отвѣчалъ, что велѣлъ смѣнить Волконскаго и на его мѣсто будетъ пока воевода Хлоповъ. 11 ноября получено было письмо отъ Брюховецкаго (изъ Гадяча отъ 30 октября): «вѣрный и во вѣки неотступный холопъ, низко предъ пресвѣтлыми царскаго пресвѣтлаго величества престола ногами до лица земли упадая и смиренно бьючи челомъ,» увѣдомлялъ, что король имѣлъ совѣщаніе въ Бѣлой Церкви со всѣми начальными людьми, измѣнниками и султаномъ крымскимъ, послѣ чего король придвинулся къ городу Ржищеву на берегъ Днѣпра и войска его начали переправляться за рѣку у Ржищевской пристани. «Я,» писалъ Брюховецкій: «всѣ свои полки противъ непріятеля собираю и иду вмѣстѣ съ воеводою Кирилломъ Осиповичемъ Хлоповымъ. Но высокимъ своимъ разумомъ извольте разсмотрѣть, что намъ съ такими малыми войсками на польскія, татарскія и измѣнничьи войска идти опасно; а князь Ромодановскій вашихъ указовъ не исполняетъ и съ войскомъ на оборону малороссійскихъ городовъ нейдетъ, пишетъ ко мнѣ, что войско распустилъ, пишетъ ко мнѣ, что пойдетъ въ малороссійскіе города, когда къ нему Калмыки придутъ, тѣмъ самымъ походъ свой въ даль откладываетъ, а непріятель, не слыша о силахъ, противъ него идущихъ, въ отчинѣ вашего царскаго величества распространяется, и города прельщать будетъ. Не только князю Ромодановскому, но и боярину Петру Васильевичу Шереметеву и Калмыкамъ надобно со мною соединиться; противъ короля надобно приготовиться строемъ, ибо хотя при немъ и малыя силы, однако это не Выговскій и не Гуляницкій, надобно готовиться, чтобъ города на этой сторонѣ удержались въ вѣрности; непріятель готовится на бой кровавый, и султанъ крымскій загоновъ не распускаетъ; я послалъ въ Запорожье къ Сѣрку, чтобъ съ Калмыками шелъ къ Чигирину.» Кіевскому полковнику, Василію Дворецкому, бывшему тогда въ Москвѣ, Брюховецкій писалъ: «Удивляюсь радѣнію князя Ромодановскаго, который, собравши войско, все лѣто стоялъ въ Бѣлгородѣ, а какъ узналъ о приходѣ королевскомъ, то войско по домамъ распустилъ: не знаю, ужь не пришла ли къ нему грамотка отъ брата его Выговскаго. Приходъ королевскій на Украйну дѣло великое: никто ничѣмъ не откупится, а я своею лысою головою силы

непріятельскія не сдержу, некому уже стало вѣрить! Изволь Ѳедору Михайловичу (Ртищеву) обо всемъ словесно объяснить, пусть не кручинится, что пишу обо всемъ правду: когда Украйну потеряютъ, то и всемъ достанется.»

Въ это время пріѣзжаетъ въ Малороссію для переговоровъ съ гетманомъ государевыхъ тайныхъ дѣлъ дьякъ Дементій Миничъ Башмаковъ, привозитъ старшинѣ соболей на 1700 рублей: и вотъ со всѣхъ сторонъ сыплются къ нему доносы. Меѳодій далъ ему знать изъ Кіева, чтобъ ѣхалъ осторожнѣе: малороссійскіе жители шатки и непостоянны, вѣрить имъ нечего; подъ часъ непріятельскаго прихода чаять отъ нихъ всякаго дурна; въ Глуховѣ атаманъ и войтъ толковали, что Черкасамъ никому вѣрить нельзя, люди непостоянные и не крѣпкіе, противъ непріятелей долго стоять не будутъ. Воевода Хлоповъ передавалъ вѣсти, полученныя тайно отъ Брюховецкаго, что въ Кіевѣ дѣла очень плохи отъ умысла злыхъ людей: король идетъ къ Кіеву по присылкѣ кіевскихъ жителей, а вся злая бѣда учинилась отъ старицы Ангилины, которая учитъ въ Кіевѣ епископову дочь грамотѣ, и что услышитъ отъ ученицы, про все даетъ знать въ Польшу и къ Тетерѣ. «Надобно думать,» говорилъ Брюховецкій: «что у епископа есть прозябь большая и невѣрность въ радѣньѣ великому государю; объ этомъ я заключаю изъ того, что кіевскіе монахи взяли себѣ на поруки нѣжинскаго атамана Шлютовича, который ушелъ, отпустили его монахи нарочно и велѣли ему, собравъ козаковъ и Татаръ, приходить на государевы черкасскіе города. Я за этими монахами посылалъ прилуцкаго полковника Песоцкаго, но епископъ ихъ ко мнѣ не присылалъ, а взялъ съ нихъ золотые червонные. Боюсь, чтобъ епископъ злымъ своимъ умысломъ не сдалъ Кіева королю. Если король черезъ Днѣпръ переправится, то боюсь, чтобъ всѣ малороссійскіе города вдругъ ему не сдались; при мнѣ войска въ сборѣ ничего нѣтъ, и радъ бы я собраться, но козаки меня не слушаютъ, не собираются нигдѣ, и потому буду сидѣть въ городахъ въ осадѣ до прихода государевыхъ большихъ полковъ.»

17 ноября свидѣлся Башмаковъ съ гетманомъ въ Батуринѣ и говорилъ ему: «Въ Нѣжинѣ на генеральной черневой радѣ ты выбранъ гетманомъ всѣми вольными голосами и присягнулъ на вѣрное и вѣчное подданство великому государю: и великій госу-

дарь васъ гетмана, старшину и всю чернь держитъ подъ своею самодержавною высокою рукою въ милостивомъ жалованьѣ по прежнимъ вашимъ правамъ и вольностямъ и по переяславскимъ статьямъ, какія постановлены въ 59 году при прежнемъ гетманѣ Юріи Хмельницкомъ, и вамъ бы, выслушавъ тѣ статьи, подписать.» Статьи были прочтены; но гетманъ и старшина, выслушавъ ихъ, отвѣчали: «Намъ всѣхъ этихъ статей за разореньемъ отъ непріятельскихъ приходовъ и за скудостью никакъ содержать теперь невозможно; въ то время, когда эти статьи становлены, Малая Россія вся обѣихъ сторонъ Днѣпра была въ соединеніи и у царскаго величества въ подданствѣ, и города хотя и были поразорены, да все не такъ, какъ теперь.»—«Постановленіе этимъ статьямъ давнее, а не новое, возразилъ Башмаковъ: «гетманъ Богданъ Хмельницкій ихъ содержалъ.»—«При Богданѣ Хмельницкомъ,» отвѣчалъ гетманъ: «непріятели такъ какъ теперь не наступали, да и наступать было нельзя, за обороною великаго государя сами непріятелей гоняли и малороссійскіе жители въ то время были во всякихъ покояхъ и зажиткахъ.» Пуще всего гетманъ съ старшинами изъ статей Богдана Хмельницкаго отговаривали вторую статью о сборѣ въ царскую казну денежныхъ доходовъ, да шестую о раздачѣ жалованья войска запорожскаго начальнымъ людямъ и козакамъ: «Пристойное ли это дѣло,» говорили они: «что у сбору и раздачѣ быть войтамъ, бурмистрамъ, райцамъ, и съ кого теперь такіе многіе доходы сбирать и козакамъ раздавать; только это дѣло начать, и мнѣ, гетману, отъ козаковъ и мѣста не будетъ, всякій захочетъ жалованья, а собрать будетъ не съ кого.» Громче всѣхъ кричали судья войсковой Юрій Незамай, да стародубскій полковникъ Иванъ Плотникъ; чтобъ подкрѣпить себя передъ царскимъ посланцемъ, они наконецъ сказали: «Новыя переяславскія статьи принимали Заднѣпряне, а теперь они въ измѣнѣ.»—«На нѣжинской радѣ,» возражалъ Башмаковъ: «вы этихъ статей не оспаривали, подъ статьями приложены руки такихъ людей, которые теперь у государя въ подданствѣ вмѣстѣ съ вами, служатъ вѣрно и ни въ какой измѣнѣ не оказались; потомъ, вы хотите оставить именно тѣ статьи, которыя были присланы гетманомъ Богданомъ Хмельницкимъ и содержаны имъ до конца жизни, и потому оставить ихъ никакъ нельзя. Ты, Незамай, и ты, Плотникъ, говорите, что заднѣпровскіе жители

всѣ въ измѣнѣ: но этими словами вы и себя къ измѣнникамъ причисляете, потому что жены ваши, дѣти и родичи теперь за Днѣпромъ, а можно было вамъ до непріятельскаго прихода на эту сторону Днѣпра ихъ перевесть. Вы всѣ отговариваете вторую и шестую статью за скудостію и непріятельскимъ нашествіемъ: но тому не всегда быть. Если вы въ статьяхъ усмотрѣли что-нибудь ненадобное, то вы бы присылали бить челомъ объ этомъ великому государю, а самимъ бы вамъ его государской воли не отговаривать; помните ли, что Павелъ апостолъ написалъ: рабы владыкамъ во всемъ да повинуются.»

Гетманъ и старшина уступили, приняли всѣ статьи и подписали 19 ноября, обѣщая бить челомъ о тѣхъ статьяхъ, которыхъ по настоящему времени содержать нельзя. Башмаковъ объявилъ, что государь жалуетъ войску имѣніе Самка и его совѣтниковъ; гетманъ и старшина били челомъ до лица земли, но приговорили съ войскомъ, чтобъ все это имѣніе, по стародавнему обычаю, отдать вдовамъ и сиротамъ казненныхъ, потому что за одну вину дважды не караютъ. Башмаковъ потребовалъ, чтобъ во всѣ малороссійскіе города послать универсалы подъ войсковымъ жестокимъ караньемъ, велѣть всѣхъ прежнихъ и нынѣшнихъ перебѣжчиковъ сыскать и отправить на прежнія мѣста жительства и учинить впредь заказъ крѣпкій подъ смертною казнію—московскаго государства служилыхъ и всякихъ чиновъ людей, боярскихъ холопей и крестьянъ въ малороссійскіе города не принимать, чтобъ отъ этого государевой службѣ и податямъ порухи, а помѣщикамъ и вотчинникамъ напраснаго разоренья и убытковъ не было. Гетманъ отвѣчалъ, что теперь этого сдѣлать нельзя, ибо жители здѣшней стороны Днѣпра, услыша о такомъ договорѣ, могутъ передаться королю; а какъ война минуетъ, тогда царское требованіе исполнить будетъ можно. Башмаковъ говорилъ: Козельскіе и Остренскіе жители, скупая хлѣбъ въ Глуховѣ и другихъ мѣстахъ, отпускаютъ за Днѣпръ безъ вѣдома гетмана и старшинъ, этимъ поднимаютъ цѣны на хлѣбъ здѣсь и помогаютъ Заднѣпровскимъ измѣнникамъ и Татарамъ: такъ надобно запретить продавать хлѣбъ за Днѣпръ, кромѣ Кіева. Если же запретить этого нельзя для удабриванія Заднѣпровскихъ жителей, чтобъ они склонялись подъ царскую руку, то позволять имъ покупать хлѣба указное число съ гетманскаго и старшинъ вѣдома, и они станутъ считать это

себѣ за великое благодѣяніе, и другъ другу начнутъ выставлять вашу доброту и переселяться на здѣшнюю сторону отъ тамошняго разоренья. Гетманъ съ старшинами отвѣчали, что по этому предмету уже давно выданы крѣпкіе универсалы и еще будутъ выданы.

Потомъ Башмаковъ указалъ гетману на безпорядки, господствующіе въ Малороссіи: «Не только козаки не переписаны, но и мѣщане и поселяне, ихъ земли, мельницы и угодья, не переписаны *ранды* и *коморы* для поборовъ, оброковъ ни на что не положено; ты, гетманъ и вы, старшина, не знаете, сколько теперь въ войскѣ козаковъ, и что̀ имъ доведется дать жалованья въ годъ, сколько съ мѣщанъ и съ угодій ихъ какихъ поборовъ въ годъ собрать можно? козаки безъ переписи на службѣ бываютъ не всѣ, ѣздятъ по своей волѣ и изъ полковъ отъѣзжаютъ безъ вашего отпуска.» Гетманъ и старшина отвѣчали, что теперь, когда непріятель надъ головами, реестра писать и казны собирать нельзя, а какъ военная пора минется, тогда будетъ можно. Наконецъ Башмаковъ потребовалъ, чтобъ Малороссіянамъ запрещено было ѣздить въ Великороссію съ заповѣдными товарами, съ виномъ и табакомъ; гетманъ обѣщалъ разослать универсалы съ угрозою, что если кто изъ Малороссіянъ будетъ пойманъ въ Великороссійскихъ городахъ съ виномъ и табакомъ, у тѣхъ вино и табакъ будутъ отбираться на царское величество безденежно. Наконецъ гетманъ обѣщалъ давать на прокормленіе московскимъ ратнымъ людямъ, которые будутъ въ Малороссіи для ея защиты: воеводамъ по мельницѣ съ двумя колесами мучными, головамъ и полковникамъ по 50 осмачекъ, подполковникамъ и майорамъ по 25, ротмистрамъ и капитанамъ по 20, поручикамъ, прапорщикамъ и сотникамъ по 10, рейтарамъ, драгунамъ, солдатамъ и стрѣльцамъ по 4 осмачки ржаной муки на годъ [47].

Толкуя съ царскимъ дьякомъ, гетманъ постоянно напоминалъ, что непріятель надъ головами, и наконецъ гроза разразилась: король перешелъ на восточную сторону. Чтобъ привлечь къ себѣ Малороссіянъ, онъ выкупалъ у Татаръ русскихъ плѣнниковъ и отпускалъ ихъ по домамъ; ратнымъ людямъ запрещено было брать что-либо силою у жителей и три шляхтича были повѣшены за нарушеніе этого предписанія. Надобно было употреблять нравственныя средства, ибо матеріальныхъ было у короля очень не-

достаточно: для завоеванія страны при самомъ Янѣ Казимирѣ находилось только три полка конныхъ, въ нихъ 25 хоругвей, подъ хоругвію человѣкъ по 50 и по 60; пѣхоты при королѣ было только 300 человѣкъ; у гетмана Потоцкаго три полка конныхъ козацкихъ, пѣхоты 4000 человѣкъ да двѣ роты гусаръ; у Чарнецкаго три хоругви гусаръ, три полка козацкихъ, въ которыхъ 36 хоругвей, подъ хоругвію человѣкъ по 60 и по 80, да 400 драгунъ; у Пѣсочинскаго 9 ротъ Нѣмцевъ, 150 солдатъ (жалдаковъ), три полка Поляковъ, въ которыхъ 800 человѣкъ. Союзныхъ Татаръ было 5000.—14,000 Литовскаго войска, подъ начальствомъ Сапѣги, Паца и Полубенскаго, стояло въ Досуговѣ. Король надѣялся, что одного появленія его достаточно, чтобъ вырвать восточную сторону изъ рукъ царя, и сначала дѣйствительно успѣхъ порадовалъ его: тринадцать городовъ отворили ворота Полякамъ; но потомъ дѣла приняли другой оборотъ: надобно было останавливаться подъ городами, тратить время и людей. Лохвица не сдавалась и была взята только жестокимъ приступомъ, на которомъ осаждающіе потеряли много народу. Не сдался и Гадячь: къ нему подошелъ Тетеря съ Ляхами и козаками, изготовилъ уже *приступные вымыслы*, но отошелъ прочь, услыхалъ о движеніи Калмыковъ и князя Григорія Ромодановскаго. Самъ король потерпѣлъ неудачу подъ Глуховымъ и долженъ былъ вывести за Десну свое голодное войско: только оплошность царскаго воеводы, князя Якова Куденетовича Черкасскаго, спасла Поляковъ отъ совершеннаго истребленія [48].

Прошла и третья туча. Неуспѣхъ Яна Казимира поддержалъ спокойствіе въ Запорожьѣ. Сѣрко и Касоговъ остались цѣлы и невредимы и не сидѣли праздно въ Сѣчи: 6 декабря вмѣстѣ съ Калмыками отправились они опять подъ Перекопь, чтобъ мѣшать хану идти на помощь къ королю и взять языковъ. Они спокойно жгли татарскія села въ *кутахъ* надъ Чернымъ моремъ, отгромили русскаго и черкасскаго полона больше ста человѣкъ, какъ 11 декабря напали на нихъ татарскія толпы изъ Перекопи; Русскіе и Калмыки, отбиваясь, отступали двѣ мили къ рѣкѣ Колончаку, здѣсь устроили кошъ, учинили бой, Перекопскую орду побили и рубили Татаръ до самой Перекопи, живыхъ брать въ плѣнъ Калмыки не дали, въ рукахъ кололи. Эти подвиги по прежнему совершались съ самыми незначительными силами: съ Сѣркомъ было 90

человѣкъ Черкасъ, съ Касоговымъ 30 человѣкъ Донскихъ козаковъ да 60 Калмыковъ, а Татаръ, если вѣрить Касогову, было человѣкъ съ тысячу. Въ генварѣ 1664 года Сѣрко отправился за двѣ рѣки, за Бугъ и за Днѣпръ, гдѣ, напавши на Турецкія села повыше Тягина, многихъ бусурманъ побилъ и добычу великую взялъ; изъ-подъ Тягина пошелъ на Черкасскіе города, лежащіе по Бугу; жители этихъ городовъ, какъ только заслышали о приходѣ Сѣрка, такъ тотчасъ же начали Ляховъ и Жидовъ сѣчь и рубить: Браславскій полкъ и Калницкій, Могилевъ (на Днѣстрѣ), Рашковъ, Уманскій повѣтъ поддались московскому царю. Вслѣдствіе этихъ успѣховъ Москвы на западной сторонѣ Днѣпра составился планъ—вытѣснить Поляковъ отовсюду и провозгласить господство царя; начальниками движенія были митрополитъ Іосифъ Тукальскій, преемникъ Діонисія Балабана въ королевской сторонѣ, и Кіевскій воевода, бывшій гетманъ, котораго въ Москвѣ не иначе называли какъ измѣнникомъ, Иванъ Астаѳьевичъ Выговскій. Еще въ 1662 году освободившійся изъ польскаго плѣна князь Козловскій объявилъ: «Въ Вильнѣ намѣстникъ Духова монастыря Дороѳеевичъ говорилъ мнѣ: пріѣхалъ въ Духовъ монастырь архимандритъ Бутовичъ, духовный отецъ Выговскому; великому государю надобно бы его пожаловать соболями, а онъ говоритъ, что надѣется Выговскаго и Заднѣпровскихъ козаковъ уговорить поддаться попрежнему государю.» Неизвѣстно, воспользовались ли въ Москвѣ этимъ объявленіемъ и завязали ли сношенія съ Выговскимъ посредствомъ Бутовича, только въ началѣ 1664 года Выговскій вошелъ въ сношенія съ полковникомъ Сулимою, который долженъ былъ поднимать возстаніе во имя царя и Выговскаго, истреблять польскихъ старостъ, отнимать имѣнія у шляхты. Но польскій полковникъ Маховскій предупредилъ замыселъ, захватилъ Выговскаго и, послѣ военнаго суда, разстрѣлялъ его какъ уличеннаго измѣнника; а Брюховецкій въ универсалѣ своемъ отъ 23 марта провозгласилъ, что Выговскій погибъ за вѣру христіанскую. Іосифъ Тукальскій былъ заточенъ въ Маріенбургъ вмѣстѣ съ монахомъ Гедеономъ Хмельницкимъ. Несмотря на неудачу этого предпріятія, Поляки должны были теперь уже защищать западную сторону Днѣпра отъ царскихъ войскъ: 4 апрѣля въ Крыловѣ сошлись съ Сѣркомъ Касоговъ съ своею маленькою дружиною и остальные Запорожцы съ наказнымъ ко-

шевымъ, Сацкомъ Туровцомъ. Касоговъ доносилъ, что заднѣпровскіе полки, чернь вся съ радостію поддались подъ государеву руку, Ляховъ и Тетериныхъ единомышленниковъ побили. Но не поддавался Чигиринъ и призвалъ къ себѣ Чарнецкаго, который съ 2000 конницы 7 апрѣля напалъ на Сѣрка и Касогова подъ Бужинымъ; послѣ жестокаго боя Русскіе, по словамъ Касогова, пришли къ Бужину въ цѣлости, а Поляковъ побили много. Чарнецкій осадилъ ихъ въ Бужинѣ: они отбивались отъ него день и ночь съ 7 по 13 апрѣля и отбились. Чарнецкій отступилъ; Сѣрко и Касоговъ воспользовались этимъ и перешли въ Смѣлую, но здѣсь были снова осаждены Чарнецкимъ и Тетерею, и снова отсидѣлись безъ урона для себя. Освободившись въ другой разъ отъ осады, Сѣрко и Касоговъ отправились на восточную сторону Днѣпра, гдѣ соединились съ новымъ отрядомъ московскихъ ратныхъ людей и съ Калмыками. Тетеря писалъ къ канцлеру Пражмовскому, что только миръ съ Москвою можетъ успокоить Украйну; онъ предлагалъ также, опираясь на мнѣніе Чарнецкаго и всей старшины козацкой, что самымъ лучшимъ средствомъ для предупрежденія бунтовъ козацкихъ будетъ отдѣленіе нѣсколькихъ староствъ, гдѣ бы козаки жили подъ управленіемъ своихъ гетмановъ, не зная староствъ и подстаростъ; этимъ уничтожатся всѣ непріязненныя столкновенія козаковъ съ республикою. Тетеря опять указывалъ на страшную опасность со стороны Татаръ, явно стремящихся оторвать Украйну отъ Польши: и на этомъ основаніи Тетеря считалъ миръ съ Москвою необходимымъ, въ противномъ случаѣ просилъ короля уволить его отъ гетманской должности [48].

Между тѣмъ Брюховецкій съ московскимъ воеводою Петромъ Скуратовымъ стояли обозомъ подъ Каневымъ. 21 мая напали на ихъ обозъ Поляки и Татары, и, побившись, отошли прочь. Въ тотъ же день Брюховецкій и Скуратовъ вошли въ Каневъ, а на другой день, 22 числа, явился подъ городомъ самъ Чарнецкій съ хорунжимъ коронным Собѣскимъ, съ полковникомъ Маховскимъ, Тетерею и Татарами; бой подъ Каневымъ продолжался съ утра до вечера; непріятель отступилъ и сталъ съ версту отъ города. Шесть дней было спокойно, на седьмой, 29 числа, Чарнецкій, отпустивъ свои обозы ко Ржищеву, самъ двинулся опять подъ городъ и всѣми своими силами ударилъ на гетманскую пѣхоту,

та дрогнула и опрокинулась на московскій солдатскій полкъ Юрья Пальта: солдаты выдержали натискъ; того же дня Чарнецкій пошелъ изъ-подъ Канева и, отошедши десять верстъ, сталъ на Днѣпрѣ выше Канева, а 2 іюня пошелъ отъ Днѣпра къ Корсуни, отправивъ подъ Каневъ небольшой отрядъ конницы, чтобъ помѣшать русскимъ преслѣдовать его по дорогѣ. Отъ Корсуня Чарнецкій отступилъ за Бѣлую Церковь подъ мѣстечко Ставищи, приступалъ къ нему жестокими приступами, но не могъ ничего сдѣлать, потерялъ, какъ доносили въ Москву, 3000 человѣкъ и самъ былъ раненъ. Чарнецкій остался подъ Ставищами, а Тетеря съ половиною Татаръ пошелъ къ Умани и къ Днѣстру, чтобъ жителямъ Уманскаго и Браславскаго полковъ, поддавшимся московскому государю, не дать убрать хлѣба съ полей, и попытаться, нельзя ли опять склонить ихъ въ королевскую сторону; на прелестныхъ письмахъ его нарисованъ былъ крестъ и образъ Богородицы: этимъ крестомъ и образомъ онъ клялся, что не будетъ никому мстить, и обѣщалъ, что Ляхи не будутъ начальствовать надъ Малороссіянами.

Татары приносили Полякамъ большую пользу тѣмъ, что, перебѣгая загонами изъ одного мѣста въ другое, не давали царскимъ войскамъ возможности сосредоточиваться и дѣйствовать наступательно значительными силами. Царь писалъ Сѣрку, чтобъ соединился съ гетманомъ Брюховецкимъ; Сѣрко отвѣчалъ, что Ляхи и Татары ежедневно около ихъ Украинскихъ городовъ докучаютъ, и онъ пойдетъ не прежде къ гетману, какъ непріятель отступитъ. Сѣрко стоялъ въ Торговицѣ; Брюховецкій не двигался изъ Канева и велѣлъ Касогову, вмѣстѣ съ нѣсколькими козацкими полковниками, учинить промыслъ надъ Корсунемъ. 1 августа, за пять верстъ отъ Корсуня, Поляки напали на Касогова и поразили его; Русскіе потеряли убитыми одиннадцать человѣкъ рейтаръ и солдатъ, тридцать человѣкъ Черкасъ; кромѣ того многіе ратные люди, прибѣжавъ къ болоту, коней потопили и оружіе пометали; Касоговъ жаловался государю: «Иные рейтары, солдаты, Донскіе козаки и Черкасы передъ походомъ и изъ похода, не дождавшись боя, побѣжали домой; бѣда случилась отъ малолюдства: въ походѣ со мною было рейтаръ 85 человѣкъ, солдатъ 120, козаковъ разныхъ городовъ 470, Черкасъ съ 500 человѣкъ конныхъ да 1000 пѣшихъ; но этой пѣхотѣ Ляхи не дали со мною соеди-

ниться; въ моемъ полку самихъ козаковъ немного, все наймиты, овчары да изъ винницъ работники, и малыхъ ребятъ много, а сами козаки живутъ по домамъ своимъ.» О состояніи тогдашняго войска и причинахъ медленности и неуспѣховъ его всего лучше можетъ дать понятіе письмо Касогова изъ Канева: «Твоихъ великаго государя ратныхъ людей со мною до 18 сентября оставалось рейтаръ 68 человѣкъ, солдатъ 159, а съ 18 сентября въ ночь бѣжало солдатъ 18 человѣкъ, 19 числа сбѣжало рейтаръ 24 человѣка; у оставшихся со мною запасовъ нѣтъ; въ Каневѣ твоихъ ратныхъ людей очень мало, а непріятели приходятъ безпрестанно; изъ городовъ воеводы бѣглыхъ на службу не высылаютъ, и на то смотря, и остальные разбѣгутся.» Московскіе ратные люди били челомъ государю, что у гетмана въ Малороссійскихъ городахъ хлѣбныхъ запасовъ въ сборѣ много, а имъ даютъ мало, голодны они и безодежны. Царь писалъ Брюховецкому, чтобъ онъ службу свою и радѣнье показалъ, кормилъ и одѣвалъ ратныхъ людей, также чтобы и Калмыковъ довольствовалъ живностію и конскими кормами. «Я, вѣрный вашего пресвѣтлаго царскаго величества холопъ» отвѣчалъ Брюховецкій: «весь запасъ, который съ недожженныхъ непріятелемъ мельницъ доходитъ, не на свой пожитокъ обращаю или продаю; начиная съ весны, мало не каждый мѣсяцъ запасы вашимъ ратнымъ людямъ раздавали, въ Каневѣ, Переяславлѣ, въ Запорожьѣ, въ Кодакѣ; вашего царскаго величества ратные люди, забравши жалованье и хлѣбные запасы, продаютъ ихъ, и потомъ бѣгутъ съ службы домой, по дорогамъ людей грабятъ и побиваютъ, а пришедши домой, скудостію и нуждою вины свои покрываютъ, и меня, вѣрнаго холопа, предъ престоломъ вашимъ напрасно оглашаютъ. А объ одеждѣ что мнѣ сказать? никакого денежнаго прихода съ Украйны ни откуда къ моимъ рукамъ не доходитъ, и потому въ умъ свой не могу вмѣстить, откуда одежду ратнымъ людямъ промыслить. На это нужна денежная казна, а съ міру и съ уѣздныхъ людей податей собирать нельзя, потому что на этой сторонѣ Днѣпра, сквозь Украйну, остававшуюся при вашемъ царскомъ величествѣ, неоднократно мечъ непріятельскій прошелъ, а этотъ мечъ не обогащаетъ, а разоряетъ міръ, за достоинство вашего царскаго величества страждущій; не только непріятельскія, но и собранныя противъ непріятеля войска впродолженіе всѣхъ этихъ лѣтъ людей разо-

рили. На Украйнѣ было обыкновеніе послѣ войны разореннымъ людямъ вольности на нѣсколько лѣтъ давать, и потому я этой вашего царскаго величества грамоты передъ войскомъ, передъ всѣмъ міромъ до сихъ поръ не объявлялъ, боясь смятенія, боясь того, чтобъ на восточной сторонѣ Днѣпра не усумнились, а на западной не обратились къ непріятелямъ, испугавшись тягостей. А для Калмыковъ стація собрана и готова, только бъ приходили поскорѣе.»

Несмотря на побѣги ратныхъ людей и скудость оставшихся, Касоговъ 21 октября отправился къ Умани, чтобъ уберечь ее отъ Чарнецкаго. Чарнецкій и Тетеря переняли его въ Мѣдвинѣ и держали въ осадѣ четыре недѣли: бои и приступы были жестокіе, по словамъ Касогова. Поляковъ и Нѣмцевъ побито и живыхъ взято много, а изъ московскихъ людей убитъ былъ только одинъ человѣкъ; Чарнецкій отступилъ отъ Мѣдвина, Касоговъ отправился назадъ въ Каневъ, но надорогѣ, декабря 12, подъ Староборьемъ, выдержалъ новый бой съ Поляками и съ Корсунскими Черкасами, и опять вышелъ побѣдителемъ.

Другаго войска, кромѣ Касоговскаго отряда, Москва не могла выслать на западную сторону Днѣпра. Но изъ Малороссіи по прежнему приходили безпрестанныя просьбы о присылкѣ новыхъ войскъ. Въ Москву доносили, что по черкасскимъ городамъ во всѣхъ людяхъ возмущеніе великое и страхъ предъ непріятелемъ, при видѣ какъ мало московскихъ ратныхъ людей. Приверженные къ царю Малороссіяне приходили въ отчаяніе, говорили: «видно наши города государю не надобны»; особенно поднялся сильный ропотъ, когда пришла вѣсть, что боярину Петру Васильевичу Шереметеву велѣно остановиться въ Сѣвскѣ и не ходить въ Малороссію; на гетмана Брюховецкаго никто не надѣялся, ни во что его ставили, говорили явно: что же дѣлать, по нуждѣ придется измѣнить государю, и поддаться Ляхамъ, если нѣтъ изъ Москвы помощи. Раздоръ между Брюховецкимъ и Меѳодіемъ разгорался. Меѳодій, прежде съ такимъ жаромъ выставлявшій вѣрность Брюховецкаго, теперь толковалъ: «Чтобъ великій государь не во всемъ на гетмана полагался, ни въ чемъ меня гетманъ не слушаетъ; прежде всего надобно укрѣплять города государевыми ратными людьми: тогда гетманъ по неволѣ будетъ государя бояться и служить ему вѣрно.» Меѳодій указывалъ на возможность пере-

мѣнить Брюховецкаго и выбрать гетмана обѣими сторонами Днѣпра; по его словамъ, Тетеря присылалъ къ нему монаха съ предложеніемъ: если государь его проститъ, то онъ обѣщается служить вѣрно и помирить съ крымскимъ ханомъ, и когда этотъ миръ состоится, то войску запорожскому дать раду, чтобъ козаки выбрали въ гетманы кого захотятъ [50].

Въ генварѣ 1665 года явились въ Москву посланцы Брюховецкаго, объявить великому государю «кровавое и неусыпное радѣніе и трудъ правый отчины его малороссійской, которая есть преддверіе Великой Россіи; если государь потеряетъ ее, не приславши на Украйну ратныхъ людей, тогда неизбытная въ россійской землѣ война будетъ. Ведя кровавую войну лѣто, осень и зиму, города помощи дождаться не могутъ. Я успокоиваю ихъ универсалами, то говорю, что коммиссія лукавая ляцкая удерживала все лѣто; теперь послѣ коммиссіи моровымъ повѣтріемъ отговариваемся, а послѣ мору, который прекратился, уже не знаю, что̀ буду говорить? А Тетеря и Ляхи присылаютъ въ города, чтобъ не надѣялись на помощь царскую. Обѣщали намъ изъ Сѣвска прислать боярина съ войскомъ—и вмѣсто боярина только 400 человѣкъ съ дворяниномъ Протасьевымъ пришло, да и тѣ всѣ разбѣжались. Обѣщали что придетъ стольникъ князь Семенъ Ивановичь Львовъ изъ Бѣлгорода: но тотъ, пришедши въ Ахтырку, ратныхъ людей по домамъ распустилъ, и теперь стряпчему Тухачевскому и думному дворянину Якову Тимоѳеевичу Хитрово въ Каневъ некого привести, а пока войско будетъ сбираться, Чарнецкій, отдохнувъ, опять станетъ докучать городамъ этой стороны, страхомъ и прельщеніями колебать, и города, не дождавшись помощи, пожалуй передадутся Ляхамъ; и въ Каневѣ нельзя весновать, потому что непріятель по ту сторону Днѣпра переправится. Слезно просимъ, чтобъ войско изъ Ахтырки, Бѣлгорода и Сѣвска нынѣшнею зимою въ Каневъ шло, чтобъ мнѣ въ Каневѣ весновать, потому что пока обо мнѣ въ Каневѣ слышно, до тѣхъ поръ и держатся, а мнѣ, при такомъ малолюдствѣ, не слыша о приближающейся помощи, опасно весновать.»

Мы уже видѣли въ Малороссіи раздвоеніе между козачествомъ и городами; города, чтобъ избавиться отъ козацкаго правительства, просили прислать къ нимъ воеводъ; козацкій гетманъ, съ своей стороны, внушаетъ царю, какъ вредны привилегіи город-

скія. «Отъ этихъ привилегій» велитъ онъ объявить въ Москвѣ своимъ посланцамъ: «отъ этихъ привилегій двоедушіе въ мѣщанахъ происходитъ: мѣщане надѣются на ляцкое панство, которое надъ Русью не имѣетъ никакого права; своего дѣдичнаго монарха Русь имѣла, и какъ чрезъ лживую помощь, князьямъ русскимъ поданную, Ляхи Малою Россіею овладѣли, такъ теперь мечемъ изъ ляцкой неволи Русь выбилась и природному монарху своему поддалась и добила челомъ. Не надобно мѣщанамъ держать запасной души, которая въ привилегіяхъ заключается. Въ новыхъ привилегіяхъ королевскихъ, данныхъ мѣщанамъ, находится досада великая его царскому величеству, потому что король называетъ его свѣта не пастыремъ, а наемникомъ; да и въ старыхъ привилегіяхъ почти во всѣхъ укоризна: во Владиславовыхъ король обраннымъ царемъ московскимъ написался; какъ можно терпѣть такія досадныя привилегіи въ городахъ, находящихся подъ высокою рукою царскаго величества? Король польскій, унижая царскій престолъ, грамоты царскія въ городахъ отбиралъ, и хотя всѣ мѣщане по городамъ привилегіи королевскія отдавали безъ сопротивленія, однако одни Кіевляне, затаивши въ сердцахъ своихъ какую-т отайную измѣну, подольстились къ воеводѣ Чаадаеву, который за нихъ въ этомъ дѣлѣ заступается и говоритъ, будто эти привилегіи на Москвѣ въ приказѣ есть. Христіане бѣднѣйшіе, въ городахъ и селахъ живущіе, одну лошадь и мало что пожитку послѣ непріятельскаго прихода имѣя, на всѣхъ бѣдахъ живутъ и отъ частыхъ подводъ къ послѣдней нищетѣ приходятъ, а купцы и мѣщане богатые, за посулами, ни о какихъ докукахъ и подводахъ не знаютъ, за слезнымъ убогихъ христіанъ подводъ отбываніемъ прохлаждаются. Видя это, я было постановилъ, чтобъ всѣхъ купцовъ и мѣщанъ богатыхъ въ росписи писать и на нихъ подати наложить для подводъ; но воевода Чаадаевъ, предваренный мѣщанами, воспротивился этой переписи. Козаки кладутъ свои головы за достоинство царскаго величества, а мѣщане потѣшаются привилегіями, заключающими въ себѣ досаду престолу государеву. Зимою мѣщане, въ надеждѣ на привилегіи, не мало городовъ сдали и козаковъ непріятелямъ выдали. Кіевляне принимаютъ въ Кіевъ и отпускаютъ изъ Кіева польскихъ купцовъ: для чего же подъѣзды и посылки для захваченія языковъ, когда вольно купца въ непріятельскую землю отпускать?»

Въ грамотѣ своей Иванъ Мартыновичъ, убѣгая мзды и вины лѣниваго дѣлателя, передъ пресвѣтлымъ престоломъ объявлялъ, что три полковника—черниговскій, наказной кіевскій и овруцкій, разбили въ Полѣсьѣ 11 знаменъ польскихъ; Запорожское войско низовое приурочищѣ Носаковскомъ разбило Турецкія суда, высланныя противъ Сѣчи; 2 декабря подъ Чеховкою разбиты были измѣнники козаки съ Ляхами и Нѣмцами: «еслибы при помощи Божіей да при вашего царскаго величества молитвахъ, еще намъ, вѣрнымъ холопамъ, присланы были ратные люди изъ Сѣвска и Бѣлгорода, то какой бы побѣды можно было надѣяться? Чарнецкій давно бы ушелъ въ Польшу, не посмѣлъ здѣсь зимовать. Вмѣсто того и тѣхъ московскихъ ратныхъ людей, которые при полкахъ черниговскомъ, кіевскомъ и овруцкомъ въ Полѣсье посланы были, князь Игнатій Григорьевичъ Волконскій, безъ моего совѣта, изъ Полѣсья отозвалъ; воевода Михаила Михайловичъ Димитріевъ указа вашего не исполнилъ, людей къ Чернигову, въ то время какъ черниговскіе ратные люди въ Полѣсьѣ были, для обороны на время дать не хотѣлъ. Я, вѣрный вашего царскаго величества холопъ, пребываю въ Каневѣ въ великомъ малолюдствѣ, ибо войско козацкое, на слезное разныхъ городовъ прошенье, разослалъ по городамъ. Передъ пресвѣтлымъ вашего царскаго величества престоломъ со всѣмъ міромъ христіанскимъ припадаю, слезно прошу: умилосердитесь, великій государь, надъ народомъ христіанскимъ, извольте ратными людьми изъ Сѣвска и изъ Бѣлгорода оборонить церкви Божіи и вѣрныхъ православныхъ христіанъ отъ жестокой Ляцкой и бусурманской руки. Прошу и молю, извольте воеводѣ Чаадаеву приказать, чтобъ онъ мѣщанамъ кіевскимъ не потакалъ, ибо что я, вѣрный вашъ холопъ, наставъ совершеннымъ гетманомъ, дѣлаю, то все дѣлаю на пользу и на похвалу вашему царскому величеству.» Гетманъ забылъ, что у горожанъ были привилегіи, подтвержденныя царемъ, нарушенія которыхъ московскій воевода никакъ не могъ позволить на томъ только основаніи, что гетманъ все дѣлалъ на пользу и на похвалу царскому величеству; трудно было доказать, чтобъ произвольное со стороны гетмана *ломаніе* правъ служило къ чьей-либо пользѣ и похвалѣ.

Въ то время, какъ происходили эти пересылки и жалобы, мелкія военныя дѣйствія не прекращались. Полковникъ браславскій

Иванъ Сербинъ вѣрною службою царю заглаживалъ прежнюю свою дружбу съ Выговскимъ: вышедши изъ Умани, онъ отнялъ у Поляковъ три города: Бабаны, Косеновки и Кислякъ, перерѣзавши всѣхъ бывшихъ тамъ Ляховъ. Поляки, пылая мщеніемъ, явились вслѣдъ за нимъ подъ Умань, но Сербинъ, сдѣлавши вылазку, положилъ 120 человѣкъ на мѣстѣ, а другихъ живыхъ какъ овецъ въ городъ загналъ. Изъ тѣхъ городовъ, которые еще были за Поляками, изъ Корсуня, Черкасъ и Бѣлой Церкви, жители перебѣгали на восточную московскую сторону Днѣпра по нѣскольку десятковъ селеній, «нестерпимаго ради гоненія ляцкаго.» Извѣстія свои объ этихъ событіяхъ Брюховецкій оканчивалъ обычнымъ припѣвомъ о высылкѣ московскихъ войскъ въ Украйну. Но если гетманъ не переставалъ жаловаться на недостатокъ войска, то другіе не переставали жаловаться на него, что онъ моритъ присылаемое къ нему войско голодомъ. Одинъ изъ самыхъ близкихъ людей къ царю, оружейничій Богданъ Матвѣевичъ Хитрово, сказалъ пріѣзжавшему въ Москву кіевскому полковнику Василію Дворецкому: «Нельзя высылать къ вамъ войско: вы голодомъ морите ратныхъ людей на Украйнѣ, къ вамъ надобно малеваныхъ людей присылать, какъ въ сказкахъ сказываютъ.» Брюховецкій написалъ Хитрово отвѣтъ: «Еще ни одного ратнаго человѣка на службѣ государевой при мнѣ мертваго отъ голода не хоронили и не будутъ хоронить. Или то голодная смерть, что Василій Петровичъ Кикинъ 80 осмачекъ въ Переяславлѣ продалъ, ѣдучи въ Москву? Или то голодная смерть, что я въ Каневѣ тринадцать струговъ ратнымъ людямъ однимъ прошлымъ лѣтомъ роздалъ, не считая того, что роздано въ другихъ мѣстахъ? Вѣдь я хлѣба не раздаю на гроши для пожитку своего, какъ прежде при Самкѣ и при другихъ на продажу стругами въ непріятельскіе города отпускали; но что только можно получить хлѣба послѣ непріятельскихъ опустошеній, все, по моей вѣрной къ его царскому величеству службѣ, отпускаю на ратныхъ людей. Послѣ пожоги военной послѣдній кусокъ съ плачемъ вытаскивать трудно; послѣ войны людямъ свобода, а не подати, особенно въ настоящее военное время людей надобно утверждать добротою и оборонять отъ непріятелей. Изволь ваша милость, благодѣтель мой, вспомнить, что прежніе старшіе за деньги хлѣбъ ратнымъ людямъ давали, однако въ честь ихъ служба была; также по ихъ лукавому нерадѣнью ратные люди

часто претерпѣвали вредъ отъ непріятелей, и все же имъ войско на помощь присылали; а я хлѣбъ безпрестанно, зимою и лѣтомъ, по городамъ войску роздаю, въ войскѣ царскомъ, моимъ радѣніемъ, никакой утраты не было, великому государю и вашимъ милостямъ благодѣтелямъ моимъ услугами моими угодить старался и стараюсь, всѣ украйные россійскіе города, комарицкія и другія волости міромъ христіанскимъ, по моему старанію, наполнились и наполняются, стоя въ Каневѣ волостей великороссійскихъ на опустошеніе Ляхамъ и Татарамъ не даю, какъ прежде по нерадѣнію старшихъ бывало: однако въ огласкѣ пребываю, помощи не получаю и милостиваго слова за кровавые на войнѣ труды дослужиться не могу, посланцевъ моихъ, пріѣзжающихъ съ языками, знаменами и литаврами непріятельскими, на бою отбитыми, въ столицѣ и въ приказѣ не въ честь и неласково принимаютъ, такъ меня презираютъ, что и грамотъ моихъ нѣкоторыя особы въ руки брать не хотятъ и посланцевъ моихъ на очи къ себѣ не пускаютъ, а съ приказу по достоинству корму не даютъ; козаки, пріѣзжая назадъ, сильно оскорбляются, что больше чести и корму Грекамъ, чѣмъ козакамъ, за кровь, на бояхъ за достоинство царскаго величества разлитую, которой нѣтъ ничего дороже на свѣтѣ какъ богатому, такъ и убогому. Прежде войско московское хаживало къ Каменцу Подольскому и ко Львову, зимою въ землю непріятельскую, а хлѣба войсковаго ему и казны не давали; а теперь, хотя близко Днѣпра, Кіева и другихъ домашнихъ городовъ, въ Каневѣ пребываю, хотя казна дается и всякая выгода ратнымъ людямъ дѣлается, однако помощи допроситься не могу. Разсудите ваша милость своимъ высокимъ умомъ, что непріятель, овладѣвшій Украйною, пойдетъ въ Великую Россію; взявши силу, Ляхи и Татары не станутъ смотрѣть на коммиссію. Всякій господинъ не внутри дома, но на преддверіи непріятеля срѣтаетъ, и, всею силою къ дому его не пуская, предсѣніемъ боронится и крѣпится, а Украйна для Великой Россіи истиннымъ преддверіемъ и защитою служитъ, ибо въ эти годы король съ коронвымъ, литовскимъ и нѣмецкимъ войскомъ, Чарнецкій, три султана съ ордою, Тетеря съ измѣнниками на плечахъ козацкихъ двигались, и до Великой Россіи этимъ преддверіемъ, т. е. Украйною, непріятель не достигъ; сабли татарскія и ляцкія пали на головы козацкія вмѣсто великороссійскихъ, и опустошеніе, приготовленное для Великой Россіи,

на бѣдной Украйнѣ совершилось; а малеванныхъ людей на Ляховъ и Татаръ, черезъ Украйну въ Великую Россію стремящихся, не надобно; ибо вѣдь это не ровный сосѣдъ для своей корысти, но холопъ и рабъ у монарха своего, для охраненія отчизны царской, помощи проситъ. Ваша милость передъ тѣмъ же полковникомъ кіевскимъ назвалъ окольничаго князя Григорья Ромодановскаго; но объ немъ истинную правду, а не затѣйное дѣло къ великому государю писали: нельзя было свѣту своему не объявить объ его нерадѣніи; уже не говоря о многихъ его ссорахъ, общей пользѣ вредныхъ, одного нельзя было умолчать, что прошлою весною окольничій не хотѣлъ изъ Лохвицы къ Днѣпру идти, но домой къ Бѣлугороду поспѣшилъ; Чарнецкій уже уходилъ въ Польшу, но, услыхавъ объ его отходѣ, опять явился на Украйну, и что въ скоромъ времени безъ кровопролитія могло статься, т. е. соединеніе Украйны, то теперь и чрезъ долгое кровопролитіе совершиться не можетъ. Не знаю, къ кому мнѣ прибѣгать въ тѣснотѣ моей, если не къ нему свѣту, великому государю; передъ нимъ, какъ передъ Богомъ, никакихъ дѣлъ утаить мнѣ нельзя, потому что наша надежда въ скорбяхъ и прибѣжище по Богѣ, Богородицѣ и всѣхъ святыхъ онъ свѣтъ помазанникъ Божій; я не поставлю во гнѣвъ, когда предъ свѣтлымъ маестатомъ за проступку свою по правдѣ, а не по лукавству, оскорбленъ буду. Въ томъ же разговорѣ своемъ съ полковникомъ кіевскимъ ваша милость изволилъ вспомнить о пріѣздѣ моемъ въ Москву, что такимъ же образомъ Выговскій и Хмельницкій молодой обѣщались быть въ столицу и, не исполня своего обѣщанія, измѣнили: прошу покорно не равнять меня, слугу своего, съ Хмельницкимъ молодымъ и Выговскимъ, потому что извѣстно, какія ихъ добродѣйства къ Ляхамъ были до гетманства и при гетманствѣ: лядскихъ, татарскихъ, шведскихъ и турецкихъ пословъ безъ вѣдома государева принимали и отпускали, Ляховъ при себѣ держали и съ лядскими домами роднились; обо мнѣ же ваша милость такъ изволь разумѣть и вѣдать, что я считалъ бы себя на небѣ, еслибъ пресвѣтлыя очи великаго государя прежде гетманства и присяги сподобился увидѣть, да и впредь той же радости причастникомъ себя быти желаю. Какой же бы это былъ вѣрный рабъ, когда бы, видя стѣны господина своего огнемъ пылающія, во время бури, оставилъ и не обороняясь побѣжалъ, тогда какъ въ томъ домѣ сокровища много-

цѣнныя лежатъ. Разсуди, благодѣтель мой: развѣ Украйна не горитъ огнемъ, когда отъ Канева за двѣ мили или ближе непріятель? Еслибъ побольше было ратныхъ людей въ Каневѣ и въ Кіевѣ, то можно было бы мнѣ и въ Москву пріѣхать. Самъ изволишь слышать и знать непостоянство нашихъ людей украинскихъ, особенно во время этой войны: то былъ бы лютый врагъ, лукавый и недобрый рабъ, кто бы царскую отчину, огнемъ пылающую, при такомъ непостоянствѣ и неутвержденіи, уходомъ своимъ отдалъ въ снѣдь львамъ, окрестъ рыкающимъ. Что же касается до Сѣрка, то Богъ видитъ, что онъ отъ меня и отъ войска сытъ былъ; кромѣ другихъ знатныхъ даровъ, я далъ было ему мельницу и домъ съ засѣвками, также и брату его мельница дана была: не вѣдаю, чего еще отъ меня хотѣлъ, безчестья и обиды отъ меня никакой не имѣлъ.»

Гетманъ требовалъ уничтоженія городовыхъ привилегій; легко понять, какъ горожане любили такого гетмана: когда Брюховецкій отправилъ прилуцкаго полковника Горленка въ Кіевъ, то воевода Чаадаевъ не пустилъ его въ городъ; Горленко писалъ гетману: «Просили мы, чтобъ намъ хотя въ одномъ углу Кіева дали постоять на малый часъ на своихъ кормахъ: и того не позволили; едва въ Печерскомъ монастырѣ Чаадаевъ допустилъ меня къ себѣ на разговоръ, и разговоръ тутъ былъ какъ у волка съ овцою; но все это, какъ разумѣемъ, сталось отъ войта кіевскаго Михайлы Зосимовича, потому что цѣлый день отъ Чаадаева съ челобитьемъ не отходили.» Приславши въ Москву жалобу на Чаадаева, Брюховецкій вмѣстѣ прислалъ доносъ на кіевопечерскихъ монаховъ, что хотятъ сдать монастырь Ляхамъ. Боярину Петру Михайловичу Салтыкову, начальнику малороссійскаго приказа, Брюховецкій писалъ, что кіевскіе мѣщане живутъ съ непріятелями въ совѣтѣ, Ляховъ изъ тюрьмы выручаютъ.

Весною 1665 года военныя дѣйствія начались счастливо для русскихъ: Брюховецкій и Протасьевъ отправили изъ Канева лубенскаго полковника Григорья Гамалѣю, который 4 апрѣля вошелъ въ Корсунь; Поляки, обороняясь, сожгли городъ, и Гамалѣя привелъ въ Каневъ всѣхъ его жителей съ женами и дѣтьми. Давая знать объ этомъ государю, Брюховецкій писалъ: «Хотя мы съ воеводою Протасьевымъ, по малости силъ своихъ, и малый промыслъ надъ непріятелемъ чинить можемъ, однако праведныя

вашего царскаго величества молитвы подкрѣпляютъ нашу немощь, какъ молитва Моисеева пособляла Израилю.» Знаменитый Чарнецкій умеръ; преемникъ его Яблоновскій 21 мая подъ Бѣлою Церковію былъ разбитъ высланными изъ Канева Русскими и Калмыками. Съ извѣстіемъ объ этой побѣдѣ Брюховецкій послалъ въ Москву прилуцкаго полковника Горленка, которому въ информаціи или наказѣ между прочимъ было написано: «Гетманъ выходитъ въ поле для воинскаго промысла, а людей мало; измѣнники въ грамотахъ своихъ міръ прельщаютъ тѣмъ, что уже два года присылки ратныхъ людей изъ Москвы нѣтъ; которые есть, тѣ назадъ отступаютъ, изъ Канева людей все больше и больше уходитъ: помилуй Богъ какъ міръ шататься начнетъ; поэтому Христа ради проситъ о присылкѣ людей въ Каневъ, чтобъ таборъ былъ крѣпокъ въ полѣ. Проситъ о присылкѣ на митрополію кіевскую русскаго архіерея изъ Москвы, чтобъ чинъ духовный кіевскій къ лядскимъ митрополитамъ не шатался, чтобъ Русь Малая, услышавъ о присылкѣ на митрополію русскаго строителя, утверждалась и подъ высокою царскаго величества рукою укрѣплялась, духовный бы чинъ оставилъ двоедушіе, отъ непослушанія святѣйшимъ патріархомъ московскимъ не удалялся. Проситъ объ освобожденіи переяславскаго козака Рожки съ товарищами, посаженнаго въ тюрьму воеводою Чаадаевымъ въ противность уложенію войсковому стародавному, и за такое нарушеніе воинскаго устава проситъ указа на Чаадаева. Извѣстить о безчестіи прилуцкаго полка, которое нанесъ Чаадаевъ, не пустивши его въ Кіевъ; купцовъ львовскихъ и другихъ изъ Польши въ городъ пускали и выпускали, а вѣрныхъ людей государевыхъ, которые кровь свою проливаютъ, пустить не хотѣли. Бить челомъ, чтобъ отказывали попамъ, которые изъ малороссійскихъ городовъ безъ вѣдома гетманскаго и войсковаго въ Москву ѣздятъ и выпрашиваютъ себѣ маетности; войско на это сильно ропщетъ: козаки головы свои въ битвахъ съ непріятелемъ полагаютъ, а они попы имѣніемъ своимъ управить не могутъ, козакамъ въ помѣстьяхъ своихъ жить не позволяютъ и налоги имъ чинятъ.

Брюховецкій дѣйствительно выступилъ изъ Канева подъ Бѣлую Церковь; но, услыхавъ, что орда собирается въ Цыбульникѣ и хочетъ ударить на русскій лагерь, и что Опара отводитъ города отъ царской руки, отступилъ къ Кіеву подъ Мотовиловку; здѣш-

ніе жители добили челомъ великому государю и перебили стоявшихъ у нихъ польскихъ гайдуковъ. Слухи, встревожившіе гетмана подъ Бѣлою Церковію оказались ложными: орда не приходила, Яблоновскій и Тетеря ушли въ Польшу, польскіе гарнизоны оставались только въ Бѣлой Церкви, въ Чигиринѣ, въ Корсуни (въ маломъ городкѣ) и въ Умани, да Опара съ небольшимъ отрядомъ стоялъ подъ Корсунемъ. Брюховецкій, расположивши войска по Заднѣпровскимъ городамъ, перешелъ на восточную сторону, остановился въ Гадячѣ и отправилъ къ государю гонца съ извѣстіемъ, что ѣдетъ въ столицу видѣть его пресвѣтлыя очи [51].

ГЛАВА III.

Продолженіе царствованія Алексѣя Михайловича.

Пріѣздъ гетмана Брюховецкаго въ Москву.—Представленныя имъ статьи.—Гетманъ пожалованъ въ бояре, старшина въ дворяне.—Новый бояринъ сватается на московской боярышнѣ. — Усобица между Малороссіянами въ Москвѣ. — Дурныя вѣсти изъ Малороссіи. — Дорошенко—преемникъ Тетери. — Онъ губитъ Опару и дѣйствуетъ противъ полковниковъ, преданныхъ Москвѣ.—Отчаянное письмо епископа Меѳодія.—Возвращеніе Брюховецкаго въ Малороссію.—Неудовольствіе духовенства по вопросу о митрополичьемъ избраніи. — Союзъ духовенства съ мѣщанами противъ гетмана и козаковъ. — Смута въ Переяславлѣ и Запорожьѣ.—Поѣздка дьяка Фролова въ Малороссію.—Неудовольствіе козаковъ противъ гетмана-боярина.—Жалобы воеводы Шереметева на корыстолюбіе Брюховецкаго.—Сильное ожесточеніе духовенства противъ гетмана.—Безкорыстіе кіевскаго воеводы Шереметева.—Возмущеніе переяславскихъ козаковъ. — Брюховецкій совѣтуетъ крутыя мѣры. — Волненія въ Запорожьѣ.—Сношенія Москвы съ Польшею.—Записка Ордина-Нащокина о Польскомъ союзѣ и замѣчанія на нее царя.—Съѣзды въ Дуровичахъ. — Неуступчивость Поляковъ и прекращеніе съѣздовъ. — Возмущеніе Любомирскаго заставляетъ Поляковъ возобновить переговоры. — Андрусовскіе съѣзды. — Перемиріе. — Причина уступчивости Поляковъ относительно Кіева.—Условія Андрусовскаго перемирія.—Польское посольство въ Москвѣ.—Переговоры объ изгнанной изъ Украйны шляхтѣ и о союзѣ противъ Турокъ и Крымцевъ.—Значеніе Андрусовскаго перемирія.—Общій взглядъ на состояніе Малороссіи.

11-го сентября 1665 года подъѣзжалъ къ Москвѣ небывалый гость, гетманъ Запорожскій съ старшиною. На перестрѣлъ отъ землянаго города встрѣтили его ясельничій Желябужскій и дьякъ Богдановъ; Брюховецкій сошелъ съ лошади и, выслушавъ спросъ о здоровьѣ, дважды поклонился въ землю; ему подвели царскую лошадь, сѣрую, нѣмецкую, въ серебряномъ вызолоченомъ нарядѣ

съ изумрудами и бирюзою, чепракъ турецкій, шитъ золотомъ золоченымъ по серебряной землѣ, сѣдло—бархатъ золотный; Иванъ Мартыновичъ сѣлъ на лошадь и въѣхалъ въ Серпуховскія ворота, имѣя Желябужскаго по правую и Богданова по лѣвую руку; его поставили на посольскомъ дворѣ. Съ гетманомъ пріѣхали: переяславскій протопопъ Григорій Бутовичъ, гетманскій духовникъ монахъ Гедеонъ, гетманскаго куреня атаманъ Кузьма Филиповъ, обозный генеральный Иванъ Цесаревскій, судья генеральный Петръ Забѣла, два писаря генеральныхъ — Степанъ Гречанинъ и Захаръ Шикѣевъ, пять канцелярскихъ писарей, писарскаго куреня атаманъ, два генеральныхъ есаула—Василій Ѳедяенко и Павелъ Константиновъ, переяславскій посланецъ Андрей Романенко, посланцы разныхъ полковъ, нѣжинскій полковникъ Матвѣй Винтовка, лубенскій Григорій Гамалѣя, кіевскій Василій Дворецкій, всего съ прислугою 313 человѣкъ; на кушанье гетману опредѣлили выдавать по рублю на день, да питья противъ посланниковъ съ прибавкою, другимъ ратнымъ людямъ по пяти алтынъ; 670 лошадей, приведенныхъ Малороссіянами, пустили пастись въ подмосковныхъ лугахъ.

13 сентября гетманъ со всѣми своими спутниками представлялся государю; пріемъ былъ обычный посольскій; всѣ цѣловали государеву руку и спрошены были о здоровьѣ; Брюховецкій представилъ подарки: пушку полковую мѣдную, взятую у измѣнниковъ козаковъ, булаву серебряную измѣнника наказнаго гетмана Яненка, жеребца арабскаго, 40 воловъ чебанскихъ. 15 сентября гости били челомъ, чтобъ великій государь пожаловалъ ихъ, велѣлъ малороссійскіе города со всѣми принадлежащими къ нимъ мѣстами принять и съ нихъ денежные и всякіе доходы сбирать въ свою государеву казну, и послать въ города своихъ воеводъ и ратныхъ людей. Государь велѣлъ сказать гетману, чтобъ онъ написалъ объ этомъ статьи, и Брюховецкій подалъ на письмѣ слѣдующее: 1) для усмиренія частой шатости и для доказательства вѣрности къ государю всякіе денежные и неденежные поборы отъ мѣщанъ и поселянъ погодно въ казну государеву сбираются; по всѣмъ городамъ малороссійскимъ кабаки будутъ только на одну горѣлку и приходы кабацкіе отдаются въ государеву казну; туда же идутъ сборы съ мельницъ, дань медовая и доходы съ купцовъ чужеземныхъ. 2) Стародавныя права и вольности козацкія под-

тверждаются. 3) Послѣ избранія каждый гетманъ обязанъ ѣхать въ Москву и здѣсь отъ самого царя будетъ принимать булаву и знамя большое. 4) Кіевскимъ митрополитомъ долженъ быть святитель русскій изъ Москвы. 5-я статья опредѣляетъ, по скольку въ какихъ городахъ быть царскаго войска. 6) На войсковую армату (артиллерію) назначаются города Лохвицы и Роменъ. 7) Московскіе ратные люди не должны сбывать по рынкамъ воровскихъ денегъ; 8) не должны называть козаковъ измѣнниками.

Статьи были приняты, кромѣ одной четвертой о митрополитѣ: государь отвѣчалъ, что объ ней онъ перешлется прежде съ константинопольскимъ патріархомъ. Но вообще усердіемъ гетмана были очень довольны: царь велѣлъ его милостиво похвалить, а потомъ, поговоря съ боярами, пожаловалъ ему боярство, остальная старшина—обозный, судья, полковники и есаулы были пожалованы въ дворяне. Когда новый бояринъ, по обычаю, былъ приглашенъ къ царскому столу, то получилъ третье мѣсто послѣ бояръ князя Никиты Ивановича Одоевскаго и Петра Михайловича Салтыкова; писался Брюховецкій съ этихъ поръ *бояринъ и гетманъ*. Бояринъ и гетманъ билъ челомъ, чтобъ великій государь умилосердился, ему гетману, женѣ его и дѣтямъ, когда Богъ ихъ ему дастъ (Иванъ Мартыновичъ былъ холостъ), пожаловалъ на прокормленье въ вѣчныя времена сотню Шептоковскую въ стародубскомъ полку съ Шептоками и со всѣми угодьями, чтобъ ему, будущей женѣ его и дѣтямъ особое прибѣжище и пропитаніе вѣчное было кромѣ Гадяча, ибо Гадяцкая волость принадлежитъ гетману только на время его гетманства, а не женѣ и дѣтямъ его. Билъ челомъ, чтобъ государь изволилъ пожаловать грамоту на Магдебургское право жителямъ Гадяча; всѣмъ полковникамъ пожаловалъ по селу, чтобъ не отпускалъ пріѣхавшихъ въ Москву войтовъ и мѣщанъ безъ грамотъ государскихъ, дабы чернь, увидѣвши милость царскую, утвердилась. Такъ какъ бояринъ и гетманъ имѣетъ дворъ свой въ Переяславлѣ, какъ въ стольномъ городѣ, то чтобъ къ двору этому приписана была мельница. Всѣ просьбы были исполнены.

Что же это значило? Отчего Иванъ Мартыновичъ такъ спѣшилъ подчиниться требованіямъ государства и въ вопросѣ о митрополитѣ даже ушелъ впередъ, торопя государство? Поведеніе Брюховецкаго объясняется вполнѣ поведеніемъ его предшествен-

ника Выговскаго и поведеніемъ послѣдующихъ гетмановъ. Мы видѣли, что немедленно за прекращеніемъ революціоннаго броженія въ Малороссіи интересы гетмана разрознились съ интересами козачества. Богданъ Хмельницкій, какъ говорилъ Тетеря въ Москвѣ, боялся собирать раду, которая могла стѣснить его произволъ. Разрозненность интересовъ высказалась еще сильнѣе при Выговскомъ: Выговскій такъ же не хочетъ рады, какъ не хочетъ вмѣшательства московскаго государства, не хочетъ воеводъ царскаго величества, ибо не хочетъ стѣсненій ни сверху, ни снизу. Для этого онъ хочетъ поддаться другому государству, которое, по своимъ формамъ, не можетъ грозить ему такою строгою опекою, какою грозило сильное государство московское, склоняется къ Польшѣ, хочетъ въ ней получить вельможное значеніе и тѣмъ обезпечить себя въ Малороссіи, обезпечить себя относительно козачества; Выговскій сенаторъ, Выговскій *гетманъ русскій*, а не *гетманъ войска запорожскаго;* Выговскій не довѣряетъ козакамъ, окружаетъ себя иноземцами; Выговскій требуетъ стѣсненій для гультяйства, требуетъ точнаго реестра, какъ прежде требовали этого паны польскіе. Брюховецкій, вынесенный повидимому войсковою массою и Запорожьемъ на гетманство, Брюховецкій—гетманъ, подобно Хмельницкому и Выговскому, не можетъ долго сохранять единства интересовъ съ козачествомъ; онъ понимаетъ очень хорошо, что при тогдашнемъ бытѣ Малороссіи, при тогдашней разладицѣ въ ней, для гетмана нѣтъ никакого обезпеченія и, не имѣя польскихъ симпатій, какъ Выговскій, стремится обезпечить себя съ помощію Москвы, пріобрѣсть здѣсь вельможное положеніе, какъ Выговскій хотѣлъ пріобрѣсть его въ Польшѣ. Мы видѣли, что и Выговскій, прямо указывая на шаткость своего положенія въ Малороссіи, прежде всего просилъ прочныхъ маетностей въ Литвѣ, и очень быть можетъ, что отказъ ему въ этой просьбѣ и стремленіе Москвы распутать отношенія на ненавистной для гетмана радѣ всего сильнѣе побудили Выговскаго спѣшить отпаденіемъ. Теперь Брюховецкій спѣшитъ удовлетворить желаніямъ государства, чтобъ обезпечить посредствомъ него свое положеніе. Онъ достигаетъ цѣли: онъ бояринъ московскій; но онъ бьетъ челомъ, чтобъ государь пожаловалъ ему прочныя, наслѣдственныя маетности поближе къ Москвѣ; для собственныхъ выгодъ проситъ, чтобъ въ Кіевъ былъ присланъ

митрополитъ Москвичъ, ибо хорошо знаетъ, что при московскихъ стремленіяхъ его, *бояр**и**на и гетмана*, ему не ужиться съ митрополитомъ Малороссіяниномъ, который прежде всего будетъ хлопотать о независимости малороссійской церкви отъ Москвы. Брюховецкій и на этомъ не останавливается: онъ хочетъ еще тѣснѣе связать себя съ Москвою, обезпечить себя здѣсь. 17 сентября Иванъ Мартыновичъ завелъ разговоръ съ приставомъ своимъ Желябужскимъ: «Билъ я челомъ бояриму Петру Михайловичу Салтыкову, чтобъ великому государю челобитье мое донесъ: пожаловалъ бы меня великій государь, велѣлъ жениться на московской дѣвкѣ, пожаловалъ бы государь, не отпускалъ меня не женя.» — «Есть ли у тебя на примѣтѣ невѣста?» спросилъ у него приставъ: «и какую невѣсту тебѣ надобно, дѣвку или вдову?»— «На примѣтѣ у меня невѣсты нѣтъ,» отвѣчалъ гетманъ: «а на вдовѣ у меня мысли нѣтъ жениться; пожаловалъ бы меня великій государь, указалъ, гдѣ жениться на дѣвкѣ. А женясь, стану я бить челомъ государю, чтобъ пожаловалъ меня вѣчными вотчинами подлѣ Новгорода Сѣверскаго, чтобъ тутъ женѣ моей жить, и по смерти бы моей эти вотчины женѣ и дѣтямъ моимъ были прочны.» *Желябужскій:* «Когда будетъ у тебя жена и станетъ въ тѣхъ мѣстахъ жить, то и ты будешь жить тутъ же; а когда войску доведется быть въ собраньѣ, то гдѣ сбираться? да и безъ сбору постоянно при тебѣ надобно быть многимъ людямъ для гетманства твоего.» *Брюховецкій:* «Войску собираться въ Гадячѣ или въ иномъ мѣстѣ, гдѣ будетъ пристойно по вѣстямъ, а я стану къ войску приходить; при мнѣ будетъ постоянно человѣкъ по триста, у меня такихъ людей, которые мнѣ вѣрны, есть человѣкъ со сто, да великій государь пожаловалъ бы, велѣлъ изъ московскихъ людей ко мнѣ прибавить; а безъ такихъ людей мнѣ никакими мѣрами быть нельзя въ шаткое время: меня ужь разъ хотѣли погубить, да свѣдалъ во время.» Этими словами Брюховецкій окончательно объяснилъ свое поведеніе. Желябужскій перемѣнилъ разговоръ и спросилъ: «Крымскіе люди къ Полякамъ теперь на помощь ходятъ ли? и за что Крымцы Полякамъ помогаютъ?» *Брюховецкій:* «Крыму Поляки казну даютъ, а потомъ и сами Крымцы берутъ у нихъ и полонъ и что имъ надобно.» *Желябужскій:* «Какъ бы сдѣлать, чтобъ крымскаго отъ Поляковъ отвести?» *Желябужскій:* «Ненавидятъ Крымцы то, что запорожское

войско подъ государевою рукою, и боятся: какъ миръ будетъ у государя съ королемъ польскимъ, а запорожское войско останется подъ государевою рукою, то Крыму будетъ жить тѣсно. Хочу бить челомъ государю, чтобъ плѣннымъ Ляхамъ у насъ не быть, ссылать ихъ куда-нибудь въ дальнія мѣста для того, что всякія вѣсти носятъ отъ нихъ въ Польшу; также бы великій государь и на Москвѣ и въ городахъ Полякамъ быть не указалъ, потому что отъ нихъ идутъ всякія вѣсти въ Польшу.» Великій государь пожаловалъ боярина и гетмана, велѣлъ ему жениться на дочери окольничаго князя Дмитрія Алексѣевича Долгорукаго. Женихъ обратился къ Желябужскому съ новыми вопросами: «Съ княземъ Долгорукимъ самому мнѣ договариваться о женитьбѣ или послать кого-нибудь? по рукамъ бить самому ли и гдѣ мнѣ съ княземъ видѣться? отъ кого невѣсту изъ дому брать, кто станетъ выдавать и на который дворъ ее привесть? На свадьбѣ у меня кому въ какомъ чинѣ быть, а я былъ надеженъ, что въ посаженыхъ отцахъ или въ тысяцкихъ будетъ бояринъ Петръ Михайловичъ Салтыковъ, и о томъ уже я билъ ему челомъ. Да въ какомъ платьѣ мнѣ жениться, въ служивомъ ли, или въ чиновномъ московскомъ? А по рукамъ ударя, до свадьбы къ невѣстѣ съ чѣмъ посылать ли, потому что по нашему обыкновенію до свадьбы посылаютъ къ невѣстѣ серьги, платье, чулки и башмаки. Великій государь пожаловалъ бы меня, велѣлъ мнѣ объ этомъ указъ свой учинить.»—Этотъ указъ не дошелъ до насъ.

Не все такими нѣжными дѣлами занимался въ Москвѣ бояринъ и гетманъ. 11 декабря въ домъ къ начальнику малороссійскаго приказа, боярину Салтыкову, вдругъ приходятъ переяславскій протопопъ Григорій Бутовичъ, войсковой судья Петръ Забѣла, писарь, есаулъ, двое полковниковъ, кіевскій и нѣжинскій, и начинаютъ жаловаться со слезами: «Вчера обѣдали мы съ бояриномъ и гетманомъ Иваномъ Мартыновичемъ у боярина князя Юрія Алексѣевича Долгорукаго, и писарь Захаръ меня, протопопа Григорія лаялъ, называлъ брехомъ и замахивался ножомъ, хотѣлъ зарѣзать; я у него ножикъ отнялъ, такъ онъ сталъ замахиваться вилками, хотѣлъ меня колоть.» — «А насъ,» кричали судья и полковники: «Захаръ также лаялъ позорными словами; мы терпѣть ему не будемъ; если онъ такъ дѣлаетъ надъ нами теперь здѣсь въ Москвѣ, то какого добра ждать намъ отъ него впередъ?» Въ тотъ же день

вечеромъ пріѣхалъ къ Салтыкову самъ бояринъ и гетманъ съ старшиною и били челомъ царю на писаря Захара Шикѣева, чтобъ великій государь велѣлъ имъ указъ свой учинить; войсковой есаулъ Богданъ Щербакъ билъ челомъ отъ всего войска запорожскаго, которое въ Москвѣ, что имъ, войску запорожскому, отъ писаря Захара Шикѣева чинятся многіе налоги и тягости, становится онъ, Захаръ, пышнѣе боярина и гетмана, бьетъ и увѣчитъ многихъ людей невинно, въ войскѣ онъ имъ Захаръ не надобенъ и ни въ какомъ чину не годенъ.» На другой день въ приказѣ была очная ставка у Щербака съ Шикѣевымъ: Щербакъ говорилъ прежнее, что «Шикѣевъ имъ въ войскѣ не годенъ, потому что чинитъ налоги многимъ людямъ и безчеститъ, а иныхъ бьетъ безвинно, началъ быть пышенъ и неприступенъ: не только кто съ своимъ дѣломъ къ нему придетъ, но если кто и отъ гетмана придетъ, то онъ говорить съ собою не велитъ, и никто съ нимъ говорить не смѣетъ до тѣхъ поръ, пока самъ не спроситъ, и отказываетъ всякому человѣку пышно и сердито. Пожаловалъ великій государь гетману и войску запорожскому подводы и подорожная изъ приказа прислана; вотъ гетманъ съ этою подорожною и послалъ меня въ канцелярію къ нему, Захару, а онъ какъ началъ на меня фукать и отослалъ меня съ безчестьемъ; ни съ какимъ дѣломъ къ нему придти нельзя, всѣхъ безчеститъ пыхами своими!» Шикѣева отправили въ ссылку изъ Москвы.

Иванъ Мартыновичъ загостился въ Москвѣ до конца декабря; а между тѣмъ еще съ сентября начали приходить изъ Малороссіи дурныя вѣсти и требованія скораго возвращенія гетмана. Послѣ отъѣзда Тетери въ Польшу, на западномъ берегу Днѣпра выдвигается на первый планъ уже извѣстный намъ Петръ Дорошенко. Опасенія Тетери сбылись: видя, что ни Москва, ни Поляки не могутъ взять рѣшительнаго верха на Украйнѣ, которая опустошается въ конецъ и союзниками и врагами, Дорошенко рѣшился податься Туркамъ, чтобъ съ ихъ помощію вытѣснить изъ Украйны и Москву и Поляковъ и быть единственнымъ гетманомъ на обоихъ берегахъ. Сначала онъ хотѣлъ посредствомъ Крыма получить облегченіе отъ польскихъ насилій. Еще въ генварѣ 1665 года онъ послалъ къ хану бить челомъ о заступленіи передъ королемъ, чтобъ хоругви жолнерскія на Украйнѣ становищъ не имѣли, хоть на время дать бы льготу истощенной и

убогой странѣ; чтобъ гарнизоны королевскіе изъ украинскихъ городовъ, напримѣръ изъ Чигирина, были выведены, и тамъ, гдѣ останутся, довольствовались бы своимъ прокормомъ, не отягощая жителей; чтобъ возвратилъ заточенныхъ: митрополита, Хмельницкаго и Гуляницкаго. Но челобитье это осталось безъ дѣйствія. Въ августѣ Дорошенку удалось избавиться отъ соперника своего Опары, который также хотѣлъ отложиться отъ короля съ помощію Татаръ. Дорошенко успѣлъ увѣрить татарскихъ мурзъ, стоявшихъ въ Украйнѣ, что Опара ненадеженъ. 18 августа Опара со всею старшиною поѣхалъ изъ своего табора на совѣтъ къ мурзамъ, но, еще далеко не доѣзжая до ихъ наметовъ, онъ былъ встрѣченъ толпою Татаръ, которые его ограбили и въ одной рубашкѣ привели къ мурзамъ, а тѣ надѣли ему цѣпь на шею и желѣза на ноги; всѣ Татары начали на него плевать и браниться, бросили ему въ глаза письмо, которое онъ посылалъ къ браславскому полковнику, уговаривая его вмѣстѣ съ собою воевать противъ короля: «Ты королю и намъ присягалъ,» кричали Татары: «а теперь хочешь воевать!» Овладѣвши Опарою и старшинами, Татары двинулись на козацкій таборъ; козаки отстрѣливались цѣлый день и къ ночи заставили Татаръ отступить. На разсвѣтѣ другаго дня Татары снова налегли, опять ничего не успѣли и вступили въ переговоры съ козаками: «Если возьмете въ гетманы Дорошенка, котораго поставили мурзы, то не станемъ васъ добывать, если же не возьмете, то сейчасъ пошлемъ за Ляхами и будемъ васъ добывать.» Козаки, дѣлать нечего, согласились; пріѣхалъ Дорошенко и началъ приводить ихъ къ присягѣ королю и хану, Опару же и всѣхъ его совѣтникомъ повели въ Крымъ. Дорошенко вмѣстѣ съ Татарами началъ наступательное движеніе на браславскаго полковника Дрозда, вѣрнаго Москвѣ. Дорошенко уже отнялъ было воду у Браславцевъ, но 22 сентября Дроздъ сдѣлалъ вылазку на непріятельскіе шанцы, побилъ всѣхъ находившихся тамъ ратныхъ людей Дорошенка, взялъ 8 знаменъ и далъ возможность Браславцамъ добывать воду. Овруцкій полковникъ Демьянъ Васильевичъ Децикъ разбилъ непріятелей между Мотовиловкою и Паволочью; западные Черкасы вздумали было явиться и на восточной сторонѣ, но были побиты. Наказной гетманъ, переяславскій полковникъ Ермоленко, извѣщая объ этомъ царя, такъ оканчивалъ свою грамоту: «Пожалуй насъ, холопей

своихъ, отпусти къ намъ поскорѣй Ивана Мартыновича Брюховецкаго, гетмана, ибо мы безъ него какъ дѣти безъ отца; а какъ скоро онъ къ намъ придетъ, то весь народъ христіанскій повеселѣетъ и города малороссійскіе не будутъ въ сомнѣніи.» Епископъ Меѳодій писалъ Брюховецкому изъ Нѣжина: «Теперь на Украйнѣ безъ вашей милости ничего добраго нѣтъ, всякъ въ свой носъ дуетъ. Еслибъ бояринъ Петръ Васильевичъ Шереметевъ поспѣшилъ въ Кіевъ, то все бъ посмирнѣе было, и тому бы бѣдному Дрозду, который въ осадѣ 6 недѣль сидитъ, крѣпости прибыло; благодаря Дрозду, на восточной сторонѣ Днѣпра еще тихо отъ Татаръ, а, сохрани Боже, что съ нимъ станется, тогда всѣ силы бусурманскія обратятся сюда. Доложи великому государю чрезъ боярина Петра Михайловича Салтыкова о великой обидѣ, которую дѣлаютъ начальные люди полковники Нѣмцы, ихъ ротмистры и капитаны, Нѣмцы и Ляхи, бѣднымъ людямъ въ Котельвѣ. И я въ Котельвѣ ихъ тазалъ, и бояринъ Шереметевъ посылалъ къ воеводѣ Протасьеву въ Гадячъ, чтобъ наказалъ ихъ; но тотъ ничего не можетъ имъ сдѣлать: женъ отъ мужей поотнимали и вдовъ опозорили; Бога ради надобно это утолить, чтобъ не было бѣды какой.» Дроздъ продолжалъ держаться въ Браславлѣ и отбилъ сильный приступъ, непріятелей какъ псовъ набилъ и знамена всѣ отнялъ. Таковы были вѣсти въ октябрѣ; въ ноябрѣ пришли другія: Дроздъ сдался отъ великой нужды; Децикъ покинулъ Мотовиловку и отступилъ къ Кіеву, и оттуда поѣхалъ въ Переяславль къ наказному гетману; часть войска его разбрелась, другая перешла на восточную сторону, а на западной изъ вѣрныхъ козаковъ не осталось никого, кромѣ тѣхъ, которые были въ Каневѣ. Децикъ покинулъ Мотовиловку не выжегши ея; этимъ воспользовался королевскій бѣлоцерковскій комендантъ и королевскіе Черкасы, Малюта съ товарищами, стали накликать въ нее старыхъ жителей и изъ другихъ мѣстъ; чтобъ укрѣпить ее попрежнему, обѣщали прислать туда и нѣмецкую пѣхоту. Это начало грозить большою опасностію Кіеву, отъ котораго Мотовиловка была только въ 35 верстахъ и которому отъ нея и прежде не было покоя, когда она была за Поляками. Чтобъ предупредить бѣду, кіевскій воевода князь Никита Львовъ послалъ подъ Мотовиловку рейтарскаго майора Сипягина. Въ полночь Сипягинъ подошелъ къ городу, велѣлъ своимъ ратнымъ людямъ перелѣзть черезъ стѣну и

отбить ворота; жители услыхали, начали стрѣлять, но рейтары всѣхъ ихъ побили и выжгли городъ. Малюта въ эту ночь ночевалъ въ мѣстечкѣ Васильковѣ, маетности Печерскаго монастыря; Синягинъ направился на Васильковъ, чтобъ захватить Малюту, но печерскіе чернецы дали ему возможность уйти до прихода Синягина. Въ декабрѣ епископъ Меѳодій началъ говорить Львову, что въ мѣстечкѣ Бышевкѣ и другихъ ближнихъ мѣстечкахъ польскія залоги (гарнизоны) небольшіе, и ѣздятъ изъ мѣстечка въ мѣстечко безъ опасенія, поэтому надобно послать на нихъ ратныхъ людей для поимки языковъ. Львовъ и отправилъ 18 декабря подполковника Якшина съ отрядомъ изъ 120 человѣкъ. Якшинъ ночью захватилъ языковъ въ Бышевкѣ; но за 15 верстъ отъ Кіева нагналъ его изъ Бѣлой Церкви майоръ съ Нѣмцами, Татарами и Черкасами, разбилъ на голову и взялъ знамена. Меѳодій, пріѣхавъ въ Кіевъ, писалъ оттуда отчаянное письмо къ Ракушкѣ, казначею или подскарбію войсковому: «Пишу эту грамоту слезами поливаючи; въ Кіевѣ ничего добраго не дѣлается, потому что воевода нынѣшній человѣкъ ни къ чему непригодный, вопервыхъ, человѣкъ старый, къ ратному дѣлу неспособный; вовторыхъ, боленъ ногами и черезъ порогъ избы не переступитъ; кромѣ слезъ, худобы и воровства въ Кіевѣ ничего не сыщешь; если не поспѣшитъ бояринъ Шереметевъ или замедлитъ гетманъ на Москвѣ, то будетъ бѣда съ Кіевомъ и съ нашимъ Заднѣпріемъ. Ради Бога пиши къ гетману, чтобъ билъ челомъ о скоромъ отпускѣ и спѣшилъ сюда, потому что безъ головы составы всѣ мертвы; пиши и къ наказному, чтобъ, по крайней мѣрѣ, Канева не потеряли.» [52]

Наконецъ возвратился отецъ къ дѣтямъ, пріѣхалъ бояринъ и гетманъ Иванъ Мартыновичъ Брюховецкій въ Малороссію, и первому нерадостенъ былъ его пріѣздъ тому, кто такъ сильно желалъ его—епископу Меѳодію. 22 февраля 1666 года въ Кіевѣ къ боярину Петру Васильевичу Шереметеву, смѣнившему старика Львова, пріѣхалъ Меѳодій вмѣстѣ съ печерскимъ архимандритомъ, игуменами другихъ монастырей, и начали странную рѣчь, просили, чтобъ позволено имъ было послать челобитчика къ государю, пожаловалъ бы великій государь, не велѣлъ у нихъ отнимать правъ и вольностей. — «Какихъ правъ и вольностей?» спросилъ воевода: «великій государь не только у васъ, властей духовныхъ, но и у мѣщанъ во всѣхъ городахъ малороссійскихъ правъ и

вольностей отнимать не велѣлъ, всѣмъ даны жалованныя грамоты, которыя по сей день ни въ чемъ не нарушены; отъ кого вы узнали, будто великій государь велѣлъ у васъ вольности и права отнять?» Меѳодій отвѣчалъ: «Посылали мы къ боярину и гетману Ивану Мартыновичу Брюховецкому, по стародавному обычаю, по которому кіевскихъ митрополитовъ выбирали всегда съ вѣдома гетманскаго, посылали мы къ Ивану Мартыновичу просить, чтобъ отписалъ къ великому государю о позволеніи намъ выбрать въ Кіевъ митрополита между собою, по прежнимъ обычаямъ и правамъ. А бояринъ и гетманъ прислалъ къ намъ грамоту, въ которой пишетъ, что указалъ великій государь быть въ Кіевѣ митрополиту изъ Москвы, а не по нашему выбору, тогда какъ мы подъ благословеніемъ цареградскаго патріарха, а не московскаго.» Епископъ съ товарищами разгорячался все больше и больше, наконецъ закричалъ съ сильною яростію: «Если будетъ на то великаго государя изволенье, что отнять у насъ эти вольности и права, и быть у насъ митрополиту изъ Москвы, а не по нашему выбору, то пусть великій государь велитъ всѣхъ насъ казнить, а мы на это не согласимся. Если пріѣдетъ къ намъ въ Кіевъ московскій митрополитъ, то мы запремся въ монастыряхъ, и развѣ насъ изъ монастырей за шею и за ноги поволокутъ, тогда только московскій митрополитъ въ Кіевѣ будетъ. Въ Смоленскѣ теперь Филаретъ архіепископъ, и онъ права и вольности у духовнаго чина всѣ отнялъ, духовный чинъ, шляхту и мѣщанъ всѣхъ называетъ иновѣрцами, а мы православные христіане; и если въ Кіевѣ впредь будетъ митрополитъ изъ Москвы, то онъ и насъ всѣхъ Малороссіянъ станетъ называть иновѣрцами, тутъ въ вѣрѣ расколъ и мятежъ будетъ немалый, и намъ лучше смерть принять, нежели митрополита изъ Москвы. Мнится намъ, что и къ тебѣ боярину указъ объ этомъ тайный есть, и въ статьяхъ, которыя полковникъ Дворецкій изъ Москвы привезъ, то же написано.» — «Такого указа ко мнѣ не бывало,» отвѣчалъ Шереметевъ: «а что вы говорите о статьяхъ, которыя привезъ Дворецкій, то тамъ написано, что великій государь изволитъ писать объ этомъ къ цареградскому патріарху; да и гетманъ ко мнѣ объ этомъ не писывалъ; это какой-нибудь воръ распустилъ слухъ, чтобъ поссорить васъ съ гетманомъ. Вы говорите, что запретесь въ монастыряхъ отъ московскаго митрополита; это слова непристойныя:

какъ вамъ быть противными волѣ Божіей, указу государеву и благословенію цареградскаго патріарха? Ты, епископъ, поставленъ въ московскомъ государствѣ митрополитомъ Питиримомъ, и тебѣ подъ благословеніемъ московскаго патріарха быть можно, только какъ о томъ отпишутъ къ великому государю вселенскіе патріархи. Если цареградскій патріархъ къ великому государю отпишетъ и благословеніе подастъ избранному вами, то великій государь изволитъ избранника вашего поставить въ царствующемъ градѣ Москвѣ передъ своими государскими очами всѣмъ властямъ.»—«Если даже великій государь,» говорилъ Меѳодій: «изволитъ быть нашему митрополиту подъ благословеніемъ московскаго патріарха, то пожаловалъ бы, отписалъ объ этомъ къ цареградскому патріарху, а митрополиту кіевскому быть бы по нашему избранію, чтобъ наши стародавныя права и вольности нарушены не были; а теперь бы великій государь пожаловалъ, велѣлъ у насъ въ Кіевѣ принять объ этомъ челобитную и челобитчиковъ отпустить въ Москву.» — «Челобитной вашей,» отвѣчалъ бояринъ: «принять мнѣ непристойно, потому что это дѣло ваше духовное, а челобитчиковъ въ Москву отпустить можно.»

На другой день, 23 февраля, бояринъ видѣлся съ архіепископомъ въ Софійскомъ монастырѣ, и Меѳодій сталъ просить извиненія за вчерашнія рѣчи: «Я эти слова говорилъ по неволѣ, потому что я поставленъ московскимъ митрополитомъ, и вотъ малороссійскихъ городовъ духовные люди всѣ говорятъ и поносятъ мнѣ и думаютъ, что я сдѣлалъ это по совѣту съ гетманомъ, чтобъ имъ быть подъ благословеніемъ московскаго патріарха.» Меѳодій прислалъ къ Шереметеву и отвѣтную грамоту гетманскую, въ которой Брюховецкій писалъ: «Когда мы были въ Москвѣ, то намъ припоминали статьи Богдана Хмельницкаго, чтобъ митрополитъ кіевскій поставлялся патріархомъ московскимъ, и мы всѣ бывшіе въ Москвѣ руки свои на томъ приложили, и государь отправилъ пословъ къ святѣйшимъ патріархамъ: мы будемъ дожидаться возвращенія этихъ пословъ.» Въ мартѣ 1666 года посломъ отъ Меѳодія и всего духовенства пріѣхалъ въ Москву кіевскаго Кириллова монастыря игуменъ Мелетій Дзикъ бить челомъ о позволеніи избрать митрополита по старинѣ, да чтобъ на выборѣ былъ гетманъ и кіевскій воевода Шереметевъ. Царь отвѣчалъ, что послано объ этомъ къ константинопольскому патрі-

арху, и чтобъ Меѳодій ѣхалъ въ Москву для исправленія всякихъ духовныхъ дѣлъ.

Между тѣмъ Шереметевъ писалъ въ Москву и о поведеніи новаго боярина: «Теперь епископъ, архимандритъ Печерскій и всѣхъ малороссійскихъ монастырей архимандриты и игумены и приходскіе попы съ мѣщанами въ большомъ совѣтѣ и соединеніи, а съ гетманомъ, полковниками и козаками совѣту у нихъ мало за то, что гетманъ во всѣхъ городахъ многія монастырскія маетности, также и мѣщанскія мельницы отнимаетъ; да онъ же гетманъ со всѣхъ малороссійскихъ городовъ, которыми великому государю челомъ ударилъ, съ мѣщанъ беретъ хлѣбъ и стацію большую грабежемъ, а съ иныхъ за правежомъ. Шереметевъ посылалъ спрашивать у гетмана, по его ли приказанію стацію со всѣхъ городовъ берутъ? Брюховецкій отвѣчалъ, что безъ его вѣдома, и тотчасъ же во всѣ малороссійскіе города послалъ грамоты съ большимъ подкрѣпленіемъ, чтобъ нигдѣ на него стаціи не сбирали, а давали бы стацію въ казну государеву.»

Бояринъ и гетманъ Иванъ Мартыновичъ извѣщалъ съ своей стороны, что незадолго передъ его пріѣздомъ въ Малороссію чуть было не сдѣлалась бѣда въ Переяславлѣ: тамошній житель Петрушка Скокъ Челюсткинъ, состарѣвшійся въ Переяславлѣ русскій человѣкъ, составилъ заговоръ перебить всѣхъ московскихъ ратныхъ людей. Но наказной гетманъ Ермоленко узналъ о заговорѣ и донесъ Брюховецкому, который велѣлъ сковать Челюсткина и отослать въ Москву. Появились своевольныя сборища, которыя отказались повиноваться полковникамъ и сотникамъ, покинули свои домы и начали бродить по разнымъ городкамъ и деревнямъ и бѣднымъ людямъ досады чинить; начальниками такихъ сборищъ были извѣстные намъ Иванъ Донецъ и Децикъ. Гетманъ успѣлъ разогнать эти сборища. Касательно новыхъ распоряженій, договоренныхъ въ Москвѣ о сдачѣ малороссійскихъ городовъ царскимъ воеводамъ, Брюховецкій писалъ: «Я, вѣрный холопъ, радъ вседушно тому указу исполненіе чинить; но боюсь одного, чтобъ полковники, вся старшина и козаки не встревожились и не взяли дурнаго замысла. Самъ же я вседушно радъ воеводамъ, потому что при нихъ мнѣ будетъ меньше хлопотъ, а то теперь на всѣ стороны оглядываюсь» [53]. Брюховецкій писалъ также, что епископъ, духовенство и кіевскій полковникъ Дворец-

кій просятъ о заведеніи новыхъ латинскихъ школъ въ Кіевѣ, но что онъ, гетманъ, полагаетъ это на волю великаго государя. Доносилъ, что сынъ епископа Меѳодія женился на Дубичевкѣ, у которой два родныхъ брата служатъ при королѣ. Писалъ о дурныхъ вѣстяхъ изъ Запорожья: даетъ знать оттуда Григорій Касоговъ, что Запорожцы хотятъ государю измѣнить, къ бусурманамъ и къ измѣнникамъ Черкасамъ приклониться; но онъ, гетманъ, послалъ уговаривать ихъ; спрашивалъ, посылать ли въ Запорожье хлѣбные запасы или нѣтъ?

Съ отвѣтами на эти донесенія и для обстоятельнаго разузнанія дѣлъ, въ мартѣ 1666 года отправился въ Малороссію дьякъ Фроловъ. Посланный долженъ былъ похвалить боярина и гетмана за его радѣнье и отвѣчать на статью о школахъ въ Кіевѣ: если имъ противъ ихъ вольностей будетъ не въ оскорбленье, то школъ бы теперь не заводить; если же этотъ запретъ оскорбитъ ихъ, какъ противный ихъ вольностямъ, то великій государь пожаловалъ, велѣлъ имъ въ Кіевѣ школы заводить и людей въ нихъ набрать изъ кіевскихъ жителей, а изъ непріятельскихъ и другихъ городовъ въ школы никого не пускать и не учить, чтобъ отъ нихъ смуты и всякаго дурна не было. Фроловъ долженъ былъ также сказать: какіе люди сидятъ у гетмана за карауломъ въ своихъ винахъ, тѣхъ бы онъ судилъ и каралъ по войсковымъ правамъ; а если изъ нихъ кому-нибудь по войсковымъ правамъ будетъ свобода, а онъ боится отъ нихъ впередъ чего-нибудь дурнаго, такихъ присылать въ Москву. Хлѣбные запасы въ Запорожье, Кіевъ и другіе города посылать какъ прежде уговорено, пока описчики города опишутъ и по описи воеводы примутъ.

Фроловъ привезъ изъ Малороссіи много разныхъ вѣстей. Иванъ Мартыновичъ на отпускѣ говорилъ ему тайно, что въ Переяславлѣ своевольники, не желая работать и хлѣбъ пахать, замышляютъ смуту. Фроловъ немедленно послалъ къ переяславскому воеводѣ Вердеревскому спросить, что у нихъ тамъ такое дѣлается? Воевода отвѣчалъ: «Гетманъ великому государю вѣренъ и служитъ вправду; только дивлюсь я тому, для чего переписчики замѣшкались? если полгода не будутъ, и то гетману большая корысть: о чемъ въ Переяславль на ратушу ни отпишетъ, все къ нему посылаютъ. Козаки гетмана всѣ не любятъ, говорятъ: при нашихъ предкахъ у насъ бояръ не бывало, онъ заводитъ новый образецъ,

вольности наши отъ насъ всѣ отходятъ, да и доступъ къ нему сталъ тяжелъ. Полковникъ переяславскій Данила Ермоленко говорилъ у меня на обѣдѣ при головахъ стрѣлецкихъ и при многихъ начальныхъ людяхъ: «Мнѣ дворянство не надобно, я по старому козакъ!» и ко всякому слову, за что осердится, говоритъ: «козаки заведутъ гиль, и васъ поколютъ.» Полковнику, атаману и судьѣ идетъ изъ ратуши съ города всякій день вино, пиво, медъ и харчъ всякій. А что ему полковнику пожаловалъ государь городъ, то онъ говоритъ: «этотъ городъ украйный, разоренъ весь, стоятъ въ немъ безпрестанно козаки иныхъ полковъ и кормятся по тѣмъ же жилецкимъ людямъ, и мнѣ взять съ него нечего, да и не надобно, потому что и при предкахъ нашихъ такъ не повелось.» Козаки въ городѣ говорятъ: «Пойдемъ въ Запороги, и не одни мы, соберемся вмѣстѣ съ Переяславцами и изъ другихъ мѣстечекъ, и пойдемъ изъ Запорогъ на гетмана.» Государевыхъ людей, которые живутъ въ Переяславлѣ, зовутъ злодѣями и Жидами.» Фроловъ обо всемъ этомъ далъ знать Брюховецкому, тотъ отвѣчалъ, что козаки поднимаютъ такіе голоса, видя вездѣ въ городахъ при воеводахъ малолюдство: надобно, чтобъ великій государь указалъ въ малороссійскихъ городахъ ратныхъ людей прибавить.

Мы видѣли, что Шереметевъ писалъ къ гетману насчетъ поборовъ съ городовъ. Брюховецкій обидѣлся и говорилъ Фролову: «Дѣло извѣстное, что бояринъ Петръ Васильевичъ написалъ ко мнѣ объ этомъ по чьей-нибудь ссорѣ: бояринъ ссорѣ не вѣрилъ бы и уха своего на ссору не склонялъ; я въ доходы вступаться никогда ни въ какіе не буду и съ бояриномъ хочу жить въ любви и въ пріязни, готовъ, пожалуй, и слушать его; только служа великому государю, даю знать свою мысль, чтобъ Малороссійскаго народа своевольныхъ и непостоянныхъ людей большими поборами вскорѣ не ожесточить; пока не попривыкнутъ и пока государевы воеводы и люди не возьмутъ ихъ въ свои руки, брать съ нихъ понемногу; а вдругъ ожесточить опасно: люди они худоумные и непостоянные; одинъ какой-нибудь плевосѣятель возмутитъ многими тысячами; хотя они и сами згинутъ, а до лиха дойдетъ, успокоивать будетъ трудно, а непріятель подъ бокомъ; стоятъ непріятеля и Запорожцы, только и думаютъ, какъ бы добрыхъ людей разорять, и, пограбивъ чужое имѣніе, всякому старшин-

ства доступить; а на Запорожьѣ теперь больше Заднѣпрянъ. Да и духовенству не всякому бы вѣрить; горазды и они ссорить и возмущать отъ латинской своей науки, на кого нелюбье положать.»

Пріѣхалъ Фроловъ въ Кіевъ. Тутъ началъ Шереметевъ говорить свои рѣчи: «Гетманъ Иванъ Мартыновичъ очень корыстолюбивъ. Я было велѣлъ въ Переяславлѣ Греку Ивану Тамару сбирать съ перевозу и съ проѣзжихъ людей пошлину на великаго государя противъ обычаевъ прошлыхъ лѣтъ, какъ онъ Иванъ сбиралъ на гетмановъ. Но Грекъ Иванъ недавно пріѣхалъ въ Кіевъ и говоритъ мнѣ тайно со слезами, что собралъ онъ въ Переяславлѣ такихъ пошлинныхъ денегъ съ 500 рублей, а гетманъ присылаетъ съ угрозами, велитъ привезти къ себѣ въ Гадячъ 1000 рублей пошлинныхъ денегъ, и Грекъ, занявши, везетъ, а не везть не смѣетъ, чтобъ безъ головы не быть.» Шереметевъ, епископъ Меѳодій и полковникъ Дворецкій толковали Фролову одно, чтобъ переписчики спѣшили, а мѣщане этому всѣ рады и доходы въ казну государеву платить будутъ безъ отговорки, только бъ козацкой старшинѣ и козакамъ до нихъ дѣла не было; а если переписчики къ первому сентября людей и угодій переписать не поспѣшатъ, то какъ только Семенъ день придетъ, и гетманъ, и полковники, и старшина поборы всѣ отберутъ на себя, а великому государю оставятъ мѣщанъ на цѣлый годъ нагихъ и ограбленныхъ.

3 мая въ Печерскомъ монастырѣ былъ обѣдъ: обѣдали Фроловъ, епископъ Меѳодій, печерскій архимандритъ, много другихъ духовныхъ, полковникъ Дворецкій. Послѣ обѣда, вставши изъ-за трапезы, взяли Фролова въ архимандричью келью и пили здоровье бояръ и окольничихъ. Фроловъ замѣтилъ, что надобно выпить и здоровье гетмана Ивана Мартыновича, который великому государю службою своею во всемъ вѣренъ, съ духовными во всякомъ совѣтѣ и любви пребываетъ и войску Запорожскому и всему малороссійскому народу добронравіемъ своимъ и правымъ разсужденіемъ угоденъ. «Онъ намъ злодѣй, а не доброхотъ» крикнуло въ отвѣтъ духовенство: «бывши на Москвѣ, онъ великому государю билъ челомъ и въ статьяхъ подалъ, чтобъ въ Кіевѣ быть московскому митрополиту, и этимъ онъ насъ ставитъ передъ великимъ государемъ какъ бы невѣрными.» Епископъ и нѣкоторые

другіе изъ духовныхъ рѣшительно отказались пить, другіе пили, но несогласно, какъ бы только поустыдясь. Фроловъ развѣдалъ, что статьи, въ которыхъ написано, чтобъ въ Кіевѣ быть московскому митрополиту, прежде всѣхъ объявилъ въ Кіевѣ полковникъ Дворецкій, отъ чего у духовенства встало нелюбье къ гетману; Дворецкій присталъ къ духовенству. Узнавъ объ этомъ, Брюховецкій два раза присылалъ за Дворецкимъ, хотѣлъ послать его въ Запорожье отговаривать отъ шатости тамошнихъ козаковъ, хотѣлъ послать его затѣмъ, чтобъ тамъ его убили или разстрѣляли. Полковникъ испугался и сталъ бить челомъ, чтобъ ему съ кіевскимъ полкомъ быть подъ начальствомъ боярина Шереметева. Послѣдній спрашивалъ: если гетманъ пришлетъ въ третій разъ за Дворецкимъ, то отдавать ли его?

Сильнѣе всѣхъ продолжалъ высказываться противъ Брюховецкаго старый другъ его, епископъ Меѳодій: «Брюховецкій намъ не надобенъ» говорилъ онъ при всѣхъ вслухъ: «онъ теперь принялъ всю власть на себя; не только насъ предъ царскимъ величествомъ невѣрными выставляетъ, но и старшину караетъ, въ колодки сажаетъ и въ Москву отсылаетъ, новыхъ полковниковъ отъ себя по полкамъ разсылаетъ безъ войсковаго приговора; Юрій Незамай, Гамалѣя, Высочанъ и другіе старшины ни въ чемъ невиноваты, страдаютъ отъ него напрасно; а здѣшнимъ людямъ и смерть не такъ страшна, какъ отсылка въ Москву; думаю, что иные и изъ заднѣпровской старшины поддались бы государю, да боятся погибнуть отъ гетмана; Печерскій архимандритъ говорилъ, что гетманскаго войска козаки разоряютъ ихъ монастырскія маетности между Кіевомъ и Бѣлою Церковію; писали они къ гетману, и онъ ихъ не защищаетъ.»

Дворецкій выставлялъ себя умѣреннымъ, желалъ примиренія: «Епископъ Меѳодій, все духовенство и я гетману не злодѣи и не посягатели; мы только отводимъ его, чтобъ до корыстей былъ не лакомъ и гордость отложилъ; хочется намъ того, чтобъ онъ пріѣхалъ въ Кіевъ къ боярину Петру Васильевичу Шереметеву, мы бы, облича его въ неправдахъ, съ нимъ помирились и были въ вѣчной любви. Епископъ Меѳодій посылалъ въ Чигиринъ уговаривать тамошнихъ людей, чтобъ великому государю вины свои принесли; чигиринскіе жители къ тому склонны, и Дорошенко говорилъ, что онъ тому радъ, да боится гетмана, сдѣлаетъ его

безъ головы или въ Москву отошлетъ, пусть епископъ, бояринъ и гетманъ обнадежатъ его грамотами, что ему лиха не будетъ, тогда онъ и станетъ промышлять надъ Ляхами.» Меѳодій, кромѣ несчастнаго пункта о митрополитѣ, показывалъ попрежнему усердіе къ Москвѣ и, подобно Ивану Мартыновичу, не щадилъ своихъ: совѣтовалъ также, чтобъ во всѣхъ малороссійскихъ городахъ воеводы и ратные люди жили особо въ городкахъ, такъ, какъ въ Нѣжинѣ, потому что малороссійскаго народа люди ко всему шатки, сохрани Боже, чтобъ кто-нибудь чего не началъ; а прежде всего надобно это сдѣлать въ Полтавѣ, тамъ люди больше всѣхъ шатки, къ Запорожью близки и съ Запорожцами въ мысляхъ бываютъ согласны, живутъ совѣтно, что мужъ съ женою. Шереметевъ свидѣтельствовалъ предъ государемъ, что онъ отъ епископа никакого злаго умысла и плевелъ не видалъ; но, вопреки словамъ Дворецкаго, доносилъ о невозможности помирить Меѳодія съ Брюховецкимъ и приводилъ въ доказательство слѣдующій случай: «Я говорилъ епископу, чтобъ послать въ Запорожье какого-нибудь вѣрнаго человѣка съ увѣщательною грамотою и для провѣдыванія вѣстей; а Меѳодій отвѣчалъ мнѣ: это дѣло самое надобное, только въ грамотѣ надобно спросить: отъ чего у нихъ, запорожскихъ козаковъ, дѣлается шатость, не отъ бояръ ли отъ кого? Я ему сказалъ на это, что такъ написать негодится: изъ этого я заключаю, что между ними и впередъ совѣта не будетъ; только я о гетманскихъ грамотахъ епископу, а объ епископскихъ словахъ гетману не даю знать, чтобъ между ними ссоры не было, а ссора опасна, потому что къ епископу и духовенству пристали мѣщане всѣхъ городовъ: такъ чтобъ отъ нихъ ссоры дѣлу великаго государя порухи не было.» Отъ самого Шереметева, по разсказамъ Фролова, не могло быть порухи государеву дѣлу, какъ была поруха отъ боярина и гетмана. Въ Кіевѣ на Подолѣ поставлены были рейтары на мѣщанскихъ дворахъ, потому что въ верхнемъ городѣ поставить ихъ было негдѣ. Мѣщане много разъ били челомъ, что отъ рейтаръ тѣснота большая, и чтобъ великій государь пожаловалъ, велѣлъ рейтаръ отъ нихъ свесть. О томъ же просилъ воеводу и Меѳодій. Шереметевъ отвѣчалъ, что перевести рейтаръ въ верхній городъ скоро никакъ нельзя, потому что тамъ дворовъ и избъ мало, а взять избъ негдѣ, потому что около Кіева все разорено; если мѣщане

хотятъ, чтобъ отъ нихъ рейтаръ вывели, то пусть дадутъ отъ себя 30 избъ и переведутъ въ нихъ рейтаръ. 4 мая епископъ является къ Шереметеву и приноситъ ему въ почесть 100 рублей, чтобъ рейтаръ отъ мѣщанъ велѣлъ вывести, избъ на нихъ не спрашивалъ, а велѣлъ бы избы купить изъ государевой казны. Бояринъ отвѣчалъ: «Я денегъ не возьму, а пусть мѣщане отдадутъ ихъ на избы рейтарскія.» На другой день въ соборной церкви епископъ сталъ говорить боярину, чтобъ онъ сто рублей себѣ въ почесть взялъ, а на избы взялъ еще 100 рублей, мѣщане этимъ не оскорбятся, только бы рейтаръ отъ нихъ велѣлъ вывесть. Шереметевъ велѣлъ взять у мѣщанъ всѣ 200 рублей и купить на нихъ избы, и какъ избы поставятъ, перевести въ нихъ рейтаръ тотчасъ.

Фроловъ привезъ и грамоты: Брюховецкій жаловался по обычаю, что московскаго войска мало въ Малороссіи: «При мнѣ, вашего царскаго величества вѣрномъ холопѣ, войска очень мало, едва не всѣ ваши государевы ратные люди отъ наготы разбрелись. Воеводы вашего царскаго величества — миргородскій, лубенскій и прилуцкій безъ семей на воеводства свои пріѣхали, а хорошо бы имъ было пріѣхать съ семьями и со всѣмъ своимъ хозяйствомъ, чтобъ тамошніе жители, видя воеводъ своихъ цѣлое житье, отъ того лучше крѣпились и въ отчаяніе не приходили.» Гетманъ жаловался на воеводу Протасьева, который не унималъ иноземныхъ ратниковъ, притѣснявшихъ Малороссіянъ; жаловался, что стольникъ Измайловъ, присланный для сыску обидъ, ничего не дѣлаетъ. Жаловался на переяславскаго воеводу Вердеревскаго, который зятя его Михѣенка велѣлъ бить и въ тюрьму сажать безвинно, человѣку гетманскому сѣна косить не даетъ: «Все это онъ дѣлаетъ,» писалъ Брюховецкій: «по наущенію Ивашки Ѳирсова, который затѣмъ въ Переяславлѣ и живетъ, чтобъ ссорить меня съ воеводою. Вердеревскій же всякому козаку налогу чинитъ, не выслушавъ рѣчей; козаки многіе ропщутъ, говорятъ, что все это дѣлается по моей милости.» Полтавскіе козаки жаловались на своего воеводу, Якова Тимоѳеевича Хитрово: «велитъ Москалямъ коней осталыхъ брать въ подводы по домамъ; самъ стоитъ въ домѣ у вдовы; начальныхъ своихъ людей ставитъ по домамъ знатнаго товарищества; полковника, котораго мы почитаемъ какъ отца, бранитъ скверными словами; который товарищъ придетъ къ нему —

глаза тростью выбиваетъ, плюетъ или деньщикамъ велитъ выпихнуть въ шею. Почтительнѣе обходится съ наложницами майоровъ своихъ или солдатъ, чѣмъ съ женою полковника нашего, объ нашихъ же женахъ и дѣтяхъ говорить нечего, какіе позоры терпятъ. Не велитъ у мѣщанъ подводъ брать, а только у козаковъ» [54].

Епископъ Меѳодій больше всего опасался Полтавцевъ, жившихъ съ Запорожцами какъ мужъ съ женою; но бунтъ вспыхнулъ не въ Полтавѣ, а въ Переяславлѣ. Въ іюлѣ мѣсяцѣ, когда полковникъ переяславскій Ермоленко стоялъ съ полкомъ своимъ въ Багушковѣ слободкѣ, козаки его возмутились, убили полковника, и отправились подъ Переяславль, здѣсь побили московскихъ ратныхъ людей и выжгли большой городъ; въ то же время въ Москву дали знать о шатости козаковъ въ Каневѣ. Шереметевъ и Брюховецкій немедленно приняли рѣшительныя мѣры, съ двухъ сторонъ, изъ Кіева и Гадяча, двинулись войска къ Переяславлю, и здѣсь бунтъ былъ задавленъ; но нѣкоторые городки на восточной сторонѣ Днѣпра поддались Полякамъ. Въ Москвѣ распорядились такъ, чтобъ перехватанные заводчики переяславскаго бунта были казнены въ одинъ день въ Гадячѣ у Брюховецкаго и въ Кіевѣ у Шереметева. Съ извѣстіемъ объ этомъ распоряженіи въ августѣ отправился въ Малороссію Іона Леонтьевъ, который долженъ былъ также сказать гетману, что для предупрежденія козацкихъ бунтовъ не лучше ли козакамъ въ Переяславлѣ не жить; жить имъ за городомъ въ слободахъ, въ большомъ городѣ жить мѣщанамъ, а въ меньшомъ государевымъ людямъ. «Конечно это будетъ лучше и крѣпче,» отвѣчалъ Брюховецкій: «но теперь сейчасъ же этого сдѣлать нельзя, чтобъ другіе города, на то глядя, не взбудоражились.» Потомъ Леонтьевъ спрашивалъ у гетмана: «чѣмъ успокоить шатость въ тѣхъ городахъ, которые приняли къ себѣ Поляковъ?»— «На это одно средство,» отвѣчалъ Брюховецкій: «когда эти города будутъ взяты государевыми ратными людьми, то надобно всѣ ихъ высѣчь и выжечь, и всячески разорить, также и села около нихъ, чтобъ впередъ въ этихъ городахъ и селахъ жителей не было.» Иванъ Мартыновичъ былъ большой охотникъ сѣчь и жечь; козаки про него говорили: «Что это за гетманъ? запершись сидитъ въ городѣ какъ въ лукошкѣ; шелъ бы лучше съ войскомъ и промышлялъ надъ государевыми непріятелями, а то только и знаетъ, что вѣдьмъ жжетъ.» Изъ Гадяча Леонтьевъ отправился въ Кіевъ,

и здѣсь бояринъ Шереметевъ говорилъ ему: «Теперь во всѣхъ малороссійскихъ городахъ козаки на мѣщанъ злятся за то, что мѣщане по окладамъ всякія подати въ государеву казну хотятъ давать съ радостію, а козацкихъ старшинъ и козаковъ ни въ чемъ не слушаютъ и податей давать имъ не хотятъ, говорятъ имъ: «Теперь насъ Богъ отъ васъ освободилъ, впередъ вы не будете грабить и домовъ нашихъ разорять.» Объ отношеніяхъ епископа Меѳодія къ гетману Шереметевъ говорилъ прежнее: «У епископа съ гетманомъ совѣтъ худой, не знаю, кто ихъ ссоритъ. Вѣренъ государю епископъ черниговскій Лазарь Барановичъ; какъ великому государю угодно, а мнѣ кажется, что лучше всего быть ему въ Кіевѣ на епископствѣ; московскому же митрополиту быть въ Кіевѣ никакимъ образомъ нельзя; печерскій архимандритъ говоритъ: «если услышимъ, что ѣдетъ въ Кіевъ изъ Москвы митрополитъ, то я, собравъ старцевъ, запрусь въ монастырѣ и вы насъ доставайте.»— Шереметевъ извѣщалъ, что мѣщане радуются новому порядку, радуются освобожденію своему отъ козаковъ; и изъ словъ Брюховецкаго можно было заключить, что положеніе мѣщанъ улучшилось, ибо козаки начали записываться въ мѣщане: «Многіе козаки,» говорилъ гетманъ царскому посланцу въ ноябрѣ: «многіе козаки пишутся въ мѣщане, а я тому и радъ, думаю, что въ нѣсколько лѣтъ сдѣлаю всѣхъ козаковъ мѣщанами: такъ и шатости не будетъ.»

Но понятно, что козаки не могли хладнокровно смотрѣть на приближеніе такого порядка вещей; особенно не могли хладнокровно смотрѣть на это въ гнѣздѣ козачества, въ Запорожьѣ. Еще 5 февраля 1666 года Касоговъ доносилъ, что съ нимъ въ Запорожьѣ осталось войска только человѣкъ съ 500, и у тѣхъ нѣтъ запасовъ: «Запорожцы,» писалъ воевода: «царскихъ ратныхъ людей не любятъ, и говорятъ, будто по ихъ милости не стало войску добычи, хотятъ мириться съ Татарами и Дорошенкомъ; а всему заводчикъ Кирилла Кодацкій и другіе его товарищи, козаки той стороны Днѣпра. Кошевой Леско Шкура, видя это, хотѣлъ сложить съ себя атаманство; козаки упросили его остаться, но замысловъ своихъ не покинули.» Шкура не долго пробылъ кошевымъ: враждебные Москвѣ козаки взяли верхъ, свергли его за то, что знался съ московскими воеводами, Хитрово и Касоговымъ, да не далъ козакамъ громить Калмыковъ; выбрали въ кошевые Рога, который написалъ такую грамоту Брюховецкому: «Послы-

шали мы, что Москва будетъ на Кодакѣ; но ее тамъ не надобно. Дурно дѣлаешь, что начинаешь съ нами ссориться; оружіе не поможетъ въ полѣ, если дома не будетъ совѣта. Хотя ты отъ царскаго величества честію пожалованъ, но достоинство свое получилъ отъ войска запорожскаго, войско же не знаетъ, что такое бояринъ, знаетъ только гетмана. Изволь вельможность твоя поступать съ нами по настоящему, какъ прежде бывало, потому что не всегда солнце въ сѣромъ зипунѣ ходитъ, и не знаешь, что кому злой жребій принесъ; помни древнюю философскую притчу, что счастье на скоромъ колесѣ очень быстро обращается; въ мірѣ все привыкло ходить какъ тѣнь за солнцемъ; пока солнце свѣтитъ, до тѣхъ поръ и тѣнь, и какъ мрачный облакъ найдетъ, такъ и мѣста не узнаешь, гдѣ тѣнь ходила: такъ вельможность твоя умѣй счастье почитать.» — Послѣ перемѣны кошеваго, Касогову пришлось плохо въ Запорожьѣ: съ нимъ перестали совѣтоваться и сообщать ему новости; запретили добрымъ людямъ ходить къ нему, развѣ кто тайкомъ придетъ; Рогу запретили съ нимъ знаться; Павла Рябуху явно бранили за то, что не громилъ царской казны, посланной въ Крымъ; послали на Кодакъ козаковъ, чтобъ не пускать туда московскихъ ратныхъ людей, и оставить чистую дорогу Днѣпромъ для заднѣпровскихъ измѣнниковъ; Касоговъ, не предвидя для себя ничего хорошаго, ушелъ изъ Запорожья. Брюховецкій послалъ спросить Рога, что это значитъ? тотъ отвѣчалъ: «Мы и сами надивиться не можемъ, зачѣмъ онъ ушелъ? мы его не выгоняли; мы не измѣнники, какъ онъ насъ описываетъ; не знаемъ, не для того ли пошелъ, что у насъ куколъ ночныхъ нѣтъ, съ которыми, думаю, на Руси уже натѣшился; войско запорожское государевыхъ людей колоть не думывало, какъ онъ писалъ; а если когда и случилось, что козакъ, напившись, промолвилъ что нибудь дурное, то быку не загородить рта, а человѣкъ пьяный подобенъ воску: что захочетъ, то и слѣпитъ.» Брюховецкій писалъ царю: «Хотя всѣ запорожскіе козаки въ своихъ грамотахъ дружелюбно пишутъ ко мнѣ, однако я боюсь, чтобъ между ними не было какого нибудь смятенія, потому что въ Запорогахъ живутъ козаки большею частію съ западной стороны, которые перемогаютъ желательныхъ вашему государскому престолу. И теперь Запорожцы дурно сдѣлали, что не отославши ко мнѣ Дорошенковыхъ посланниковъ съ грамотами, отпустили ихъ назадъ въ Чиги-

ринъ съ честію и съ ними отправили своихъ козаковъ къ нечестивому Дорошенку не знаю съ чѣмъ. Да сказывали мнѣ мои посланники, пришедшіе изъ Запорогъ, что тамошніе козаки называютъ королей дѣдичными своими государями и ненавидятъ тѣхъ, которые служатъ вѣрно вашему царскому величеству, особенно ненавидятъ дворянъ вашего царскаго величества, полковниковъ войска запорожскаго, да и меня самого, за то, что въ малороссійскіе города посланы воеводы и стали вѣдать всякія угодья. Теперь Запорожцы выслали человѣкъ больше двухъ сотъ въ Полтавщину, чтобъ схватить меня: стоятъ они въ полтавскомъ полку, въ городѣ Баликахъ. Которые города или деревни богатые отговаривались повинности свои отдавать вашего царскаго величества воеводамъ, или который козакъ къ войску не выходилъ, къ такимъ, въ наказаніе за ихъ гордость, послалъ я вашего царскаго величества ратныхъ людей на становище и велѣлъ брать всякій кормъ, чтобъ имъ понаскучили хорошенько» [55].

Въ такомъ положеніи находились дѣла по сю сторону Днѣпра, когда пришла вѣсть о заключеніи перемирія съ Польшею. Мы видѣли, какъ истощенное государство московское жаждало этого перемирія, и понятно, что вторженіе короля Яна Казимира въ Малороссію въ 1663 году не магло уменьшить этой жажды. Въ генварѣ 1664 года отправился къ королю изъ Москвы посланникъ, стряпчій Кирилла Пущинъ, и повезъ царскую грамоту съ предложеніемъ новаго съѣзда уполномоченныхъ. Въ февралѣ Пущинъ нашелъ Яна Казимира подъ Сѣвскомъ въ селѣ Ушинѣ. Литовскій канцлеръ Христофоръ Пацъ объявилъ посланнику, что съ королевской стороны коммиссары готовы и что съѣзду быть въ Бѣлевѣ или въ Калугѣ. Тутъ же пріѣхалъ къ канцлеру крымскій посолъ и объявилъ, что самъ ханъ пришелъ подъ Азовъ съ 30,000 Крымцевъ и 40,000 Янычаръ; Татаринъ предлагалъ Пацу истребить и Донскихъ козаковъ и Запорожскихъ Черкасъ, и требовалъ, чтобъ ханскіе послы присутствовали на съѣздахъ королевскихъ коммиссаровъ съ царскими уполномоченными. Канцлеръ отвѣчалъ, что когда король заключитъ миръ съ царемъ, то можетъ помирить послѣдняго и съ ханомъ. Проводя крымскаго посла, Пацъ сказалъ Пущину: «Когда великіе государи наши христіанскіе склонятся къ покою, то всѣ мечи наши оборотимъ на этихъ бусурманъ.» Въ то же время пріѣхалъ въ Москву королев-

скій посланникъ Самуилъ Венславскій и договорился съ Ординымъ-Нащокинымъ и думнымъ дьякомъ Алмазомъ Ивановымъ, чтобъ царскіе уполномоченные, бояре—князь Никита Ивановичъ Одоевскій, князь Юрій Алексѣевичъ Долгорукій, окольничій князь Дмитрій Алексѣевичъ Долгорукій, думные дворене—Григорій Борисовичъ Нащокинъ, Аѳанасій Лаврентьевичъ Ординъ-Нащокинъ и думный дьякъ Алмазъ Ивановъ съѣхались съ королевскими коммиссарами — короннымъ канцлеромъ Пражмовскимъ и гетманомъ Потоцкимъ съ товарищами тою же весною. Передъ отъѣздомъ Ординъ-Нащокинъ подалъ государю записку, въ которой настаивалъ ке необходимости тѣснаго союза съ Польшею и обращалъ вниманіе царя на враждебныя дѣйствія Швеціи, которой надобно было, по его мнѣнію, больше всего беречься. «Если заключить простой миръ съ Польшею», писалъ Нащокинъ: «то надобно возвратить всѣхъ польскихъ и литовскихъ плѣнныхъ, которыхъ такое множество въ службѣ во всѣхъ краяхъ Великой Россіи и въ Сибири, поженились здѣсь, женщины замужъ вышли; при союзѣ они могутъ остаться, и намъ очень надобны, потому что свои служивые люди отъ продолжительной войны стали къ службѣ нерадѣтельны, скучаютъ ею, а въ украйныхъ мѣстахъ безъ служиваго добраго строя отъ хана крымскаго и отъ Калмыковъ быть нельзя. Союзъ съ Польшею необходимъ потому, что только при его условіи мы можемъ покровительствовать православію въ польскихъ областяхъ. Единовѣрные Молдаване и Волохи, отдѣляемые теперь отъ насъ враждебною Польшею, прослышавъ союзъ нашъ съ нею, пристанутъ къ союзнымъ государствамъ и отлучатся отъ Турка. Такимъ образомъ соединится такой многочисленный христіанскій народъ, одной матери, восточной церкви, дѣти: отъ самаго Дуная всѣ Волохи, и черезъ Днѣстръ Подолье, Червонная Русь, Волынь и Малая Россія, уже пріобщенная къ Великой. А по близости вѣдомый нашъ непріятель Шведъ; какъ прежде, такъ и теперь по съѣздамъ посольскимъ извѣстно, какія разрушительныя шведскія неправды! И всѣ ихъ начинанія отъ того, что съ польскимъ государствомъ продлилась война и внутреннія ссоры повстали въ Великой Россіи; явный же виновникъ ссоръ шведскій коммиссаръ: онъ для того и живетъ на Москвѣ и дѣлаетъ что хочетъ. Шведы всячески тайными ссылками совѣтуются съ ханомъ на разореніе Великой Россіи. Они составляютъ злыя вѣ-

сти, въ Стокгольмѣ печатаютъ и во весь свѣтъ разсылаютъ, унижая московское государство. При мнѣ Грекъ Кирьякъ привезъ эти вѣсти изъ Москвы (надобно думать, что получилъ ихъ отъ шведскаго коммиссара), и вотъ польскіе сенаторы начали быть горды и не сходительны въ мирныхъ статьяхъ, стали колоть намъ глаза этимъ шведскимъ сочиненіемъ, будто правда, что въ Великой Россіи страшное безсиліе и разореніе; по шведскимъ же разсыльнымъ вѣстямъ король и въ Украйну пошелъ, услыхавъ, что всѣ московскія войска высланы противъ Башкирцевъ.» Въ заключеніи Нащокинъ говоритъ: «А Черкасъ малороссійскихъ какъ отступиться безъ заключенія тѣснаго союза съ Польшею: они, не взирая на Польшу и Литву, по совѣту съ ханомъ и Шведомъ, начнутъ злую войну на Великую Россію.»—Эта мысль о возможности отступиться отъ Черкасъ, неопредѣленно высказанная, сильно не понравилась государю; онъ отвѣчалъ Нащокину: «Статьи прочтены и зѣло благополучны, и угодны Богу на небесахъ, и отъ созданія руку Его и намъ грѣшнымъ, кромѣ 53-й (послѣдней); эту статью отложили и велѣли вынуть, потому что непристойна, да и для того, что обрѣли въ ней полтора ума: единаго твердаго разума, и втораго половина колеблющагося вѣтромъ. Союзъ превеликое богоугодное дѣло и всего свѣта любовь и радость, только о томъ съ твердымъ разсужденіемъ и съ великимъ подкрѣпленіемъ наказавъ, великихъ и полномочныхъ пословъ отпустимъ по времени. А о черкасскомъ дѣлѣ, о здѣшней сторонѣ мысль свою царскую прилагать непристойно, потому что за помощію Всемогущаго Бога и твоимъ усердствомъ и вѣрною службою во Львовѣ о здѣшней черкасской сторонѣ ты отговорилъ, впредь эта статья упомянута не будетъ, у насъ, великаго государя, твой извѣтъ про ту статью крѣпко памятенъ и за то тебя милостиво похваляемъ. Собакѣ недостойно ѣсть и одного куска хлѣба православнаго (т. е. Полякамъ недостойно владѣть и западною стороною Днѣпра): только то не отъ насъ будетъ, за грѣхи учинится. Если же оба куска хлѣба достанутся собакѣ вѣчно ѣсть—охъ, кто можетъ въ томъ отвѣтъ сотворить? И какое оправданіе пріиметъ отдавшій святый и живый хлѣбъ собакѣ: будетъ ему воздаяніемъ преисподній адъ, прелютый огонь и немилосердыя муки, отъ сихъ же мукъ да избавитъ насъ Господь Богъ милостію своею и не выдастъ своего хлѣба собакамъ. Человѣче! Иди съ миромъ царскимъ пу-

темъ среднимъ, и какъ началъ, такъ и совершай, не уклоняйся ни на десную, ни на шую; Господь съ тобою!»

Въ маѣ царскіе уполномоченные отправились въ Смоленскъ съ такимъ наказомъ: «Чтобъ благонадежный и святый миръ учинить и кровь христіанскую успокоить вѣчно на обѣ стороны, а рубежъ бы учинить по Днѣпръ. Если польскіе коммиссары рубежа постановить такъ не захотятъ, то вамъ бы по конечной мѣрѣ говорить о стародавныхъ городахъ, о Смоленскѣ съ 14 городами. О Черкасахъ обѣихъ сторонъ говорить и стоять всякими мѣрами накрѣпко, что они люди вольные, и какая будетъ прибыль обоимъ государствамъ, если ихъ напрасно въ Крымъ отогнать, и разоренье и войну всегдашнюю отъ нихъ принимать. Если польскіе коммиссары станутъ этому противиться упорно, то вамъ бы говорить о той сторонѣ Днѣпра, чтобъ тамъ церквей въ костелы не обращать и уніатамъ не отдавать, города и Черкасъ не неволить ничѣмъ, дать волю; о здѣшней же стороны Днѣпра черкасскихъ городахъ и о Запорожьѣ говорить всякими мѣрами и отказать впрямь и засвидѣтельствоваться Богомъ, что мы, великій государь, крови не желаемъ и впредь желать не будемъ. О плѣнныхъ дѣлать съ превеликимъ разсмотрѣніемъ, чтобъ крѣпко и впредь постоянно и прочно было, и чтобъ въ томъ между обоими государствами, особенно же въ своемъ государствѣ ссоръ, кровопролитія и убійствъ не учинить. О титулахъ говорить по окончаніи дѣла, стоять крѣпко о бѣлороссійскихъ и малороссійскихъ, чтобъ тѣми титулами писаться намъ, великому государю, потому что города Малой и Бѣлой Россіи къ московскому государству изстари, а теперь подъ нашею высокою рукою многіе, а королевскому величеству этими титулами впередъ писаться же. Стоять объ этомъ накрѣпко и въ примѣръ предлагать, какъ польскій король пишется до сихъ поръ шведскимъ. Если польскіе коммиссары станутъ упорно противиться, то говорить съ ними о титулахъ подумавъ, примѣриваясь къ ихъ польскимъ и литовскимъ хроникамъ, какіе прежде у московскаго государства были города изъ Малой, Бѣлой, Черной и Желтой Россіи, къ тѣмъ бы городамъ тѣ и титулы прилагать, въ этомъ бы намъ, великому государю, вы послужили и порадѣли, какъ васъ Богъ святый вразумитъ и наставитъ.» Но скоро государь узналъ, что службѣ и радѣнію уполномоченныхъ мѣшаетъ несогласіе между ними; Ординъ-

Нащокинъ, на ловкость котораго царь больше всего надѣялся, писалъ ему: «За многое предъ Богомъ окаянство я въ службишкѣ своей неисправенъ, въ твоемъ дѣлѣ побѣжденъ многими душевными скорбями, ни въ чемъ не успѣваю; я отъ твоихъ ближнихъ бояръ, князя Никиты Ивановича и Юрія Алексѣевича до сихъ поръ никакого обнадеживанія въ тайныхъ дѣлахъ не слыхалъ, они службишкѣ нашей мало довѣряютъ и въ дѣло ставятъ; у насъ любятъ дѣло или ненавидятъ, смотря не по дѣлу, а по человѣку, который его сдѣлалъ: меня не любятъ и дѣломъ моимъ пренебрегаютъ. А время, государь, скоро перемѣняется, дѣлать бы теперь, не откладывая на иное время, а твоихъ ратей промыслъ и какъ устали отъ службы тебѣ, великому государю, извѣстно, миру быть теперь самое время безъ проволоки.» Государь прислалъ новый наказъ: «Милость Божія да умножится съ вами, великими послами, и молитва Пресвятыя Богородицы да поможетъ вамъ во всякомъ усердіи вашемъ. И вамъ бы великимъ и полномочнымъ посламъ, а на имя стародавныхъ честныхъ родовъ, и пріятелямъ нашимъ вѣрнымъ, боярину князю Никитѣ Ивановичу, боярину князю Юрію Алексѣевичу (было написано еще: думному дворянину Аѳанасью Лаврентьевичу, но зачеркнуто) о томъ же Бозѣ нашемъ здравствовати и радоваться! Да послужить бы вамъ святой восточной церкви и намъ, государю, и приложить бы вамъ къ усердію наипаче усердіе и къ промыслу промыслъ, и стоять бы за Полоцкъ крѣпко, образа ради Пресвятыя Богородицы Владимірскія и чудесъ, содѣявшихся отъ него въ видѣніи орли во время пришествія того образа во градъ Полоцкъ; удержать бы этотъ городъ, хотя бы и денегъ дать не мало: слезъ достойное будетъ дѣло, если въ святой велелѣпной великой церкви полоцкой Поручницыно имя уже болѣе не возгласится православно, призовется по римски или иной вѣрою неправо, и жертва не принесется правильно, но учинится церковь костеломъ или уніатскою! Также и за Динабургъ давать деньги, а за Витепскъ и упорно говорить не надобно. Если невозможно удержать Полоцка и Динабурга, буди воля Божія и Пресвятыя Богородицы, сдѣлается это по волѣ Божіей, а не отъ васъ, только бы наше намѣреніе и повелѣніе къ вамъ, ваше предложеніе и усердіе крѣпкое было. А думному нашему дворянину, а вашему товарищу Аѳанасью Лаврентьевичу это письмо вѣдать же.»

1 іюня, въ Дуровичахъ, между Краснымъ и Звѣровичами, начались съѣзды. Три первыхъ съѣзда прошли, по обычаю, во взаимныхъ упрекахъ и спорахъ за титулы: московскіе уполномоченные жаловались, что король, отпустивъ Ордина-Нащокина изо Львова съ обѣщаніемъ приказать коммиссарамъ своимъ двинуться къ границѣ для мирныхъ переговоровъ, вмѣсто того двинулся самъ съ войскомъ въ Украинскіе города. Коммиссары отвѣчали: «Когда былъ во Львовѣ Ординъ-Нащокинъ и домогался перемирія, то король на это не согласился, говоря, кто желаетъ перемирія, тотъ не желаетъ вѣчнаго мира; король желаетъ мира, но не обѣщалъ прекратить войны, и пошелъ на подданныхъ своихъ запорожскихъ Черкасъ для того, чтобъ свои города мечемъ отыскать и старыхъ подданныхъ возвратить подъ свою оборону.» Между тѣмъ Хованскій снова проигралъ сраженіе подъ Витебскомъ, потерялъ обозъ; Одоевскій писалъ государю: «Польскіе коммиссары передъ прежнимъ горды, стоятъ упорно, проволакиваютъ время нарочно, а гетманъ Пацъ сбирается съ войскомъ безопасно, поджидаетъ къ себѣ коронныхъ полковъ, изъ Украйны вѣстей и отъ крымскихъ людей помощи; и такъ теперь надъ княземъ Иваномъ Андреевичемъ Хованскимъ и надъ твоими государевыми ратными людьми учинили промыслъ, обозъ взяли и Витепскъ осадили, то и пуще возгордились.» Ординъ-Нащокинъ писалъ отъ себя то же, прибавляя, что коммиссаровъ можно склонить къ миру только обѣщаніемъ союза, но когда онъ совѣтуетъ Одоевскому и Долгорукому предложить коммиссарамъ союзъ, то ближніе бояре и слышать объ этомъ не хотятъ, потому что, говорятъ, въ дѣло этого не поставлено; посредниковъ нѣтъ, а безъ этихъ двухъ статей, безъ предложенія союза и безъ чужаго посредства, успѣха въ переговорахъ не будетъ. «Если я», продолжаетъ Нащокинъ: «доносилъ тебѣ, великому государю, что-нибудь неправдою, если все то, что я тебѣ говорилъ и писалъ по шведскому и польскому посольству, не сбылось, то я достоинъ смерти, и не только былъ бы я радъ, еслибъ меня откинули отъ этого посольства, какъ откинули отъ шведскаго, но даже тѣсная темница или казнь были бы мнѣ радостнѣе нынѣшняго посольства.» Князь Юрій Алексѣевичъ Долгорукій писалъ государю мысль: «Поляки подлинно знаютъ, что у боярина князя Якова Куденетовича Черкасскаго въ полкахъ ратные люди оскудѣваютъ запасами, стоя на одномъ мѣ-

стѣ, утѣхи себѣ и прибыли никакой не имѣютъ; всегда рать тѣшится, вступая въ чужую землю и видя себѣ прибыль и сытость, а на одномъ мѣстѣ стоя на своихъ хлѣбахъ, всегда попеченіемъ одолѣвается. Лучше, не испуская лѣта, князю Якову Куденетовичу Черкасскому перейти Днѣпръ между Могилевымъ и Быховымъ подъ Варколановымъ монастыремъ и тутъ дать битву, литовское войско пожать, а коммиссаровъ понизить, а биться ему съ литовскимъ и жмудскимъ войскомъ можно, пока Чарнецкій съ коронньмъ войскомъ на помощь къ Литвѣ не подоспѣетъ.» Ординъ-Нащокинъ утверждалъ то же самое, что для склоненія коммиссаровъ къ уступчивости необходимъ военный успѣхъ съ русской стороны, но онъ разнился съ Долгорукимъ относительно мѣста, куда должно было двинуься царское войско: «Если государевы ратные люди», говорилъ Нащокинъ, «будутъ стоять безъ промыслу до осени, то они смоленскіе хлѣбные запасы объѣдятъ, смоленскихъ ратныхъ людей оголодятъ, и осенью разбѣгутся; если же имъ хлѣбныхъ запасовъ давать понемногу, то они и до августа станутъ бѣгать. Если отъ государевыхъ ратныхъ людей будетъ промыслъ по Двинѣ рѣкѣ, то Литва испугается, а запасы нашему войску можно вести рѣками Касплею и Двиною; надъ Могилевомъ же промыслъ Литвѣ не такъ страшенъ, потому что жены, дѣти и домы ихъ около Двины, а Татаръ они въ Литву привести для своего разоренья не захотятъ; если же и приведутъ Татаръ, то Татары въ Литвѣ зимовать не станутъ и за нашимъ войскомъ къ Двинѣ не пойдутъ, а учинятъ Литвѣ такое разоренье. какова она отъ нашего войска и въ десять лѣтъ не видала; видя такое разоренье отъ Татаръ, Литва рада будетъ миру.» Ординъ-Нащокинъ совѣтовалъ также дѣйствовать другими средствами, онъ говорилъ: «Для одержанія союзомъ смоленской и сѣверской земли надобно послать къ шляхтѣ, у которой въ тѣхъ уѣздахъ были маетности, обнадеживать ее возвращеніемъ этихъ маетностей, обѣщать, что судъ и расправа останутся у нея прежніе; войску польскому надобно посулить денежной казны, а сенаторамъ уже и объявлено; надобно дать государева жалованья литовскому референдарю Брестовскому, онъ можетъ все сдѣлать, потому что Литовцы его любятъ и во всемъ вѣрятъ.» На всѣ эти мнѣнія и донесенія царь отвѣчалъ отъ 18 іюня, что князю Якову Куденетовичу Черкасскому велѣно двинуться къ Оршѣ. Къ этому вое-

водѣ, которымъ были недовольны за дѣйствія его противъ короля, царь послалъ спросить о здоровьѣ и сказать ему такія милостивыя рѣчи: 1) сынъ его князь Михайла и дочь его княжна Авдотья далъ Богъ здоровы и къ нимъ наша государская милость непремѣнна: отъ насъ великаго государя къ сыну его, отъ царицы къ дочери его подачи ежедневныя и пироги имянинные посылаютъ. 2) Чтобъ онъ бояринъ и воевода, взявъ себѣ на помощь крѣпко великаго Бога и Его святый образъ, безо всякаго сумнѣнія держалъ и промышлялъ о имени Его святомъ, не опасаясь ничего. Вѣрилъ бы и уповалъ крѣпко на Бога, и какъ Богъ попуститъ, то будетъ людямъ на хвалу, а если за невѣріе милость отниметъ, тогда всѣ пуще ворчать станутъ; истинно за Болховскую стойку крѣпко негодуютъ; рѣчамъ глупыхъ людей не радоваться бы, что король отъ него побѣжалъ, и онъ хотя и не нашелъ, за то и не потерялъ. Можно было ему, за Божіею помощію, съ польскимъ королемъ миръ учинить, еслибы онъ на его королевскихъ людей наступалъ всѣми людьми строемъ и обозомъ, и надъ ними промышлялъ: всегда за такимъ промысломъ войнѣ конецъ бываетъ. 3) Радовался бы упованію крѣпкому на Бога, да утѣшался бы тѣмъ, что на недруга наступалъ всякимъ способомъ, бился строемъ, огнемъ и дымомъ и промыслъ чинилъ съ обозами: бо̀льшая то слава и честь, нежели людьми, пѣхотою. 4) Чтобъ онъ бояринъ и воевода съ нашими ратными людьми, пушками и обозами подвинулся ближе къ великимъ и полномочнымъ посламъ и сталъ отъ нихъ въ 30 верстахъ для страху польскимъ коммиссарамъ. Во время съѣздовъ къ великимъ посламъ посылать станицы часто и спрашивать вслухъ, польскіе коммиссары приступаютъ ли къ миру и правдою ли входятъ въ дѣло, или разъѣдутся? Если и не разъѣдутся, а въ дѣло входятъ неправдою, то ему надъ польскими и литовскими людьми чинить промыслъ не испустя нынѣшняго лѣтняго времени; а посылалъ бы къ великимъ посламъ людей умныхъ и суровыхъ и ростомъ дородныхъ. 5) Чтобъ онъ бояринъ и воевода надъ польнымъ гетманомъ Пацомъ и надъ литовскими войсками промышлялъ, ссылаясь съ великими послами, бралъ бы у нихъ совѣтъ и вѣсть почаще какъ литовскихъ людей приводить къ миру, потому что они на то дѣло смотрятъ какъ его дѣлать. 6) Чтобъ у Полоцка непріятельскимъ людямъ никакъ новаго хлѣба и травъ покосить не далъ, чтобъ къ тому новому

хлѣбу на тотъ годъ таборы свои ставить и запасы готовить. 7) Чтобъ онъ походомъ и промысломъ своимъ и посылками на войну себя и нашихъ ратныхъ людей охрабрилъ и нашимъ великаго государя походомъ, если польскіе коммиссары не помирятся, обнадеживалъ, для того, чтобъ дѣло къ концу привесть. 8) Ратныхъ конныхъ людей обнадеживать нашимъ государевымъ жалованьемъ, деньгами и хлѣбомъ впередъ. 9) Спросить, для чего полчане его на Москвѣ оставлены? 10) О князѣ Хованскомъ сказать, что къ нему будетъ посланъ товарищъ для подкрѣпленія. 11) Переслаться съ княземъ Хованскимъ, чтобъ литовскому и жмудскому войску собраться не дать. 12) Непремѣнно бы онъ бояринъ и воевода на то дѣло смотрѣлъ всячески и надъ непріятельскими людьми чинилъ всякій промыслъ и поискъ, чтобъ непріятельскимъ людямъ собраться не дать и не такъ бы сдѣлать, какъ было нынѣшнею зимою, когда Господь Богъ всякій промыслъ подавалъ, можно было надѣяться всякаго добраго дѣла, а онъ, бояринъ и воевода, какъ польскій король изъ Сѣвскихъ мѣстъ побѣжалъ къ Могилеву, за нимъ не поспѣшилъ и отъ Почепа отступилъ. 13) Чтобъ крѣпко уповалъ на Бога, на святый образъ и на молитву Пресвятыя Богородицы, дерзалъ бы о имени Божіемъ разумно и ходилъ и посылалъ стройно военнымъ крѣпкимъ обычаемъ. — Князю Юрію Алексѣевичу Долгорукому государь послалъ сказать тайно: «Князю Якову Куденетовичу Черкасскому послано выговорить за прежнее его стоянье безъ промысла; если онъ впередъ будетъ дѣлать такъ же, то великій государь изволитъ идти въ Вязьму, а на мѣсто князя Черкасскаго воеводою быть укажетъ ему, князю Юрію Алексѣевичу, а теперь бы его безъ причины не перемѣнять. Думному дворянину Аѳанасью Лаврентьевичу про эту статью сказать же.»

Черкасскій долженъ былъ двинуться съ войскомъ, чтобъ подвинуть посольское дѣло въ Дуровичахъ. Здѣсь уже шесть съѣздовъ прошло въ вычетахъ и перекорахъ, кто виноватъ въ нарушеніи вѣчнаго мира—Москва или Польша? На седьмомъ съѣздѣ, 30 іюня, московскіе уполномоченные сказали: «Всѣ эти вычеты обѣимъ сторонамъ извѣстны, пора уже ихъ оставить и говорить о томъ, какъ всѣ ссоры успокоить и вѣчный миръ заключить.» Польскіе коммиссары отвѣчали, что вѣчный миръ можетъ быть заключенъ только на поляновскихъ условіяхъ. Московскіе упол-

номоченные возразили, что поляновскія статьи вещь невозможная. «Ну такъ дайте намъ письмо за руками, что поляновскій договоръ уничтоженъ, и тогда мы будемъ становить новыя условія,» сказали коммиссары. Но царскіе послы отказались дать письмо, предполагая хитрость: въ поляновскомъ договорѣ утвержденъ былъ за государемъ московскимъ царскій титулъ; если уничтожить договоръ, то Поляки откажутся писать этотъ титулъ. Пошли споры объ уступкѣ земель; Поляки требовали возвращенія всего завоеваннаго и 10,000,000 золотыхъ польскихъ за убытки и разореніе: «Не уступимъ» кричали они: «ни пяди земли, пока сабля у насъ при боку; вы побрали наши города во время нашего безсилія, когда у насъ много непріятелей было; но хотя Господь Богъ за грѣхи насъ и казнилъ, однако ото всѣхъ непріятелей освободилъ, остались у насъ непріятели вы одни; мы и съ вами хотимъ мира, только отдайте намъ все, а не отдадите, и мы будемъ отыскивать своею саблею. Вы намъ попрекаете за крымскій союзъ: намъ бы и самимъ не хотѣлось соединяться съ ханомъ, но видя вашу несклонность къ вѣчному миру, по неволѣ съ нимъ соединимся, соединимся и съ шведскимъ королемъ и съ иными государями, шведскій посолъ теперь у короля въ Варшавѣ, дожидается заключенія союзнаго договора; да при нашемъ посланникѣ астраханскіе Татары и Калмыки присылали къ крымскому хану съ просьбою принять ихъ въ подданство; сами разсудите: когда мы со всѣми этими государями соединимся, то вамъ придется плохо.» Царскіе уполномоченные уступили имъ все, что только могли по наказу, уступили и Полоцкъ, и Динабургъ; но польскіе коммиссары не хотѣли ни о чемъ слышать, кромѣ возвращенія всего завоеваннаго. Тогда царскіе уполномоченные показали твердость, объявили коммиссарамъ, что если они не хотятъ соглашаться ни на какія уступки, то съѣзжаться больше незачѣмъ, ибо они стоятъ въ царскихъ земляхъ, въ смоленской волости, и своимъ станомъ мѣшаютъ движенію царскихъ войскъ, (по договору, мѣсто съѣзда и окрестности на извѣстное разстояніе были свободны отъ военныхъ дѣйствій). Польскіе коммиссары присмирѣли, отказались отъ требованія десяти милліоновъ за убытки: «Больше уступать намъ нечего» говорили они: «пусть опять начнется кровопролитіе, у насъ въ государствѣ разорять нечего, потому что оно уже все разорено, а вы смотрите, не

доводите насъ до необходимости соединяться съ другими государями.» Видя невозможность продолжать переговоры, положили разъѣхаться на три недѣли, съ 10 іюля по 1 августа, царскимъ уполномоченнымъ отправиться въ Смоленскъ, а польскимъ коммиссарамъ въ Толочино.

Пріѣхавши въ Смоленскъ, великіе послы отправили въ Москву товарища своего Аѳанасія Лаврентьевича Ордина-Нащокина, чтобъ тотъ подробно разказалъ государю, какъ у нихъ дѣло дѣлалось. Слѣдствіемъ этой поѣздки была царская грамота Долгорукому: «Будучи ты на посольскихъ съѣздахъ, служа намъ, великому государю, радѣлъ отъ чистаго сердца, о нашемъ дѣлѣ говорилъ и стоялъ упорно свыше всѣхъ товарищей своихъ. Эта твоя служба и радѣнье вѣдомы намъ отъ присыльщиковъ вашихъ, также и товарищъ твой Аѳанасій Лаврентьевичъ Ординъ-Нащокинъ про твою службу и радѣнье намъ извѣщалъ. Мы за это тебя жалуемъ, милостиво похваляемъ, а теперь указали тебѣ быть полковымъ воеводою, и ты бы надъ польскими и литовскими людьми промыслъ и поискъ чинилъ бы, въ которыхъ мѣстахъ пристойно, смотря по тамошнему.» Черкасскій былъ отозванъ въ Москву, подъ предлогомъ, что онъ долженъ быть дворовымъ воеводою во время преднамѣреваемаго царскаго похода въ Литву. Ординъ-Нащокинъ возвратился въ Смоленскъ съ наказомъ—польскихъ коммиссаровъ подкупать всячески, чтобъ они къ миру были склонны. 30 іюля онъ получилъ грамоту: «Ты бы намъ отписалъ съ нарочнымъ гонцомъ наскоро, чаять ли отъ коммиссаровъ сходства къ миру и нашему походу изъ Москвы въ Вязьму быть пристойно ли? Да вѣдомо намъ, великому государю, что генералъ-поручикъ Вильямъ Дромантъ нашу государскую премногую къ себѣ милость и жалованье поставилъ ни во что, и нашимъ жалованьемъ обогатясь, намъ служить не хочетъ, а хочетъ ѣхать за море: и ты бъ ему поговорилъ отъ себя тайно, чтобъ онъ свою мысль отложилъ и за море не ѣздилъ.» Въ отвѣтъ Ординъ-Нащокинъ писалъ, что Долгорукій задерживаетъ войско подъ Шкловомъ, въ которомъ сильный гарнизонъ, и боится выйти изъ смоленскихъ мѣстъ въ литовскія; но что онъ, Нащокинъ, держится прежняго своего мнѣнія: осаду городовъ надобно оставить; и прежде эти осады губили войско и давали время непріятелю собираться съ силами; онъ приходилъ и города свои отбиралъ на-

задъ. Теперь, не задерживая войска подъ Шкловомъ и Могилевомъ, стать къ хлѣбнымъ мѣстамъ Смоленскаго уѣзда и оттуда пустить войну къ Двинѣ, гдѣ у литовскихъ войскъ домы.

Съ 8 августа возобновились съѣзды: польскіе коммиссары объявили, что вѣчный миръ возможенъ только при возвращеніи Польшѣ всего завоеваннаго, и предложили перемиріе до мая мѣсяца слѣдующаго 1665 года съ уступкою царю Смоленска и сѣверскихъ городовъ. Царскіе уполномоченные соглашались на это осьмимѣсячное перемиріе, но съ удержаніемъ всего завоеваннаго, уступали наконецъ Витебскъ съ уѣздомъ; за уступку на вѣки Смоленска, сѣверскихъ городовъ, Динабурга, Малороссіи на востокъ отъ Днѣпра и Запорожья предлагали три милліона, да самимъ коммиссарамъ давали соболей на три тысячи рублей; коммиссары ни на что не согласились и разъѣхались въ сентябрѣ, положивъ начать новые съѣзды не ранѣе іюня 1665 года, послѣ сейма. Такъ окончилось посольское дѣло; князь Долгорукій извѣщалъ, что гетманъ Пацъ стоитъ въ Могилевѣ въ крѣпости и въ пушечной отстрѣлкѣ, а въ полѣ бою не даетъ, не вышелъ и противъ окольничаго князя Юрія Никитича Борятинскаго, тѣ же непріятельскіе люди, которые встрѣтились съ Борятинскимъ, побиты на голову и въ плѣнъ взято шляхты и Нѣмцевъ 32 человѣка; кромѣ того по обѣимъ сторонамъ Днѣпра Литовскихъ людей во многихъ мѣстахъ побивали; надъ Шкловомъ и Копосомъ промыслить нельзя, потому что сторожа въ нихъ оставлена сильная и начальные люди вѣрные. Государевымъ ратнымъ людямъ стоять теперь въ Дубровнѣ хорошо, гораздо сытнѣе, чѣмъ подъ Копосомъ и Шкловомъ, хлѣбъ находятъ по ямамъ и на поляхъ жнутъ и въ обозъ возятъ; но передъ прежними годами на поляхъ во многихъ мѣстахъ хлѣба не сѣяно, начало зарастать лѣсомъ; около Могилева и Шклова все пожжено и разорено; отъ Днѣпра до Березы, а въ правую сторону близь Двины, въ лѣвую по Толочино все разорено и сожжено, люди въ полонъ выбраны и повезены въ Русь. Ратнымъ людямъ дано сроку три дня для отпуска плѣнниковъ въ Русь, а которые безлюдные люди, тѣмъ велѣно продавать, а у себя не держать, потому что въ полкахъ появилось много женокъ и дѣвокъ, и надобно очистить души и тѣла ратныхъ людей отъ блуда.

Прошелъ 1664 годъ; приближался уже іюнь 1665, а о новыхъ

посольскихъ съѣздахъ не было слуха. Въ маѣ мѣсяцѣ московскій посланникъ дьякъ Григорій Богдановъ толковалъ въ Варшавѣ съ панами радными о посредничествѣ христіанскихъ государей: «У короны польской» говорили паны: «съ московскимъ государствомъ не первая теперь война, и въ прежнихъ войнахъ мирились безъ посредниковъ. Императорскіе послы, Аллегретъ съ товарищами, были посредниками, однако при нихъ покою вѣчнаго не учинено; а еслибъ посредниковъ тогда не было, то конечно миръ былъ бы, эти посредники тогда только мѣшали, а не мирили. И теперь только бы вашъ великій государь захотѣлъ покою, то можно бы заключить вѣчный миръ и безъ посредниковъ.»—«Сколько разъ съѣзжались великіе уполномоченные послы» отвѣчалъ Богдановъ: «а ни вѣчнаго мира, ни перемирья за многими спорами не заключили: для того теперь посредники и надобны, чтобъ спорныя дѣла разсудили. И опять полномочные послы съѣдутся, и опять безъ посредниковъ ничего не сдѣлаютъ.»—«Хорошо» говорилъ референдарь Брестовскій: «успокоивать обидныя дѣла посредниками, не начиная войны, не дѣлая великаго разоренья, не взявши себѣ многихъ городовъ: а то побрали многіе города, да и говорятъ о посредникахъ. Знаемъ мы, для чего вамъ нужны посредники: для проволоки; чтобъ года три, четыре проволочить и взятые города укрѣпить за собою.»—«Царское величество» говорилъ бискупъ Плоцкій: «желаетъ въ посредники цесаря и короля датскаго; но пусть царское величество знаетъ, что цесарь королю польскому родня, а датскому королю во время его упадка, когда на него Шведы наступали, польское войско большую помощь оказало, потому датскій король нашему королю другъ и неправды никакой дѣлать не захочетъ. Если соглашаться на посредничество, то до пріѣзда посредниковъ надобно будетъ войну прекратить, и въ это время царь будетъ нашими городами владѣть и ихъ за собою крѣпить. Только принять въ посредники цесаря и короля датскаго, такъ захотятъ у того же дѣла быть и французскій, и шведскій короли, и курфюрстъ бранденбургскій, и другіе всѣ христіанскіе государи, и всякій изъ нихъ станетъ вымышлять, какъ бы себѣ лучше.» Богдановъ возражалъ, что ни одинъ государь безъ приглашенія не навяжется въ посредники. Паны продолжали свое, что посредники только препятствуютъ соглашенію: «Лучше всего» говорили они: «съѣхаться уполномоченнымъ, и

если они вѣчнаго мира заключить не смогутъ, то заключить перемиріе лѣтъ на 12 и вмѣстѣ договоръ о посредникахъ, которые должны быть при переговорахъ о вѣчномъ мирѣ.» Съ этимъ Богдановъ и былъ отпущенъ, а въ Москву въ сентябрѣ пріѣхалъ королевскій посланникъ Іеронимъ Комаръ и объявилъ полномочіе говорить о перемиріи, о прекращеніи военныхъ дѣйствій и о томъ, гдѣ и когда быть съѣздамъ уполномоченныхъ. Что же было причиною такой склонности къ миру и такой уступчивости со стороны Польши? Мы видѣли, что оба государства были поставлены предшествовавшими событіями въ такія отношенія, что миръ между ними не былъ возможенъ; Москва, послѣ такихъ пожертвованій, не могла отказаться отъ Малороссіи и отъ всѣхъ завоеваній; Поляки же прямо говорили: для чего намъ уступать вамъ что-либо, когда обстоятельства перемѣнились, когда вы истощены, безъ союзниковъ, а мы свободны отъ всѣхъ другихъ враговъ и въ союзѣ съ ханомъ? Слѣдовательно миръ между Москвою и Польшею былъ возможенъ только въ томъ случаѣ, когда новый какой-нибудь ударъ постигалъ то или другое государство и заставлялъ его спѣшить миромъ съ тяжелыми для себя пожертвованіями. Такой ударъ именно постигъ Польшу; Поляки перестали хвастаться своимъ выгоднымъ положеніемъ, ибо внутри поднялась у нихъ смута, а извнѣ ханъ крымскій вмѣсто союзника становился врагомъ, и готовилась страшная война турецкая. Знаменитый Любомирскій, съ которымъ мы встрѣчались при печальныхъ для Москвы событіяхъ, преслѣдуемый противною стороною, въ челѣ которой стояли королева и канцлеръ Пражмовскій, былъ позванъ въ 1664 году передъ сеймъ, и, за неявленіемъ, приговоренъ къ потерѣ достоинствъ, имущества и жизни. Любомирскій удалился въ Силезію, но шляхта Великой Польши поднялась на его защиту, и Любомирскій, въ челѣ ея, вступилъ въ открытую борьбу съ правительствомъ.

Въ Москвѣ знали о возстаніи Любомирскаго, перемѣнили тонъ, объявили Комару, что для перемирія со стороны царскаго величества уступокъ никакихъ не будетъ, и прямо спрашивали, какъ идутъ дѣла у короля съ Любомирскимъ? Комаръ отвѣчалъ: «Любомирскій загналъ королевское величество далеко; но было время, когда на короля наступили вдругъ разные непріятели, и тогда Богъ короля освободилъ, а съ подданнымъ своему королевскому

величеству война не страшна; когда король пойдетъ на Любомирскаго самъ, то послѣднему стоять будетъ не съ кѣмъ, какъ мышамъ противъ кота.» Комаръ уступалъ на перемиріе Смоленскъ съ городами смоленскаго воеводства; думные люди отвѣчали, что это рѣчь неслушная; переговоры о перемиріи кончились и положили — быть коммиссарскимъ съѣздамъ въ генварѣ 1666 года.

Но только 12 февраля пріѣхалъ въ Смоленскъ великій и полномочный посолъ намѣстникъ шацкій Аѳанасій Лаврентьевичъ Ординъ-Нащокинъ, пожалованный уже въ окольничіе; въ товарищахъ ему назначены были дворянинъ Богданъ Ивановичъ Нащокинъ и дьякъ Григорій Богдановъ; съ ними отпущены были коверъ золотный—постилать на столъ во время переговоровъ съ польскими коммиссарами, шатеръ суконный красный, карета, шандалъ серебряный, пять шандаловъ мѣдныхъ съ щипцами, лахань съ рукомойникомъ серебряные, десять стопъ бумаги, кувшинъ чернилъ, свѣчи восковыя витыя и свѣчи сальныя. Еще до начала съѣздовъ 6 марта государь далъ знать Ордину-Нащокину, что въ Москву пріѣхалъ полковникъ отъ Любомирскаго съ двумя просьбами: 1) чтобъ сыну Любомирскаго служить царскому величеству и держать на Украйнѣ два города, заступая московскую землю отъ Татаръ и Поляковъ; 2) самому Любомирскому помочь деньгами, чтобъ ему людну и сильну быть противъ короля. Государь требовалъ совѣта у Нащокина, что отвѣчать Любомирскому? Нащокинъ писалъ: «Сыну Любомирскаго пристойно быть въ Москву, это поможетъ миру и явно будетъ всему свѣту, что сынъ великаго человѣка и славнаго сенатора короны польской пріѣдетъ служить въ московское государство; дружбѣ съ цесаремъ это не повредитъ, потому что Любомирскій въ милости у цесаря; на Москвѣ въ милости царской держать его не зазорно отъ людей и нeново, а Полякамъ будетъ страшно. Если же послать казну самому Любомирскому, то отъ этого Великой Россіи большой прибыли не будетъ: злая ненависть не возрасла бы? свои ратные люди зашумятъ, что въ чужую землю казну посылаютъ, а у себя и хлѣбомъ и деньгами скудно.» Любомирскій предлагалъ также царю заключить союзъ съ цесаремъ, курфюрстомъ бранденбургскимъ и Швеціею, и не допустить на польскій престолъ принца Конде. Но кромѣ того, что это вмѣшательство въ чужія дѣла во-

все было не ко времени московскому государству, истощенному, жаждущему мира, мысль о союзѣ съ Шведами была лично ненавистна Нащокину, и онъ отвѣчалъ царю: «Такой промыслъ теперь не къ дѣлу, а когда было для него время, тогда не хотѣли этимъ заняться. Теперь надобно думать о томъ, какъ бы поскорѣе миръ заключить. Цесарь и курфюрстъ и теперь въ постоянной дружбѣ съ царскимъ величествомъ, а Шведъ отъ промыслу отбитъ не въ мѣру почитаніемъ и страхами посольскаго приказа; чтобъ Шведы не гнѣвались, уступлены имъ пошлины во вредъ Божіимъ людямъ новгородскаго и псковскаго государствъ и во вредъ казнѣ, а теперь шведскій резидентъ въ Москвѣ требуетъ уплаты долговъ, что у Шведовъ на Русскихъ людяхъ; кто бы этому не подивился и не счелъ за порабощеніе! Итакъ, наведши владѣтельство шведское надъ Русскими людьми, какой ровной сосѣдственной дружбы ожидать? и кто дерзнетъ, будучи въ тѣхъ краяхъ воеводою, людей оберегать и сборъ казны множить?»

Съѣзды у Нащокина съ польскими коммиссарами, Юріемъ Глѣбовичемъ, старостою жмудскимъ, съ товарищами, начались только 30 апрѣля въ деревнѣ Андрусовѣ, надъ рѣкою Городнею, между Смоленскимъ и Мстиславскимъ уѣздами. 26 мая Нащокинъ доносилъ государю, что коммиссары намѣрены уступить Смоленскъ со всею Сѣверскою землею, также Динабургъ, довольствуясь отдачею Полоцка и Витебска, да денежнымъ вознагражденіемъ, обѣщаннымъ еще въ Дуровичахъ; но польскіе коммиссары никакъ не хотятъ уступить Украйны; два польскихъ коммиссара, страшно побранясь, едва не уѣхали отъ литовскихъ, все за Украйну. «Коронные коммиссары,» писалъ Нащокинъ: «затѣмъ и перемиріе заключать, чтобъ всякими мѣрами впередъ стараться о возобновленіи войны, а тогда и Литва отъ нихъ не отстанетъ: такъ теперь надобно подлиннымъ союзнымъ миромъ ихъ захватить.» Нащокинъ оканчиваетъ свое письмо любопытными указаніями о собственныхъ отношеніяхъ: «Узналъ я, что сынишка мой Воика (возвратившійся въ отечество) изо Пскова поѣхалъ въ Москву, и тебѣ, великому государю, бью челомъ, надѣясь на твою государскую по Богѣ безчисленную ко всѣмъ виноватымъ милость, особенно же ко мнѣ, беззаступному холопу твоему. Еслибы вина его, Воикина, была отпущена и дошло бы до того, чтобъ его послать ко мнѣ, то твоему государеву дѣлу будетъ помѣшка. Тебѣ,

великому государю, извѣстно: въ нынѣшнее воинское время многія неудержательныя рѣчи въ людяхъ происходятъ передъ прежнимъ безстрашно, а передъ всѣми людьми, за твое государево дѣло, никто такъ не возненавиженъ, какъ я; которымъ и службишка моя приказана, и тѣ злыми разговорами возненавижены отъ думныхъ людей. Крѣпче иныхъ ближній окольничій Ѳедоръ Михайловичъ Ртищевъ, и тотъ въ моей службишкѣ отъ злыхъ разговоровъ много пострадалъ, и потому побоялся переписываться со мною по дѣламъ настоящаго посольства, что причиняетъ большой вредъ въ твоемъ и всего міра дѣлѣ, въ докладахъ. Воззри, государь, на Божіе и на свое государское всенародное дѣло, чтобъ оно мною и сынишкомъ моимъ отъ ненавистей людскихъ разрушено не было, а я вины сынишка своего не укрываю, и въ обращеніи его какъ тебѣ великому государю Богъ извѣститъ, пожаловать или казнить.»

Самымъ яснымъ признакомъ возможности мира было то, что коммиссары согласились на прекращеніе враждебныхъ дѣйствій на всѣхъ пунктахъ; но въ то время, какъ явился уже такой благопріятный признакъ, вдругъ Нащокинъ получаетъ изъ приказа тайныхъ дѣлъ грамоту—оставить всѣ замыслы и служить по обѣщанію. «Теперь ли мнѣ замыслы имѣть, когда гробъ у меня въ глазахъ!» отвѣчалъ Нащокинъ государю: «я милосердія твоего, что слѣпой свѣта, ожидаю, жду, что ближніе твои бояре къ совершенію посольства будутъ и мои злыя дѣла покроются честнымъ дѣломъ.» 18-го іюня Нащокинъ увѣдомилъ, что вѣчный миръ невозможенъ, и потому приступлено къ переговорамъ о перемиріи. Въ отвѣтъ пришла милостивая грамота, чтобъ Нащокинъ на милость государеву былъ надеженъ и заключалъ договоръ о перемиріи, отложа всякій страхъ, немедленно. Нащокинъ доносилъ (въ іюлѣ), что договору о перемиріи сильно помѣшали козаки, которые стоятъ подъ Гомлемъ, распустили войну и въ дальнія литовскія мѣста, вездѣ плѣнятъ народъ. Польскіе коммиссары на съѣздахъ говорили, что козаки нарочно нарушаютъ договоръ о прекращеніи военныхъ дѣйствій: имъ не хочется мира, чтобъ быть всегда въ своевольствѣ, а не подъ началомъ на своихъ пашняхъ работать. Въ половинѣ іюля Нащокину стало легче спорить съ коммиссарами на съѣздахъ: государь писалъ ему, что за его вѣрную и радѣтельную службу онъ пожаловалъ сына его, вины от-

далъ, велѣлъ свои очи видѣть и написать по московскому списку съ отпускомъ на житье въ отцовскія деревни; относительно условій перемирія царь позволилъ Нащокину уступить Витебскъ и Полоцкъ, но приказывалъ стоять упорно за Динабургъ и Малую Лифляндію, сулить за нихъ въ королевскую казну 10,000 рублей и больше, а тѣхъ коммиссаровъ, которые будутъ особенно противиться, подкупать, сулить тайно до 20,000 рублей. Когда Нащокинъ предложилъ это коммиссарамъ, то они отвѣчали. что уступкою Полоцка и Витебска ограничиться нельзя, не можетъ Польша уступить Москвѣ Украйну, потому что тамошніе служивые люди останутся безъ домовъ. Государь велѣлъ предложить имъ изъ Заднѣпровской Украйны городъ Каневъ съ уѣздомъ, потомъ уступать кіевское воеводство, наконецъ даже и Кіевскій уѣздъ, оставивъ при Кіевѣ только по шести или по пяти верстъ въ окружности, чтобъ въ этихъ верстахъ остались православные монастыри, но самый Кіевъ, Кременчугъ и Запорожье непремѣнно удержать въ государевой сторонѣ; если Нащокинъ узнаетъ подлинно, что коммиссары готовы заключить и вѣчный миръ, если имъ уступленъ будетъ Кіевъ и раздѣлится все Днѣпромъ, то для вѣчнаго мира Кіевъ уступить, но Запорожью и Кременчугу быть въ государевой сторонѣ. Потомъ государь велѣлъ требовать Кіева только на пять лѣтъ. Нащокинъ послалъ въ Москву свой душевный извѣтъ: «Вѣдая правду, умолчать—противно Богу и невозможно по крестному цѣлованію великому государю: коммиссарамъ силы въ посольствѣ прибыло изъ Украйны, потому что въ прошломъ году въ Украйну изъ Москвы переписчики посланы для сбора доходовъ со всякихъ жилецкихъ людей: но тамошніе люди и отъ польскаго короля многою кровью отбивались, чтобъ жить въ своей волѣ, имъ лучше кровопролитіе и своевольство, чѣмъ покой; неудовольствіе въ Украйнѣ вслѣдствіе сбора доходовъ возбудило въ Полякахъ надежду къ ея возвращенію и произвело потому затрудненіе въ мирныхъ переговорахъ. Въ Малой Ливоніи тоже неудовольствіе: послѣ отдачи Большой Лифляндіи Шведамъ, на Двинѣ проѣзжихъ людей грабятъ и всячески оскорбляютъ. Наконецъ, какъ нарочно, чтобъ раздразнить литовское войско, изъ Смоленска выслали пашенныхъ людей: успѣли бы это сдѣлать и послѣ заключенія перемирія, а теперь отъ порубежной жесточи война можетъ возобновиться. Чтобъ удовлетворить Литву, надоб-

но уступить къ Полоцку и Витепску Динабургъ съ тамошними мѣстами: тогда Литва и впередъ на сеймикахъ и на большомъ сеймѣ будетъ противиться войнѣ съ нами, потому что Литвѣ нечего будетъ больше желать. Отъ польскихъ же границъ необходимо удержать Украйну отъ Чернигова по Днѣпръ и во время перемирья укрѣпить Черниговъ и всѣ Сѣверскіе города. Кіевъ на пять лѣтъ и Динабургъ на все перемирье, при томъ, что дѣлается теперь на порубежьѣ, отстоять невозможно; да если и перемирье будетъ, а не прекратится насиліе порубежнымъ крестьянамъ, то Смоленскіе уѣзды и впередъ пусты будутъ, крестьяне выбѣгутъ на льготы за рубежъ. Для успѣха въ посольскомъ дѣлѣ надобно усилить порубежныя мѣста, въ началѣ зимы въ Смоленскъ и въ другіе порубежные города запасы и рати ввести, также ссылаться съ курфюрстомъ Бранденбургскимъ, съ Богуславомъ Радзивиломъ и съ Любомирскимъ.» Государь, отъ 10 ноября, отвѣчалъ Нащокину, чтобъ заключалъ перемирье по прежнему наказу, вытребовавши Кіевъ на пять лѣтъ, а Динабургъ на все перемирное время. Но польскіе коммиссары (10 декабря) съ клятвою объявили, что, по сеймовому указу, имъ велѣно уступить Смоленское воеводство со всею Сѣверскою землею, а взять безъ откладыванія Кіевъ съ тѣми мѣстами, которыя черезъ Днѣпръ на Переяславской сторонѣ теперь за ними, да Запорожье, чтобъ запорожскіе козаки ссорою не наводили на нихъ войны съ Турками и Крымцами, а на Двинѣ Динабургъ съ другими волостями, которыя прежде были за ними. Нащокинъ предлагалъ разъѣхаться до новаго срока, подтвердивъ только прекращеніе непріятельскихъ дѣйствій; но коммиссары никакъ на это не соглашались: «или перемирье на 12 лѣтъ на нашихъ условіяхъ, или война»—говорили они и грозили, что ханъ съ ордами идетъ къ нимъ на помощь, что̀ подтверждалъ и воевода Шереметевъ изъ Кіева. Нащокинъ уговорилъ коммиссаровъ не разъѣзжаться до 25 декабря и, давши знать объ этомъ государю, совѣтовалъ принять условія, ибо другихъ не будетъ: «А въ московскомъ государствѣ» писалъ онъ: «и въ мысли того не бывало, что Смоленскомъ владѣть, не только Черниговомъ и всею Сѣверскою землею, что̀ теперь отдаютъ. У Полоцкихъ и Витепскихъ служивыхъ людей слышится сильный ропотъ, что живутъ безъ перемѣны, и если война продлится, то едва ли удержатся. Какая нужда въ Кіевѣ, тебѣ, великому госу-

дарю, извѣстно изъ грамотъ боярина Петра Васильевича Шереметева; а въ Польшѣ и Литвѣ хорошо знаютъ, что порубежные города не крѣпки и большое войско на оборону ихъ скоро не придетъ; слава пущена во всѣ государства, что денежной казны у васъ въ сборѣ нѣтъ, Сибирская рухлядь и всякіе поставы въ жалованье служивымъ людямъ розданы, прежнихъ доходовъ убыло, и на денежныхъ дворахъ въ Москвѣ и по городамъ денегъ не дѣлаютъ. Если миръ отложится, то чтобъ Турка и ханъ въ Украйнѣ не усилились, ее и окольнія мѣста не разорили, когда выведутъ людей, то и мириться будетъ не зачѣмъ; и началась война за то, чтобъ Турка и хана не допустить владѣть Украйною, въ посольствахъ и по всему свѣту объ этомъ разславлено; а кромѣ мира съ Польшею возмущенія въ тамошнихъ людяхъ укротить нечѣмъ.» Государь, 17 декабря, послалъ статьи, примѣриваясь къ которымъ, договариваться: перемиріе на 12 лѣтъ или больше, уступить за Кіевъ Динабургъ съ южною Ливоніею, если же не согласятся, то по послѣдней мѣрѣ уступить и Кіевъ съ Заднѣпровскими городами Кіевской стороны, а восточной сторонѣ Днѣпра быть за царемъ, Запорожье подѣлить—здѣшней сторонѣ быть за Москвою, а другую уступить Польшѣ. Статьи объявлять не вдругъ, а продержать коммиссаровъ и войну задержать до послѣдняго зимняго пути. «А тебѣ, Аѳанасію Лаврентьевичу» писалъ государь: «къ терпѣнію еще терпѣніе приложить, потому что гумна пшеницы и мѣры масла еще не исполнились, ибо міръ въ лукавствѣ лежитъ; претерпѣвый до конца, той спасенъ будетъ, и какъ гумна пшеницы и мѣры масла исполнятся, тогда мы, великій государь, укажемъ къ тебѣ отписать.» Но скоро это рѣшеніе перемѣнилось вслѣдствіе извѣстія, что ханъ побитъ въ Украйнѣ: 22 декабря написанъ былъ новый наказъ Нащокину: «За Кіевъ и за здѣшнюю сторону Запорожья давать деньги, что пристойно, чтобъ Кіеву и здѣшней сторонѣ Запорожья никакъ въ уступкѣ не быть; если же коммиссары не согласятся, то съѣзды отсрочить и войну задержать. Нащокинъ донесъ, что послѣ 30 съѣздовъ коммиссары уступили наконецъ всю восточную сторону Днѣпра, но Кіева все еще не уступаютъ и, вопреки договору, польскія войска двинулись въ Смоленскій уѣздъ для сбора стацій. 6 генваря 1667 года государь отвѣчалъ: «Мы отправили окольничаго князя Великаго-Гагина въ Вязьму съ двумя полками

рейтаръ и съ четырьмя приказами стрѣльцовъ и съ 33 пушками, изъ Вязьмы имъ велѣно идти въ Смоленскъ не для крови, но для того, чтобъ литовскія войска отступили. Если польскія войска изъ Смоленскаго уѣзда выйдутъ и коммиссары будутъ къ вамъ сходительнѣе прежняго, то тебѣ отъ Бога избранному и вѣрному доброхоту нашему уступать Динабургъ съ Запорожьемъ кромѣ берега здѣшней стороны противъ Запорожья, потому что по вашему договору коммиссары уступаютъ всѣ Черкасскіе города здѣшней стороны, а за Кіевъ стоятъ; если же никакими способами Кіева удержать будетъ нельзя, коммиссары сходительны не будутъ, рати изъ Смоленскаго уѣзда не выведутъ, а захотятъ крови, то Кіевъ уступить, но прежде настойте о выводѣ и задержаніи войскъ, чтобъ отдавать было волею, а не по нуждѣ. Смотрѣть накрѣпко, не своею ли службою хотятъ коммиссары удержать Кіевъ, не нарочно ли вамъ говорятъ, что указъ имъ присланъ съ сейма; а намъ подлинно извѣстно, что сеймъ разорвался безъ всякаго дѣла. Стойте всѣми силами, чтобъ намъ въ титлахъ попрежнему Кіевскимъ писаться.»

«Свыше человѣческой мысли,» по выраженію Нащокина, коммиссары согласились уступить Кіевъ на два года. Виновникомъ этой уступчивости былъ Дорошенко. Еще 20 февраля 1666 года подъ городомъ Лысенкою Дорошенко предложилъ старшинѣ (безъ черни)—всѣхъ Ляховъ выслать изъ Украйны въ Польшу, самимъ со всѣми Заднѣпровскими городами приклониться къ хану крымскому, и по веснѣ идти съ ордою на восточную сторону; если Ляхи не пойдутъ добровольно, то бить ихъ, потому что Поляки берутъ стацію многую и налоги чинятъ великіе, а отъ московскихъ ратныхъ людей и отъ восточныхъ козаковъ не защищаютъ; стацій и хлѣба на западной сторонѣ давать нечего: уже три года хлѣба не сѣяли. Поднялся крикъ отъ старшины Серденева полка на Дорошенка: «Ты татарскій гетманъ, Татарами поставленъ, а не войскомъ выбранъ; мы всѣ поѣдемъ къ королю.»—«Хоть сейчасъ поѣзжайте къ королю» отвѣчалъ Дорошенко: «вы мнѣ не угрозите, я васъ не боюсь; вы меня называете не гетманомъ: для чего же стацій у меня просите? Королевскаго войска и васъ намъ не прокормить, только себя погубить.» При этихъ словахъ Дорошенко положилъ булаву, въ знакъ, что отказывается отъ гетманства, и пошелъ въ городъ. Но полковники и старшина до-

гнали его, привели въ раду и попрежнему провозгласили гетманомъ [56]. Дорошенко далъ знать въ Крымъ и Константинополь, что Украйна въ волѣ султана и хана, и вотъ пришелъ приказъ изъ Константинополя новому крымскому хану Адиль-Гирею (смѣнившему Магметъ-Гирея весною 1666 года), чтобъ шелъ воевать короля польскаго. Въ сентябрѣ толпы Татаръ нагрянули на Украйну подъ начальствомъ нурадина Девлетъ-Гирея. Царевичъ остановился подъ Крыловымъ и отсюда разослалъ загоны за Днѣпръ подъ Переяславль, Нѣжинъ и другіе Черкасскіе города и вывелъ плѣнныхъ тысячъ съ пять. Схвативши эту добычу съ восточнаго, царскаго берега, нурадинъ отошелъ подъ Умань, два мѣсяца кормилъ здѣсь лошадей, соединился съ козаками и двинулся на короля. Подъ Межибожьемъ встрѣтилъ онъ полковниковъ польскихъ Маховскаго и Красовскаго съ 2000 гусаръ, рейтаръ, шляхты и драгуновъ: все это полегло на мѣстѣ или было взято въ плѣнъ, Маховскаго въ оковахъ привезли въ Крымъ. Послѣ побѣды Татары и козаки разсыпались за добычею подъ Львовымъ, Люблиномъ, Каменцомъ, побрали въ плѣнъ шляхты, женъ и дѣтей, подданныхъ ихъ и Жидовъ до 100,000, а по разказамъ польскихъ плѣнниковъ, 40,000. Татары брали плѣнныхъ, но козаки этимъ не довольствовались: они вырѣзывали груди у женщинъ, били до смерти младенцевъ. Послѣ этого Дорошенку уже не было возврата къ королю. Чтобъ небояться мести отъ Поляковъ, онъ хотѣлъ сдавить ихъ съ двухъ сторонъ: въ Крымъ явились отъ него посланники—Браславскій полковникъ Михайла Зеленскій и Данила, сынъ Грицка Лесницкаго, хлопотать, чтобъ Адиль-Гирей помирился съ государемъ московскимъ, не допускалъ его до мира съ польскимъ королемъ, чтобъ воевать Польшу вмѣстѣ съ Москвою. Плѣнный бояринъ Шереметевъ получилъ такое письмо отъ Зеленскаго: «Ради бы были противъ давняго желательства и пріятства вашу милость навѣстить и поклонъ нижайшій отдать, но намъ запрещено, для чего письменно вашу милость посѣщаемъ; потомъ желаемъ, чтобъ противъ стародавности, на Руси могли вашу милость видѣть, дастъ Богъ, вскорѣ: когда ужь съ Ляхами вновь въ непріязни пребываемъ, тогда Господь въ соединеніе христіанъ сведетъ» [57]. Но если Дорошенко хлопоталъ о томъ, чтобъ не допустить царя до мира съ Польшею, то Поляки должны были хлопотать о противномъ, и, благодаря этому, Кіевъ остался за Москвою.

Нащокинъ объявилъ коммиссарамъ государево жалованье, по десяти тысячъ золотыхъ польскихъ: референдарю Брестовскому объявлено, что сверхъ товарищей своихъ получитъ еще 10.000 золотыхъ, а если пріѣдетъ съ подтвержденіемъ договора въ Москву, то будетъ большая ему государская милость. «Королевскому величеству» писалъ Нащокинъ коммиссарамъ: «мы не можемъ назначить, но когда будутъ у него царскіе послы съ мирнымъ подтвержденіемъ, то привезутъ достойные дары, также и канцлеру Пацу прислано будетъ необидно.» 6 января пріѣхалъ отъ коммиссаровъ Іеронимъ Комаръ и билъ челомъ, чтобъ сверхъ обѣщанныхъ денегъ въ тайную дачу пожаловалъ имъ государь явно соболями, чтобъ имъ можно было хвалиться передъ людьми; самъ Комаръ билъ челомъ, чтобъ вмѣсто обѣщанныхъ ему ефимковъ дали золотыми червонными, потому что червонцы легче скрыть, такъ что и домашніе не узнають; Комаръ объявилъ, что какъ скоро коммиссары получатъ государево жалованье, сейчасъ же станутъ писать договорныя статьи. Деньги были высланы изъ Москвы немедленно, и 13 января, на 31-мъ съѣздѣ, написаны договорныя статьи: заключалось перемиріе на 13 лѣтъ, до іюня мѣсяца 1680 года; въ это время уполномоченные съ обѣихъ сторонъ должны трижды съѣзжаться для постановленія вѣчнаго мира, причемъ третья коммиссія должна быть уже съ посредниками. Въ королевскую сторону отходятъ города: Витебскъ и Полоцкъ съ уѣздами, Динабургъ, Лютинъ, Рѣзица, Маріенбургъ и вся Ливонія, также Украйна на западной сторонѣ Днѣпра, но изъ Кіева выводъ московскихъ ратныхъ людей отлагается до 5 апрѣля 1669 года; въ эти два года окрестности Кіева на милю разстоянія остаются во владѣніи царскомъ. Запорожскіе козаки остаются въ оборонѣ и подъ послушаніемъ обоихъ государей, должны быть одинаково готовы на службу противъ непріятелей королевскихъ и царскихъ; но оба государя должны запретить имъ, какъ и вообще всѣмъ Черкасамъ, выходить на Черное море и нарушать миръ съ Турками. Въ сторону царскаго величества отходятъ: воеводство смоленское со всѣми уѣздами и городами, повѣтъ стародубскій, воеводство черниговское и вся Украйна съ Путивльской стороны по Днѣпръ, причемъ католики, здѣсь остающіеся, будутъ безпрепятственно отправлять свое богослуженіе въ домахъ; шляхта, мѣщане, Татары и Жиды имѣютъ право продать

здѣсь свои имѣнія и уйти въ королевскую сторону. Козакамъ восточной стороны не мстить за то, что отступали въ сторону королевскую, людей отсюда въ московское государство не выводить и новыхъ крѣпостей не строить. Плѣнники, духовные, шляхта, военные люди, козаки, Жиды, Татары, мѣщане, ремесленники, купцы отпускаются съ обѣихъ сторонъ безусловно, объ отпускѣ же пашенныхъ людей будетъ постановлено на будущей коммиссіи. Оба государя предложатъ крымскому хану приступить къ перемирію; если онъ отвергнетъ предложеніе и пойдетъ войною на московское государство, то король никакой помощи давать ему не будетъ; если же онъ станетъ опустошать Украйну по обѣимъ сторонамъ Днѣпра или подговаривать козаковъ къ себѣ, то оба государя общими силами даютъ отпоръ бусурманамъ, препятствуютъ, чтобъ Украйна не отошла къ послѣднимъ, и козакамъ такого самовольства не позволятъ. Оба государя будутъ употреблять короткіе титулы; король будетъ писаться — польскимъ, шведскимъ, литовскимъ, русскимъ, бѣлорусскимъ и иныхъ; царь— великимъ государемъ царемъ и великимъ княземъ и прочихъ; на царской печати не будетъ титуловъ литовскаго, кіевскаго, волынскаго и подольскаго. Всѣ захваченныя бумаги, нарядъ, взятый въ городахъ и замкахъ, королевскихъ и шляхетскихъ, церковныя вещи, часть животворящаго древа, взятая въ Люблинѣ, мощи св. Каллистрата въ Смоленскѣ возвращаются, сколько ни найдется. Торговымъ людямъ путь чистый въ обоихъ государствахъ, сухимъ путемъ и рѣками, а именно Касплею и Двиною изъ Смоленска къ Ригѣ, съ платежемъ обыкновенныхъ пошлинъ; путь чистый всякихъ и другихъ чиновъ людямъ, черезъ московское государство духовнымъ особамъ, отправляющимся въ Персію и Китай для распространенія тамъ христіанской вѣры.

Для подтвержденія перемирія въ Москву пріѣхали королевскіе послы—Станиславъ Бѣнѣвскій и Кипріанъ Брестовскій. 21 октября, въ отвѣтѣ съ Ординымъ-Нащокинымъ, они сказали: «У королевскаго величества и рѣчи посполитой теперь болѣзнь большая: на королевство польское всталъ великій непріятель всѣми своими бусурманскими силами, такъ надобно обоимъ великимъ монархамъ противъ бусурманскихъ войскъ вмѣстѣ стоять. Есть еще у короля и рѣчи посполитой другая болѣзнь, внутренняя, которую прежде всего надобно нецѣлить, чтобъ больше Турецкой войны мира

не разорвала: надобно удовольствовать шляхту, выгнанную изъ уступленной Украйны и Сѣверщизны, потому что отъ нея безпрестанная докука и вопль. Чтобъ царское величество изволилъ объ этихъ статьяхъ договоръ учинить теперь съ нами: тогда непріятель христіанскій, слыша о союзѣ обоихъ монарховъ, испугается, и народы христіанскіе, находящіеся подъ властію бусурмана, Греки, Сербы, Болгары, Волохи и Молдаване, начнутъ искать освобожденія изъ-подъ поганскаго насилія.» — «Чѣмъ же успокоить выгнанную шляхту?» спросилъ Нащокинъ.—«На это есть два способа,» отвѣчали послы: «пусть царское величество или пожалуетъ ихъ деньгами, или позволитъ имъ жить въ прежнихъ имѣніяхъ.»—«Если позволить имъ жить въ прежнихъ маетностяхъ,» спросилъ опять Нащокинъ: «то чьими подданными они будутъ называться и какая услуга будетъ отъ нихъ царскому величеству?» Послы отвѣчали: «Они останутся подданными королевскими, а царскому величеству съ имѣній своихъ будутъ давать подати.» —«Отъ этого будетъ ссора,» сказалъ Нащокинъ: «лучше объявите, сколько этихъ изгнанниковъ и сколько нужно дать денегъ, чтобъ ихъ удовольствовать?» — «Это совершенная правда,» отвѣчали послы: «если они останутся въ прежнихъ маетностяхъ, то безъ ссоры не обойдется, лучше дать имъ денегъ, но сколько именно для этого нужно казны, сказать намъ нельзя, потому что у лучшихъ людей, у Вишневецкихъ, Потоцкихъ, Конецпольскаго и другихъ сенаторовъ и шляхты имѣнія были большія, съ которыхъ каждому сходило по 100, по 200 и по 300 тысячъ дохода; мы полагаемся на милостивое разсужденіе царскаго величества.» Нащокинъ обѣщалъ донести объ этомъ государю и потомъ спросилъ: «Не наказано ль что-нибудь вамъ о вѣчномъ мирѣ?» — «О вѣчномъ мирѣ говорить теперь нельзя» отвѣчали послы: «какъ узналъ султанъ Турецкій и про перемирье, то сейчасъ же началъ на насъ войну готовить и крымскому хану велѣлъ войска отправлять; теперь Татары съ Дорошенкомъ и съ отступниками Черкасами разоряютъ Польшу, побрали въ плѣнъ больше 100.000 человѣкъ, и часъ отъ часу военный огонь распространяется, а какъ рѣки станутъ, то ждемъ отъ Турокъ и Татаръ конечнаго разоренія. Король и рѣчь посполитая прислали насъ теперь для подтвержденія перемирнаго договора и для заключенія союза противъ бусурманъ, пока рѣки не станутъ, также поскорѣе рѣ-

шить дѣло о выгнанной шляхтѣ, а если ее не удовольствовать, то надобно опасаться отъ нея всякаго дурна, потому что голодный отъ нужды и то дѣлаетъ, чего ему не довелось; бѣда, если шляхта затѣетъ смуту, а непріятель вторгнется.» Нащокинъ: «Длинные разговоры ведете вы объ удовлетвореніи выгнанной шляхты и о помощи на Турокъ, а о вѣчномъ мирѣ говорить не хотите: но царскому величеству изъ чего удовлетворять шляхту казною? да и помогать вамъ противъ непріятеля не надежно, потому что миръ у насъ съ вами времянной, а не вѣчный.» Послы: «Если царское величество намъ не поможетъ и Турки Польшу одолѣютъ, то и московскому государству будетъ отъ нихъ тѣснота; въ награжденіи же шляхты мы полагаемся на царское милостивое разсужденіе, а не рѣшивши этихъ двухъ дѣлъ, въ другія вступать нельзя.»

На слѣдующемъ съѣздѣ, 26 октября, Нащокинъ сказалъ, что большихъ денегъ для удовлетворенія шляхты царь дать не можетъ, потому что и такъ казнѣ расходъ большой: много идетъ денегъ Калмыкамъ, чтобъ они тѣснили крымскій юртъ и не пускали хана на Польшу; кромѣ того у государя войска много, на содержаніе котораго идетъ казна большая; «объявите подлинно, спросилъ бояринъ, чѣмъ шляхту удовольствовать? да безъ большихъ запросовъ.» Послы отвѣчали прежнее, что полагаются на милостивое разсужденіе царскаго величества: «Милосердіе великаго государя въ государствѣ нашемъ славится» говорили они: «извѣстно, что всѣхъ бѣдныхъ онъ милостію своею призираетъ и жалуетъ, а выгнанная шляхта, братья наши, бѣдны и безпомощны, и кромѣ государской милости искать имъ негдѣ. Царскому величеству надобно ихъ пожаловать вмѣсто милостыни; мы знаемъ, что у государя и на богадѣльни расходится не меньше того, чѣмъ бѣдную шляхту пожаловать; а Вишневецкимъ и другой знатной шляхтѣ позволилъ бы государь жить въ Черкасскихъ городахъ на Путивльской сторонѣ: они люди честные и богатые, могутъ при себѣ держать войска немалыя, которыя будутъ обоимъ государствамъ на оборону.» — «Нѣтъ ужь лучше удовольствовать шляхту казною» отвѣчалъ на это Нащокинъ: «козаки люди самовольные, не только не дадутъ имъ владѣть маетностями, но и самихъ побьютъ, и отъ того, Боже сохрани, чтобъ еще большіе бунты не начались, и станутъ козаки прибѣгать къ турецкому

султану и крымскому хану.»—«Правда,» говорили послы: «козаки изсвоевольничались, подъ прежними своими панами жить не захотятъ; а надобно, чтобъ теперь великіе государи, по братской дружбѣ и любви, общими силами ихъ смирили по прежнему, какъ было до войны.« Послѣ долгихъ разговоровъ Нащокинъ объявилъ наконецъ, что государь жалуетъ шляхтѣ 500.000 золотыхъ Польскихъ, разложивъ на сроки. Послы отвѣчали, что этимъ бѣдныхъ изгнанниковъ удовольствовать нечѣмъ; изволилъ бы великій государь пожаловать ихъ нескудно, чтобъ они бѣдные за его царское величество были вѣчно богомольцы. «Казна у его царскаго величества большая» говорили они: «съ одной Украйны по нашимъ вѣдомостямъ и росписямъ можно со всѣхъ шляхетскихъ маетностей собрать въ годъ милліоновъ съ двадцать, а по меньшей мѣрѣ съ десять. По государевой милости одному полковнику Константину Греку данъ городъ Лохвица, что было прежде имѣніе Вишневецкаго, а онъ ставитъ съ него по 100 человѣкъ козаковъ; гетману Брюховецкому и многимъ полковникамъ даны большіе города, съ которыхъ можно бы собрать много казны; а нашъ польскій и литовскій народъ славный и вольный, и если будетъ ему отъ царскаго величества удовольствованіе, то будетъ на свѣтѣ славно во всѣхъ государствахъ.» Послѣ этого предисловія, послы наконецъ высказали свое требованіе, чтобъ государь, на каждый перемирный годъ, давалъ шляхтѣ по 3.000.000. Имъ отвѣчали, что это дѣло нестаточное, запросъ такой *неслушный*, что царскому величеству и донести объ немъ невозможно. Послы спустили до двухъ милліоновъ. Нащокинъ пошелъ доложить объ этомъ государю и, возвратясь, объявилъ посламъ, что государь позволилъ прибавить еще 500.000 золотыхъ польскихъ. Послы били челомъ и приняли это въ великую милость.

Статья о шляхтѣ была порѣшена; оставалась другая о союзѣ противъ Турокъ и Крыма. 28 октября послы снова были въ отвѣтѣ съ Ординымъ-Нащокинымъ и говорили: «Чтобъ великій государь изволилъ для опасенія отъ непріятельскихъ безвѣстныхъ приходовъ держать на Украйнѣ войска свои безпрестанно, и число войскъ надобно назначить, а королевскія войска на Украйнѣ будутъ готовы указное же число, и какъ придетъ вѣсть, что Крымцы выступаютъ, то громить бы ихъ общими силами; а теперь изволилъ бы царское величество послать свое войско на

Украйну поскорѣе, и чтобъ это войско, соединившись съ войскомъ королевскимъ, шло на отступниковъ, которые уже поддались султану турецкому и вмѣстѣ съ ордою воюютъ королевскія украйныя мѣста, и, смиря ихъ общими силами, привести въ прежнее подданство, чтобъ они были въ послушаніи обоихъ великихъ государей, а не подъ бусурманскимъ игомъ; и напередъ бы послать къ Черкасамъ грамоты, призывая ихъ къ возвращенію въ подданство и обнадеживая всякимъ милосердіемъ, да и то имъ объявить, если они такого милосердія не поищутъ и изъ-подъ ига бусурманскаго не возвратятся, то на нихъ посланы будутъ войска съ обѣихъ сторонъ.» Нащокинъ отвѣчалъ: «Отъ бусурманскаго прихода царскаго величества войска готовы, бѣлгородскій полкъ стоитъ всегда; а числа войскамъ назначить не годится, чтобъ непріятель не узналъ и больше войска не приготовилъ, говорить надобно просто, что войска много; Калмыки также наготовѣ.» Послы: «Государь бы изволилъ поискъ учинить нынѣшнюю зиму, потому что Орда и козаки наше государство воюютъ, и постановить бы о томъ договоръ подлинный съ нами.» — «Царскаго величества войскамъ гдѣ на Украйнѣ стоять и съ коронными войсками гдѣ сходиться?» спросилъ Нащокинъ. «Это укажетъ потребность,» отвѣчали послы. «Если,» продолжалъ Нащокинъ: «на Украйнѣ война продлится, а царскимъ войскамъ становища спокойнаго не будетъ, то они потерпятъ нужду большую. Теперь царскимъ войскамъ становище надежное—Кіевъ, пока онъ въ царской сторонѣ, а какъ по договору андрусовскому отойдетъ въ королевскую сторону, то царскимъ войскамъ надежнаго становища такого другаго не будетъ, и про это какъ вы разсуждаете? отъ королевскаго величества о Кіевѣ что̀ вамъ наказано?» Послы поняли, къ чему клонится рѣчь боярина, и отвѣчали: «Безъ становища царскія войска не будутъ, а о Кіевѣ говорить намъ и разсуждать нечего: какъ объ немъ въ андрусовскихъ договорахъ постановлено, такъ и быть, и отмѣнять андрусовскихъ договоровъ ни въ чемъ нельзя, все равно что каменной стѣны: каменная стѣна до тѣхъ поръ и крѣпка, пока цѣла, а выньте изъ нея хотя одинъ кирпичь, и станетъ рушиться.» Наконецъ договорились, что царское величество отправитъ на помощь королю противъ Татаръ и непокорныхъ козаковъ 5000 конницы и 20,000 пѣхоты, которыя должны соединиться съ королевскими войсками

между Днѣпромъ и Днѣстромъ, а для отвлеченія силъ непріятельскихъ Калмыки и донскіе козаки будутъ воевать Крымъ. Въ вознагражденіе изгнанной изъ Украйны шляхтѣ государь даетъ милліонъ золотыхъ польскихъ, а московскимъ счетомъ 200,000 рублей изъ которыхъ посламъ при отпускѣ отсчитано будетъ 150,000 рублей, а остальные 50,000 отправлены будутъ изъ Смоленска въ февралѣ 1668 года. Такъ какъ по случаю союза между обоими государствами противъ бусурманъ и отступниковъ козаковъ будутъ частыя пересылки, также и для усиленія торговли учреждена будетъ еженедѣльная почта, начавъ отъ королевскаго мѣстопребыванія чрезъ все его государство до мѣстечка Кадина на рубежѣ воеводства мстиславскаго. Почта эта будетъ возить грамоты, какъ государскія, такъ и торговыя, и сдавать ихъ въ порубежномъ смоленскаго воеводства мѣстечкѣ Мигновичахъ русскому начальнику почты, который пересылаетъ ихъ какъ можно скорѣе черезъ Смоленскъ въ Москву, и наоборотъ, грамоты, присланныя изъ Москвы, отсылаетъ въ Кадинъ; торговые люди за пересылку своихъ писемъ будутъ платить по обычаю, ведущемуся во всѣхъ государствахъ. Нащокинъ предложилъ также посламъ, чтобъ въ іюнѣ 1668 года былъ съѣздъ въ Курляндіи уполномоченнымъ русскимъ, польскимъ и шведскимъ для постановленія торговаго договора между тремя государствами: «чтобъ торговые люди по всѣмъ государствамъ общимъ выбираньемъ пошлинъ изобижены не были, понеже всѣ народы пожитками торговыми казну полнить извыкли.» Послы обязались донести объ этомъ королю и сейму.

4 декабря, на отпускѣ, подлѣ государя послы видѣли недавно объявленнаго наслѣдника, царевича Алексѣя Алексѣевича, послѣ чего бояринъ Ординъ-Нащокинъ, царственной большой печати и государственныхъ великихъ посольскихъ дѣлъ оберегатель, говорилъ имъ: «Видѣли вы предъ лицемъ великаго монарха безцѣнное сокровище, дражайшую свѣтлость, которая не задолго до вашего пришествія ясностію луча московскіе народы просвѣтила, видѣли вы благороднаго государя нашего царевича. Эту превысокую милость можете возвѣстить королевскому величеству и къ желательной любви его подвигнуть. Если, по смерти королевской, государство ваше будетъ просить себѣ въ короли котораго-нибудь изъ царевичей, то великій государь Божіей волѣ противенъ

не будетъ.» Послы отвѣчали: «Когда будемъ у себя, то королевскому величеству и всей рѣчи посполитой милосердіе великаго монарха и сына его объявимъ и такъ выхвалять и прославлять обѣщаемся, сколько въ насъ духа достанетъ. Приняты мы свыше прежняго обычая московскаго государства, жалованьемъ и кормами обдарены больше прежнихъ пословъ; посольство выслушано и въ отвѣтахъ было съ великою честію, на славу передъ посторонними народами; мы уже писали въ польское государство на прославленіе этой милости, надѣемся, что изъ разныхъ государствъ объ этомъ скоро отзовутся и служба наша вѣрна будетъ; объявленіе же о царевичахъ хотя и съ радостію принимаемъ, но повелѣнія королевскаго и рѣчи посполитой на этотъ счетъ не имѣемъ и потому безотвѣтны остаемся.» Тутъ возвысилъ голосъ ближній бояринъ князь Никита Ивановичъ Одоевскій: «Въ прошлые годы въ Вильнѣ,» сказалъ онъ: «писали мы статьи объ избраніи царскаго величества или сына его въ короли: и теперь этому быть можно же.»—«То посольство не совершилось по праведной волѣ Божіей,» отвѣчали послы: «а теперь лучше и крѣпче тогдашняго: далъ Господь Богъ между обоими государями и государствами святой покой, и въ этомъ покоѣ всякое доброе дѣло въ свое время легко совершиться можетъ.» Этимъ разговоръ кончился; государь пожаловалъ пословъ къ рукѣ и велѣлъ отпустить [58].

Такъ окончилась въ восточной Европѣ опустошительная тринадцатилѣтняя война, по важности причинъ и слѣдствій своихъ соотвѣтствующая тридцатилѣтней войнѣ и вообще религіознымъ борьбамъ, потрясавшимъ среднюю и западную Европу въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Война началась, какъ мы видѣли, далеко не вслѣдствіе одной извѣчной вражды между двумя народами, ждавшей перваго удобнаго случая для своего обнаруженія, далеко не потому одному, что Москва не могла успокоиться на поляновскомъ мирѣ, не могла сжиться съ мыслью о потеряхъ, ею понесенныхъ по этому миру. Не за Смоленскъ и Сѣверскую землю загорѣлась борьба. Москвѣ такъ же не хотѣлось начинать ее, какъ и Польшѣ. Она началась вслѣдствіе малороссійскихъ событій, вслѣдствіе религіозной борьбы, разгорѣвшейся въ западныхъ русскихъ областяхъ и давшей такую силу козацкимъ интересамъ, козацкимъ движеніямъ. Государь, царствовавшій на Москвѣ въ это время, по

господствовавшему направленію своего духа, могъ именно принять къ сердцу тотъ интересъ, во имя котораго происходило историческое движеніе: «Собакѣ недостойно ѣсть и одного куска хлѣба православнаго; если же оба куска хлѣба достанутся собакѣ вѣчно ѣсть—охъ, кто можетъ въ томъ отвѣтъ сотворить? И какое оправданіе пріиметъ отдавшій святый и живый хлѣбъ собакѣ? Будетъ ему воздаяніемъ преисподній адъ, прелютый огонь и немилосердыя муки.» Вотъ какъ выражался основный взглядъ царя Алексѣя! Мы не примемъ на себя страннаго труда взвѣшивать и опредѣлять, во сколько къ религіозному взгляду присоединялись политическіе разсчеты и другія побужденія; но легко видѣть, какъ всѣ эти разсчеты и побужденія обхватываются и связываются основнымъ побужденіемъ, какъ въ глазахъ дѣятеляхъ, такъ и въ массѣ народной: исходъ борьбы на Украйнѣ въ XVII и даже въ XVIII вѣкѣ, точно такъ какъ исходъ смутнаго времени въ московскомъ государствѣ, объясняется тѣмъ громаднымъ различіемъ, которое въ народномъ сознаніи существовало между понятіями: православный русскій, Ляхъ-Латынецъ, Татаринъ-бусурманъ, и тотъ всуе будетъ разсуждать о народныхъ интересахъ, кто обойдетъ интересъ религіозный.

Такимъ образомъ описанная тринадцатилѣтняя война была необходимымъ слѣдствіемъ религіозной борьбы, начавшейся въ Польско-Литовскихъ областяхъ въ XVI вѣкѣ. Мы уже указывали на связь этой борьбы съ общеевропейскимъ религіознымъ движеніемъ, знаменующимъ такъ называемую Новую Исторію: распространеніе протестантизма въ Литвѣ и Польшѣ вызвало католическое противодѣйствіе, явились Іезуиты, которые, осиливъ протестантизмъ, обратились противъ *русской* вѣры и тѣмъ вызвали къ жизни русскія народныя силы, подняли народный вопросъ, выяснили для русскаго человѣка различіе его народности отъ сопоставленной народности польской. Борьба не могла ограничиться одною духовною сферою, ибо притѣсненіе вызывало отпоръ; возможность матеріальной борьбы, матеріальнаго отпора западная Русь нашла въ козачествѣ, котораго борьба съ государствомъ польскимъ, съ шляхтою за свои козацкіе интересы какъ-разъ пришлась ко времени народной русской борьбы. Во время этой матеріальной борьбы противоположности разыгрались до такой степени, что примиренія быть не могло, а между тѣмъ матеріальныя

силы козачества оказались недостаточными для борьбы и союзъ татарскій неприносящимъ пользы: тутъ естественно явилась необходимость соединенія Малой Россіи съ Великою для окончанія совокупными силами той борьбы, которая уже давно велась порознь, и, относительно Москвы, окончилась поляновскимъ миромъ.

Силенъ былъ неожиданный ударъ, нанесенный Польшѣ Москвою въ 1654 году; понятно, что успѣхамъ Москвы способствовало нападеніе Шведовъ на Польшу съ другой стороны. Но это нападеніе, повидимому грозившее Польшѣ окончательною погибелью, удержало ее на краю пропасти: вопервыхъ, произведя столкновеніе между Швеціею и Москвою, оно остановило напоръ послѣдней на Польшу; вовторыхъ, опять чрезъ поднятіе религіозной борьбы, возбудило народныя силы, произвело народную войну, которая окончилась изгнаніемъ Шведовъ. Обстоятельства перемѣнились: несмотря на страшное опустошеніе, истощеніе страны, Польша нашлась въ выгоднѣйшихъ противъ Москвы условіяхъ для продолженія войны: у нея были два союзника—первый смута малороссійская, второй — ханъ крымскій. И война длилась, и не видать было возможности окончить ее: Москва слишкомъ много пріобрѣла въ началѣ, и потому ей было тяжело отказаться отъ всего пріобрѣтеннаго на верхнемъ Днѣпрѣ и Двинѣ, невозможно отказаться ото всей Малороссіи, «отдать оба куска православнаго хлѣба собакѣ»; на это она могла рѣшиться только при послѣдней крайности, а этой крайности, несмотря на страшное истощеніе силъ, еще не было, ибо Польша, вслѣдствіе своего истощенія, не могла наносить рѣшительныхъ ударовъ и пользоваться побѣдами своими. Но, съ другой стороны, положеніе ея вовсе не было такъ отчаянно, чтобъ она могла согласиться на московскія требованія, возвратить не только все пріобрѣтенное Сигизмундомъ и Владиславомъ, но уступить половину Украйны, отнять земли у своей шляхты въ пользу бунтливыхъ козаковъ. Такимъ образомъ, несмотря на продолжительные съѣзды уполномоченныхъ, миръ былъ невозможенъ. Надобно было, чтобъ одному изъ воюющихъ государствъ нанесенъ былъ откуда бы то ни было новый сильный ударъ, который бы заставилъ его согласиться на требованіе другаго: этотъ ударъ нанесъ былъ Польшѣ усобицею, поднятою Любомирскимъ, и грозою турецкою, накликанною Дорошенкомъ. Перемиріе состоялось.

Это перемиріе, съ перваго взгляда, могло назваться очень ненадежнымъ: Кіевъ былъ уступленъ Москвѣ только на два года, а между тѣмъ легко было видѣть, что Москвѣ онъ очень дорогъ, что Москва употребитъ всѣ усилія оставить его за собою. Но, къ удивленію, война не возобновлялась до второй половины XVIII вѣка, и Андрусовское перемиріе перешло въ вѣчный миръ съ сохраненіемъ всѣхъ своихъ условій. Напрасно Поляки утѣшали себя мыслію, что на ихъ отчизну во второй половинѣ XVII вѣка послано такое же испытаніе, какое было послано на Москву въ началѣ вѣка, и что Польша выйдетъ изъ него такъ же счастливо, какъ и Москва: для Польши съ 1654 года начинается продолжительная, почти полуторавѣковая агонія, условленная внутреннимъ ослабленіемъ, распаденіемъ; въ 1667 году великая борьба между Россіею и Польшею оканчивается. Съ этихъ поръ вліяніе Россіи на Польшу усиливается постепенно безъ всякой борьбы, вслѣдствіе только постепеннаго усиленія Россіи и равномѣрнаго внутренняго ослабленія Польши; Андрусовское перемиріе было полнымъ успокоеніемъ, совершеннымъ *докончаніемъ*, по старинному выраженію. Россія покончила съ Польшею, успокоилась на ея счетъ, перестала ее бояться и обратила свое вниманіе въ другую сторону, занялась рѣшеніемъ тѣхъ вопросовъ, отъ которыхъ зависѣло продолженіе ея историческаго существованія, вопросовъ о преобразованіяхъ, о пріобрѣтеніи новыхъ средствъ къ продолженію исторической жизни. Такимъ образомъ Андрусовское перемиріе служитъ также одною изъ граней между древнею и новою Россіею.

Послѣ андрусовскаго перемирія Москва успокоилась со стороны Польши, но не могла успокоиться со стороны Малороссіи. Въ этой сторонѣ, на востокъ отъ Днѣпра, произошелъ переворотъ: земельная собственность перемѣнила своихъ владѣтелей; польскіе паны исчезли, но это не успокоило страны, ибо на ихъ мѣсто явились другіе, войсковая, козацкая старшина, которая стремилась къ господству, стремилась немедленно же выдѣлиться изъ войсковой массы или въ видѣ шляхты польской подъ руководствомъ сенатора Выговскаго, или въ видѣ дворянства московскаго подъ руководствомъ боярина Брюховецкаго; но это стремленіе старшины встрѣчало сильное противоборство въ демократическомъ стремленіи козачества, представителемъ котораго было

Запорожье. Толкуя о правахъ и вольностяхъ бѣдной отчизны Украйны, старшина стремилась къ господству, имѣя въ виду только собственныя выгоды; козачество требовало равенства, съ ненавистію смотря на людей, которые, вышедши изъ его рядовъ, павлинились въ дворянскомъ или шляхетскомъ званіи; «мы знаемъ только гетмана и не хотимъ знать боярина», кричало Запорожье. Города, ненавидя козаковъ и старшину ихъ, одинаково для нихъ тяжелыхъ, съ радостію увидали бы уничтоженіе гетманскаго, козацкаго *регимента*, лишь бы только оставались за ними ихъ права; высшее духовенство, также толкуя о правахъ и вольностяхъ, ставило себя въ ложное положеніе, изъ за этихъ правъ и вольностей отвергая православную Москву и приклоняясь къ латинской Польшѣ,—положеніе, котораго большинство народное не могло долго ему позволить. Такъ раздиралась Малороссія внутренно, и этимъ, разумѣется, облегчала работу государства московскаго, которое незамѣтно приготовляло приравненіе. Но прежде чѣмъ это приравненіе послѣдовало, отношенія московскаго правительства въ Малороссіи были странныя, какъ и слѣдовало ожидать отъ господствовавшей въ Малороссіи безурядицы. Украйна давала московскому правительству полное право не уважать того, что она называла своими правами и вольностями, ибо, вопервыхъ, каждый въ Малороссіи понималъ эти права и вольности по своему; вовторыхъ, съ самаго начала стали нарушаться права, уступленныя государству, права, которыя оно необходимо должно было имѣть. Еще въ то время, когда сильная рука Богдана Хмельницкаго держала Малороссію, было нарушено самимъ Хмельницкимъ существенное право великаго государя, право, безъ котораго соединеніе Малой Россіи съ Великою было немыслимо. право, чтобъ Малороссія имѣла одинакую политику съ Москвою. Но этого мало: условіемъ присоединенія было, чтобъ доходы малороссійскіе собирались на жалованье войску, козакамъ; но вотъ въ Москвѣ узнаютъ, что доходы собираются вовсе не на жалованье козакамъ, которые, не получая этого жалованья, охладѣли къ службѣ; изъ Малороссіи, для которой начата была тяжелая война, доведшая московское государство до крайняго истощенія, изъ Малороссіи безпрестанно приходятъ требованія, чтобъ войска царскаго величества шли на помощь противъ Ляховъ, измѣнниковъ западной стороны и Татаръ. Московское государство, которое на-

чало войну, въ надеждѣ дѣйствовать противъ Польши, дружно съ двухъ сторонъ, изъ двухъ Россій, должно теперь растягивать свои силы для защиты громадной пограничной линіи, тогда какъ этихъ силъ недоставало и для защиты пріобрѣтеннаго въ Бѣлоруссіи и Литвѣ. У преемника Богданова, у гетмана славнаго войска запорожскаго было ничтожное число козаковъ, съ которыми онъ не могъ ничего предпринять. Разумѣется, при такомъ печальномъ положеніи дѣлъ прежде всего необходимо было опредѣлить доходы малороссійскіе, ввести сколько-нибудь правильный сборъ, опредѣлить число козаковъ, которыхъ, надобно было содержать этими доходами: на все это государство имѣло полное право по статьямъ Богдана Хмельницкаго; но при первой попыткѣ поднимается страшный ропотъ и волненіе; привыкли жить безо всякаго надзора, привыкли брать что кому было угодно, и вмѣшательство правительства, вытребованное необходимостію, страшнымъ безнарядьемъ, явилось нестерпимымъ посягательствомъ на права и вольности! Чьи права и вольности? На этотъ вопросъ не могли отвѣчать въ Малороссіи. Вслѣдствіе невозможности отвѣчать на этотъ вопросъ, обнаружилось явленіе, что сами малороссіяне начали диктовать московскому правительству, какъ дѣйствовать въ пользу приравненія быта малороссійскаго къ быту остальныхъ областей государства. Но этими внушеніями не ограничивались въ Малороссіи: и старшина свѣтская, и старшина духовная твердили московскому правительству, что измѣна господствуетъ въ Малороссіи, что козаки шатаются, положиться на нихъ ни въ чемъ нельзя, при первомъ появленіи непріятеля, Ляховъ, передадутся къ нимъ. Съ чѣмъ обыкновенно пріѣзжало посольство малороссійское въ Москву, чѣмъ наполнены были грамоты и *информаціи*, имъ привозимыя? Обвиненіями въ измѣнѣ; вспомнимъ печальную исторію междугетманства; вспомнимъ, какъ гетманъ и епископъ, блюститель кіевской митрополіи, вели борьбу другъ съ другомъ доносами въ Москву, и кто послѣ этого могъ пожаловаться, что слово Черкашенинъ стало въ Москвѣ синонимомъ измѣнника? Московскій воевода, московскій ратный человѣкъ входилъ въ Малороссію какъ въ страну, кипящую измѣною, гдѣ онъ не могъ положиться ни на кого, гдѣ въ каждомъ жителѣ онъ видѣлъ человѣка, замышляющаго противъ него недоброе, выжидающаго только удобнаго случая, чтобъ вынуть ножъ изъ-за пазухи. Ка-

кихъ же дружескихъ отношеній послѣ того можно было ожитать между двумя братственными народонаселеніями? Какое уваженіе могъ чувствовать Москаль къ шатающимся, мятущимся Черкасамъ? Чѣмъ онъ могъ сдерживаться, особенно въ то время солдатскаго своеволія и хищничества? Онъ не сдерживался тѣмъ, что находился въ родной землѣ, между своими же русскими людьми: ему толковали, и толковали въ самой Малороссіи, сами малороссіяне, что онъ среди враговъ, среди измѣнниковъ: это, разумѣется, вполнѣ могло разнуздывать Москаля, онъ могъ легко оправдаться въ своихъ и чужихъ глазахъ: что же щадить измѣнниковъ. Но мы видѣли, что иное было поведеніе относительно козаковъ, иное относительно горожанъ, болѣе вѣрныхъ.

Общество малороссійское вышло слишкомъ юно на сцену, когда исторія рѣшала самые важные для него вопросы. Отсутствіе внутренней сплоченности, разбродъ составныхъ началъ, жизнь *особь* и вражда между живущими *особь* условливали слабость страны, не дозволяли ей не только независимаго, но и своеобразнаго политическаго существованія. Отсюда эта шатость, колебаніе, которыя мы видѣли впродолженіе нашего разсказа и которыя давали полный просторъ всякой силѣ пробиваться сквозь несплоченные ряды. Почти вся вторая половина XVII вѣка представляетъ смутное время для Малороссіи, подобное смутному времени московскаго государства въ началѣ вѣка: та же шатость, та же темнота, отсутствіе ясно опредѣленныхъ цѣлей и отношеній, дающихъ твердость человѣку и обществу, то же перелетство; но, въ московскомъ государствѣ печальная эпоха была непродолжительна; кромѣ того московскіе люди шатались между своими искателями власти, выставлявшими одинаково народное знамя, и какъ скоро явились чужіе искатели, то это появленіе собрало шатающійся народъ, поставило его на твердыя ноги и повело къ прекращенію смуты. Но несчастная Малороссія шаталась очень долго, шаталась и между Поляками, и между Турками. Уже не говоря о томъ, какой матеріальный ущербъ понесла она отъ этого, какъ Заднѣпровье было въ конецъ опустошено и сильно досталось и восточной сторонѣ, не говоря уже о матеріальномъ вредѣ, мы не можемъ не указать на вредное нравственное вліяніе, которое должно было испытать народонаселеніе страны отъ этой долгой шатости, долгой смуты; не можемъ не указать какъ вредно должны

были дѣйствовать эти явленія на характеръ народа, расшатывая общество все болѣе и болѣе, ослабляя общественный смыслъ у народа, отучая его отъ общественныхъ пріемовъ, отучая его ходить твердо, смотрѣть прямо въ лицо окружающимъ явленіямъ, укореняя вредную привычку не вѣрить никому и вмѣстѣ вѣрить всему и носиться въ разныя стороны по первому слуху. Общественное развитіе было задержано; общество продолжало обнаруживать черты дѣтства. Послѣдующія событія XVII и даже XVIII вѣка должны подтвердить правду сказаннаго.

Андрусовское перемиріе не могло прекратить смуты въ Малороссіи. Но прежде нежели приступимъ къ разсказу о дальнѣйшихъ событіяхъ здѣсь, обратимся къ московскому государству, въ которомъ происходили любопытныя и печальныя событія въ продолженіе тринадцатилѣтней войны: московскій мятежъ вслѣдствіе тяжскаго состоянія народа, расколъ, паденіе Никона; взглянемъ и на борьбу московскаго государства съ козачествомъ юго-восточной Украйны.

ГЛАВА IV.

Продолженіе царствованія Алексѣя Михайловича.

Разстройство финансовъ во время тринадцатилѣтней войны. — Выпускъ мѣдныхъ денегъ.—Ихъ упадокъ въ цѣнѣ.—Воровскія деньги.—Московскій бунтъ 1662 года.—Отмѣна мѣдныхъ денегъ —Ссора царя съ патріархомъ; причины ея.—Враги Никона.—Расколъ; его причины.—Исправленіе книгъ при патріархѣ Іосифѣ. — Единогласное пѣніе и проповѣдь; возстаніе противъ этихъ нововведеній.—Исправленіе книгъ при Никонѣ.—Сопротивленіе прежнихъ исправителей.—Мысль объ антихристѣ.—Монахъ Капитонъ.—Сопротивленіе соловецкихъ монаховъ исправленнымъ книгамъ.—Челобитная царю на Никона.—Окончательный разрывъ его съ царемъ. — Удаленіе въ Воскресенскій монастырь.—Успокоеніе Никона.—Раздраженіе возобновляется.—Невозможность выбрать новаго патріарха вслѣдствіе требованій Никона.—Пребываніе Никона въ Крестномъ монастырѣ.—Соборъ 1660 года.—Протестъ Славеницкаго.—Дѣло объ отравѣ.—Бабарыкинское дѣло.—Письмо Никона къ царю по этому случаю.—Паисій Лигаридъ.—Его стараніе помирить Никона съ царемъ.—Вопросъ Стрѣшнева и отвѣты на нихъ Лигарида. — Возраженіе Никона на эти вопросы и отвѣты. — Доносъ Бабарыкина на Никона. — Поѣздка князя Одоевскаго и Лигарида съ товарищами въ Воскресенскій монастырь по этому случаю. — Отправленіе монаха Мелетія на Востокъ съ вопросами къ патріархамъ относительно поведенія Никона. — Волненія между константинопольскими Греками.—Патріархи даютъ отвѣты, осуждающіе Никона.—Пріѣздъ Аѳанасія Иконійскаго въ Москву.—Затруднительное положеніе царя.—Онъ вторично отправляетъ Мелетія звать патріарховъ на соборъ въ Москву.—Грамота патріарха Нектарія Іерусалимскаго въ пользу Никона.—Сытинское дѣло. — Письмо Никона къ царю съ цѣлію отвратить соборъ. — Внезапный пріѣздъ Никона въ Москву и Зюзинское дѣло.—Грамоты Никона въ восточнымъ патріархамъ перехвачены.—Пріѣздъ патріарховъ Александрійскаго и Антіохійскаго.—Судъ.—Осужденіе.—Ссылка Никона въ Ѳерапонтовъ монастырь.—Жизнь его тамъ и сношенія съ царемъ.

Два первые года тринадцатилѣтней войны были самымъ счастливымъ, самымъ блистательнымъ временемъ въ царствованіи Алексѣя Михайловича, хотя и они омрачены были моровымъ повѣтрі-

емъ Блестящіе успѣхи воинскіе, собственные походы подняли духъ воспріимчиваго царя, что такъ ясно высказывается въ приведенномъ выше письмѣ его къ Матвѣеву о сношеніяхъ съ Швеціею. Неудачный походъ подъ Ригу былъ началомъ несчастій; смуты малороссійскія затянули войну, принявшую дурной оборотъ: Конотопъ, Чудново, пораженія Хованскаго тяжело отдавались въ Москвѣ, и хотя не имѣли такихъ гибельныхъ слѣдствій, какихъ можно было ожидать съ перваго взгляда, однако война продолжалась и не видно было ея конца—страшное бѣдствіе для государства бѣднаго, малонаселеннаго, которое едва успѣло оправиться послѣ смутнаго времени, въ которомъ недавно еще происходили волненія вслѣдствіе тяжкаго состоянія промышленнаго класса, которое недавно опустошено было моровою язвою. Тяжкія подати пали на народъ, торговые люди истощились платежемъ пятой деньги. Уже въ 1656 году казны недостало ратнымъ людямъ на жалованье, и государь, по совѣту, какъ говорятъ, Ѳедора Михайловича Ртищева, велѣлъ выпустить мѣдныя деньги, которыя имѣли нарицательную цѣну серебряныхъ; въ 1657 и 1658 годахъ деньги эти дѣйствительно ходили какъ серебряныя; но съ сентября 1658 года начали понижаться въ цѣнѣ, именно на рубль надобно было наддавать шесть денегъ; съ марта 1659 должны были уже на рубль наддавать по 10 денегъ; наддача возрастала въ такой степени, что въ 1663 году за одинъ рубль серебряный надобно было давать уже 12 мѣдныхъ. Наступила страшная дороговизна; указы, запрещавшіе поднимать цѣны на необходимые предметы потребленія, не дѣйствовали; мы видѣли, въ какомъ положеніи находились въ Малороссіи московскіе ратные люди, получавшіе жалованье мѣдными деньгами, которыхъ никто у нихъ не бралъ. Явилось множество воровскихъ (фальшивыхъ) мѣдныхъ денегъ; начали хватать и пытать людей, которые попадались съ воровскими деньгами — одинъ отвѣтъ: «Мы сами воровскихъ денегъ не дѣлаемъ, беремъ у другихъ незнаючи.» Стали присматривать за денежными мастерами, серебрениками, котельниками, оловянишниками, и увидали, что люди эти, жившіе прежде небогато, при мѣдныхъ деньгахъ поставили себѣ дворы каменные и деревянные, платье себѣ и женамъ подѣлали по боярскому обычаю, въ рядахъ всякіе товары, сосуды серебряные и съѣстные запасы начали покупать дорогою цѣною, не жалѣя денегъ. Причина та-

кого быстраго обогащенія объяснилась, когда у нихъ стали вынимать воровскія деньги и чеканы. Преступниковъ казнили смертію, отсѣкали у нихъ руки и прибивали у денежныхъ дворовъ на стѣнахъ, домы, имѣнія брали въ казну. Но жестокости не помогли при неодолимой прелести быстраго обогащенія; воры продолжали свое дѣло, тѣмъ болѣе, что богатые изъ нихъ откупались отъ бѣды, давая большія взятки тестю царскому Ильѣ Даниловичу Милославскому, да думному дворянину Матюшкину, за которымъ была родная тетка царя по матери; въ городахъ воры откупались, давая взятки воеводамъ и приказнымъ людямъ. Для разсмотрѣнія, пріема и расхода мѣди и денегъ на денежныхъ дворахъ приставлены были вѣрные головы и цѣловальники, изъ гостей и торговыхъ людей, люди честные и достаточные. Но и они не одолѣли искушенія: покупали мѣдь въ Москвѣ и Швеціи, привозили на денежные дворы съ царскою мѣдью вмѣстѣ, приказывали изъ нея дѣлать деньги и отвозили ихъ къ себѣ домой. Доносы на нихъ не замедлили отъ стрѣльцовъ и денежныхъ мастеровъ; обвиненные съ пытки показали, что давали посулы Милославскому, Матюшкину, дьякамъ и подъячимъ. У дьяковъ и подъячихъ, у головъ цѣловальниковъ отсѣкали руки и ноги, ссылали преступниковъ въ дальніе города; на Милославскаго царь долго сердился, Матюшкина отставилъ отъ приказа. Но этимъ не были довольны и затѣяли повторить расправу 1648 года [59].

Весною 1662 года, послѣ Свѣтлаго Воскресенья, начали ходить по Москвѣ слухи, что чернь сбирается и быть отъ нея погрому дворамъ боярина Ильи Даниловича Милославскаго, гостя Василія Шорина и другихъ богатыхъ людей за перемѣну въ денежномъ дѣлѣ, за то, что Шоринъ да еще какой-то Кадашевецъ деньги дѣлаютъ. Въ двадцатыхъ числахъ іюля начали говорить, что пришли изъ Польши листы про окольничаго Ртищева. Царь жилъ въ это время въ Коломенскомъ. 25 іюля рано утромъ на Срѣтенкѣ собрались мірскіе люди совѣтоваться о пятинной деньгѣ. Но совѣщанія ихъ скоро прекратились: «На Лубянкѣ у столба письмо приклеено!» начали кричать имъ люди, проходившіе Срѣтенкою отъ Никольскихъ воротъ. Вся толпа хлынула на Лубянку смотрѣть, что за письмо? На столбѣ воскомъ приклеена была бумажка и на ней написано: «Измѣнникъ Илья Даниловичъ Милославскій, да окольничій Ѳедоръ Михайловичъ Ртищевъ, да Иванъ Михайло-

вичъ Милославскій, да гость Василій Шоринъ.» Между тѣмъ срѣтенской сотни соцкій Павелъ Григорьевъ уже далъ знать о письмѣ въ земскій приказъ, откуда пріѣхали на Лубянку дворянинъ Семенъ Ларіоновъ и дьякъ Аѳанасій Башмаковъ и сорвали письмо. Толпа зашумѣла: «Вы везете письмо къ измѣнникамъ, государя на Москвѣ нѣтъ, а письмо надобно всему міру.» Громче всѣхъ кричалъ, бросаясь на всѣ стороны, стрѣлецъ Кузьма Ногаевъ: «Православные христіане! постойте всѣмъ міромъ; дворянинъ и дьякъ отвезутъ письмо Ильѣ Даниловичу Милославскому, и тамъ это дѣло такъ и изойдетъ.» Міръ двинулся вслѣдъ за Ларіоновымъ и Башмаковымъ, нагнали ихъ, схватили Ларіонова за лошадь и за ноги, и кричали соцкому Григорьеву: «Возьми у него письмо, а не возьмешь, то прибьемъ тебя каменьями»; Григорьевъ вырвалъ письмо у Ларіонова, толпа окружила соцкаго и двинулась назадъ на Лубянку къ церкви преподобнаго Ѳеодосія; Ногаевъ велъ Григорьева за воротъ. Когда пришли всѣ къ церкви, Ногаевъ сталъ на лавку и читалъ письмо всѣмъ вслухъ и прибавилъ, что надобно за это всѣмъ стоять. Съ Лубянки пошли къ земскому двору, поставили и тутъ скамью, взвели на нее Григорьева и велѣли ему читать письмо, но онъ отказался; тогда опять началъ читать Ногаевъ, а на другую сторону читалъ какой-то подъячій. Григорьевъ воспользовался этимъ временемъ и отошелъ въ сторону, велѣвъ взять письмо у подъячаго десяцкому своей сотни Лучкѣ Жидкому; но міръ не хотѣлъ разстаться съ письмомъ, и, окруживъ Жидкаго, повелъ его въ Коломенское къ государю.

Царь былъ у обѣдни, празднуя рожденіе дочери; взглянувъ въ окно, онъ увидалъ, что толпы народа идутъ въ село и на дворъ, безоружныя, но съ крикомъ и шумомъ, повторяя имена Милославскихъ и Ртищева. Государь догадался въ чемъ дѣло, велѣлъ Милославскимъ и Ртищеву спрятаться въ комнатахъ царицы и царевень, а самъ остался въ церкви дослушивать обѣдню; царица, царевичи и царевны сидѣли запершись въ хоромахъ ни живы, ни мертвы отъ страха. Гилевщики не дали царю дослушать обѣдни; они подошли къ дворцу, впереди шелъ Лучка Жидкій и несъ въ шапкѣ письмо, найденное на Лубянкѣ. Государь вышелъ на крыльцо; Нижегородецъ Мартынъ Жедринскій взялъ у Жидкаго шапку съ письмомъ и поднесъ царю, говоря: «Изволь, великій государь, вычесть письмо передъ міромъ, а измѣнниковъ привести передъ

себя.»—«Ступайте домой,» отвѣчалъ царь: «а я, какъ только отойдетъ обѣдня, поѣду въ Москву и въ томъ дѣлѣ учиню сыскъ и указъ.» Но гилевщики держали его за платье, за пуговицы и говорили: «Чему вѣрить?» Царь обѣщался Богомъ, далъ на своемъ словѣ руку, и когда одинъ изъ гилевщиковъ ударилъ съ нимъ по рукамъ, то всѣ спокойно отправились въ Москву; государь не велѣлъ ихъ трогать, хотя и было у него войско; онъ пошелъ назадъ въ церковь дослушивать обѣдню, а въ Москву передъ собою послалъ боярина князя Ивана Андреевича Хованскаго. Здѣсь другая толпа гилевщиковъ занималась грабежемъ Шоринова дома. Старикъ Шоринъ успѣлъ скрыться въ Кремлѣ, въ домѣ князя Черкаскаго; но мятежники захватили молодаго пятнадцатилѣтняго сына его, который долженъ былъ служить свидѣтелемъ противъ отца, долженъ былъ разказывать, что отецъ его бѣжалъ въ Польшу съ боярскими грамотами. Въ это время пріѣзжаетъ Хованскій и начинаетъ уговаривать, чтобъ прекратили смуту и не грабили ничьихъ домовъ, что нынче же пріѣдетъ самъ царь для сыску; но ему въ отвѣтъ закричали: «Ты, бояринъ, человѣкъ добрый, и службы твоей къ царю противъ польскаго короля много, намъ до тебя дѣла нѣтъ, но пусть царь выдастъ головою измѣнниковъ бояръ, которыхъ мы просимъ.» Хованскій отправился назадъ въ Коломенское, и вслѣдъ за нимъ туда же двинулась толпа, везя съ собою на телѣгѣ молодаго Шорина. За городомъ встрѣтились они съ первыми гилевщиками, шедшими уже изъ Коломенскаго, и уговорили ихъ возвратиться назадъ; солдаты также пристали къ нимъ; встрѣтили боярина Семена Лукьяновича Стрѣшнева и погнались за нимъ съ палками: тотъ едва ушелъ отъ нихъ за рѣку. Царь садился уже на лошадь, чтобъ ѣхать въ Москву, когда гилевщики подвели къ нему молодаго Шорина и тотъ началъ выкрикивать заученную сказку, что отецъ отправился въ Польшу съ боярскими грамотами. Когда мальчикъ кончилъ, въ толпѣ раздались крики: «Выдай измѣнниковъ!»—«Я государь,» отвѣчалъ Алексѣй Михайловичъ: «мое дѣло сыскать и наказанье учинить, кому доведется по сыску, а вы ступайте по домамъ; дѣла такъ не оставлю, въ томъ жена и дѣти мои поруками.» Но крики не прекращались: «Не дай намъ погибнуть напрасно!» кричали одни; «буде добромъ тѣхъ бояръ не отдашь, то мы станемъ брать ихъ у тебя сами, по своему обычаю!» кричали другіе, махали палками. Тутъ Алексѣй Ми-

хайловичъ обратился къ стоявшимъ около него стрѣльцамъ и придворнымъ и велѣлъ двинуться на гилевщиковъ, которые, пришедши вовсе не за тѣмъ, чтобъ сражаться, побѣжали врознь; ихъ начали хватать, нѣкоторые защищались, но напрасно. Человѣкъ сто утонуло въ рѣкѣ, больше 7000 было перебито и переловлено, тогда какъ настоящихъ гилевщиковъ было не больше 200 человѣкъ, остальные пришли изъ любопытства, посмотрѣть, что будетъ дѣлаться. Перехватанныхъ отвезли въ монастырь къ Николѣ на Угрѣшу и тамъ распрашивали. Главнаго заводчика, кто написалъ письмо и приклеилъ, не нашли, и наказали тѣхъ, кто болѣе другихъ участвовалъ въ самомъ гилѣ, волею или неволею: вѣшали, рѣзали ноги, руки и ссылали въ дальніе города [60].

Москва утихла; но жалобы на мѣдныя деньги продолжались: воеводы доносили, что должники приносятъ къ нимъ въ съѣзжую избу мѣдныя деньги для платежа заимодавцамъ, а тѣ не берутъ безъ царскаго указа, просятъ серебряныхъ; наконецъ въ 1663 году вышелъ указъ: въ Москвѣ, Новгородѣ и Псковѣ денежнаго мѣднаго дѣла дворы отставить, а старый денежный серебрянаго дѣла дворъ въ Москвѣ завести, и серебряныя деньги на немъ дѣлать съ 15 іюня; а жалованье всякихъ чиновъ служивымъ людямъ давать серебряными деньгами, въ казну таможенную пошлину и всякіе денежные доходы брать серебряными деньгами, также и въ рядахъ торговать всякими товарами на серебряныя деньги, а мѣдныя отставить. Мѣдныя деньги во всѣхъ приказахъ, что ни есть на лицо, по 15 іюня переписать и запечатать и держать до указу, а въ расходъ не давать; частнымъ людямъ велѣно мѣдныя деньги сливать. Но послѣднее не было исполнено: указъ 20 января 1664 года говоритъ: въ Москвѣ и въ разныхъ городахъ объявляются мѣдныя деньги портучены (натерты ртутью), а иныя посеребрены и полужены. Государь подтверждаетъ приказаніе не держать мѣдныхъ денегъ подъ страхомъ жестокаго наказанія, разоренья и ссылки въ дальніе города. Новгородскій воевода князь Иванъ Борисовичъ Репнинъ получилъ въ 1663 году отъ государя похвалу за то, что разсмотрѣніемъ своимъ для бѣдныхъ людей всякимъ хлѣбнымъ и съѣстнымъ запасамъ положилъ уставную цѣну и запретилъ перекупщикамъ покупать прежде мірскихъ людей, отъ чего запасы начали быть дешевы. Говорятъ, что за порчу денегъ переказнено было больше 7000 человѣкъ, да больше 15.000 на-

казано отсѣченіемъ рукъ, ногъ, ссылкою, отобраніемъ имѣнія въ казну. Царица отъ испуга во время коломенскаго гиля лежала больна больше году [61]. Такъ печально кончилась первая попытка помочь разстроенному состоянію финансовъ выпускомъ своего рода государственныхъ кредитныхъ билетовъ, ибо что же такое были эти мѣдныя деньги съ нарицательною цѣною серебряныхъ? Мы видѣли, что полтавскій полковникъ Пушкарь объяснилъ, въ чемъ дѣло. Когда Выговскій, не понимая или не желая понимать значенія мѣдныхъ денегъ, спрашивалъ: «что это за деньги? какъ ихъ брать?» то Пушкарь отвѣчалъ: «Хотя бы великій государь изволилъ нарѣзать бумажныхъ денегъ и прислать, а на нихъ будетъ великаго государя имя, то я радъ его государево жалованье принимать.» При благопріятныхъ для государства обстоятельствахъ кредитъ былъ силенъ и мѣдныя деньги держались два года; начали падать съ сентября 1658 года, т. е. съ измѣны Выговскаго, которая затянула войну. Тяжелый ударъ мѣднымъ деньгамъ былъ нанесенъ, когда въ Малороссіи стали смотрѣть на нихъ, какъ смотрѣлъ Выговскій, а не какъ смотрѣлъ Пушкарь, перестали брать ихъ у московскихъ ратныхъ людей; а другой, окончательный ударъ нанесли воровскія деньги.

Извнѣ тяжкая, неудачная, разорительная война, которой и конца было не видно, внутри бѣдствія физическія, истомленіе народа, его вопль и волненія — и къ этому еще соблазнительная, небывалая вражда царя съ патріархомъ! вражда Алексѣя Михайловича съ Никономъ, *собиннымъ* его пріятелемъ! Мы видѣли, что въ началѣ войны эта собинная дружба была во всей силѣ: самые видные, заслуженные, близкіе къ царю бояре съ благоговѣніемъ преклонялись предъ могущественнымъ патріархомъ, просили его заступленія въ случаѣ неудачи своихъ дѣйствій. Патріархъ принималъ живое участіе въ предпріятіи, по характеру своему сильно увлекся успѣхомъ и поощрялъ царя къ дальнѣйшимъ замысламъ. Во время моровой язвы Никонъ находился при семействѣ царскомъ и привезъ его въ Вязьму, гдѣ находился Алексѣй Михайловичъ. Никонъ писался *великимъ государемъ*. Такимъ образомъ опять явилось въ московскомъ государствѣ два *великихъ государя*. Титулъ этотъ носилъ патріархъ Филаретъ, но не какъ патріархъ, а какъ отецъ царскій и соправитель; всѣ очень хорошо помнили, что это не былъ пустой титулъ у Филарета; а теперь Никонъ

получаетъ этотъ титулъ уже какъ патріархъ, слѣдовательно власть патріаршеская приравнивается къ царской. Тонъ грамотъ Никона прямо указывалъ на двоевластіе, напримѣръ: «Отъ великаго государя, святѣйшаго Никона, патріарха московскаго и всея Руссіи, на Вологду, воеводѣ князю Ухтомскому: указалъ государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всея Руссіи, и мы, великій государь, со всѣхъ монастырей быть, для его государевы службы подъ Смоленской, подводѣ съ телѣгами, съ проводниками, и прислать къ государю подъ Смоленскъ. А однолично тебѣ государева нашего указу въ оплошку не поставить, собравъ подводы съ телѣгами и съ проводниками, прислать къ намъ, къ Москвѣ, тотчасъ» [62]. Когда великій государь царь былъ въ походѣ, великій государь патріархъ управлялъ государствомъ изъ Москвы. Походы, дѣятельность воинская и полная самостоятельность въ челѣ полковъ развили царя, закончили его возмужалость; благодаря новой сферѣ, новой дѣятельности, въ короткое время было пережито много, явились новыя привычки, новые взгляды. Великій государь возвращается въ Москву и застаетъ тамъ другаго великаго государя, который въ это время, будучи неограниченнымъ правителемъ, также развился вполнѣ относительно своего характера, взглядовъ и пріемовъ... Никонъ не былъ изъ числа тѣхъ людей, которые умѣютъ останавливаться, не доходить до крайности, умѣренно пользоваться своею властію. Природа, одаривъ его способностію пробиваться впередъ, пріобрѣтать вліяніе, власть, не дала ему нравственной твердости умѣрять порывы страстей; образованіе, котораго ему тогда негдѣ было получить, не могло въ этомъ отношеніи помочь природѣ; наконецъ необыкновенное счастіе разнуздало его совершенно и непріятныя стороны его характера выступили рѣзко наружу. Званіе патріарха, которое для природы болѣе мягкой служило бы сильною нравственною сдержкою, заставляя быть постоянно образцомъ стаду, при жесткой природѣ Никона уничтожало всякую сдержку; ибо все вниманіе его было обращено на права высшаго пастыря, высшаго истолкователя божественнаго закона, и въ этомъ значеніи онъ считалъ для себя все позволеннымъ; при недостаткѣ христіанскаго начала, духа кротости и смиренія, обстановка святительской власти, глубокое уваженіе со стороны царя и всѣхъ подражавшихъ царю (а такихъ, разумѣется, было очень много), легко отуманили Ни-

кона, заставили его дѣйствительно считать себя вязателемъ и рѣшителемъ во всѣхъ дѣлахъ, обладающимъ высшими духовными дарами. Наконецъ обратимъ вниманіе на время, на общество, общество крайне юное, представлявшее такъ мало нравственныхъ сдержекъ для всякаго сильнаго, гдѣ всякій сильный такъ легко увлекался своимъ положеніемъ и считалъ себѣ все позволеннымъ въ отношеніи къ менѣе сильнымъ, гдѣ природа самая мягкая, самая человѣчная, какая, напримѣръ, была у царя Алексѣя Михайловича, не могла удерживать отъ поступковъ, кажущихся теперь намъ очень непривлекательными; что же позволяли себѣ люди съ природою болѣе жесткою, когда праву сильнаго *смирять* подчиненныхъ не поставлялось границъ, когда это *смиреніе* обыкновенно было непосредственное и сила его зависѣла отъ силы волненія, происходившаго въ душѣ разгнѣваннаго смирителя? Эта же юность общества, недостатокъ образованія развитіемъ ума сдерживающаго порывы чувствъ, охлаждающаго человѣка, дающаго ему ровность въ дѣйствіяхъ — эта же юность общества и недостатокъ образованія производили шаткость, отсутствіе послѣдовательности, крутые переходы, сильное паденіе: все это мы увидимъ въ Никонѣ.

Мы видѣли, что Никонъ, благодаря своему характеру, давно уже успѣлъ нажить себѣ враговъ между вельможами, и царь Алексѣй долженъ былъ умолять еще новгородскаго митрополита сдерживать свое властелинство. Но возведеніе на патріаршество съ условіемъ повиновенія отъ возводившихъ, размѣры политическаго вліянія, уступленнаго царемъ патріарху, и наконецъ правительство во время отсутствія царя развили это властелинство до высшей степени и необходимо должны были вести къ столкновеніямъ съ вельможами, къ столкновенію съ самимъ царемъ, который нашелъ перемѣну въ своемъ собинномъ пріятелѣ, и тѣмъ легче нашелъ ее, что въ немъ самомъ произошла перемѣна, что онъ на многое сталъ теперь смотрѣть иначе. Всякій, кто считалъ себя въ правѣ на какую-нибудь власть, на какое-нибудь вліяніе, необходимо сталкивался съ Никономъ, который не любилъ обращать вниманія на чужія права и притязанія, который считалъ для себя унизительнымъ и ненужнымъ пріобрѣтать союзниковъ, который не боялся и презиралъ враговъ. Сама царица, родственники ея Милославскіе, родственники государя по матери Стрѣшневы и всѣ

другіе приближенные вельможи сдѣлались врагами Никона. Къ нимъ пристали и духовныя значительныя лица, оскорбленныя властелинствомъ, крутостію нрава Никона, жестокостію наказаній, которымъ онъ подвергалъ виновныхъ. Наконецъ Никонъ возбудилъ противъ себя сильное негодованіе исправленіемъ книгъ и наказаніями, которымъ подвергались люди, не хотѣвшіе принять этихъ исправленій.

Мы уже упоминали о неудовольствіяхъ, возбужденныхъ новизнами, вводимыми будто Морозовымъ, Ртищевымъ, Никономъ. Мы видѣли также, что подобныя новизны, или, по крайней мѣрѣ, попытки къ нимъ, начались уже давно; сначала, при Іоаннѣ III, сынѣ его Василіи видимъ страдательное пользованіе чужимъ знаніемъ, искусствомъ, видимъ вызовъ иностранныхъ мастеровъ; Іоаннъ IV хочетъ сдѣлать этотъ вызовъ въ болѣе широкихъ размѣрахъ, и помѣха его желанію, сдѣланная Ливонцами, ведетъ естественно къ мысли о необходимости непосредственнаго сообщенія съ западною Европою, о необходимости пріобрѣтенія балтійскихъ береговъ, для чего начинается ливонская война; несчастный исходъ этой войны еще болѣе убѣждаетъ въ необходимости сближенія съ западною Европою; при Годуновѣ являются иностранныя дружины и слышатся жалобы на пристрастіе Русскихъ къ иностраннымъ обычаямъ, на потаковничество царя этому пристрастію; русскіе люди отправляются учиться за границу; Лжедимитрій затѣваетъ преобразованія въ широкихъ размѣрахъ, но гибнетъ; смута останавливаетъ движеніе къ новому, особенно когда приверженцы новаго явились по преимуществу въ Тушинскомъ станѣ и потомъ подъ Смоленскомъ у польскаго короля, когда противъ нихъ направилось народное возстаніе, восторжествовавшее во имя своей, отцовской вѣры. Но какъ скоро смута утихла, стремленіе ко введенію западныхъ новизнъ усиливается все болѣе и болѣе: русскія войска устраиваются на иностранный образецъ; происходитъ небывалый наплывъ иностранцевъ въ Москву; иностранные мастера заводятъ производства свои, получаютъ привилегіи съ условіемъ учить русскихъ людей; пользованіе плодами цивилизаціи изъ чужихъ рукъ стремится стать болѣе дѣятельнымъ. Но если правительство, если люди, обладавшіе болѣе широкимъ взглядомъ, чувствовали необходимость новаго, необходимость преобразованій, и шли къ нимъ, разумѣется, сперва

ощупью, колеблющимися шагами, то въ этомъ движеніи своемъ они должны были встрѣтить сильныя препятствія, сильныхъ и многочисленныхъ противниковъ. Эти препятствія происходили естественно отъ долговременнаго застоя, отъ долговременной особной жизни русскихъ людей вдали отъ общества другихъ образованныхъ народовъ, отъ недостатка внутренняго движенія. Горизонтъ русскаго человѣка былъ до крайности тѣсенъ, жизнь проходила среди немногочисленнаго ряда неизмѣнныхъ явленій; эта неизмѣняемость явленій необходимо приводила къ мысли о ихъ вѣчности, божественномъ освященіи, они получали религіозный характеръ, религіозную неприкосновенность, измѣненіе ихъ считалось дѣломъ грѣховнымъ; такъ жили дѣды и отцы, измѣненіе ихъ образа жизни есть грѣховное оскорбленіе ихъ памяти. Постоянная неподвижность внѣшнихъ окружающихъ явленій давитъ духъ человѣка, отнимаетъ у него способность къ движенію, къ стремленію возобладать надъ окружающимъ міромъ и измѣнять его согласно съ своими потребностями; напротивъ, здѣсь внѣшній окружающій міръ господствуетъ надъ человѣкомъ, принимаетъ для него религіозное значеніе. Такова обыкновенно бываетъ жизнь сельскаго народонаселенія, которое потому такъ упорно держится стараго, такъ тяжело на подъемъ; здѣсь все новое, каждое измѣненіе является чѣмъ-то страшнымъ, враждебнымъ, грѣховнымъ, является произведеніемъ высшихъ, таинственныхъ и враждебныхъ силъ. Въ обществѣ развитомъ начало движенія представляется городомъ: здѣсь человѣкъ безпрерывно сталкивается съ новыми людьми, съ новыми родами дѣятельности, чрезъ это горизонтъ его расширяется, онъ привыкаетъ къ перемѣнѣ, перестаетъ бояться новизны и начинаетъ упражнять свои духовныя силы, выказывать свое господство надъ веществомъ, измѣняя его, выказывать свое господство надъ силами природы, заставляя ихъ служить себѣ, тогда какъ въ сельской жизни, въ занятіяхъ земледѣльческихъ человѣкъ особенно чувствуетъ могущество силъ природы, находится подъ ихъ вліяніемъ. Но въ московскомъ государствѣ городъ не могъ имѣть такого значенія, какое онъ имѣлъ въ западной Европѣ, не могъ представлять въ такой степени начала движенія, развитія. Московское государство было государство сельское въ противоположность западнымъ, поморскимъ государствамъ, государствамъ городскимъ по преимуществу; въ

немъ городъ былъ большое огороженное село, и земледѣліе принадлежало къ числу занятій городскихъ жителей, промышленность мануфактурная была на низкой ступени развитія, торговля очень слаба: мы видѣли, какъ русскіе купцы объявляли, что имъ не стянуть съ иностранными, которые и богаче и ловчѣе ихъ, умѣютъ дѣйствовать вмѣстѣ, заодно. Такимъ образомъ сельскій бытъ со всѣми его неблагопріятными для развитія условіями преобладалъ въ московскомъ государствѣ. Отсюда понятно, почему введеніе новизнъ должно было такъ сильно взволновать общество: самая продолжительность застоя необходимо условливала силу упора противъ перемѣны, а сила упора, въ свою очередь, условливала силу противоположнаго стремленія, условливала тотъ переворотъ, къ которому мы приближаемся въ своемъ разсказѣ.

Если въ обществѣ, подобномъ русскому XVII вѣка, вообще вся внѣшняя обстановка жизни, вслѣдствіе долговременной неизмѣняемости своей, пользуется религіознымъ уваженіемъ, если считается грѣхомъ прикоснуться къ ней, измѣнить, исправить, то понятно, что еще болѣе грѣховнымъ должно являться покушеніе произвести перемѣну во внѣшней обстановкѣ религіи, въ обрядѣ богослужебномъ. При отсутствіи просвѣщенія, дающаго возможность различать существенное отъ несущественнаго, перемѣна во внѣшнемъ, могущемъ измѣняться, кажется измѣненіемъ существеннаго, измѣненіемъ религіи; мысль, что перемѣна есть исправленіе, не допускается: предки, святые отцы такъ молились и спаслись, угодили Богу, прославились чудесами, а теперь говорятъ, что надобно молиться не такъ: говорятъ, что *святые* молились не такъ, какъ надобно! Легко понять, какъ долженъ былъ встревожиться древній русскій человѣкъ при такихъ новизнахъ, или новшествахъ, по тогдашнему выраженію; легко понять, что первою мыслію многихъ было: надобно стоять за вѣру, преданную отцами! Недавно Русская земля собиралась противъ Литвы изъ страха, что королевичъ Литовскій истребитъ вѣру православную, а теперь свои задумали перемѣнить вѣру, вводятъ иное; но иное въ вѣрѣ, новое, чужое представлялось не иначе, какъ латинскимъ, и вотъ мысль, что хотятъ у русскихъ людей отнять православіе, ввести латинскія новшества, что надобно пострадать за вѣру, какъ страдали древніе святые мученики. «Намъ всѣмъ православнымъ христіанамъ

подобаетъ умирати за единъ *азъ*, его же окаянный врагъ выбросилъ изъ Символа тамъ, идѣже глаголется о Сынѣ Божіи Іисусѣ Христѣ: «рожденна, *а* не сотворенна;» велика зѣло сила въ семъ *азъ* сокровенна» [63]. Но древніе мученики страдали, и страданія ихъ повели къ торжеству вѣры Христовой: что же такое теперь? зачѣмъ опять необходимость страданій? Откровеніе Богослова говоритъ, что въ послѣднія времена встанетъ страшный гонитель, врагъ Христа, антихристъ, который будетъ отводить отъ истинной вѣры и мучить неповинующихся ему. Извѣстно, какую силу имѣютъ апокалипсическія представленія надъ людьми, у которыхъ наука не умѣряетъ еще излишней живости воображенія: при каждой важной перемѣнѣ, борьбѣ, бѣдствіи имъ уже кажется, что наступаютъ послѣднія времена; извѣстно, какое одушевленіе сообщается человѣку убѣжденіемъ, что онъ живетъ во времена, изображенныя въ таинственной книгѣ Богослова, что борьба, которую ведетъ онъ, должна скоро окончиться торжествомъ Агнца и всѣхъ вѣрныхъ Ему. Протестанты, въ борьбѣ своей съ католицизмомъ, одушевлялись мыслію, что ратуютъ противъ апокалипсическаго Вавилона—Рима, противъ антихриста—папы. У насъ въ западной Россіи, когда тотъ же Римъ сдѣлалъ попытку посредствомъ уніи отторгнуть русскую церковь отъ восточной, явилось немедленно представленіе объ антихристовыхъ временахъ. Наконецъ въ московскомъ государствѣ, когда произошло исправленіе книгъ и вслѣдъ затѣмъ начались важныя перемѣны гражданскія, испуганному воображенію приверженцевъ старины сейчасъ же представились времена, изображенныя въ Апокалипсисѣ, представились дѣйствія антихриста. Вслѣдствіе вліянія западнорусской литературы, возникшей во времена уніи, явилось представленіе о трехъ эпохахъ антихристовскихъ: первая эпоха—отпаденіе Рима папскаго отъ православія, вторая—отпаденіе западной Россіи въ унію, третья—отпаденіе восточной Россіи отъ православія вслѣдствіе перемѣнъ церковныхъ и гражданскихъ. Всѣ эти представленія, какъ ни легко рождались они при тогдашнемъ состояніи умовъ въ московскомъ государствѣ, всѣ эти представленія не могли бы однако имѣть такой силы, произвести расколъ, еслибы всѣ пастыри церкви, все священство, по образованію своему, сознавало законность перемѣнъ и умѣло истолковать паствѣ, что перемѣны суть исправленія, возвращеніе къ древней правиль-

ности. Но между священниками, даже самыми видными, значительными, между монахами, привлекавшими общее вниманіе подвижничествомъ, даже между архіереями нашлись люди, которые взглянули на церковныя новизны, исправленія, какъ на нарушеніе истинной вѣры, и такимъ образомъ дали вождей, опору движенію, направленному противъ преобразованій, противъ науки. Страсти человѣческія, разумѣется, какъ вездѣ, такъ и здѣсь, оказали могущественное вліяніе. Стремленіе къ просвѣщенію, къ новизнамъ, къ преобразованіямъ преимущественно обнаруживалось въ молодомъ поколѣніи. Молодые люди, пріобрѣтя свѣдѣнія, необходимо начинали указывать на неправильности, толковать объ исправленіяхъ, необходимо становились учителями; кого же они учили? людей старыхъ, сановитыхъ, привыкшихъ считать свой авторитетъ неоспоримымъ, привыкшихъ быть учителями; а теперь они видятъ, что яйцы курицу учатъ, поднимаютъ голосъ люди молодые потому только, что выучились грамматикѣ у малороссійскихъ монаховъ. Это оскорбляетъ стариковъ, они начинаютъ вооружаться противъ новыхъ мнѣній, противъ науки, которая вводитъ вредныя новизны и побуждаетъ молодыхъ людей вооружаться противъ старшихъ. Молодые, видя упорство стариковъ, теряютъ къ нимъ всякое уваженіе и, чтобъ поколебать ихъ авторитетъ и укрѣпить свой, клеймятъ ихъ невѣждами, не понимающими дѣла; самолюбія въ схваткѣ, борьба разгорается.

Мы видѣли, какъ шло дѣло исправленія церковныхъ книгъ при царѣ Михаилѣ, какимъ гоненіямъ подверглись исправители, и какъ они, въ свою очередь, отплачивали гонителямъ выходками противъ ихъ невѣжества. Исправленіе продолжалось, ибо нельзя было печатать книгъ, не исправивши, не приведши текста къ единству; но гдѣ было взять исправителей? Вслѣдствіе недостатка учености явилась возможность посредствомъ видимаго исправленія вносить искаженія въ книги, что и было сдѣлано при патріархѣ Іосифѣ исправителями: Степаномъ Вонифатьевымъ, благовѣщенскимъ протопопомъ и духовникомъ царскимъ; Иваномъ Нероновымъ, ключаремъ Успенскаго собора, потомъ протопопомъ Казанскаго въ Москвѣ; Ѳедоромъ, дьякономъ Благовѣщенскаго собора; Аввакумомъ, протопопомъ Юрьевца Повольскаго; Лазаремъ, священникомъ романовскимъ; Никитою, священникомъ суздальскимъ; Логгиномъ, протопопомъ муромскимъ; Даниломъ, протопопомъ ко-

стромскимъ и другими. Они внесли въ церковныя книги утвердившееся еще въ XVI вѣкѣ и внесенное въ Стоглавъ ученіе о сугубой аллилуіи, о двуперстномъ сложеніи для крестнаго знаменія, которое такимъ образомъ и сдѣлалось господствующимъ въ московскомъ государствѣ. Патріархъ Іосифъ крестился двумя перстами; Никонъ, будучи митрополитомъ новгородскимъ и въ началѣ патріаршества, крестился также.

Но эти самые исправители, которыхъ обыкновенно считаютъ начальниками раскола, были въ свое время людьми передовыми, требовали преобразованій, улучшеній и, въ свою очередь, терпѣли нарѣканіе какъ нововводители. Мудреный вопросъ о книжномъ исправленіи не могъ быть доступенъ многимъ; но лучшимъ людямъ бросался въ глаза страшный безпорядокъ въ богослуженіи: въ одно время въ церквахъ пѣли и читали въ два, три и нѣсколько голосовъ, такъ что ничего нельзя было разобрать. Ртищевъ сильно хлопоталъ объ уничтоженіи этого соблазна, говорилъ патріарху Іосифу, архіереямъ, боярамъ; помощникомъ ему былъ протопопъ Иванъ Нероновъ, который уговаривалъ священниковъ московскихъ ввести единогласіе. Наконецъ оно было введено; вызваны пѣвчіе изъ Малороссіи; оттуда же, благодаря Ртищеву и его андреевскимъ старцамъ, явился въ Москвѣ обычай проповѣди, неслыханный прежде здѣсь. Но мы уже видѣли, какъ нѣкоторые смотрѣли на дѣятельность Ртищева, какъ смотрѣли на малороссійскихъ монаховъ и вводимую ими науку, какъ смотрѣли на тѣхъ, которые для усовершенствованія въ наукѣ отправлялись въ Кіевъ. Новшества — единогласное пѣніе и проповѣдь возбудили также негодованіе: никольскій попъ Прокофій, гдѣ ни сойдется съ гавриловскимъ попомъ Иваномъ, такъ начнетъ говорить ему: «Заводите вы, ханжи, ересь новую, единогласное пѣніе, да людей въ церкви учить, а мы прежде людей въ церкви не учивали, учивали ихъ въ тайнѣ, бѣса вы имате въ себѣ, всѣ ханжи, и протопопъ благовѣщенскій такой же ханжа!» 11 февраля 1651 года собрались священники въ сѣняхъ тіунской избы, и начался у нихъ споръ о единогласіи; лукинскій попъ Савва съ товарищами кричалъ: «Мнѣ къ выбору объ единогласіи руки не прикладывать, напередъ бы велѣли руки прикладывать о единогласіи боярамъ и окольничимъ: любо ль имъ будетъ единогласіе?» Гавриловскій попъ Иванъ возражалъ: «Вы презираете изволеніе

Божіе, правила св. Отецъ, уставъ, государево повелѣніе и святительское благословеніе.»—«Ты ханжа, мальчишка!» кричали ему противники: «ты уже былъ у патріарха въ смиреніи, будешь и еще; а намъ хотя умереть, а къ выбору о единогласіи рукъ не прикладывать!» [64]

Ртищеву помогалъ Нероновъ; Степанъ Вонифатьевъ дѣйствовалъ также съ ними заодно, потому что приверженцы старины и его называютъ ханжею. Но былъ вопросъ, въ которомъ Вонифатьевъ и Нероновъ съ товарищами сильно расходились со Ртищевскими Малороссіянами, съ Епифаніемъ Славеницкимъ и товарищами его: этотъ вопросъ былъ объ исправленіи книгъ. Ученый Епифаній видѣлъ искаженія, которыя вносились въ книги невѣжественными издателями, и не молчалъ; приверженцы старины жаловались, что ученики кіевскихъ старцевъ ни во что ставятъ благочестивыхъ протопоповъ Ивана, Степана и другихъ. Въ такомъ натянутомъ положеніи находились дѣла, когда на патріаршескій престолъ вступилъ Никонъ. Вонифатьевъ и Нероновъ съ товарищами не имѣли причины опасаться новаго патріарха, который былъ очень друженъ съ ними, когда былъ игуменомъ, архимандритомъ и митрополитомъ новгородскимъ, часто пріѣзжалъ на домъ къ духовнику и по пріятельски обо всемъ съ нимъ совѣтовался; о книгахъ вопросъ не поднимался. Никонъ, подобно всѣмъ исправителямъ, крестился двумя перстами; что же касается до введенія порядка въ богослуженіе, то Никонъ не отставалъ отъ московскихъ ревнителей, если и не опережалъ ихъ, будучи митрополитомъ новгородскимъ. Но черезъ годъ съ чѣмъ-нибудь по вступленіи Никона на патріаршество отношенія перемѣнились. По указаніямъ Славеницкаго, греческаго духовенства и по собственному изслѣдованію Никонъ убѣдился, что книги испорчены. Но легко понять, какъ этимъ убѣжденіемъ оскорблялось самолюбіе исправителей, явившихся теперь исказителями. Никонъ не обратилъ вниманія на ихъ оскорбленное самолюбіе. Во дворцѣ, въ присутствіи царя (въ концѣ 1653 или самомъ началѣ 1654 года) патріархъ держалъ соборъ, указалъ разности въ печатныхъ русскихъ книгахъ съ греческими и древними рукописями славянскими и предложилъ вопросъ: «слѣдовать ли новымъ нашимъ печатнымъ служебникамъ, или греческимъ и нашимъ старымъ?» Большинство отвѣчало утвердительно на вторую часть вопроса;

но прямо воспротивился этому рѣшенію коломенскій епископъ Павелъ и старые исправители съ нѣкоторыми другими духовными лицами. Вонифатьевъ впрочемъ уклонился и остался на прежнемъ мѣстѣ; но Нероновъ съ товарищами и епископъ Павелъ сильно упорствовали и были сосланы; дѣло исправленія было поручено Епифанію съ товарищами и греческому монаху Арсенію, вызванному Никономъ изъ Соловокъ, куда онъ былъ сосланъ, какъ человѣкъ, получившій образованіе въ латинскихъ, западныхъ училищахъ и принимавшій временно латинство, чтобъ быть допущеннымъ въ эти училища. Соборъ греческихъ архіереевъ въ Константинополѣ подтвердилъ рѣшеніе московскаго. Въ Москвѣ думали, что древнихъ греческихъ и славянскихъ книгъ, находившихся въ Россіи, еще мало, и потому отправленъ былъ монахъ Арсеній Сухановъ на Аѳонъ и въ другія мѣста для пріобрѣтенія греческихъ рукописей. Арсеній, ревностный старовѣръ [65], содѣйствовалъ однако дѣлу исправленія, привезши до 500 рукописей, греческіе архіереи прислали не менѣе 200. Пріѣхавшій въ Москву антіохійскій патріархъ Макарій вмѣстѣ съ другими восточными архіереями торжественно объявилъ въ Успенскомъ соборѣ, въ недѣлю православія, что надобно креститься треми перстами, и проклялъ тѣхъ, кто крестился двумя. Московскій соборъ 1656 подтвердилъ окончательно дѣло.

Но были люди, которые не хотѣли успокоиться на соборныхъ рѣшеніяхъ и свидѣтельствѣ греческихъ архіереевъ. Нероновъ съ товарищами прислали царю челобитную: «Арсеній Грекъ взятъ въ Москвѣ и живетъ у патріарха Никона въ келіи, Никонъ его врага свидѣтелемъ поставляетъ, а древнихъ великихъ мужей и св. Чудотворцевъ свидѣтельство отмѣняетъ. Охъ, увы! благочестивый царю! Стани добрѣ, церковное чадо, и вонми плачу и моленію твоихъ государевыхъ богомольцевъ. И паки молимъ тебя, государь, иностранныхъ иноковъ, ересей вводителей, въ совѣтъ не принимай: зримъ въ нихъ ниедину отъ добродѣтелей: крестнаго знаменія истиннаго на лицѣ вообразить не хотятъ и сложенію перстовъ противятся; на колѣни же поклониться Господеви покоя ради не хотятъ.» Царь не обращалъ вниманія на эти посланія, передавалъ ихъ Никону; но въ народѣ обращали на нихъ большое вниманіе, и мы видѣли, какъ въ 1654 году, во время моровой язвы въ Москвѣ, толпа высказалась противъ Никона и Ар-

сенія Грека. Опасенія потерять правую вѣру предковъ чрезъ новшества и страхъ предъ временами антихристовыми волновали не одни низшіе слои народные. Духовный сынъ Неронова, знатный человѣкъ Плещеевъ, писалъ къ своему духовнику въ мѣсто его заточенія, въ Спасокаменный монастырь: «И мню нѣцыи раздоры внити хоцутъ вскорѣ и непокараю щимся бѣды и мученія навестися хощутъ... Сбудутся хотящіи быти раздоры, по прорѣченію книги о вѣрѣ, въ ней же пишетъ о отпаденіи запада и отступленіи юнитовъ къ западному костелу, по числу еже отъ антихриста. Повелѣ бо и намъ отъ таковыхъ же винъ опасеніе имѣти егда исполнится отъ воплощенія Сына Божія 1666 лѣтъ... Духъ антихристовъ широкимъ путемъ и пространнымъ, ведущимъ въ погибель, нача крѣпко возмущати истинный корабль Христовъ.» [66]

Но Плещеевъ съ товарищами напрасно обращался къ Неронову за подтвержденіемъ своихъ страховъ предъ антихристомъ. Московскіе протопопы Нероновъ, Вонифатьевъ не были способны стать въ челѣ раскольническаго движенія, сообщить ему особенную силу. Они сами были люди передовые, и если враждебно отнеслись къ исправленію книгъ и Никону, то вслѣдствіе оскорбленнаго самолюбія, а не изъ фанатической приверженности къ *азу;* изъ побужденій оскорбленнаго самолюбія Нероновъ готовъ былъ всѣми средствами дѣйствовать противъ Никона и Никоновскаго дѣла, но не былъ способенъ изъ-за *аза* претерпѣть не только смерти, но и заточенія. Никонъ, съ своей стороны, не относился фанатически къ дѣлу исправленія: онъ былъ способенъ, по своей природѣ, очень жестоко поступить съ тѣми, кто возвышалъ голосъ противъ него, противъ его власти, противъ его дѣла; но какъ скоро эти люди приносили свои вины передъ святѣйшимъ онъ готовъ былъ на уступки.

Благодаря посредничеству духовника Вонифатьева, Нероновъ возвратился въ Москву, объявилъ, что подчиняется рѣшенію вселенскихъ патріарховъ; по просьбѣ самого Неронова, постригшагося въ монахи подъ именемъ Григорія, освобождены были и другіе узники за расколъ; Никонъ, въ знакъ забвенія прошлаго, отдалъ Неронову всѣ письма, которыя они писали на него царю и Вонифатьеву; мало того: патріархъ объявилъ Неронову, что все равно, можно служить и по старымъ служебникамъ, и не

обращалъ вниманія на то, что въ самомъ Успенскомъ соборѣ, по увѣщаніямъ Неронова, говорили *аллилуіа* по дважды. Но эти уступки не могли быть тогда поняты большинствомъ, ибо не могло быть понято самое главное, что дѣло идетъ о внѣшнемъ, несущественномъ: перемѣна относительно двоенія или троенія аллилуіа считалась перемѣною въ вѣрѣ, и потому не могли успокоиться на томъ, что можно исповѣдовать одинаково и правую и неправую вѣру, какъ кому угодно. Вонифатьевъ, Нероновъ могли идти на сдѣлку; но не хотѣли идти на сдѣлку товарищи ихъ— Аввакумъ, Логгинъ, Лазарь, которые, по этой самой неспособности къ сдѣлкамъ, по ревности, не знающей границъ, по готовности умереть за *азъ*, производили сильнѣйшее впечатлѣніе и пріобрѣтали приверженцевъ дѣлу, имѣвшему такихъ отчаянныхъ бойцовъ. Скоро пріобрѣтенъ былъ новый сильный союзникъ: это былъ монахъ Капитонъ, обращавшій на себя вниманіе необыкновеннымъ постничествомъ, и потому прослывшій праведникомъ. Наконецъ противъ Никоновыхъ новшествъ объявилъ себя одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ монастырей. Въ августѣ 1657 года пріѣхалъ въ Холмогоры Софійскаго дома сынъ боярскій съ новыми печатными церковными книгами и съ приказомъ отъ новгородскаго митрополита Макарія раздавать книги по епархіи. Онъ велѣлъ позвать къ себѣ соловецкаго старца Іосифа, накинулъ на него 18 книгъ и доправилъ денегъ 23 рубля, 8 алтынъ, двѣ деньги. Іосифъ отослалъ книги въ монастырь; архимандритъ Илья созвалъ черный соборъ и объявилъ присылку; священники и дьяконы посмотрѣли книги и сказали: будемъ служить по старымъ служебникамъ, по которымъ мы сперва учились и привыкли; мы, старики, и по старымъ служебникамъ очередей своихъ недѣльныхъ держать не сможемъ, а по новымъ на старости лѣтъ учиться не можемъ же, да и некогда, что и учено было, и того мало видимъ, а по новымъ книгамъ намъ чернецамъ коснымъ, непереимчивымъ и грамотѣ ненавычнымъ, сколько ни учиться, а не навыкнуть, лучше съ братьею въ монастырскихъ трудахъ быть.» Тутъ братія закричали: «Если священники станутъ служить по новымъ служебникамъ, то мы отъ нихъ и причащаться не хотимъ; если же на отца нашего, архимандрита Илію, придетъ какая кручина или жестокое повелѣніе, то намъ всею братьею патріарху и митрополиту бить челомъ своими головами, стоять всѣмъ заодно и ни въ чемъ архимандрита не подать.»

Но не всѣ были согласны на это рѣшеніе, или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые отдѣлились впослѣдствіи, и въ 1658 году явилась отъ нихъ грамота къ патріарху: «Бьютъ челомъ и извѣщаютъ богомольцы твои, Соловецкаго монастыря попы: Виталій, Кириллъ, Садофъ, Никонъ, Спиридонъ и Германъ, на архимандрита Илію и его совѣтниковъ: въ прошломъ 1657 году присланы въ Соловецкій монастырь служебники твоего государева исправленія; архимандритъ Илья принялъ ихъ тайно съ своими совѣтниками, и, не объявя ихъ никому изъ насъ, положилъ въ казенную палату, и лежатъ они тамъ другой годъ непереплетенные; но когда объ нихъ узнали, то стали между собою говорить: для чего это служебниковъ намъ не покажутъ? И вотъ въ нынѣшнемъ 1658 году, на шестой недѣлѣ Великаго поста, архимандритъ съ своими совѣтниками написали приговоръ о служебникахъ, и, созвавши насъ, всѣхъ поповъ, принудилъ архимандритъ великими угрозами и прещеніемъ прикладывать руки къ своему бездѣльному приговору, складывая смуту и бѣду съ себя на насъ, будто онъ служебники намъ давалъ, а мы у него не приняли; но мы у него служебниковъ просили посмотрѣть, а онъ намъ и посмотрѣть не далъ, меня, попа Германа, дважды плетьми били за то только, что обѣдню пропѣлъ по новымъ служебникамъ. Какъ начали съ Руси въ монастырь пріѣзжать богомольцы и стали зазирать, что въ Соловкахъ служатъ по старымъ служебникамъ, то архимандритъ, услыхавъ это, вымыслилъ новый приговоръ, уже не тайно, а объявилъ всей братіи, что отнюдь нынѣшнихъ служебниковъ не принимать, а намъ, всей братіи, за архимандрита стоять, и, написавъ приговоръ 8 іюня, собралъ онъ всю братію въ трапезу на черный соборъ; случились въ то время богомольцы разныхъ городовъ и произошелъ шумъ великій: началъ архимандритъ говорить всей братіи со слезами: «Видите, братья, послѣднее время: встали новые учители, отъ вѣры православной и отеческаго преданія насъ отвращаютъ и велятъ намъ служить на ляцкихъ крыжахъ по новымъ служебникамъ. Помолитесь, братія, чтобъ насъ Богъ сподобилъ въ православной вѣрѣ умереть какъ иотцы наши!» Тутъ всѣ закричали великими голосами: «Намъ латинской службы и еретическаго чина не принимать, причащаться отъ такой службы не хотимъ, и тебя, отца нашего, ни въ чемъ не выдадимъ.» Да и все Поморье онъ, архимандритъ, утверждаетъ, по волостямъ

монастырскимъ и по усольямъ заказываетъ, чтобъ отнюдь служебниковъ новыхъ не принимали. Мы къ такому приговору рукъ прикладывать не хотѣли, такъ на насъ архимандритъ закричалъ съ своими совѣтниками какъ дикіе звѣри: «хотите латинскую еретическую службу служить! живыхъ не выпустимъ изъ трапезы!» Мы испугались и приложили руки.»

Эта челобитная пришла въ Москву, когда Никону было уже не до Соловокъ. Мы видѣли, сколько вражды накликалъ на себя патріархъ своимъ *великимъ государствованіемъ*. Враги новшествъ подали государю длинную жалобу на Никона, въ которой они вооружались противъ него, не какъ противъ нововводителя только, но какъ противъ дурнаго патріарха: «Прежнія пошлины съ духовенства за рукоположеніе брать онъ не велѣлъ, только новый порядокъ установилъ: ставленникамъ велѣлъ привозить отписки отъ десятильниковъ и отъ поповскихъ старостъ гдѣ кто въ какой десятинѣ живетъ; за такою отпискою пройдетъ недѣли по двѣ и по четыре, да харчу станетъ рубль и два; пріѣдетъ съ отпискою къ Москвѣ и живетъ здѣсь недѣль по 15 и по 30, и становится поповство рублей по пяти и по шести, кромѣ своего харчу, даютъ посулы архидіакону и дьякамъ; иные волочатся въ Москвѣ недѣль 10 и больше, да отошлетъ ставиться въ Казань. Иные ставленники пропадаютъ и безвѣстно животъ свой мучатъ въ Москвѣ, къ слушанью ходятъ, да насилу недѣли въ двѣ дождутся слушанья, ждутъ часу до пятаго и до шестаго ночи зимнею порою, побредетъ иной ночью къ себѣ на подворье да и пропадетъ безъ вѣсти, а нигдѣ на патріарховѣ дворѣ пускать не велѣно. При прежнихъ патріархахъ, кромѣ Іосифа, ставленники всѣ ночевали въ хлѣбнѣ, а при Іосафѣ патріархѣ ставленники зимнею порою всѣ дожидались въ крестовой, а ночевали въ хлѣбнѣ безденежно; а нынѣ и въ сѣняхъ не велятъ стоять, зимою мучатся на крыльцѣ. При прежнихъ святителяхъ до самыхъ крестовыхъ сѣней и къ казначею, и къ ризничему, и въ казенный приказъ, рано и поздно, ходить было невозбранно; а нынѣ у святителя устроено подобно адову подписанію, страшно приблизиться и ко вратамъ, потому что одни ворота и тѣ постоянно заперты. Священники не смѣютъ ходить въ церковь къ благословенію, не то что о невѣдомыхъ вещахъ допросить, только всегда, во всякое время невозбранно ходятъ къ благословенію жонки да дѣвки:

тѣмъ нынѣ время и челобитныя принимаетъ отъ нихъ невозбранно. Нынѣ на Москвѣ вдовые попы служатъ: или они святы стали? Или объ нихъ знаменіе съ небеси было? А бѣднымъ сельскимъ запрещено, иной останется съ сиротами, съ пятью, шестью, и больше, сами и землю пашутъ. Патріаршая область огромная: иныя мѣста верстъ на 800 отъ Москвы, и прежде попы отсюда ставились у ближнихъ архіереевъ; патріархъ Іосифъ это запретилъ, желая собрать себѣ имѣніе: и теперь такъ остается. Іосифъ же попамъ перехожихъ грамотъ давать не велѣлъ по городамъ съ десятильническихъ дворовъ, а велѣлъ давать на Москвѣ изъ казеннаго приказа, хотя обогатить дьяка своего Ивана Кокошилова да подъячихъ. Перехожая становилась иному беззаступному попу рублей по 6, 7, 10 и 15 кромѣ своего харчу, волочились недѣль по 20 и по 30, а иной бѣдный человѣкъ поживетъ на Москвѣ недѣль 10 и больше, да проѣстъ рублей 5, 6 и больше, и уѣдетъ безъ перехожей; многіе по два и по три раза для перехожихъ въ Москву пріѣзжали, а безъ нихъ попадьи и дѣти ихъ скитаются межь дворовъ. Святитель Никонъ всего этого очень держится, а въ правилахъ написано отъ церкви къ церкви не переходить. И священники отнюдь изъ воли отъ церкви къ церкви не переходятъ, изо ста не найдется пяти человѣкъ поповъ, которые бы перешли изъ воли безъ гоненія, все переходятъ рыдая и плача, потому что поповъ и дьяконовъ по боярскимъ и дворянскимъ вотчинамъ въ колоды и цѣпи сажаютъ, бьютъ и отъ церкви отсылаютъ. Хотя которому попу и бить челомъ тебѣ государю, но за тѣмъ ходить будетъ полгода или годъ, да попъ или дьякъ насилу правъ будетъ, потому что и въ приказъ даромъ сторожа никакими мѣрами не пустятъ, а къ подъячему или дьяку и поминать нечего. Когда было у патріарха приказано въ казнѣ Ивану Кокошилову, то людямъ его раздавали по полтинѣ и по рублю, а самому рублей по 5 и по 6 деньгами, кромѣ гостинцевъ, меду и рыбы, да еще бы рыба была живая, да женѣ его переносятъ гостинцевъ мыломъ и ягодами на рубль и больше, а если не дать людямъ, никакими мѣрами на дворъ не пустятъ. Если и придется кому заплатить за безчестье попа или дьякона, то бояться нечего, потому что, по благому совѣту бояръ твоихъ, безчестье положено очень тяжкое Мордвину, Черемисину, попу пять рублей да четвертая собака — пять же рублей! И нынѣ похваль-

ное слово у небоящихся Бога дворянъ и боярскихъ людей: бей попа что собаку, лишь бы живъ былъ, да кинь 5 рублей. Иноземцы удивляются, а иные плачутъ, что такъ обезчещенъ чинъ церковный! Года два тому назадъ новаго города Корсуня протопопъ пріѣзжалъ съ святительскою казною, дьяку Ивану Кокошилову и женѣ его и людямъ рублей на 10 перешло отъ него и казну приняли; надобно было взять отъ него еще отписи, онъ тутъ денегъ не далъ и за то волочился многое время и, не хотя умереть голодною смертію, голову свою закабалилъ въ десяти рубляхъ да женѣ дьяка отнесъ, и она у него взяла. Въ это время, по твоему указу, битъ кнутомъ за посулъ Кропоткинъ; дьякъ испугался, чтобъ протопопъ не сталъ бить на него челомъ, да и скажи патріарху, какъ будто протопопъ подкинулъ женѣ его 10 рублей, и патріархъ приказалъ его же протопопа посадить на цѣпь и, муча его въ разрядѣ многое время, въ ссылку сослать велѣлъ, а воръ по старому живетъ да воруетъ. А того отнюдь не бываетъ, чтобъ старосту поповскаго, пріѣхавшаго съ доходами, взять къ себѣ въ крестовую да разспросить о всякихъ мѣрахъ. При прежнихъ патріархахъ, изъ которой десятины пріѣдетъ староста поповскій, сперва будетъ у патріарха въ крестовой у благословенія, святитель его пожалуетъ, велитъ кормить и приказываетъ дьяку казну принимать не задерживая, и отдача тогда становилась съ большой десятины рубля три и четыре дьяку, а подъячему рубля два или три, да проживетъ въ Москвѣ за отдачею 10 дней, много недѣли двѣ, да всякій день приходитъ къ святителю и святитель разспрашиваетъ о всякихъ мѣрахъ и подачами жалуетъ мало не всякій день. А нынѣ, за свои согрѣшенія, всего того лишились. Да онъ же святитель велѣлъ во всей области переписать въ городахъ и уѣздахъ и данью обложилъ вновь, да въ окладѣ же велѣлъ положить съ попова двора по 8 денегъ, съ дьяконова по алтыну, съ дьячкова, пономарева и просвирнина по грошу, съ нищенскаго по двѣ деньги, съ четверти земли по 6 денегъ, съ копны сѣна по двѣ деньги. Татарскимъ абызамъ жить гораздо лучше! Никонъ же велѣлъ собрать во всемъ государствѣ съ церквей лошадей, да челомъ ударилъ государю (1655 годъ), да и тутъ лошадей съ 400 или съ 500 разослалъ по своимъ вотчинамъ. Видишь ли, свѣтъ премилостивый, что онъ возлюбилъ стоять высоко, ѣздить широко. Есть ли обычай святителямъ

бранныя потребы строить? Сей же святитель принялъ власть строить вмѣсто Евангелія бердыши, вмѣсто креста топорки тебѣ на помоць, на бранныя потребы.»

Здѣсь Никона обвиняютъ, вопервыхъ, въ томъ, что онъ не отстранилъ тѣхъ тяжкихъ для духовенства обычаевъ, какіе ввелъ его предшественникъ по своему корыстолюбію; но главное, положительное обвиненіе Никону состоитъ въ томъ, что онъ уничтожилъ прежнюю общительность между верховнымъ святителемъ и подчиненнымъ ему духовенствомъ, преимущественно бѣлымъ. Патріархъ окружилъ себя недоступнымъ величіемъ, «возлюбилъ стоять высоко, ѣздить широко.»—Я подъ клятвою вселенскихъ патріарховъ быть не хочу,» говорилъ однажды Нероновъ Никону: «да какая тебѣ честь, владыка святый, что всякому ты страшенъ, и другъ другу грозя говорятъ: знаете ли кто онъ, звѣрь ли лютый, левъ или медвѣдь, или волкъ? Дивлюсь: государевы-царевы власти уже не слыхать, отъ тебя всѣмъ страхъ, и твои посланники пуще царскихъ всѣмъ страшны, никто съ ними не смѣетъ говорить, затвержено у нихъ: знаете ли патріарха! Не знаю, какой образъ или званіе ты принялъ?» Но и подлѣ царя было много людей, которые твердили ему, что царской власти уже не слыхать, что посланцевъ патріаршескихъ боятся больше чѣмъ царскихъ, что великій государь патріархъ не довольствуется и равенствомъ власти съ великимъ государемъ царемъ, но стремится превысить его; вступается во всякія царственныя дѣла и въ градскіе суды, памяти указныя въ приказы отъ себя посылаетъ, дѣла всякія, безъ повелѣнія государева, изъ приказовъ беретъ, многихъ людей обижаетъ, вотчины отнимаетъ, людей и крестьянъ бѣглыхъ принимаетъ. Когда Алексѣй Михайловичъ окончательно повѣрилъ этимъ внушеніямъ, неизвѣстно; очень можетъ быть, что и самъ онъ не умѣлъ въ точности опредѣлить этой печальной для него минуты, когда послѣдняя, можетъ быть ничтожная, капля упала въ сосудъ и переполнила его. Любовь и нелюбье подкрадываются незамѣтно и овладѣваютъ душою; человѣкъ увѣренъ, что онъ все еще любитъ или что все еще хладнокровенъ, пока наконецъ какое нибудь ничтожное обстоятельство не вскроетъ состоянія души, давно уже приготовленнаго. По природѣ своей и по прежнимъ отношеніямъ къ патріарху, царь не могъ рѣшиться на прямое объясненіе, на прямой разсчетъ съ Никономъ; онъ

былъ слишкомъ мягокъ для этого и предпочелъ бѣгство. Онъ сталъ удаляться отъ патріарха. Никонъ замѣтилъ это, и, также по природѣ своей и по положенію, къ которому привыкъ, не могъ идти на прямое объясненіе съ царемъ и впередъ сдерживаться въ своемъ поведеніи. Холодность и удаленіе царя прежде всего раздражили Никона, привыкшаго къ противному; онъ считалъ себя обиженнымъ и не хотѣлъ снизойти до того, чтобъ искать объясненія и кроткими средствами уничтожить нелюбье въ самомъ началѣ. По этимъ побужденіямъ Никонъ также удалялся, и тѣмъ давалъ врагамъ своимъ полную свободу дѣйствовать, все болѣе и болѣе вооружать противъ него государя.

Какъ скоро вельможи, враждебные патріарху, увѣрились, что ихъ сторона взяла верхъ, то не замедлили дать почувствовать врагу свое торжество [67]. Лѣтомъ 1658 года былъ обѣдъ во дворцѣ по случаю пріѣзда въ Москву грузинскаго царевича Теймураза; окольничій Богданъ Матвѣевичъ Хитрово очищалъ путь царевичу; онъ это дѣлалъ по извѣстному обычаю, надѣляя палочными ударами тѣхъ, кто слишкомъ высовывался изъ толпы; случилось, что попался ему подъ палку дворянинъ патріаршій: «Не дерись, Богданъ Матвѣевичъ!» закричалъ дворянинъ: «вѣдь я не простой сюда пришелъ, а съ дѣломъ.»—«Ты кто такой?» спросилъ окольничій — «Патріаршій человѣкъ, съ дѣломъ посланный,» отвѣчалъ дворянинъ. — «Не чванься!» закричалъ Хитрово, и съ этими словами ударилъ его въ другой разъ по лбу. Дворянинъ побѣжалъ жаловаться патріарху, и тотъ своею рукою написалъ къ царю, прося розыскать дѣло и наказать Хитрово. Алексѣй Михайловичъ отвѣчалъ также собственноручною запискою, что велитъ сыскать и самъ повидается съ патріархомъ. Но свиданія не было. Наступило 8 іюля, праздникъ Казанской Богородицы, крестный ходъ: царь не былъ въ Казанскомъ соборѣ ни на одной службѣ; черезъ день, 10-го числа, былъ также большой праздникъ въ Москвѣ, установленный съ недавняго времени, праздникъ Ризы Господней, принесенной изъ Персіи при царѣ Михаилѣ; передъ обѣднею явился къ патріарху князь Юрій Ромодановскій съ приказаніемъ отъ царя, чтобъ не дожидались его къ обѣднѣ въ Успенскій соборъ. Но къ этому приказанію Ромодановскій прибавилъ еще другое: «Царское величество на тебя гнѣвенъ,» сказалъ онъ: «ты пишешься великимъ государемъ, а у насъ одинъ великій государь царь.»—

«Называюсь я великимъ государемъ не самъ собою,» отвѣчалъ Никонъ: «такъ восхотѣлъ и повелѣлъ его царское величество, свидѣтельствуютъ грамоты, писанныя его рукою.» — «Царское величество,» продолжалъ Ромодановскій: «почтилъ тебя какъ отца и пастыря, но ты этого не понялъ; теперь царское величество велѣлъ мнѣ сказать тебѣ, чтобъ ты впередъ не писался и не назывался великимъ государемъ, и почитать тебя впередъ не будетъ.» Разговоръ этимъ кончился; Никонъ отправился въ соборъ служить обѣдню, и послѣ причастія велѣлъ ключарю поставить по сторожу, чтобъ не выпускать людей изъ церкви: поученіе будетъ! Пропѣли: «Буди имя Господне,» народъ столпился около амвона слушать поученіе и услыхалъ странныя слова: «Лѣнивъ я былъ васъ учить,» говорилъ патріархъ: «не стало меня на это, отъ лѣни я окоростовѣлъ, и вы, видя мое къ вамъ неученіе, окоростовѣли отъ меня. Отъ сего времени я вамъ больше не патріархъ, если же помыслю быть патріархомъ, то буду анаѳема. Какъ ходилъ я съ царевичемъ Алексѣемъ Алексѣевичемъ въ Колязинъ монастырь, въ то время на Москвѣ многіе люди къ лобному мѣсту сбирались и называли меня иконоборцемъ, потому что многія иконы я отбиралъ и стиралъ, и за то меня хотѣли убить. Но я отбиралъ иконы латинскія, писанныя по образцу, какой вывезъ Нѣмецъ изъ своей земли. Вотъ какимъ образамъ надобно вѣрить и покланяться (при этомъ указалъ на образъ Спасовъ въ иконостасѣ); а я не иконоборецъ. И послѣ того называли меня еретикомъ, новыя-де книги завелъ! И все это дѣлается ради моихъ грѣховъ. Я вамъ предлагалъ многое поученіе и свидѣтельство вселенскихъ патріарховъ, а вы, въ окаменѣніи сердецъ своихъ, хотѣли меня каменіемъ побить; но Христосъ насъ одинъ разъ кровію искупилъ, а меня вамъ каменіемъ побить—и мнѣ никого кровію своею не избавить, и чѣмъ вамъ каменіемъ меня побить и еретикомъ называть, такъ лучше я вамъ отъ сего времени не буду патріархъ.» Кончилъ и сталъ разоблачаться; послышались всхлипыванія, голоса: «кому ты насъ сирыхъ оставляешь!»—«Кого вамъ Богъ дастъ и Пресвятая Богородица изволитъ,» отвѣчалъ Никонъ. Принесли мѣшокъ съ простымъ монашескимъ платьемъ; но тутъ толпа двинулась и отняла мѣшокъ. Никонъ пошелъ въ ризницу и написалъ письмо къ царю: «Отхожу ради твоего гнѣва, исполняя писаніе: дадите мѣсто гнѣву, и паки: егда изженутъ васъ отъ сего града,

бѣжите во инъ градъ, и еже аще не пріимутъ васъ, грядуще отрясите прахъ отъ ногъ вашихъ.» Въ ризницѣ Никонъ надѣлъ мантію съ источниками, а клобукъ черный, посохъ Петра митрополита поставилъ на святительскомъ мѣстѣ, взялъ простую палку и пошелъ было изъ собора, но народъ бросился къ дверямъ и не пустилъ его, выпустилъ только крутицкаго митрополита Питирима, который пошелъ во дворецъ сказать царю, что дѣлается въ соборѣ. Алексѣй Михайловичъ сильно встревожился: «Точно сплю съ открытыми глазами и все это вижу во снѣ,» сказалъ онъ, и отправилъ въ соборъ самаго сановитаго боярина, князя Алексѣя Никитича Трубецкаго. Много перемѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ въ 1654 году этотъ же самый Трубецкой передъ отправленіемъ въ походъ съ благоговѣніемъ принималъ благословеніе Никона, бывшаго во всей своей силѣ и славѣ! И теперь Трубецкой началъ тѣмъ, что подошелъ подъ благословеніе къ патріарху, но получилъ въ отвѣтъ: «Прошло мое благословеніе, недостоинъ я быть въ патріархахъ.»— «Какое твое недостоинство? что ты сдѣлалъ?» спрашивалъ простодушно Трубецкой.—«Если тебѣ надобно, то я стану тебѣ каяться,» отвѣчалъ Никонъ. Трубецкой еще больше смутился: «Это не мое дѣло, не кайся, скажи только, зачѣмъ бѣжишь, престолъ свой оставляешь? живи, не оставляй престола! великій государь нашъ тебя жалуетъ и радъ тебѣ.»—«Поднеси это государю,» сказалъ Никонъ, подавая Трубецкому письмо: «попроси царское величество, чтобъ пожаловалъ мнѣ келью.» Трубецкой отправился во дворецъ; Никонъ, въ сильномъ волненіи, то садился на нижней ступени патріаршаго мѣста, то вставалъ и подходилъ къ дверямъ; но народъ съ плачемъ не пускалъ его; наконецъ и самъ Никонъ заплакалъ. Всѣ ждали, что царь явится, послѣдуетъ объясненіе и примиреніе между ними; но вмѣсто царя вошелъ опять Трубецкой и, отдавая Никону письмо его назадъ, говорилъ именемъ царскимъ, чтобъ онъ патріаршества не оставлялъ, а келій на патріаршемъ дворѣ много. «Уже я слова своего не перемѣню,» отвѣчалъ Никонъ: «да и давно у меня обѣщаніе, что патріархомъ не быть.» Поклонившись боярину, патріархъ вышелъ изъ церкви но когда хотѣлъ сѣсть въ карету, то народъ бросился на нее и выпрягъ лошадь; Никонъ пошелъ пѣшкомъ черезъ Кремль къ Спасскимъ воротамъ, но народъ забѣжалъ впередъ и заперъ ворота; Никонъ сѣлъ въ одномъ изъ углубленій (въ печурѣ); тутъ яви-

лись посланные изъ дворца и заставили отворить ворота; Никонъ всталъ и опять пошелъ пѣшкомъ черезъ Красную площадь на Ильинку, на подворье построеннаго имъ Воскресенскаго монастыря (Новаго Іерусалима), благословилъ плачущій народъ, отпустилъ его и чрезъ нѣсколько времени самъ отправился въ Воскресенскій монастырь [68].

На третій день, 12-го іюля, туда поѣхали къ нему князь Алексѣй Никитичъ Трубецкой и дьякъ Ларіонъ Лопухинъ: «Для чего ты, святѣйшій патріархъ» спрашивалъ Трубецкой: «поѣхалъ изъ Москвы скорымъ обычаемъ, не доложа великому государю и не подавъ ему благословенія? а еслибы великому государю было извѣстно, то онъ велѣлъ бы тебя проводить съ честію. Ты бы, продолжалъ бояринъ, подалъ великому государю, государынѣ царицѣ и дѣтямъ ихъ благословеніе; благословилъ бы и того, кому изволитъ Богъ быть на твоемъ мѣстѣ патріархомъ, а пока патріарха нѣтъ, благословилъ бы вѣдать церковь крутицкому патріарху.»—«Чтобъ государь, государыня царица и дѣти ихъ пожаловали меня, простили» отвѣчалъ Никонъ: «а я имъ свое благословеніе и прощеніе посылаю, и кто будетъ патріархомъ, того благословляю; бью челомъ, чтобъ церковь не вдовствовала и безпастырна не была, а церковь вѣдать благословляю крутицкому митрополиту; а что поѣхалъ я вскорѣ, не извѣстивъ великому государю, и въ томъ передъ нимъ виноватъ: испугался я, что постигла меня болѣзнь и чтобъ мнѣ въ патріархахъ не умереть; а впередъ я въ патріархахъ быть не хочу, а если захочу, то проклятъ буду, анаѳема.»

Повидимому Никонъ совершенно успокоился, принявъ твердое намѣреніе не возвращаться на патріаршество и занявшись исключительно заботами о своемъ любимомъ Воскресенскомъ монастырѣ; необыкновеннымъ смиреніемъ дышетъ письмо его къ царю, отправленное съ Трубецкимъ или вслѣдъ за нимъ: «Многогрѣшный богомолецъ вашъ, смиренный Никонъ, *бывшій* патріархъ, о вашемъ душевномъ спасеніи и тѣлесномъ здравіи Господа Бога ей-ей со слезами молю и милости у васъ государей и прощенія прошу, Бога ради простите мнѣ многое къ вамъ согрѣшеніе, которому воистину нѣтъ числа. По отшествіи вашего боярина, князя Алексѣя Никитича съ товарищами, ждалъ я отъ васъ, великихъ государей, по моему прошенію милостиваго указа, не дож-

дался, и многихъ ради болѣзней своихъ велѣлъ отвезти себя въ Воскресенскій монастырь.» Пріѣхалъ въ Воскресенскій монастырь окольничій Иванъ Михайловичъ Милославскій и объявилъ Никону отъ имени царскаго, что бояринъ Борисъ Ивановичъ Морозовъ опасно боленъ, и если патріарху была на него какая-нибудь досада, то онъ бы простилъ умирающаго. Никонъ письменно отвѣчалъ государю: «Мы никакой досады отъ Бориса Ивановича не видали, кромѣ любви и милости; а хотя бы что-нибудь и было, то мы Христовы подражатели, и его Господь Богъ проститъ, если, какъ человѣкъ, въ чемъ-нибудь виноватъ предъ нами. Мы теперь оскудѣли всѣмъ, и потому молимъ твою кротость пожаловать что-нибудь для созиданія храма Христова Воскресенія и намъ бѣднымъ на пропитаніе, а мы ради поминать его боярина; ничто такъ не пользуетъ нашей души, какъ созданіе св. церквей; а всего полезнѣе для души его было бы, еслибъ онъ изволилъ положиться въ домѣ живоноснаго Воскресенія, при св. Голгоѳѣ: и память бы такого великаго боярина не престала во вѣки, и Богъ бы, ради нашихъ смиренныхъ молитвъ, упокоилъ его.»

Но скоро тонъ писемъ Никона и разговоръ его съ посланными царскими измѣняется. Раздраженный окончательно рѣчами Ромодановскаго 10 іюля, Никонъ рѣшился поразить царя и народъ своимъ удаленіемъ; впечатлѣніе было произведено сильное, какъ мы видѣли, но все не такое, какого могъ ожидать Никонъ: царь не пришелъ для объясненія съ нимъ въ Успенскій соборъ, не умолялъ его остаться, не просилъ торжественно прощенія, сцена, происходившая при избраніи Никона на патріаршество, не повторилась. Но за то и рѣчи, которыя позволилъ себѣ Ромодановскій, не повторялись болѣе; посланные царскіе относились къ Никону съ уваженіемъ, царь присылалъ съ теплыми словами, напоминавшими прежнія отношенія. Эти присылки и медленность царя относительно избранія новаго патріарха испугали враговъ Никона: они видѣли, какъ царь волнуется тяжелыми сомнѣніями — хорошо ли поступлено съ Никономъ, дѣйствительно ли онъ виновенъ? И вотъ враги Никона стараются убѣдить Алексѣя Михайловича, что бывшій патріархъ дѣйствительно виновенъ. Самъ царь далъ знать Никону объ опасности, пославши сказать ему, что только онъ, государь, да еще князь Юрій (Долгорукій?) добры до него. Скоро послѣ этого Никонъ узнаетъ, что враги подъ

нимъ подъискиваются, хотятъ показать его неправды, его грѣхи, его недостоинство, показать, что напрасно Никонъ старается внушить, будто удалился вслѣдствіе гоненія неправеднаго, не стерпя неправды царской и грѣховъ народныхъ, но что ему слѣдовало оставить патріаршество по своему собственному недостоинству. Никонъ увидалъ передъ собою ту бездну, къ которой привелъ его поступокъ 10 іюля; возврата не было, и вотъ поднимаются искушенія: человѣкъ, привыкшій стоять на первомъ планѣ, привыкшій, чтобъ все и всѣ къ нему относились, всѣ предъ нимъ преклонялись, оставленъ, забытъ! мало того: отданъ на жертву врагамъ, которые позорятъ его! человѣкъ, привыкшій къ обширной и видной дѣятельности, принужденъ ограничиться мелкими заботами о постройкѣ монастыря. Явились и другія искушенія; привыкши къ роскоши, изобилію во всемъ, Никонъ сильно чувствовалъ отсутствіе этой роскоши, этого изобилія въ Воскресенскомъ монастырѣ. Все это начало волновать, раздражать натуру, столь способную волноваться и раздражаться; нравственнаго величія, христіанскаго духа Никону недоставало для преодолѣнія искушеній, и вотъ онъ ищетъ средствъ, какъ бы удержаться въ выгодномъ положеніи и относительно чести, и относительно средствъ жизни, выставляетъ такія права свои, которыя могли казаться незаконными и опасными даже и не врагамъ его. Раздраженіе, борьба и соблазнъ усиливаются.

Патріарху дали знать, что пересматривали его бумаги, что всякихъ чиновъ людямъ запрещено ѣздить къ нему въ Воскресенскій монастырь, и Никонъ пишетъ къ государю: «Молю не прогнѣваться на богомольца вашего, рѣшаюсь писать къ тебѣ о нужнѣйшихъ дѣлахъ, уповая на прежде бывшій твой благій нравъ о Бозѣ. Слышалъ я, что ты велѣлъ возвратить, что прежде далъ святой великой церкви: умоляю тебя Господомъ не дѣлать этого. Ты, великій государь, чрезъ стольника своего Аѳанасія Ивановича Матюшкина прислалъ мнѣ свое милостивое прощеніе, а теперь, какъ слышу, ты поступаешь со мною не какъ съ человѣкомъ прощеннымъ, но какъ съ послѣднимъ злодѣемъ: пересмотрѣны худыя мои вещи, оставшіяся въ кельѣ, пересмотрѣны письма, а въ нихъ много тайнъ, которыхъ никому изъ мірскихъ людей не слѣдуетъ знать, потому что я былъ избранъ какъ первосвятитель и много вашихъ государевыхъ тайнъ имѣю у себя; также много

писемъ отъ другихъ людей, которые требовали у меня разрѣшенія въ грѣхахъ: этого никому не должно знать, ни самому тебѣ. Дивлюсь, какъ ты скоро дошелъ до такого дерзновенія? прежде ты боялся произнести судъ надъ простымъ церковнымъ причетникомъ, а теперь захотѣлъ видѣть грѣхи и тайны того, кто былъ пастыремъ всего міра, и не только самъ видѣть, но и мірскимъ объявить. Вскую наше нынѣ судится отъ неправедныхъ, а не отъ святыхъ? Слышимъ, что все это дѣлается для того, чтобъ отобрать твои грамоты, въ которыхъ ты писалъ насъ великимъ государемъ, не по нашей волѣ, а по своему изволенію; не знаю откуда взялось это названіе? но думаю, что отъ тебя: ты писалъ такъ во всѣхъ своихъ грамотахъ, и къ тебѣ такъ писано въ отпискахъ изо всѣхъ полковъ, во всякихъ дѣлахъ, и невозможно этого исправить. Да потребится злое мое и гордѣливое проклятое названіе, хотя и не по своей волѣ получилъ я его; надѣюсь на Господа, что нигдѣ не найдется моего хотѣнія и велѣнія на это, развѣ ложно сочинять; ради этихъ ложныхъ сочиненій я много пострадалъ и стражду Господа ради отъ лжебратіи: что сказано мною со смиреніемъ, то передано гордо; что сказано благохвально, то передано хульно, и такими лживыми словами возвеличенъ гнѣвъ твой на меня; истязують отъ меня то, чего не хотѣлъ, не искалъ—называться великимъ государемъ, передъ всѣми людьми укоренъ и поруганъ понапрасну; думаю, и ты помнишь, что и во св. литургіи слыхалъ по нашему указу кликали великимъ господиномъ, а не великимъ государемъ. Былъ я нѣкогда во всякомъ богатствѣ и единотрапезенъ съ тобою, не стыжусь этимъ похвалиться; и питанъ былъ какъ телецъ на заколѣніе жирными многими пищами по обычаю вашему государеву; много этимъ насладившись, скоро не могу забыть: такъ теперь 25 іюля всѣ веселились, всѣ праздновали рожденіе благовѣрной царевны Анны Михайловны; одинъ я, какъ песъ, лишенъ богатой вашей трапезы, но и псы питаются отъ крупицъ, падающихъ отъ трапезы господъ своихъ; еслибы я не считался врагомъ, то не былъ бы лишенъ малаго ломтя хлѣба отъ богатой вашей трапезы. Пишу это не потому, что хлѣба лишаюсь, но требуя милости и любви отъ тебя, великаго государя. Молю: перестань, Господа ради, понапрасну гнѣваться; я больше всѣхъ людей оболганъ тебѣ, поношенъ и укоренъ неправедно; потому молю, перемѣнись ко мнѣ

Господа ради и не дѣлай мнѣ грѣшному немилосердія; чего себѣ не хочешь, другимъ не дѣлай. Развѣ тебѣ хочется, чтобъ всѣ знали твои тайны противъ твоей воли? Какъ будешь помилованъ, самъ не бывши милостивъ? И не одинъ я, но многіе ради меня страдаютъ. Недавно ты приказывалъ ко мнѣ съ княземъ Юріемъ, что только ты да князь Юрій до меня добры; а теперь одинъ ты ко мнѣ убогому богомольцу очень немилостивъ явился, хотящимъ меня миловать возбраняешь, всѣмъ накрѣпко запрещено приходить ко мнѣ. Господа Бога ради молю, перестань! Если ты и царь великій, отъ Бога поставленный, но поставленный для правды: а какая моя неправда предъ тобою? что ради церкви просилъ суда на обидящаго? и вмѣсто суда праведнаго получилъ отвѣты полные немилосердія! Нынѣ же слышу, что, вопреки законамъ церковнымъ, самъ дерзаешь судить церковный чинъ, чего не повелѣно тебѣ Богомъ. Нѣкоторые говорятъ, что я много казны взялъ съ собою: не взялъ, но сколько будетъ издержано на церковное строеніе, и по времени хотѣлъ отдать, и что дано Воскресенскому казначею во время моего отъѣзда, и то дано не ради корысти, но чтобъ не оставить братію въ долгу, потому что съ работниками нечѣмъ было расплатиться. А другія издержки сдѣланы на глазахъ всѣхъ людей: дворъ московскій выстроенъ— сталъ тысячъ десятокъ и два и больше; насадный заводъ тысячъ въ десять сталъ; тебѣ, великому государю, десять тысячъ поднесъ на подъемъ ратныхъ людей; тысячъ съ десять въ казнѣ на лицо; 9000 дано теперь на насадъ, прошлымъ лѣтомъ на 3000 рублей лошадей куплено; шапка архіерейская тысячъ пять-шесть стала, а много расхода, святый Богъ вѣсть, сколько убогимъ, сиротамъ, вдовицамъ, нищимъ роздано; тому всему книги есть въ казнѣ; но во всемъ каюсь, Господа ради прости, да самъ прощенъ будешь.»

Никону доносили справедливо, что къ нему запрещено ѣздить: въ 1659 году пѣвчіе дьяки Иванъ Тверитиновъ и Савва Семеновъ, вопреки указу, были у патріарха въ Воскресенскомъ; ихъ взяли къ допросу и они разсказали свой разговоръ съ Никономъ: «Услышите» говорилъ патріархъ: «какія къ вамъ вѣсти недобрыя будутъ вскорѣ!» Говорилъ и про Выговскаго: «Когда я былъ на Москвѣ, то на меня роптали, будто я Выговскаго принялъ; но вѣдь при мнѣ никакой отъ него неправды не было, а теперь онъ

отошелъ отъ великаго государя невѣдомо почему; когда я былъ, то великому государю о нихъ бивалъ челомъ и во всемъ заступался; и теперь стоитъ мнѣ только двѣ строчки написать Выговскому, и онъ будетъ по прежнему служить великому государю, и меня послушаетъ; и прежде во всемъ добромъ меня слушивалъ, только надобно ихъ держать умѣючи.»

Подобные разговоры Никона съ посѣтителями, стараніе его выставить, какъ онъ необходимъ для государства, какъ все было хорошо при немъ и все стало дурно послѣ него, разумѣется, не могли возбудить въ Москвѣ желанія позволить всѣмъ ѣздить въ Воскресенскій монастырь. Царь отправилъ къ Никону дьяка Дементія Башмакова объявить, что *духовенству* не было никакого запрета ѣздить къ нему въ Воскресенскій монастырь. Башмаковъ нашелъ патріарха въ пустыни близь монастыря, спросилъ отъ имени государева о спасеніи и поднесъ жалованье: вино церковное, муку пшеничную, медъ сырецъ, рыбу. Никонъ билъ челомъ за жалованье, спрашивалъ о государевомъ многолѣтнемъ здоровьѣ, и потомъ пошелъ къ обѣднѣ. Послѣ обѣдни патріархъ отправился изъ пустыни въ большой монастырь, передъ нимъ шли дѣти боярскіе; у монастырскихъ воротъ по сторонамъ стояли стрѣльцы человѣкъ съ десять, на монастырѣ встрѣчалъ архимандритъ съ братьею. Вошедши въ келью съ Башмаковымъ, Никонъ началъ жаловаться, что его забываютъ, что его не считаютъ больше патріархомъ: «Между властями» говорилъ онъ: «много моихъ ставленниковъ, они обязаны меня почитать, они давали мнѣ письмо за своими руками, что будутъ почитать меня и слушаться. Я оставилъ святительскій престолъ на Москвѣ своею волею, московскимъ не зовусь и никогда зваться не буду; но патріаршества я не оставлялъ и благодать св. Духа отъ меня не отнята: въ Воскресенскомъ монастырѣ были два человѣка, одержимые чернымъ недугомъ, я объ нихъ молился, и они отъ своей болѣзни освободились; и когда я былъ на патріаршествѣ, и въ то время моими молитвами многіе отъ различныхъ болѣзней освободились.»

Эти притязанія Никона сильно смутили царя, должны были смутить многихъ, даже и не враговъ Никона: теперь нельзя было приступить къ избранію новаго патріарха, не рѣшивши вопроса, въ какомъ же отношеніи будетъ находиться новый патріархъ къ старому? Притязанія Никона явно показывали, что онъ хочетъ

сохранить первенствующее положеніе, хочетъ сохранить прежнюю власть надъ владыками, указывая на то, что они поставлены имъ и клялись быть ему послушными. Будетъ слѣдовательно два патріарха? И какъ выбирать новаго? какое значеніе дать при этомъ Никону, а Никонъ малымъ значеніемъ не удовольствуется! Онъ говоритъ, что благодать осталась съ нимъ, что онъ чудотворецъ! Скоро Никонъ высказался, какое онъ хочетъ имѣть значеніе при избраніи новаго патріарха. Крутицкій митрополитъ, который вслѣдствіе его удаленія принялъ управленіе дѣлами патріаршества, счелъ себя въ правѣ замѣнить патріарха и въ извѣстной церемоніи въ Вербное Воскресенье, когда патріархъ ѣздилъ на ослятѣ, представляя Христа, въѣзжавшаго такимъ образомъ въ Іерусалимъ. Никонъ, узнавши объ этомъ, послалъ такое письмо государю: «Нѣкто дерзнулъ сѣдалище великаго архіерея всея Руси олюбодѣйствовать, въ недѣлю Ваій дѣяніе дѣйствовать. Я пишу это не самъ собою, и не желая возвращенія къ любоначалію и ко власти, какъ песъ къ своей блевотинѣ. Если хотите избирать патріарха благозаконно, праведно и божественно, да призовется наше смиреніе съ благоволеніемъ честно. Да начнется избраніе соборно, да сотворится благочестиво, какъ дѣло божественное; и кого божественная благодать изберетъ на великое архіерейство, того мы благословимъ и передадимъ божественную благодать, какъ сами ее приняли; какъ отъ свѣта возсіяваетъ свѣтъ, такъ отъ содержащаго божественную благодать пріидетъ она на новоизбраннаго чрезъ рукоположеніе, и въ первомъ не умалится, какъ свѣча, зажигая многія другія свѣчи, не умаляется въ своемъ свѣтѣ.»

Послѣ этого было ясно, что Русской церкви предстоитъ двупатріаршество. 1 апрѣля 1659 года отправились къ Никону отъ царя думный дворянинъ Прокофій Елизаровъ и думный дьякъ Алмазъ Ивановъ напомнить ему, что онъ отъ патріаршества отказался, и потому уже не слѣдуетъ ему вмѣшиваться въ дѣла церковныя. «Ты съ княземъ Трубецкимъ приказывалъ,» говорилъ Елизаровъ: «что московскимъ патріархомъ никогда не будешь, и дѣла тебѣ до архіерейскаго чина нѣтъ: а теперь пишешь, что Крутицкій митрополитъ дерзнулъ сѣдалище великаго архіерея олюбодѣйствовать; оставя паству свою, писать тебѣ этого не довелось; дѣйство учинилъ митрополитъ по государеву указу, и

прежде всегда такъ бывало.» — «Первый архіерей,» отвѣчалъ Никонъ: «во образъ Христовъ, а митрополиты, архіепископы и епископы во образъ апостоловъ, и рабу, на сѣдалище господина дерзать не достоитъ; прежде дѣлали это по невѣдѣнію, и самъ я въ Новгородѣ дѣлалъ по невѣдѣнію, а во время архіерейства своего во многихъ сустахъ исправить этого не успѣлъ. А престолъ святительскій оставилъ я своею волею, никѣмъ не гонимъ, имени патріаршескаго я не отрицался, только не хочу называться московскимъ, о возвращеніи же на прежній престолъ и въ мысляхъ у меня нѣтъ». Елизаровъ продолжалъ свое: «Впередъ о такихъ дѣлахъ къ великому государю не пиши, потому что ты патріаршество оставилъ.» — Никонъ: «Въ прежнихъ давнихъ лѣтахъ благочестивымъ царямъ греческимъ объ исправленіи духовныхъ дѣлъ и пустынники возвѣщали; я своею волею оставилъ паству, а попеченія объ истинѣ не оставилъ, и впередъ объ исправленіи духовныхъ дѣлъ молчать не стану.» Елизаровъ: «При прежнихъ греческихъ царяхъ процвѣтали ереси, и тѣ ереси пустынники обличали, а теперь никакихъ ересей нѣтъ и тебѣ обличать некого.» Никонъ: «Если митрополитъ дѣйствовалъ по указу великаго государя, то я великаго государя прощаю и благословеніе ему подаю.»

Мы видѣли, какимъ ужасомъ поражена была Москва, когда пришла вѣсть о Конотопскомъ пораженіи: ждали хана и Выговскаго подъ царствующій градъ. Царь вспомнилъ о Никонѣ и послалъ предложить ему болѣе безопасное убѣжище, именно крѣпкій монастырь Макарія Колязинскаго. Никонъ встрѣтилъ жестко это предложеніе и сказалъ посланному: «Возвѣсти благочестивѣйшему государю, что я въ Колязинъ монастырь нейду, лучше мнѣ быть въ Зачатейскомъ монастырѣ; а есть у меня и безъ Колязина монастыря, милостію Божіею и его государевою, свои монастыри крѣпкіе — Иверскій и Крестный, и я, доложась великому государю, пойду въ свои монастыри, и нынѣ возвѣсти великому государю, что иду въ Москву о всякихъ нуждахъ своихъ доложиться ему.» Посланный не понялъ, о какомъ Зачатейскомъ монастырѣ говоритъ патріархъ, и спросилъ объясненія; Никонъ отвѣчалъ: «Тотъ, что на Варварскомъ Крестцѣ подъ горою у Зачатія.» — «Вѣдь тамъ только тюрьма большая, а не монастырь,» возразилъ посланный. — «Ну вотъ этотъ самый и Зачатейскій монастырь,»

отвѣчалъ Никонъ. Патріархъ пріѣхалъ въ Москву, видѣлся съ царемъ, съ царицею, принятъ почтительно, одаренъ, но развязки никакой не послѣдовало. Сохранилось любопытное извѣстіе одного иностранца бывшаго тогда въ Москвѣ: пріѣхавши въ столицу, Никонъ хотѣлъ приклонить къ себѣ народъ, устроилъ трапезу для странныхъ, самъ обмывалъ имъ ноги; желая сложить вину продолжительной, тяжкой войны на государя, спрашивалъ, какъ будто ничего не зная, заключенъ ли миръ съ Поляками? Когда ему отвѣчали, что нѣтъ, глубоко вздохнулъ и сказалъ: «Святая кровь христіанская изъ-за пустяковъ проливается» и т. д. Узнавши объ этихъ разговорахъ, царь немедленно велѣлъ Никону выѣхать изъ Москвы [69].

Никонъ отправился въ Крестный монастырь. Въ началѣ 1660 года царь велѣлъ созвать духовный соборъ и предложилъ ему рѣшить трудный вопросъ. Соборъ открылся 17 февраля; прежде всего бояринъ Петръ Михайловичъ Салтыковъ принесъ письменныя сказки о томъ, какъ Никонъ оставилъ патріаршество; преосвященные приняли сказки и начали допрашивать свидѣтелей, священнаго чина людей по священству, а прочихъ по Евангельской заповѣди. Въ сказкахъ крутицкаго митрополита Питирима и князя Трубецкаго было написано: «патріархъ Никонъ патріаршества своего отрекся съ клятвою;» въ остальныхъ сказкахъ о клятвѣ не было упомянуто, но во всѣхъ говорилось согласно, что Никонъ отъ патріаршества отрекся и впередъ на немъ обѣщался не быть. Соборъ послалъ боярина Салтыкова доложить великому государю, что святѣйшій патріархъ Никонъ, какъ дознано, оставилъ патріаршескій престолъ своею волею, и какъ великій государь укажетъ? Салтыковъ возвратился съ отвѣтомъ, что государь указалъ собору выписать изъ правилъ св. Апостолъ и св. Отецъ все относящееся къ подобнымъ случаямъ, и у выписки велѣлъ быть архіепископу Маркеллу вологодскому, архіепископу Иларіону рязанскому, Макарію псковскому, Чудова монастыря архимандриту Павлу, Свирскаго Александрова монастыря игумену Симону. 27 февраля соборъ слушалъ выписи и разсуждалъ: Никонъ не внялъ прошенію великаго государя, объявленному княземъ Трубецкимъ; не внялъ прошенію архіереевъ и прочаго духовенства, бывшаго при его отреченіи въ Успенскомъ соборѣ; не объявилъ причину отреченія ни великому государю, ни архіереямъ, ни собору, не

оставилъ никакого объясненія, объявилъ только, что отрекается ради своего невѣжества и грѣховъ. Послѣ этого разсужденія, соборъ опредѣлилъ по правиламъ: когда епископъ отречется отъ епископіи безъ благословной вины, то по прошествіи шести мѣсяцевъ поставлять другаго епископа; кромѣ того опредѣлилъ, что Никонъ долженъ быть чуждъ архіерейства, и чести, и священства. Трижды подносили государю правила, на которыхъ основывался соборъ: царь медлилъ, наконецъ приказалъ пригласить на соборъ Грековъ, бывшихъ въ Москвѣ: Пареенія, митрополита еиваскаго, Кирилла, бывшаго архіепископа андросскаго, Нектарія архіепископа паганіатскаго. Греки подтвердили приговоръ Русскихъ, и царь велѣлъ подкрѣпить этотъ приговоръ въ Успенскомъ соборѣ при себѣ и при боярахъ. Дѣло оканчивалось: рѣшеніемъ собора уничтожались всѣ притязанія Никона на сохраненіе прежняго значенія, на право рукоположить новаго патріарха: онъ терялъ архіерейство, терялъ священство! Но вотъ Епифаній Славеницкій, первый ученый авторитетъ тогда въ Москвѣ, подаетъ протестъ: «Греки на соборѣ,» пишетъ онъ: «прочли изъ своей греческой книги выраженіе: «безумно убо есть епископства отрекшися, держати же священства,» и сказали, что это 16-е правило перваго и втораго собора. Я думалъ, что это правда, не дерзнулъ прекословить и далъ мое согласіе на низверженіе Никона, бывшаго патріарха; но потомъ я сталъ искать и не нашелъ въ правилахъ этого реченія, вслѣдствіе чего беру назадъ свое согласіе на низверженіе Никона и каюсь. Ваше царское величество приказали мнѣ составить соборное опредѣленіе; я готовъ это сдѣлать относительно избранія и поставленія новаго патріарха, потому что это праведно, благополезно и правильно; о низверженіи же Никона не дерзаю писать, потому что не нашелъ такого правила, которое бы низвергало архіерея, оставившаго свой престолъ, но архіерейства не отрекшагося.»

Это письмо ученѣйшаго старца остановило дѣло: выбрать новаго патріарха? но что дѣлать со старымъ, который не перестаетъ предъявлять своихъ притязаній на высшую власть въ церкви, который будетъ протестовать, что новаго патріарха поставили незаконно, ибо безъ вѣдома и рукоположенія стараго, и протестъ этотъ дастъ поводъ сомнѣваться въ законности новаго, произведетъ соблазнъ и раздѣленіе въ церкви, когда уже и безъ того

было много соблазна и раздѣленія? Притомъ же письмо Епифанія показало, что собору московскаго духовенства и пришлыхъ Грековъ вѣрить нельзя, что царь могъ согрѣшить, приведши въ исполненіе приговоръ собора, чего Алексѣй Михайловичъ боялся больше всего. Онъ былъ въ тяжкомъ недоумѣніи, тѣмъ болѣе, что Никонъ упорно стоялъ на своемъ. Въ то самое время, какъ въ Москвѣ соборъ разсуждалъ о Никоновомъ дѣлѣ, въ февралѣ 1660 года, стольникъ Матвѣй Пушкинъ ѣхалъ къ патріарху въ Крестный монастырь съ ласковыми словами отъ царя, имѣвшими цѣлію выпросить у Никона письменное благословеніе на избраніе новаго патріарха: «Ты патріаршій престолъ изволилъ оставить,» говорилъ ему Пушкинъ: «въ то время великій государь посылалъ къ тебѣ князя Трубецкаго не одинъ разъ, велѣлъ тебѣ говорить, чтобъ ты на патріаршій престолъ возвратился, ты отказалъ, не возвратился и великому государю благословеніе подалъ выбрать патріарха, кого онъ изволитъ. Послѣ того посыланы къ тебѣ думный дворянинъ Прокофій Елизаровъ и дьякъ Алмазъ Ивановъ, ты и имъ сказалъ тѣ же рѣчи, что на патріаршескомъ престолѣ впередъ быть не хочешь: такъ ты бы о избраніи патріарха на свое мѣсто благословеніе подалъ и къ великому государю о томъ отписалъ.»—«Князь Алексѣй Никитичъ Трубецкой на патріаршество меня не звалъ», отвѣчалъ Никонъ: «онъ мнѣ только въ Москвѣ въ соборной церкви сказалъ, чтобъ я возвратился. Елизаровъ меня на патріаршество не звалъ, а только мнѣ выговаривалъ; великому государю благословеніе мое всегда готово: невозможно рабу государя своего не благословлять; но патріарха поставить безъ меня я не благословляю: кому его безъ меня ставить и митру возложить, митру дали мнѣ вселенскіе патріархи, митрополиту митры на патріарха положить невозможно, да и посохъ съ патріархова мѣста кому снять и новому патріарху дать? я живъ и благодать св. Духа со мною; оставилъ я престолъ, но архіерейства не оставлялъ; великому государю извѣстно, что и патріаршескій санъ и омофоръ взялъ я съ собою, а то у меня отложено давно, что въ Москвѣ на патріаршествѣ не быть. У васъ всѣ власти моего рукоположенія; когда ставятся, въ исповѣданіи своемъ проклинаютъ они Григорія Симвлака за то, что онъ при живомъ митрополитѣ похитилъ святительскій престолъ; да архіереи же обѣщаются на поставленіи, что

имъ другаго патріарха не хотѣть: такъ какъ же имъ новоизбраннаго патріарха безъ меня ставить? Если же великій государь позволитъ мнѣ быть въ Москву, то я новоизбраннаго патріарха поставлю, и, принявъ отъ государя милостивое прощеніе, простясь съ архіереями и подавъ всѣмъ благословеніе, пойду въ монастырь. А которые монастыри я строилъ, тѣхъ бы великій государь отбирать у меня не велѣлъ, да указалъ бы отъ соборной церкви давать мнѣ часть, чѣмъ мнѣ быть сыту.»

Требуя позволенія пріѣхать въ Москву и права рукоположить новаго патріарха для обезпеченія своей власти и своего матеріальнаго благосостоянія, Никонъ въ то же время не сомнѣвался сравнивать себя съ Аѳанасіемъ, Василіемъ Великими, съ св. Филиппомъ митрополитомъ. Изо всѣхъ бояръ одинъ Зюзинъ находился въ сношеніяхъ, въ перепискѣ съ патріархомъ: «Мы прочли въ письмѣ вашемъ, что о насъ жалѣете,» писалъ ему Никонъ изъ Крестнаго монастыря: «но мы радуемся о покоѣ своемъ и вовсе не опечалены. Добро архіерейство во всезаконіи и въ чести своей, надобно попечаловаться о всенародномъ послѣднемъ сбытіи. Когда вѣра Евангельская начала сіять, тогда и архіерейство почиталось, когда же злоба гордости распространилась, то и архіерейская честь измѣнилась. И здѣсь въ Москвѣ невиннаго патріарха отставили, Ермогена возвели при жизни стараго: и сколько зла сдѣлалось! Твоему благородію извѣстно, что всѣ архіереи нашего рукоположенія, но не многіе по благословенію нашему служатъ Господу; но неблагословенный чѣмъ разнится отъ отлученнаго; а намъ первообразныхъ много. вотъ ихъ реестръ: Іоаннъ Златоустъ, Аѳанасій Великій, Василій Великій, изъ здѣшнихъ Филиппъ митрополитъ.» По письму отъ 28 іюня Зюзинъ могъ дѣйствительно признать въ Никонѣ страдальца. отъ котораго враги хотятъ освободиться какими бы то ни было средствами: «Мнѣ о себѣ другаго, кромѣ болѣзней и скорбей многихъ, писать нечего,»—такъ начинаетъ Никонъ: «едва живъ въ болѣзняхъ своихъ: Крутицкій митрополитъ да Чудовскій архимандритъ прислали дьякона Ѳеодосія со многимъ чаровствомъ меня отравить. и онъ было отравилъ, едва Господь помиловалъ, безуемъ камнемъ и индроговымъ пескомъ отпился; да иныхъ со мною четырехъ старцевъ испортилъ, тѣмъ же, чѣмъ и я, отпились, и нынѣ вельми животомъ скорбенъ.» Къ сентябрю преступники были уже въ Москвѣ;

5 числа бояринъ князь Алексѣй Никитичъ Трубецкой, думный дворянинъ Прокофій Елизаровъ и думный дьякъ Алмазъ Ивановъ разспрашивали черваго дьякона Өеодосія да портнаго мастера Тимошку Гаврилова противъ обвинительной отписки патріарха Никона. Тимошка сказалъ, что онъ, по наученію Өеодосія, составъ дѣлалъ, жегъ муку пшеничную, волосы у себя изъ головы вырывалъ и въ поту валялъ, велѣлъ ему тотъ составъ дѣлать дьяконъ для с......... б.... и для привороту къ себѣ мужеска пола и женска. Өеодосій отрекся. На очной ставкѣ Тимошка говорилъ то же и прибавилъ, что Өеодосій подалъ патріарху повинную челобитную. Өеодосій не винился, говорилъ, что повинную писалъ по наученью и по неволѣ, за пристрастіемъ Поляка Николая Ольшевскаго, который билъ его плетьми девять разъ. У пытки Тимошка повинился и съ дьякона сговорилъ, объявилъ, что велѣлъ ему на дьякона говорить Савинскаго монастыря сотникъ Осипъ Михайловъ, который теперь у патріарха; этотъ Михайловъ вмѣстѣ съ Ольшевскимъ пыткою заставляли его говорить на Өеодосія, а составъ дѣлать училъ его патріаршій кузнецъ, Осташковецъ Кузьма Ивановъ; то же повторилъ Тимошка и на пыткѣ. Өеодосій у пытки и на пыткѣ говорилъ прежнія рѣчи, ни въ чемъ не винился.

Это соблазнительное дѣло еще болѣе усилило раздраженіе съ обѣихъ сторонъ. При такихъ-то обстоятельствахъ возвратился Никонъ изъ Крестнаго въ Воскресенскій монастырь, и тутъ въ 1661 году завязалось у него новое соблазнительное дѣло съ сосѣдомъ по землѣ, окольничимъ Романомъ Бабарыкинымъ. Никонъ билъ челомъ государю, что Бабарыкинъ завладѣлъ землею Воскресенскаго монастыря, просилъ сыскать по крѣпостямъ. Указа на челобитную не послѣдовало. Никонъ писалъ вторично, что если государевой милости не будетъ, то онъ станетъ самъ себя оборонять. Угроза была исполнена: крестьяне Воскресенскаго монастыря, по приказанію патріарха, сжали рожь на спорныхъ поляхъ и отвезли въ монастырь. Бабарыкинъ билъ челомъ государю, и дѣло велѣно изслѣдовать, взять крестьянъ Воскресенскаго монастыря къ допросу. Никонъ вспыхнулъ и написалъ длинное письмо государю: «Начинается наше письмо къ тебѣ словами, безъ которыхъ никто изъ насъ не смѣетъ писать къ вамъ; эти слова: «Бога молю и челомъ бью.» Бога молю за васъ по долгу

и по заповѣди блаженнаго Павла апостола, который повелѣлъ прежде всего молиться за царя. И словомъ и дѣломъ исполняемъ свои обязанности къ твоему благородію, но щедротъ твоихъ ничѣмъ умолить не можемъ. Не какъ святители, даже не какъ рабы, но какъ рабичища отовсюду мы изобижены, отовсюду гонимы, отовсюду утѣсняемы. Видя святую церковь въ гоненіи, послушавъ слова Божія: аще гонятъ вы во градѣ, бѣгите во инъ градъ, удалился я и водворился въ пустыни, но и здѣсь не обрѣлъ покоя. Воистину сбылось нынѣ пророчество Іоанна Богослова о женѣ, которой родящееся чадо хотѣлъ пожрать змій, и восхищено было отроча на небо къ Богу, а жена бѣжала въ пустыню, и низложенъ былъ на землѣ змій великій, змій древній. Богословы разумѣютъ подъ женою церковь Божію, за которую страдаю теперь заповѣди ради Божія: болши сея любве никто же имать, да аще кто душу свою положитъ за други своя; и мы, видѣвъ братію нашу біенными, жаловались твоему благородію, но ничего не получили кромѣ тщеты, укоризны и уничиженія; тогда удалились мы въ мѣсто пусто. Но злоначальный змѣй нигдѣ насъ не оставляетъ въ покоѣ; теперь навѣтуетъ на насъ сосудомъ своимъ избраннымъ, Романомъ Бабарыкинымъ, безъ правды завладѣвшимъ церковною землею. Молимъ вашу кротость престать отъ гнѣва и оставить ярость. Откуда ты такое дерзновеніе принялъ — сыскивать о насъ и судить насъ? какіе законы Божіи велятъ обладать нами, Божіими рабами? не довольно ли тебѣ судить вправду людей царства міра сего? Въ наказѣ твоемъ написано новое повелѣніе — взять крестьянъ Воскресенскаго монастыря: по какимъ это уставамъ? Послушай, Господа ради, что было древле за такую дерзость надъ Египтомъ, надъ Содомомъ, надъ Навуходоносоромъ царемъ? Изгнанъ былъ Богословъ въ Патмосъ: тамъ благодати лучшей сподобился—благовѣстіе написать и апокалипсисъ; изгнанъ былъ Іоаннъ Златоустъ—и опять на свой престолъ возвратился; изгнанъ Филиппъ митрополитъ—но паки сталъ противъ лица оскорбившихъ его; и что еще прибавимъ? если этими напоминаніями не умилишься, то хотя бы и все писаніе предложилъ тебѣ, не повѣришь. Еще ли твоему благородію надобно, да бѣгу, отрясая прахъ ногъ своихъ ко свидѣтельству въ день судный? Великимъ государемъ больше не называюсь, и какое тебѣ прекословіе творю? Всѣмъ архіерейскимъ рука твоя обладаетъ: страшно

молвить, но терпѣть невозможно, какіе слухи сюда доходятъ, что по твоему указу владыкъ посвящаютъ, архимандритовъ, игумновъ, поповъ ставятъ и въ ставленныхъ грамотахъ пишутъ равночестна св. Духу такъ: по благодати св. Духа и по указу великаго государя: недостаточно св. Духа посвятить безъ твоего указа! Но если кто на св. Духа хулитъ, не имѣетъ оставленія: если это тебя не устрашило, то что устрашить можетъ, когда уже недостоинъ сдѣлался прощенія по своему дерзновенію? Къ тому же повсюду, по св. митрополіямъ, епископіямъ, монастырямъ, безо всякаго совѣта и благословенія, насиліемъ берешь нещадно вещи движимыя и недвижимыя, и всѣ законы св. Отецъ и благочестивыхъ царей и великихъ князей греческихъ и русскихъ ни во что обратилъ, также отца своего Михаила Ѳедоровича и собственные свои грамоты и уставы; уложенная книга хотя и по страсти написана многонароднаго ради смущенія, но и тамъ постановлено: въ монастырскомъ приказѣ отъ всѣхъ чиновъ сидѣть архимандритамъ, игумнамъ, протопопамъ, священникамъ и честнымъ старцамъ; но ты все это упразднилъ: судятъ и насилуютъ мірскіе судьи, и сего ради собралъ ты на себя въ день судный великъ соборъ вопіющихъ о неправдахъ твоихъ. Ты всѣмъ проповѣдуешь поститься, а теперь и невѣдомо кто не постится ради скудости хлѣбной; во многихъ мѣстахъ и до смерти постятся, потому что ѣсть нечего. Нѣтъ никого, кто бы былъ помилованъ: нищіе, слѣпые, хромые, вдовы, чернецы и черницы—всѣ данями обложены тяжкими, вездѣ плачъ и сокрушеніе, вездѣ стенаніе и воздыханіе, нѣтъ никого веселящагося во дни сіи. Хотимъ объявить нехитрою рѣчью: 12 генваря 1661 года были мы у заутрени въ церкви св. Воскресенія; по прочтеніи первой каѳизмы сѣлъ я на мѣсто и немного вздремнулъ: вдругъ вижу себя въ Москвѣ, въ соборной церкви Успенія, полна церковь огня, стоятъ прежде умершіе архіереи; Петръ митрополитъ всталъ изъ гроба, подошелъ къ престолу и положилъ руку свою на евангеліе, то же сдѣлали и всѣ архіереи и я. И началъ Петръ говорить: братъ Никонъ! говори царю, зачѣмъ онъ св. церковь преобидѣлъ, недвижимыми вещами, нами собранными, безстрашно хотѣлъ завладѣть, и не на пользу ему это; скажи ему, да возвратитъ взятое, ибо многъ гнѣвъ Божій навелъ на себя того ради: дважды моръ былъ, сколько народа перемерло, и теперь не съ кѣмъ ему стоять противъ враговъ. Я

отвѣчалъ: не послушаетъ меня, хорошо еслибъ кто-нибудь изъ васъ ему явился. Петръ продолжалъ: судьбы Божіи не повелѣли этому быть, скажи ты: если тебя не послушаетъ, то еслибъ кто и изъ насъ явился, и того не послушаетъ, а вотъ знаменіе ему, смотри: по движенію руки его я обратился на западъ къ царскому двору, и вижу: стѣны церковной нѣтъ, дворецъ весь виденъ, и огонь, который былъ въ церкви, собрался, устремился на царскій дворъ и тотъ запылалъ. «Если не уцѣломудрится, приложатся больше первыхъ казни Божіи,» говорилъ Петръ; а другой сѣдой мужъ сказалъ: «вотъ теперь дворъ, который ты купилъ для церковниковъ, царь хочетъ взять и сдѣлать въ немъ гостиный дворъ мамоны ради своея; но не порадуется о своемъ прибыткѣ.» Все это было такъ, отъ Бога, или мечтаніемъ—не знаю, но только такъ было; если же кто подумаетъ человѣчески, что я это самъ собою замыслилъ, то сожжетъ меня оный огнь, который я видѣлъ.»

Понятно, какъ тяжело должна была лечь эта грамота на сердцѣ у царя, какъ обрадовались ей враги Никона, которымъ она дала возможность представить Алексѣю Михайловичу, что съ Никономъ нѣтъ возможности раздѣлаться добромъ. Въ это время въ Москвѣ находился греческій архіерей, Паисій Лигаридъ, митрополитъ газскій, самый образованный, самый представительный изъ греческихъ духовныхъ лицъ, являвшихся въ Моску, и потому пріобрѣтшій здѣсь важное значеніе. Извѣстный исправитель книгъ, монахъ Арсеній, указалъ Никону на Паисія, какъ на человѣка обширной учености и потому могущаго быть очень полезнымъ въ Москвѣ, и Никонъ, когда еще не оставлялъ патріаршества, въ 1657 году, писалъ къ господарямъ молдавскому и волошскому, чтобъ пропустили въ Москву Лигарида чрезъ свои земли, а къ самому ему писалъ: «Слышали мы о любомудріи твоемъ отъ монаха Арсенія и что желаешь видѣть насъ, великаго государя: и мы тебя, какъ чадо наше по духу возлюбленное, съ любовію принять хотимъ.» Пріѣхавши въ Москву въ началѣ 1662 года подъ именемъ митрополита іерусалимскаго Предтечева монастыря, Лигаридъ былъ обласканъ и царемъ, вслѣдствіе чего нашелся въ затруднительномъ положеніи между царемъ и патріархомъ, одинаково къ нему расположенными. Онъ сдѣлалъ попытку помирить ихъ, и 12 іюля 1662 года написалъ Никону мягкое письмо,

уговаривая его возвратиться на патріаршество, подчинившись преданіямъ восточной церкви, уступивъ царской власти. «Не знаю, куда мнѣ обратиться? потому что никто не можетъ работать двоимъ господамъ»—такъ откровенно начинаетъ Лигаридъ свое письмо: «безъ ласкательства скажу: Алексѣй и Никонъ, самодержецъ и патріархъ: одинъ всякій день оказываетъ милости, другой молится и благословляетъ. Не благо многогосподствіе, одинъ господинъ да будетъ (изъ Гомера)! одинъ царь, потому что и Богъ одинъ, какъ и солнце одно между планетами. Знаю, что въ своихъ поступкахъ ты всегда имѣлъ добрую цѣль: но добрая цѣль должна достигаться и добрыми средствами. Блаженнѣйшій! не всякій рабъ царскій изображаетъ царя, не всякій рабъ патріаршескій представляетъ патріарха. Имѣя важныя причины, ушелъ ты съ престола и отрясъ прахъ ногъ своихъ на Москву за ея непокорство; но сказано: да не будетъ бѣгство ваше въ субботу и зимою, во время крамолъ и браней. Какую пользу принесло твое гнѣвливое отшествіе?» Потомъ Лигаридъ распространяется о терпѣніи царя: «Кто паче возблагоискуствитъ добродѣтелію? Никонъ «покайтеся!» вопіетъ; самодержецъ Алексѣй общую пѣснь поетъ: претерпѣвый до конца, той спасется. Будь пастыремъ добрымъ, а не наемникомъ! вознеси вокругъ очеса твоя и виждь чада твоя, отеческаго руководительства требующія. Послушайся моихъ словъ, о златая глава златорунныя сея паствы! и соединись съ своими членами. Вредно для церкви, бѣдственно для государства, недостойно тебя пребывать внѣ престола. Становлюсь проповѣдникомъ громогласнымъ, потому что ревность моя не позволяетъ мнѣ молчать. Всѣ восклицаютъ на тебя, всѣ упокоиться отъ гнѣва наказуютъ; да замолкнутъ толки охотниковъ до порицанія, да исчезнутъ словоборенія грызущихъ неистовыхъ мужей! Смотри: четыре патріарха жаждутъ видѣть конецъ ссорѣ. Иди и не отказывайся отдать кесарево кесареви, и какому кесарю? смиренномудрѣйшему! И тебѣ смириться подобаетъ.»

Не знаемъ отвѣта Никонова; можемъ догадываться, какъ отвѣчалъ Никонъ человѣку, убѣждавшему его смириться; знаемъ одно, что Паисій вскорѣ послѣ этого перешелъ на сторону враговъ Никона. Бояринъ Семенъ Лукьяновичъ Стрѣшневъ подалъ ему статьи, въ которыхъ излагалось поведеніе Никона, и требовалъ отзыва на нихъ. 15 августа того же 1662 года Паисій предста-

вилъ отвѣты — всѣ клонящіеся къ осужденію патріарха. Стрѣшневъ обвинялъ Никона въ томъ, что онъ при поставленіи своемъ на патріаршество переосвятился, хиротонисался снова, явно передъ всѣми; не позволилъ исповѣдовать и пріобщать преступниковъ; когда облачался, чесался и въ зеркало смотрѣлся; послѣ отреченія посвящаетъ священниковъ и дьяконовъ; никогда не называлъ архіереевъ братьями, но почиталъ ихъ гораздо ниже себя, потому что имъ были посвящены; Никонъ строитъ теперь по сіе время монастырь, который назвалъ Новымъ Іерусалимомъ: хорошо ли, что имя св. града такъ перенесено, иному мѣсту дано и опозорено? Никонъ разорилъ епископію коломенскую для своего монастыря, говоря, что это было ближнее епископство отъ Москвы и непригоже быть епископамъ подъ бокомъ у патріарха; хорошо ли архіереямъ строить обозы и грады, потому что Никонъ полюбилъ жить на мѣстахъ пустыхъ и наполняетъ ихъ наемниками и боярскими подданными? Никонъ говоритъ, что не обрѣтается внѣ своего престола и епархіи, только съѣхалъ по нѣкоторымъ причинамъ, которыя онъ объявитъ передъ престоломъ истиннаго Судіи праведнаго.—Паисій на всѣ эти статьи отвѣчалъ осужденіемъ поступковъ Никона. Были предложены и другіе вопросы: 1) Можетъ ли царь созвать соборъ на Никона, или надобно повелѣніе патріаршеское? Царь можетъ созвать соборъ по примѣру римскихъ кесарей, отвѣчалъ Паисій. 2) Соборъ, созванный царемъ, Никонъ почелъ за ничто и назвалъ сонмищемъ жидовскимъ! Отвѣтъ: Его надобно какъ еретика проклинать. 3) Можно ли составамъ судить главу своего, начальника? Отвѣтъ: Всѣ священники, какъ преемники апостоловъ, имѣютъ власть вязать и рѣшить. 4) Нарекся Никонъ великимъ государемъ, потому что такъ назвалъ его нашъ государь, желая почитать его болѣе обыкновеннаго: согрѣшилъ ли Никонъ, что принялъ на себя такой высочайшій титулъ? Отвѣтъ: истинно согрѣшилъ. 5) Подобало ли Никону убѣгать страха ради? Отвѣтъ: кто творитъ добрыя дѣла, никогда не боится. 6) Согрѣшаетъ ли государь, что оставляетъ во вдовствѣ церковь Божію? Отвѣтъ: Если онъ это дѣлаетъ для достойныхъ причинъ, не имѣетъ смертнаго грѣха; однако не свободенъ отъ меньшаго грѣха, потому что многіе соблазняются и думаютъ, что онъ это дѣлаетъ по нерадѣнію. 7) Архіереи и бояре, которые не бьютъ челомъ и не приводятъ царя

къ тому, чтобъ далъ по этому дѣлу рѣшительный указъ, грѣшатъ ли? Отвѣтъ: и очень грѣшатъ. 8) Никонъ проклинаетъ: важно ли его проклятіе? Отвѣтъ: Клятва подобна молніи, сожжетъ виновнаго; если же произнесена не по достоинству, то падаетъ на того, кто произнесъ ее. 9) Прилично ли архіерею драться и въ ссылку ссылать! все это дѣлаетъ Никонъ. Отвѣтъ: Терпѣніе есть высшая добродѣтель, гнѣвъ—худшее зло. 10) Тишайшій государь и всесчастливый царь поручилъ Никону надзоръ надъ судами церковными, далъ ему много привилегій, подобно Константину Великому, давшему привилегіи папѣ Сильвестру. Отвѣтъ: надобно принимать почести отъ царя осторожно; полезнѣе было бы Никону имѣть меньше привилегій; потому что иныя надмили его, смотрѣлся онъ въ нихъ какъ въ зеркало, и случилось съ нимъ то же, что пишутъ вершописцы о Нарцисѣ, который въ рѣчной водѣ смотрѣлъ на свое лице, хотѣлъ поцѣловать и утонулъ. 11) Можно ли государю отобрать привилегіи? Отвѣтъ: Можно, если тотъ, кому дано, дурно пользуется ими. 12) Никонъ бранитъ монастырскій приказъ, гдѣ посадилъ царь судить мірскихъ людей, порицаетъ царя за то, что назначаетъ по монастырямъ архимандритовъ и игуменовъ, кого захочетъ? Отвѣтъ: Пусть прежде не было монастырскаго приказа: дѣло въ томъ, что царь учредилъ его для лучшаго порядка и лучшаго суда. Устроилъ ли Никонъ лучшій судъ? сидѣлъ ли когда-нибудь на своемъ судейскомъ мѣстѣ? Никогда, но держалъ мірскихъ же людей, которые судили въ его приказахъ, челобитныя раздавалъ своимъ дворовымъ людямъ, и они прямое дѣлали кривымъ. 13) Кто называетъ царя нашего мучителемъ, обидчикомъ, хищникомъ, что тому подобаетъ по св. правиламъ? Отвѣтъ: если онъ духовнаго чина, да извержется. 14) Никонъ оправдывается тѣмъ, зачѣмъ его не позвали на соборъ, гдѣ бы онъ объявилъ причины своего ухода? Отвѣтъ: Никонъ долженъ былъ самъ явиться на соборъ или прислать письмо. 15) Никонъ винитъ архіереевъ своихъ, что не сдержали присяги своей, данной передъ нимъ, но отверглись его, вышли изъ послушанія къ нему? Отвѣтъ: Обѣщаніе не присяга; архіереи не присягаютъ; обѣщали они послушаніе въ дѣлахъ, которыя справедливы. 16) Проклялъ Никонъ боярина Семена Лукьяновича Стрѣшнева, будто тотъ выучилъ собаку свою благословлять подобно патріарху: достойно ли проклинать за это? Отвѣтъ: Еслибъ

мышь взяла освященный хлѣбъ, нельзя сказать, что причастилась: такъ и благословеніе собаки не есть благословеніе; шутить святыми дѣлами не подобаетъ; но въ малыхъ дѣлахъ недостойно проклятія, потому что считаютъ его за ничто.

Никону доставили и вопросы и отвѣты; съ обычнымъ своимъ пыломъ онъ принялся писать возраженія, исписалъ большую тетрадь. Ему легко было опровергнуть обвиненія въ присвоеніи титула великаго государя, въ названіи Воскресенскаго монастыря Новымъ Іерусалимомъ: «Какого еще другаго толку ищешь ты, вопрошатель,» обращается онъ къ Стрѣшневу: «когда самъ свидѣтельствуешь, что царь назвалъ меня великимъ государемъ? на немъ Господь Богъ и взыщетъ и разсудить въ день судный по его рукописнымъ грамотамъ. Онъ же былъ въ Воскресенскомъ монастырѣ на освященіи церкви, ему захотѣлось называть монастырь Новымъ Іерусалимомъ, и въ своихъ грамотахъ написалъ собственною рукою на утвержденіе.» Легко опровергаетъ Никонъ и упрекъ относительно присоединенія коломенской епархіи къ патріархіи: «Вы говорите, что я разорилъ коломенскую епископію. Епископія эта лежитъ подлѣ патріаршеской области, а земля вятская и великопермская отстоитъ больше 1500 верстъ, страна обширная и людей множество, не мало тамъ остатковъ языческихъ обычаевъ, а говорятъ, что даже сохранилось и идолопоклонство. На этомъ основаніи, по совѣту съ великимъ государемъ, Коломна присоединена къ Москвѣ, а вмѣсто нея учреждена епархія вятская и великопермская, а не для Воскресенскаго монастыря: еще въ то время и зачатковъ Воскресенскаго монастыря не было; сколько было доходовъ у коломенской епископіи, столько же дано и туда изъ патріаршей епархіи; какое число крестьянскихъ дворовъ было въ епископіи, столько же и тамъ дано, а коломенскія деревни взяты на государя; а послѣ государь пожаловалъ ихъ въ Воскресенскій монастырь, будучи на освященіи церковномъ, говоря: святая святымъ достойна; а не я взялъ или разорилъ.»—Мы видѣли, что въ числѣ обвиненій Никону были крутые поступки его, побои, ссылки; онъ отвѣчаетъ на это обвиненіе: «И теперь не отказываемся такъ поступать съ врагами и безстрашными людьми по образу Христову, по правилу св. Апостолъ и св. Отецъ.» Но всего болѣе разсердило Никона утвержденіе Стрѣшнева, что всесчастливый царь поручилъ ему над-

зоръ надъ судами церковными и далъ много привилегій; тутъ Никонъ высказалъ свой взглядъ на отношенія царской власти къ патріаршеской,—взглядъ, который никакъ не сходился съ преданіями восточной церкви, утвержденными въ Россіи исторіею: «Про всесчастливство царское отвѣчать намъ не нужно, знаютъ всѣ счастіе и несчастіе царское, какую каждый благодать принялъ отъ его царскаго счастія; ты говоришь, что онъ намъ поручилъ надзоръ надъ всякими судами церковными; это скверная хула и превосходитъ гордость денницы: не отъ царей начальство священства пріемлется, но отъ священства на царство помазуются; явлено много разъ, что священство выше царства. Какими привилегіями подарилъ насъ царь? привилегіею вязать и рѣшить? Мы другаго законоположника себѣ не знаемъ, кромѣ Христа. Не давалъ онъ намъ правъ, а похитилъ наши права, какъ ты свидѣтельствуешь, и всѣ дѣла его беззаконныя. Какія же его дѣла! Церковію обладаетъ, священными вещами богатится и питается, славится въ нихъ, ибо митрополиты, архіепископы, священники и всѣ причетники покоряются, работаютъ, оброки даютъ, воюютъ; судомъ, пошлинами владѣетъ. Господь Богъ всесильный, когда небо и землю сотворилъ, тогда двумъ свѣтиламъ, солнцу и мѣсяцу, свѣтить повелѣлъ и чрезъ нихъ показалъ намъ власть архіерейскую и царскую: архіерейская власть сіяетъ днемъ, власть эта надъ душами; царская въ вещахъ міра сего, мечь царскій долженъ быть готовъ на непріятелей вѣры православной; архіерейство и все духовенство требуетъ, чтобъ ихъ обороняли отъ всякой неправды и насилій, это мірскіе люди дѣлать обязаны; мірскіе нуждаются въ духовныхъ для душевнаго избавленія; духовные нуждаются въ мірскихъ для обороны внѣшней; въ этомъ власть духовная и мірская другъ друга не выше, но каждая происходитъ отъ Бога.» Наконецъ, такъ какъ Паисій объявилъ, что духовное лице за порицаніе царя достойно низверженія, то Никонъ отвѣчаетъ: «Досаждать царю всѣмъ запрещено, но обличать по правдѣ не возбранено. Уже собранъ многъ ликъ злопострадавшихъ у Господа обличенія ради неподобныхъ дѣлъ царскихъ, злыми смертями и муками скончавшихся.»

Въ декабрѣ 1662 года, говоритъ оффиціальное извѣстіе, царь Алексѣй Михайловичъ, слушая всеночную въ Успенскомъ соборѣ на праздникъ Петра митрополита, пришелъ въ умиленіе, что со-

борная церковь вдовствуетъ безъ пастыря уже пятый годъ, патріархъ Никонъ о вдовствѣ ея нерадитъ, ушелъ и живетъ въ новопостроенныхъ имъ монастыряхъ, церковная служба отправляется несогласно, а патріархъ проклинаетъ митрополита Питирима Сарскаго и другихъ безъ собора и безо всякаго испытанія и другое подобное тому творитъ. Поэтому великій государь изволилъ созвать соборъ и писать ко вселенскимъ патріархамъ, чтобъ они, или кто-нибудь изъ нихъ изволилъ прибыть въ Москву, а ко всѣмъ преосвященнымъ государь велѣлъ написать, чтобъ они пріѣхали на соборъ изъ дальнихъ городовъ къ 25 марта, а изъ ближнихъ къ 9 мая; немедленно же долженъ былъ явиться въ Москву рязанскій архіепископъ Иларіонъ для собранія къ тому собору «всякихъ винъ», и съ нимъ вмѣстѣ у этого дѣла велѣно быть бояриву Петру Михайловичу Салтыкову, думному дворянину Елизарову и дьяку Голосову. Они должны были собрать свѣдѣнія: сколько Никонъ во время своего патріаршества взялъ изъ Успенскаго собора образовъ и всякой церковной утвари съ роспискою и безъ росписки; сколько взялъ изъ домовой казны денегъ, хлѣба, лошадей, поѣхавши изъ Москвы; сколько при немъ было выходовъ книгъ печатныхъ и какихъ, и однихъ книгъ выходъ съ выходомъ вовсемъ ли сходны были, и въ чемъ разница, старыя печатныя книги и рукописи и съ греческихъ присыльныхъ книгъ переводы, съ которыхъ новыя книги печатаны, всѣ ли цѣлы на печатномъ дворѣ, или нѣкоторыхъ нѣтъ и гдѣ онѣ; изъ монастырей взять свѣдѣнія, сколько чего изъ нихъ взялъ Никонъ, у старца Арсенія Суханова отобрать свѣдѣніе, сколько онъ купилъ книгъ въ Палестинѣ, какихъ, сколько заплатилъ за нихъ денегъ и кому книги отданы. — Въ томъ же декабрѣ іеродіаконъ Грекъ Мелетій, бывшій въ Москвѣ для устройства пѣвческаго дѣла, другъ Лигарида, отправленъ былъ къ восточнымъ патріархамъ съ приглашеніемъ прибыть въ Москву: «Любве ради всѣхъ содѣтеля, подражая того смиренію, печалующую матерь нашу присѣтити подвигнися, болѣзнующую родительницу нашу, яко врачъ духовный, искусный сего художества, исцѣлити понудися, и въ царствующій нашъ градъ пріити къ намъ самолично потщися, и матери нашея св. церкви дряхлованіе, яко свѣтило нѣкое, отъ высоты разума твоего исходящимъ разсужденіемъ, вспомогаемъ Вышняго силою, просвѣтиши.»

Между тѣмъ Бабарыкинское дѣло продолжалось: полюбовная сдѣлка, на которую соглашался Никонъ, не состоялась, потому что Бабарыкинъ, по свидѣтельству патріарха, потребовалъ слишкомъ много вознагражденія за свои убытки: Никонъ показывалъ, что сжато ржи только 67 четвертей, а Бабарыкинъ утверждалъ, что 600 четвертей. «На ложное твое челобитье денегъ не напастись и не откупиться и всѣмъ монастыремъ!» Сказалъ Никонъ и порвалъ сдѣлку, послѣ чего прибѣгнулъ къ обычному своему средству противъ враговъ — къ проклятію. Но Бабарикинъ донесъ, что Никонъ проклинаетъ царя и семейство его. Алексѣй Михайловичъ призвалъ архіереевъ и сказалъ: «Я грѣшенъ; но чѣмъ согрѣшили дѣти мои, царица и весь дворъ? Зачѣмъ надъ ними произносить клятву истребленія?» Рѣшили, что надобно разыскать дѣло, и отправили въ Воскресенскій монастырь боярина князя Никиту Ивановича Одоевскаго, окольничаго Родіона Стрѣшнева, дьяка Алмаза Иванова; изъ духовныхъ поѣхали: Лигаридъ, астраханскій архіепископъ Іосифъ и богоявленскій архимандритъ. 18 іюня 1663 года пріѣхали они въ Воскресенскій монастырь; патріархъ былъ у вечерни; Одоевскій послалъ сказать ему о пріѣздѣ посланныхъ царскихъ, и всѣ собирались идти къ нему вмѣстѣ; но Никонъ прислалъ сказать, чтобъ приходили всѣ кромѣ Паисія, если только онъ не имѣетъ къ нему грамоты отъ вселенскихъ патріарховъ. Несмотря на то, Паисій отправился и хотѣлъ было первый говорить, но Никонъ, увидавъ его, вышелъ изъ себя, и бранныя рѣчи полились на Лигарида: «Воръ, нехристь, собака, самоставленникъ, мужикъ! Давно ли на тебѣ архіерейское платье? Есть ли у тебя отъ вселенскихъ патріарховъ ко мнѣ грамоты? Не въ первый разъ тебѣ ѣздить по государствамъ и мутить! И здѣсь хочешь сдѣлать то же!» Заговорилъ Іосифъ Астраханскій; Никонъ бросился на него: «Помнишь ли ты, бѣдный, свое обѣщаніе? Обѣщался ты и царя не слушать, а теперь говоришь! Развѣ тебѣ, бѣдному, дали что-нибудь? Я тебя слушать и говорить съ тобою не стану.» Духовные были отдѣланы; дошла очередь до свѣтскихъ. Одоевскій началъ говорить: «Митрополита, архіепископа и архимандрита выбрали освященнымъ соборомъ и о томъ докладывали великаго государя, а ты ихъ безчестишь; этимъ безчестьемъ и великому государю досажденія много приносишь; а газскій митрополитъ пріѣхалъ къ великому государю и грамоту съ нимъ прислалъ къ царскому ве-

личеству іерусалимскій патріархъ.» Паисій оправился и началъ: «Ты, патріархъ, меня воромъ, собакою и самоставленникомъ называешь напрасно; я посланъ къ тебѣ выговаривать твои неистовства, посланъ отъ освященнаго собора, съ доклада великому государю; ты безчестишь не меня, а великаго государя и весь освященный соборъ; я отпишу объ этомъ къ вселенскимъ патріархамъ; а что ты называешь меня самоставленникомъ, за это месть примешь отъ Бога: я поставленъ іерусалимскимъ патріархомъ Паисіемъ и ставленная грамота за его рукою у меня есть; если бы ты былъ на своемъ патріаршескомъ престолѣ, то я бы тебѣ свою ставленную грамоту показалъ; а теперь ты не патріархъ, достоинство свое и престолъ самовольно оставилъ, а другаго патріарха на Москвѣ нѣтъ, потому и грамоты отъ вселенскихъ патріарховъ къ московскому патріарху со мною нѣтъ.» Масло было подлито въ огонь, тронуто самое чувствительное мѣсто: «Я съ тобою, воромъ, ни о чемъ говорить не стану!» закричалъ Никонъ. Тутъ Іосифъ и свѣтскіе посланные рѣшились прямо приступить къ дѣлу, и спросили его, на основаніи извѣта Бабарыкина: «для чего ты на молебнахъ жалованную государеву грамоту приносилъ клалъ подъ крестъ и подъ образъ Богородицы, читать ее приказывалъ и, выбирая изъ псалмовъ клятвенныя слова, говорилъ?»—«26 іюня» отвѣчалъ Никонъ: «на литургіи, послѣ заамвонной молитвы, со всѣмъ соборомъ я служилъ молебенъ, государеву жалованную грамоту прочитать велѣлъ, подъ крестъ и подъ образъ Богородицы клалъ, а клятву износилъ на обидящаго, на Романа Бабарыкина, а не на великаго государя, а за великаго государя на ектеньяхъ Бога молилъ.» Но посланные не удовольствовались этимъ объясненіемъ: «Хотя бы тебѣ» говорили они: «отъ Бабарыкина или отъ другаго кого-нибудь какая обида и была, и тебѣ ихъ проклинать не довелось, а въ государевой жалованной грамотѣ Бабарыкинской земли не написано; скажи правду: для чего ты государеву грамоту въ церковь приносилъ, подъ образъ клалъ и на кого клятвы произносилъ?»—«Проклиналъ я Бабарыкина, а не великаго государя!» повторилъ Никонъ: «если я проклиналъ великаго государя, то будь я анаѳема; приносилъ я въ церковь государеву грамоту потому, что въ ней написаны всѣ земли Воскресенскаго монастыря, и Бабарыкинская вотчина записана въ помѣстномъ приказѣ по государеву же указу; а за великаго государя я на

молебнѣ Бога молилъ, а послѣ молебна читалъ надъ грамотою молитву.» Тутъ Никонъ пошелъ въ заднюю комнату и вынесъ тетрадку: «вотъ какую молитву» сказалъ онъ: «читалъ я надъ грамотою,» и началъ было читать; но посланные прервали его: «Вольно тебѣ» сказали они: «показывать намъ другую молитву; на молебнѣ ты говорилъ изъ псалмовъ клятвенныя слова, и въ томъ и самъ не запирался, что такіе псалмы на молебнѣ говорилъ.» Это могло вывести изъ терпѣнія и человѣка болѣе хладнокровнаго, чѣмъ Никонъ; если говорилось съ тѣмъ, чтобъ раздражить его, заставить выйти изъ себя и насказать вредныхъ для себя вещей, то цѣль была достигнута. «Хотя бы я и къ лицу великаго государя говорилъ» закричалъ Никонъ: «такъ что жь! Я за такія обиды и теперь стану молиться: приложи, Господи, зла славнымъ земли!»—«Какъ ты забылъ премногую государеву милость» отвѣчали посланные: «великій государь почиталъ тебя больше прежнихъ патріарховъ, а ты не боишься суда праведнаго Божія, такія непристойныя рѣчи про государя говоришь! Какія тебѣ отъ великаго государя обиды?»—«Онъ закона Божія не исполняетъ» продолжалъ Никонъ: «въ духовныя дѣла и въ святительскіе суды вступается, дѣлаютъ всякія дѣла въ монастырскомъ приказѣ и служить насъ заставляютъ.»—«Царское величество государь благочестивый» отвѣчали посланные: «законъ Божій хранитъ, въ духовныя дѣла и святительскіе суды не вступается; а монастырскій приказъ учрежденъ при прежнихъ государяхъ и патріархахъ, а не вновь, учрежденъ для расправы мірскихъ обидныхъ дѣлъ; а даточныхъ людей и поборы съ монастырскихъ крестьянъ берутъ для избавленія православныхъ христіанъ отъ нашествія иноплеменныхъ, а не для прибыли и корысти; а неправды всякія началъ дѣлать ты, будучи на патріаршествѣ, началъ вступаться во всякія царственныя дѣла и въ градскіе суды, началъ писаться великимъ государемъ, памяти указныя въ приказы отъ себя посылалъ, дѣла всякія, безъ повелѣнія государева, изъ приказовъ бралъ, и сталъ многихъ людей обижать, вотчины отнимать, людей и крестьянъ бѣглыхъ принимать; великому государю на тебя было много челобитья, что ты дѣлалъ не по архіерейски, противно преданію св. Отецъ: за такія обиды Богъ тебѣ не потерпѣлъ; возгордившись предъ великимъ государемъ, ты престолъ свой патріаршескій самовольно оставилъ и, живя въ монастырѣ, гордости своей не покинулъ и

дѣлаешь такія злыя дѣла, чего тебѣ и помыслить не годилось, повелѣнью великаго государя и всему освященному собору во всемъ противишься и дѣлаешь все по своему нраву.» — «Никонъ не сталъ отвѣчать свѣтскимъ посланнымъ, но обратился къ духовнымъ: «Какой у васъ теперь соборъ и кто приказывалъ вамъ его сзывать?» — «Этотъ соборъ» отвѣчали духовные: «мы созвали по приказанію великаго государя, для твоего неистовства; а тебѣ до этого собора дѣла нѣтъ, потому что ты достоинство свое патріаршеское оставилъ.» — «Я достоинства своего патріаршескаго не оставлялъ» сказалъ Никонъ.—«Какъ не оставлялъ?» начали всѣ вмѣстѣ, и свѣтскіе и духовные: «а это развѣ не твое письмо, гдѣ ты пишешь, что не возвратишься на патріаршество какъ песъ на свою блевотину? Развѣ не ты самъ писался *бывшимъ* патріархомъ? И послѣ этого годится ли тебѣ называться патріархомъ?» Опять затронули самое чувствительное мѣсто: «Я и теперь государю не патріархъ!» Закричалъ Никонъ съ сердцемъ. Іосифъ съ товарищами продолжали вонзать оружіе все глубже и глубже: «По самовольному съ патріаршескаго престола удаленію и по нынѣшнимъ неистовствамъ ты и всѣмъ намъ не патріархъ; достоинъ ты за свои неистовства ссылки и подначальства крѣпкаго, потому что великому государю дѣлаешь многія досады и въ мірѣ смуту.» Никонъ вышелъ изъ себя: «Вы пришли на меня, какъ Жиды на Христа!» Закричалъ онъ. Долго онъ шумѣлъ; посланные не говорили ни слова и отправились; Одоевскій уходя, сказалъ Никону: «Пришли къ намъ къ допросу архимандрита, намѣстника, поповъ и дьяконовъ, которые съ тобою служили, да пришли крестника своего и другихъ иноземцевъ.»—«Не пришлю я изъ своихъ никого подъ мірской судъ» отвѣчалъ Никонъ: «кто вамъ надобенъ, берите его сами!» Упомянутыя лица вызваны были на гостиный дворъ, гдѣ Іосифъ съ товарищами разспрашивали архимандрита и намѣстника по священству и по иноческому обѣщанію на счетъ извѣта Бабарыкина: единогласный отвѣтъ былъ, что на ектеніяхъ патріархъ за государя Бога молилъ, а псалмы къ какому лицу читалъ, того они не знаютъ, Никонъ не называлъ это лицо по имени. Посланные, отправивъ допросныя рѣчи къ государю, писали ему: «Про уходъ свой изъ монастыря патріархъ не говорилъ ни слова, и мы потому на монастырѣ караула поставить не смѣли до твоего государева указа.» Потомъ они взяли подъ стражу

крестника Никонова, Нѣмца Долмана, и Бѣлоруспа Николая. Но авторъ житія Никонова, Шушера, и Паисій Лигаридъ, смотрѣвшіе на дѣло совершенно разными глазами, сходятся въ томъ, что Никону закрытъ былъ выходъ изъ монастыря: Шушера пишетъ, что около монастыря была разставлена стрѣлецкая стража и Никону прямо объявили, что его не выпустятъ до государева указа: по словамъ же Лигарида, Никонъ бѣжалъ, былъ схваченъ и лишенъ свободы. Посланные оставались въ монастырѣ довольно долго, и тутъ происходили разныя сцены. Однажды въ воскресенье Никонъ вошелъ на возвышеніе, представлявшее Голгоѳу, и началъ говорить: «Вотъ уже пришла воинская спира, Иродъ и Пилатъ явились въ судъ, приблизились архіереи—Анна и Каіафа!» Одоевскій и архіереи пришли опять допрашивать Никона по Бабарыкинскому извѣту: «Дайте мнѣ только дождаться собора» отвѣчалъ имъ Никонъ: «я великаго государя отчту отъ христіанства, уже у меня и грамота заготовлена.»—«Ты забылъ страхъ Божій, что говоришь такія неподобныя рѣчи!» кричали посланные царскіе: «за такія твои непристойныя рѣчи поразитъ тебя Богъ; намъ такія злыя рѣчи и слышать страшно; только бы ты былъ не такого чина, то мы бы тебя живаго не отпустили.»

Когда Одоевскій и Паисій дали знать государю о происходившихъ у нихъ съ Никономъ разговорахъ, созвана была дума изъ духовныхъ и свѣтскихъ особъ, долго разсуждали и рѣшили написать соборное письмо, которое и отправлено было къ Паисію въ Воскресенскій монастырь: по этому соборному письму газскій митрополитъ долженъ былъ говорить Никону о его неправдахъ и о его неправой клятвѣ, и если бывшій патріархъ Никонъ противъ соборнаго письма въ рѣчахъ своихъ подательства никакого не покажетъ и на добро ни въ чемъ не склонится и станетъ говорить дерзко по прежнему, то князь Одоевскій съ товарищами должны сказать ему съ большимъ выговоромъ, что если онъ забылъ страхъ Божій и не памятуя воздаянія на страшномъ судѣ, отъ своей дерзости неуймется, то великій государь предастъ то суду великаго Бога; да сказать ему, что великій государь приказалъ оставить у Воскресенскаго монастыря отрядъ московскихъ стрѣльцовъ, а савинскихъ стрѣльцовъ отпустить въ Саввинъ монастырь, потому что посланы они были въ Воскресенскій монастырь для всякаго обереганья, а они вмѣсто того плутовали, пе-

редъ нимъ, бывшимъ патріархомъ ходили съ батожками какъ бываетъ чинъ передъ великимъ государемъ. Но когда Паисій хотѣлъ говорить по соборному письму, то Никонъ сказалъ, что рѣчей его слушать не станетъ, потому что онъ невѣдомо какой митрополитъ и называлъ его врагомъ Божіимъ и ссорщикомъ, а по правиламъ такихъ слушать невелѣно. Начались опять упреки и перебранки. Когда Никону объявили, что онъ не долженъ выходить изъ монастыря до собора, то онъ сказалъ: «Гдѣ раздѣлится домъ надвое, запустѣетъ.» Ему отвѣчали, что раздѣленіе произошло отъ него, а не отъ кого другаго. «Для чего ты ввелъ въ міръ великій соблазнъ, выдалъ три служебника и во всѣхъ рознь, и въ церквахъ отъ того несогласіе большое?» спрашивали Никона Паисій съ Одоевскимъ.—«Теперь поютъ кто какъ хочетъ» отвѣчалъ Никонъ: «и все это дѣлается отъ непослушанія; а если я въ книгахъ рѣчи перемѣнялъ, то переправлялъ я по письму и свидѣтельству вселенскихъ патріарховъ.» У Паисія была важная улика противъ Никона: «Ты ко мнѣ прислалъ выписку изъ правилъ и въ ней написано о папскомъ судѣ; но вѣдь это написано въ правилахъ потому, что въ то время папы были благочестивые, а послѣ того отпали, и ты не прибавилъ, что послѣ нихъ вышній судъ преданъ вселенскимъ патріархамъ?» Что же отвѣчалъ Никонъ? «Папу за доброе отчего не почитать? Тамъ верховные апостолы Петръ и Павелъ, а онъ у нихъ служитъ.»—«Но вѣдь папу на соборахъ проклинаемъ!» Возразилъ Паисій.—«Это я знаю» отвѣчалъ Никонъ: «знаю, что папа много дурнаго дѣлаетъ.»

Одоевскій и Паисій съ товарищами наконецъ уѣхали изъ Воскресенскаго монастыря. Три мѣсяца прошло покойно; въ началѣ ноября Никонъ далъ о себѣ вѣсть, прислалъ грамоту къ государю отъ своего имени, также и отъ имени архимандрита Воскресенскаго монастыря Герасима и намѣстника Іова: «Пришли вѣсти, что польскіе и литовскіе люди идутъ въ твои государевы города и стоятъ недалеко отъ Вязьмы, пойдутъ и дальше; а мы живемъ на пустомъ мѣстѣ, прискудали до конца, хлѣба и денегъ нѣтъ! Милосердый великій государь! Выдай милостивый свой указъ, чѣмъ намъ пропитаться и защититься на пустомъ мѣстѣ. Помяни святое слово, какъ присылалъ ясельничаго своего Аѳанасія Ивановича Матюшкина, и онъ говорилъ предъ Христовымъ святымъ образомъ много разъ: великій государь тебѣ велѣлъ сказать, что

не покинетъ тебя во вѣки. А когда въ прошлыхъ годахъ объявили о татарскомъ приходѣ и я былъ на Москвѣ, то думный дьякъ Алмазъ Ивановъ сказывалъ мнѣ твоимъ государевымъ словомъ: ступай, живи въ своихъ монастыряхъ, а великій государь тебя не покинетъ, велитъ уберечь. Когда ты, великій государь, былъ на освященіи церкви въ Воскресенскомъ монастырѣ, и я тебѣ говорилъ, что мѣсто хорошо, да строить нечѣмъ, то ты далъ слово свое: строй, а мы не покинемъ. Вспомнивши все это, обратись на милость! А что тебѣ лихіе люди клевещутъ на меня, ей лгутъ; а я нынѣ за твоимъ государевымъ словомъ хотя и умереть радъ здѣсь; если не помнишь слова и обѣщанія своего, то на тебѣ Богъ взыщетъ, а мнѣ смерть покой по писанному.» Письмо это прислалъ Никонъ къ Ртищеву съ просьбою, чтобъ отдалъ его государю; къ самому Ртищеву Никонъ писалъ: «Пишемъ, надѣясь на твое незлобіе, и вспомнивъ, какъ ты здѣсь былъ, послѣ отъѣзда нашего изъ Москвы, и слово свое далъ быть нашимъ братомъ и строительствовать о всякихъ монастырскихъ нуждахъ; да и въ прошломъ 1662 году, какъ ты присылалъ брата своего Өедора Соковнина, а въ другой разъ Порфирья, то приказывалъ, чтобъ намъ тебя имѣть въ любви своей какъ прежде.»

Но мягкія грамоты опоздали: мы видѣли, что іеродіаконъ Грекъ Мелетій отправился къ восточнымъ патріархамъ; онъ повезъ слѣдующіе вопросы: «Долженъ ли мѣстный епископъ или патріархъ повиноваться царю во всѣхъ свѣтскихъ (политическихъ, kata pasas tas politikas ypotheseis kai kriseis) дѣлахъ, чтобъ быть одному правителю, или нѣтъ? Можетъ ли епископъ или патріархъ отлучать кого нибудь по собственному произволу и будутъ ли отлученные такимъ образомъ въ самомъ дѣлѣ виновны предъ Богомъ, или тотъ, кто отлучилъ безъ суда, повиненъ правиламъ? Если кто скажетъ, что епархіи патріаршескія плѣнены бусурманами, находятся подъ игомъ, потеряли древнюю честь и прежнее достоинство, и какъ патріархамъ судить и распоряжаться церковными дѣлами? Если кто изъ архіереевъ, по гордости, начнетъ писаться государемъ? Можетъ ли архіерей тратить доходы свои по произволу, строить монастыри, населять пустынныя мѣста? Можетъ ли епископъ или патріархъ управлять мірскими дѣлами? Епископъ, нисшедшій въ число кающихся, можетъ ли опять воспринять санъ архіерейскій? Можетъ ли архіерей, отрекшійся отъ своего сана, свергнувшій съ

себя одежды архіерейскія, опять принять прежній санъ? Если случится, что послѣ этого отреченія отрекшійся будетъ призываемъ мѣстною властію, но, по гордости, пренебрежетъ этимъ зовомъ и не возвратится, то что дѣлать въ такомъ случаѣ? Если послѣ отреченія отрекшійся снова станетъ хиротонисать? Могутъ ли судить митрополита или патріарха епископы отъ него поставленные? Если кто ударитъ раба архіерейскаго, то обида эта относится ли къ господину, и можетъ ли послѣдній одинъ судить такое дѣло, или долженъ отнестись къ суду мірскому?»

Патріархи дали отвѣты, желанные въ Москвѣ: они осудили всѣ изложенные въ вопросахъ поступки; за нѣкоторые изъ нихъ прямо произнесли приговоръ низверженія виновному архіерею; провозгласили, что царь долженъ быть единственнымъ владыкою во всѣхъ свѣтскихъ дѣлахъ, патріархъ долженъ ему быть подчиненъ, и въ свѣтскихъ дѣлахъ не долженъ дѣлать ничего противнаго царскому рѣшенію, а въ дѣлахъ церковныхъ не долженъ перемѣнять древнихъ уставовъ; опредѣлили, что ни епископъ, ни патріархъ не долженъ никого отлучать отъ причастія прежде объявленія вины; на патріарха можетъ быть подана жалоба къ престолу константинопольскому, и если остальные патріархи согласятся съ константинопольскимъ, то уже это рѣшеніе верховное; это право верховнаго суда дано римскому папѣ, но такъ какъ послѣдній, по гордости и злонамѣренности своей, отлученъ отъ каѳолической церкви, то означенное право перенесено къ патріарху византійскому; еслибы патріархи и были совлечены славы своихъ престоловъ, но благодать Духа Святаго никогда не старѣетъ, и кто не пріемлетъ ихъ верховнаго суда, тотъ подлежитъ наказанію, какъ противящійся Божію изволенію, повинующійся только чувствамъ и ничего высшаго не разумѣющій. Патріархи утвердили за помѣстнымъ соборомъ право ставить другаго архіерея на мѣсто отрекшагося, право епископовъ судить митрополита или патріарха, ихъ поставившаго.

Патріархи прислали грамоты, но сами не поѣхали. Притомъ у Никона была сильная сторона между Греками, которая съ южною страстностію начала волноваться, узнавъ о пріѣздѣ Мелетія, начала употреблять всѣ средства, чтобъ помѣшать ему. Отъ приверженныхъ къ Никону Грековъ изъ Москвы пошли письма въ Константинополь, что Никонъ — это второй Златоустъ, царь его любитъ,

ночью приходилъ къ нему для бесѣды, но бояре ненавидятъ за то, что онъ уговариваетъ царя выйти на войну противъ Татаръ, плѣнящихъ Москвичей и козаковъ, а боярамъ не хочется выступать въ походъ и разстаться съ покойнымъ житьемъ московскимъ; писали, что Никонъ любитъ Грековъ и ревностный защитникъ догматовъ восточной церкви; писали, что грамоты, привезенныя Мелетіемъ, сочинены Лигаридомъ, котораго бояре подкупили деньгами и почестями; что Мелетію дано 8000 золотыхъ, съ помощію которыхъ онъ и успѣлъ въ томъ, что отвѣты даны были противъ Никона. Антіохійскій архимандритъ высказалъ все это предъ самимъ патріархомъ, и потомъ ходилъ и кричалъ по всему Константинополю, ища Мелетія; еще сильнѣе волновалъ константинопольскихъ Грековъ какой-то клирикъ Михаилъ, получившій отъ зятя своего Анастасія изъ Москвы письмо о 8000 золотыхъ, привезенныхъ Мелетіемъ, а Мелетій, съ своей стороны, писалъ Лигариду, что какой-то Еммануилъ Маивалъ тайно обѣщалъ двоимъ патріархамъ 15.000 золотыхъ, чтобъ только не давали отвѣтовъ, осуждавшихъ Никона, и, не успѣвъ въ этомъ, искалъ убить Мелетія. Письма, что Никонъ страдаетъ за увѣщанія къ войнѣ противъ Татаръ, опустошающихъ Великую и Малую Россію, должны были производить особенное впечатлѣніе на константинопольскихъ Грековъ: къ ихъ городу ежедневно приставали по три и по четыре корабля, наполненные русскими плѣнниками; на торговыхъ площадяхъ стояли священники, дѣвицы, монахи, юноши; толпами отвозили ихъ въ Египетъ на продажу; нѣкоторые добровольно отрекались отъ христіанства, другіе принуждаемы были къ тому насиліемъ.

Приверженцы Никона не довольствовались тѣмъ, что возбуждали константинопольскихъ Грековъ противъ Мелетія: они рѣшились употребить отчаянное средство въ самой Москвѣ. Государю дали знать, что пріѣхалъ иконійскій митрополитъ Аѳанасій въ званіи экзарха, племянникъ, онъ константинопольскому патріарху, присланъ отъ него и отъ всего собора. На представленіи царю Аѳанасій началъ говорить съ необыкновенною торжественностію: «Прислали меня константинопольскій патріархъ и весь соборъ, велѣли сказать: какъ Господь Богъ пришелъ къ ученикамъ своимъ дверямъ затвореннымъ и сказалъ: миръ вамъ! такъ я отъ имени константинопольскаго патріарха и всего собора говорю тебѣ, государь: помирись съ Никономъ патріархомъ и призови его на пре-

столъ попрежнему.» Алексѣю Михайловичу показалось страннымъ, что этотъ проповѣдникъ мира присланъ безъ грамоты и велитъ на словахъ призвать Никона. «Знаешь ли ты о посольствѣ Мелетія?» спросилъ государь у Аѳанасія.—«Знаю,» отвѣчалъ тотъ: «патріархи Мелетія не приняли, твоихъ грамотъ и милостыни не взяли.»—«Какъ же это такъ?» продолжалъ царь: «Мелетій писалъ мнѣ совершенно иное!» Аѳанасій, стоя передъ Спасовымъ образомъ, объявилъ, что Мелетій писалъ ложно. Но вотъ 30 мая 1664 года пріѣхалъ Мелетій и привезъ отвѣты, подписанные патріархами; царь созвалъ соборъ изъ русскаго и греческаго духовенства для свидѣтельствованія подписей; соборъ объявилъ, что подписи настоящія; одинъ Аѳанасій сначала отвергалъ подлинность ихъ, но потомъ и онъ согласился, что подписи подлинныя. Послѣ открылось, почему онъ рѣшился такъ смѣло обличать Мелетія во лжи: онъ спрашивалъ іерусалимскаго патріарха Нектарія, какъ порѣшили съ Никоновымъ дѣломъ? и тотъ, изъ осторожности, сказалъ ему, что они Мелетію никакого отвѣта не дали и рукъ своихъ ни къ какой грамотѣ не прикладывали.

Какъ бы то ни было, царь не былъ успокоенъ: патріархи могли подписать отвѣты и въ то же время просить, чтобъ соблазнительное дѣло было оставлено, чтобъ послѣдовало примиреніе съ Никономъ; дѣйствовать противъ Никона на основаніи отвѣтовъ, присланныхъ патріархами, царь не рѣшился: онъ зналъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, зналъ, какъ Никонъ начнетъ громить соборъ, опирающійся на мертвыхъ грамотахъ, недавно еще бывшихъ предметомъ спора и въ которыхъ не было даже упомянуто имени Никонова. Чтобъ окончательно уничтожить смуту и успокоить свою совѣсть, ему нужно было присутствіе самихъ патріарховъ, тѣмъ болѣе, что при сильно разыгравшейся борьбѣ сторонъ трудно было полагаться на чистоту средствъ, употреблявшихся при этихъ отдаленныхъ сношеніяхъ и переговорахъ съ патріархами. Ложное посольство Аѳанасія иконійскаго не было единственнымъ. Къ византійскому патріарху Діонисію отправился монахъ Сава: «Агіе деспота!» говоритъ онъ Діонисію: «царь Алексѣй Михайловичъ молитъ тебя, приди въ Москву, благослови домъ его и разныя нужныя вещи исправь, рѣши, что сдѣлать царю? умолять ли Никона патріарха, чтобъ возвратился, или другаго поставить? Да иконійскій митрополитъ Аѳанасій отъ тебя ли присланъ и родственникъ

ли тебѣ? приказывалъ ли ты ему словесно, чтобъ умолять Никона о возвращеніи? Съ Мелетіемъ дьякономъ сколько грамотъ ты прислалъ? Стефанъ Грекъ былъ ли у тебя, и послалъ ли ты съ нимъ грамоту, чтобъ митрополиту газскому быть экзархомъ?» — «Ѣхать въ Москву никакъ не могу,» отвѣчалъ Діонисій: «благословляю государя, чтобъ онъ или простилъ Никона, или другаго поставилъ смиреннаго и кроткаго; если онъ боится другаго поставить, то мы принимаемъ грѣхъ на свои головы; царь самодержецъ: все ему возможно. Мелетій пріѣзжалъ сюда не смирно, всѣ Турки объ немъ узнали, и сдѣлалъ мнѣ убытку на 200 мѣшковъ. Иконійскій митрополитъ Аѳанасій мнѣ не родня; на немъ былъ турецкій долгъ, онъ упросилъ срока на недѣлю да и ушелъ, а я съ нимъ ни одного слова не приказывалъ, пусть держатъ его крѣпко и отнюдь не отпускаютъ; если царь его отпуститъ, то большую бѣду церкви сдѣлаетъ. Какъ Мелетій дьяконъ приходилъ, то мы съ Нектаріемъ патріархомъ написали двѣ грамоты слово въ слово и руки свои приложили, и одну послали съ Мелетіемъ въ Александрію, а другую Нектарій послалъ съ своимъ колугеромъ въ Антіохію. Стефанъ Грекъ у меня не былъ, только артофилаксій докучалъ мнѣ, чтобъ я написалъ въ грамотѣ быть Газскому экзархомъ; но я ему этого не позволилъ, и если такая грамота объявилась у царя, то это плевелы, посѣянныя артофилаксіемъ; а Паисій Лигаридъ лоза не константинопольскаго престола, я его православнымъ не называю, ибо слышу отъ многихъ, что онъ папежникъ, лукавый человѣкъ. Стефана Грека не отпускайте жь, потому что и онъ великое разореніе церкви православной сдѣлалъ, какъ и Аѳанасій иконійскій.»

Рѣшительнѣе въ пользу Никона отозвался іерусалимскій патріархъ Нектарій: въ мартѣ 1664 года онъ отправилъ въ Москву посланца своего Савеллія съ двумя грамотами, къ царю и Никону, съ наказомъ кромѣ нихъ не отдавать этихъ грамотъ никому. Въ грамотѣ къ царю, Нектарій увѣщевалъ призвать снова Никона на патріаршій престолъ, показавъ ему присланныя съ Мелетіемъ статьи вселенскихъ патріарховъ, какъ руководство для его будущаго поведенія, и если онъ обѣщаетъ руководствоваться ими, то достоинъ прощенія; просилъ царя не приклонять уха къ совѣтамъ людей завистливыхъ, любящихъ смуты, особенно если такіе будутъ изъ духовенства. «Въ настоящемъ положеніи нашемъ» пи-

шетъ Нектарій: «когда наша церковь находится подъ игомъ рабства, мы уподобляемся кораблямъ, потопляемымъ безпрестанными бурями, и въ одной вашей русской церкви видимъ ковчегъ Ноевъ » Нектарій увѣщеваетъ царя послѣдовать кротости Давидовой, и не полагать во время своего царствованія злаго и гибельнаго начала смѣнять патріарховъ, правомыслящихъ о догматахъ вѣры; говоритъ, что нельзя обращать большаго вниманія на отреченіе Никона; указываетъ примѣры, когда отреченія іерарховъ были уничтожаемы; что же касается до Никона, то онъ не подалъ даже письменнаго отреченія, царь и народъ не принимали этого отреченія, которое состоитъ только въ словахъ. Нектарій заключаетъ, что непремѣнно должно или возвратить Никона, или возвести на его мѣсто другаго, но гораздо лучше рѣшиться на первое. Нектарію дано было знать, что Лигаридъ ищетъ титула экзарха патріаршескаго и уже называется такъ въ Москвѣ; поэтому патріархъ наказалъ своему посланному объявить въ Москвѣ, что это самозванство, что никто не облеченъ званіемъ экзарха; Нектарій просилъ также, чтобъ никого не принимали въ качествѣ пословъ патріаршескихъ, если на грамотахъ не будетъ патріаршеской печати; переводить грамоты патріаршескія проситъ отдавать не Грекамъ, но царскимъ переводчикамъ, потому что Греки искажаютъ смыслъ грамотъ. Савеллій объявилъ также: «Я слышалъ отъ патріарха, что кромѣ Никона на престолѣ другому никому быть нельзя, потому что вины его никакой нѣтъ.»

Но еще до полученія грамоты Нектарія тотъ же Мелетій отправился опять на Востокъ съ такимъ наказомъ отъ царя: Непремѣнно такъ сдѣлать, чтобъ александрійскій, антіохійскій, іерусалимскій и бывшій Паисій, а по нуждѣ два, антіохійскій и іерусалимскій, пріѣхали бы. А которые захотятъ прислать вмѣсто себя, то говоритъ накрѣпко, чтобъ прислали архіереевъ добрыхъ, ученыхъ, благоразумныхъ, однословныхъ, крѣпкихъ, правдивыхъ, могущихъ разсудить дѣло Божіе вправду, не желая мзды и ласканія, не боясь никакого страха, кромѣ страха суда Божія. И ты, Мелетій, будучи у вселенскихъ патріарховъ, памятуя страхъ Божій, про патріарха Никона никакихъ лишнихъ словъ не говори, кромѣ правды.»

Мелетій, въ январѣ 1665 года, нашелъ Нектарія іерусалимскаго въ Молдавіи; самъ не поѣхалъ къ нему, но послалъ съ госуда-

ревою грамотою Стефана Грека и подъячаго Оловенинова. «Великій государь, говорили они Нектарію, проситъ и молитъ тебя, чтобъ изволилъ потрудиться для христіанскаго дѣла, пошелъ въ московское государство.» «Отъ великаго государя, отвѣчалъ Нектарій, присланъ былъ ко всѣмъ намъ Мелетій Грекъ, и онъ знаетъ, что я именно затѣмъ и пріѣхалъ въ молдавскую землю, чтобъ отсюда идти въ Москву, но за войною мнѣ никакъ нельзя было проѣхать. Съ Мелетіемъ мы послали къ великому государю правила, и по нимъ для чего до сихъ поръ ничего не сдѣлано»? Оловениновъ разсказалъ о пріѣздѣ Аѳанасія Иконійскаго, о свидѣтельствованіи подписей, и когда Нектарій вторично спросилъ, почему же ничего не сдѣлано по правиламъ, подлинность которыхъ была засвидѣтельствована, то Оловениновъ отвѣчалъ: «безъ вселенскаго патріарха призывать Никона и другаго на его мѣсто ставить невозможно; да у великаго государя и другія дѣла есть, которыхъ безъ васъ никакъ устроитъ нельзя, весь церковный чинъ въ несогласіи, въ церквахъ служитъ всякій по своему, а пастыря нѣтъ.» Узнавши, что во время отъѣзда Оловенинова государь еще не получилъ грамоты, отправленной съ Савеліемъ, патріархъ очень горевалъ: «еслибъ моя грамота до государя дошла, говорилъ онъ, то и безъ васъ давно дѣло сдѣлалось бы.» Нектарій обѣщалъ идти въ Москву: «Пойду, хотя бы мнѣ и смерть принять, говорилъ онъ: потому что я считаю великаго государя вселенскимъ царемъ; это единственный христіанскій царь, единственная наша надежда и похвала.» Несмотря на то, Нектарій не поѣхалъ въ Москву; Мелетію удалось уговорить ѣхать туда двоихъ патріарховъ: Макарія антіохійскаго и Паисія александрійскаго.

Что же дѣлалъ въ это время человѣкъ, котораго имя повторялось безпрестанно и въ Константинополѣ, и въ Яссахъ, въ Египтѣ и Сиріи, что дѣлалъ Никонъ? Въ 1663 же году началось новое соблазнительное дѣло. Опять сосѣдъ Никона по землямъ Воскресенскаго монастыря, Иванъ Сытинъ, подалъ государю челобитную, что патріархъ его крестьянъ пыткою пыталъ, а иныхъ перевѣшалъ. Никонъ написалъ оправдательное письмо: «Извѣщаю о себѣ св. Евангеліемъ, что ни, не знаю того дѣла, ни вѣдаю, сдѣлалъ то дѣло малый иноземецъ: поймавши на озерѣ Ивановыхъ крестьянъ, побилъ батогами безъ нашего вѣдома, а у меня такого указа не было; билъ онъ ихъ за то, что у него рыбу по-

крали; я послалъ малаго къ тебѣ, великому государю: изволь его разспросить хотя и съ пристрастіемъ. Сотвори судъ праведный, припомня свое обѣщаніе, на избраніи нашемъ предъ всѣмъ соборомъ и синклитомъ данное, что тебѣ ни во что священное не вступаться; а теперь дѣлаешь надъ нами неправды великія, клеветниковъ, враговъ Божіихъ слушаешь и всѣхъ чиновъ людей въ грѣхъ вводишь тѣмъ, что въ патріаршей крестовой дѣлается.»— Призванный къ допросу патріаршій сынъ боярскій Лускинъ показалъ, что онъ дѣйствительно билъ Сытинскихъ крестьянъ безъ Никонова вѣдома, но когда они стали похваляться поджогомъ, то онъ отвелъ ихъ къ патріарху, и тотъ велѣлъ бить ихъ батогами въ другой разъ. Въ февралѣ 1664 года окольничій Сукинъ и дьякъ Бреховъ отправились въ Воскресенскій монастырь съ страшными, сокрушительными словами: «Ты писалъ, что про дѣло не вѣдаешь, а малый твой сказалъ, что ты крестьянъ батогами бить велѣлъ въ монастырѣ въ другой разъ, значитъ ты очень хорошо про дѣло знаешь. Ты писалъ, чтобъ учинить судъ праведный: но судъ чинить здѣсь не въ чемъ, потому что крестьяне биты батогами дважды безъ розыску и безъ свидѣтельства. Да объяви противъ своего письма, во что священное великій государь вступается, надъ тобою какія неправды чинитъ и клеветниковъ кого слушаетъ? Когда присылаютъ ему бить челомъ на тебя и на твои монастыри, то онъ о розыскѣ посылаетъ говорить тебѣ, какъ и теперь по Сытинскому дѣлу. Объяви, чѣмъ великій государь въ грѣхъ вводитъ въ патріаршей крестовой? Въ патріаршей крестовой сидятъ теперь власти: рязанскій архіепископъ Иларіонъ да бояринъ Петръ Михайловичъ Салтыковъ и розыскиваютъ, что при твоемъ патріаршествѣ изъ соборной церкви и изъ монастырей взяты какія церковныя утвари и книги, потому что этимъ церквамъ и монастырямъ взятыя тобою утвари и книги даны при прежнихъ великихъ князьяхъ и царяхъ и при немъ, государѣ, а не келейной какой-нибудь казны сыскиваютъ: за церковныя вещи великій государь будетъ стоять и сыскивать и впередъ.»

Никонъ сталъ изворачиваться и погрузился еще глубже: «Я сказалъ, что не знаю про побои крестьянамъ на озерѣ, а въ монастырѣ велѣлъ я ихъ бить за невѣжество, велѣлъ побить ихъ слегка, и въ томъ воля государева.» Чтобъ поправиться, онъ изъ обвиненнаго спѣшилъ перейти въ обвинителя: «Какъ вы говори-

те» сказалъ онъ: «что великій государь въ священное не вступается? онъ всѣмъ духовнымъ чиномъ владѣетъ: кого въ попы и въ дьяконы поставить, объ этомъ и объ всякихъ духовныхъ дѣлахъ челобитныя подписываютъ его указомъ; это не его дѣло, его обѣщаніе не исполнено и за это онъ приметъ судъ отъ Бога. А неправды ко мнѣ великія: выискиваютъ, научаютъ и накупаютъ многихъ людей, чтобъ на меня говорили и писали неправды всякія. Меня же поносятъ и безчестятъ всячески, ко псу меня приравниваютъ, а государь не пожалуетъ, оборонить меня отъ тѣхъ людей не велитъ. А клеветники на меня Романъ Бабарыкинъ да Иванъ Сытинъ.»—«Патріаршій престолъ» отвѣчали ему посланные: «оставилъ ты своею волею, а не по изгнанію какому-нибудь, и такое долгое время церкви было не безъ пѣнія стоять? Митрополитамъ и епископамъ въ попы и дьяконы какъ не ставить и духовныхъ дѣлъ какъ не вѣдать? а если въ чемъ учинилось какое-нибудь неисправленіе, то это Богъ взыщетъ на тебѣ, потому что ты престолъ свой самовольно оставилъ.» Никонъ: «Въ соборной церкви нѣтъ теперь пѣнія; изъ нея сдѣлали теперь вертепъ или пещеру, она теперь вдовствуетъ; а и патріархъ новый будетъ, будетъ онъ прелюбодѣйца, потому: пошелъ я изъ Москвы отъ многихъ неправдъ и отъ изгнанія, а неправды и изгнанія отъ великаго государя. Не только въ мои дѣла вступались, но и бить моихъ людей начали: Хитрово сына моего боярскаго билъ напрасно а великій государь сыску о томъ учинить не велѣлъ.» Посланные: «Не знаемъ, кто тебя безчеститъ, и ко псу приравниваетъ, и кто тебѣ про это сказывалъ; а мы объ этомъ ни отъ кого никогда не слыхивали » Никонъ: «Всякая тайна откровенна бываетъ отъ Бога.» Посланные: «Развѣ ты духъ прозорливъ имѣешь?» Никонъ: «Такъ таки и есть.» Посланные: «Какъ же! чай пріѣзжаютъ да лгутъ ссорщики.» Никонъ: «Въ патріаршей крестовой людей въ грѣхъ вводятъ потому: многихъ людей на меня накупаютъ и всякія неправды сочиняютъ. Архіепископамъ владѣть и распоряжаться кто власть далъ? Келейную мою рухлядь князь Алексѣй Никитичъ Трубецкой перебиралъ и переписывалъ, и изъ нея лучшее все изволилъ великій государь взять на себя. Да и теперь не про одно церковное сыскиваютъ, про посулы и про взятки сыскиваютъ, и государевы грамоты по всѣмъ монастырямъ о томъ посланы. И то я знаю, что по указу великаго государя

газскій митрополитъ на меня сочиняетъ и выписываетъ, и другихъ такихъ же лжесвидѣтелей, которымъ быть на соборѣ, накуплено съ 500 человѣкъ, а иныхъ въ палестины накупать послано, и денежной казны для того отправлено 30,000 рублей. Собору я самъ радъ, только пусть будетъ соборъ праведный, а не накупной, а газскому я во всемъ отвѣтъ дамъ, не только правилами, но св. Евангеліемъ.» Посланные: «Если ты лжесвидѣтелями называешь властей московскаго государства, то за это примешь месть отъ Бога.» Никонъ: «Какія власти? и кому книжнымъ ученіемъ и правилами говорить? они и грамотѣ не умѣютъ!» Посланные: «Одинъ ли ты въ московскомъ государствѣ грамотѣ умѣешь, и есть ли кто другой?» Никонъ: «Есть не много, а Питиримъ митрополитъ и того не знаетъ, почему онъ человѣкъ.» Посланные: «Напрасно ты это говоришь, что ты только одинъ грамотѣ умѣешь; изо всякихъ чиновъ люди книжнымъ ученіемъ и правилами съ тобою говорить готовы, и говорить есть что; только все удержано государскою милостію до собора, а на соборѣ будутъ вселенскіе патріархи.»

Услыхавъ эту страшную для себя вѣсть о пріѣздѣ патріарховъ на соборъ, Никонъ написалъ царю письмо съ цѣлію напугать его тѣмъ, что на соборѣ откроется много такого, что ему будетъ очень непріятно; хотѣлъ вмѣстѣ напугать и архіереевъ русскихъ. «Мы не отметаемся собора» писалъ Никонъ: «и хвалимъ твое изволеніе, какъ божественное, если сами патріархи захотятъ быть и разсудить все по божественнымъ заповѣдямъ Евангельскимъ, св. Апостолъ и св. Отецъ канонамъ—ей не отметаемся. Но прежде молимъ твое благородіе послушать малое это наше увѣщаніе съ кротостію и долготерпѣніемъ. Твое благородіе изволилъ собрать по нашемъ отшествіи митрополитовъ, епископовъ и архимандритовъ на судъ, вопреки Божіимъ заповѣдямъ, потому что нѣтъ такой заповѣди, по которой епископы могли бы судить своего патріарха, особенно же отъ него рукоположенные, и судить заочно.» Выписавши Евангельскія повѣствованія о судѣ надъ Христомъ, Никонъ продолжаетъ: «Зри, христіаннѣйшій царь! даже въ такой лютой зависти Іудейской ничего не сдѣлано не по закону и безъ свидѣтелей и заочно, хотя во всемъ поступлено неправедно; того ради рече: предавый Мя тебѣ болій грѣхъ понесетъ. Такъ и здѣсь смутившій твое благородіе большій грѣхъ поне-

сетъ. Если соборъ хочетъ меня осудить за одинъ уходъ нашъ, то подобаетъ и самого Христа извергнуть, потому что много разъ уходилъ зависти ради Іудейской. Когда твое благородіе съ нами въ добромъ совѣтѣ и любви былъ, и однажды, ненависти ради людской, мы писали къ тебѣ, что нельзя намъ предстательствовать во святой великой церкви, то каковъ былъ тогда твой отвѣтъ и написаніе? Это письмо спрятано въ тайномъ мѣстѣ одной церкви, котораго никто кромѣ насъ не знаетъ. Ты же смотри, благочестивый царь! чтобъ не было тебѣ чего-нибудь отъ этихъ твоихъ грамотъ, не было бы тебѣ это въ судъ предъ Богомъ и созываемымъ тобою вселенскимъ соборомъ. Я это пишу не изъ желанія патріаршаго стола, желаю, чтобъ св. церковь безъ смущенія была и тебѣ предъ Господомъ Богомъ не вмѣнился грѣхъ. пишу, не боясь великаго собора, но не давая св. царствію зазора, занеже между двумя или тремя станетъ всякъ глаголъ, кольми паче во множествѣ. Епископы наши обвиняютъ насъ однимъ правиломъ перваго и втораго собора, которое не о насъ написано. Но какъ о нихъ предложится множество правилъ, отъ которыхъ никому нельзя будетъ избыть, тогда, думаю, ни одинъ архіерей, ни одинъ пресвитеръ не останется достойный! Константинопольскаго патріарха русскіе епископы при поставленіи клянутъ всѣ. Тогда какъ нетопыри усмотрятъ свои дѣянія, смущающія твое преблаженство, крутицкій митрополитъ съ Іоанномъ Нероновымъ и прочими совѣтниками. Ты послалъ Мелетія, а онъ злой человѣкъ, на всѣ руки подписывается и печати поддѣлываетъ; и здѣсь такое дѣло за нимъ было, думаю, и теперь есть въ патріаршемъ приказѣ; есть у тебя, великаго государя, и своихъ много, кромѣ такого воришки.»

Отвѣта не было. Всѣ въ тревожномъ состояніи ждали развязки дѣла отъ прибытія патріарховъ; наступила зима 1664 года. приближался праздникъ Рождества Христова. Ночью съ 17 на 18 декабря, во время заутрень, подъѣхало къ заставѣ нѣсколько саней. «Кто ѣдетъ?» закричали сторожа.—«Власти Савина монастыря,» былъ отвѣтъ. Поѣздъ былъ немедленно пропущенъ и направился въ Кремль. Въ Успенскомъ соборѣ служили заутреню, присутствовалъ ростовскій митрополитъ Іона. На второй каѳизмѣ вдругъ сдѣлался шумъ, двери загремѣли, растворились и вошла толпа монаховъ, за ними внесли крестъ, а за кре-

стомъ явился—патріархъ Никонъ и сталъ на патріаршемъ мѣстѣ. Раздался знакомый повелительный голосъ, котораго давно было не слыхать въ Успенскомъ соборѣ: «перестань читать!» Подьякъ ростовскаго митрополита, читавшій псалтырь, повиновался, и воскресенскіе старцы, пріѣхавшіе съ Никономъ, запѣли: исполаэти деспота! и потомъ: Достойно есть. Когда пѣніе кончилось, Никонъ велѣлъ соборному дьякону говорить ектенью, а самъ пошелъ прикладываться къ образамъ и мощамъ; приложившись, вошелъ опять на патріаршее мѣсто, проговорилъ молитву: «Владыко многомилостиве!» и велѣлъ позвать къ себѣ подъ благословеніе ростовскаго митрополита Іону; тотъ подошелъ, за нимъ протопопъ и все духовенство. «Поди,» сказалъ Никонъ Іонѣ: «возвѣсти великому государю о моемъ приходѣ.» Іона отправился вмѣстѣ съ успенскимъ ключаремъ Іовомъ. Они нашли государя у заутрени, въ церкви св. Евдокіи. «Въ соборную церковь пришелъ патріархъ Никонъ, сталъ на патріаршемъ мѣстѣ и послалъ насъ объявить о своемъ приходѣ тебѣ, великому государю,» проговорилъ Іона. Немедленно забѣгали огни во дворцѣ, отправились посланцы за архіереями и комнатными боярами; шумъ, смятеніе, точно пришла вѣсть, что Татары или Поляки подъ Москвою; архіереи, бояре перемѣшались, все спѣшило вверхъ по лѣстницѣ. Наконецъ собрались архіереи: Павелъ митрополитъ сарскій (крутицкій), Паисій газскій, Ѳеодокъ сербскій; собрались и комнатные бояре. Царь, въ сильномъ волненіи, объявилъ имъ новость; бояре начали кричать, архіереи, качая головами, повторяли: «Ахъ, Господи! ахъ, Господи!» Совѣщаніе впрочемъ не было продолжительно; въ соборъ отправились люди, которыхъ появленіе не предвѣщало Никону ничего добраго—бояре князья: Никита Ивановичъ Одоевскій и Юрій Алексѣевичъ Долгорукій, окольничій Родіонъ Стрѣшневъ, дьякъ Алмазъ Ивановъ; они обратились къ Никону съ вопросомъ: «Ты оставилъ патріаршій престолъ самовольно, обѣщался впередъ въ патріархахъ не быть, съѣхалъ жить въ монастырь и объ этомъ написано уже къ вселенскимъ патріархамъ: а теперь ты для чего въ Москву пріѣхалъ и въ соборную церковь вошелъ безъ вѣдома великаго государя и безъ совѣта всего освященнаго собора? ступай въ монастырь попрежнему.» Никонъ: «Сошелъ я съ престола никѣмъ не гонимъ, теперь пришелъ на престолъ никѣмъ не званный для того, чтобъ великій

государь кровь утолилъ и миръ учинилъ, отъ суда вселенскихъ патріарховъ я не бѣгаю, а пришелъ я на свой престолъ по явленію; вотъ письмо, отнесите его къ великому государю.»—«Безъ вѣдома великаго государя мы письма принять не смѣемъ,» отвѣчали посланные: «пойдемъ извѣстимъ объ этомъ великому государю.» Отправились во дворецъ, чрезъ нѣсколько времени снова вошли въ соборъ и сказали Никону: «Великій государь приказалъ намъ объявить тебѣ прежнее, чтобъ ты шелъ назадъ въ Воскресенскій монастырь, а письмо взять.» — «Если великому государю пріѣздъ мой ненадобенъ,» отвѣчалъ Никонъ: «то я въ монастырь поѣду назадъ, но не выйду изъ церкви до тѣхъ поръ, пока на письмо мое отповѣди не будетъ.» Письмо понесли къ государю, начали читать: «Слыша смятеніе и молву великую о патріаршескомъ столѣ, одни такъ, другіе иначе говорятъ развращенная, каждый что хочетъ, то и говоритъ,—слыша это, удалился я 14 ноября въ пустыню внѣ монастыря на молитву и постъ, дабы извѣстилъ Господь Богъ, чему подобаетъ быть; молился я довольно Господу Богу со слезами, и не было мнѣ извѣщенія. Съ 13 декабря уязвился я любовію Божіею больше прежняго, приложилъ молитву къ молитвѣ, слезы къ слезамъ, бдѣніе къ бдѣнію, постъ къ посту, и постился даже до 17 дня, ни ѣлъ, ни пилъ, ни спалъ, лежалъ на ребрахъ, утомившись сидѣлъ съ часъ въ сутки. Однажды, сѣвши, сведенъ я былъ въ малый сонъ и вижу: стою я въ Успенскомъ соборѣ, свѣтъ сіяетъ большой, но изъ живыхъ людей нѣтъ никого, стоятъ одни усопшіе святители и священники по сторонамъ, гдѣ гробы митрополичьи и патріаршіе. И вотъ одинъ святолѣпный мужъ обходитъ всѣхъ другихъ съ хартіею и киноварницею въ рукахъ и всѣ подписываются. Я спросилъ у него, что̀ они такое подписываютъ? Тотъ отвѣчалъ: о твоемъ пришествіи на святой престолъ. Я спросилъ опять: а ты подписалъ ли? онъ отвѣчалъ: подписалъ, и показалъ мнѣ свою подпись: Смиренный Іона Божіею милостію митрополитъ. Я пошелъ на свое мѣсто, и вижу: на немъ стоятъ святители! я испугался, но Іона сказалъ мнѣ: не ужасайся, брате, такова воля Божія: взыди на престолъ свой и паси словесныя Христовы овцы. — Ей, ей такъ, мнѣ Господь свидѣтель о семъ. Аминь.—Обрѣтаюсь днесь въ соборной церкви св. Богородицы, исповѣдая вашему царскому величеству, понеже отхожденія своего вину исполнилъ, что задумалъ, то и сотворилъ, и теперь

пришелъ видѣть пресвѣтлое лице ваше и поклониться пресвятой славѣ царствія вашего, взявши причину отъ св. Евангелія, гдѣ написано: «вы, рече, взыдете въ праздникъ сей, азъ не взыду въ праздникъ сей, яко время мое не уисполнися; егдаже взыдоша братія его въ праздникъ, тогда и самъ взыде на явѣ, но яко тай. И паки ино писаніе: рече Павелъ къ Варнавѣ: возвращьшеся посѣти братію нашу во всѣхъ градѣхъ, въ нихъ же возвѣстихомъ слово Божіе, како суть. Такожде и мы пришли: како суть у васъ государей и у всѣхъ сущихъ въ царствующемъ градѣ Москвѣ и во всѣхъ градѣхъ? Пришли мы въ кротости и смиреніи. Хощешь ли самого Христа принять? мы твоему благородію покажемъ како, Господу свидѣтельствующу: пріемля васъ, меня пріемлетъ и слушаяй васъ, мене слушаетъ. Во имя Господне пріими насъ и дому отверзи двери, да мзда твоя по всему не отмѣнитъ. Это написалъ я твоему царскому величеству не отъ себя что-либо, мы не корчемствуемъ слово Божіе, но отъ чистоты яко отъ Бога предъ Богомъ о Христѣ глаголемъ, ни отъ прелести, ни отъ нечистоты, ниже лестію сице глаголемъ, не яко человѣкомъ угождающе, но Богу искушающему сердца наша. Аминь.»

Въ третій разъ отправился митрополитъ Павелъ съ боярами въ соборъ и объявилъ Никону: «Письмо твое великому государю донесено: онъ, власти и бояре письмо выслушали, а ты, патріархъ, изъ соборной церкви ступай въ Воскресенскій монастырь попрежнему.» Никонъ приложился къ образамъ, взялъ посохъ Петра митрополита и пошелъ къ дверямъ. «Оставь посохъ,» говорили ему бояре. «Отнимите силою,» отвѣчалъ Никонъ, и вышелъ изъ церкви. Еще оставался часъ до свѣта; на небѣ горѣла хвостатая комета [70]. Садясь въ сани, Никонъ началъ отрясать ноги, произнося Евангельскія слова: идеже аще не пріемлютъ васъ, исходя изъ града того, и прахъ, прилпшый къ ногамъ вашимъ, отрясите во свидѣтельство на ня. Стрѣлецкій полковникъ, наряженный провожать Никона, сказалъ: «Мы этотъ прахъ подметемъ!»—«Да размететъ Господь Богъ васъ оною божественною метлою, иже является на дни многи!» отвѣчалъ ему Никонъ, указывая на комету. Сани двинулись; окольничій князь Дмитрій Алексѣевичъ Долгорукій и любимецъ царскій, Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ, ѣхали за патріархомъ; выѣхавши за земляной городъ, остановились; Долгорукій подошелъ проститься, и сказалъ Никону: «Великій государь велѣлъ у тебя, святѣйшаго патріарха,

благословенія и прощенія просить.» — «Богъ его проститъ, если не отъ него смута,» отвѣчалъ Никонъ. — «Какая смута?» спросилъ Долгорукій. — «Вѣдь я по вѣсти пріѣзжалъ,» отвѣчалъ Никонъ.

Возвратившись во дворецъ, Долгорукій немедленно передалъ Никоновы слова царю, и вотъ по Воскресенской дорогѣ поскакали митрополитъ Павелъ крутицкій, чудовской архимандритъ Іоакимъ, Родіонъ Стрѣшневъ, Алмазъ Ивановъ съ наказомъ взять у Никона посохъ Петра митрополита и дознаться, по какой вѣсти онъ пріѣзжалъ? Посланные нагнали патріарха въ селѣ Черневѣ: «Пріѣзжалъ я въ Москву не самовольно, по вѣсти изъ Москвы,» началъ Никонъ: «посоха не отдамъ, отдать мнѣ посохъ некому; оставилъ я патріаршій престолъ на время за многое внѣшнее нападеніе и за досады.» Потомъ, обратившись къ крутицкому митрополиту, продолжалъ: «Тебя я зналъ въ попахъ, а въ митрополитахъ не знаю; кто тебя въ митрополиты поставилъ — не вѣдаю; посоха тебѣ не отдамъ и съ своими ни съ кѣмъ не пошлю, потому что не у кого посоху быть. Кто ко мнѣ вѣсть прислалъ, объявлю по времени; вотъ я письмо! а письмо это принялъ я потому: какъ великій государь былъ въ Савинѣ монастырѣ, то я посылалъ къ нему архимандрита своего, и великаго государя милость была ко мнѣ такая, какой по уходѣ моемъ изъ Москвы никогда не бывало.» Но посланные отъ него не отставали; они просидѣли въ Черневѣ съ 5 часа дня до одиннадцатаго часа ночи; наконецъ послѣ многихъ разговоровъ Никонъ сказалъ: «Посохъ и письмо отошлю я самъ къ великому государю; вѣдомо мнѣ, что великій государь посылалъ къ вселенскимъ патріархамъ, чтобъ они рѣшили дѣло объ отшествіи моемъ и о поставленіи новаго патріарха; я великому государю бью челомъ, чтобъ онъ къ вселенскимъ патріархамъ не посылалъ; я какъ сперва обѣщался, такъ и теперь обѣщаюсь на патріаршій престолъ не возвращаться; и въ мысли моей того нѣтъ; хочу, чтобъ выбранъ былъ на мое мѣсто патріархъ, и когда будетъ новый патріархъ поставленъ, то я ни въ какія патріаршія дѣла вступаться не стану, и дѣла мнѣ ни до чего не будетъ; велѣлъ бы мнѣ великій государь жить въ монастырѣ, который построенъ по его государеву указу, а новопоставленный патріархъ надо мною никакой бы власти не имѣлъ, считалъ бы меня братомъ, да не оставилъ

бы великій государь ко мнѣ своей милости въ потребныхъ вещахъ, чтобъ было мнѣ чѣмъ пропитаться до смерти, а вѣкъ мой не долгій, теперь уже мнѣ близко 60 лѣтъ.» Никонъ исполнилъ обѣщаніе, отправилъ посохъ и письмо съ своимъ посланцемъ, который долженъ обратиться къ духовнику царскому съ просьбою доложить государю, чтобъ позволилъ ему, Никону, пріѣхать въ Москву помолиться Богородицѣ и видѣть государевы очи. Въ отвѣтъ полученъ былъ прежній отказъ, приправленный выговоромъ и угрозою: «Великій государь указалъ тебѣ сказать: для мірской многой молвы ѣхать тебѣ теперь въ Москву непристойно, потому что въ народѣ теперь молва многая о разности въ церковной службѣ и печатныхъ книгахъ, и отъ твоего въ Москву пріѣзда и по готову ждать въ народѣ всякаго соблазна. потому что патріаршій престолъ оставилъ ты своею волею, а не по изгнанію; такъ для всенародной молвы и смятенія изволь теперь ѣхать назадъ въ Воскресенскій монастырь, пока будетъ объ этомъ соборъ въ Москвѣ и къ собору пріѣдутъ вселенскіе патріархи и власти; въ то время тебѣ дадутъ знать, чтобъ и ты пріѣзжалъ на соборъ, а на соборѣ великій государь станетъ говорить обо всемъ. Ты писалъ отъ себя къ газскому митрополиту Паисію и жаловался, будто невинно съ престола своего изгнанъ. и объ иныхъ, тому подобныхъ дѣлахъ; во всемъ этомъ великаго государя терпѣніе отъ тебя многое, а какъ приспѣетъ время собору, и въ то время онъ, великій государь, обо всѣхъ этихъ вещахъ говорить будетъ.»

Исчезла послѣдняя надежда покончить дѣло мирнымъ образомъ: Никонъ отправился въ Воскресенскій монастырь, а въ Москвѣ занялись слѣдствіемъ по письму, которымъ Никонъ былъ вызванъ въ Москву. Оказалось, что письмо писано бояриномъ Никитою Ивановичемъ Зюзинымъ, котораго мы сначала видѣли въ посольскихъ дѣлахъ, потомъ воеводою въ Путивлѣ; видѣли, что изо всѣхъ бояръ онъ одинъ продолжалъ переписку съ Никономъ по удаленіи послѣдняго изъ Москвы. Письмо было такого содержанія: «Являлись ко мнѣ Аѳанасій (Ординъ-Нащокинъ) и Артемонъ (Матвѣевъ) и сказывали: 7-го декабря у Евдокѣи въ заутреню наединѣ говорилъ съ нами царь: «Присылалъ ко мнѣ патріархъ архимандрита въ Савинъ монастырь; я его совѣту обрадовался, хорошій архимандритъ! сидѣлъ я съ нимъ наединѣ, и онъ со

слезами говорилъ, чтобъ намъ ссорѣ не вѣрить, и я съ клятвою говорю, что никакой ссорѣ отнюдь не вѣрю; вотъ теперь на Николинъ день пріѣзжалъ ко мнѣ чернецъ Григорій Нероновъ съ наносными словами всякими на патріарха; я знаю, кто съ нимъ и въ заводѣ, только я этому ничему не вѣрю; а нашъ совѣтъ и обѣщаніе наше Господь единъ вѣсть, и душею своею отъ патріарха ей я не отступенъ, да духовенства и синклита ради, по нашему царскому обычаю, собою, мнѣ патріарха звать нельзя и писать къ нему о томъ, потому что онъ вѣдаетъ, для чего ушелъ, а нынѣ въ церкви и во всемъ кто ему бранитъ? Какъ пошелъ, такъ и придетъ — его воля, я ей ей въ томъ ему не противенъ. А мнѣ къ нему нельзя о томъ отписать, вѣдая его нравъ: въ сердцахъ на архіереевъ и на бояръ не удержится, скажетъ, что я ему велѣлъ пріѣхать, или по письму моему откажетъ и мнѣ то будетъ конечно въ стыдъ, въ совѣтѣ нашемъ будетъ препона, и всѣ поставятъ мнѣ то въ непостоянство; а хотя и пришлю спросить въ церковь для прилика, отводя подозрѣніе и скрывая совѣтъ, и онъ скажетъ, что по своей волѣ ради церковныхъ потребъ отъѣзжалъ и опять пришелъ; кто, скажетъ, мнѣ возбранитъ? кто мнѣ въ церкви указчикъ? а что, скажетъ, духовные письмо давали на меня, и я имъ дамъ отвѣтъ, они сами не знаютъ ничего, почему я ушелъ, почему опять прихожу, а судъ износятъ на меня не по своей мѣрѣ и не по правиламъ; и если станутъ просить прощенія, то за невѣдѣніе ихъ изволилъ бы сказать: Богъ проститъ! А я, продолжалъ государь, свидѣтеля Бога поставляю, что ему ни въ чемъ противенъ не буду и душевно совѣтую такъ сдѣлать. Сколько уже времени между нами продолжается несогласіе? врагу лишь въ томъ радость, да непріятелямъ нашимъ, которые для своихъ прихотей не хотятъ, чтобъ намъ въ совѣтѣ быть: это я узналъ досконально. Только бы пожаловалъ, изволилъ патріархъ придти къ 19 декабрю, къ заутрени въ соборную церковь, прежде памяти чудотворца Петра, и онъ намъ чудотворецъ и посредникъ любви нашей и всѣхъ враговъ нашихъ отженетъ; для того пришелъ бы, чтобъ кровь христіанскую остановилъ вмѣстѣ съ нами, и его слово надобно будетъ во всенародное множество, и любо имъ конечно будетъ и всѣ ему за то конечно ради будутъ и послушны; а мнѣ то въ помощь отъ него и заступленіе; да и мнѣ надобно душевно: на-

чалъ я это ратное дѣло и всякія свои царственныя и духовныя дѣла вмѣстѣ съ нимъ: такъ чтобъ Господь Богъ молитвами его святительскими и совершить сподобилъ во благая, вмѣстѣ, по совѣту; и ты, Аѳанасій, моимъ словомъ прикажи Никитѣ отписать ему все это тайно; а вотъ мнѣ къ тому числу надобно съ нимъ вмѣстѣ порѣшить, съ чѣмъ отпустить тебя на посольское дѣло, пособоровать о томъ со всѣми чинами и постъ заповѣдать; у Поляковъ и Венгровъ постъ былъ о соединеніи, а намъ и больше надобно то и всякую вражду и ненависть оставить, а время тому послѣднее наступило, все поставимъ на мѣрѣ и переговоримъ обо всемъ, какъ чему быть. Но опять молю, чтобъ въ тишинѣ, безъ большихъ выговоровъ, чтобъ не ожесточилъ всѣхъ, всѣ опасаются, ждутъ отъ него жестокости. Покинулъ онъ меня въ такихъ напастяхъ одного, борима отъ видимыхъ и невидимыхъ враговъ, а не на томъ мы между собою обѣщались, что до смерти другъ друга не покинуть, и клятва есть въ томъ между нами.»

Призвали Зюзина къ допросу: онъ сказалъ, что письмо его руки, посылалъ онъ такое письмо патріарху дважды съ поддіакономъ Никитою, патріархъ отвѣчалъ ему письменно; онъ его письма и свои жегъ, патріархъ присылалъ ему его письма назадъ, кромѣ послѣдняго. Никита поддіаконъ сказалъ, что когда онъ привезъ къ Никону грамотку, то патріархъ, прочтя, сказалъ: «Буди въ томъ воля Божія, сердце царево въ руцѣ Божіей, я миру радъ.» Ординъ-Нащокинъ показалъ: «Пріѣхалъ Никита Зюзинъ въ Москву изъ Новгорода и сказывалъ мнѣ: писалъ ему въ Новгородъ патріархъ Никонъ изъ Воскресенскаго монастыря о видѣніи ему Петра митрополита, и какъ онъ, Зюзинъ, изъ Новгорода ѣхалъ въ Москву, и былъ въ Воскресенскомъ монастырѣ у патріарха, то Никонъ ему сказывалъ, что о видѣніи писалъ онъ къ государю, и въ Москвѣ рѣшили, что онъ пророчествуетъ о Вельзевулѣ, а скоро потомъ у великаго государя во дворцѣ погорѣли сушильни.—Зюзинъ, продолжалъ Нащокинъ, хотѣлъ деньги занимать для отвоза поташу въ Вологду, и говорилъ: патріархъ Никонъ меня въ бѣдности не покинулъ бы, да не смѣю я ему бить челомъ для людскихъ переговоровъ; слышу, что патріархъ горько плачетъ и говоритъ на людей, что великому государю приносятъ на него ссоры невмѣстныя; за грѣхи наши всенародные чего и

не ждали случилось: между великимъ государемъ и патріархомъ учинилась ссора! А здѣсь я не слыхалъ, чтобъ великой государь говорилъ что про патріарха, и, будучи въ Савинѣ монастырѣ, онъ посылалъ къ патріарху стольника Григорья Собакина съ своею милостью. Говоря это, Зюзинъ плакалъ. — Я къ тѣмъ его рѣчамъ ему молвилъ: слышалъ я отъ великаго государя, какъ возвратился онъ изъ Савина монастыря, что приходилъ къ нему отъ патріарха воскресенскій архимандритъ, а въ село Хорошово приходилъ старецъ Григорій Нероновъ и говорилъ про патріарха вздорныя рѣчи, что и слушать нечего.»— При вторичномъ допросѣ Зюзинъ объявилъ, что Нащокина и Матвѣева онъ поклепалъ, Нащокинъ говорилъ ему: хорошо бы, если бы къ моему посольству былъ и патріархъ, и что у государя на патріарха гнѣва нѣтъ; тутъ онъ, Зюзинъ, сказалъ ему, что будетъ писать къ патріарху, звать его въ Москву, и Нащокинъ отвѣчалъ: «хорошо, если тебѣ патріархъ совѣтенъ, кабы то Господь Богъ церковь умирилъ!»—Нащокинъ на это показалъ, что ничего подобнаго не бывало; прибавилъ только, что Зюзинъ занялъ у него денегъ 50 рублей, а потомъ, когда Нащокинъ былъ боленъ, пріѣзжалъ сказать, что этихъ денегъ мало на провозъ поташу. Нащокинъ просилъ у государя прощенія: «Въ 1662 году, въ сентябрѣ или октябрѣ мѣсяцѣ, государь мнѣ говорилъ, чтобъ мнѣ съ Зюзинымъ не знаться, потому что онъ многоязыченъ и приплететъ меня къ ненадобнымъ дѣламъ, и какъ я пріѣхалъ въ Москву изо Львова, то при первой встрѣчѣ съ Зюзинымъ объявилъ ему, чтобъ онъ со мною нигдѣ не видался, потому что онъ человѣкъ опальный; но теперь для его Никитиныхъ слезъ двора своего отъ него запереть не велѣлъ: въ томъ я передъ великимъ государемъ виноватъ, достоинъ казни, и безъ повелѣнія великаго государя по исповѣди къ причастію сего декабря 24 числа приступить не смѣю.» При пыткѣ Зюзинъ сказалъ, что всѣ Никоновы письма показывалъ Нащокину; сказывалъ ему и про тѣ письма, которыя писалъ къ Никону, только не тѣмъ лицемъ, какъ онъ въ письмахъ писалъ, и Нащокинъ ему сказалъ: хорошо!»—Что же это значитъ? По всѣмъ вѣроятностяхъ, Нащокинъ говорилъ Зюзину, что со стороны царя не будетъ препятствій къ примиренію, что у государя гнѣва нѣтъ на патріарха; вѣроятно и одобрилъ намѣреніе Зюзина склонить Никона сдѣлать первый шагъ; а Зюзинъ, чтобъ

сильнѣе подѣйствовать, написалъ письмо извѣстнаго намъ содержанія, причемъ дѣйствительно поклепалъ Нащокина и Матвѣева, написавши *не тѣмъ лицемъ*. Бояре приговорили Зюзина къ смертной казни; но царь, по просьбѣ сыновей своихъ, какъ объявлено, измѣнилъ приговоръ боярскій, приказалъ сослать Зюзина въ Казань, гдѣ записать на службу, а помѣстья и вотчины отписать въ казну, дворъ же и движимое имѣніе отдать ему на прокормленіе.

Увидавши, что въ Москвѣ нельзя ничего сдѣлать, Никонъ обратился къ патріархамъ, хотѣлъ заранѣе подробно объяснить имъ дѣло съ своей точки зрѣнія, оправдать свое поведеніе. Но трудно было переслать грамоты къ патріархамъ. Случай представился, когда въ 1665 году пріѣхалъ въ Москву гетманъ Запорожскій, Иванъ Мартыновичъ Брюховецкій. У Никона въ Воскресенскомъ монастырѣ жилъ въ дѣтяхъ боярскихъ двоюродный племянникъ его отъ сестры, Курмышскій посадскій, Ѳедотъ Тимоѳеевъ Марисовъ; этого Марисова патріархъ прислалъ къ Брюховецкому съ просьбою взять его съ собою въ Малороссію и оттуда отпустить въ Константинополь. Но гетманъ отказался. Тогда служка патріаршій, Иванъ Шушера, авторъ извѣстнаго житія Никонова, подкупилъ козака Васильковца Кирилла Давыдовича, который взялъ съ собою Марисова, объявивъ, что это его племянникъ, взятый въ плѣнъ во время похода Бутурлина на Львовъ; дѣло было обдѣлано за 50 рублей и 50 золотыхъ. Изъ Москвы Марисовъ выѣхалъ благополучно; но скоро здѣсь провѣдали объ его отъѣздѣ, и въ генварѣ 1666 года посланъ гонецъ къ Брюховецкому съ требованіемъ захватить патріаршаго посланца; Марисова поймали и прислали въ Москву вмѣстѣ съ грамотами; грамоты эти были прочтены: въ нихъ Никонъ подробно описывалъ патріархамъ, что̀ случилось съ нимъ съ того времени, какъ вступилъ онъ на патріаршій престолъ, описывалъ, какъ по возвращеніи изъ Соловокъ силою взяли его изъ дому, привели въ соборъ, и здѣсь царь со всѣмъ народомъ, приклоняясь къ землѣ, со слезами умолялъ принять патріаршество; какъ онъ согласился съ условіемъ, чтобъ всѣ слушались его во всемъ какъ начальника и пастыря. Сперва царь былъ благоговѣенъ и милостивъ и во всемъ Божіихъ заповѣдей искатель; но потомъ началъ гордиться и выситься. Дѣло дошло и до явныхъ оскорбленій: Хитрово прибилъ во дворцѣ слугу

патріаршаго и остался безъ наказанія; царь пересталъ являться въ соборную церковь, когда служилъ тамъ онъ, патріархъ; князь Юрій Ромодановскій прямо объявилъ ему гнѣвъ царскій; тогда онъ, отъ этого гнѣва и отъ безчинія народнаго, удаляется изъ Москвы въ Воскресенскій монастырь. «Уѣзжая изъ Москвы» пишетъ Никонъ: «я взялъ архіерейское облаченіе, всего по одной вещи для архіерейской службы; я ушелъ, но не отказался отъ архіерейства, какъ теперь клевещутъ на меня, говоря, будто я своею волею отрекся отъ архіерейства. Я ждалъ, что царское величество помирится со мною; царь, узнавъ, что я хочу уѣхать въ Воскресенскій монастырь, прислалъ бояръ сказать мнѣ, чтобъ я не ѣздилъ до тѣхъ поръ, пока не увижусь съ нимъ; я ждалъ на подворьѣ три дня, и только по прошествіи трехъ дней уѣхалъ въ Воскресенскій монастырь. За нами прислалъ царское величество въ монастырь тѣхъ же бояръ, которые спрашивали насъ: зачѣмъ ты безъ царскаго повелѣнія ушелъ изъ Москвы? Я отвѣчалъ, что ушелъ не въ дальнія мѣста; если царское величество на милость положитъ и гнѣвъ свой утолитъ, опять придемъ; и послѣ этого о возвращеніи нашемъ отъ царскаго величества ничего не было. Приказали мы править на время крутицкому митрополиту Питириму: и по уходѣ нашемъ царское величество всякихъ чиновъ людямъ ходить къ намъ и слушаться насъ не велѣлъ, потребное отъ патріаршества давать намъ запретилъ; указалъ—кто къ намъ будетъ безъ его указа, тѣхъ людей да истяжутъ крѣпко и сошлютъ въ заключеніе въ дальнія мѣста, и потому весь народъ устрашился. Крутицкому митрополиту велѣлъ спрашивать себя, а не насъ. Учрежденъ монастырскій приказъ, повелѣно въ немъ давать судъ на патріарха, митрополитовъ и на весь священный чинъ, сидятъ въ томъ приказѣ мірскіе люди и судятъ. Написана книга (уложеніе), св. Евангелію, правиламъ св. Апостолъ, св. Отецъ и законамъ греческихъ царей во всемъ противная, почитаютъ ее больше Евангелія: въ ней-то въ 13 главѣ уложено о монастырскомъ приказѣ; другихъ беззаконій написанныхъ въ этой книгѣ, не могу описать — такъ ихъ много! Много разъ говорилъ я царскому величеству объ этой проклятой книгѣ, чтобъ ее искоренить, но кромѣ уничиженія не получилъ ничего. Я исправилъ книги—и они называютъ это новыми уставами и никоновыми догматами. Главный врагъ мой у царя—

это Паисій Лигаридъ; царь его слушаетъ и какъ пророка Божія почитаетъ; говорятъ, что онъ отъ Рима и вѣруетъ по-римски, хиротонисанъ дьякономъ и пресвитеромъ отъ папы, и когда былъ въ Польшѣ у короля, то служилъ латинскую обѣдню. Въ Москвѣ живущіе у него духовные греческіе и русскіе разсказываютъ, что онъ ни въ чемъ не поступаетъ по достоинству святительскаго сана, мясо ѣстъ и пьетъ безчинно, ѣстъ и пьетъ, а потомъ обѣдню служитъ, муже.....; я съ этимъ свидѣтельствомъ послалъ письмо къ царю, но онъ не обратилъ на него вниманія. Наклеветали на меня царю, что я его проклиналъ, но я въ этомъ невиненъ, кромѣ моей тайной молитвы. Теперь все дѣлается царскимъ хотѣніемъ: когда кто-нибудь захочетъ ставиться во дьяконы, пресвитеры, игумены или архимандриты, то пишетъ челобитную царскому величеству и царскимъ повелѣніемъ на той челобитной подпишутъ: по указу государя царя поставить его, и въ ставленной грамотѣ пишутъ: хиротонисанъ повелѣніемъ государя царя. Когда повелитъ царь быть собору, то бываетъ, и кого велитъ избирать и поставить архіереямъ, избираютъ и поставляютъ, велитъ судить и осуждать, судятъ, осуждаютъ и отлучаютъ. Царь забралъ себѣ патріаршескія имѣнія, также берутъ, по его приказанію, имѣнія и другихъ архіереевъ и монастырскія, берутъ людей на службу, хлѣбъ, деньги, берутъ немилостивно, весь родъ христіанскій отягчилъ данями, сугубо, трегубо и больше, но все безполезно. Много разъ писали мы къ царскому величеству, представляя ему примѣры царей благочестивыхъ, благословенныхъ Богомъ за добрыя дѣла, и нечестивыхъ, принявшихъ отъ Бога мученія: но онъ ни во что вмѣнилъ наши увѣщанія, только гнѣвался на насъ и прислалъ сказать намъ: «если не перестанешь писать унижая и позоря насъ примѣрами прежнихъ царей, то болѣе не будемъ терпѣть тебя.» Бояринъ Семенъ Лукьяновичъ Стрѣшневъ научилъ собаку сидѣть и передними лапами благословлять, ругаясь благословенію Божію, и называлъ собаку Никономъ патріархомъ: мы, услыхавъ о такомъ безчиніи, прокляли его, а царское величество не обратилъ на это никакого вниманія и держитъ Стрѣшнева у себя по прежнему въ чести. Мы предали анаѳемѣ и крутицкаго митрополита Питирима, потому что пересталъ поминать на литургіи наше имя, и которые священники продолжали поминать, тѣхъ наказывалъ; онъ же хиротонисалъ епископа Меѳодія въ Оршу и Мстиславль,

и послали его въ Кіевъ мѣстоблюстителемъ, тогда какъ кіевская митрополія подъ благословеніемъ вселенскаго патріарха; когда мы были въ Москвѣ, то царское величество много разъ говорилъ намъ, чтобъ хиротонисать въ Кіевъ митрополита, но мы безъ вашего благословенія и безъ вашего совѣта не захотѣли этого сдѣлать и никогда бы не сдѣлали.»

Письмо это всего болѣе раздражило царя противъ Никона: если и прежде Никонъ не щадилъ жесткихъ выраженій относительно Алексѣя Михайловича, то это было дѣло свое, домашнее, о которомъ знали свои, немногіе; а теперь Никонъ рѣшился выставить въ черномъ свѣтѣ поведеніе государя относительно себя, относительно церкви и всего народа передъ чужими, и именно передъ людьми, добрымъ мнѣніемъ которыхъ, по религіозности своей, Алексѣй Михайловичъ очень дорожилъ. Въ сильномъ волненіи и съ досадою читалъ онъ это письмо, что видно изъ собственноручныхъ замѣтокъ его на поляхъ; такъ напримѣръ противъ того мѣста, гдѣ Никонъ говоритъ, что тяжкія дани, налагаемыя царемъ на народъ, не приносятъ никакой пользы, Алексѣй Михайловичъ написалъ: «А у него льготно и что въ пользу?»

Пришла вѣсть, что патріархи ѣдутъ въ Москву; по военнымъ обстоятельствамъ они не могли ѣхать европейскимъ путемъ, чрезъ европейскія украйны, ѣхали дорогою азіятскою черезъ Астрахань, поднимаясь оттуда Волгою. 11 марта 1666 года царь писалъ астраханскому архіепископу Іосифу: «Какъ патріархи въ Астрахань пріѣдутъ, то ты бы ѣхалъ изъ Астрахани въ Москву съ ними вмѣстѣ, и держалъ къ нимъ честь и береженье; если они станутъ тебя спрашивать, для какихъ дѣлъ вызваны они въ Москву, то отвѣчай, что Астрахань отъ Москвы далеко, и потому ты не знаешь, для чего имъ указано быть въ Москву, думаешь, что велѣно имъ пріѣхать по поводу ухода *бывшаго* патріарха Никона и для другихъ великихъ церковныхъ дѣлъ, а того не сказывай, какъ ты былъ у него вмѣстѣ съ княземъ Никитою Ивановичемъ Одоевскимъ, во всемъ будь остороженъ и береженъ, да и людямъ, которые съ тобою будутъ, прикажи накрѣпко, чтобъ они съ патріаршими людьми о томъ ничего не говорили и были бъ осторожны.»

Издержекъ для дорогихъ гостей не щадили: подъ патріархами было 500 лошадей! Но скоро царю дали знать, что патріархи ве-

зутъ съ собою изъ Астрахани въ Москву наборщика печатнаго двора Ивана Лаврентьева, который по царскому указу сосланъ былъ на Терекъ за то, что завелъ латинское воровское согласіе и многіе римскіе соблазны; везутъ съ собою слугу гостя Шорина, Ивана Туркина, писавшаго къ воровскимъ козакамъ воровскія грамотки, по которымъ козаки грабили царскій насадъ, торговыя суда и многихъ людей побили до смерти. 5 сентября царь писалъ къ *многострадальному* іеродіакону Мелетію Греку, провожавшему патріарховъ, чтобъ онъ обходился съ гостями учтиво, во всемъ ихъ государскою милостію обнадеживалъ, но сказалъ имъ, чтобъ они съ великимъ государемъ не ссорились, воровъ въ Москву не возили, а отдали бы ихъ воеводамъ. Приставы, находившіеся при патріархахъ, доносили, что по дорогѣ, по городамъ и селамъ, патріархи принимаютъ челобитныя и розыски чинятъ: въ Симбирскѣ остригли и велѣли посадить въ тюрьму протопопа Никифора за крестное знаменіе и за то, что не служитъ по новымъ служебникамъ; тамъ же остригли дьякона дѣвичья монастыря за связь съ монахинею; въ городкѣ Уренѣ остригли попа по челобитной дочери его духовной и по сыску стороннихъ священниковъ и многихъ людей. Въ этихъ распоряженіяхъ въ Москвѣ не могли найти ничего противузаконнаго.

Въ Москвѣ патріарховъ ждала великолѣпная встрѣча, богатые подарки, привѣтственныя рѣчи: «Васъ благочестнѣ яко самихъ святыхъ верховныхъ апостолъ пріемлемъ», говорилъ имъ самъ царь: «любезно яко ангеловъ Божіихъ объемлемъ, вѣрующе, яко всесильнаго монарха всемощный промыслъ вашимъ здѣ архіерарнескимъ пречестнымъ пришествіемъ всяко въ вѣрныхъ сомнѣніе искоренити, всяко желаемое благочестивымъ благое исправленіе насадити и благочестно, еже паче солнца въ нашей державѣ сіяетъ, извѣстными свидѣтелями быти и св. россійскую церковь и всѣхъ вѣрныхъ возвеселити, утѣшити. О святая и пречестная двоице! Что васъ наречемъ толикъ душеспасительный трудъ подъемшихъ? Херувимы ли, яко на васъ почилъ есть Христосъ? Серафимы ли, яко непрестанно прославляете Его?» и т. д.

Приступили къ дѣлу. 5 ноября патріархи три часа сидѣли съ царемъ наединѣ; седьмаго числа къ совѣщанію были допущены архіереи, бояре, окольничіе и думные люди. Государь говорилъ объ уходѣ изъ Москвы Никона патріарха, архіереи подали сказки

и выписку изъ правилъ. 28 ноября третье засѣданіе: царь вычиталъ обвиненія Никону и просилъ патріарховъ рѣшить дѣло по правиламъ и по своему разсмотрѣнію. Патріархи отвѣчали, что надобно позвать Никона на соборъ и потребовать отъ него отвѣта. На другой день отправились за Никономъ въ Воскресенскій монастырь Арсеній, архіепископъ псковскій, Сергій, архимандритъ Спасо-Ярославскаго и Павелъ суздальскаго Евфиміева монастырей. «Я поставленіе святительское и престолъ патріаршескій имѣю не отъ александрійскаго и не отъ антіохійскаго патріарховъ, но отъ константинопольскаго,» отвѣчалъ имъ Никонъ: «александрійскій и антіохійскій патріархи и сами живутъ не въ Александріи и не въ Антіохіи: одинъ живетъ въ Египтѣ, а другой въ Дамаскѣ; если же патріархи пришли по согласію съ константинопольскимъ и іерусалимскимъ патріархами для духовныхъ дѣлъ, то я въ царствующій градъ Москву приду для духовныхъ дѣлъ извѣстія ради.» 30 ноября патріархи, архіереи и синклитъ собрались въ столовой избѣ: государь сидѣлъ на царскомъ мѣстѣ, патріархи подлѣ него на лѣвой сторонѣ въ креслахъ, архіереи на правой сторонѣ на скамьяхъ, бояре, окольничіе и думные люди по лѣвую сторону на скамьяхъ. Объявленъ былъ отвѣтъ Никона и показался досадителенъ; опредѣлили послать вторично Филарета, архимандрита владимірскаго Рождественскаго монастыря, и новоспасскаго келаря Варлаама Палицына, которые повезли Никону такую грамоту: «Ты великаго государя указа и св. патріарховъ повелѣнія не послушалъ, въ Москву не поѣхалъ, отказалъ нечестно: и великій государь за премногое свое беззлобіе и долготерпѣніе, и св. патріархи и преосвященный соборъ, презрѣвши твои досады и непослушаніе, прислали къ тебѣ въ другой разъ, чтобъ ты пріѣзжалъ въ Москву 2 декабря во второмъ или третьемъ часу ночи, не раньше втораго и не позднѣе третьяго часа, и остановился бы на Архангельскомъ подворьѣ въ Кремлѣ у Никольскихъ воротъ; ѣхать тебѣ смирнымъ образомъ въ 10 человѣкахъ или меньше.»

Отправивъ посланцевъ, соборъ занялся чтеніемъ правилъ, присланныхъ патріархами. Паисій и Макарій подтвердили, что правила дѣйствительно посланы ими, и спросили: «По этому свитку Никонъ повиненъ ли?»—«Повиненъ,» отвѣчали архіереи и бояре. Между тѣмъ Филаретъ и Варлаамъ встрѣтили Никона уже на до-

рогѣ въ Москву, куда онъ пріѣхалъ въ 12 часовъ ночи. На другой день, 1 декабря, въ третьемъ часу дня, соборъ, въ прежнемъ порядкѣ, уже засѣдалъ въ столовой избѣ. За Никономъ были посланы нашъ старый знакомый Меѳодій, епископъ мстиславскій, и два архимандрита; они должны были сказать Никону, чтобъ шелъ на соборъ смирнымъ обычаемъ; но онъ пошелъ, какъ всегда ходилъ: передъ нимъ несли крестъ. По патріаршески вошелъ онъ и въ столовую избу: говорилъ входъ и молитву за здоровье государя и всего царствующаго дома, патріарховъ и всѣхъ православныхъ христіанъ; присутствующіе всѣ стояли во время молитвы; изговоря входъ, поклонился государю до земли трижды, патріархамъ дважды; тѣ обратились къ нему съ приглашеніемъ сѣсть по правую сторону близъ государева мѣста. Но Никонъ, увидавъ, что его приглашаютъ садиться на одной лавкѣ съ другими архіереями, что особаго мѣста для него нѣтъ, отвѣчалъ: «Я мѣста себѣ, гдѣ сѣсть, съ собою не принесъ, развѣ сѣсть мнѣ тутъ, гдѣ стою; пришелъ я узнать, для чего вселенскіе патріархи меня звали?» Тутъ царь сошелъ съ своего мѣста, сталъ передъ патріархами и началъ говорить: «Отъ начала московскаго государства соборной и апостольской церкви такого безчестья не бывало, какъ учинилъ *бывшій* патріархъ Никонъ: для своихъ прихотей, самовольно, безъ нашего повелѣнія и безъ соборнаго совѣта церковь оставилъ, патріаршества отрекся никѣмъ не гонимъ, и отъ этого его ухода многіе смуты и мятежи учинились, церковь вдовствуетъ безъ пастыря девятый годъ; допросите бывшаго патріарха Никона, для чего онъ престолъ оставилъ и ушелъ въ Воскресенскій монастырь?» Патріархи обратились съ этимъ вопросомъ къ Никону, и тотъ отвѣчалъ: «Есть ли у васъ совѣтъ и согласіе съ константинопольскимъ и іерусалимскимъ патріархами, что меня судить? А безъ ихъ совѣта я вамъ отвѣчать не буду, потому что хиротонисанъ я отъ константинопольскаго патріарха.» Паисій и Макарій указали ему на свитки, содержащіе полномочіе отъ двухъ остальныхъ патріарховъ. Тогда Никонъ билъ челомъ государю и патріархамъ, чтобъ выслали изъ собора недруговъ его, Питирима, митрополита новгородскаго и Павла Сарскаго, которые хотѣли его отравить и удавить. Питиримъ и Павелъ отвѣчали, что это ложь и что у государя есть дѣло чернеца Ѳеодосія. Царь поднесъ это дѣло патріархамъ. Патріархи

снова повторили вопросъ Никону: для чего отрекся отъ патріаршества? Никонъ сталъ говорить о Теймуразовскомъ обѣдѣ, повторилъ исчисленіе всѣхъ полученныхъ имъ оскорбленій, какъ онъ это сдѣлалъ въ письмѣ къ патріархамъ. Царь отвѣчалъ: «Никонъ писалъ ко мнѣ и просилъ обороны отъ Хитрово въ то время какъ у меня обѣдалъ грузинскій царь, и въ ту пору розыскивать и оборону давать было некогда.» Отвѣтъ этотъ былъ очень неудовлетворителенъ: если некогда было во время стола, то было время послѣ; впрочемъ царь спѣшилъ дать болѣе благопріятный для себя оборотъ дѣлу: «Никонъ патріархъ говоритъ,» продолжалъ онъ: «будто человѣка своего присылалъ для строенія церковныхъ вещей, но въ ту пору на красномъ крыльцѣ церковныхъ вещей строить было нечего и Хитрово зашибъ его человѣка за невѣжество, что пришелъ не во-время и учинилъ смятеніе, и это безчестье къ Никону патріарху не относится; а въ праздники выходу мнѣ не было за многими государственными дѣлами. Я посылалъ къ нему боярина князя Трубецкаго и Родіона Стрѣшнева, чтобъ онъ на свой патріаршій столъ возвратился, а онъ отъ патріаршества отрекался, сказывалъ: какъ де его на патріаршество обирали, то онъ на себя клятву положилъ — быть на патріаршествѣ только три года. Посылалъ я князя Юрія Ромодановскаго, чтобъ онъ впередъ великимъ государемъ не писался, потому что прежніе патріархи такъ не писывались, но того къ нему не приказывалъ, что на него гнѣвенъ.» Ромодановскій объявилъ, что онъ о государевѣ гнѣвѣ не говаривалъ. Патріархи спросили Никона: «Какія обиды тебѣ отъ великаго государя были?» — «Никакихъ обидъ не бывало,» отвѣчалъ онъ: «но когда онъ началъ гнѣваться и въ церковь ходить пересталъ, то я патріаршество и оставилъ.» Царь: «Онъ писалъ ко мнѣ по уходѣ: «будешь ты великій государь одинъ, а я Никонъ какъ одинъ отъ простыхъ.» Никонъ: «Я такъ не писывалъ.»

Патріархи обратились къ архіереямъ съ вопросомъ: «Какія обиды были Никону отъ государя?» — «Никакихъ,» былъ отвѣтъ. Никонъ: «Я объ обидѣ не говорю, а говорю о государевѣ гнѣвѣ; и прежніе патріархи отъ гнѣва царскаго бѣгали, Аѳанасій александрійскій и Григорій Богословъ.» Патріархи: «Другіе патріархи оставляли престолъ, да не такъ, какъ ты: ты отрекся, что впередъ не быть тебѣ патріархомъ, если будешь патріархомъ, то

анаѳема будешь.» Никонъ: «Я такъ не говаривалъ, а говорилъ, что за недостоинство свое иду; а еслибъ я отрекся отъ патріаршества съ клятвою, то не взялъ бы съ собою святительской одежды.» Патріархи: «Когда ставятъ въ священный чинъ, то говорятъ: *достоинъ;* а ты какъ святительскую одежду снималъ, то говорилъ: *недостоинъ.*» Никонъ: «Это на меня выдумали.» Царь: «Никонъ писалъ въ грамотахъ своихъ къ св. патріархамъ на меня многія безчестья и укоризны, а я на него ни малаго безчестья и укоризны не писывалъ. Допросите его: все ли онъ истину безо всякаго прилога писалъ? за церковные ли догматы онъ стоялъ? Іосифа патріарха святѣйшимъ и братомъ себѣ почитаетъ ли, и церковныя движимыя и недвижимыя вещи продавалъ ли?» Никонъ: «Что въ грамотахъ писано, то и писано, а стоялъ я за церковные догматы; Іосифа патріарха почитаю за патріарха, а святъ ли онъ — того не вѣдаю; церковныя вещи продавалъ я по государеву указу.»

Царь велѣлъ читать грамоту Никона къ патріарху Діонисію. Когда читали: «Посыланъ я въ Соловецкій монастырь за мощами Филиппа митрополита, котораго мучилъ царь Иванъ неправедно.» — Алексѣй Михайловичъ прервалъ чтеніе и сказалъ: «Для чего онъ такое безчестіе и укоризну царю Ивану Васильевичу написалъ, а о себѣ утаилъ, какъ онъ низвергъ безъ собора Павла, епископа коломенскаго, ободралъ съ него святительскія одежды и сослалъ въ Хутынскій монастырь, гдѣ его не стало безвѣстно; допросите его, по какимъ правиламъ онъ это сдѣлалъ?» Никонъ промолчалъ о царѣ Иванѣ и отвѣчалъ только относительно Павла: «По какимъ правиламъ я его низвергъ и сослалъ, того не помню, и гдѣ онъ пропалъ, того не вѣдаю, есть о немъ на патріаршемъ дворѣ дѣло.» — «На патріаршемъ дворѣ дѣла нѣтъ и не бывало, отлученъ епископъ Павелъ безъ собора,» возразилъ митрополитъ сарскій.

Никонъ молчалъ; стали опять читать письмо. Когда дошли до того мѣста, гдѣ говорилось, что царь началъ вступаться въ патріаршескія дѣла, то Алексѣй Михайловичъ сказалъ патріархамъ: «Допросите, въ какія архіерейскія дѣла я вступаюсь?» — «Что я писалъ, того не помню,» отвѣчалъ Никонъ. Продолжали читать: «оставилъ патріаршество вслѣдствіе государева гнѣва.» — «Допросите,» прервалъ царь: «какой гнѣвъ и обида?» Никонъ: «На Хитрово не далъ обороны, въ церковь ходить пересталъ; ушелъ я самъ собою, патріаршества не отрекался, государевъ гнѣвъ объ-

явленъ небу и землѣ, кромѣ сакоса и митры съ собою не взялъ ничего.» Патріархи: «Хотя бъ Богданъ Матвѣевичъ человѣка твоего и зашибъ, то тебѣ можно бы терпѣть и послѣдовать Іоанну Милостивому, какъ онъ отъ раба терпѣлъ; а еслибъ государевъ гнѣвъ на тебя и былъ, то тебѣ слѣдовало объ этомъ посовѣтоваться съ архіереями и къ великому государю посылать, бить челомъ о прощеніи, а не сердиться.» Тутъ послышался голосъ Хитрово, ободреннаго словами патріарховъ: «Во время стола я царскій чинъ исполнялъ,» началъ Богданъ Матвѣевичъ: «въ это время пришелъ патріарховъ человѣкъ и учинилъ мятежъ и я его зашибъ не знаючи, и въ томъ у Никона патріарха просилъ прощенія и онъ меня простилъ.» Раздались голоса съ обѣихъ сторонъ, съ архіерейской и боярской: «Отъ великаго государя Никону патріарху обиды никакой не было, пошелъ онъ не отъ обиды, съ сердца.»— «Когда онъ снималъ панагію и ризы,» говорили архіереи: «то говорилъ: аще помыслю въ патріархи, анаѳема да буду, панагію и посохъ оставилъ, взялъ клюку, а про государевъ гнѣвъ ничего не говорилъ; какъ поѣхалъ въ Воскресенскій монастырь, то за нимъ повезли его люди много сундуковъ съ имѣніемъ, да къ нему же отослано изъ патріаршей казны денегъ 2000 рублей.» — Патріархи: «Ты отрекся отъ архіерейства: снимая митру и омофоръ, говорилъ: *недостоинъ.*» Никонъ: «Въ отреченіи лжесвидѣтельствуютъ, еслибъ я вовсе отрекся, то архіерейской одежды съ собою не взялъ бы.»

Дочли въ письмѣ до выходки Никона противъ Уложенія: «Къ этой книгѣ,» сказалъ царь: «приложили руки патріархъ Іосифъ и весь освященный соборъ, и твоя рука приложена: для чего ты, какъ былъ на патріаршествѣ, эту книгу не исправилъ, и кто тебя за эту книгу хотѣлъ убить?» — «Я руку приложилъ по неволѣ,» отвѣчалъ Никонъ. Дочли до разсказа о пріѣздѣ князя Одоевскаго и Паисія Лигарида въ Воскресенскій монастырь. «Митрополитъ и князь,» сказалъ царь: «посланы были выговаривать ему его неправды, что писалъ ко мнѣ со многимъ безчестьемъ и съ клятвою, мои грамоты клалъ подъ Евангеліе; позорилъ онъ газскаго митрополита, а тотъ свидѣтельствованъ отцомъ духовнымъ и ставленная грамота у него есть.» Никонъ: «Я за обидящаго молился, а не клялъ; газскому митрополиту по правиламъ служить не слѣдуетъ, потому что епархію свою оставилъ и живетъ въ Москвѣ

долгое время; слышалъ я отъ дьякона Агаѳангела, что онъ іерусалимскимъ патріархомъ отлученъ и проклятъ; у меня много такихъ мужиковъ; мнѣ говорилъ бояринъ князь Никита Ивановичъ государевымъ словомъ, что Иванъ Сытинъ хочетъ меня зарѣзать.» Одоевскій: «Такихъ рѣчей я не говаривалъ, а Никонъ мнѣ говорилъ: «если хотите меня зарѣзать, то велите,» и грудь обнажалъ.» Патріархъ Макарій: «Митрополитъ газскій въ дьяконы и попы ставленъ въ Іерусалимѣ, а не въ Римѣ, я про это подлинно знаю.» Алмазъ Ивановъ: «Когда Никонъ, по вѣстямъ о непріятелѣ, пріѣзжалъ въ Москву, то мнѣ говорилъ, что отъ престола своего отрекся.»—Никонъ: «Никогда не говорилъ.»

Когда прочли въ грамотѣ, что царь посылалъ къ патріархамъ многіе дары, то Алексѣй Михайловичъ, обратясь къ Никону, сказалъ: «Я никакихъ даровъ не посылывалъ, писалъ, чтобъ пришли въ Москву для умиренія церкви; а ты посылалъ къ нимъ съ грамотами племянника своего, и далъ Черкашенину много золотыхъ.» Никонъ: «Я Черкашенину не давалъ, а далъ племяннику на дорогу.»

Читали о Зюзинѣ, о его ссылкѣ, о смерти жены его съ горя. Царь: «Зюзинъ достоинъ былъ за свое дѣло смертной казни, потому что призывалъ Никона въ Москву безъ моего повелѣнія и учинилъ многую смуту, а жена умерла отъ Никона, потому что онъ выдалъ мужа ея, показавъ его письмо.» Никонъ: «Я письма Зюзина прислалъ къ великому государю, оправдывая себя, что пріѣзжалъ по письмамъ, а не самъ собою.» Царь поднесъ патріархамъ Зюзинское дѣло и говорилъ: «Никонъ приходилъ въ Москву никѣмъ незванный, и изъ соборной церкви увезъ было Петра митрополита посохъ, а ребята его отрясали прахъ отъ ногъ своихъ: и то онъ какое добро учинилъ? и ребята его какіе учители, что такъ учинили?»—«Ребята прахъ отъ ногъ своихъ какъ отрясали, того я не видалъ,» отвѣчалъ Никонъ: «а какъ пріѣзжали за посохомъ въ Чернево, то меня томили, а иныхъ хотѣли побить до смерти.»—«До смерти побивать никого не было велѣно и не биты,» возразилъ царь.

Читали: «Которые люди за меня доброе слово молвятъ или какія письма объявятъ, тѣ въ заточеніе посланы и мукамъ преданы: поддьяконъ Никита умеръ въ оковахъ, попъ Сысой погубленъ, строитель Ааронъ сосланъ въ Соловецкій монастырь.»—«Никита,» прервалъ царь: «ѣздилъ отъ Никона къ Зюзину съ ссорными пись-

мами, сидѣлъ за карауломъ и умеръ своею смертію отъ болѣзни; Сысой вѣдомый воръ и ссорщикъ и сосланъ за многія плутовства; Ааронъ говорилъ про меня непристойныя слова и за то сосланъ; допросите, кто былъ мученъ?»— Никонъ: «Мнѣ объ этомъ сказывали.» Царь: «Ссорнымъ рѣчамъ вѣрить было ненадобно и ко вселенскимъ патріархамъ ложно не писать.»

Читали: «Архіереи по епархіямъ поставлены мимо правилъ св. Отецъ, запрещающихъ переводить изъ епархіи въ епархію. «Когда Никонъ,» сказалъ на это царь: «былъ на патріаршествѣ, то перевелъ изъ Твери архіепископа Лаврентія въ Казань и другихъ многихъ отъ мѣста къ мѣсту переводилъ.» Никонъ: «Я это дѣлалъ не по правиламъ, по невѣдѣнію.» Питиримъ: «Ты и самъ на новгородскую митрополію возведенъ на мѣсто живаго митрополита Авфонія.» — Никонъ: «Авфоній былъ безъ ума; чтобъ и тебѣ также обезумѣть!»

«Отъ сего беззаконнаго собора,» продолжали читать въ грамотѣ: «престало на Руси соединеніе съ восточными церквами и отъ благословенія вашего отлучились, отъ римскихъ костеловъ начатокъ пріяли волями своими.» Царь: «Никонъ насъ отъ благочестивой вѣры и отъ благословенія св. патріарховъ отчелъ и къ католической вѣрѣ причелъ и назвалъ всѣхъ еретиками! только бы его Никоново письмо до св. вселенскихъ патріарховъ дошло, то всѣмъ православнымъ христіанамъ быть бы подъ клятвою, и за то его ложное и затѣйное письмо надобно всѣмъ стоять и умирать и отъ того очиститься.»—«Чѣмъ Русь отъ соборной церкви отлучилась?» спросили патріархи Никона. «Тѣмъ,» отвѣчалъ онъ: «что Паисій газскій Питирима перевелъ изъ одной митрополіи въ другую и на его мѣсто поставилъ другаго митрополита; и другихъ архіереевъ съ мѣста на мѣсто переводили же; а ему то дѣлать не довелось, потому что отъ іерусалимскаго патріарха онъ отлученъ и проклятъ; да хотя бъ газскій митрополитъ и не еретикъ былъ, то ему на Москвѣ долго быть не для чего; я его митрополитомъ не почитаю, у него и ставленной грамоты нѣтъ; всякій мужикъ надѣнетъ на себя мантію — такъ онъ и митрополитъ! я писалъ все объ немъ, а не о православныхъ христіанахъ.» Оправданіе было слишкомъ ничтожно; враги Никона торжествовали; отовсюду поднялся крикъ: «онъ назвалъ еретиками всѣхъ насъ, а не одного газскаго митрополита; надобно учинить объ этомъ указъ по пра-

виламъ!» Никонъ увидалъ, куда завела его привычка употреблять сильныя, необдуманныя рѣчи; но опять по привычкѣ всегда во всемъ обвинять другихъ, а не себя, онъ обратился къ государю и сказалъ: «Только бъ ты Бога боялся, то такъ бы надо мною не дѣлалъ.»

Царь не отвѣчалъ ничего. Когда всѣ успокоились, стали опять читать грамоту Никона къ патріархамъ; читали жалобу его на поставленіе духовныхъ по государеву указу, на тяжелые сборы съ церквей и монастырей; царь объяснилъ дѣло: «Какъ прежде бывало во время междупатріаршества,» сказалъ онъ: «такъ дѣлается и теперь на счетъ поставленія духовныхъ лицъ: возводятъ въ степени архіереи соборомъ. Если что изъ патріаршей казны взято, то взято въ займы; съ архіереевъ и монастырей брались даточные люди, деньги и хлѣбъ по прежнему обычаю; а онъ Никонъ патріархъ на строеніе Новаго Воскресенскаго монастыря бралъ изъ домовой казны большія деньги, которыя взяты были съ архіереевъ и монастырей вмѣсто даточныхъ людей; да онъ же бралъ съ архіереевъ и монастырей многія подводы самовольствомъ.» Никонъ отвѣчалъ, что ничего никогда не бралъ. Когда прочли мѣсто о Меѳодіи Мстиславскомъ, то царь сказалъ: «Епископъ Меѳодій посланъ въ Кіевъ не митрополитомъ, а блюстителемъ, и объ этомъ писалъ я къ константинопольскому патріарху.» Относительно поведенія Питирима отвѣчалъ самъ обвиненный: «Въ божественныхъ службахъ въ соборной церкви я стоялъ и сидѣлъ гдѣ мнѣ слѣдуетъ, а не на патріаршескомъ мѣстѣ; въ недѣлю ваій дѣйствовалъ по государеву указу, а не самъ собою.» Никонъ: «Тебѣ дѣйствовать не довелось: то дѣйство наше патріаршеское.» Царь: «Какъ ты былъ въ Новгородѣ митрополитомъ, то самъ дѣйствовалъ; а въ твое патріаршество въ Новгородѣ, Казани и Ростовѣ митрополиты дѣйствовали же.» Никонъ: «Это я дѣлалъ по невѣдѣнію.» Дошли и до Стрѣшневской собаки. «Никонъ,» сказалъ при этомъ царь: «ко мнѣ ничего не писалъ, а бояринъ Семенъ Лукьяновичъ передо мною сказалъ съ клятвою, что ничего такого не бывало.» Духовенство свидѣтельствовало, что Никонъ проклялъ Стрѣшнева понапрасну безъ собора, а бояринъ Петръ Михайловичъ Салтыковъ прибавилъ, что патріархъ разрѣшилъ Стрѣшнева отъ клятвы и простилъ и грамоту къ нему прощальную прислалъ. Никонъ не говорилъ ничего, но когда чтеніе гра-

моты кончилось, то онъ сказалъ царю: «Богъ тебя судитъ; я узналъ на избраніи своемъ, что ты будешь ко мнѣ добръ шесть лѣтъ, а потомъ буду я возненавидѣнъ и мученъ.» Царь обратился къ патріархамъ: «Допросите его, какъ онъ это узналъ на избраніи своемъ?» Никонъ на этоэъ вопросъ не отвѣчалъ ничего. Тутъ Иларіонъ рязанскій воспользовался случаемъ, чтобъ упомянуть о другихъ пророчествахъ Никона: «Онъ говорилъ,» началъ Иларіонъ: «что видѣлъ звѣзду метлою и отъ того будетъ московскому государству погибель: пусть скажетъ, отъ какого духа онъ это увѣдалъ?» Никонъ: «И въ прежнемъ законѣ такія знаменія бывали, на Москвѣ это и сбудется; Господь пророчествовалъ на горѣ Элеонской о разореніи Іерусалима за четыреста лѣтъ». Всѣ утомились, особенно царь и Никонъ, стоявшіе все время на ногахъ. Патріархи кончили засѣданіе, велѣвъ Никону идти на подворье.

Между разными голосами, поднимавшимися противъ Никона на соборѣ, мы не слыхали голоса Паисія Лигарида. Онъ даже почелъ за полезное для себя уклониться отъ развязки дѣла, въ которомъ такъ сильно участвовалъ прежде, и подалъ царю просьбу: «Я пришелъ сюда не для того, чтобъ спорить съ Никономъ или судить его, но для облегченія моей епархіи отъ долга на ней тяготѣющаго. Я принялъ щедрую милостыню твою, которой половину укралъ воръ Агаѳангелъ: предаю его вѣчному проклятію какъ новаго Іуду! Прошу отпустить меня, пока не съѣдется въ Москву весь соборъ; если столько натерпѣлся я прежде собора, то чего не натерплюсь послѣ собора? довольно, всемилостивѣйшій царь! довольно! не могу больше служить твоей святой палатѣ; отпусти раба своего, отпусти! какъ вольный, незванный пришелъ я сюда, такъ пусть вольно мнѣ будетъ и отъѣхать отсюда въ свою митрополію.» Паисія не отпустили изъ Москвы, но онъ счелъ нужнымъ для себя молчать во время споровъ съ Никономъ.

3-го декабря было второе засѣданіе безъ Никона. Царь объявилъ патріархамъ, что вчера, 2 числа, онъ посылалъ Никону ѣду и питье, но тотъ не принялъ и сказалъ, что у него и своего есть много и будто онъ о томъ къ нему, великому государю, не приказывалъ. «Никонъ дѣлаетъ все изступя ума своего» отвѣчали патріархи. Когда подсудимый вошелъ, царь, опять сойдя съ своего мѣста, говорилъ патріархамъ рѣчь и всѣ присутствующіе били челомъ на Никона: «Бранясь съ митрополитомъ Газскимъ,

писалъ онъ въ грамотѣ къ константинопольскому патріарху, будто все православное христіанство отъ восточной церкви отложилось къ западному костелу, тогда какъ святая соборная восточная церковь имѣетъ въ себѣ Спасителя нашего Бога многоцѣлебную ризу и многихъ святыхъ московскихъ чудотворцевъ мощи и никакого отлученія не бывало, держимъ и вѣруемъ по преданію св. Апостоловъ и св. Отецъ истинно: бьемъ челомъ, чтобъ патріархи отъ такого названія православныхъ христіанъ очистили.» Тутъ царь и весь соборъ патріархамъ поклонились до земли. «Это дѣло великое,» отвѣчали патріархи: «за него надобно стоять крѣпко; когда Никонъ всѣхъ православныхъ христіанъ еретиками назвалъ, то онъ и насъ также назвалъ еретиками, будто мы пришли еретиковъ разсуждать, а мы въ московскомъ государствѣ видимъ православныхъ христіанъ; мы станемъ за это Никона патріарха судить и православныхъ христіанъ оборонять по правиламъ.» Выставивши съ такою торжественною обстановкою главный пунктъ обвиненія противъ Никона, показавши, что не можетъ быть примиренія съ пастыремъ, такъ жестоко оскорбившимъ паству, обвинившимъ ее въ неправославіи, для усиленія впечатлѣнія представили патріархамъ самую важную улику на Никона, потрясавшую довѣріе къ его словамъ, къ его оправданіямъ: до сихъ поръ Никонъ постоянно утверждалъ, что онъ не отказывался отъ патріаршества; теперь царь подалъ патріархамъ три письма, въ которыхъ Никонъ называлъ себя *бывшимъ* патріархомъ. Патріархи объявили: «въ законахъ написано: кто уличится во лжи трижды, тому впередъ вѣрить ни въ чемъ не должно; Никонъ патріархъ объявился во многихъ лжахъ, и ему ни въ чемъ вѣрить не подобаетъ; кто кого оклеветалъ, подвергается той же казни, какая присуждена обвиненному имъ; кто на кого возведетъ еретичество и не докажетъ, тотъ достоинъ—священникъ низверженія, а мірской человѣкъ проклятія.» Царь поднесъ письмо Никона о поставленіи новаго патріарха на его мѣсто. Патріархи продолжали: «Когда Теймуразъ былъ у царскаго стола, то Никонъ прислалъ человѣка своего, чтобъ смуту учинить, а въ законахъ написано: кто между царемъ учинитъ смуту, тотъ достоинъ смерти, и кто Никонова человѣка ударилъ, того Богъ проститъ. потому что подобаетъ такъ быть.» При этихъ словахъ антіохійскій патріархъ всталъ и осѣнилъ Хитрово, потомъ продолжалъ: «Архіе-

пископа сербскаго Гаврiила били Никоновы крестьяне въ селѣ Пушкинѣ, и Никонъ обороны не далъ; да онъ же Никонъ въ соборной церкви, въ алтарѣ, во время литургiи съ нѣкотораго архiерея снялъ шапку и бранилъ всячески за то, что не такъ кадило держалъ; онъ же Никонъ на ердань ходилъ въ навечерiи Богоявленiя, а не въ самый праздникъ.»

5-го декабря третье засѣданiе собора въ присутствiи Никова. Еще до прихода послѣдняго, государь обратился къ патрiархамъ: «Никонъ,» сказалъ онъ: «прiѣхалъ въ Москву и на меня налагаетъ судьбы Божiи за то, что соборъ приговорилъ и велѣлъ ему въ Москву прiѣхать не съ большими людьми. Когда онъ ѣхалъ въ Москву, то по моему указу у него взятъ малый (Шушера) за то, что онъ въ девятилѣтнее время къ Никону носилъ всякiя вѣсти и чинилъ многую ссору. Никонъ за этого малаго меня поноситъ и безчеститъ, говоритъ: царь меня мучитъ, велѣлъ отнять малаго изъ-подъ креста; если Никонъ на соборѣ станетъ объ этомъ говорить, то вы, св. патрiархи, вѣдайте; да и про то вѣдайте, что Никонъ передъ поѣздкою своею въ Москву исповѣдовался, прiобщался и масломъ освящался.» Патрiархи подивились гораздо. Когда Никонъ вошелъ, то патрiархъ Паисiй началъ говорить ему, что онъ отрекся отъ патрiаршескаго престола съ клятвою и ушелъ безъ законной причины. «Я не отрекался съ клятвою,» отвѣчалъ Никонъ: «я засвидѣтельствовался небомъ и землею и ушелъ отъ государева гнѣва, и теперь иду куда великiй государь изволитъ, благое по нуждѣ не бываетъ.» Патрiархи: «Многiе слышали, какъ ты отрекся отъ патрiаршества съ клятвою.» Никонъ: «Это на меня затѣяли; а если я негоденъ, то куда царское величество изволитъ, туда и пойду.» Патрiархи: «Кто тебѣ велѣлъ писаться патрiархомъ Новаго Iерусалима?» Никонъ: «Не писывалъ и не говаривалъ.» Тутъ Иларiонъ рязанскiй показалъ письмо его гдѣ именно такъ было написано. Никонъ: «Рука моя, развѣ описался. Слышалъ я отъ Грековъ, что на Антiохiйскомъ и Александрiйскомъ престолахъ иные патрiархи сидятъ: чтобъ государь приказалъ свидѣтельствовать, пусть патрiархи положатъ Евангелiе.» Патрiархи: Мы патрiархи истинные, не изверженные и не отрекались отъ престоловъ своихъ; развѣ Турки безъ насъ что сдѣлали; но если кто дерзнулъ на наши престолы беззаконно, по принужденiю султана, тотъ не патрiархъ, прелюбодѣй; а св.

Евангелію быть не для чего, архіерею не подобаетъ Евангеліемъ клясться.» Никонъ: «Отъ сего часа свидѣтельствуюсь Богомъ, что не буду передъ патріархами говорить, пока константинопольскій и іерусалимскій сюда будутъ». Иларіонъ рязанскій: «Какъ ты не боишься суда Божія: и вселенскихъ-то патріарховъ безчестишь!» Патріархи, обратясь къ собору: «Скажите правду про отрицаніе Никоново съ клятвою!» Питиримъ новгородскій и Іоасафъ тверской показали, что Никонъ отрекся и говорилъ: если буду патріархъ, то анаѳема буду. Никонъ: «Я назадъ не поварачиваюсь и не говорю, что мнѣ быть па престолѣ патріаршескомъ; а кто по мнѣ будетъ патріархъ, тотъ будетъ анаѳема; такъ я и писалъ къ государю, что безъ моего совѣта не поставлять другаго патріарха. Я теперь о престолѣ ничего не говорю; какъ изволитъ великій государь и вселенскіе патріархи.» Патріархи велѣли читать правила амасійскому митрополиту по-гречески, а по-русски читалъ Иларіонъ рязанскій. Читали: «Кто покинетъ престолъ волею, безъ навѣтовъ, тому впредь не быть на престолѣ.» Никонъ: «Эти правила не апостольскія, и не вселенскихъ соборовъ и не помѣстныхъ, я этихъ правилъ не принимаю и не внимаю.» Павелъ Крутицкій: «Эти правила приняла церковь.» Никонъ: «Ихъ въ русской Кормчей нѣтъ, а греческія правила непрямыя, ихъ патріархи отъ себя написали, а печатали ихъ еретики; а я не отрекался отъ престола, это на меня затѣяли.» Патріархи: «Наши греческія правила прямыя!» Тверской архіепископъ Іоасафъ: «Когда онъ отрекался съ клятвою отъ патріаршескаго престола, то мы его молили, чтобъ не покидалъ престола; но онъ говорилъ, что разъ отрекся и больше не будетъ патріархомъ, а если возвратится, то будетъ анаѳема.» Никонъ по прежнему отвергалъ это показаніе. Тутъ всталъ Родіонъ Стрѣшневъ и объявилъ: «Никонъ говорилъ, что обѣщалъ быть на патріаршествѣ только три года.» Никонъ: «Я не возвращаюсь на престолъ; воленъ великій государь.» Алмазъ Ивановъ: «Никонъ писалъ государю, что ему не подобаетъ возвратиться на престолъ яко псу на своя блевотины.» Никонъ отперся и прибавилъ: «Не только меня, и Златоуста изгнали неправедно;» потомъ, обратясь къ царю, сказалъ: «Когда на Москвѣ учинился бунтъ, то и ты, царское величество, самъ неправду свидѣтельствовалъ, а я, испугавшись, пошелъ отъ твоего гнѣва.» Царь: «Непристойныя рѣчи, безчестя меня, говоришь: на меня

никто бунтомъ не прихаживалъ, а что приходили земскіе люди, и то не на меня, приходили бить челомъ мнѣ объ обидахъ.» Со всѣхъ сторонъ поднялись крики: «Какъ ты не боишься Бога непристойныя рѣчи говорить и великаго государя безчестить!» Патріархи: «Для чего ты клобукъ черный съ херувимами носишь и двѣ панагіи?» Никонъ: «Ношу черный клобукъ по примѣру греческихъ патріарховъ; херувимовъ ношу по примѣру московскихъ патріарховъ, которые носили ихъ на бѣломъ клобукѣ: съ одною панагіею съ патріаршества сошелъ, а другая—крестъ, въ помощь себѣ ношу.» Архіереи: «Когда отрекся отъ патріаршества, то бѣлаго клобука съ собою не взялъ, взялъ простой монашескій, а теперь носишъ съ херувимомъ.» Антіохійскій патріархъ: «Знаешь ли, что антіохійскій патріархъ судья вселенскій?» Никонъ: «Тамъ себѣ и суди; въ Александріи и Антіохіи нынѣ патріарховъ нѣтъ: александрійскій живетъ въ Египтѣ, антіохійскій въ Дамаскѣ.» Патріархи: «Когда благословили вселенскіе патріархи Іова митрополита московскаго на патріаршество, въ то время гдѣ они жили?» Никонъ: «Я въ то время не великъ былъ.» Патріархи: «Слушай правила святыя.» Никонъ: «Греческія правила непрямыя, печатали ихъ еретики.» Патріархи: «Приложи руку, что нашъ номоканонъ еретическій, и скажи имянно, какія въ немъ ереси?» Никонъ отказался это сдѣлать. Патріархи: «Скажи, сколько епископовъ судятъ епископа и сколько патріарха?» Никонъ: «Епископа судятъ 12 епископовъ, а патріарха вся вселенная.» Патріархи: «Ты *одинъ* Павла епископа низвергъ не по правиламъ.» Царь: «Вѣришь ли всѣмъ вселенскимъ патріархамъ? они подписались своими руками, что антіохійскій и александрійскій пришли по ихъ согласію въ Москву.» Никонъ посмотрѣлъ на подписи и сказалъ: «Рукъ ихъ не знаю.» Антіохійскій патріархъ: «Истинныя то руки патріаршескія!» Никонъ антіохійскому: «Широкъ ты здѣсь; какъ то ты отвѣтъ дашь предъ константинопольскимъ патріархомъ!» Голоса съ разныхъ сторонъ: «Какъ ты Бога не боишься, великаго государя безчестишь и вселенскихъ патріарховъ и всю истину во лжу ставишь!» Патріархи велѣли взять у Никона крестъ, который передъ нимъ носили, на томъ основаніи, что ни у одного патріарха нѣтъ такого обычая, а Никонъ взялъ отъ Латынниковъ. Начался опять споръ объ отреченіи; наконецъ патріархи сказали: «Написано: по нуждѣ и дьяволъ исповѣдуетъ истину, а Никонъ

истины не исповѣдуетъ.» Произнесли приговоръ: «Отселѣ не будеши патріархъ и священная да не дѣйствуеши, но будеши яко простой монахъ.»

8-го декабря патріархи сидѣли у государя наединѣ три часа. 12-го декабря они собрались съ духовенствомъ въ крестовой патріаршей и послали просить государя, чтобъ отрядилъ къ нимъ кого-нибудь изъ синклита; царь прислалъ князя Никиту Ивановича Одоевскаго, боярина Петра Михайловича Салтыкова, думнаго дворянина Елизарова, думнаго дьяка Алмаза Иванова. Никонъ дожидался въ сѣняхъ передъ крестовою. Патріархи отправились въ церковь, которая была на воротахъ Чудова монастыря, и стали на своихъ мѣстахъ въ саккосахъ, другіе архіереи въ саккосахъ же стояли по чину. Позвали Никона; онъ вошелъ, помолился иконамъ, поклонился патріархамъ дважды въ поясъ и сталъ по лѣвую сторону западныхъ дверей. Начали читать выписку изъ соборнаго дѣянія по-гречески и по-русски; когда чтеніе кончилось, патріархи сошли съ своихъ мѣстъ, стали у царскихъ дверей, подозвали Никона къ себѣ и перечислили его вины, которыя состояли въ слѣдующемъ: «Проклиналъ россійскихъ архіереевъ въ недѣлю православія мимо всякаго стязанія и суда; покинутіемъ престола заставилъ церковь вдовствовать восемь лѣтъ и шесть мѣсяцевъ; ругаяся двоимъ архіереямъ, одного называлъ Анною, другаго Каіафою; изъ двоихъ бояръ одного называлъ Иродомъ, другаго Пилатомъ; когда былъ призванъ на соборъ по обычаю церковному, то пришелъ не смиреннымъ обычаемъ, и не переставалъ порицать патріарховъ, говоря, что они не владѣютъ древними престолами, но скитаются внѣ своихъ епархій, судъ ихъ уничижилъ и всѣ правила среднихъ и помѣстныхъ соборовъ, бывшихъ по седьмомъ вселенскомъ, всячески отвергъ; номоканонъ назвалъ книгою еретическою, потому что напечатанъ въ странахъ западныхъ; въ письмахъ къ патріархамъ православнѣйшаго государя обвинилъ въ латинствѣ, называлъ мучителемъ неправеднымъ, уподоблялъ его Іеровоаму и Осіи, говорилъ, что синклитъ и вся россійская церковь приклонились къ латинскимъ догматамъ: но порицающій стадо ему врученное не пастырь, а наемникъ; архіерея одинъ самъ собою низвергъ; по низложеніи съ Павла, епископа коломенскаго, мантію снялъ и предалъ на лютое біеніе, архіерей этотъ сошелъ съ ума и по-

гибъ безвѣстно, звѣрями ли заѣденъ, или въ водѣ утонулъ, или другимъ какимъ-нибудь образомъ погибъ; отца своего духовнаго повелѣлъ безъ милости бить и патріархи сами язвы его видѣли; живя въ монастырѣ Воскресенскомъ, многихъ людей, иноковъ и бѣльцовъ наказывалъ не духовно, не кротостію за преступленія, но мучилъ мірскими казнями, кнутомъ, палицами, иныхъ на пыткѣ жегъ.» Когда вины были объявлены, патріархъ александрійскій снялъ съ Никона клобукъ и панагію, и сказалъ ему, чтобъ впередъ патріархомъ не назывался и не писался, назывался бы просто монахомъ Никономъ, въ монастырѣ жилъ бы тихо и безмятежно и о своихъ согрѣшеніяхъ молилъ всемилостиваго Бога. «Знаю я и безъ вашего поученія, какъ жить,» отвѣчалъ Никонъ: «а что вы клобукъ и панагію съ меня сняли, то жемчугъ съ нихъ раздѣлите по себѣ, достанется вамъ жемчугу золотниковъ по пяти и по шести, да золотыхъ по десяти. Вы султанскіе невольники, бродяги, ходите всюду за милостынею, чтобъ было чѣмъ заплатить дань султану; откуда взяли вы эти законы? зачѣмъ вы дѣйствуете здѣсь тайно, какъ воры, въ монастырской церкви, въ отсутствіи царя, думы и народа? при всемъ народѣ упросили меня принять патріаршество; я согласился, видя слезы народа, слыша страшныя клятвы царя; поставленъ я въ патріархи въ соборной церкви, предъ всенароднымъ множествомъ; а если теперь захотѣлось вамъ осудить насъ и низвергнуть, то пойдемъ въ ту же церковь, гдѣ я принялъ пастырскій жезлъ, и если окажусь достойнымъ низверженія, то подвергните меня чему хотите.» Ему отвѣчали, что все равно, въ какой бы церкви ни было произнесено опредѣленіе собора, лишь было бы оно по совѣту государя и всѣхъ архіереевъ. На Никона надѣли простой клобукъ, снятый съ греческаго монаха; но архіерейскаго посоха и мантіи у него не взяли, страха ради народнаго, по однимъ извѣстіямъ, по просьбѣ царя, по другимъ.

Мѣстомъ заточенія для низверженнаго патріарха назначенъ былъ Ѳерапонтовъ Бѣлозерскій монастырь, куда отправились съ нимъ два священника черныхъ, два дьякона, одинъ простой монахъ и два бѣльца. Садясь въ сани, Никонъ сталъ говорить, обращаясь къ самому себѣ: «Никонъ! отъ чего все это тебѣ приключилось? не говори правды, не теряй дружбы! если бы ты давалъ богатые обѣды и вечерялъ съ ними, то не случилось бы съ

тобою этого.» Никона везли изъ Чудова монастыря подъ прикрытіемъ ратныхъ людей, но толпа народа слѣдовала за нимъ. Позади саней шелъ спасо-ярославскій архимандритъ Сергій, и когда Никонъ начиналъ что-нибудь говорить, Сергій кричалъ: «Молчи, Никонъ!» Тотъ обратился къ своему прежнему эконому: «Скажи Сергію, что если онъ имѣетъ власть, то пусть придетъ и зажметъ мнѣ ротъ.» Экономъ исполнилъ порученіе, причемъ назвалъ Никона святѣйшимъ патріархомъ. «Какъ ты смѣешь,» закричалъ Сергій: «называть патріархомъ простаго чернеца!» Въ отвѣтъ послышался голосъ изъ толпы: «Что ты кричишь! имя патріаршеское дано ему свыше, а не отъ тебя гордаго.» Сергій обратился къ стрѣльцамъ съ требованіемъ, чтобъ схватили дерзкаго; ему отвѣчали, что онъ уже схваченъ и отведенъ куда слѣдуетъ. Никонъ ночевалъ на земскомъ дворѣ. На другой день, 13 декабря, назначенъ былъ выѣздъ; царь прислалъ Никону денегъ и шубу на дорогу: тотъ не взялъ; царь просилъ благословенія себѣ и всему семейству своему: Никонъ не далъ благословенія. Народъ сталъ собираться въ Кремль; ему сказали, что Никона повезутъ по Срѣтенкѣ; но когда толпы отхлынули въ Китай, Никона повезли по другой дорогѣ. Наблюдать за Никономъ былъ посланъ нижегородскаго Печерскаго монастыря архимандритъ Іосифъ.

21 декабря Никонъ былъ уже въ Ѳерапонтовѣ: первымъ дѣломъ Іосифа было потребовать отъ него архіерейскую мантію и посохъ; Никонъ отдалъ безо всякаго возраженія; просилъ только, чтобъ монаховъ и бѣльцовъ, которые съ нимъ пріѣхали, пускать по волѣ всюду, куда они ни захотятъ. На смѣну Іосифу нижегородскому отправился другой Іосифъ, архимандритъ новоспасскій, которому данъ былъ наказъ: «Беречь, чтобъ монахъ Никонъ писемъ никакихъ не писалъ и никуда не посылалъ; беречь накрѣпко, чтобъ никто никакого оскорбленія ему не дѣлалъ; монастырскимъ ему владѣть ничѣмъ не велѣть, а пищу и всякій келейный покой давать ему по его потребѣ.»

Но этотъ наказъ не могъ быть легко исполненъ относительно ѳерапонтовскаго заточника. Никонъ, по своей природѣ, не могъ оставаться въ покоѣ и оставлять другихъ въ покоѣ; значеніе патріарха было слишкомъ велико на Руси; Никонъ, и будучи въ Москвѣ, и будучи въ Воскресенскомъ монастырѣ, надѣлалъ слишкомъ много шуму, произвелъ слишкомъ сильное впечатлѣніе, ко-

торое не теряло этой силы по мѣрѣ отдаленія отъ главной сцены дѣйствія; Русскіе люди того времени такъ легко подчинялись вліянію лица, умѣвшаго внѣшними средствами выставить права, хотя бы даже мнимыя, хотя бы даже исчезнувшія; наконецъ, самъ царь Алексѣй Михайловичъ, по природѣ своей, не давалъ Никону успокоиться, самъ поддерживалъ въ немъ мечты о возможности перемѣны, самъ поддерживалъ въ немъ притязанія на значеніе высшее того, какое оставилъ при немъ соборъ. Сильно раздраженный письмомъ Никона къ патріархамъ, Алексѣй Михайловичъ схватился враждебно на соборѣ съ прежнимъ своимъ *собиннымъ* пріятелемъ, когда увидалъ его лицемъ къ лицу, также гнѣвнаго, попрежнему гордаго, неуступчиваго, скораго на обиду. Но когда дѣло кончилось, приговоръ былъ произнесенъ—и вмѣсто святѣйшаго патріарха, великаго государя Никона въ воображеніи царя явился бѣдный монахъ Никонъ, ссыльный въ холодной пустыни Бѣлозерской, гнѣвъ прошелъ. прежнее начало пробуждаться, Алексѣй Михайловичу стало жалко, ему стало страшно... Въ религіозной душѣ царя поднимался вопросъ: по христіански ли поступилъ онъ? не долженъ ли онъ искать примиренія съ Никономъ, хотя и не былъ въ правѣ измѣнять приговора соборнаго? Мы видѣли, какъ онъ передъ отъѣздомъ Никона въ Ѳерапонтовъ послалъ просить у него благословенія; потомъ, когда въ 1667 году на перемѣну приставу Шепелеву посланъ былъ изъ Москвы въ Ѳерапонтовъ новый приставъ Наумовъ, то царь поручилъ ему также просить у Никона себѣ благословенія и прощенія. Но Никонъ не понялъ или не хотѣлъ понять побужденій, руководившихъ царемъ въ этомъ случаѣ; не въ его характерѣ было сообразоваться съ христіанскою заповѣдію о прощеніи враговъ, о примиреніи съ братомъ прежде приступленія къ алтарю; онъ хотѣлъ воспользоваться совѣстливостію царя въ этомъ отношеніи для улучшенія своей участи: «Ты боишься грѣха, просишь у меня благословенія, примиренія; но я даромъ тебя не благословлю, не помирюсь; возврати изъ заточенія, такъ прощу.»—«Когда передъ моимъ выѣздомъ изъ Москвы,» писалъ Никонъ царю: «ты присылалъ Родіона Стрѣшнева съ милостынею и съ просьбою о прощеніи и благословеніи, я сказалъ ему — ждать суда Божія. Опять Наумовъ говорилъ мнѣ тѣ же слова: и ему я тоже отвѣчалъ, что мнѣ нельзя дать просто благословенія и прощенія: ты

меня осудилъ и заточилъ, и я тебя трикраты проклялъ по божественнымъ заповѣдямъ, паче Содома и Гомора: въ первый разъ какъ уходилъ съ патріаршества ради гнѣва твоего, выходя изъ церкви, отрясъ прахъ отъ ногъ своихъ; во второй разъ какъ приходилъ передъ Рождествомъ, и былъ изгнанъ — во всѣхъ воротахъ городскихъ отрясалъ прахъ; въ третій разъ какъ былъ у тебя въ столовой въ другой разъ, выходя, сталъ посреди столовой и, обратясь къ тебѣ, отрясая прахъ ногъ, говорилъ: кровь моя и грѣхъ всѣхъ буди на твоей главѣ!»

Съ этою же цѣлію напугать царя Никонъ въ Ѳерапонтовѣ вздумалъ повторить то же, что онъ сдѣлалъ въ Москвѣ во время суда надъ нимъ. 6 марта 1667 года является къ Наумову монахъ и говоритъ ему отъ имени Никона: «Пошли за всякими запасами въ Воскресенскій монастырь, а государевыхъ запасовъ принимать и ѣсть мы не хотимъ, потому что Никонъ патріархъ на государя гнѣвается, государь его сослалъ въ ссылку, а не вселенскіе патріархи, и за это намъ государева подаянія принимать и есть нельзя.»—«Какъ ты смѣешь называть Никона патріархомъ!» сказалъ Наумовъ монаху.—«Тебя я не слушаю,» отвѣчалъ тотъ: «а Никона и впередъ буду называть патріархомъ и подъ благословеніе ходить; слышали мы и то, что теперь поставленъ новый патріархъ Іосафъ, и то не прямой патріархъ, и вселенскіе патріархи непрямые, отставные и нанятые, просили они у нашего Никона патріарха посулу 3000 и говорили: ты у насъ попрежнему будешь патріархъ; Никонъ 3000 имъ не далъ, и они, за то на него осердясь, и отставили.» Еще болѣе придалъ духа Никону пріѣздъ стряпчаго Ивана Образцова въ іюлѣ 1667 года. Видя, что Наумовъ слишкомъ строго держитъ заточника, Образцовъ посадилъ Наумова въ сторожку, гдѣ тотъ и сидѣлъ часа съ три. Никонъ сердился и говорилъ: «Степанъ мучилъ меня тридцать недѣль, а его посадили только на три часа.» Наумовъ пришелъ къ нему просить прощенія, кланялся и говорилъ: «Я человѣкъ невольный: какъ мнѣ приказано, такъ и дѣлалъ.» Никонъ за эти слова его простилъ и съ тѣхъ поръ началась у нихъ дружба. Приставъ началъ приходить къ Никону и разсказывать всякія вѣсти изъ Москвы. Оба—и приставъ, и заточникъ, съ одинакою легкостію вѣрили всякимъ слухамъ: такъ однажды люди Наумова, возвратясь изъ Москвы, разсказывали, что Никону быть папою. На-

умовъ испугался, началъ Никона патріархомъ звать и подъ руки водить; толковалъ: «Дай государю благословеніе и прощеніе, а государь тебѣ ни за что не постоитъ, голова моя въ томъ!» разсказывалъ, будто государь, отпуская его въ Ѳерапонтовъ, наказывалъ умаливать Никона о благословеніи и прощеніи; а когда онъ запросилъ наказа на письмѣ, то Алексѣй Михайловичъ разсердился и сказалъ: «Что жь мнѣ тебѣ запись дать, чтобъ ты ее съ женою дома читалъ, а словамъ моимъ не вѣришь!» Съ 23 іюля начали къ Никону пріѣзжать всякихъ чиновъ люди, изъ городовъ посадскіе, съ Бѣлаозера земской избы староста, да кружечнаго двора голова, Каргопольцы, изъ разныхъ монастырей монахи, изъ дѣвичья Воскресенскаго монастыря игуменья Марѳа; всѣ эти гости подходили къ Никону подъ благословеніе, цѣловали его руку, величали патріархомъ, сидѣли у него въ кельѣ съ утра до вечера; въ дѣвичій монастырь за монахинями Никонъ посылалъ на монастырскихъ подводахъ, сталъ владѣть всѣмъ монастыремъ и монастырскою вотчиною; на представленія Наумова отвѣчалъ съ сердцемъ: «Не указалъ тебѣ государь ни въ чемъ меня вѣдать.» Изъ старыхъ вотчинъ его, изъ села Короткова и изъ села Богословскаго, начали пріѣзжать монахи и крестьяне съ челобитьями объ указѣ и привозили деньги. Наумовъ, по наказу, запрещалъ давать Никону бумагу и чернила; тотъ дразнилъ его: «Ты мнѣ запрещаешь давать бумаги и чернилъ, а я съ Москвы съ собою привезъ четыре чернильницы и бумагу, вотъ смотри!» и показывалъ бумаги дестей съ восемь. Архимандритъ Іосифъ и ѳерапонтовскій игуменъ Аѳанасій увлеклись общимъ примѣромъ, начали Никона называть патріархомъ, цѣловать въ руку, поминать на ектеніяхъ попрежнему; Іосифъ дурно отзывался о новомъ патріархѣ Іосафѣ; Никону это очень нравилось и онъ дарилъ Іосифа суконами и шубами.

Но почетъ, оказываемый въ Ѳерапонтовѣ, не могъ утѣшить Никона, который жаждалъ возвращенія изъ ссылки, а объ этомъ возвращеніи не было слуху. Въ августѣ пришелъ указъ изъ Москвы—взять и сослать служку Яковлева за то, что онъ, не спросясь съ Наумовымъ, ѣздитъ всюду по порученію Никона. Никонъ, по своему обычаю, вспылилъ, называлъ Наумова воромъ, царскую грамоту ложною, кричалъ: «Это все дѣлаетъ Дементій Башмаковъ безъ государева указа!» Покричавши, наконецъ вы-

далъ службу. Этотъ случай показалъ ему, что въ Москвѣ не только не думаютъ о его возвращеніи, но даже и о смягченіи наказа приставу. Никонъ попробовалъ, нельзя ли уступчивостію получить то, что прежде хотѣлъ взять жесточью, угрозою. Прежде онъ отказывалъ дать царю благословеніе и прощеніе, требуя, чтобъ царь сперва возвратилъ его изъ ссылки; теперь онъ посылаетъ благословеніе и прощеніе, въ надеждѣ, что слѣдствіемъ этого будетъ возвращеніе изъ Ѳерапонтова. Онъ призвалъ Наумова и спросилъ: «Какой съ тобою ко мнѣ приказъ отъ великаго государя?» Наумовъ повторилъ, что государь приказывалъ просить его о благословеніи и прощеніи. Тогда Никонъ отдалъ ему письмо для отсылки къ государю: «Великому царю государю и великому князю богомолецъ вашъ смиренный Никонъ милостію Божіею патріархъ Бога моля челомъ бью. Въ нынѣшнемъ 176 (1667) году сентября 7 приходилъ ко мнѣ Степанъ Наумовъ и говорилъ мнѣ вашимъ государскимъ словомъ, что велѣно ему съ великимъ прошеніемъ молить и просить о умиреніи, чтобъ я, богомолецъ вашъ, тебѣ великому государю подалъ благословеніе и прощеніе, а ты меня, по своему государскому разсмотрѣнію, милостію своею пожалуешь. И я тебя, царицу, царевичей и царевенъ благословляю и прощаю, а когда ваши государскія очи увижу, тогда вамъ государямъ со святымъ молитвословіемъ наипаче прощу и разрѣшу, яко же св. Евангеліе наказуетъ и дѣянія св. Апостолъ всюду съ возложеніемъ рукъ прощеніе и цѣльбу творить.»

Но прошелъ годъ — изъ Москвы отвѣта не было; Никонъ вышелъ изъ терпѣнія и рѣшился напомнить о себѣ другимъ способомъ. Въ октябрѣ 1668 года явился въ Москву отъ него монахъ Флавіанъ и подалъ царю письмо: «Иже живъ сый привмѣненный съ нисходящими въ ровъ, сѣдяй во тьмѣ и сѣни смертней, окованъ нищетою паче желѣзъ, богомолецъ вашъ смиренный Никонъ милостію Божіею патріархъ. Извѣщаю вамъ, великимъ государямъ, за собою великое ваше слово, а писать тебѣ нельзя, боюсь измѣнниковъ твоихъ: послыша такое твое большое дѣло, меня изведутъ, а твое дѣло погаснетъ безъ вѣсти. Приставъ Степанъ Наумовъ, приходя, сказывалъ мнѣ милость твою съ часу на часъ, со дня на день, съ мѣсяца на мѣсяцъ: но твоя милость удалилась отъ меня, зане прогнѣвалъ ярость твою, и я, видя, что

дѣло твое замедлилось, 7 сентября призывалъ къ кельѣ Новоспасскаго архимандрита Іосифа, стрѣлецкаго сотника Саврасова, ѳерапонтовскаго игумена, келаря и всѣхъ стрѣльцовъ, и сказывалъ твое великое слово, чтобъ архимандритъ и сотникъ дали мнѣ подводу и провожатыхъ добрыхъ, съ кѣмъ бы мнѣ къ тебѣ съ этимъ великимъ дѣломъ отпустить своего человѣка, и дѣло имъ объявилъ твое безголовное, что на Москвѣ измѣнники твои хотятъ тебя очаровать или очаровали. Архимандритъ, сотникъ и стрѣльцы согласились; но измѣнникъ келарь Макарій началъ кричать: «Намъ черезъ государевъ указъ подводъ давать нельзя.» Я сотнику и стрѣльцамъ велѣлъ взять моихъ лошадей, и велѣлъ къ тебѣ писать, что отъ меня слышали; но келарь для письма подъячаго не далъ; я говорилъ сотнику, чтобъ ѣхалъ онъ самъ и безъ письма; сотникъ хотѣлъ ѣхать, но Степанъ Наумовъ прислалъ человѣка своего: холопъ, прибѣжавъ на монастырь, кричалъ, что Степанъ не велѣлъ никого отпускать и лошадей давать; пріѣхалъ и самъ Степанъ на конюшій дворъ съ ослопомъ, сотника и стрѣльцовъ хотѣлъ бить, лошадей всѣхъ взялъ къ себѣ въ руки и никому не далъ, кричалъ: «увижу, кто поѣдетъ! что онъ меня стращаетъ! я не малый ребенокъ; у меня есть великое дѣло и на самого патріарха, и мнѣ это дѣло надобно отпустить». Я говорилъ, чтобъ сотникъ и стрѣльцы шли пѣшкомъ въ Кирилловъ; но Степанъ и въ Кирилловъ пускать ихъ не велѣлъ, кричалъ: «Моя въ томъ голова!» но вѣдь его голова передъ твоею очень не дорога! На другой день отпустилъ онъ въ Москву человѣка своего Андрюшку да вора стрѣльца Якимка, а меня велѣлъ заковать и около кельи поставить семь карауловъ».

20 октября бояре, въ присутствіи царя, допрашивали старца Флавіана, въ чемъ состоитъ великое дѣло, съ которымъ прислалъ его Никонъ? Флавіанъ объявилъ: «Въ Петровъ постъ пришелъ въ Ѳерапонтовъ монастырь изъ Москвы Воскресенскаго монастыря черный попъ Палладій и сказалъ Никону, что былъ онъ въ Москвѣ, на Кирилловскомъ подворьѣ, и сказывалъ ему черный попъ Іоиль про окольничаго Ѳедора Ртищева; говорилъ Ртищевъ Іоилю: «сдѣлай то, чтобъ мнѣ у великаго государя быть первымъ бояриномъ». Іоиль окольничему сказалъ: «Мнѣ сдѣлать этого нельзя, а есть у тебя во дворѣ жонка цыганка, которая умѣетъ эти дѣла дѣлать лучше меня.» Ртищевъ отвѣчалъ: «Жонкѣ говорить

объ этомъ нельзя, потому что она хочетъ за меня замужъ.»—Но вслѣдъ за Флавіемъ Никонъ прислалъ письмо, въ которомъ также излагалъ рѣчи Палладія, но вмѣсто Ртищева являлся тутъ бояринъ Богданъ Матвѣевичъ Хитрово съ женкою Литовкою; въ письмѣ Никона Іоиль говорилъ Палладію: «Никонъ меня не любитъ, называетъ колдуномъ и чернокнижникомъ; а за мною ничего того нѣтъ, только я умѣю звѣздочетіе, то у меня гораздо твердо учено; меня и вверхъ государь бралъ, какъ болѣла царевна Анна, и я сказалъ, что ей не встать, что̀ и сбылось, и мнѣ государь указалъ жить въ Чудовѣ, чтобъ поближе; мнѣ и Богданъ Хитрой другъ и говорилъ мнѣ, чтобъ я государя очаровалъ, чтобъ государь больше всѣхъ его Богдана любилъ и жаловалъ, и я, помня государеву милость къ себѣ, ему отказалъ, и онъ мнѣ сказалъ: «Нишкни же!» и я ему молвилъ: «да у тебя Литовка то умѣетъ; здѣсь на Москвѣ нѣтъ ея сильнѣе». И Богданъ говорилъ: «Это такъ, да лихо запросы велики, хочетъ, чтобъ я на ней женился, и я бы взялъ ее, да государь не велитъ.»

Призвали къ допросу Іоиля: тотъ объявилъ, что приходилъ къ Палладію лечить его, но ни объ чемъ другомъ съ нимъ не разговаривалъ, а у Хитрова никогда и на дворѣ не бывалъ. Призвали Палладія: тотъ объявилъ, что лечился у Іоиля, но ни о чемъ съ нимъ не говаривалъ, и въ Ѳерапонтовѣ Никону ни о чемъ не сказывалъ: «вольно старцу Никону меня поклепать, онъ затѣвать умѣетъ. Въ то время какъ я жилъ въ Ѳерапонтовѣ монастырѣ, пріѣзжалъ стряпчій Иванъ Образцовъ и привезъ Никону государева жалованья 500 рублей, да старцамъ, которые съ нимъ, 200 рублей; Никонъ имъ этихъ денегъ не далъ; я объ этомъ съ старцами поговорилъ, и Никонъ, узнавши, велѣлъ меня изъ Ѳерапонтова выбить дубьемъ.» — Іоиля обыскали и нашли книги: одна книга латинская; одна по-латыни и по-польски; книга печатная счету звѣздарскаго, печатана въ Вильнѣ въ 1586 году; книга письменная съ марта мѣсяца во весь годъ лунамъ и днямъ, и планитамъ и рожденіямъ человѣческимъ въ мѣсяцахъ и въ звѣздахъ; тетрадь письменная о пусканіи крови жильной и рожечной; записка, кого Іоиль излечилъ, и тѣ люди приписывали руками своими.

Въ ноябрѣ отправился въ Ѳерапонтовъ стрѣлецкій голова Лутохинъ; онъ долженъ былъ разсказать Никону все дѣло, какъ

найдена разница между его письмомъ и извѣтомъ Флавіана: въ одномъ Хитровъ, въ другомъ Ртищевъ, и объявить, что Іоиль не винится. Лутохинъ долженъ былъ также спросить Никона: въ келію воду самъ онъ носитъ и дрова рубитъ своею ли волею или по неволѣ? Никонъ отвѣчалъ: «Я приказывалъ Флавіану извѣстить о Хитровѣ, а не о Ртищевѣ, да и не пристало про Ѳедора Михайловича тому быть, потому что онъ человѣкъ женатый; Флавіанъ ослышался. Я не задержалъ Палладія и не отправилъ къ государю потому, что надѣялся вскорѣ самъ государевы очи видѣть: сказывалъ мнѣ Наумовъ, что меня великій государь пожалуетъ, велитъ взять въ Москву скоро, выманилъ у меня Наумовъ великому государю и его дому благословеніе и прощеніе тѣмъ, что государь меня пожалуетъ, велитъ изъ Ѳерапонтова освободить и всѣ мои монастыри отдать. Терпѣлъ я послѣ того договора годъ два мѣсяца въ заточеніи и никакихъ клятвенныхъ словъ не говорилъ; впередъ еще мало потерплю, а если по договору ко мнѣ государской милости не будетъ, то я попрежнему ничего государева принимать не стану и передъ Богомъ стану плакать и говорить тѣ же слова, что прежде говорилъ съ клятвою.» — Лутохинъ: «Дай мнѣ росписи тому, чего тебѣ не даютъ изъ кушанья?» — Никонъ: «Что мнѣ росписи давать! у меня никогда кромѣ щей да квасу худаго ничего не бываетъ, морятъ меня съ голоду.» Лутохинъ справился; Наумовъ и монастырскія власти показали, что у Никона никогда безъ живой рыбы и безъ пива не бывало; показали и садки, гдѣ для него рыба, стерляди и щучки, язи, окуни и плотва. Но Никонъ сказалъ, что этой рыбы ѣсть нельзя, изсидѣлась; что дрова и воду самъ носилъ за безлюдствомъ, а теперь не носитъ. Лутохину показали кресты, которые водрузилъ Никонъ въ разныхъ мѣстахъ съ надписями: «Никонъ, Божіею милостію патріархъ, поставилъ сій крестъ Христовъ, будучи въ заточеніи въ Ѳерапонтовѣ монастырѣ.»

Но въ то время, какъ Никонъ объявленіемъ великаго государева дѣла про Хитрово хотѣлъ показать свое усердіе и проложить себѣ дорогу къ возвращенію изъ ссылки, про него самого объявилось великое государственное дѣло, давшее новое блистательное торжество Хитрову съ товарищи и отяготившее участь заточника. Изъ Ѳерапонтова пріѣхалъ архимандритъ Іосифъ и донесъ: «Весною 1668 года были у Никона воры донскіе козаки;

я самъ видѣлъ у него двоихъ человѣкъ, и Никонъ мнѣ говорилъ, что это донскіе козаки, и про другихъ сказывалъ, что были у него въ монашескомъ платьѣ, говорили ему: «Нѣтъ ли тебѣ какого утѣсненія: мы тебя отсюда опростаемъ.» Никонъ говорилъ мнѣ также: «И въ Воскресенскомъ монастырѣ бывали у меня донскіе козаки и говорили: если захочешь, то мы тебя попрежнему на патріаршество посадимъ, сберемъ вольницу, боярскихъ людей.» Никонъ сказывалъ мнѣ также, что будетъ о немъ въ Москвѣ новый соборъ по требованію цареградскаго патріарха: писалъ ему объ этомъ Аѳанасій иконійскій.» Монахъ Провъ донесъ, что Никонъ хотѣлъ бѣжать изъ Ѳерапонтова и обратиться къ народу съ жалобою на напрасное заточеніе.

Аѳанасія иконійскаго сослали въ Макарьевъ монастырь на Унжу; Никона затворили въ кельѣ.

Кончина царицы Маріи Ильиничны опять напомнила царю о старомъ *собинномъ* пріятелѣ. Онъ отправилъ въ Ѳерапонтовъ близкаго человѣка, Родіона Матвѣевича Стрѣшнева, съ деньгами Никону на поминъ души царицыной. Никонъ не взялъ денегъ. Но это было послѣднее проявленіе твердости съ его стороны. Лѣтомъ 1671 года онъ попытался напомнить о себѣ, выставить свое достоинство, прозорливость и заслугу для государства; онъ призвалъ пристава, князя Шайсупова, который замѣнилъ Наумова, и началъ ему говорить: «Когда пріѣзжалъ ко мнѣ отъ государя съ милостынею по царицѣ Родіонъ Матвѣевичъ Стрѣшневъ, то я ему о преставленіи царевича Алексѣя Алексѣевича и о разореніи козацкомъ, чему быть, назначилъ, а мнѣ это было объявлено отъ Господа Бога; да и впредь, если вселенскихъ и московскаго патріарховъ на весь православный Россійскій народъ безразсудная запретительная клятва не снимется, добра ждать нечего; обо всемъ этомъ писалъ я къ великому государю. При Степанѣ Наумовѣ въ Ѳерапонтовъ монастырь приходили три человѣка козаковъ, Ѳедька да Евтюшка, а третьяго позабылъ какъ звали, которые прежде были на службѣ съ княземъ Юріемъ Алексѣевичемъ Долгорукимъ, сказались, будто они идутъ Богу молиться въ Соловецкій монастырь, а они не богомольцы, не въ Соловецкій шли, приходили они для меня, собравшись нарочно, звали меня съ собою, пришло ихъ двѣсти человѣкъ; Степана Наумова хотѣли убить до смерти, Кирилловъ монастырь разорить и съ казною

его, запасами и пушками хотѣли идти на Волгу; но я на ту ихъ воровскую прелесть не подался, во всемъ отказалъ, отъ воровства ихъ унялъ и съ клятвою имъ приказывалъ, чтобъ великому государю вины свои принесли, и они пропали невѣдомо куда.»

Шайсуповъ, разумѣется, немедленно далъ знать объ этомъ разговорѣ въ Москву. Отвѣта не было. Тогда Никонъ рѣшился сдѣлать третій, послѣдній шагъ для полученія свободы: сначала онъ угрозою хотѣлъ вынудить у царя возвращеніе изъ ссылки, обѣщалъ дать благословеніе и прощеніе царю только подъ условіемъ освобожденія изъ Ѳерапонтова; потомъ самъ послалъ прощеніе и благословеніе въ надеждѣ, что за этимъ немедленно послѣдуетъ освобожденіе; наконецъ теперь рѣшился самъ просить прощенія у царя въ прежнемъ своемъ поведеніи. 25 декабря 1671 года онъ отправилъ къ государю такое письмо: «Въ прошломъ 160 году, Божіею волею и твоимъ, великаго государя, изволеніемъ и всего освященнаго собора избраніемъ былъ я поставленъ на патріаршество не своимъ изволомъ; я, вѣдая свою худость и недостатокъ ума, много разъ тебѣ билъ челомъ, что меня съ такое великое дѣло не станетъ, но твой глаголъ превозмогъ. По прошествіи трехъ лѣтъ билъ я тебѣ челомъ отпустить меня въ монастырь, но ты оставилъ меня еще на три года; по прошествіи другихъ трехъ лѣтъ опять я тебѣ билъ челомъ объ отпускѣ въ монастырь, и ты милостиваго своего указа не учинилъ. Я, видя, что мнѣ челобитьемъ отъ тебя не отбыть, началъ тебѣ досаждать, раздражать тебя и съ патріаршаго стола сошелъ въ Воскресенскій монастырь. Ты, подражая Небесному Отцу въ щедротахъ, и въ Воскресенскомъ монастырѣ милостію своею меня не забылъ, пироги именинные и милостыню присылалъ, а я твою милость съ презорствомъ принималъ, и все это дѣламъ нарочно, чтобъ ты меня забылъ. Случилось мнѣ однажды въ Воскресенскомъ монастырѣ заболѣть; ты, узнавши объ этомъ, прислалъ ко мнѣ Аѳанасія Матюшкина съ обѣщаніями и утѣшительными словами, что не оставишь меня до смерти; я этой милости не очень порадовался, а потомъ, навѣтами враговъ моихъ, Романа Бобарыкина, Ивана Сытина и другихъ, возросла между нами великая смута; они же меня обидѣли, они же тебѣ на меня и наклеветали. Да у меня же въ Воскресенскомъ монастырѣ были два Жида крещеныхъ, и, оставя православную вѣру, начали они старую жи-

довскую держать и молодыхъ чернецовъ развращать; я, сыскавъ объ этомъ подлинно, велѣлъ Жида Демьяна посмирить и сослать въ Иверскій монастырь, а Демьянъ другому Жиду Мишкѣ сказалъ: не пробыть и тебѣ безъ бѣды, бѣги въ Москву и скажи за собою государево слово; тотъ такъ и сдѣлалъ; ты по этому дѣлу присылалъ ко мнѣ думнаго дьяка Дементія Башмакова, а въ это время молодые чернецы, бывшіе въ жидовской ереси, покрали у меня деньги, платье и тѣмъ Жидамъ помогали, да имъ же помогалъ архимандритъ чудовскій потому: былъ онъ у меня въ Воскресенскомъ и въ Иверскомъ монастыряхъ строителемъ долгое время и не считанъ, а какъ захотѣлъ я его считать, то онъ ушелъ въ Москву, добрыми людьми тебѣ одобренъ и ты началъ жаловать его знать. Когда ты послалъ Мелетія къ восточнымъ патріархамъ, то я, вѣдая лукавство, убоясь тамошняго осужденія, писалъ къ патріархамъ; но отъ тебя мое письмо не утаилось, какъ отъ ангела Божія, и въ томъ прощенія прошу себѣ и прочимъ, которые тому дѣлу повинны, родшагося ради Христа Бога остави! Да ты же созвалъ соборъ и на соборѣ, подойдя ко мнѣ, говорилъ: «мы тебя позвали на честь, а ты шумишь!» и я тебѣ говорилъ, чтобъ ты мою грамоту не велѣлъ читать на соборѣ, а переговорилъ бы наединѣ, и я бы все сдѣлалъ по твоей волѣ; ты такъ не соизволилъ, и я по неволѣ, соображаясь съ своими писанными словами, говорилъ тебѣ прекословно и досадно: въ томъ прощенія прошу. Да ты же присылалъ ко мнѣ на Лыковъ дворъ столъ такой же, какой былъ и патріархамъ, и я твое жалованье отринулъ и тѣмъ тебя обезчестилъ: Господа ради прости. Да ты же прислалъ съ Родіономъ Матвѣевичемъ Стрѣшневымъ денегъ и мѣховъ, я грѣшный и того не принялъ: Христова ради Рождества прости. Ради всѣхъ этихъ моихъ винъ отверженъ я въ Ѳерапонтовъ монастырь шестой годъ, а какъ въ кельѣ затворенъ — тому четвертый годъ. Теперь я боленъ, нагъ и босъ и креста на мнѣ нѣтъ третій годъ, стыдно и въ другую келію выйти, гдѣ хлѣбы пекутъ и кушанье готовятъ, потому что многія части зазорныя непокрыты; со всякой нужды келейной и недостатковъ оцынжалъ, руки больны, лѣвая не подымается, на глазахъ бѣльма отъ чада и дыма, изъ зубовъ кровь идетъ смердящая и не терпятъ ни горячаго, ни холоднаго, ни кислаго, ноги пухнутъ и потому не могу церковнаго правила править, а попъ

одинъ и тотъ слѣпъ, говорить по книгамъ не видитъ; приставы ничего ни продать, ни купить не дадутъ, никто ко мнѣ не ходитъ и милостыни просить не у кого. А все это Степанъ Наумовъ навелъ на меня за то, что я ему въ глаза и за глаза говорилъ о неправдахъ его, что многихъ старцевъ, слугъ и крестьянъ билъ, мучилъ и посулы бралъ; я его мучителемъ, лихоимцемъ и дневнымъ разбойникомъ называлъ, а онъ за то затворилъ меня въ келіѣ съ 9 мая до Ильина дни на смерть и запасовъ давать никакихъ не велѣлъ, я воду носилъ и дрова сѣкъ самъ. До тебя это дошло, и ты прислалъ Ивана Образцова съ милостивымъ указомъ; онъ поосвободилъ насъ, но Степану никакого наказанія не учинилъ какъ было велѣно, только въ хлѣбенной избѣ часа на два посадилъ. А Степанъ, немного спустя, началъ мучить меня пуще прежняго: служка мой ходитъ къ нему разъ десять для одного дѣла, все времени нѣтъ! а если выглянетъ въ окно, съ шумомъ говоритъ: «я въ монастыри писалъ, чтобъ прислали запасное, но онѣ не слушаютъ, а у меня указа нѣтъ, что на нихъ править; пора прихоти оставить, ѣшь что дадутъ.» Когда ты прислалъ Родіона Матвѣевича Стрѣшнева съ вѣстію о кончинѣ царицы и милостынею по ней, и просилъ, чтобъ я ее простилъ и поминалъ вѣчно, то я Родіону сказалъ, что Господь Богъ проститъ, а поминать государыню радъ за многую ея милость прежнюю, денегъ же не взялъ для того, что я у васъ государей не наемникъ, за вашу милость долженъ и такъ Бога молить, какъ и молю; Родіонъ мнѣ говорилъ: «возьми теперь государево жалованье, будетъ къ тебѣ большая присылка, а потомъ все доброе будетъ.» Я ему сказалъ: если государева милость будетъ, тогда и деньги не уйдутъ, а ты этому доброму дѣлу будь ходатай, а иное, ей, отъ великой скорби по государынѣ царицѣ и по дѣткахъ вашихъ обезпамятовался, и въ томъ прощенія прошу, а по государынѣ царицѣ во всю Четыредесятницу псалтырь и канонъ пѣлъ и поминаю донесь незабытно. Когда къ Степану вѣсть пришла, что сына твоего, царевича Алексѣя, не стало, то дѣвка его пришла въ другую избу и говорила: «нынѣ на Москвѣ кручина, а у нашего боярина радость, говоритъ: теперь нашего колодника надежда вся погибла, на кого надѣялся, и того не стало, кротче будетъ.» А теперь князь Самойла Шайсуповъ дѣлаетъ все по Степанову жь. Прошу тебя: ослаби ми мало да почію преже

даже не отъиду, прошу еже жити ми въ дому Господни во вся дни живота моего.»

Письмо достигло цѣли. Алексѣй Михайловичъ всегда готовъ былъ отозваться на кроткій призывъ стараго собиннаго пріятеля. Немедленно по полученіи письма, въ генварѣ 1672 года, поскакалъ въ Ѳерапонтовъ Ларіонъ Лопухинъ: «Тебѣ святому и великому отцу указалъ государь говорить,» началъ свою рѣчь царскій посланный. «Сначала дѣла соборнаго и до соборнаго дѣянія всегда онъ государь желалъ умиренія, но этого не учинилось, потому что хотѣлъ ты въ московскомъ государствѣ учинить новое дѣло противъ обычая вселенскихъ патріарховъ, какъ они сходили съ престоловъ. А теперь государь всякія враждотворенія паче прежняго разрушить и во всемъ примиренія съ любовію желаетъ и самъ прощенія проситъ. Государь велѣлъ тебѣ говорить, что ничего того не бывало, что ты въ письмѣ написалъ про разговоръ свой съ нимъ на соборѣ: ты передъ государемъ не шумливалъ, государь тебя не унималъ, и чтобъ грамоту прочесть наединѣ, о томъ ты не говаривалъ; шумно было про статьи, которыя писаны въ грамотѣ твоей неправдою, да за книги, которыя ты по совѣту съ государемъ исправилъ, а послѣ самъ укорялъ напрасно, досадныхъ же никакихъ словъ не бывало, изволь попамятовать. Посланъ ты въ Ѳерапонтовъ монастырь вселенскими патріархами и соборомъ, а не государемъ; дворянинъ и стрѣльцы посланы съ тобою для твоего бережепія, а не для утѣсненія; если же Степанъ Наумовъ какое тебѣ утѣсненіе чинилъ, то онъ дѣлалъ собою, а не по государеву указу, и про это приказалъ государь сыскать. Родіонъ Матвѣевичъ допрашиванъ и съ клятвою извѣщалъ, что онъ тебѣ говорилъ упорно, чтобъ ты деньги принялъ и государыню поминалъ, а другихъ никакихъ словъ, что въ письмѣ твоемъ написано, онъ не говаривалъ. Объяви, кто на Вологдѣ хотѣлъ начать кровопролитіе: воръ Ильюшка шелъ изъ Галича отъ тѣхъ мѣстъ недалеко; да и воръ Стенка Разинъ въ разспросѣ говорилъ, что пріѣзжалъ къ нему подъ Симбирскъ старецъ отъ тебя и говорилъ, чтобъ онъ шелъ вверхъ Волгою, а ты съ своей стороны пойдешь, потому что тебѣ тошно отъ бояръ, которые переводятъ государскія сѣмена, а у тебя есть на-готовѣ съ 5000 человѣкъ на Бѣлѣозерѣ; старецъ этотъ и на бою былъ и закололъ своими руками сына боярскаго въ глазахъ Разина, и

потомъ изъ-подъ Симбирска ушелъ. Пророчества, какія ты говорилъ князю Шайсупову, узналъ ты не отъ Господа Бога, а отъ воровскихъ людей, которые къ тебѣ пріѣзжали, надобно думать, что то смятеніе и кровопролитіе сдѣлалось отъ нихъ. Еслибы ты хотѣлъ всякаго добра по Христовой заповѣди, то ты бы про такое превеликое дѣло не умолчалъ, и тѣхъ воровскихъ козаковъ велѣлъ переловить, а трехъ человѣкъ можно было тебѣ поймать. Ты объяви теперь обо всемъ подлинно, а то просишь у государя всякой милости и прощенія, а самъ къ нему никакой правды не объявишь.»—«Престолъ я свой оставилъ и паки было возвратился—дѣло не новое,» отвѣчалъ Никонъ: «и прежніе вселенскіе патріархи престолы свои оставляли и назадъ возвращались. Я своего прежняго сана не взыскую, только желаю великаго государя милости, а ничѣмъ я кромѣ своихъ монастырей не владѣлъ. Соборъ патріарховъ Паисія и Макарія ставлю я ни во что, потому что они престоловъ своихъ отбыли и на ихъ мѣста поставлены другіе; повинуюсь я константинопольскому патріарху и прочимъ вселенскимъ, которые на престолахъ своихъ. О томъ, что говорено было на соборѣ, я писалъ правду, государю это извѣстно; да и послѣ, при Степанѣ Наумовѣ и присыльщикахъ много разъ я досадительныя слова говорилъ и къ государю писывалъ, въ томъ милости и прощенія прошу; а что великій государь за многія мои досадительства мнѣ не мстилъ, за то великую мзду отъ Бога воспріиметъ. Новоисправленныхъ книгъ я ничѣмъ не укорялъ и не укоряю. Денегъ я у Стрѣшнева не принялъ потому, что государь меня на соборѣ укорялъ, говорилъ: «бояринъ Семенъ Лукьяновичъ Стрѣшневъ былъ у тебя въ запрещеніи, и ты съ него взялъ 100 рублей и его простилъ;» а я его простилъ для того, что онъ добилъ челомъ и обѣщался Воскресенскому монастырю работать, и о многихъ дѣлахъ того монастыря государю докладывалъ, деньги же прислалъ вкладомъ въ монастырь послѣ прощенія спустя года съ полтора. О Вологдѣ и Разинѣ ничего не знаю; козаки три человѣка мнѣ говорили, что по указу государеву посланы они были на Невль, велѣно ихъ устроить землями, но они такъ жить и пашни пахать не привыкли, а государева жалованья и корму имъ не было, и они идутъ воли искать; а не сказалъ я Наумову про козаковъ потому, что они сказывали про свое многолюдство, такъ я боялся, чтобъ смуты не

учинить, а оборониться отъ нихъ было некѣмъ; къ государю же о козакахъ этихъ я тогда писалъ и архимандриту Іосифу сказывалъ. Родіону Стрѣшневу я не говорилъ про смерть царевича и про смуту именно, а говорилъ, что по смерти царицы будетъ другая бѣда не меньше, а послѣ этой еще хуже будетъ, потому что мнѣ это объявлено отъ Господа Бога; а говорилъ я эти слова сердито, досаждая великому государю; князю же Самойлѣ я говорилъ о смерти царевича и о разореніи отъ воровъ именно, потому что уже сдѣлалось. Великій государь пожаловалъ бы меня, велѣлъ быть въ Воскресенскомъ монастырѣ или въ другомъ какомъ моего строенія, лучше въ Иверскомъ, и указалъ бы у меня быть кому онъ вѣритъ; лѣта мои не малыя, постигло увѣчье, а призрѣть меня стало некому; да пожаловалъ бы государь, простилъ всѣхъ, кто наказанъ изъ-за меня.»

Никона не перевели ни въ Воскресенскій, ни въ Иверскій монастырь; но положеніе его въ Ѳерапонтовѣ стало иное, какъ скоро государь возобновилъ съ нимъ сношенія, сталъ присылать богатые подарки, величать великимъ и святымъ старцемъ. И вотъ Никонъ, какъ нарочно, спѣшитъ доказать, что ни то, ни другое названіе нейдутъ къ нему, спѣшитъ подвердить то наблюденіе, что скорбь располагаетъ мягкія натуры къ уединенію, къ жизни внутренной, созерцательной, натуры же безпокойныя становятся отъ скорби еще безпокойнѣе. Съ 1672 года у Никона начинается мелкая, неприличная борьба съ монахами Кирилловскаго Бѣлозерскаго монастыря, на который была возложена обязанность снабжать его съѣстными припасами. Начинается рядъ жалобъ, доносовъ царю, причемъ новый приставъ, князь Шайсуповъ, не былъ забытъ. Такъ однажды Никонъ проситъ царя: «Не вели, государь, кирилловскому архимандриту съ братіею въ мою кельишку чертей напускать! Дворецкій Кириллова монастыря говорилъ про меня: «Что онъ съ Кирилловымъ монастыремъ заѣдается? Кому онъ хоромы строитъ? чертямъ что ли въ нихъ жить?» И вотъ того же вечера птица, невѣдомо откуда взявшись, яко вранъ черна̃, пролетѣла сквозь келіи во всѣ двери и исчезла невѣдомо куда, и въ ту ночь демоны не дали мнѣ уснуть, одѣялишко съ меня дважды сволочили долой и бѣды всякія неподобныя многія творили, да и по многіе дни великія бѣды бѣсы творили, являясь овогда служками кирилловскими, овогда старцами, грозяся всякими злобами, и въ окна теперь пакостятъ, овогда

звѣрьми страшными являются грозяся, овогда птицами нечистыми.» Тяжекъ приходился Никонъ кирилловскимъ монахамъ; они говорили ѳерапонтовскимъ: «кушаетъ вашъ батька насъ:» И эти слова подаютъ Никону поводъ къ новой жалобѣ: «Я, благодатію Божіею, не человѣкоядецъ,» пишетъ онъ царю. Шайсуповъ доносилъ царю: «Въ великій четвертокъ (1674 года) монахъ Никонъ пошелъ было къ обѣднѣ въ соборную церковь, передъ нимъ пошли два человѣка стрѣльцовъ, а позади пошелъ сотникъ да еще шесть стрѣльцовъ. Не дошедъ до церкви, онъ вдругъ осердился и пошелъ назадъ въ келію, а идучи говорилъ, что онъ подъ стражею въ церковь идти не хочетъ. Я въ праздникъ Свѣтлаго Воскресенья послѣ заутрени приходилъ къ нему въ келію о Христѣ цѣлованіе получить, но онъ въ келію меня къ себѣ не пустилъ и выслалъ монаха сказать мнѣ, будто я его въ великій четвертокъ отъ причастья отлучилъ, и съ того времени онъ Никонъ яко отъ огня съ кручины разгорѣлся, видѣться со мною и христосоваться не захотѣлъ.» До какой степени доходила запальчивость Никона, всего лучше можно видѣть изъ письма его къ вологодскому архіепископу Симону. Узнавъ, что Никонъ не ходитъ въ церковь, Симонъ писалъ къ Шайсупову, чтобъ тотъ попросилъ его объявить причину этого, не заражены ли игуменъ съ братьею расколомъ, такъ ли идетъ у нихъ служба церковная, какъ предписываетъ православная церковь? Что же отвѣчалъ Никонъ? «Никонъ, Божіею милостію патріархъ, Симону, епископу: ты, чернецъ, забывъ священное евангельское приточное наказаніе фарисейское, паки и другое о маломъ сучцѣ во очеси брата, въ своемъ глазѣ бревна не чуеши. Забылъ еси то, какъ ты въ Александровѣ монастырѣ на кобылѣ пахивалъ, а нынѣ...» Но мы отказываемся передавать читателямъ дальнѣйшія обличенія.

Чего только ни видѣлось и ни слышалось Никону? У повара Ларіона была привычка, когда кто ему что-нибудь скажетъ, отвѣчать *добро-ста;* но Никону въ этомъ *добро-ста* послышалось совсѣмъ другое, и вотъ царь получаетъ письмо: «Оглашаютъ меня кирилловскіе, будто я ихъ монастырскихъ людей бью, а я никого не бивалъ. А какъ строитель Исаія въ Ѳерапонтовѣ монастырѣ у келейнаго дѣла былъ, въ то время былъ поварокъ ихъ Ларка и ко всякому дѣлу говорилъ, о чемъ я ему молвлю: *добръ Астартъ*, а въ древнемъ писаніи идолъ былъ нѣкій сидонскій Астартъ, и которые его за бога почитали, приглашали: *добръ Ас-*

тартъ. Я ему Ларкѣ говаривалъ много разъ: не зови меня Астартомъ, я, благодатію Божіею, христіанинъ, а не Астартъ, и онъ Ларка не переставалъ зовучи Астартомъ; я жаловался на него строителю Исаіи и строитель смирялъ его передъ нашею келіею плетьми, а не я его билъ.»

Царь терпѣливо принималъ всѣ эти жалобы и объясненія, посылалъ разыскивать, въ чемъ дѣло, успокоивать Никона, устроивать его хозяйство, помѣщеніе, посылалъ подарки, деньги, лакомства. Однажды государь послалъ ему кромѣ денегъ пять бѣлугъ, десять осетровъ, двѣ севрюги, двѣ лососи свѣжихъ, коврижекъ; Никонъ писалъ, благодаря за эту присылку: «А я было ожидалъ къ себѣ вашей государской милости и овощей. винограду въ патокѣ, яблочекъ, сливъ, вишенокъ, только вамъ Господь Богъ о томъ не извѣстилъ, а здѣсь этой благодати никогда не видаемъ, и аще обрѣлъ буду благодать предъ вами государи, пришлите Господа ради убогому старцу.» Въ другой разъ царь послалъ имянинный пирогъ, денегъ 200 рублей, отъ царицы 25 полотенъ и 20 полотенецъ, отъ царевича Петра мѣхъ соболій. Никонъ отвѣчалъ, что изъ мѣха шубы не выйдетъ, надобно два вершка въ прибавку, прикупить здѣсь негдѣ: и прежде присланные мѣха, соболій и лисій, лежатъ затѣмъ, что шубъ изъ нихъ сдѣлать нельзя: «сотворите, Господа ради, милость, велите свое жалованье исполнить.» Добавка къ мѣхамъ была послана.

Но неужели Никонъ позволилъ всего себя поглотить мелкимъ заботамъ о келіяхъ, поварняхъ, погребахъ, шубахъ, яблокахъ, виноградѣ? Нѣтъ, выказывались и стремленія къ высшей дѣятельности: въ келію къ Никону стекались больные; онъ говорилъ надъ ними молитвы, давалъ лѣкарства; находившійся при немъ монахъ Мардарій ѣздилъ въ Москву покупать эти лѣкарства: масло деревянное, ладонъ росный, скипидаръ, траву чечуй, целибоху, звѣробойную, нашатырь, квасцы, купоросъ, канфору, камень безуй. Враги Никона старались опозорить и эту дѣятельность его; но имѣемъ ли право вѣрить врагамъ-обвинителямъ? Къ сожалѣнію, Никонъ самъ старался показать, какъ чистое смѣшивалось у него съ нечистымъ: такъ онъ не преминулъ прислать царю списокъ излѣченныхъ имъ людей, и посланному царскому разсказывалъ, что былъ ему глаголъ: «отнято у тебя патріаршество, за то дана чаша лѣкарственная: лѣчи болящихъ [71].»

ГЛАВА V.

Продолженіе царствованія Алексѣя Михайловича.

Московскіе соборы 1666 и 1667 года.— Соловецкое возмущеніе.— Козацкія движенія на восточной украйнѣ и причины ихъ. — Воровство на Волгѣ.— Городокъ Рига.—Возмущеніе Васьки Уса въ Воронежскихъ и Тульскихъ мѣстахъ.—Стенька Разинъ.—Его воровство на Волгѣ.—Разинъ въ Яицкомъ городкѣ.—Его морской походъ.—Стенька въ Астрахани съ повинною.— Впечатлѣніе имъ здѣсь произведенное.—Стенька бушуетъ въ Царицынѣ.—Вызовъ его воеводамъ.—Разинъ на Дону.—Его вторичный походъ на Волгу.— Взятіе Царицына. — Разбитіе Московскихъ стрѣльцовъ.— Измѣна стрѣльцовъ Астраханскихъ.—Взятіе Астрахани и кровавыя слѣдствія.—Приходъ Разина подъ Симбирскъ и отступленіе князя Борятинскаго. — Вторичный приходъ Борятинскаго подъ Симбирскъ и пораженіе Разина.—Бунтъ по всей восточной украйнѣ. — Движенія Мишки Харитонова, Васьки Ѳедорова и Максима Осипова.—Осада Желтоводскаго монастыря.—Волненія въ Нижнемъ Новгородѣ.—Главный воевода князь Юрій Долгорукій. — Удачныя дѣйствія воеводъ Леонтьева и Щербатова.—Дѣйствія воеводы Якова Хитрово.—Движенія Долгорукаго. — Побѣды Борятинскаго на Урени, Кандараткѣ и у Тургенева. — Побѣды Щербатова, Хитрово, Леонтьева и Данилы Борятинскаго.—Неудача Разина на Дону.—Онъ схваченъ и казненъ въ Москвѣ.—Дѣйствія козаковъ въ Астрахани.—Гибель митрополита Іосифа. — Неудача козаковъ подъ Симбирскомъ.— Сдача Астрахани воеводѣ Милославскому. — Осада Соловецкаго монастыря.—Его взятіе

Еще въ то время, какъ участь Никона не была рѣшена, еще до пріѣзда патріарховъ восточныхъ, соборъ духовенства Русскаго рѣшилъ участь противниковъ Никона, которые ратовали противъ его новшествъ, противъ исправленія книгъ. Въ февралѣ 1666 года десять архіереевъ рѣшили предварительно—признавать православными патріарховъ греческихъ несмотря на то, что они жи-

вуть подъ властію султана; признавать православными и греческія книги, ими употребляемыя; наконецъ признавать правильнымъ московскій соборъ 1654 года. Вятскій епископъ Александръ, архимандритъ Спасскаго Муромскаго монастыря Антоній, игумны—Златоустовскаго монастыря Ѳеоктистъ и Бизюкова Сергій Солтыковъ; монахи—Ефремъ Потемкинъ, Сергій, Серапіонъ, Григорій (Іоаннъ Нероновъ), попъ Никита принесли собору покаяніе въ сопротивленіи своемъ новоисправленнымъ книгамъ и получили разрѣшеніе. Нераскаявшіеся были преданы анаѳемѣ и наказаны; протопопъ Аввакумъ заточенъ въ Пустоозерскій острогъ; дьяконъ Ѳеодоръ и послѣ попъ Лазарь лишены языка и сосланы туда же. Въ одиннадцать засѣданій дѣло объ исправленіи книгъ было окончено: написали наставленіе духовенству съ увѣщаніемъ употреблять новоисправленныя книги, а во всѣхъ спорныхъ пунктахъ относительно крестнаго знаменія, аллилуіи и проч. сообразоваться съ восточною православною церковію. Кромѣ того, соборъ разсмотрѣлъ и издалъ *Жезлъ Правленія*, книгу ученаго Бѣлорусскаго монаха Симеона Полоцкаго, направленную противъ раскольниковъ. Восточные патріархи, осудившіе Никона, вмѣстѣ съ новымъ московскимъ патріархомъ Іоасафомъ II-мъ подтвердили опредѣленія собора 1666 года; тутъ же рѣшено было не перекрещивать Латынъ при переходѣ ихъ въ православіе [72]. Антіохійскій патріархъ Макарій съ дороги изъ Макарьевскаго Желтоводскаго монастыря писалъ въ Москву къ патріарху Іоасафу: «Въ здѣшней странѣ много раскольниковъ и противниковъ, не только между невѣждами, но и между священниками: вели ихъ смирять и крѣпкимъ наказаніемъ наказывать» [73].

Эти мѣры пришлось принять противъ одного изъ самыхъ знаменитыхъ монастырей въ государствѣ. Мы уже упоминали о смутѣ, происшедшей въ Соловкахъ по поводу новоисправленныхъ книгъ. Въ то самое время, какъ вопросъ объ этихъ книгахъ окончательно рѣшался въ Москвѣ, Соловецкіе монахи опять напомнили о себѣ челобитьемъ на новаго архимандрита своего Варѳоломея и «на угодника его, а монастырю владѣльца, келаря Савватія Обрютина, которые пьянственнымъ и всякимъ нестройнымъ житіемъ уставъ и чинъ св. Зосимы и Савватія нарушили и во всю русскую землю св. обитель сотворили безчестну и поносну, священниковъ и дьяконовъ и рядовую братью напрасно плетьми

бьютъ на смерть, въ тюрьмы глухія сажаютъ, голодомъ морятъ и, ограбивъ, вонъ высылаютъ изъ монастыря, чтобъ про нихъ впредь никто ничего не говорилъ.» Въ 1666 году Варѳоломей былъ вызванъ въ Москву и подалъ сказку: «Въ 1663 году въ январѣ мѣсяцѣ призвалъ я въ алтарь священниковъ и дьяконовъ, и говорилъ имъ, чтобъ быть въ пѣніи и службѣ по указу великаго государя и соборному изложенію. Въ это время началъ на меня кричать дьяконъ Нилъ: «держишься ты уставщика еретика попа Геронтія, да и самъ ты еретикъ: онъ тебя ереси научилъ; Арсеній Грекъ научилъ ереси патріарха Никона, а Никонъ научилъ ереси государя.» За это дьяконъ Нилъ битъ безо всякой пощады.» Несмотря на то, что Варѳоломей указалъ причину нерасположенія къ себѣ соловецкой братіи, его не хотѣли снова послать къ ней архимандритомъ, дали ему другой монастырь, а въ Соловецкій на его мѣсто поставили Іосифа, соловецкаго же монаха.

Осенью 1666 года отправился въ Соловецкій монастырь Ярославскаго Спасскаго монастыря архимандритъ Сергій. Онъ собралъ монаховъ и прочелъ имъ указъ государевъ, грамоты и наказъ архіерейскаго собора. Въ отвѣтъ раздались крики: «Указу великаго государя мы послушны и во всемъ ему повинуемся, а повелѣнія о символѣ вѣры, о сложеніи перстовъ, о аллилуіи, и новоизданныхъ печатныхъ книгъ не пріемлемъ!» Тутъ встаетъ Никаноръ, бывшій архимандритъ Саввина монастыря, жившій въ Соловкахъ на покоѣ; Никаноръ поднимаетъ руку, складываетъ три первые пальца и кричитъ: «Это ученіе и преданіе латинское, преданіе антихристово, я готовъ пострадать! да у васъ теперь и главы, патріарха нѣтъ, и безъ него вы не крѣпки!» — «Выберите кого-нибудь, съ кѣмъ бы можно было говорить безъ шума,» сказалъ Сергій монахамъ.—«Геронтій! Геронтій!» раздалось со всѣхъ сторонъ. Выступаетъ Геронтій и начинаетъ: «Зачѣмъ вы въ молитвѣ: «Господи Іисусе!» отъемлете Сына Божія?» Ораторъ былъ прерванъ страшнымъ воплемъ: «Охъ, охъ! горе намъ! отнимаютъ у насъ Сына Божія! гдѣ вы дѣвали имя Сына Божія!» Когда крики утихли, Геронтій взялъ книгу съ житіемъ Евфросина, сталъ на стулъ, началъ читать и увѣщевать: «Не прельщайтеся и не слушайте таковаго ученія!» Отъ этихъ рѣчей всталъ мятежъ и крикъ больше прежняго. Съ толпою нельзя было сладить; Сергій попробовалъ поговорить съ Геронтіемъ въ кельѣ при немногихъ

свидѣтеляхъ; но и этотъ споръ кончился ничѣмъ; Геронтій говорилъ: «Прежде отъ Соловецкаго монастыря вся Русская земля всякимъ благочестіемъ просвѣщалась, и ни подъ какимъ зазоромъ Соловецкій монастырь не бывалъ, яко столпъ и утвержденіе и свѣтило сіялъ; вы теперь новой вѣрѣ отъ Грековъ учитесь, а греческихъ архіереевъ самихъ къ намъ въ монастырь подъ началъ присылаютъ, они креститься не умѣютъ, мы ихъ самихъ учимъ, какъ креститься.» Сергій, чтобъ сломить противника, прибѣгъ къ страшному средству; онъ сталъ спрашивать: «Великій государь царь Алексѣй Михайловичъ благовѣренъ ли, благочестивъ ли и православенъ ли, и христіанскій ли царь?» — «Благовѣренъ, благочестивъ и православенъ,» отвѣчалъ Геронтій съ товарищами. Сергій продолжалъ спрашивать: «А повелѣнія его, къ вамъ присланныя, православны ли?» Застигнутые въ расплохъ, принуждаемые или къ противорѣчію, или къ произнесенію страшныхъ словъ противъ царскихъ повелѣній, противники замолчали. Сергій продолжалъ: «Освященный соборъ православенъ ли?»—«Прежде патріархи были православны», отвѣчалъ Геронтій: «а теперь Богъ вѣсть, потому что живутъ въ неволѣ, а россійскіе архіереи православны.»—«Соборное повелѣніе, съ нами присланное, православно ли?» спрашивалъ Сергій.—«Повелѣнія соборнаго не хулимъ», отвѣчалъ Геронтій: «а новой вѣры и ученія не пріемлемъ, держимся преданія св. чудотворцевъ и за ихъ преданія хотимъ всѣ умереть.»

Сергію велѣно было взять изъ монастыря книги, которыя будутъ годны къ «соборному дѣянію;» но монахи не пустили его въ *книгохранительную* палату; росписи именамъ своимъ не дали. Сергій и товарищи его все время пребыванія ихъ на островѣ жили за монастырскимъ карауломъ, а московскіе стрѣльцы подслушали, какъ мірскіе соловецкіе люди переговаривали между собою: «которые московскіе стрѣльцы теперь здѣсь въ монастырѣ, тѣмъ мы указъ учинимъ, и которые за монастыремъ въ лодьяхъ, и тѣхъ захватимъ, будто моремъ разбило: слѣдуетъ ихъ побить каменьемъ, потому что посланы отъ антихриста прельщать насъ.»

Но монахи попытались, нельзя ли отстоять свои убѣжденія, не прибѣгая къ силѣ, не разрывая съ верховною властію; они послали къ царю челобитную: «Бьютъ челомъ богомольцы твои государевы: Соловецкаго монастыря келарь Азарій, бывшій Савви-

на монастыря архимандритъ Никаноръ, казначей Варсанофій, священники, дьяконы, всѣ соборные чернецы и вся братія рядовая и болничная, и служки и трудники всѣ. Присланъ съ Москвы къ намъ *архимаритъ* Сергій съ товарищи учить насъ церковному преданію по новымъ книгамъ и во всемъ велятъ послѣдовать и творить по новому преданію, а преданія великихъ святыхъ Апостолъ и св. Отецъ седми вселенскихъ соборовъ, въ коемъ прародители твои государевы и начальники преподобные отцы Зосима и Савватій и Германъ и преосвященный Филиппъ митрополитъ, нынѣ намъ держаться и послѣдовать возбраняютъ. И мы чрезъ преданія св. Апостолъ и св. Отецъ священные уставы и церковные чины премѣнять не смѣемъ, понеже въ новыхъ книгахъ выходу Никона патріарха, по которымъ насъ учатъ новому преданію, вмѣсто Ісуса написано съ приложеніемъ излишней буквы Іисусъ, чего страшно намъ грѣшнымъ не точію приложити, но и помыслити» и т. д. «Милосердый государь! помилуй насъ нищихъ своихъ богомольцевъ, не вели архимариту Сергію прародителей твоихъ и начальниковъ нашихъ, преподобныхъ Зосимы, Савватія, Германа и Филиппа преданія нарушить, и вели, государь, намъ въ томъ же преданіи быть, чтобъ намъ врознь не разбрестись и твоему богомолію украйному и порубежному мѣсту отъ безлюдства не запустѣть.» Вслѣдъ за этою челобитною монахи дали знать въ Москву, что они за преданія великихъ чудотворцевъ готовы съ радостію смерть принять, и многіе старцы, готовясь на тотъ вѣчный путь, посхимились.

Никаноръ былъ вызванъ въ Москву; но здѣсь, какъ видно, повелъ себя иначе, далъ обѣщаніе передъ соборомъ ни въ чемъ не прекословить, и кого прежде прельщалъ, тѣхъ приводить на путь истинный. Въ надеждѣ на это его снова отправили въ Соловки въ 1667 году вмѣстѣ съ новымъ архимандритомъ Іосифомъ и старымъ Варѳоломеемъ, который ѣхалъ для сдачи монастыря. Но въ іюлѣ мѣсяцѣ управлявшій монастыремъ келарь Азарій и казначей Геронтій получаютъ грамотку, рука Ѳадейки Петрова, служки архимандрита Никанора: «Ѣдутъ къ вамъ, пишетъ Ѳадейка, новый архимандритъ Іосифъ, старый Варѳоломей и Никаноръ: смотрите, Іосифа къ себѣ не принимайте, подъ благословеніе къ нему не ходите и другимъ ходить запретите; онъ ѣдетъ безъ государева указа, стакнувшись съ бывшимъ архимандритомъ Варѳоломеемъ.»

Грамота произвела желанное дѣйствіе: Іосифъ не былъ принятъ; но пуще всего досталось старому Варѳоломею: у него въ соборной церкви изодрали клобукъ на головѣ, выдрали волосы; онъ слышалъ крики: «Когда собака вскочитъ въ церковь, церковь святить надобно; а это тоже собака, хотя и ушибить его, то грѣха не будетъ, все равно, что собаку ушибить» [74].

Странная судьба царя Алексѣя Михайловича! кто меньше его имѣлъ желанія бороться съ духовными лицами? и, несмотря на то, ему суждено было вынести на своей душѣ тяжелое бремя Никоновскаго дѣла, и потомъ вести настоящую войну съ Соловецкимъ монастыремъ! Получивъ челобитную, царь посылаетъ новыя увѣщанія: на нихъ прежній отвѣтъ и прямо вызовъ на бой: «Вели, государь, на насъ свой царскій мечъ прислать и отъ сего мятежнаго житія преселити насъ на оное безмятежное и вѣчное житіе.» Монахи вызывали мірскую власть на тяжелую борьбу, выставляя себя беззащитными жертвами, безъ сопротивленія подклоняющими головы подъ мечъ царскій; но когда, въ 1668 году, подъ стѣнами монастыря явился стряпчій Игнатій Волоховъ съ сотнею стрѣльцовъ, то, вмѣсто покорнаго подклоненія головъ подъ мечъ, встрѣченъ былъ выстрѣлами. Такому ничтожному отряду, какой былъ у Волохова, нельзя было одолѣть осажденныхъ, у которыхъ были крѣпкія стѣны, множество запасовъ, 90 пушекъ. Осада затянулась на многіе годы; государство не могло послать большихъ силъ на Бѣлое море: страшный бунтъ кипѣлъ на концѣ противоположномъ [75].

Выходъ извѣстной части народонаселенія въ козаки продолжался и въ описываемое время, и долженъ былъ еще усилиться, ибо мы видѣли, какъ тяжело было состояніе народа въ тринадцатилѣтнюю войну. Послѣ присоединенія Малороссіи бѣглые крестьяне и холопи направились было сюда; но правительство московское не хотѣло признавать Малороссіи козацкою страною, постоянно требовало выдачи бѣглецовъ, и по прежнему вольною *сиротскою* дорогою оставалась дорога на Донъ, откуда не было выдачи. Но бѣдствія тринадцатилѣтней войны коснулись и Дона: крымцы загородили дорогу въ море и навѣщали козаковъ въ ихъ жилищахъ. Азовское, Черное море заперты: чѣмъ же жить козакамъ, гдѣ добывать себѣ зипуны? Оставался одинъ способъ: переброситься на Волгу и ею выплыть въ Каспійское море, по-

громить тамошніе бусурманскіе берега. Но это не такъ было легко сдѣлать. Прежде изъ Дону можно было выходить въ море: Донъ былъ въ козацкихъ рукахъ, но устье Волги въ рукахъ у государства: оно не пуститъ козаковъ! И вотъ сначала образуются небольшія разбойничьи шайки на Волгѣ; государство преслѣдуетъ ихъ; отталкиваемыя отъ выхода въ море, они естественно опрокидываются внутрь государства, ищутъ здѣсь себѣ союзниковъ въ низшихъ слояхъ народонаселенія. Сперва это движеніе произошло въ малыхъ размѣрахъ; но потомъ, найдя способнаго вождя, образуется огромная шайка, прорывается въ Каспійское море, громитъ бусурманскіе берега, возвращается съ богатыми зипунами: но какъ возвратиться на Донъ? государство не пропускаетъ; надобно мнимою покорностію вымолить пропускъ, обязавшись не ходить вторично на море; и дѣйствительно, какъ идти вторично? опять государство не пропуститъ, опять надобно будетъ пробиваться силою; удастся пробиться, удастся погромить бусурманскіе суда и берега: но какъ опять возвратиться? государства уже нельзя будетъ обмануть во второй разъ, оно возьметъ свои мѣры. Лишенная такимъ образомъ надежды гулять по Каспійскому морю, огромная шайка опрокидывается внутрь государства, въ надеждѣ воспользоваться его неприготовленностію и поднять низшіе слои народонаселенія на высшіе. Таковъ смыслъ явленія, извѣстнаго въ нашей исторіи подъ именемъ бунта Стеньки Разина. Не забудемъ, что то же самое произошло на западной украйнѣ, когда Польша заперла козакамъ выходъ изъ Днѣпра въ Черное море.

29 сентября 1659 года въ саратовской приказной избѣ съ озабоченнымъ видомъ сидѣлъ воевода Данила Хитровъ; передъ нимъ стоялъ прикащикъ московскаго купца Селиванова и разсказывалъ: «Ѣхалъ я изъ Астрахани на хозяйскомъ соляномъ стругу вверхъ до Саратова, и какъ былъ въ царицынскихъ водахъ, отъ Саратова 170 верстъ, ночью пріѣхали ко мнѣ воровскіе козаки, человѣкъ съ 80, били меня и пытали, на огнѣ жгли, рабочихъ людей моихъ ограбили. Въ ту пору подплыли сверху въ двухъ стругахъ Черкесы, которые ѣхали съ Москвы въ Астрахань, уздени Казбулата мурзы князь Муцалова сына Черкаскаго, Муртоза Алексѣевъ съ товарищами; воровскіе козаки къ тѣмъ черкесамъ приступали, съ ними и съ служивыми людьми, которые

были у Черкесъ въ греблѣ и въ провожатыхъ, былъ бой долгое время, Черкесовъ козаки всѣхъ порубили, животы взяли и пошли съ Волги рѣки степью на Иловлю рѣку, а чтобъ грабежные животы нести, взяли они рабочихъ многихъ людей, которыхъ потомъ отпустили, а иные пошли сами къ нимъ охотою въ козаки.»

Выслушавъ разсказъ, воевода отправилъ за разбойниками 200 человѣкъ конныхъ и пѣшихъ стрѣльцовъ по нагорной сторонѣ; стрѣльцы догнали козаковъ на рѣкѣ Иловлѣ за день пути до Дону, побили ихъ, двоихъ взяли въ плѣнъ, другіе ушли по Иловлѣ крѣпкими мѣстами займищами. Плѣнники, съ пытки и огня, разсказали свою исторію: «Зовутъ насъ Кондрашка Ходеряхинъ и Нефедка Золотаревъ; родились мы въ Соколинскомъ городкѣ, и пошли на Донъ своею охотою, жили въ *Сиротскомъ* (!) городкѣ. Нынѣшнею весною вѣдомость намъ учинилась отъ проѣзжихъ торговыхъ людей, что объявились на Волгѣ съ Дону воровскіе козаки; вотъ мы лѣтомъ и пошли изъ городка на рѣку Иловлю за звѣремъ съ капканами: отпустилъ насъ донской козакъ Немытовскій для зипуна. На дорогѣ встрѣтили мы 80 человѣкъ донскихъ козаковъ и пристали къ нимъ для воровства, были съ ними въ двухъ походахъ, по насадамъ и по стругамъ людей грабили, прикащиковъ били, мучили и огнемъ жгли. И воровавъ по Волгѣ рѣкѣ, отъѣзжали мы съ грабежными животами въ свой воровской городокъ на Иловлѣ, между козачьими городками Паншинскимъ и Иловлинскимъ, имя ему Рига; взять его лѣтомъ до зимняго пути нельзя никакъ потому: пришли около городка со всѣхъ сторонъ воды.»

Когда въ Москвѣ узнали о существованіи этой новой Риги, на Донъ пошла царская грамота: «Вы бы послали на тѣхъ воровскихъ козаковъ и велѣли атамана и есаула съ товарищами перехватать и привесть къ себѣ и учинить по войсковому праву казнь смертную.» Царскій приказъ былъ исполненъ: отрядъ вѣрныхъ козаковъ отправился къ Ригѣ; но воровскіе сѣли въ ней на смерть, начали отстрѣливаться изъ пушекъ и переранили многихъ осаждающихъ; наконецъ послѣдніе взяли ихъ за большимъ боемъ и подкопами, многихъ побили и живыхъ захватили, городокъ сожгли и разорили совсѣмъ, а старшинъ ихъ *забродчиковъ*, атаманишка Иванку, да есаулишка Петрушку съ товарищи, 10 человѣкъ привезли для вершенья къ войску. Здѣсь собрался кругъ, воровъ

разспросили и повѣсили, чтобъ «впредь инымъ не повадно было такъ воровать, съ такимъ воровствомъ на Донъ переходить, на войско и на всю рѣку напрасное *оглашенство* наводить.»—«Эти воры», писали Донцы въ Москву: «эти воры и на Дону во все лѣто торговыхъ людей съ Руси Дономъ ни одной будары съ запасами къ намъ не пропустили, брали запасы у нихъ грабежемъ; только бы, государь, да не твоя милость и жалованье, то намъ пришлось бы съ голоду помирать.»

Рига была взята; но вѣсти о козацкихъ разбояхъ на Яикѣ и на Каспійскомъ морѣ не прекращались, потому что Донцы не переставали жаловаться: «Теперь у насъ на Дону добычи никакой нѣтъ, на море ходить стало нельзя, рѣку Донъ и Донецъ съ нижняго устья крымскій ханъ закрѣпилъ, государева жалованья на годъ не станетъ.» Лѣтомъ 1666 года искатели зипуновъ затѣяли дѣло поопаснѣе волжскихъ разбоевъ. Шайка въ 500 человѣкъ, подъ начальствомъ атамана Васьки Уса, разбойничала въ воронежскихъ и тульскихъ мѣстахъ, подговаривала крестьянъ и холопей, разоряла помѣщиковъ и похвалялась всякимъ дурномъ. Донцы писали государю, что они учинили Усу съ товарищами наказанье жестокое безъ пощады. Наказанье не подѣйствовало, если только было учинено; Усъ приготовлялся къ новымъ подвигамъ въ томъ же родѣ; но тутъ онъ явился уже на второмъ планѣ.

Былъ въ донскомъ войскѣ козакъ извѣстный, ловкій, Степанъ Тимоѳеевичъ Разинъ; былъ онъ росту средняго, крѣпкаго сложенія, лѣтъ около сорока. Весною 1661 года войско посылало его къ Калмыкамъ уговаривать ихъ быть заодно съ донцами, служить государю на крымскаго хана. Возвратясь отъ Калмыковъ, осенью того же года Степанъ Тимоѳеевичъ явился въ Москву: онъ отправлялся на богомолье въ Соловецкій монастырь. Такое благочестіе не было диковиною между козаками: «за многія войсковыя службы, за кровь и раны» пожалованъ имъ былъ въ Шацкомъ уѣздѣ Чернѣевъ монастырь; козаки его строили, многіе вклады давали, а старики и раненые постригались въ немъ.

Прошло пять лѣтъ — о Разинѣ нѣтъ слуховъ. Но вотъ 1667 году астраханскіе воеводы получаютъ царскую грамоту: «Въ Астрахани и въ Черномъ Яру живите съ великимъ береженьемъ» писалъ государь: «на Дону собираются многіе козаки и хотятъ идти воровать на Волгу, взять Царицынъ и засѣсть тамъ.» Грамота

объясняетъ, отъ чего происходитъ это козацкое движеніе: «во многіе донскіе городки пришли съ украйны бѣглые боярскіе люди и крестьяне, съ женами и дѣтьми, и оттого теперь на Дону голодъ большой.» Кто же былъ атаманомъ этой толпы, питавшей такіе опасные замыслы? Нашъ знакомый паломникъ Степанъ Разинъ! Какъ же произошло это чудесное превращеніе изъ странника въ разбойничья атамана?

Иностранныя извѣстія говорятъ, что братъ Разина, находясь со своимъ козацкимъ отрядомъ при войскѣ князя Юрія Долгорукаго, просилъ у воеводы отпуска на Донъ; воевода отказалъ и козаки ушли самовольно; но ихъ догнали, законъ опредѣлялъ смертную казнь бѣглецамъ со службы, и Долгорукій исполнилъ законъ. Разинъ былъ повѣшенъ, и двое братьевъ его, Степанъ и Фролъ, задумали отомстить боярамъ и воеводамъ.

Не знаемъ, вѣрить ли этому извѣстію иностранцевъ? Ни актъ правительственный, не дума народная его не подтверждаютъ. Притомъ же дѣло объясняется и безъ того такъ просто.

Разинъ былъ истый козакъ, одинъ изъ тѣхъ стародавныхъ русскихъ людей, тѣхъ богатырей, которыхъ народное представленіе еднаетъ съ козаками, которымъ обиліе силъ не давало сидѣть дома и влекло въ вольные козаки, на широкое раздолье въ степь, или на другое широкое раздолье—море, или, по крайней мѣрѣ, на Волгу матушку. Мы уже видѣли, что это былъ за человѣкъ Разинъ; весною сходитъ онъ въ посольствѣ къ Калмыкамъ, а осенью готовъ уже идти на богомолье на противоположный край свѣта, къ Соловецкимъ: «много было бито, граблено, надо душу спасти!» Воротился Разинъ съ богомолья на Донъ, на Дону тѣсно, точно въ клѣткѣ, а искателей зипуновъ, голутьбы накопилось множество. Всѣ они, и русскіе, козаки, и хохлачи, говорили, что имъ идти на Волгу воровать, а на Дону жить имъ неучего: государева жалованья въ дуванѣ досталось по кусу на человѣка, а инымъ и двоимъ кусъ, денегъ по 30 алтынъ, сукна по два аршина человѣку, а инымъ по аршину, и этимъ прокормиться нечѣмъ, а тутъ еще на море путь запертъ и зипуна достать стало негдѣ. Разинъ принялъ начальство надъ голутвенными и рванулся было въ море Дономъ, но сами донцы загородили эту дорогу, потому что были въ мирѣ съ Азовцами. Отброшенный снизу, Разинъ поплылъ вверхъ по Дону, туда, гдѣ эта рѣка близ-

ка къ Волгѣ; Воронежцы посадскіе люди, Иванъ Горденевъ и Трофимъ Хрипуновъ, ссудили его порохомъ и свинцомъ; и отъ многихъ воронежцовъ было воровство: порохъ и свинецъ привозили и ворамъ продавали, а у нихъ покупали рухлядь. Да и не воровать воронежцамъ было нельзя, говорили современники, потому что у многихъ на Дону сродичи.

Снова поднялись козаки, поднялась и новая Рига между рѣкъ Тишини и Иловли, близь Паншинскаго городка; стоялъ Разинъ на высокихъ буграхъ, а кругомъ его полая вода: ни пройти, ни проѣхать, ни провѣдать, сколько ихъ тамъ, ни языка поймать. Подъѣхали было посланцы царицынскаго воеводы, протопопъ да монахъ, и воротились назадъ: за водою проѣхать нельзя, а перевезти ихъ никто не смѣлъ.

Разинъ сидѣлъ въ своемъ гнѣздѣ, пока добыча стала показываться на Волгѣ. Поплылъ внизъ большой караванъ: тутъ былъ казенный стругъ съ ссыльными, ѣхавшими на житье въ Астрахань, былъ стругъ знаменитаго московскаго богача Шорина съ казеннымъ хлѣбомъ, былъ стругъ патріаршій и струга другихъ лицъ. Стрѣльцы провожали караванъ; но стрѣльцы не тронулись, когда нагрянулъ на нихъ Стенька съ 1000 своей голутьбы. Лодья съ государевымъ хлѣбомъ пошла ко дну, начальные люди лежали изрубленные, съ почернѣлыми отъ огненной пытки тѣлами, или качались на висѣлицахъ; старинный соловецкій богомолецъ самъ переломилъ руку у монаха патріаршескаго; не тронули работниковъ, ярыжекъ, дали волю куда хотятъ; 160 ярыжекъ пристало къ Разину, и съ ними патріаршій сынъ боярскій Лазунка *Жидовинъ*; ссыльные были раскованы, и стали они всякимъ людямъ чинить всякое разоренье, мучить и грабить пуще прямыхъ донскихъ козаковъ.

Народное воображеніе разыгралось: счастливый атаманъ выросъ, превратился въ чародѣя, котораго пуля не брала, которому ничто не могло противостать. Стенька плылъ мимо Царицына, воевода велѣлъ стрѣлять по воровскимъ судамъ: ни одна пушка не выстрѣлила, запаломъ весь порохъ выходилъ. Воевода обомлѣлъ отъ ужаса, и когда явился къ нему есаулъ отъ Разина, то онъ исполнилъ всѣ его требованія: отдалъ наковальню, мѣхи, кузнечную снасть.

Настращавъ царицынскаго воеводу, Стенька поплылъ дальше;

плылъ онъ теперь на тридцати пяти стругахъ, вмѣсто тысячи было уже у него 1500 человѣкъ, проплылъ мимо Чернаго Яра, ограбилъ, прибилъ, высѣкъ плетьми встрѣтившагося ему воеводу Беклемишева, выплылъ моремъ къ устью Яика, гдѣ уже ждали его свои: старый богомолецъ, взявши съ собою сорокъ человѣкъ, подошелъ къ воротамъ Яицкаго городка и послалъ къ стрѣлецкому головѣ Яцыну, чтобъ пустилъ ихъ въ церковь помолиться; Разинъ съ товарищами былъ впущенъ, ворота за нимъ заперли, но онъ уже былъ хозяиномъ въ городкѣ: товарищи его отперли ворота и впустили остальную толпу; Яцынъ съ своими стрѣльцами не сопротивлялся, но и не приставалъ явно къ ворамъ Это не понравилось атаману: вырыли глубокую яму, у ямы стоялъ стрѣлецъ Чикмазъ и вершилъ своихъ товарищей, начиная съ Яцына: сто семьдесять труповъ попадало въ яму. Звѣрь насытился и объявилъ остальнымъ стрѣльцамъ, что даетъ имъ волю: хотятъ остаются съ нимъ, хотятъ идутъ въ Астрахань. Одни остались, другіе пошли; но при видѣ людей, которые уходили, не сочувствуя искателямъ зипуновъ, уходили, чтобъ увеличить средства страшнаго и ненавистнаго государства, Стенька снова разсвирѣпѣлъ и поплылъ въ погоню за ушедшими; козаки нагнали стрѣльцовъ и начали имъ кричать, чтобъ были съ ними вмѣстѣ; видя, что они не слушаются, воры начали ихъ рубить и бросать въ воду; тогда нѣкоторые послушались и пристали къ козакамъ, другіе успѣли спрятаться въ камышахъ.

Стенька расположился надолго въ Яицкомъ городкѣ. Осенью его голутьба успѣла еще позаняться козацкимъ дѣломъ: погромили Татаръ въ устьяхъ Волги, пограбили на морѣ бусурманскія суда. Въ ноябрѣ пріѣхали въ Яицкой гости, посланцы съ Дону, привезли грамоту великаго государя и войсковую отписку съ увѣщаніемъ отстать отъ воровства и возвратиться на Донъ. Собрался кругъ, прочли и царскую грамоту и войсковую отписку: «Когда впередъ ко мнѣ государева грамота придетъ,» сказалъ Разинъ посланнымъ: «то я великому государю вину свою принесу.» Съ этимъ посланные и отправились назадъ на Донъ. Они возвратились, по крайней мѣрѣ, всѣ цѣлы. Не такъ были счастливы посланцы новаго астраханскаго воеводы, князя Ивана Семеновича Прозоровскаго, посланнаго на смѣну князя Хилкова. Съ дороги, изъ Саратова, Прозоровскій отправилъ къ Разину двоихъ посланцевъ

съ увѣщаніями принести свои вины: одинъ посланный возвратился въ Саратовъ, а другаго ночью Разинъ убилъ и бросилъ въ воду.

Проходила зима. Голутьбѣ было привольно въ Яицкомъ: они завели дружбу съ сосѣдними Калмыками, торги между ними были безпрестанные. Между тѣмъ вѣсть о счастьѣ Разина, которому удалось перекинуться на Яикъ, засѣсть въ государевомъ городкѣ, добыть свободный выходъ въ море—эта вѣсть волновала Донъ: въ войскѣ и во всѣхъ низовыхъ городкахъ воровскіе козаки собирались многимъ собраньемъ, чтобъ идти на Волгу къ Царицину, грозя побить атамана Корнила Яковлева и старшинъ, которые не одобряли ихъ намѣренія. Товарищи Разина ждали своихъ, но вмѣсто своихъ пришли государевы ратные люди. Старый астраханскій воевода, князь Хилковъ, прежде сдачи должности своему преемнику, хотѣлъ промыслить надъ ворами, и отправилъ къ Яицкому степью товарища своего Якова Безобразова; но прежде чѣмъ начать промыслъ, Безобразовъ послалъ къ Стенькѣ двоихъ стрѣлецкихъ головъ для *сговору*, чтобъ козаки добили челомъ и шли на Саратовъ къ новому воеводѣ, князю Прозоровскому. Несчастныхъ посланцевъ ждала висѣлица въ Яицкомъ; Безобразовъ началъ промышлять надъ нераскаянными ворами, но промыселъ былъ неудаченъ: больше пятидесяти человѣкъ стрѣльцовъ и солдатъ было у него побито, нѣкоторые перешли къ ворамъ, и весною 1668 года Стенька уже гулялъ по морю, направляясь къ шаховой области.

Стенька ушелъ въ море; но Волга не осталась покойна, воровской путь былъ указанъ. Толпа человѣкъ въ 700 собралась на Дону подъ начальствомъ Серёжки Криваго и перекинулась на Волгу, царицынскіе служилые люди ей не помѣшали. На переёмъ Кривому отправился изъ Астрахани письменный голова Аксентьевъ; онъ нагналъ козаковъ и схватился съ ними ниже Краснаго Яру на Карабузанѣ: Кривой одолѣлъ государевыхъ людей и 100 человѣкъ стрѣльцовъ передались къ ворамъ, Аксентьевъ ушелъ въ лодки съ небольшими людьми, но солдатскаго строю поручикъ Нѣмецъ и стрѣлецкій пятидесятникъ попались въ плѣнъ—и были повѣшены за ноги, другихъ плѣнныхъ били ослопьями и посажали въ воду. Побѣдители ушли на море къ Разину. Въ іюнѣ пришла вѣсть въ Астрахань, что въ 30 верстахъ отъ козачьихъ

гребенскихъ городковъ стоитъ 100 человѣкъ донскихъ конныхъ козаковъ съ атаманомъ Алёшкою Протокинымъ, на Кумѣ 400, и ждутъ съ Дону Алёшку Каторжнаго съ 2000 козаковъ; во многихъ городахъ, на Дону и на Хопрѣ, козаки похвалялись идти на Волгу, похвалялись идти прямо на Царицынъ и сдѣлать лучше, чѣмъ сдѣлалъ Разинъ и Серёжка Кривой.

Но это была только похвальба, у хвастуновъ недоставало атамана, недоставало другаго Разина, и они должны были ждать, пока Степанъ Тимоѳеевичъ возвратится изъ своего морскаго похода.

Разину хорошо гулялось по морю; онъ страшно разорилъ берегъ отъ Дербента до Баку, и, достигнувъ Решта, предложилъ свою службу шаху, прося земель для поселенія. Переговоры затянулись; жители Решта напали врасплохъ на козаковъ и убили у нихъ 400 человѣкъ. Разинъ отплылъ отъ Решта и жестоко отомстилъ свое пораженіе на Фарабатѣ: онъ далъ знать жителямъ, что приплылъ къ нимъ для торговли, торговалъ пять дней, на шестой поправилъ шапку на головѣ: это былъ условленный знакъ: козаки бросились на беззащитную добычу и раздѣлались съ нею по-козацки. Нахватавши много плѣнныхъ, Стенька укрѣпился на зимовку на островѣ и завелъ съ Персіянами размѣнъ невольниковъ: за трехъ и четырехъ христіанъ козаки давали по одному Персіянину.

Весною 1669 года Разинъ перекинулся на восточный берегъ моря, погромилъ Трухменскіе улусы, но потерялъ удалаго товарища — Серёжку Криваго. Козаки расположились на Свиномъ островѣ, съ котораго дѣлали набѣги на твердую землю; тутъ въ іюлѣ мѣсяцѣ напалъ на нихъ персидскій флотъ съ 4000 войска, и потерпѣлъ совершенное пораженіе, только три судна успѣли спастись съ предводителемъ Менеды-ханомъ; но сынъ и дочь его попали въ плѣнъ къ побѣдителямъ, и дочь ханская сдѣлалась наложницею счастливаго атамана.

«Но не все же будетъ счастье!» — могъ думать атаманъ въ минуту трезвости. Вѣчно странствовать по Каспійскому морю нельзя, берега опустошены, хлѣба нѣтъ, часто воды нѣтъ, и отъ соленой воды козаки заболѣваютъ, ихъ уже не досчитывалось 500 человѣкъ, а Персы могли выслать вмѣсто 4000 и 8, 10,000. Долго оставаться на морѣ козакамъ было дѣло необычное: по-

громивши берега и суда, они привыкли возвращаться домой, на пресловутую рѣку Донъ. Но какъ возвратиться? чрезъ области государства, съ которымъ было поступлено такъ враждебно? Дѣлать было нечего, надобно было помириться съ государствомъ, принести повинную.

Въ началѣ августа въ астраханскомъ государствѣ снова услыхали о Разинѣ: прибѣжалъ митрополичій сынъ боярскій съ митрополичьяго учуга съ вѣстію, что учугъ пограбленъ козаками; вслѣдъ за нимъ явился персидскій купецъ съ вѣстію, что козаки ограбили его судно, взяли въ плѣнъ его сына, захватили подарки, которые онъ везъ великому государю. Въ тотъ же день отправилась противъ воровъ государева рать: второй воевода князь Семенъ Ивановичъ Львовъ поплылъ съ 4000 стрѣльцовъ на тридцати шести стругахъ. Но мы знаемъ постоянное поведеніе московскаго правительства относительно козаковъ: прощать какъ только будетъ принесена повинная; слабость государства условливала существованіе козаковъ подлѣ него, условливала безнаказанность ихъ воровства. Увидавши государевы суда, козаки убѣжали въ море; Львовъ гнался за ними двадцать верстъ, утомился и послалъ милостивую царскую грамоту. Стенька воротился и начались переговоры; къ воеводѣ явились двое выборныхъ козаковъ: «Все войско бьетъ челомъ,» говорили они: «чтобъ великій государь пожаловалъ, велѣлъ вины ихъ отдать и отпустить на Донъ съ пожитками, а мы за свои вины ради великому государю служить и головами своими платить, гдѣ великій государь укажетъ; пушки, которыя мы взяли на Волгѣ въ судахъ, въ яицкомъ городкѣ и въ шаховой области, отдадимъ, служилыхъ людей отпустимъ, а струга и струговыя снасти отдадимъ въ Царицынѣ.» Князь Семенъ велѣлъ этихъ двухъ козаковъ привести къ вѣрѣ за все войско и поплылъ назадъ въ Астрахань, за нимъ плылъ Стенька съ своими *голутвенными*, теперь разбогатѣвшими отъ частыхъ дувановъ.

25 августа въ астраханскомъ государствѣ было большое торжество: въ приказной избѣ сидѣлъ воевода; туда же шелъ Разинъ съ товарищами; подойдя къ избѣ, козаки положили бунчукъ, знамена, сдали плѣнныхъ Персіянъ, объявили, что и пушки отдадутъ и русскихъ служилыхъ людей отпустятъ безъ задержки. Разинъ билъ челомъ предъ воеводою, чтобъ великій государь ве-

лѣлъ отпустить ихъ на Донъ, а теперь бы шестерыхъ выборныхъ изъ нихъ отправить въ Москву бить великому государю за вины свои головами своими. Выборные были отправлены. Въ Москвѣ ихъ спросили: «Пошли вы съ Дону на такое воровство и то учинили, забывъ страхъ Божій и великаго государя крестное цѣлованіе: такъ теперь скажите правду—на такое воровство гдѣ у васъ зачалась мысль? и кто у васъ вь той мысли въ заводѣ былъ?» — «На Дону намъ начала быть скудость большая,» отвѣчали козаки: «на Черное море проходить стало нельзя: сдѣланы турскими людьми крѣпости, и мы, отобравшись, охочіе люди, пошли на Волгу, а съ Волги на море, безъ вѣдома войсковаго атамана Корнила Яковлева, а начальный человѣкъ къ тому дѣлу былъ у насъ Стенька Разинъ.» По указу царскому, козакамъ вины ихъ выговорены и сказано, что великій государь, по своему милосердому разсмотрѣнію, пожаловалъ, вмѣсто смерти велѣлъ дать имъ животъ и послать ихъ въ Астрахань, чтобъ они вины свои заслуживали.

Но козаки отвѣдали широкаго раздолья и богатыхъ дувановъ: тяжело имъ было вины свои заслуживать, не слуги они были больше государству. На возвратномъ пути въ Астрахань, за Пензою, въ степи, за рѣкою Медвѣдицею, козаки напали на своихъ провожатыхъ, прибили ихъ, отняли лошадей и помчались въ степь бездорожно: «въ Астрахань не поѣдемъ, боимся государева гнѣва,» говорили они. Они провѣдали, что Разинъ отпущенъ на Донъ.

Передъ отпускомъ на Донъ воеводы хотѣли разсчитаться съ Разинымъ; но мы знаемъ, какъ труденъ былъ разсчетъ съ козаками: отдать даромъ добычу, пріобрѣтенную саблею, было хуже всего для козаковъ; мы видали уже и прежде, какъ дерзко отказывали они правительству, требовавшему безвыкупнаго освобожденія плѣнныхъ. Воеводы начали приступать къ Разину и товарищамъ его, чтобъ дали себя переписать, да чтобъ отдали всѣ пушки, дары, которые персидскій купчина везъ государю, всѣ его товары и всѣхъ плѣнныхъ Персіянъ. «Товары», отвѣчалъ Разинъ: «у насъ раздуванены, послѣ дувану у иныхъ проданы и въ платье передѣланы, отдать намъ нечего и собрать никакъ нельзя; за все это идемъ мы къ великому государю и будемъ платить головами своими; полонъ въ шаховой области взятъ у насъ

за саблею, много нашей братьи за тотъ полонъ на бояхъ побиты и въ полонъ взяты, и въ раздѣлѣ одинъ полонянинъ доставался пяти, десяти и двадцати человѣкамъ. А что насъ переписывать, то переписка козакамъ на Дону и Яикѣ и нигдѣ по нашимъ козачьимъ правамъ не повелась, и въ милостивой государевой грамотѣ не написано. Стенька отдалъ 21 пушку и морскіе струга, но 20 пушекъ удержалъ у себя: «Эти пушки,» говорилъ онъ: «надобно намъ на степи для проходу отъ крымскихъ, азовскихъ и всякихъ воинскихъ людей, а какъ дойдемъ, то пушечки пришлемъ тотчасъ же.»

Воеводы не настаивали больше, велѣли Персіянамъ выкупать своихъ плѣнныхъ у козаковъ безпошлинно. «Взять этотъ полонъ безъ окупу, взять силою у козаковъ дары, которые везъ шаховъ купчина, и товары его мы не смѣли,» писали воеводы въ Москву: «мы боялись, чтобъ козаки вновь шатости къ воровству не учинили и не пристали бы къ ихъ воровству иные многіе люди, не учинилось бы кровопролитіе.»

Воеводы были правы, ибо государство было слишкомъ слабо въ застепной украйнѣ, широкомъ раздольѣ козачества. Мы уже знаемъ, какое очарованіе въ молодомъ русскомъ обществѣ производилъ козакъ и его вольная, удалая жизнь. Поэтическія представленія тогдашняго Русскаго человѣка, отрывавшія его отъ повседневной однообразной жизни, переносившія его въ иной, фантастическій міръ, эти поэтическія представленія сосредоточивались главнымъ образомъ около козака и его подвиговъ; старинные богатыри народныхъ пѣсенъ и сказокъ превратились въ козаковъ, и все чудесное, соединявшееся съ представленіемъ объ Ильѣ Муромцѣ и его товарищахъ, естественно переходило теперь къ козакамъ, которые выдавались впередъ своею удалью. Русь, особенно низшіе слои народонаселенія, и въ XVII вѣкѣ жила еще понятіями IX и X вѣковъ: вспомнимъ, какое впечатлѣніе произвелъ на Кіевлянъ старый Олегъ, когда возвратился съ моря съ богатою добычею, погромивъ греческіе берега: вѣщимъ, чародѣемъ прозвалъ его народъ. Вѣщимъ, чародѣемъ явился и богатый Разинъ Астраханцамъ: «По истинѣ Стенька Разинъ богатъ пріѣхалъ, что и невѣроятно быти мнится: на судахъ его веревки и канаты всѣ шелковые и паруса также всѣ изъ матеріи персидской шелковые учинены.» То же самое разсказывалось и о су-

дахъ Олеговыхъ и внесено въ лѣтопись. Легко понять, какое впечатлѣніе въ низшихъ слояхъ тогдашняго общества должно было производить появленіе козака-вольнаго молодца, о которомъ такъ много разсказывалось и пѣлось и который могъ самъ о себѣ такъ много разсказать. Среди этой однообразной и бѣдной во всѣхъ отношеніяхъ жизни являлся козакъ, богато, роскошно, ярко одѣтый, онъ звенитъ оружіемъ, звенитъ деньгами, деньги ему непочемъ, онъ гуляетъ и вся жизнь его представляется какъ непрерывная гульба; понятно, какое впечатлѣніе производило это на людей, которымъ болѣе другихъ хотѣлось погулять, которымъ ихъ собственная жизнь представлялась непрерывною тяжелою, печальною работою. А прелесть добычи, такъ искусительно дѣйствовавшая на человѣка тогдашняго общества! мы видѣли, что торговые люди, пріѣхавшіе на Донъ для мирныхъ промысловъ, какъ скоро узнавали о сборѣ Донцовъ въ походъ, бросали свою торговлю и шли вмѣстѣ съ козаками за зипунами. Кромѣ прелести добычи, прелесть подвига, дававшаго выходъ силамъ, безпокойно, тяжело и праздно волновавшимъ человѣка. И не забудемъ, что описываемыя событія происходили въ астраханскомъ государствѣ, въ степной украйнѣ, гдѣ постоянно пахло козацкимъ духомъ, на этой подвижной почвѣ, гдѣ было такъ мало установленнаго, гдѣ еще продолжалось время, пережитое Европою въ началѣ среднихъ вѣковъ, время хаотическаго броженія народныхъ силъ, время образованія дружинъ.

Самое сильное обаяніе, разумѣется, козацкій духъ производилъ на стрѣльца. Стрѣлецъ вышелъ изъ тѣхъ же слоевъ общества, какъ и козакъ, онъ человѣкъ военный, привыкъ владѣть оружіемъ, но онъ не дисциплинированъ, какъ солдатъ, онъ полукозакъ, и легко понять, какъ при первой встрѣчѣ съ настоящимъ вольнымъ козакомъ, при первой возможности повоевать на себя, т.-е. пограбить, добыть зипунъ, стрѣлецъ бросаетъ знамена государства и присоединяется къ козакамъ. А вся сила астраханскихъ воеводъ основывалась на стрѣльцахъ, и воеводы были сто разъ правы, не употребляя крутыхъ мѣръ съ Стенькою, желая какъ можно скорѣе выпроводить его на Донъ, удалить страшное искушеніе отъ своихъ подвластныхъ.

Искушеніе было дѣйствительно страшное: козаки расхаживали по городу въ шелковыхъ, бархатныхъ кафтанахъ, на шапкахъ

жемчугъ, дорогіе камни; они завели торговлю съ жителями, отдавали добычу нипочемъ: фунтъ шелку продавали за 18 денегъ. А онъ-то, богатырь, чародѣй, державшій въ могучихъ рукахъ всѣхъ этихъ удальцовъ, козацкій батюшка, Степанъ Тимофеевичъ! прямой батюшка, не то что воеводы и приказные люди: со всѣми такой ласковый, а ужь добрый-то какой, кто ни попроси—нѣтъ отказа! Степана Тимофеевича величали какъ царя: становились на колѣни, кланялись въ землю. И ничто не было пощажено, чтобъ усилить обаяніе. Но чѣмъ производилось тогда самое сильное обаяніе? Широкостію размѣровъ во всемъ, чудовищною силою, чудовищною властію; могучее обаяніе производилъ человѣкъ, которому все было нипочемъ, который не сдерживался ничѣмъ, никакими привязанностями, никакими отношеніями, который дикими выходками своего произвола озадачивалъ, оцѣпенялъ простаго человѣка, низлагалъ, порабощалъ его. Таковы обыкновенно понятія неразвитыхъ обществъ о силѣ и власти; во сколько общество образованное требуетъ мѣры и ненавидитъ безмѣріе, во столько необразованное увлекается послѣднимъ, ибо здѣсь молчитъ умъ и тѣмъ сильнѣе разыгрывается воображеніе; выходки слѣпой силы, безчувственнаго насилія всего болѣе его поражаютъ, для него сильный человѣкъ прежде всего не долженъ быть человѣкомъ, а чѣмъ-то въ родѣ грома и молніи. И козацкій батюшка, Степанъ Тимофеевичъ, какъ нельзя больше приходился по этимъ понятіямъ, былъ какъ нельзя больше способенъ обаять толпу своею силою, своимъ произволомъ, ничѣмъ не сдерживающимся. Однажды Разинъ катался по Волгѣ; подлѣ него сидѣла его наложница, плѣнная Персіянка, ханская дочь, красавица, великолѣпно одѣтая. Вдругъ пьяный атаманъ вскакиваетъ, хватаетъ несчастную женщину и бросаетъ ее въ Волгу, приговаривая: «Возьми, Волга-матушка! много ты мнѣ дала серебра и золота и всякаго добра, надѣлила честью и славою, а я тебя еще ничѣмъ не поблагодарилъ!»

Четвертаго сентября Разинъ отправился изъ Астрахани; до Царицына отпущенъ былъ съ нимъ въ провожатыхъ жилецъ Леонтій Плохово, а отъ Царицына до Паншина городка долженъ былъ провожать сотникъ съ 50 стрѣльцами. При отпускѣ воеводы наказывали козакамъ, чтобъ они дорогою никакихъ людей съ собою на Донъ не подговаривали, а которые сами станутъ къ нимъ

приставать, тѣхъ бы не принимали и опалы государевой на себя не наводили. На Черный Яръ и въ Царицынъ послана была грамота, чтобъ тамъ козаковъ въ города не пускали, вина имъ не продавали, чтобъ у козаковъ съ городскими и сельскими жителями никакой ссоры и никакого дурна не было. Но скоро воеводы получили извѣстія, что козаки не думаютъ исполнять ихъ наказа, буйствуютъ по дорогѣ останавливаютъ струга, подговариваютъ къ себѣ стрѣльцовъ. Воеводы послали приказъ Плохово—выговорить Стенькѣ и его товарищамъ ихъ дурости. Но въ отвѣтъ пришло извѣстіе о новыхъ, большихъ дуростяхъ.

1 октября приплылъ Стенька къ Царицыну. Хорошо было астраханскимъ воеводамъ давать приказанія царицынскому воеводѣ, Андрею Унковскому, чтобъ не пускалъ козаковъ въ городъ: но какія у послѣдняго были средства не пускать козаковъ? Гости безъ всякаго сопротивленія вошли въ городъ. Астраханскіе воеводы писали также, чтобъ не продавать вина козакамъ: но опять какія средства для этого у воеводы царицынскаго? Чтобъ удержать козаковъ отъ пьянства и его слѣдствій—ссоръ съ жителями, Унковскій могъ придумать одно — велѣлъ продавать вино по двойной цѣнѣ. Но дорого поплатился воевода за это распоряженіе. Козаки завопили на притѣсненіе; обязанность атамана — заступиться за своихъ; а тутъ еще подлили масло въ огонь: «Воевода этотъ,» говорили козаки: «уже давно насъ притѣсняетъ: которые наша братья пріѣзжаютъ съ Дону на Царицынъ за солью, у тѣхъ онъ беретъ съ дуги по алтыну; да у нашихъ же козаковъ онъ отнялъ у одного двѣ лошади съ санями и хомутами, у другаго пищаль.» И вотъ Разинъ двинулся съ своею толпою на воеводскій дворъ, грозясь зарѣзать Унковскаго; дверь у горницы уже была выбита бревномъ; воевода выкинулся изъ горницы въ окно, вышибъ себѣ ногу, но успѣлъ спрятаться. Стенька искалъ его по всѣмъ хоромамъ, искалъ въ соборной церкви, въ алтарѣ. Не нашедши воеводы, Разинъ велѣлъ сбить замокъ у тюрьмы и выпустить колодниковъ. Когда козаки схлынули, Унковскій вышелъ изъ мѣста своего убѣжища и сѣлъ въ приказной избѣ, но не долго насидѣлъ покойно: въ избу явился козачій старшина, Запорожецъ, на-веселѣ и не могъ отказать себѣ въ удовольствіи поругать воеводу всякою неподобною бранью и подрать его за бороду. Но этимъ дѣло не кончилось: самъ Степанъ Тимофее-

вичъ, узнавъ, что воевода въ приказной избѣ, шелъ съ нимъ раздѣлаться; Унковскій спрятался въ задней избѣ. Дѣло впрочемъ обошлось безъ крови: воевода заплатилъ козакамъ деньги за лошадей и за пищаль, и Стенька удовольствовался острасткою: «Если ты,» сказалъ онъ воеводѣ: «станешь впередъ нашимъ козакамъ налоги чинить, то тебѣ отъ меня живу не быть.» Объявились и другія обычныя козацкія дурости: ѣхалъ на частномъ стругѣ сотникъ, посланный изъ Москвы въ Астрахань съ государевыми грамотами; ночью козаки напали на него, стругъ пограбили, государевы грамоты пометали въ воду. Леонтій Плохово, разставаясь съ Стенькою въ Царицынѣ, говорилъ ему, чтобъ выдалъ бѣглыхъ и подговорныхъ людей. «У козаковъ того не повелось, что бѣглыхъ людей отдавать,» отвѣчалъ Разинъ, и не отдалъ. Съ тѣмъ же требованіемъ выдачи бѣглыхъ явился посланецъ отъ самого набольшаго воеводы астраханскаго, князя Прозоровскаго. Посланный приправилъ требованіе угрозою; Стенька вспыхнулъ: «Какъ ты смѣлъ придти ко мнѣ съ такими рѣчами?» закричалъ онъ: «чтобъ я выдалъ друзей своихъ? Скажи воеводѣ, что я его не боюсь, не боюсь и того, кто повыше его; я увижусь и разсчитаюсь съ воеводою. Онъ дуракъ, трусъ! Хочетъ обращаться со мною какъ съ холопомъ, но я прирожденный вольный человѣкъ. Я сильнѣе его; я расплачусь съ этими негодяями!»

Это не была простая угроза; это былъ прямой вызовъ. Стенька былъ дѣйствительно сильнѣе Прозоровскаго, но что ему было дѣлать съ своею силою? она исчезнетъ безъ употребленія, исчезнетъ и значеніе Разина, его атаманство. Но куда употребить силу? Къ Азову Турки не пустятъ; опять пробиться на Каспійское—можно, но какъ возвратиться? въ другой разъ уже не обмануть государства! И вотъ Стенька опрокидывается на государство; гдѣ же средства для борьбы? поднять всѣхъ голутвенныхъ противъ бояръ и воеводъ, поднять крестьянъ и холопей противъ господъ. Васька Усъ уже указалъ дорогу.

По извѣстному обычаю, Стенька сдѣлалъ земляной городокъ между Кагальникомъ и Ведерниковымъ, перезвалъ къ себѣ сюда изъ Черкаска жену и брата Фрола. Донъ раздѣлился: въ Черкаскѣ сидѣло старое войсковое правительство, атаманъ Корнило Яковлевъ съ старшиною; но сильнѣе его былъ атаманъ новаго

войска, Степанъ Разинъ, который сидѣлъ въ своемъ новомъ городкѣ и котораго силы увеличивались со дня на день. Вѣсти о подвигахъ батюшки Степана Тимоѳеевича, о богатой добычѣ разнеслись быстро: Разинъ распустилъ донскихъ жильцовъ на сроки за крѣпкими поруками въ козачьи городки для свиданія съ родственниками и для исполненія обязательствъ; мы видѣли уже, что въ козачествѣ былъ такой обычай: домовитые козаки ссужали оружіемъ и платьемъ голутвенныхъ, которые отправлялись за добычею, съ условіемъ, чтобъ по возвращеніи добыча была раздѣлена пополамъ. Теперь Стенькины сподвижники дѣлили добычу съ своими *посыльщиками*. Добыча была богатая, и вотъ охотники до зипуновъ потянулись со всѣхъ сторонъ къ счастливому вождю: шли къ Разину голутвенные изъ Донскихъ и Хоперскихъ городковъ, гулящіе люди съ Волги, Черкасы Запорожскіе; и не нужно имъ было ни у кого ссужаться: батюшка Степанъ Тимоѳеевичъ принималъ каждаго съ распростертыми объятіями, ссужалъ и уговаривалъ всячески. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ было у него уже 2700 человѣкъ. Безпрестанно говорилъ онъ имъ, чтобъ были готовы, но куда будетъ походъ—про то знали немногіе козаки и у нихъ никакими мѣрами довѣдаться о томъ было нельзя. Старое правительство войсковое, бывшее въ Черкаскѣ, старые козаки сильно тужили: «пріѣхали въ Черкаскъ изъ Азова присыльщики для заключенія перемирья; козаки имъ отказали и объявили прямо причину: пріѣхалъ Стенька Разинъ съ товарищами, и если онъ, мимо насъ сдѣлаетъ надъ Азовомъ какое дурно, то вы намъ, козакамъ, впередъ ни въ чемъ вѣрить не станете.» Не знали, что дѣлать Корнило Яковлевъ съ товарищами: принимать ли Стеньку въ войско или промыслъ надъ нимъ чинить? Рѣшили послать за этимъ нарочно къ великому государю бить челомъ объ указѣ. Но Разинъ спѣшилъ вывесть ихъ изъ нерѣшительнаго положенія.

Весною 1670 года, въ Ѳомино воскресенье, пріѣхалъ на Донъ жилецъ Герасимъ Евдокимовъ съ царскимъ милостивымъ словомъ; атаманъ Корнило Яковлевъ созвалъ кругъ. Евдокимовъ былъ принятъ честно, грамоту вычли, на государской милости челомъ ударили и объявили посланному, чтобъ онъ былъ готовъ къ отъѣзду: его скоро отпустятъ назадъ къ великому государю вмѣстѣ съ козацкою станицею, какъ водилось. Но въ понедѣльникъ явился въ Черкаскъ другой гость, Степанъ Тимоѳеевичъ Разинъ, и когда

во вторникъ Корнило Яковлевъ созвалъ кругъ для выбора станицы въ Москву, то пришелъ и Разинъ съ своими голутвенными: «Куда станицу выбираете?» спросилъ онъ. — «Отпускаемъ съ жильцомъ Герасимомъ къ великому государю,» былъ отвѣтъ. — «Позвать Герасима сюда!» закричалъ Разинъ, и приказъ немедленно былъ исполненъ, побѣжали за Евдокимовымъ и привели въ кругъ. «Отъ кого ты поѣхалъ, отъ великаго государя или отъ бояръ?» спросилъ его Разинъ. — «Посланъ я отъ великаго государя съ милостивою грамотою,» отвѣчалъ тотъ. — «Врешь!» закричалъ Стенька: «пріѣхалъ ты не съ грамотою, пріѣхалъ къ намъ лазутчикомъ, такой-сякой!» бросился бить Евдокимова и, избивши до полусмерти, велѣлъ бросить въ Донъ. — «Непригоже ты такъ учинилъ,» отозвался было атаманъ Корнило Яковлевъ. — «И ты того же захотѣлъ,» закричалъ на него Разинъ: «владѣй своимъ войскомъ, а я владѣю своимъ!» Атаманъ замолчалъ, видя, что не его время; Разинъ съ голутвенными началъ господствовать въ Черкаскѣ. Нѣсколько добрыхъ козаковъ возвысили было голосъ и отвѣдали Донской воды. Разинъ началъ сбивать съ Дону священниковъ, этихъ подозрительныхъ для него «царскихъ богомольцевъ;» церковь составляла связь козачества съ государствомъ, и вотъ Разинъ износитъ хулу на церковь; послѣ, пожалуй, онъ опять пойдетъ къ Соловецкимъ: «Съ молоду было много бито, граблено, подъ конецъ надо душу спасти!» но теперь Разину было не до богомолья, дикія силы кипѣли въ немъ и требовали выхода, козакъ гулялъ и не вѣрилъ ни во что, «вѣрилъ только въ свой червленый вязъ,» какъ богатырь старой пѣсни. Говорятъ, Стенька вѣнчалъ голутьбу, заставляя ихъ плясать вокругъ дерева. Это не была новость: кто не зналъ пѣсни, какъ богатыри «кругъ ракитова куста вѣнчалися?»

Изъ Черкаска Разинъ отправился вверхъ, въ Паншинъ городокъ, куда пришелъ къ нему знаменитый Васька Усъ съ толпою голутвенныхъ. Всего набралось тысячъ съ семь козаковъ. Собрался кругъ, и атаманъ объявилъ, что идетъ судами и конями подъ Царицынъ. На другой день войско выступило, черезъ два дня, ночью, подошло къ Царицыну, и какъ только началась заниматься заря, козаки съ сухаго пути и съ рѣки обступили городъ. Здѣсь начали бить въ набатъ, выстрѣлили разъ изъ пушки, но уже пять человѣкъ Царицынцевъ перекинулись къ козакамъ

и объявили Стенькѣ, сколько въ городѣ казны, запасовъ, какія крѣпости. Оставивъ Уса осаждать городъ, Стенька отправился за тридцать верстъ, погромилъ Едисанскихъ Татаръ и привелъ подъ Царицынъ плѣнныхъ, пригналъ лошадей, животину. Между тѣмъ, 13 апрѣля, въ таборъ къ Васькѣ Усу явились еще пять человѣкъ Царицынцевъ съ просьбою позволить имъ выходить изъ города, брать воду, выгонять скотъ на пастбище. «Уговаривайте воеводу,» отвѣчалъ Усъ: «чтобъ онъ городъ отперъ, а если онъ заупрямится, то вы сами отбейте городовой замо̀къ.» Въ тотъ же день приказаніе было исполнено: ворота отворились, и воевода Тургеневъ съ племянникомъ своимъ, прислугою, десяткомъ московскихъ стрѣльцовъ и тремя человѣками Царицынцевъ заперся въ башнѣ. Въ городѣ начались пиры, попойки съ козаками, самъ Разинъ пріѣхалъ въ городъ и угостился до-пьяна. Въ этомъ видѣ онъ повелъ козаковъ на приступъ къ башнѣ и взялъ ее послѣ долгаго боя. Несчастный Тургеневъ достался живой козакамъ, и на другой день они угостили себя пріятнымъ зрѣлищемъ: привели Тургенева на веревкѣ къ рѣкѣ, прокололи копьемъ и утопили.

Стенька укрѣпилъ Царицынъ, созвалъ кругъ и объявилъ свой широкій замыселъ: идти вверхъ по Волгѣ подъ государевы города, выводить воеводъ, или идти къ Москвѣ противъ бояръ. Козаки закричали въ отвѣтъ, что полагаются на слово своего батюшки атамана. Но скоро оказалось препятствіе: пришла вѣсть, что астраханскій воевода, князь Прозоровскій, высылаетъ людей къ Черному Яру. Стенька тотчасъ выслалъ конную станицу для провѣдыванья; посыльщики возвратились и сказали, что въ Черномъ Яру стоитъ астраханская рать; но вслѣдъ за этимъ другая вѣсть, что сверху идутъ московскіе стрѣльцы къ Царицыну. Стенька не унылъ, зная, что ни изъ Астрахани, ни изъ Москвы не можетъ быть послано много войска; онъ бросился на московскихъ стрѣльцовъ, которыхъ было 1000 человѣкъ подъ начальствомъ Лопатина. Стрѣльцы стояли спокойно на Денежномъ островѣ, въ семи верстахъ отъ Царицына, какъ вдругъ пули посыпались на нихъ съ двухъ сторонъ: съ луговой стороны напалъ въ судахъ самъ Разинъ, а съ нагорной конные козаки; не смотря на превосходную силу козаковъ, которыхъ было тысячъ съ пять, стрѣльцы начали пробиваться къ Царицыну, думая, что оттуда будетъ имъ выручка; но только что они подплыли подъ городъ

какъ оттуда встрѣтили ихъ пушечными ядрами. 500 стрѣльцовъ было убито, остальныхъ разобрали подъ городомъ, Лопатинъ съ другими начальными людьми имѣлъ участь Тургенева; болѣе 300 стрѣльцовъ Стенька посажалъ на свои суда въ гребцы неволею, они слышали отъ козаковъ удивительныя слова: «Вы бьетесь за измѣнниковъ, а не за государя, а мы бьемся за государя.»

Московскихъ стрѣльцовъ надобно было доставать боемъ; астраханскіе передались безъ сопротивленія; въ Астрахани уже работали Разинскіе посланцы, и легко имъ было тамъ работать: почва была удобная и подготовленная прежнимъ пребываніемъ Стеньки. На встрѣчу ворамъ плыли 2600 стрѣльцовъ и 500 вольныхъ людей подъ начальствомъ товарища воеводскаго, князя Семена Ивановича Львова; но только что у Чернаго Яру показались воровскія суда, какъ всѣ стрѣльцы взволновались и начали вязать начальныхъ людей, громко привѣтствуя своего батюшку, Степана Тимоѳеевича, своего освободителя. Разинъ отвѣчалъ имъ обѣщаніями вольной, богатой, разгульной жизни; восторженные крики не прерывались, и подъ эти крики падали обезображенные трупы начальныхъ людей. Но уцѣлѣлъ какъ-то воевода князь Львовъ.

Вѣсти, полученныя отъ стрѣльцовъ, перемѣнили намѣреніе Разина: сперва онъ хотѣлъ идти подъ верхніе государевы города, тамъ переводить воеводъ; теперь онъ узналъ, что въ Астрахани *свои* ждутъ его съ нетерпѣніемъ и сдадутъ городъ, только что покажутся удалые. Стенька поплылъ къ Астрахани.

Здѣсь давно уже ждали чего-то недобраго: давно были напуганы знаменіями, шумомъ въ церквахъ точно колокольный звонъ, землетрясеніями. Съ 25 мая, съ того дня, какъ отправился князь Львовъ съ стрѣльцами, между Астраханцами начался ропотъ и непослушаніе воеводѣ, и вотъ 4 іюня приходитъ страшная вѣсть, что стрѣльцы передались Разину. Князь Прозоровскій не потерялъ духа и началъ, сколько могъ, хлопотать объ укрѣпленіи города. Помощникомъ ему въ этомъ дѣлѣ былъ Нѣмецъ Бутлеръ, капитанъ перваго русскаго корабля *Орелъ*, стоявшаго въ Астрахани. Въ тотъ же день воевода велѣлъ Бутлеру пересмотрѣть всѣ пушки по валамъ и раскатамъ, и корабельнымъ людямъ приказалъ быть у наряда. На другой день, 5 числа, волненіе между Астраханцами усилилось: какъ видно, и въ народѣ узнали уже объ измѣнѣ стрѣльцовъ. 9 іюня Прозоровскій велѣлъ Бутлеру осмо-

трѣть каменный городъ, а на другой сторонѣ вала хлопоталъ Англичанинъ полковникъ Ѳома Бойль; валъ и раскаты починивали, вездѣ разставили крѣпкій караулъ, стрѣльцы всю ночь стояли по валамъ; въ Нижней башнѣ стояли Персіяне, Калмыки, Черкесы. 13 іюня ночью караульные стрѣльцы увидали, какъ надо всею Астраханью отворилось небо и просыпались изъ него на городъ точно печныя искры. Стрѣльцы побѣжали въ соборъ и разсказали объ этомъ митрополиту Іосифу. Тотъ долго плакалъ и, возвратившись въ келью отъ заутрени, говорилъ: «Изліялся съ небеси фіалъ гнѣва Божія!» Іосифъ имѣлъ право не ждать ничего добраго отъ козаковъ, зная ихъ очень хорошо. Онъ былъ родомъ Астраханецъ; восьми лѣтъ онъ былъ свидѣтелемъ неистовствъ, которыя позволяли себѣ козаки Заруцкаго въ Астрахани. какъ безчестили архіепископа Ѳеодосія за то, что называлъ ихъ ворами, какъ перебили всѣхъ его дворовыхъ, разграбили домъ, самого посадили въ Троицкомъ монастырѣ въ каменную тюрьму. Іосифъ на самомъ себѣ носилъ тяжелый знакъ памяти отъ этого страшнаго времени: голова его постоянно тряслась отъ удара, нанесеннаго ему козаками.

Прозоровскій, услыхавъ о видѣніи, также заплакалъ: онъ не ждалъ ничего добраго отъ стрѣльцовъ и Астраханцевъ, и хотѣлъ, по крайней мѣрѣ, приласкать иноземцевъ: 15 числа онъ позвалъ къ себѣ обѣдать Бутлера, подарилъ ему кафтанъ изъ желтаго атласа, нижнее платье, бѣлье, велѣлъ приходить каждый день обѣдать.

Но въ то время какъ воевода задабривалъ Бутлера, стрѣльцы искали только предлога къ возмущенію. Они являются къ воеводѣ и требуютъ жалованья за прошлый годъ. «Казны великаго государя изъ Москвы еще не бывало,» отвѣчалъ Прозоровскій; «развѣ что дастъ отъ себя взаймы митрополитъ или изъ Троицкаго монастыря, и я вамъ роздамъ, по скольку придется, чтобъ вамъ богоотметника и измѣнника Стеньки Разина не слушать и радѣть великому государю.» Объяснившись такъ откровенно съ стрѣльцами, Прозоровскій идетъ къ митрополиту: «Какъ быть? надобно дать, иначе бѣда!»—«Надобно дать,» отвѣчаетъ митрополитъ: «злоба велика, прельстились къ богоотступнику!» и вынесъ своихъ келейныхъ денегъ 600 рублей, да изъ Троицкаго монастыря велѣлъ взять 2000. Воевода роздалъ эти деньги стрѣльцамъ;

предлогъ къ возмущенію исчезъ, но не исчезло желаніе, и съ нетерпѣніемъ ждали батюшки Степана Тимоѳеевича.

И вотъ пошли толки о новомъ знаменіи: раннимъ утромъ караульные стрѣльцы увидали три столпа разноцвѣтныхъ, точно радуга, а на верху три вѣнца. Видѣлъ и самъ митрополитъ Іосифъ. Не къ добру! Не къ добру и то, что въ Петровки, когда бывало негдѣ дѣться отъ жара, теперь ходятъ всѣ въ тепломъ платьѣ: холодъ, дожди съ градомъ!

22-го числа воровскіе козаки уже были въ виду города. Стенька сталъ у Жареныхъ Бугровъ и прислалъ въ Астрахань съ прелестными грамотами Воздвиженскаго священника и человѣка князя Львова, попавшихся къ нему въ плѣнъ; была у нихъ и грамотка къ Бутлеру на нѣмецкомъ языкѣ! Стенька уговаривалъ Нѣмцевъ поберечь свою жизнь и не стоять противъ козаковъ. Бутлеръ отдалъ грамоту воеводѣ; тотъ разодралъ ее, велѣлъ пытать холопа и отсѣчь голову; попа посадили въ тюрьму, заклепавши ротъ. Воевода укрѣплялъ городъ, закладывалъ ворота кирпичемъ, митрополитъ съ духовенствомъ обходилъ городъ крестнымъ ходомъ. 23-го числа козаки пристали къ городу у рѣчки Кривуши подъ виноградными садами; запылала Татарская слобода: ее зажгли свои намѣренно, чтобъ не давать пріюта непріятелю. Но вотъ приводятъ къ воеводѣ другаго рода зажигальщиковъ: двое нищихъ перебѣжали къ Разину и возвратились отъ него съ порученіемъ зажечь Бѣлый городъ во время приступа. Нищіе были казнены для острастки; но воевода мало надѣялся на одну острастку и спѣшилъ употребить другое средство: на митрополичій дворъ созваны были пятидесятники и старые лучшіе люди: митрополитъ и воевода долго уговаривали ихъ постараться за домъ Пречистыя Богородицы, послужить великому государю вѣрою и правдою, биться съ измѣнниками мужественно, обѣщали царскую милость живымъ, вѣчное блаженство падшимъ. Всѣ на словахъ увѣряли, что не будутъ щадить живота своего; но иначе вышло на дѣлѣ.

Вечеромъ бояринъ, принявши благословеніе у митрополита, ополчился въ ратную сбрую и выступилъ, какъ обыкновенно воеводы выступали въ походъ, пошелъ со всѣми своими державниками и дворовыми людьми, передъ ними вели коней подъ попонами, били въ тулунбасы, трубили въ трубы. Прозоровскій сталъ

у Вознесенскихъ воротъ, куда ждалъ самаго сильнаго напора отъ воровъ.

Ночь проходила. Въ три часа утра 24-го числа тревога. приступъ, пушки загремѣли съ города. Но козаки, не обращая на нихъ вниманія, приставили лѣстницы къ стѣнамъ,—и не копьями, не варомъ были встрѣчены: измѣнники принимали ихъ какъ друзей, давно жданныхъ; по всему городу раздались козачьи крики, и кричали не одни воровскіе козаки, кричали стрѣльцы, кричали Астраханцы и первые бросились бить дворянъ, сотниковъ, боярскихъ людей, вѣрныхъ господамъ своимъ, и пушкарей. Въ одномъ углу, еще ничего не зная, стоялъ Бутлеръ и продолжалъ работать изъ пушекъ, какъ вдругъ является къ нему Англичанинъ Бойль, съ окровавленнымъ лицомъ, шатающійся: «Что вы тутъ дѣлаете?» кричитъ онъ: «весь городъ измѣнилъ; стрѣльцы моего полка прокололи мнѣ лице и ноги копьемъ, до смерти бы убили, еслибъ не латы; я говорилъ имъ, чтобъ вѣрно служили. а они мнѣ велѣли молчать.» Бутлеръ бросился бѣжать.

Между тѣмъ народъ спѣшилъ къ соборной церкви: туда вѣрные холопи принесли на коврѣ Прозоровскаго, раненаго копьемъ въ животъ. Скоро прибѣжалъ и митрополитъ Іосифъ и со слезами бросился къ воеводѣ, съ которымъ жилъ очень дружно; но плакать было некогда: Іосифъ спѣшилъ пріобщить страдальца св. Таинъ. Церковь все больше и больше наполнялась народомъ: вбѣгали дьяки, головы стрѣлецкіе, подъячіе, всѣ тѣ, которымъ нечего было ждать добра отъ воровъ. Думали еще защищаться; заперли церковныя двери и у нихъ съ большимъ ножемъ сталъ стрѣлецкій пятидесятникъ Фролъ Дура, рѣшившійся дорого отдать ворамъ святое мѣсто. Онъ не долго дожидался: козаки прибѣжали и начали ломиться; рѣзныя желѣзныя двери не подавались, они выстрѣлили сквозь нихъ изъ самопала. Раздался вопль: на рукахъ у матери трепеталъ въ крови полуторагодовой ребенокъ. Наконецъ двери подались; Фролъ Дура началъ работать ножомъ: разъяренные козаки выхватили его изъ церкви и у паперти изсѣкли на части; Прозоровскаго, дьяковъ, головъ стрѣлецкихъ, дворянъ и дѣтей боярскихъ, сотниковъ и подъячихъ всѣхъ перевязали и посадили подъ раскатъ дожидаться козацкаго суда и расправы. Судъ и расправа были коротки: явился атаманъ и велѣлъ взвести воеводу на раскатъ и оттуда ринуть на землю.

Другихъ несчастныхъ не удостоили такого почета: ихъ сѣкли мечами и бердышами передъ соборною церковію, кровь текла ручьемъ мимо церкви до приказной палаты; трупы бросали безъ разбору въ Троицкомъ монастырѣ въ братскую могилу; подлѣ могилы стоялъ монахъ и считалъ: началъ 441.

Послѣ убійствъ начался грабежъ: пограбили приказную палату, дворы убитыхъ, дворы богатыхъ людей, гостиные дворы: русскій, гилянскій, индѣйскій, бухарскій, и все свезено было въ кучу для ровнаго дувана. Но въ то время, когда цѣлый уже городъ со всѣми своими богатствами былъ въ рукахъ Стеньки и его товарищей, въ одномъ мѣстѣ слышалась стрѣльба: въ пыточной башнѣ сѣли на смерть люди Каспулата Муцаловича Черкаскаго, двое Русскихъ, да пушкари, всего девять человѣкъ, и бились съ ворами до полудня; не стало свинцу, стрѣляли деньгами; не стало пороху—покидались за городъ; нѣкоторые пришиблись до смерти, другихъ схватили и посѣкли.

Это было послѣднее сопротивленіе. Начальныхъ людей не было: они лежали всѣ въ Троицкомъ монастырѣ, въ общей могилѣ. Стенька владѣлъ Астраханью. Онъ сдѣлалъ изъ нея козацкій городокъ, раздѣлилъ жителей на тысячи, сотни, десятки, съ выборными атаманами, есаулами, сотниками и десятниками; зашумѣлъ кругъ, старинное вѣче. Въ одно утро все это козачество двинулось за городъ: тамъ на просторномъ, открытомъ мѣстѣ приводили къ присягѣ, клялись: за великаго государя стоять, атаману Степану Тимоѳеевичу и всему войску служить, измѣнниковъ выводить; два священника стали обличать вора: одного посадили въ воду, другому отсѣкли руку и ногу. Разинъ велѣлъ сжечь всѣ бумаги и хвалился, что сожжетъ всѣ дѣла и въ Москвѣ, *въ верху*, т. е. во дворцѣ государевомъ.

Козаки, старые и новые, гуляли, съ утра все уже пьяно; Стенька разъѣзжалъ по улицамъ или пьяный сидѣлъ у митрополичьяго двора на улицѣ, поджавши ноги по-турецки. Каждый день кровавыя потѣхи: по мановенію пьянаго атамана одному отсѣкутъ голову, другаго кинутъ въ воду, иному отрубятъ руки и ноги; то вдругъ смилуется Стенька, велитъ отпустить несчастнаго, ожидающаго казни. Дѣтямъ понравилась потѣха отцовъ: и они завели круги, и кто провинится, бьютъ палками, вѣшаютъ за ноги, одного повѣсили за шею—и сняли мертваго. Женамъ и дочерямъ поби-

тыхъ дворянъ, сотниковъ и подъячихъ не было проходу отъ ругательства козацкихъ женъ; но ругательствами дѣло не кончилось: атаманъ началъ выдавать ихъ замужъ за своихъ козаковъ, священникамъ приказано было вѣнчать по печатямъ атамана, а не по архіерейскому благословенію. Митрополитъ молчалъ; въ день именинъ царевича Ѳеодора Алексѣевича онъ имѣлъ слабость позвать или допустить къ себѣ на обѣдъ Стеньку и всѣхъ старшихъ козаковъ: гостей нагрянуло больше ста человѣкъ.

У митрополита въ кельяхъ скрывалась вдова воеводы, княгиня Прозоровская, съ двумя сыновьями; одному было 16, другому 8 лѣтъ. Стенька вспомнилъ о княжатахъ и велѣлъ привести къ себѣ старшаго: «Гдѣ казна, что сбиралась въ Астрахани съ торговыхъ людей?»—«Вся пошла на жалованье служилымъ людямъ,» отвѣчалъ мальчикъ и сослался на подъячаго Алексѣева, который подтвердилъ его слова.— «А гдѣ ваши животы?» — «Разграблены,» отвѣчалъ князь: «нашъ казначей отдавалъ ихъ по твоему приказу, возилъ ихъ твой есаулъ.» Послѣ этого допроса Прозоровскій висѣлъ вверхъ ногами на городской стѣнѣ, подъячій на крюкѣ за ребро. Аппетитъ былъ возбужденъ: Стенька велѣлъ вырвать у княгини Прозоровской и другаго сына и повѣсить за ноги подлѣ брата. На другой день старшаго Прозоровскаго сбросили съ стѣны; младшаго сняли живымъ, высѣкли и отослали къ матери; подъячій уже не дышалъ. Другой воевода, князь Семенъ Львовъ былъ пощаженъ, и сохранилось извѣстіе о причинѣ этой пощады: когда Разинъ пріѣхалъ изъ персидскаго похода въ Астрахань, то очень сошелся съ княземъ Семеномъ Львовымъ, они побратались, и Стенька не выходилъ изъ дому воеводы, пилъ, ѣлъ и спалъ тутъ; поэтому, когда Разинъ пришелъ въ другой разъ подъ Астрахань, то пощадилъ князя Семена и даже имѣніе его не пограбилъ.

Стенька протрезвился и увидалъ, что загостился въ Астрахани. Онъ хотѣлъ прямо изъ Царицына нагрянуть на государевы города, и тогда, трудно сказать, гдѣ бы онъ былъ остановленъ силою государства; по всѣмъ вѣроятностямъ, ему удалось бы зимовать въ Нижнемъ, какъ намѣревался. Но вѣсти о выходѣ князя Львова изъ Астрахани заставили его спуститься внизъ, а разсказы передавшихся стрѣльцовъ, представившихъ Астрахань легкою добычею, заставили его идти къ этому городу. Такимъ образомъ Стенька потерялъ много дорогаго времени. Въ концѣ іюля

онъ сталъ сбираться вверхъ; сборы эти протрезвили Астраханцевъ, побратавшихся съ козаками: хотя они и присягали великому государю, однако хорошо знали, что по уходѣ Стеньки могутъ скоро явиться подъ ихъ городомъ государевы воеводы, и какъ Стенька успѣлъ овладѣть Астраханью благодаря *своимъ людямъ*, такъ и у воеводъ найдутся свои же люди, теперь смолкнувшіе изъ страха или успѣвшіе укрыться отъ истребленія; Астраханцы явились къ Стенькѣ: «Многіе дворяне и приказные люди перехоронились: позволь намъ сыскавъ ихъ побить, для того, когда отъ великаго государя будетъ въ Астрахань какая присылка, то они намъ будутъ первые непріятели.»—«Когда я изъ Астрахани пойду,» отвѣчалъ Стенька: «то вы дѣлайте какъ хотите, и для расправы оставляю вамъ козака Ваську Уса.»

На двухъ-стахъ судахъ поплылъ Разинъ вверхъ по Волгѣ, по берегу шло 2000 конницы. Отпустивъ изъ Царицына астраханскую добычу на Донъ, Стенька пошелъ дальше, занялъ Саратовъ, Самару съ обычными церемоніями: воевода утопленъ, дворяне и приказные люди перебиты, имѣніе ихъ пограблено, жители покозачены. Изъ Самары Разинъ двинулся къ Симбирску, гдѣ сидѣлъ окольничій Иванъ Богдановичъ Милославскій, а на помощь ему спѣшилъ изъ Казани окольничій князь Юрій Никитичъ Борятинскій и успѣлъ придти къ Симбирску 31 августа, прежде Разина. «Нельзя мнѣ было не спѣшить» писалъ Борятинскій: «чтобъ Симбирскъ не потерять и въ черту вора не пропустить.» Но воевода имѣлъ мало надежды на успѣхъ: «Со мною пришло ратныхъ людей не много,» доносилъ онъ царю: «начальные люди Зыковскаго и Чубаровскаго полковъ взяли на Москвѣ жалованье, а въ полки до сихъ поръ не бывали, живутъ по деревнямъ своимъ, а полковъ держать некому. Алексѣй Еропкинъ разбиралъ служилыхъ людей не по указу, для своей бездѣльной корысти, вмѣсто того, чтобъ оставить у себя самыхъ меньшихъ статей, оставилъ лучшихъ людей, кому было можно служить; рейтарскимъ полкамъ прислалъ списки, а въ спискахъ написаны многіе мертвые, одно имя дважды и трижды, на лицо 1300 человѣкъ въ обоихъ полкахъ, и въ томъ числѣ треть пѣшихъ. А безъ пѣхоты мнѣ быть нельзя. Пока надъ ворами промыслу не учинить, станутъ ходить и прельщать безопасно; а еслибъ надъ ними промыслъ учинили, то онъ бы убавилъ вымыслу своего воровскаго.

Промыслъ чинить буду сколько милосердый Богъ помощи подастъ, а по спискамъ у меня въ полку гораздо малолюдно, и съ малолюдствомъ надъ такимъ воромъ, безъ пѣхоты, въ дальнихъ мѣстахъ, промыслу учинить нельзя.»

Такимъ образомъ воевода загоди уже спѣшилъ объяснить причину своей будущей неудачи. Борятинскій не долго ждалъ оправданія своихъ опасеній. 4 сентября явился и Разинъ подъ Симбирскомъ, ночью обошелъ городъ, остановилъ свои струга за полверсты выше города, и, въ отдачу ночныхъ часовъ, выйдя изъ струговъ, направился къ городу на приступъ; но Борятинскій загородилъ ему дорогу, Стенька бросился на него и завязался ожесточенный бой, длившійся съ утра до вечера; ни та, ни другая сторона не получила верха; разошлись отъ усталости и цѣлыя сутки стояли на одномъ мѣстѣ, смотря другъ на друга. Но Разинъ не былъ безъ дѣла: онъ пересылался съ жителями Симбирска и, увѣрившись, что они на его сторонѣ, ночью напалъ на Борятинскаго и учинилъ бой великій, а за полчаса до свѣта воры начали приступать къ Симбирску, именно къ тѣмъ пряcламъ стѣны, гдѣ стояли Симбирцы. Пострѣлявши сначала для виду пыжами, они впустили козаковъ въ острогъ и сами бросились рубить людей боярскихъ, не бывшихъ съ ними въ одной думѣ. Овладѣвши острогомъ, воры бросились къ городу, но тутъ явился Борятинскій; воры обратили на него острожныя пушки и не допустили безъ пѣхоты пробиться къ городу, но за то и сами должны были отступить. Борятинскій, видя, что безъ пѣхоты ничего не сдѣлаетъ, отступилъ отъ Симбирска къ Тетющамъ, написавъ государю: «Татары, которые въ рейтарахъ и сотняхъ, худы и ненадежны, съ перваго боя многіе утекли въ домы свои, нельзя на нихъ надѣяться и денегъ на нихъ нечего терять. Начальные люди въ полкъ ко мнѣ не бывали, живутъ по деревнямъ. Окольничій Иванъ Богдановичъ Милославскій сѣлъ въ маломъ городкѣ, съ нимъ головы стрѣлецкіе, солдаты и иныхъ чиновъ люди; малый городокъ крѣпкій, скоро взять не чаю, только безводенъ, колодцевъ нѣтъ, а они воды навозили много. Я пошелъ въ Тетюши и дожидаюсь князя Петра Семеновича Урусова, чтобъ намъ пойти опять къ Симбирску: и будетъ Иванъ (Милославскій) сидитъ, чтобъ его отъ осады освободить; а будетъ Ивана взяли, и намъ идти на Разина; а у него не многолюдно, больше пяти тысячъ нѣтъ худаго и добраго,

а нынче у него на бояхъ и на приступѣ безмѣрно побито лучшихъ людей. Хотя бы у меня было 2000 пѣхоты, и онъ бы совсѣмъ пропалъ, не только бы къ Симбирску, и къ берегу бы не допустилъ; но видя, что безъ пѣхоты съ нимъ дѣлать нечего, я отошелъ и полкъ твой отвелъ въ цѣлости.»

Иванъ сидѣлъ, несмотря на то, что силы Разина день ото дня увеличивались приходомъ Чувашъ, Мордвы и русскихъ крестьянъ. Четыре раза козаки приступали къ городку, все по ночамъ; чтобъ зажечь городокъ, возили изъ уѣздовъ солому, дѣлали туры, въ туры клали зелье, смолу, сухія драницы; но всѣ приступы были отбиты и городокъ оставался невредимъ. Цѣлый мѣсяцъ сидѣлъ Иванъ, и 1 октября увидалъ движеніе въ козацкомъ станѣ, Стенька уходилъ: въ семи верстахъ стоялъ обозомъ князь Юрій Борятинскій, выдержавшій на дорогѣ съ устья Казани рѣки четыре боя съ воровскими козаками, Татарами, Чувашами, Черемисою и Мордвою. Въ двухъ верстахъ отъ Симбирска, у рѣки Свіяги, Стенька схватился съ своимъ старымъ знакомымъ. Въ первой схваткѣ Стеньку сорвали и прогнали; но онъ собрался со всѣми силами, взялъ пушки и схватился въ другой разъ: «люди въ людяхъ мѣшались и стрѣльба на обѣ стороны ружейная и пушечная была въ притинъ»; съ козацкой стороны пало безчисленное множество народа, самъ Стенька получилъ двѣ раны, одинъ Алатырецъ схватилъ было его и повалилъ, но былъ застрѣленъ ворами. Стенька былъ разбитъ въ пухъ, побѣжалъ къ острожному симбирскому валу и заперся въ башнѣ. 2-го числа онъ могъ вздохнуть, оглядѣться; Борятинскій наводилъ мосты на Свіягѣ и 3 числа подошелъ къ городку: Милославскій былъ освобожденъ. Но дѣло еще не кончилось: Стенька стоялъ по ту сторону города у Казанскихъ воротъ, весь острогъ занялъ воровскими людьми. Стенька не оставлялъ намѣренія зажечь городъ и взять его. Борятинскій употребилъ хитрость: ночью велѣлъ полковнику Чубарову зайти за Свіягу съ полкомъ своимъ и тамъ дѣлать окрики, какъ будто бы пришло новое царское войско. Хитрость удалась вполнѣ: на Стеньку напалъ страхъ и онъ рѣшился убѣжать тайкомъ съ одними донскими козаками, потому что бѣгство цѣлаго войска было бы замѣчено и нужно было бы выдержать преслѣдованіе отъ воеводъ. Онъ объявилъ собравшейся около него толпѣ Астраханцевъ, Царицынцевъ, Саратовцевъ и Самарцевъ, чтобъ они

стояли у города, а самъ онъ съ Донцами пойдетъ на царскихъ воеводъ; но вмѣсто того кинулся на суда и поплылъ. Борятинскій, узнавъ о бѣгствѣ Разина, рѣшился покончить съ оставшимися ворами: онъ вышелъ съ конницею на поле и сталъ около города, а пѣхоту пустилъ на покинутый Разинымъ обозъ и въ острогъ; Милославскій съ другой стороны входилъ въ острогъ, который запылалъ въ разныхъ мѣстахъ. Поражаемые съ двухъ сторонъ и особенно вытѣсняемые пламенемъ, воры бросились къ рѣкѣ, къ судамъ, но были всѣ перетоплены; въ плѣнъ попалось 500—600 человѣкъ, и всѣ были истреблены: заводчиковъ четвертовали, другихъ рубили и вѣшали по всѣмъ дорогамъ и по берегу Волги. По чертѣ и по уѣздамъ разосланы были повѣстки, чтобъ всѣ измѣнившіе добили въ винахъ своихъ челомъ государю и жили въ домахъ своихъ по прежнему; пригородные служилые люди добили челомъ: изъ нихъ выбирали съ слободы по человѣку и били кнутомъ. Послѣдній успѣхъ свой въ Симбирскѣ Борятинскій приписывалъ зажженію острога: «еслибы не зажгли острогу,» писалъ онъ государю: «то долго было бы около нихъ ходить за многолюдствомъ.»

Гостьба козаковъ въ Астрахани, упорная защита Симбирскаго городка Милославскимъ и побѣда Борятинскаго погубили Стеньку и его дѣло, которое начало было разыгрываться въ обширныхъ размѣрахъ.

Какъ только еще Стенька подошелъ къ Симбирску и заставилъ Борятинскаго удалиться на сѣверъ, воровскіе козаки съ прелестными листами разсѣялись вверхъ по Волгѣ. Въ прелестныхъ листахъ говорилось, что козаки идутъ противъ измѣнниковъ бояръ и съ ними идутъ *Нечай* царевичъ Алексѣй Алексѣевичъ (недавно умершій) и патріархъ Никонъ, изгнанный боярами. Бунтъ запылалъ на всемъ пространствѣ между Окою и Волгою; повторилось то, что мы уже видѣли въ смутное время здѣсь же, на восточной украйнѣ, и во время возстанія Хмельницкаго на западной: въ селахъ крестьяне начали истреблять помѣщиковъ и прикащиковъ ихъ, и толпами поднялись въ козаки; заслышавъ приближеніе этихъ воровскихъ шаекъ, въ городахъ чернь бросалась на воеводъ и на приказныхъ людей, впускала въ городъ козаковъ, принимала атамана вмѣсто воеводы, вводила козацкое устройство; воеводы и приказные люди, *облихованные* міромъ, на которыхъ

было много жалобъ, истреблялись, *одобренныхъ* не трогали. Какъ въ смутное время, поднялись варварскіе инородцы—Мордва, Чуваши и Черемисы.

Поднимая бунтъ, воровскіе козаки держались двухъ главныхъ направленій: отъ Симбирска на западъ, по нынѣшнимъ губерніямъ Симбирской, Пензенской и Тамбовской, и потомъ къ сѣверо-западу, по Симбирской и Нижегородской. Первое ополченіе, отдѣлившееся отъ Разина подъ Симбирскомъ въ сентябрѣ, направилось къ Корсуню подъ начальствомъ Мишки Харитонова; цѣль была объявлена: идти въ русскіе города, побить бояръ, женъ ихъ и дѣтей и домы разорить. Корсунскіе городскіе люди пристали къ ворамъ и пошли съ ними вмѣстѣ бить помѣщиковъ по селамъ и деревнямъ. 18 сентября Атемарцы сдали свой городъ; 19 сдался инсарскій острогъ; первое сопротивленіе оказалъ Саранскъ: съ утра до вечера приступали воры къ Саранску, наконецъ ворвались въ него, побили воеводу и ратныхъ людей. Атаманы собрали кругъ и объявили, что пойдутъ по чертѣ до Тамбова. Царскіе воеводы, сидѣвшіе въ городкахъ по этой чертѣ, предвидѣли свою горькую участь: Керенскій воевода Безобразовъ писалъ въ Тамбовъ: «Здѣшніе люди всѣ въ отчаяніе пришли; хотя и не много воровъ придетъ, но я отъ здѣшнихъ людей добра ничего не чаю и въ печаляхъ своихъ чуть живъ; да ихъ же воровская прелесть во всѣхъ людей вѣяла, будто съ ними идетъ Нечай царевичъ Алексѣй Алексѣевичъ да Никонъ патріархъ; и малоумные люди все то ставятъ въ правду, и отъ того пущая бѣда и поколебаніе въ людяхъ.» Нижнеломовскій воевода Андрей Пекинъ писалъ воеводѣ Якову Хитрову (23 сентября): «Въ Нижнемъ Ломовѣ козаки знатно что измѣнили: поминай меня убогаго, да и великому государю извѣсти, чтобъ указалъ въ сенодикъ написать съ женою и дѣтьми.»

Не долго ждали воеводы своей участи. Изъ Саранска Мишка Харитоновъ отправился къ Пензѣ: здѣсь какъ только завидѣли воровскія знамена, конскіе хвосты, развѣвавшіеся на шестахъ, такъ тотчасъ же взволновались, убили воеводу и побратались съ козаками. Въ Пензу изъ Саратова явилась новая толпа воровъ, атаманомъ которой сталъ донской козакъ изъ бѣглыхъ солдатъ, Васька Ѳедоровъ. Взявши двѣ пушки, воры вышли изъ Пензы и заняли Наровчатъ. Предчувствія Андрея Пекина оправдались:

Нижнеломовцы схватили его, посадили въ тюрьму и послали въ Наровчатъ къ воровскимъ козакамъ; тѣ явились и подняли на копья облихованнаго воеводу, что считалось ругательною смертію; изъ Нижняго Ломова отправился козачій отрядъ къ Верхнему, гдѣ жители также выдали своего воеводу Корсакова: его привезли въ Нижній Ломовъ, и умертвили; но Керенскаго воеводу Безобразова отпустили въ Шацкъ. Двигаясь туда же, воры вошли въ Кадомскій уѣздъ; здѣсь къ Мишкѣ Харитонову и Васькѣ Ѳедорову присталъ въ Жуковщинѣ третій атаманъ Мишка, а въ селѣ Конобеевѣ четвертый, Шиловъ; въ каждой деревнѣ, черезъ которую проходили козаки, они брали къ себѣ по мужику съ дыма; кромѣ того толпы ихъ увеличивались Татарами и Мордвою. Въ разореніи помѣщичьихъ домовъ особенно отличался крестьянинъ Жуковыхъ, Кадовскаго уѣзда Острогожскаго села, прозвищемъ Чирокъ.

Другая толпа воровъ, посланная Разинымъ изъ-подъ Симбирска съ атаманомъ Максимомъ Осиповымъ, который выдавалъ себя за царевича Алексѣя, двигалась на сѣверо-западъ къ Алатырю; городъ былъ взятъ и сожженъ; воевода Акинѳъ Бутурлинъ съ женою и дѣтьми и дворяне, запершіеся въ соборной церкви, всѣ сгорѣли; Темниковъ также былъ взятъ: воевода Челищевъ убѣжалъ, но брата его, племянника и подъячихъ воры побили. Въ Курмышѣ козаки встрѣтили почетный пріемъ: городскіе и уѣздные люди вышли къ нимъ съ образами и вмѣстѣ съ ними встрѣчалъ воевода: курмышцы всѣ міромъ его одобрили, и онъ остался на воеводствѣ, грабежу и никакого разоренья воеводѣ и городскимъ людямъ не было. И въ Ядринѣ воевода остался живъ, потому что его міромъ одобрили. Изъ Василя воевода убѣжалъ; Козьмодемьянцы убили своего воеводу, подъячаго, выбрали въ старшины посадскаго человѣка, освободили тюремныхъ сидѣльцевъ, и одинъ изъ нихъ, Долгополовъ, пошелъ поднимать Ветлугу. Взволновались жители Лыскова и прислали въ Курмышъ звать къ себѣ атамана Осипова; воевода ушелъ; Мурашкинцы отсѣкли голову своему воеводѣ, Племянникому. Въ Лысковѣ козаки были приняты съ торжествомъ; но на другой сторонѣ Волги не хотѣлъ сдаваться имъ Макарьевскій Желтоводскій монастырь, привлекавшій воровъ богатою добычею. 8 октября воры приступили къ монастырю съ страшнымъ крикомъ: «Нечай! Нечай!» (мы зна-

емъ, что это значило) и старались зажечь монастырь; но монахи, служки, крестьяне и богомольцы затушили пожаръ и отбили воровъ. Козаки отступили въ Лысково, оттуда въ Мурашкино и все болѣе и болѣе набирали къ себѣ людей; у Осипова было уже тысячъ пятнадцать народа, Мордвы, Черемисъ и русскихъ крестьянъ, и между ними сто человѣкъ донскихъ козаковъ, товарищей Разина. Отрядъ этого войска, подъ начальствомъ атамана Янка Микитинскаго, пошелъ въ другой разъ подъ Макарьевъ монастырь и успѣлъ захватить его: пожитки частныхъ людей, отданные въ монастырь на сбереженіе, были разграблены, но монастырскаго ничего не тронули. Между тѣмъ къ Осипову въ Мурашкино нахлынули новыя толпы Татаръ, Мордвы и Чувашъ, и онъ сбирался идти подъ Нижній, потому что нижегородская чернь уже дважды присылала къ нему съ приглашеніемъ придти: городъ будетъ сданъ и государевы люди побиты. Но во время сборовъ къ Нижнему прискакалъ гонецъ отъ Разина съ приказомъ идти къ нему на помощь со всѣми силами, потому что его, Стеньку, князь Борятинскій подъ Симбирскомъ побилъ.

Такимъ образомъ нечего было ждать главнаго атамана для поддержанія и распространенія мятежа, а между тѣмъ царскіе воеводы стали двигаться съ разныхъ сторонъ, и нестройныя толпы черни, кой-какъ вооруженной, не могли стоять противъ государевыхъ ратныхъ людей. Остановка Разина въ Астрахани и потомъ подъ Симбирскомъ дала воеводамъ возможность собраться съ силами, которыхъ вначалѣ, какъ мы уже могли видѣть изъ донесенія Борятинскаго, было очень недостаточно. Знаменитый бояринъ и воевода князь Юрій Алексѣевичъ Долгорукій стоялъ въ Арзамасѣ и оттуда доносилъ царю: «Пущіе заводчики въ воровствѣ тѣ, которые присланы отъ Стеньки Разина, изъ симбирской черты стрѣльцы и козаки, да будники которые были на будахъ. Пущіе заводы воровскіе отъ Нижегородскаго уѣзда, отъ Лыскова, Мурашкина и отъ Терюшевской волости; этихъ воровъ умножилось; ратныхъ людей, которые идутъ къ намъ въ полки, побиваютъ и грабятъ; а съ другой стороны отъ Шацка, Кадома и Темникова воровство большое жь; на такихъ воровъ малыя посылки посылать опасно, а многолюдную посылку послать — и у насъ малолюдно: стольниковъ объявилось въ естяхъ 96 человѣкъ а въ нѣтяхъ 92, стряпчихъ въ естяхъ 95, а въ нѣтяхъ 212, дво-

рянъ московскихъ въ естяхъ 108, а въ нѣтяхъ 279, жильцовъ въ естяхъ 291, а въ нѣтяхъ 1508. разныхъ городовъ дворянъ и дѣтей боярскихъ зѣло мало въ пріѣздахъ, а рейтарскіе полковники и рейтары изъ Переяславля Залѣскаго и Рязанскаго не бывали.» Долгорукій уже объяснилъ, почему было такое количество нѣтей: «ратныхъ людей, которые идутъ къ намъ въ полки, побиваютъ и грабятъ.» Нижегородскіе воеводы подтверждали это объясненіе: «Пришли къ Нижнему Новгороду ратные люди, велѣно быть имъ въ полку боярина князь Юрья Алексѣевича Долгорукаго. И нынѣ тѣ ратные люди стоятъ подъ Нижнимъ для того, что въ Нижегородскомъ уѣздѣ воры дороги всѣ переняли и учинили по дорогамъ крѣпости и засѣки и заставы крѣпкія и многолюдныя, конныхъ и пѣшихъ людей не пропустятъ, побиваютъ до смерти. Въ Нижегородскомъ уѣздѣ многія села и деревни разорили и выжгли, дворянъ ихъ, женъ и дѣтей и людей ихъ побили; къ Нижнему Новгороду подъѣзжаютъ и всякимъ жилецкимъ людямъ говорятъ съ угрозами и воровскія письма привозятъ, чтобъ жилецкіе люди имъ городъ сдали и ихъ встрѣтили; изъ тѣхъ воровъ два человѣка, пріѣхавшіе съ воровскими письмами, пытаны накрѣпко и кажнены смертію.»

Бунтъ обхватывалъ Долгорукаго съ трехъ сторонъ, съ юга, востока и сѣвера: воевода не могъ думать о наступательныхъ движеніяхъ и долженъ былъ ограничиваться оборонительными дѣйствіями отъ наступавшихъ воровъ. Оборона была удачна. 28-го сентября воевода думный дворянинъ Ѳедоръ Леонтьевъ побилъ воровъ въ селѣ Путятинѣ; узнавъ, что новыя толпы движутся изъ Алатыря прямо къ Арзамасу. Леонтьевъ соединился съ окольничимъ княземъ Константиномъ Щербатовымъ и 30-го сентября побили воровъ въ селѣ Пановѣ; но черезъ пять дней узнали, что воры въ деревнѣ Исуповѣ, только въ 12 верстахъ отъ Арзамаса: на нихъ пошелъ Щербатовъ и разбилъ; 9 октября Леонтьевъ разбилъ другую шайку въ селѣ Кременкахъ; 13 го октября Щербатовъ встрѣтилъ и разбилъ воровъ по Саранской дорогѣ, въ селѣ Поѣ; другой большой бой загорѣлся у села Мамлѣева и кончился также пораженіемъ козаковъ.

Воровской напоръ на Арзамазъ былъ сдержанъ, и Долгорукій могъ перейти къ наступательнымъ движеніямъ. Важнѣе всего ему было очистить сѣверъ, нижегородскія мѣста, и не дать ворамъ

Нижняго. Съ этою цѣлію онъ отправилъ Щербатова и Леонтьева къ Мурашкину, на самое сильное скопище, гнѣздо самозванства и воровскихъ прелестей. 22-го октября, не доходя пяти верстъ до Мурашкина, воеводы встрѣтили воровъ и начали бой; воры стали отступать, вели государевыхъ людей полторы версты и навели на главные свои полки къ пушкамъ; тутъ, въ трехъ верстахъ отъ Мурашкина, загорѣлся большой бой; нестройныя толпы, несмотря на свою многочисленность и пушки, не выдержали натиска государевыхъ людей и побѣжали, оставивъ побѣдителямъ 21 пушку, 18 знаменъ и 61 плѣнника; участь послѣднихъ была рѣшена немедленно, у Мурашкина же: одни повѣшены, другимъ отсѣчены головы; побѣда стоила воеводамъ 2 человѣка убитыми и 48 ранеными. Отъ Мурашкина воеводы двинулись къ Лыскову: Лысковцы сдались 24-го октября. 28-го октября воеводы побѣдители пришли въ Нижній и остановились здѣсь на три дня для расправы: «въ нижегородскихъ жителяхъ была къ воровству шатость; воеводы этихъ воровъ перехватали и велѣли казнить смертію: повѣсить около города по воротамъ; инымъ отсѣчь головы, другихъ четвертовать въ городѣ.»

Послѣ этихъ мѣръ Нижній стихъ; но уѣздъ его еще далеко не былъ очищенъ. 10-го ноября Леонтьевъ поразилъ воровъ подъ селомъ Ключищами и на другой же день выступилъ снова въ походъ. За Ключищами по большой дорогѣ у воровъ сдѣлана была по обѣ стороны засѣка крѣпкая, въ длину на версту, а поперёкъ на обѣ стороны по полверстѣ. Леонтьевъ велѣлъ стрѣльцамъ приступать къ засѣкѣ, а самъ бился съ конными людьми; воры были выгнаны изъ засѣки; но у нихъ оставались еще другія крѣпости: они перекопали всю большую Курмышскую дорогу, сдѣлали большой ровъ, ко рву осыпь земляную высокую, по обѣ стороны осыпи подѣлали шанцы и большіе дубовые надолбы; вытѣсненные изъ засѣки, воры въ числѣ 4500 засѣли въ этой крѣпость и учинили бой большой съ государевыми людьми; здѣсь большая часть ихъ была истреблена, остальные бросились бѣжать къ селу Маклакову и засѣли здѣсь въ дворахъ и гумнахъ: государевы люди запалили село и сожгли въ немъ воровъ.

Послѣ этихъ успѣховъ на сѣверѣ, Долгорукій нашелъ возможность двинуть часть войска и на югъ; сюда двинулся воевода Лихаревъ: когда онъ стоялъ обозомъ въ селѣ Веденяпинѣ, воры

напали на него въ числѣ 5000 человѣкъ и были разбиты, потеряли 4 пушки, 16 знаменъ, 30 человѣкъ плѣнными. 19 ноября Лихаревъ вошелъ въ Кадомскій лѣсъ; языки сказали, что воры, числомъ 500 человѣкъ, съ атаманомъ, крестьяниномъ Сенькою Бѣлоусомъ, стоятъ близь рѣки Варнавы въ засѣкѣ, которая засѣчена въ длину на три версты, а поперекъ на версту. Лихаревъ 20 ноября взялъ засѣку и убилъ атамана; къ ворамъ шло на помощь триста человѣкъ: и тѣхъ въ шести верстахъ отъ засѣки побили. Навстрѣчу этому движенію государевыхъ людей двинулись воры изъ Саранска большими толпами къ Красной слободѣ; но теперь, вслѣдствіе успѣховъ царскихъ войскъ, страхъ передъ ворами началъ исчезать: Краснослободцы отсидѣлись; пришелъ чередъ ворамъ бѣгать изъ городовъ: какъ только Лихаревъ послалъ отрядъ къ Темникову, 30 ноября, воры побѣжали въ лѣсъ, а Темниковцы лучшіе люди сдались государевымъ людямъ.

Здѣсь, въ сѣверной части нынѣшней Тамбовской губерніи, уже давно съ успѣхомъ дѣйствовали другіе царскіе воеводы, двигавшіеся съ юга. Изъ Тамбова 11 октября выступилъ на сѣверъ воевода Яковъ Хитрово съ 2670 человѣкъ войска, оставя въ Тамбовѣ съ воеводою Пашковымъ 2118 человѣкъ; Пашкову казалось это мало; онъ сильно боялся и писалъ: «На Тамбовцевъ въ нынѣшнее смутное время надѣяться не на кого, потому что у нихъ на Дону братья, племянники и дѣти, а иные у Стеньки Разина.» Мы видѣли, что воровскія толпы, возмутившія нынѣшнюю Пензенскую губернію, подъ начальствомъ Мишки Харитонова и Васьки Ѳедорова, рѣшили овладѣть Шацкомъ. Бывшіе здѣсь рейтарскіе полковники Зубовъ и Зыковъ предупредили воровъ, и 14 октября напали на часть ихъ, стоявшую въ селѣ Конобеевѣ. Воры были всѣ побиты, два атамана попались въ плѣнъ съ десятью козаками. Но этотъ успѣхъ не отвратилъ опасности отъ Шацка, и 17 октября полковники увидали у себя гостей: подъ городъ подступили главныя толпы: съ одной стороны Мишка Харитоновъ, съ другой Васька Ѳедоровъ. Воры были отбиты и принуждены отступить въ заповѣдный лѣсъ; рейтары преслѣдовали ихъ сюда и побили. Но кромѣ этихъ пензенскихъ шаекъ, въ 20 верстахъ отъ Шацка, въ деревнѣ Печинищахъ, образовалось новое воровское гнѣздо особаго рода: вмѣстѣ съ забунтовавшими крестьянами стояли здѣсь тамбовскіе козаки и солдаты разныхъ сло-

бодъ и селъ, которымъ было велѣно идти на службу въ шацкій полкъ и къ Хитрово. Изъ Печеницъ они перебросились въ тамбовскій уѣздъ на Рыбную пустошь, въ село Алгасово, гдѣ и стали обозомъ подъ начальствомъ Тимоѳея Мещерякова, разбойничая въ окрестностяхъ и призывая къ себѣ крестьянъ Рыбной пустоши. 22 октября, въ тотъ самый день, какъ Щербатовъ и Леонтьевъ бились съ ворами подъ Мурашкинымъ, Хитрово осадилъ воровской обозъ подъ Алгасовымъ, приступалъ жестокими приступами, а село велѣлъ зажечь и разорить, потому что крестьяне его сидѣли въ воровскомъ же обозѣ. На другой день, 23 октября, Мещеряковъ съ товарищи начали бить челомъ, и Хитрово привелъ ихъ къ присягѣ на томъ, чтобъ козаки и солдаты впередъ служили государю, и отпустилъ ихъ въ Тамбовъ. Но Мещеряковъ не пошелъ на службу, а сталъ опять наговаривать на воровство и на измѣну тамбовскихъ служилыхъ людей; многіе послушались его и выбрали себѣ притономъ село Червленое, въ 20 верстахъ отъ Тамбова. И около Шацка не вдругъ стало тихо: разбитыя шайки Харитонова и Ѳедорова стягивались нѣсколько разъ въ разныхъ мѣстахъ; три раза еще схватывались съ ними государевы люди и только послѣ 19 ноября Шацкій уѣздъ успокоился.

Въ это время Долгорукій по прочищенному Лихаревымъ пути двигался къ Темникову. 4 декабря, за двѣ версты отъ города, встрѣтили его Темниковцы, духовенство и всякихъ чиновъ люди и уѣздныхъ церквей священники и крестьяне, съ образами и крестами, били челомъ и говорили съ великимъ плачемъ, что они у воровскихъ людей были по неволѣ, воры ихъ разоряли, а которые городскіе и уѣздные люди были съ ворами заодно, тѣхъ они переловятъ и приведутъ. Долгорукій велѣлъ привести всѣхъ къ присягѣ, и Темниковцы исполнили обѣщаніе, привели попа Савву и 18 человѣкъ крестьянъ, которые были вмѣстѣ съ ворами, противъ государевыхъ людей бились, бунты многіе заводили, домы грабили, женскому полу поруганіе чинили и иныхъ запытали до смерти; на пыткѣ попъ съ товарищами признались въ своихъ преступленіяхъ. Потомъ Темниковцы привели къ Долгорукому вора особеннаго рода, *вора-еретика-старицу:* «Меня,» говорила воръ-старица въ разспросѣ: «меня зовутъ Аленою, родомъ изъ выѣздной Арзамаской слободы крестьянская дочь, была замужемъ за крестьяниномъ же, а какъ мужъ мой умеръ, то я постриглась

и была во многихъ мѣстахъ на воровствѣ и людей портила; и въ нынѣшнемъ году пришла я изъ Арзамаса въ Темниковъ, собирала съ собою на воровство многихъ людей и съ ними воровала, стояла въ Темниковѣ на воеводскомъ дворѣ съ атаманомъ Ѳедькою Сидоровымъ и учила его вѣдовству.» Попа съ товарищами повѣсили около Темникова, а богатыря-вѣдьму XVII вѣка сожгли въ срубѣ, какъ еретицу, вмѣстѣ съ чародѣйными бумагами (заговорами) и кореньями.

7 декабря Долгорукій выступилъ изъ Темникова въ Красную слободу (Краснослободскъ) и здѣсь имѣлъ такую же встрѣчу съ челобитьемъ: приведено было 56 человѣкъ воровъ и послѣ розыску повѣшены около города и слободъ по большимъ дорогамъ. Долгорукій такимъ образомъ вошелъ въ сѣверо-западную часть нынѣшней Пензенской губерніи, главный притонъ мятежа. Въ Москвѣ распорядились, чтобъ онъ остановился въ Красной слободѣ или въ Троицкомъ острогѣ, въ Шацкъ послалъ воеводу, ссылался съ Хитрово и Бутурлинымъ и промыслъ чинили всѣ заодно. Чтобъ сообщить еще болѣе единства воеводскимъ дѣйствіямъ противъ мятежниковъ, отозванъ былъ изъ Казани князь Петръ Семеновичъ Урусовъ, обвиняемый въ медленности, и главное начальство надъ всѣми дѣйствующими войсками поручено Долгорукому; онъ получилъ указъ—отправить воеводу Панина для промыслу надъ Алатыремъ и Алатырскимъ уѣздомъ и велѣть ему сходиться съ княземъ Юріемъ Никитичемъ Борятинскимъ, который долженъ былъ двигаться туда же изъ Симбирска; а другому Борятинскому, князю Данилѣ, идти къ Долгорукому на Ядринъ и Курмышъ, очищая эти города отъ воровства. Указъ былъ въ точности исполненъ Долгорукимъ.

Мы оставили князя Юрія Борятинскаго подъ Симбирскомъ послѣ пораженія Разина. Здѣсь онъ оставался довольно долго, вѣроятно поджидая вѣстей о дальнѣйшихъ замыслахъ Стеньки. Не ранѣе конца октября Борятинскій двинулся по симбирской чертѣ и на рѣкѣ Урени столкнулся съ ворами, которыхъ было тысячъ восемь; они были побиты на-голову, 170 человѣкъ плѣнныхъ, 16 знаменъ и 4 пушки достались побѣдителю; побѣжденные бросились за Суру, но и тамъ преслѣдовали ихъ государевы люди, били, побрали обозы; нѣкоторыхъ плѣнныхъ Борятинскій отпустилъ въ Корсунь и на Урень уговаривать тамошнихъ жителей

къ повиновенію; средство удалось: многіе Уренцы въ винахъ своихъ добили челомъ. Послѣ уренскаго бою Борятинскій отошелъ въ Тагаевъ, и тутъ 5 ноября узналъ, что донскіе козаки Ромашка и мурза Калка, собравши 15,000 народа, стоятъ у рѣки Барыша въ Кандаратѣ. На другой же день Борятинскій выступилъ изъ Тагаева; узнавъ, что Усть-Уренская слобода занята воровскимъ ертоуломъ, онъ приступилъ къ ней и, выбивши воровъ, казнилъ плѣнныхъ, заводчика попа села Никитина и другихъ козаковъ. 12 ноября князь, построивъ три моста, перебрался черезъ Барышъ и увидалъ воровъ: они стояли за рѣчкою Кандараткою подъ слободою, въ обозѣ, конные и пѣшіе, съ 12 пушками. Рѣчка мѣшала схватиться, и стояли полки съ полками съ утра и до обѣда на разстояніи меньше полуверсты; Борятинскій все ждалъ, что воры переберутся за рѣчку на его сторону, но они не двигались. Князь началъ искать удобныхъ мѣстъ, нашелъ и велѣлъ пѣхотѣ съ обозомъ и пушками наступать на воровъ, а самъ съ конницею переправился черезъ рѣчку, наметавши въ нее сѣна. Пѣхота схватилась съ пѣхотой, конница съ конницей и государевы люди одолѣли, взяли 11 пушекъ, 24 знамени; воры побѣжали врознь разными дорогами, ихъ преслѣдовали; побито было воровъ такое множество, что на полѣ, въ обозѣ и на улицахъ въ слободѣ между трупами нельзя было конному проѣхать, пролилось крови столько, какъ отъ дождя большіе ручьи текутъ. Побѣдители потеряли 13 человѣкъ убитыми, раненыхъ оказалось 108. — 323 плѣнныхъ были приведены къ воеводѣ: онъ велѣлъ посѣчь заводчиковъ, остальныхъ, приведя къ присягѣ, отпустилъ и пошелъ къ рѣкѣ Сурѣ. И вотъ съ того берега начали показываться толпы, но то были не вооруженные воры, а челобитчики изъ деревень Алатырскаго и Саранскаго уѣздовъ, съ образами, *плачь неутишимая*, обѣщанія, что ни къ какимъ воровскимъ прелестямъ впередъ приставать не будутъ. 17 ноября выступила толпа огромная: строитель Алатырскаго монастыря, священники съ образами, посадскіе люди, стрѣльцы, пушкари, козаки—всѣ со слезами принесли свои вины, били челомъ, чтобъ князь или самъ шелъ въ Алатырь, или воеводу прислалъ. Борятинскій отпустилъ къ нимъ воеводу Шилникова съ стрѣльцами и солдатами, а самъ пошелъ по чертѣ къ Корсуню и остановился въ мордовской деревнѣ Котяковѣ: тутъ явились челобитчики изъ Корсуня, Корсу-

нова и Талскаго. Борятинскій удовольствовался этимъ и поспѣшилъ въ Алатырь, боясь, чтобъ воры, собравшись, не заняли этого важнаго мѣста. Онъ пришетъ туда 23 ноября и сдѣлалъ острогъ.

Опасенія Борятинскаго не были напрасны: въ началѣ декабря воровскіе атаманы мурза Калка, Алёшка Савельевъ, Янка Никитинскій, Ивашка Маленькій, Петрушка Леонтьевъ, собравъ послѣднія силы, двинулись къ Алатырю. Но объ этомъ движеніи провѣдалъ воевода Василій Панинъ, отправленный, какъ мы видѣли, для соединенія съ Борятинскимъ. Панинъ поспѣшилъ на перерѣзъ ворамъ, встрѣтилъ ихъ недалеко отъ мордовской деревни Баевой, вступилъ въ бой, побилъ ихъ, взялъ десять знаменъ, пушку, много плѣнныхъ и вогналъ бѣгущихъ въ обозъ, находившійся въ селѣ Тургеневѣ, но обоза взять не могъ и ночью отступилъ съ версту, къ деревнѣ Баевой. Въ эту же самую ночь явился въ Баеву и князь Юрій Борятинскій съ конными и пѣшими людьми. На другой день, 8 декабря, рано, оба воеводы отправились къ Тургеневу на воровскіе обозы, взяли ихъ приступомъ и сѣкли бѣгущихъ на пятнадцати верстахъ, добыли три пушки мѣдныхъ, три бочки пороху, 8 знаменъ, возъ фитилю, тридцать семь мушкетовъ.

Думая, что опасность, грозившая Алатырю, изчезла, 11 декабря Борятинскій и Панинъ двумя дорогами выступили подъ Саранскъ: Борятинскій шелъ прямою дорогою, Панинъ подлѣ Сурскаго лѣса. До самаго Атемара, куда воеводы пришли 16 декабря, они не встрѣчали никакого сопротивленія, встрѣтили только русскихъ крестьянъ, Татаръ и Мордву, бившихъ челомъ о пощадѣ; Русскіе шли къ присягѣ, Татары и Мордва давали шерть по своей вѣрѣ и указывали мѣста, гдѣ укрывались раненые, получившіе эти раны на воровскихъ бояхъ съ государевыми людьми: ихъ казнили смертію; въ Атемарѣ были повѣшены старшины и есаулы, бывшіе съ воровскими козаками. Въ то же время Долгорукій изъ Красной слободы отправилъ уже извѣстнаго намъ воеводу, князя Константина Щербатаго, для очистки пензенскихъ мѣстъ, гдѣ прежде всего утвердились мятежники. Щербатовъ поразилъ воровъ 12 декабря, за восемь верстъ отъ Троицкаго острогу, и потомъ выгналъ ихъ изъ Троицкаго острога; оба Ломовы и Пенза сдались безъ сопротивленія. Съ другой стороны изъ Шацка

туда же, по направленію къ юго-востоку, шелъ воевода Яковъ Хитрово, шелъ на воровскія засѣки черезъ большой лѣсъ: въ деревнѣ Ачадовѣ онъ долженъ былъ выдержать съ ворами самый упорный бой: «полковникъ Денисъ Швыйковскій съ своею смоленскою, бѣльскою и рославскою шляхтою приступали къ деревнѣ жестокими приступами, не щадя головъ своихъ, пріѣзжали къ воровскому обозу, на воровскихъ людей на пику, пику сѣкли и обозъ ломали; много шляхты было переранено тяжелыми ранами, пробиты насквозь пиками и рогатинами, иные изъ пищалей и луковъ прострѣлены.» Наконецъ воры увидали невозможность держаться долѣе и сдались. Хитрово распустилъ ихъ, и они, пришедши въ Керенскъ, напугали его жителей разсказами про шляхетскіе жестокіе напуски. Слѣдствіемъ было то, что Керенчане вышли навстрѣчу къ Швыйковскому и впустили его въ городъ. Хитрово, въ донесеніи государю, не можетъ нахвалиться храбростію Швыйковскаго и шляхты его полка.

Но когда вниманіе Долгорукаго было сосредоточено на военныхъ дѣйствіяхъ, происходившихъ къ югу отъ его главной стоянки, Красной слободы, бунтъ отрыгнулъ на сѣверо-востокѣ: защитникъ Симбирска, окольничій Иванъ Богдановичъ Милославскій, пріѣхавъ изъ Симбирска въ Москву, далъ знать, что на дорогѣ между Арзамасомъ и Алатыремъ приходили на него многіе воровскіе люди съ нарядомъ. Противъ нихъ двинулся воевода Леонтьевъ, разбилъ ихъ въ Алатырскомъ уѣздѣ у села Апраксина, и, какъ обыкновенно бывало, разбитые бросились въ лѣсъ, въ свои засѣки, расположенныя подъ деревнею Селищами; здѣсь сидѣли они съ женами, дѣтьми и со всѣмъ воровскимъ обозомъ: засѣки были взяты; плѣнные разсказывали, что было ихъ въ сборѣ больше 3000 русскихъ людей и Мордвы, сбирались идти къ Арзамасу и къ Нижнему. Отрядъ изъ 500 воровъ стоялъ въ мордовской деревнѣ Андреевкѣ: узнавъ о селищевскомъ пораженіи своихъ, они добили челомъ. Бѣжавшая съ бою Мордва спряталась въ своихъ деревняхъ: Леонтьевъ велѣлъ сжечь эти деревни. Арзамаскій и Алатырскій уѣзды были успокоены.

Далѣе на востокѣ, для усмиренія Черемисы и Чувашъ, волновавшихся вмѣстѣ съ русскими ворами по нагорному берегу Волги, для очистки Свіяжска, Цывильска, Чебоксаръ, Кузьмодемьянска и другихъ городовъ, еще съ половины октября дѣйствовалъ князь

Данила Борятинскій: впродолженіе октября онъ разбилъ воровъ на осьми бояхъ, выручилъ Цывильскъ, Чебоксары и, приблизившись къ Кузьмодемьянску, 2 ноября, написалъ къ его жителямъ, чтобъ добили челомъ государю. Отвѣта не было. 3-го числа воевода подошелъ еще ближе къ городу и увидалъ, что идутъ священники съ крестами, но подлѣ духовенства не было никого изъ другихъ чиновъ; священники объявили, что городскіе и уѣздные люди, выпустивъ ихъ, священниковъ, изъ города съ крестами, заперли за ними городъ съ угрозою, что порубятъ ихъ женъ и дѣтей, пушки и всякое оружіе противъ государевыхъ людей у воровъ приготовлено. Борятинскій немедленно велѣлъ солдатамъ и стрѣльцамъ идти на приступъ; приступъ удался: воры были перебиты и побраны въ плѣнъ, между прочими и воровскіе старшины—посадскій Шустъ да соборный попъ Ѳедоровъ. Васильгородъ, узнавъ о судьбѣ Кузьмодемьянска, прислалъ повинную. Въ Кузьмодемьянскѣ Борятинскій остановился для розыску: 60 человѣкъ пущихъ воровъ казнено смертію, у сотни отсѣчены руки или по пальцу у правой руки, 400 биты кнутомъ нещадно. Но строгости и увѣщанія мало помогли: Черемиса нагорной стороны Кузьмодемьянскаго уѣзда вся воровала съ воровскими козаками: дадутъ шерть и тотчасъ же опять заворуютъ, бьются съ государевыми людьми; русскіе воры собрались въ Ядринѣ Борятинскій послалъ уговаривать ихъ монаха Герасима и посадскаго Тихонова: монахъ былъ сброшенъ съ башни, посадскій положенъ на огонь. Воры были такъ смѣлы, что не хотѣли ждать прихода на себя государевыхъ людей, въ половинѣ ноября напали въ числѣ 13,000 на Кузьмодемьянскъ и зажгли слободы, но потерпѣли сильное пораженіе, потеряли двѣ пушки и семь знаменъ. Послѣ этой побѣды Борятинскій послалъ въ Василь за подводами, чтобъ везти пушки подъ Ядринъ: воры, засѣвшіе здѣсь, испугались и бѣжали, Ядринцы присягнули государю, Курмышане послѣдовали ихъ примѣру. На Ветлугѣ бунтъ не распространился: тамъ прикащики разныхъ помѣстій и вотчинъ и безъ государевыхъ воеводъ управились съ воровскою шайкою. Другая шайка перебросилась было на Унжу, но изгибла неизвѣстно какъ. Къ генварю 1671 года восточная украйна утихла. Мятежъ вспыхивалъ и во многихъ мѣстахъ южной украйны, но не разгорался: главнаго заводчика не было.

Подъ Симбирскомъ Стенька потерялъ и силы и власть. Онъ такъ растерялся, что прибѣжавъ на Самару, сталъ разсказывать жилецкимъ людямъ, какъ пушки у него не стали стрѣлять и отъ того онъ бѣжалъ на Низъ. Самъ богатырь-чародѣй признался, что сверхъестественная его сила оставила, и Самарцы не пустили его къ себѣ въ городъ, Саратовцы сдѣлали то же самое. Пока еще Стенька былъ силенъ и держалъ Симбирскъ въ осадѣ, сторона его на Дону держала верхъ и не давала Корнилу Яковлеву съ товарищами высказаться въ пользу государства. Въ сентябрѣ прiѣхалъ въ Черкасскъ изъ Москвы донской козакъ Артемiй Михайловъ съ товарищемъ, привезъ царскую грамоту. Собрался кругъ и когда грамоту вычли, Корнило Яковлевъ началъ говорить: «Мы отъ вѣры христiанской и отъ соборной церкви отступили: пора намъ вспокаяться, дурость отложить и великому государю служить попрежнему.» Трижды со слезами повторялъ онъ эти рѣчи козакамъ въ кругу, и рѣшили не порывать сношенiй съ Москвою, отпустить туда станицу; но волжскiе козаки закричали: «Зачѣмъ посылать станицу въ Москву, развѣ захотѣлъ въ воду, кто поѣдетъ?» Потомъ, обратясь къ прiѣхавшимъ изъ Москвы козакамъ, закричали: «А вы зачѣмъ изъ Валуекъ вожа и провожатыхъ брали? будто вы сами дороги не знаете? знатное дѣло: отпущены вожъ и провожатые для провѣдыванiя вѣстей!»

Но когда пришли вѣсти, что Разинъ разбитъ государевыми людьми, когда онъ самъ явился на Дону съ подтвержденiемъ этого извѣстiя, то дѣла перемѣнились: старые козаки взяли верхъ. Стенька свирѣпствовалъ, жегъ попадавшихся ему враговъ въ печи вмѣсто дровъ, но ничто не помогало; Донъ не поднимался на его защиту. Въ февралѣ 1671 года онъ подошелъ было съ своею шайкою къ Черкасску, но его не пустили; онъ отошелъ съ угрозою, что возвратится и изведетъ всѣхъ, и засѣлъ въ Кагальницкомъ городкѣ. А между тѣмъ Корнило Яковлевъ сносился съ Москвою, какъ бы промыслить надъ Стенькою: въ Москвѣ, въ недѣлю Православiя, прокричали анаѳему Стенькѣ Разину и велѣли старому нашему знакомому стольнику Касогову, привыкшему жить между козаками, двинуться на Донъ съ тысячью человѣкъ выборныхъ рейтаръ и драгунъ. Дѣло покончилось скорѣе, чѣмъ ждали: 14 апрѣля старые козаки подступили къ Кагальницкому, сожгли городокъ, схватили Стеньку съ братомъ Фроломъ,

сообщниковъ его перевѣшали. 6 іюня Стеньку, послѣ обычнаго допроса, четвертовали въ Москвѣ.

Оставалось покончить съ Астраханью. Мы видѣли, что Разинъ, уѣзжая, оставилъ здѣсь вмѣсто себя атамана Ваську Уса и объявилъ Астраханцамъ, что они могутъ управиться сами съ остальными своими лиходѣями. Астраханцы не долго медлили; 3-го августа бунтъ, порубили бердышами подъячихъ Якова Трофимова и Ивана Безчастнаго съ товарищами, однихъ въ сугонъ, другихъ въ домахъ, иныхъ въ тюрьмахъ; прибѣжали на митрополичій дворъ, начали искать здѣсь государева дворцоваго промышленника Ивана Турчанина, не нашли и напустились на митрополита и на его домовыхъ людей, зачѣмъ спрятали Турчанина, грозились всѣхъ побить до смерти, ругали Іосифа скверными словами: «Ты угождаешь боярамъ,» кричали они ему: «только тебѣ у насъ не уцѣлѣть!» На этотъ разъ митрополитъ спасся, что предсказано ему было и въ сонномъ видѣніи: видѣлъ онъ палату вельми чудну и украшенну, сидятъ въ ней трое убіенныхъ князей Прозоровскихъ и пьютъ питіе сладкое паче меда, надъ ними вѣнцы златы съ драгимъ и многоцѣннымъ каменіемъ; и онъ митрополитъ обрѣтеся въ той же палатѣ, токмо отъ нихъ подалѣ сидѣлъ и питья своего ему не дали пить, глаголюще: онъ къ намъ еще не поспѣлъ. Разсказывая этотъ сонъ, митрополитъ плакалъ и говорилъ: «Еще не пришелъ часъ мой смертный!»

Начали ходить слухи, что Стенькѣ плохо, разбитъ подъ Симбирскомъ и бѣжалъ; но бунтъ кипѣлъ еще на восточной украйнѣ, царскіе воеводы еще были заняты тамъ, и воровскіе козаки не отчаявались. 2 ноября явился къ митрополиту Татаринъ и подалъ царскую грамоту, въ которой государь увѣщевалъ Астраханцевъ принести повинную. Митрополитъ велѣлъ списать нѣсколько списковъ съ грамоты и распорядился такъ: ключаря своего Негодяева и вознесенскаго игумена Сильвестра отправилъ къ есаулу Лебедеву (на котораго, какъ видно, больше надѣялся, чѣмъ на атамана Уса) убѣдить его, чтобъ уговаривалъ своихъ воровскихъ козаковъ отстать отъ воровства, а самъ хотѣлъ увѣщевать народъ въ церкви. Но Лебедевъ, выслушавъ игумена и ключаря, «учинился неистовъ, и на другой день поутру началъ являть козакамъ, что митрополитъ со властями, съ попами и дворовыми дѣтьми боярскими складываетъ у себя грамоты, хочетъ

насъ всѣхъ отдать боярамъ руками.» Козаки стали собираться на дворъ къ атаману своему Усу, туда же собирались и приставшіе къ нимъ Астраханцы, а между тѣмъ гудѣлъ большой колоколъ и народъ толпился у соборной церкви. Пришелъ митрополитъ, велѣлъ ключарю облачиться и прочесть подлинную государеву грамоту вслухъ передъ всѣмъ народомъ; въ это время подошли съ атаманова двора и козаки съ окозачившимися Астраханцами и также слушали грамоту. Ключарь кончилъ чтеніе и отдалъ грамоту митрополиту, но тутъ козаки бросились къ послѣднему и вырвали у него изъ рукъ грамоту. Раздраженный такимъ безчинствомъ, Іосифъ началъ бранить козаковъ, называлъ ихъ еретиками, измѣнниками; тѣ не остались безотвѣтными, начали ругать митрополита позорными словами, кричали: «Чернецъ! зналъ бы ты свою келью! что тебѣ до насъ за дѣло? знаешь ли ты расскатъ?»—«Посадить его въ воду!» раздавалось въ одномъ мѣстѣ.—«Послать въ заточеніе!»—въ другомъ. Однако ни одна изъ угрозъ не была исполнена: козаки съ государевою грамотою отошли къ своему воровскому атаману. За митрополита поплатился ключарь: на другой день козаки схватили его, связали и били палками, допрашивали: «Скажи, кто ту грамоту писалъ? вы съ митрополитомъ, попами и дѣтьми боярскими ее здѣсь сложили?»—«Государева грамота прямая,» отвѣчалъ ключарь: «прислана изъ Москвы.»—«А есть ли съ нея списокъ?» спрашивали воры. Ключарь, не стерпя палокъ, сказалъ, что списки есть. Явился къ митрополиту есаулъ и съ нечестью отобралъ у него списки.

Слухи все приходили хуже и хуже для козаковъ: бунтъ улегался на восточной украйнѣ, и вотъ въ апрѣлѣ пришла страшная вѣсть — Разинъ взятъ старыми козаками въ Кагальницкомъ. Воры переполошились, но еще не потеряли всей надежды; рѣшили, чтобъ одна шайка съ атаманомъ Ѳедоромъ Шелудякомъ отправилась вверхъ по Волгѣ къ Симбирску; Васька Усъ попрежнему оставался въ Астрахани.

Здѣсь, 21 апрѣля, въ великую пятницу, митрополиту дали знать, что юртовскіе Татары привезли изъ Москвы новую государеву грамоту и стоятъ за Волгою; Іосифъ тотчасъ послалъ къ новоучрежденнымъ воровскимъ астраханскимъ старшинамъ, чтобъ пришли къ нему на совѣтъ. Посланный возвратился съ отвѣтомъ, что старшины нейдутъ, а стоятъ на базарѣ. Тогда митрополитъ

пошелъ самъ на базаръ и сталъ говорить народу: «Православные христіане! вѣдомо мнѣ учинилось, что есть къ вамъ великаго государя милость, призывная грамота, привезли Татары, стоятъ они за Волгою; я государевой грамоты принять не смѣю, потому что вы меня и первою грамотою поклепали, будто я ее со властями и съ попами складывалъ и писалъ дома: такъ вы теперь ступайте, возьмите грамоту сами и привезите ее ко мнѣ; а великій государь-свѣтъ милостивъ, вины вамъ отдастъ.» — Митрополиту отвѣчали старшины: «Мы не смѣемъ безъ атамана Васьки Уса,» и пошли къ атаману, а митрополитъ въ соборъ; тутъ подошелъ къ нему Васька Усъ съ есауломъ Топоркомъ; Топорокъ началъ бранить митрополита; тотъ разсердился и кинулся на него съ посохомъ· «Врагъ ты окаянный, еретикъ и богоотступникъ! Что вы не повинуетесь великому государю?» Пошумѣвъ у собора, козаки пошли прочь, ругаясь скверными словами.

На другой день, въ великую субботу, воры нѣсколько разъ присылали къ митрополиту есауловъ, чтобъ отдалъ государевы грамоты: «А если не отдашь,» говорили есаулы: «всѣхъ твоихъ людей побьемъ, и самому тебѣ достанется!»—«Государевы грамоты за Волгою у Татаръ,» отвѣчалъ Іосифъ: «пошлите за ними кого хотите.» Наконецъ за грамотами послали: ихъ привезли прямо въ соборную церковь, гдѣ митрополитъ распечаталъ ихъ при Васькѣ Усѣ съ товарищами; но когда Іосифъ хотѣлъ ихъ читать, козаки повернулись и вышли изъ церкви въ свой кругъ; митрополитъ пошелъ за ними въ кругъ съ священниками, домовыми дѣтьми боярскими и дворовыми людьми, и велѣлъ въ кругу читать грамоты. Но когда чтеніе кончилось, козаки закричали: «Вольно писать имъ боярамъ и самимъ; еслибъ была государева грамота, то была бы за красною печатью; ее митрополитъ самъ сложилъ со властями и съ попами; тужитъ по немъ раскатъ; еще того раскату осталось; не тѣ дни теперь захватили, а то бы онъ митрополитъ узналъ у насъ, какъ атаманы-молодцы смуту чинятъ; вся смута и бѣда отъ него, митрополита: онъ переписывается съ московскими боярами, съ Терекомъ и Дономъ; по его письму Терекъ и Донъ отъ насъ отложились.» Несмотря на эти крики, митрополитъ обратился къ Астраханцамъ: «Астраханскіе жители! велѣно по грамотѣ великаго государя воровъ донскихъ всѣхъ пе-

рехватать и посадить въ тюрьму до указа, а вамъ велѣно во всемъ вины свои принести; онъ государь-свѣтъ милостивъ, вины ваши отдастъ; вы то все положите на мнѣ, что великій государь васъ окаянныхъ ничѣмъ не велитъ тронуть.» — «Кого намъ хватать и сажать въ тюрьму,» закричали въ отвѣтъ: «мы всѣ воры; возьмите его митрополита и посадите въ тюрьму или въ каменную будку; счастье твое, что пристигла Святая Недѣля, а то мы бы тебѣ дали память!»

Великъ день помѣшалъ преступленію; но оно было неминуемо: враги стояли лицомъ къ лицу; Іосифъ высказался окончательно; на его призывъ броситься на воровъ и посажать ихъ въ тюрьмы Астраханцы не двинулись, но не нынче, завтра могли двинуться; въ городѣ была власть, начальный человѣкъ, и этотъ человѣкъ прямо, открыто дѣйствовалъ противъ воровъ, вооруженный крестомъ и грамотою великаго государя.

Только что прошла Святая Недѣля, въ Ѳомино воскресенье козаки принялись за враговъ своихъ; опять привели въ кругъ несчастнаго ключаря и спрашивали, кто сочинялъ и писалъ грамоты?—«Вы сами знаете, что онѣ не здѣсь сочинены,» отвѣчалъ ключарь: «сами вы взяли ихъ у Татаръ.» Ключаря повели за городъ и срубили. Схватили митрополичьихъ дѣтей боярскихъ и повели ихъ пытать; но въ кругу послышались голоса: «Что ихъ пытать, или рубить, или казнить? ихъ казнимъ, а послѣ нихъ у митрополита другіе будутъ писцы; пора намъ приниматься за самого митрополита: его убьемъ, такъ въ городѣ у насъ смуты не будетъ.» Дѣтей боярскихъ сперва посадили за крѣпкій караулъ, но потомъ выпустили. Поджигали себя, чтобъ убить митрополита, но дѣло было страшное, не рѣшались; нужна была сильная поджога, и она явилась.

Шелудякъ плылъ къ Симбирску съ тяжелою думою: это была послѣдняя попытка, и что если она не удастся? Астрахань оставалась послѣднимъ убѣжищемъ; но ее нужно было очистить отъ враговъ, а то, пожалуй, прибѣгутъ къ Астрахани, а тамъ и ворота для нихъ заперты. Шелудякъ на дорогѣ созвалъ кругъ и приговорили: убить митрополита Іосифа и воеводу князя Семена Львова; чтобъ заставить товарищей поднять руки на архіерея, послали сказать Усу, что Іосифъ и князь Семенъ ссылаются съ Донскими козаками, по ихъ письму Разинъ пойманъ и всякое зло промышляется надъ его товарищами.

11 мая Іосифъ былъ за проскомидіею въ соборѣ, когда воры пришли звать его къ себѣ въ кругъ: «Добро,» отвѣчалъ митрополитъ: «вотъ я облачусь во всю святительскую одежду,» и пошелъ въ алтарь облачаться, а воры дожидались на паперти; показалось имъ долго; начали говорить: «Что это митрополитъ съ попами не заперся ли въ алтарѣ? мы пойдемъ въ кругъ и, возвратясь, и нечестью вытащимъ изъ церкви.» Митрополитъ облачился и велѣлъ благовѣстить въ большой колоколъ, чтобъ собирались священники идти съ нимъ вмѣстѣ въ кругъ. Войдя въ кругъ въ полномъ облаченіи, съ крестомъ въ рукахъ, Іосифъ спросилъ Уса: «Зачѣмъ вы меня призвали, воры и клятвопреступники?» Усъ обратился къ козаку, пріѣхавшему отъ Шелудяка: «Что ты сталъ, выступайся! съ чѣмъ пріѣхалъ отъ войска — говори теперь!» Козакъ началъ говорить митрополиту: «Присланъ я отъ войска съ рѣчами, что ты воровски переписываешься съ Терекомъ и Дономъ, и по твоему письму Терекъ и Донъ отложились отъ насъ.» — «Я съ ними не переписывался,» отвѣчалъ Іосифъ: «а хотя бы и переписывался, такъ вѣдь это не съ Крымомъ и не съ Литвою; я и вамъ говорю, чтобъ и вы отъ воровства отстали и великому государю вины свои принесли.» Отвѣтъ сильно не понравился: «Что онъ таитъ свое воровство, что не переписывался будто?» закричали въ кругу: «какой онъ правый человѣкъ! что онъ пришелъ въ кругъ съ крестомъ? мы вѣдь и сами христіане, а ты будто пришелъ къ иновѣрнымъ.» Крикуны начали уже выходить изъ круга, чтобъ снять съ митрополита облаченіе; но тутъ изъ изъ толпы рванулся донской козакъ Миронъ: «Что вы, братцы, на такой великій санъ хотите руки поднять? намъ къ такому великому сану и прикоснуться нельзя.» Въ отвѣтъ козакъ Алёшка Грузинкинъ кинулся на Мирона, схватилъ его за волосы, другіе воры пристали къ Грузинкину, начали Мирона колоть, рубить, вытащили за кругъ и убили. Мирона убили, но слова его произвели впечатлѣніе: точно показалось страшно дотронуться до архіерейскаго облаченія, и козаки начали приступать къ священникамъ, толкать и бранить ихъ скаредною бранью: «Снимайте съ митрополита санъ! онъ снималъ же и съ Никона патріарха санъ.» Іосифъ самъ снялъ съ себя митру, панагію и, обратившись къ протодіакону, сказалъ: «Что же ты сталъ, не разоблачаешь? уже пришелъ часъ мой!» Протодіаконъ, въ ужасѣ, снялъ омофоръ,

снялъ саккосъ. Тутъ козаки выбили все духовенство изъ круга, крича: «до васъ дѣла нѣтъ!» и повели Іосифа пытать на пороховой дворъ. Митрополита положили на огонь и спрашивали: «Скажи свое воровство, какъ ты переписывался?» Іосифъ не отвѣчалъ ни слова, только творилъ молитву и проклиналъ палача. Спросили о казнѣ: Іосифъ объявилъ, что у него только 150 рублей, а поклажи ничьей нѣтъ. Послѣ пытки митрополита повели на казнь, на раскатъ; проходя тѣмъ мѣстомъ, гдѣ лежалъ еще трупъ убитаго за него Мирона, Іосифъ осѣнилъ его и поклонился. Взвели на раскатъ, посадали на край и хотѣли сринуть; Іосифъ испугался послѣдней минуты, ухватился за козака и поволокъ было его съ собою; тогда воры положили его на бокъ на краю раската и столкнули. Это были самые отчаянные воры, которые работали на раскатѣ, Алёшка Грузинкинъ съ немногими товарищами. Самая дѣятельность поддерживала ихъ ожесточеніе, ихъ опьяненіе. Но съ другимъ чувствомъ стояло большинство воровъ внизу подлѣ раската; ихъ страхъ увеличивался все болѣе и болѣе съ приближеніемъ дѣла къ развязкѣ, и когда наконецъ тѣло Іосифа ударилось объ землю, козакамъ послышался страшный стукъ: они обомлѣли и минутъ съ двадцать стояли въ глубокомъ молчаніи, повѣся головы. Потомъ опохмѣлились пыткою и казнію воеводы, князя Семена Львова.

Наказъ Шелудяка былъ исполненъ: Астрахань очищена отъ опасныхъ людей. На другой день послѣ убійства Іосифа и князя Львова, воры написали запись и силою заставили духовенство приложить къ ней руки за себя и за дѣтей духовныхъ: обязывались стоять противъ бояръ и измѣнниковъ и умирать другъ за друга. Но запись не помогла.

Ѳедька Шелудякъ въ іюнѣ доплылъ до Симбирска, но это важное мѣсто успѣли уже защитить: здѣсь сидѣлъ старый нашъ знакомый, перебравшійся, подобно другимъ воеводамъ, съ запада на востокъ, бояринъ Петръ Васильевичъ Шереметевъ. Воры были отбиты и завели переписку съ Шереметевымъ, обѣщаясь принести повинную; Шереметевъ отвѣчалъ имъ, что пошлетъ къ великому государю за указомъ, воры отступили въ Самару дожидаться этого указа. Этотъ поступокъ Шереметева съ шайкою воровъ, болѣе не опасною, не понравился въ Москвѣ, особенно когда тамъ прочли подлинныя воровскія грамоты къ воеводѣ.

Въ Симбирскъ явился стольникъ князь Волконскій съ похвалою Шереметеву за его подвиги противъ воровъ и вмѣстѣ съ выговоромъ: «Ты прислалъ къ великому государю воровскія письма, но писаны они не такъ, какъ виновные добиваютъ челомъ и милости просятъ; да они же воры написали, будто у великаго государя есть бояре измѣнники, князь Юрій Алексѣевичъ Долгорукій и Богданъ Матвѣевичъ Хитрово; написали и другія многія затѣйныя дѣла. Ты на ихъ воровскія письма писалъ къ нимъ памяти, гдѣ въ началѣ писано: по указу великаго государя, и иное многое писано въ тѣхъ памятяхъ, чего къ нимъ ворамъ писать не довелось, и печатаны памяти печатью Симбирскаго города. Тебѣ боярину съ такими ворами переписываться не довелось: а у великаго государя бояръ измѣнниковъ никого нѣтъ, служатъ великому государю вѣрно. Ты пишешь, что воры пошли на Самару и ждутъ тамъ государева указа: и то знатно, что своими письмами воровъ остановили, и учинили это не гораздо».

Воры, видя, что милостивой царской грамоты къ нимъ не приходитъ, разбѣжались съ Самары — каждый въ свой городъ, а Ѳедька Шелудякъ съ Астраханцами поплылъ въ Астрахань, гдѣ принялъ главное начальство послѣ Уса, умершаго червивою болѣзнію. Но слѣдомъ плыли къ Астрахани государевы люди съ воеводою бояриномъ Иваномъ Богдановичемъ Милославскимъ. Въ концѣ августа суда Милославскаго показались въ виду Астрахани; воры отправились было противъ него на стругахъ, чтобъ не пропустить къ городу; но бояринъ отбилъ ихъ, присталъ къ берегу и построилъ себѣ земляной городъ на устьѣ рѣки Болды. Отсюда нѣсколько разъ посылалъ онъ уговаривать Астраханцевъ и Донскихъ козаковъ къ сдачѣ, обѣщая государеву милость; «они же яко дикіе звѣріе ни мало внимаху». Козаки не ограничились только обороною: атаманъ Алёшка Каторжный сталъ со своимъ отрядомъ на нагорной сторонѣ, чтобъ мѣшать сообщенію Милославскаго съ Верхомъ, козаки рѣшились напасть даже на самый станъ Милославскаго, но были отбиты. 12 сентября бояринъ велѣлъ сдѣлать земляной городокъ и на нагорной сторонѣ, на рѣчкѣ Соленой, противъ своего стана. Шелудякъ и Каторжный немедленно напали на новый городокъ, но были поражены наголову.

Три мѣсяца послѣ того стоялъ Милославскій подъ Астраханью; воры не предпринимали болѣе наступательныхъ движеній, но и

не сдавались. На помощь къ Милославскому явился Черкесскій князь Каспулатъ Муцаловичъ, и осадилъ Астрахань съ другой стороны. Милославскій, чтобъ имѣть болѣе восможности къ увѣщаніямъ, позволилъ Астраханцамъ свободный входъ въ свой станъ для перегоровов: каждый день являлись они къ нему пьяные и говорили всякія рѣчи; бояринъ отвѣчалъ всегда мягко, уговаривая взыскать милость великаго государя. Наконецъ въ Астрахани обнаружилость раздѣленіе между закоренѣлыми ворами, которые не хотѣли сдаваться и между умѣренными, желавшими принести вины свои. Послѣдніе, убѣгая насилій отъ противной стороны, начали перебѣгать въ полки государевы: бояринъ принималъ ихъ ласково, приказывалъ кормить и поить. Воры, въ злобѣ на этихъ перебѣжчиковъ, кричали, что побьюгъ вдовъ, оставшихся отъ прежде побитыхъ ими, побьютъ остальныхъ дѣтей боярскихъ, подъячихъ и митрополичьихъ людей; но время ихъ явно проходило, у нихъ уже недоставало ни силы, ни смѣлости для новыхъ преступленій. Самъ Өедька Шелудякъ истребилъ *единачную* запись, составленную на другой день по смерти митрополита Іосифа. Князю Каспулату Муцаловичу удалось какъ-то выманить къ себѣ Шелудяка и задержать. Сильное волненіе началось въ Астрахани, когда узнали, что Шелудякъ въ рукахъ у государевыхъ людей. Кончилось тѣмъ, что 26 ноября Астраханцы дали знать Милославскому о своей покорности.

27-го ноября по вновь наведенному мосту на рѣкѣ Кутумѣ двинулись государевы полки въ покорившійся городъ: впереди шли священники съ молебнымъ пѣніемъ, несли икону Богородицы «Живоносный Источникъ въ чудесѣхъ,» данную Милославскому при отпускѣ государемъ, по обычаю. Астраханцы вышли на встрѣчу и, увидавъ икону, пали на землю и завопили, чтобъ государь отдалъ имъ вины, какъ милосердый Богъ грѣшниковъ прощаетъ. «Вины всѣмъ отданы,» отвѣчалъ Милославскій: «и вы государскою милостію уволены.» Воевода прямо отправился въ соборъ къ молебну; съ иконы Живоноснаго Источника велѣлъ списать новую и оставить въ соборѣ на память будущимъ родамъ. По стѣнамъ и воротамъ стали сотники и стрѣльцы московскіе.

Какъ нѣкогда во Псковѣ въ подобныхъ же обстоятельствахъ, такъ теперь и въ Астрахани никого не тронули. Самъ Өедька Шелудякъ жилъ на свободѣ на воеводскомъ дворѣ; другіе завод-

чики бунта также оставались безъ наказанія, поплатившись только награбленнымъ добромъ въ пользу воеводы и приказныхъ людей; даже Алёшка Грузинкинъ, задаривъ послѣднихъ, получилъ отпускъ изъ Астрахани; другіе воры закабалились въ холопи воеводѣ и приказнымъ людямъ. Но когда все совершенно успокоилось, лѣтомъ 1672 года явился въ Астрахань князь Яковъ Одоевскій для суда и расправы: главные заводчики—Ѳедька Шелудякъ, Алешка Грузинкинъ, Ѳеофилка Колокольниковъ, Красулинъ были повѣшены; Корнилко Семеновъ, у котораго нашли заговоры, сожженъ какъ еретикъ; другіе отправлены на службу въ верховые города.

Государство, сосредоточивъ свои силы на восточной украйнѣ, отправивъ туда лучшихъ воеводъ, задавило бунтъ въ продолженіе 1670 и 1671 года. Соловецкое возмущеніе не казалось опаснымъ, силы, туда отправляемыя, были ничтожны, воеводы плохи, и потому Соловецкій монастырь держался противъ царскаго войска семь лѣтъ слишкомъ. Мы видѣли, что въ 1668 году отправленъ былъ туда стряпчій Игнатій Волоховъ съ отрядомъ стрѣльцовъ; архимандритъ Іосифъ, не принятый въ монастырѣ, жилъ въ Сумскомъ острогѣ и завѣдывалъ всѣми соловецкими вотчинами — Сумскимъ острогомъ, Кемскимъ городкомъ и 22-мя усольями. Въ генварѣ 1669 года Волоховъ, по государеву указу, отправилъ въ монастырь стрѣльца съ увѣщаніемъ обратиться; стрѣлецъ принесъ отвѣтъ: «У насъ одно положено, что по новымъ книгамъ пѣть и служить отнюдь не хотимъ; на томъ мы въ монастырѣ и сѣли, что помереть, и если Волоховъ впередъ къ намъ пришлетъ, то мы его послаца въ тюрьму засадимъ.» Волоховъ не предпринималъ ничего противъ монастыря, а завелъ ссору съ архимандритомъ Іосифомъ, доносилъ на него въ Москву, что онъ, вмѣстѣ съ монахомъ Кирилломъ, только и любятъ тѣхъ, у которыхъ въ монастырѣ братья и племянники воруютъ, что братъ бунтовщика попа Матюшки, дьячекъ Ивашка Евстратьевъ, живетъ у архимандрита въ кельѣ и съ монахомъ Кирилломъ всякія письма тайно пишутъ и посылаютъ. «Надобно думать,» писалъ Волоховъ: «что въ архимандритѣ къ тебѣ, государю, мало правды: за ваше здоровье въ навечеріи Рождества Христова Бога не молилъ и дьякона возглашать не заставлялъ и говоркомъ псаломщикъ не говорилъ; за это я на архимандрита шумѣлъ; на 12-е число фе-

враля, на Алексѣя митрополита и на ангелъ царевича Алексѣя Алексѣевича свадьбы вѣнчали. Сказывалъ мнѣ поповскій староста, Унежемскаго усолья попъ Василій, какъ ѣздилъ онъ по соловецкимъ вотчинамъ, то замѣтилъ, что за ваше здоровье на великомъ выходѣ Бога не молятъ, въ церквахъ говорятъ не единогласно и пѣніе поютъ на *нарѣчное*. Хотѣлъ я ѣхать въ Кемскій городокъ, потому что кемскіе люди соловецкимъ ворамъ радѣютъ, и архимандритъ мнѣ подводъ не далъ... Архимандритъ Іосифъ и по усольямъ старцы всѣ бражники; чернецы и служки ходятъ на волость пьяные и государевы запасы на воровство приносятъ бабамъ.» Архимандритъ Іосифъ, съ своей стороны, писалъ, что Волоховъ надъ соловецкими мятежниками промыслу никакого не чинитъ, самъ на море не ѣздитъ и стрѣльцовъ не посылаетъ, живетъ въ Сумскомъ острогѣ и, приметываясь къ монастырскимъ служкамъ и крестьянамъ, чинитъ налоги для своей корысти, бьетъ батогами безвинно, въ цѣпяхъ и желѣзахъ держитъ многіе дни, хвалится архимандрита великому государю огласить напрасно; монастырскихъ крестьянъ, ѣздящихъ къ Архангельску, велитъ задерживать и беретъ съ нихъ деньги за пропускъ. На Волохова же писали сотники московскихъ стрѣльцовъ, Чадуевъ и Молчановъ, обвиняя его въ нерадѣніи и трусости.

Наконецъ вражда между Волоховымъ и архимандритомъ дошла до того, что 16 марта 1672 года Волоховъ пришелъ въ церковь и во время херувимской передъ самымъ выходомъ, схватилъ архимандрита, билъ по щекамъ, дралъ за бороду и началъ толкать въ шею; стрѣльцы подхватили Іосифа, выволокли изъ церкви съ ругательствами и посадили въ тюрьму, гдѣ онъ сидѣлъ на большой цѣпи со стуломъ. Давая знать въ Москву о посаженіи Іосифа на съѣзжій дворъ *за карауломъ*, Волоховъ объяснилъ дѣло такимъ образомъ, что 15 марта явились къ нему всѣ монахи кромѣ троихъ, живущихъ въ кельѣ у архимандрита, и объявили, что Іосифъ въ Сумскомъ заводитъ бунтъ и воровство такое же, что въ Соловецкомъ, хочетъ его, Волохова, сотниковъ и стрѣльцовъ бить.

Разумѣется, немедленно была отправлена грамота въ Сумской—освободить архимандрита; Волохову очень это не понравилось, онъ началъ было говорить, что грамота прислана воровски, однако, дѣлать нечего, 2 мая выпустилъ Іосифа изъ тюрьмы. Оба, и

Волоховъ и архимандритъ, были вызваны въ Москву для суда, вызваны были и старцы, донесшіе на архимандрита. Противъ обвиненій въ нерадѣніи Волоховъ оправдывался, что онъ къ монастырю на море не ходилъ и стрѣльцовъ не посылалъ за малолюдствомъ, а въ Кемскомъ городкѣ заставу постановилъ, чтобъ монастырскіе крестьяне въ монастырь запасовъ не провозили. Но къ чему служила эта застава, когда выходцы сказывали, что въ монастырѣ хлѣбныхъ запасовъ и соли будетъ на 15 лѣтъ? Къ чему служила кемская застава, когда во все лѣто 1671 года Анзерской пустыни чернецъ Варѳоломей и двинскаго уѣзда старецъ Никандръ и съ береговъ всякіе люди провозили въ монастырь рыбу, масло, всякіе товары и, между прочимъ, 15 бочекъ краснаго вина? Архимандритъ Іосифъ показалъ, что Волоховъ принялъ въ Сумской острогъ бѣгуна чернеца Германа и, воспринявъ на себя архіерейскую честь, память ему далъ, велѣлъ ему обѣдню служить и духовнымъ отцомъ себѣ сдѣлалъ, приказалъ вѣдать прочихъ священниковъ во всемъ, а Германъ пьянскимъ обычаемъ благословлялъ народъ обѣими руками какъ митрополитъ. — Волоховъ не запирался, что далъ памать по Германову челобитью и по свидѣтельству соловецкихъ монаховъ, знавшихъ, этого монаха. Но самъ Германъ показалъ, что Волоховъ велѣлъ ему служить насильно и сажалъ его въ цѣпь, принуждая взять память. Германъ вмѣстѣ съ тѣмъ показалъ и на Іосифа, что къ нему присылаютъ изъ Соловецкаго монастыря деньги, а онъ посылаетъ въ монастырь запасы и говорилъ ему, Герману: «По новоисправленнымъ служебникамъ я не служилъ и впередъ служить не хочу, по этимъ книгамъ не устоитъ, будетъ все попрежнему.» Іосифъ отвѣчалъ, что ничего подобнаго онъ не говорилъ Герману. Что же касается до показанія монаховъ о бунтѣ Іосифа, то монахи эти объявили въ Москвѣ: «когда у архимандрита съ Волоховымъ учинилась вражда, то архимандритъ посылалъ насъ къ Волохову говорить, чтобъ онъ пожилъ смиреньемъ; но Волоховъ взялъ насъ съ собою въ съѣзжую избу, велѣлъ подъячему написать сказки на архимандрита въ бунтѣ, какъ ему годно, и по неволѣ велѣлъ намъ приложить руки.»

Іосифъ былъ переведенъ въ казанскій Спасскій монастырь; не знаемъ, что сдѣлали съ Волоховымъ, только на его мѣсто въ іюнѣ мѣсяцѣ 1672 года отправленъ былъ стрѣлецкій голова Клементій

Іевлевъ. 2-го августа Іевлевъ съ 725 стрѣльцами отправился на Соловецкіе острова и, пришедъ въ Глубокую губу, послалъ къ мятежникамъ письмо, чтобъ добили челомъ и впустили его въ монастырь; но мятежники отказали ему съ великимъ невѣжествомъ. Получивъ такой отказъ, Іевлевъ отправился подъ монастырь, пожегъ около него хоромное строенье, амбары, лодки, карбасы, сѣно и дрова, разорилъ рыбныя и звѣриныя ловли, побилъ лошадей, и ушелъ въ Сумской острогъ, хвалясь тѣмъ, что государевыхъ ратныхъ людей отвелъ въ цѣлости, только было ранено два человѣка; предпринять противъ монастыря что нибудь важное Іевлевъ не могъ, потому что у служилыхъ людей пороху и свинцу не стало, не было этихъ запасовъ и въ Сумскомъ. Іевлевъ былъ также отозванъ въ Москву въ 1673 году, и осада поручена была воеводѣ Ивану Мещеринову. У него было 700 стрѣльцовъ и, что всего важнѣе, стѣнобитныя орудія. Мещериновъ началъ было дѣйствовать рѣшительно въ 1674 году, окопалъ свое войско шанцами, устроилъ городки и открылъ съ нихъ пальбу противъ монастыря; но когда въ октябрѣ начались холода, онъ снялъ осаду, разорилъ всѣ свои укрѣпленія и, по примѣру предшественниковъ, ушелъ зимовать въ Сумской. Въ монастырѣ при оборонѣ сильнѣе всѣхъ дѣйствовали старый заводчикъ, архимандритъ Никаноръ, служка Бородинъ, келарь Наѳанаилъ Тучинъ, городничій старецъ Протасій, изъ мірянъ сотники: Исачко Воронинъ да Кемлянинъ Самко. Никаноръ ходилъ безпрестанно по башнямъ, кадилъ пушки, кропилъ ихъ водою и приговаривалъ: «Матушки мои галаночки! надежда у насъ на васъ, вы насъ обороните!»—«Стрѣляйте, стрѣляйте!» кричалъ безпрестанно Никаноръ: «смотрите хорошенько въ трубки, гдѣ воевода; въ него и стрѣляйте: какъ поразимъ пастыря, ратные люди разойдутся аки овцы.» Но между осажденными была постоянно рознь. Мы видѣли, что монахи, стоя горячо за преданія Чудотворцевъ, какъ они выражались, не хотѣли однако порвать съ правительствомъ и на вопросъ архимандрита Іосифа: царь православенъ ли? отвѣчали утвердительно; даже главный ораторъ старообрядства Геронтій не одобрялъ срѣльбы въ государевыхъ людей. Такимъ образомъ двое главныхъ заводчиковъ возстанія разошлись. Но на сторонѣ Никанора были начальники ратныхъ людей, сотники Воронинъ и Самко; эти не только считали позволительнымъ стрѣлять въ государевыхъ людей, но тре-

бовали отъ священниковъ, чтобъ перестали молиться за государя: «Молитесь за преосвященныхъ митрополитовъ и за всѣхъ православныхъ христіанъ!» говорили они священникамъ, а про государя говорили такія слова, что «не только написать, но и помыслить страшно.» Видя, что по ихъ не дѣлается, воры схватили четырехъ монаховъ, главныхъ своихъ противниковъ, въ томъ числѣ и Геронтія. 16 сентября созвали соборъ и объявили келарю, что служить больше не будутъ и ружье на стѣну положили, потому что священники ихъ не слушаются, молятся за государя, а они этихъ молитвъ слышать не хотятъ. Келарь сталъ имъ бить челомъ, и они умилостивились, взяли снова оружіе, но объявили священниковъ еретиками, перестали ходить въ церковь, исповѣдовались другъ у друга, а не у отцовъ духовныхъ, завели содомію, начали расхищать монастырскую казну. Геронтій съ товарищами были выпущены изъ тюрьмы, но принуждены были оставить монастырь и явились къ Мещеринову. Геронтій остался вѣренъ своимъ убѣжденіямъ и объявилъ въ допросѣ: «Передъ великимъ государемъ я во всемъ виноватъ; я за него всегда Бога молилъ, теперь молю и впередъ молить долженъ; апостольскому и св. Отецъ преданію послѣдую; а новоисправленныхъ печатныхъ книгъ, безъ свидѣтельства съ древними харатейными, слушать и тремя перстами крестъ на себѣ воображать сумнительно мнѣ, боюсь страшнаго суда Божія!»

Большая часть священниковъ оставила монастырь; тогда воры приговорили между собою крестъ цѣловать, что имъ стоять и биться противъ государевыхъ людей за сотниковъ и помереть всѣмъ заодно; но когда начали цѣловать крестъ, то оказалось много не желающихъ, а двое оставшихся священниковъ прямо отказали въ церковной службѣ. Но Никаноръ не унывалъ: «Мы,» кричалъ онъ: «и безъ священниковъ проживемъ, въ церкви часы станемъ говорить, а священники намъ не нужны!»

Въ концѣ мая 1675 года Мещериновъ опять явился подъ монастыремъ со 185 стрѣльцами. Въ августѣ пришло къ нему еще около 800 стрѣльцовъ двинскихъ и холмогорскихъ. На этотъ разъ воевода не пошелъ, по обычаю, зимовать въ Сумской, но остался подъ монастыремъ. Попытка взять его приступомъ 23 декабря не удалась; но перебѣжчикъ монахъ Ѳеоктистъ указалъ Мещеринову отверстіе въ стѣнѣ, легко закладенное камнями. Ночью на 22-е

января, въ сильную мятель и бурю, Θеоктистъ повелъ стрѣльцовъ къ отверстію; камни были выломаны, и передъ разсвѣтомъ стрѣльцы были уже въ монастырѣ; осажденные, ничего не подозрѣвая, разошлись уже спать, часовые стояли по башнямъ, и стрѣльцы могли на свободѣ сбить замки и отворить ворота, въ которыя и вошелъ Мещериновъ съ остальными стрѣльцами. Защитники монастыря проснулись уже слишкомъ поздно: нѣкоторые изъ нихъ бросились было на стрѣльцовъ съ оружіемъ въ рукахъ, но згибли въ неравномъ боѣ; заводчики — Никаноръ, Самко были схвачены и казнены, другіе разосланы въ кольскій и пустозерскій остроги; тѣ же, которые объявили, что повинуются государю и церкви, прощены и остались жить въ монастырѣ [76].

ПРИМѢЧАНІЯ.

1. Москов. глав. архивъ мин. ин. дѣлъ, дѣла малороссійскія 1657 года.

2. Архивъ мин. юст., столбцы Малорос. приказа, № 6001.

3. Синбирскій Сборникъ, Кикинскія бумаги.

4. Арх. мин. ин. д., Крымскія дѣла 1655, 1656 и 1657 годовъ, дѣла Турецкія и Донскія 1657 и 1658 годовъ.

5. Архивъ мин. юст., столбцы Малорос. приказа № 5852.

6. Тамъ же, № 5836, 5852, 5841, 6040; Синб. Сборникъ, Кикинскія бумаги, стр. 14; Архивъ мин. ин. дѣлъ, дѣла Малороссійскія и Польскія 1658 года; Лѣтопись Величка подъ тѣмъ же годомъ.

7. Theiner—Monuments historique de Russie, p. 35.

8. Импер. публ. библ., рукоп. на разныхъ языкахъ in 4, отд. IV, № 62.

9. Арх. мин. иностр. дѣлъ, дѣла Польскія 1657 и 1658 годовъ.

10. Тамъ же, дѣла Шведскія 1658 года; Węslawski Victor et victus V. C. Gosiewski, p. 38.

11. Допол. къ III тому Дворц. разрядовъ, стр. 184.

12. Столбцы приказа тайн. дѣлъ въ Государств. архивѣ.

13. Акты истор. IV, № 118.

14. Архивъ мин. ин. дѣлъ, дѣла Польскія 1659 года.

15. Величка; то же находимъ у Венславскаго, стр. 90.

16. Архивъ мин. ин. д., дѣла Крымскія 1659 года.

17. Дополн. къ III тому Дворц. разрядовъ. стр. 194; Węslawski, p. 93.

18. Архивъ мин. ин. д., дѣла Крымскія 1659 года.

19. Архивъ мин. ин. дѣлъ, дѣла Польскія 1659 г. № 2.

20. Тамъ же, дѣла Крымскія и Донскія 1659 года.

21. Тамъ же, дѣла Малороссійскія 1659 года; сочиненіе это (описаніе пути), какъ видно, принадлежитъ перу знаменитаго Серба Крижанича. Архивъ минист. юстиц., столбцы Малорос. приказа, № 5843, 5845.—По Московскимъ извѣстіямъ, Данило Выговскій умеръ на дорогѣ; но изъ нижеприведеннаго (стр. 113) письма Бѣнѣвскаго къ Юрію Хмельницкому видно, что Данила былъ жестоко пытанъ, что больше чѣмъ вѣроятно. Въ Малороссіи не знали о смерти Выговскаго: въ декабрѣ 1659 года Хмельницкій присылалъ просить объ его освобожденіи.

22. Архивъ мин. ин. дѣлъ, дѣла Шведскія 1657—1661 года; столб. Прик. тайн. дѣлъ въ Госуд. архивѣ. — Во время переговоровъ съ Швеціею встрѣчаемъ упоминовеніе о знаменитомъ Катошихинѣ: «Отъ царя и в. князя Алексѣя Михайловича всея В. и М. и Б. Россіи самодержца нашимъ великимъ и полноночнымъ посламъ дум. двор. и намѣстнику шацкому Афонасью Лавр. Ордину-Нащокину съ товарищи. Апрѣля въ 19 писали есте къ намъ Свѣйскихъ пословъ съ вами о съѣздахъ и съ листа Свѣйскихъ же пословъ прислали переводъ. А въ отпискѣ вашей въ первомъ столбцѣ прописано гдѣ было надобно написать насъ великаго государя, и написано великаго, а государя не написано. И то вы учинили неостерегательно. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и выбъ впредь въ отпискахъ своихъ и во всякихъ нашихъ дѣлехъ которые будутъ на писмѣ наше великаго государя именованье и честь писали съ великимъ остерегательствомъ, а вы діаки вычитали всякія писма сами не по единожды и высматривали гораздо чтобъ впредь въ вашихъ писмахъ такихъ неосторожностей не было, а подъячему Гришке Катошихину который тоѣ отписку писалъ велѣлибъ есте за то учинить наказанье бить батоги. Писанъ на Москвѣ лѣта 7168 мая въ 4. — Послѣ, 9 октября, Нащокинъ посылалъ Катошихина въ Ревель провѣдывать о шведскихъ послахъ.

23. Дополненіе къ III ч. Дворц. разрядовъ, стр. 207.

24. Архивъ мин. ин. д., дѣла Малороссійскія 1659 и 1660 г.

25. Węslawski, p. 119.

26. Памятники, изд. Кіевск. коммисс., т. IV, отд. 3, № 1.

27. Архивъ мин. ин. д., дѣла Польскія 1660 года.

28. Suis cladibus orbi notus, говоритъ Майербергъ о Хованскомъ.

29. Акты арх. эксп. IV, № 119, 127; Дополненія къ III ч. Дворцовыхъ разряд. стр. 244; Памятн. изд. Кіев. коммис. IV, 61.

30. Relatio historica belli Szeremetici; Journal de ce qui s'est passé entre l'armée des polonais et celle des Moscovites; Theiner—Monuments historiques de Russie, p. 40.

31. Архивъ мин. ин. д., дѣла Малороссійскія, Польскія и Крымскія 1660 года. Относительно числа войска, бывшаго у Шереметева, мы не имѣемъ другихъ показаній, кромѣ приведеннаго выше (стр. 108) извѣстія козацкихъ посланцевъ, что у него было 60,000.

32. Столбцы Прик. тайн. дѣлъ, № 85.

33. Архивъ мин. юстиц., столбцы Малоросс. приказа, № 5871.

34. Węslawski, p. 146.

35. Архивъ мин. ин. д., дѣла Донскія 1660 года; Архивъ мин. юстиц., столбцы Малорос. приказа, № 5871.

36. Памятн. изд. Кіевск. коммис. т. IV; Архивъ мин. юстиц., столбцы Малорос. приказа № 6043.

37. Архивъ мин. ин. д., дѣла Малороссійскія 1660 и 1661 годовъ; Памятн. изд. Кіевск. коммис. IV, 154.

38. Архивъ мин. ин. д., дѣла Малороссійскія 1661 года; Архивъ мин. юстиц., столбцы Малорос. прик., № 5871.

39. Дополн. къ III т. Дворцов. разр., стр. 263, 306; Архивъ мин. юст., столбцы Малор. прик., № 5888.

40. Архивъ мин. ин. д., дѣла Малороссійскія 1662 года; Архивъ мин. юст., столбцы Малорос. прик. № 5859.

41. Памятн. изд. Кіевск. коммис. IV, 189, 209, 212, 216, 226. 250, 255, 287.

42. Архивъ мин. юст., столбцовъ № 5861.

43. Архивъ мин. ин. д., дѣла Малорос. 1662 и 1663 годовъ; Архивъ мин. юстиц., столбцы Малорос. прик. № 5865; Памятн. изд. Кіевск. коммис. IV, 256.

44. Архивъ мин. ин. дѣлъ, дѣла Малорос. 1663 года; столбцы Прик. тайн. дѣлъ въ Госуд. архивѣ. № 75.

45. Theiner, p. 49; Węslawski, p. 227.

46. Архивъ мин. ин. д., дѣла Польскія 1661—1663 годовъ; Памятн. изд. Кіевск. коммис. IV, 194.

47. Книги разрядныя, т. II, годъ 1663.

48. Архивъ мин. ин. д., дѣла Малорос. и Польскія 1663 года.

49. Тамъ же, дѣла Польскія 1662 года, № 116; Памятн. изд. Кіевск. коммис. IV. стр. 395 и слѣд.

50. Архивъ мин. ин. д., дѣла Малороссійскія 1664 года; Государств. архивъ, столбцы Приказа тайн. дѣлъ, № 75.

51. Архивъ мин. ин. д., дѣла Малорос. 1664 и 1665 годовъ.

52. Тамъ же; Архивъ мин. юстиц., столбцы Малорос. приказа № 5872, 5870.

53. Тамъ же, № 5872.

54. Тамъ же.

55. Тамъ же.

56. Тамъ же.

57. Архивъ мин. ин. д., дѣла Крымскія 1666 и 1667 годовъ.

58. Тамъ же, дѣла Польскія тѣхъ же годовъ.

59. Mayerberg, Iter. p. 179; Акты арх. эксп. IV, 193; Катошихинъ, стр. 79 и слѣд.

60. Архивъ мин. юстиц.—столбцы Приказнаго стола, № 1477; Катошихинъ.

61. Архивъ мин. ин. д., приказныя дѣла 1663 года, № 7, 122, 123, 238; 1664 года, № 15; Катошихинъ.

62. Акты арх. эксп. IV, № 71.

63. Правосл. Собесѣдникъ 1859 года, статья *Діаконъ Ѳеодоръ*.

64. Столбцы Прик. таін. дѣлъ въ Госуд. архивѣ, № 49.

65. Москов. арх. мин. ин. д.; статейные списки Суханова въ Греческихъ дѣлахъ.

66. Правосл. Собесѣдникъ 1858 года. Матеріалы для Истор. Рус. раскола.

67. Слѣдующее изложеніе Никонова дѣла составлено по подлиннымъ актамъ, хранящимся въ Государственномъ архивѣ между столбцами Приказа тайныхъ дѣлъ (нашлись люди, которые объявили, что я не открылъ, изъ какого именно источника почерпнулъ я извѣстія о Никоновомъ дѣлѣ); часть актовъ хранится въ Синодальной библіотекѣ; нѣкоторые акты напечатаны въ Собраніи государ. грамотъ и договоровъ. Въ Синодальной же библіотекѣ находится изложеніе Никонова дѣла, составленное Паисіемъ Лигаридомъ, любопытное по нѣкоторымъ живымъ подробностямъ. Что же касается до житія Никонова, написаннаго Иваномъ Шушерою, то опытъ научилъ насъ пользоваться имъ съ большою осторожностію: при изложеніи дѣятельности Никона во время новгородскаго мятежа (Исторія Россіи, т.

X, стр. 173 и слѣд.) мы увидѣли, какъ разукрашенное въ пользу Никона повѣствованіе Шушеры разнится отъ свидѣтельства подлинныхъ актовъ, какія заключаетъ въ себѣ неправильности относительно порядка событій. Само собою разумѣется, съ какою подозрительностію мы должны были смотрѣть на извѣстія раскольниковъ о Никонѣ, которому, какъ врагу Божію, они старались приписать всевозможныя преступленія и неправды.

68) Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ двумя несходными свидѣтельствами: съ письмомъ Никона къ патріархамъ, гдѣ онъ описываетъ свой уходъ, и съ показаніями лицъ, находившихся въ соборѣ 10 іюля; но такъ какъ Шушера, пристрастный къ Никону, гораздо болѣе сходится съ послѣдними, чѣмъ съ Никономъ, то мы и слѣдуемъ показаніямъ. Г. Субботинъ, который вѣритъ болѣе письму, говоритъ: «Кажется, впрочемъ, онъ еще думалъ, что его дѣло не проиграно; что царь, одумавшись, помирится съ нимъ, не допуститъ его оставить патріаршество, тѣмъ болѣе, что, по его словамъ, «царское величество прислалъ ему сказать, чтобы не видясь съ нимъ не отходилъ.» Въ этихъ ожиданіяхъ Никонъ около трехъ дней прожилъ на подворьѣ. Но время проходило, а отъ царя не было никакихъ вѣстей. Никонъ увидалъ, что ждать ему больше нечего и рѣшился уѣхать изъ Москвы.» Около трехъ дней! 10 іюля была сцена въ Усп. соборѣ, а 12 Трубецкой и Лопухинъ уже вели переговоры съ Никономъ въ Воскрес. монастырѣ. Вотъ куда ведутъ попытки вѣрить Никону!

69. Węslawski, p. 105.

70. Въ 1664 году дѣйствительно видима была комета, о которой упоминаетъ Гевелій (Hevelius) въ своемъ *Prodromus cometicus*, также Mantissa—Prodromi cometici и Machina coelestis; Pingré въ Cometographie. Сообщено проф Савичемъ.

71. Приведемъ еще нѣкоторые, не лишенные интереса акты о Никоновомъ дѣлѣ изъ бумагъ Приказа тайныхъ дѣлъ. 1. Грамота патріарха Діонисія цареградскаго къ царю, 174 года ноября 12-го: «О Никоновомъ дѣлѣ преже сего трудихомся вомнозѣ съ великимъ прилежаніемъ и сложихомъ главы въ двухъ свиткахъ, ни о чемъ же въ себѣ разнствующія; таже извѣствую главы реченныя въ тѣхъ свиткахъ въ сей силѣ состатися на твоей пресвѣтлости и по твоему изволенію и повелѣнію обладати патріархомъ тамо поставленнымъ якоже и прочими сигклитиками, не бо суть благая два начала въ единомъ самодержствѣ, но единъ буди старѣйшина. Проклятый той Аѳанасій движимый отцомъ лжи дьяволомъ яко орудіе его безъ вся-

кія нужды пришелъ туды, лжесвидѣтельствуя на свитки и правильныя главы; лживо бо глаголалъ есть, яко посланъ есть отъ насъ и яко есть единокровный намъ; виждь, яко есть сосудъ злосмрадный и злаго изволенія, и отъ церкви изверженъ много уже лѣтъ, сего ради да посланъ будетъ на нѣкое мѣсто да плачется за душу свою, и да не возвратится въ наши страны до скончанія живота своего. И тотъ нашъ извѣтъ буди таиннѣйшій, паче же въ малѣйшія части да издеретъ пресвѣтлость твоя, чтобъ невидимо было многихъ ради винъ, чтобъ инымъ не слышно было. Постановили есмь Киръ Паисія святаго и благоразумнаго митрополита газскаго, послахомъ ему вольность, яко разсудному и свѣдущему о сицевыхъ церковныхъ дѣлахъ, поставляющи его намѣстника въ обороненіе правильныхъ тѣхъ главъ, и рѣшити всякое неудобство и сомнѣніе предлагаемое отъ сопротивныя страны и правити судъ купно со освященнымъ соборомъ помѣснымъ архіерейскимъ предсѣдящему на немъ яко образотворящему нашу порсуну въ томъ единомъ дѣлѣ даже до совершенія его.

2. Никонъ доносилъ въ 180 году, что кирилловскія власти называютъ государя разорителемъ и грабителемъ за взятіе лишняго хлѣба изъ монастыря; да у нихъ же въ монастырѣ вкладчикъ Александръ Борковъ держитъ капитонскія ереси, про государя говоритъ слова непристойныя, Никона называетъ антихристомъ и вездѣ свою ересь прославляетъ, къ архимандриту ко кресту для сложенія перстовъ и въ церковь для новоисправленныхъ книгъ не приходитъ. —Посланный царскій Лопухинъ взялъ Боркова въ Москву.—Кирилловскіе монахи жаловались, что Никонъ запасовъ хорошихъ не принимаетъ, хулитъ, вмѣсто запасовъ беретъ деньги, беретъ лишнее. Лопухинъ долженъ былъ сказать ему: буде онъ Никонъ такъ чинилъ, и ему отъ переговоровъ и отъ огласки не отбыть, и впредь отъ него станутъ плакать и переговаривать, особенно онъ самъ на себя славу наводитъ, что беретъ вмѣсто запасовъ деньги, да спрашиваетъ осетровъ живыхъ мѣрою по два аршина съ четью, какихъ въ Шекснѣ въ уловѣ не бываетъ.—Кирилловскимъ монахамъ Лопухинъ долженъ былъ наказать накрѣпко, чтобъ давали Никону рыбу добрую безпереводно; строенье Лопухинъ долженъ былъ досмотрѣть тайно и на чертежъ начертить; чего не достроено—велѣть достроить, ибо Никонъ жаловался, что кирилловскіе плотники не достроивъ ушли. Никонъ отвѣчалъ, что деньги вмѣсто запасовъ кирилловскіе монахи давали сами по совѣту. Лопухинъ нашелъ, что не достроено было то, чего строить не быко приказано.

3. На содержаніе Никона шло: изъ Кириллова монастыря сѣна 20 возовъ, дровъ 15 саженъ; изъ Спасокаменнаго сѣна 12 копенъ, дровъ 8 саженъ, да служка съ лошадью для посылокъ; изъ Спасоприлуцкаго сѣна 15 копенъ, дровъ 8 саженъ, да поваръ. Изъ Корнильева сѣна 8 копенъ, дровъ 7 саженъ, одинъ приспѣшникъ. Изъ Павлова сѣна 8 копенъ, дровъ 7 саженъ, одинъ портной. Троицкаго Устьшекснинскаго сѣна 12 копенъ, дровъ 10 саженъ, служка съ лошадью. Кириллова Новоезерскаго сѣна 10 копенъ, дровъ 10 саженъ, одинъ псаломщикъ. Никитскаго и Благовѣщенскаго сѣна 5 копенъ, дровъ 5 саженъ, 1 келейникъ. У Никона было 11 лошадей, 36 коровъ. Приставъ Шайсуповъ писалъ, что Никонъ держитъ у себя на рыбныхъ ловляхъ и по другимъ службамъ 22 человѣка. Лопухинъ говорилъ Никону: какая ему прибыль, что лишнихъ людей держитъ, отъ того рождается молва и многіе переговоры, чтобъ держалъ по 5 или по 6, а по нуждѣ по 7 человѣкъ. Никонъ на это билъ челомъ, чтобъ зимою было у него по 12, а лѣтомъ по 6 ловцовъ, меньше нельзя. Никонъ билъ челомъ на Лопухина, что онъ не положилъ слугъ съ Кириллова монастыря для своей бездѣльной корысти; жаловался, что ему не даютъ положеннаго съ монастырей, которые бѣдны; Кирилловъ богатъ, а столовыхъ запасовъ ему не присылаетъ, грибовъ и прислали, только такихъ скаредныхъ и съ мухоморами, что и свиньи ихъ не станутъ ѣсть, рыбу прислали сухую, только голова да хвостъ, хмѣлю прислали съ листомъ, что и въ квасъ класть не годится; прислали, чего не прошено — стяги говяжьи и полти свиные на смѣхъ; образцы всѣхъ этихъ запасовъ Никонъ прислалъ къ царю. Онъ писалъ: «Платьемъ и обувью я съ братьею обносился, а сшить некому, присланъ изъ Павлова монастыря портной швечишко неумѣющій, кромѣ шубнаго и сермяжнаго сшить и скроить о себѣ ничего не умѣетъ. Отъ недостройки въ погребѣ всѣ запасы, овощи перемерзли, помираемъ съ голоду, наги и босы ходимъ.»

3. Никонъ выпросилъ у государя, чтобъ на Ѳерапонтовѣ монастырѣ доимочныхъ денегъ не правили. Онъ прислалъ было за нихъ свои деньги 200 рублей, но эти деньги отосланы были къ нему назадъ.

4. 180 года, мая 24 Никонъ жалуется, что къ Великому дню прислали ему изъ Кириллова монастыря 13 гривенокъ масла, 200 яицъ сырыхъ, 100 красныхъ, да сметаны брацкую братину, да хлѣбныхъ запасовъ небольшое, а изъ иныхъ монастырей ничего не прислали.

5. 182 года, ноября 18 посылка стряпчаго Кузьмы Лопухина. Послано было для рожденія царевича Петра древо сахарное, ковришка на орелъ, хлѣбецъ черный; отъ царевны Натальи Алексѣевны—денегъ 200 рублей, ковришка сахарная, ковришка пряничная, хлѣбецъ черный. Для поминовенія царевича Алексѣя денегъ 200 рублей; послано было также арбузовъ тамбовскихъ, арбузовъ бѣлогородскихъ, яблоковъ нѣжинскихъ, яблоковъ московскихъ. Лопухинъ объявилъ, что велѣно давать ему, Никону, изъ бѣлозерскихъ монастырей запасовъ въ годъ 15 ведръ вина церковнаго, 10 ведръ романеи, 10 ренскаго, 10 пудъ патоки на медъ, 30 пудъ меду сырцу, 20 ведръ малины на медъ, 10 ведръ вишень на медъ, 30 ведръ уксусу, 50 осетровъ, 20 бѣлугъ, 400 тешъ межукосныхъ, 70 стерлядей свѣжихъ, 150 щукъ, 200 язей, 50 лещей, 1000 окуней, 1000 карасей, 30 пудъ икры, 300 пучковъ вязиги, 2000 кочней капусты, 20 ведръ огурцовъ, 5 ведръ рыжиковъ, 50 ведръ масла конопляннаго, 5 ведръ масла орѣховаго, 50 пудъ масла коровья, 50 ведръ сметаны, 10000 яицъ, 30 пудъ сыровъ, 300 лимоновъ, полпуда сахару головнаго, пудъ пшена сорочинскаго, 10 фунтовъ перцу, 10 фунтовъ инбирю, 5 четвертей луку, 10 четвертей чесноку, 10 четвертей грибовъ, 10 ч. рѣпы, 5 ч. свеклы, 500 редекъ, 3 ч. хрѣну, 100 пудъ соли, 60 четвертей муки ржаной, 20 ч. пшеничной, 50 ч. овса, 30 ч. муки овсяной, 30 ч. ячменю, 50 ч. солоду ржанаго, 30 ячнаго, 10 овсянаго, 15 ч. крупъ гречневыхъ, 50 ч. овсяныхъ, 3 ч. проса, 12 ч. гороху, 5 ч. сѣмени конопляннаго, 20 ч. толокна, да работникамъ 40 стяговъ говядины, или 150 полоть ветчины. — Никонъ писалъ, чтобъ дороги отъ келіи его не отводить; Лопухинъ долженъ былъ отвѣчать ему: «ему то прибыль, что дорога будетъ подальше: всякіе люди мимо келей станутъ ѣздить и, пріѣхавъ къ Москвѣ и ѣдучи съ Москвы, станутъ сказывать небывалыя рѣчи.—Относительно запасовъ Никонъ писалъ: «Мы, съ Кузьмою Лопухинымъ поговоря, какихъ запасовъ преизлишно написано въ росписи, и мы тѣхъ убавили, а какихъ не написано, и мы приписали, а чаять молва будетъ велика въ монастыряхъ о тѣхъ запасахъ; что и въ прошлыхъ годахъ велѣно давать, и они давали малые запасы и то съ великими брюзгами, и въ выписи писали впятеро и вдесятеро и во сто и тысячными числами, оболгали тебѣ, великому государю, меня; а по твоей росписи многихъ запасовъ въ здѣшнихъ странахъ не водится. Пожалуй меня, вели Крестнаго монастыря властямъ присылать про мой обиходъ рыбы, семги и сижковъ.»—Вмѣсто назначеннаго въ росписи количества Никонъ написалъ: 10 ведръ малины на медъ, 5 ведръ вишень на медъ, 30 ведръ

уксусу. 20 пудъ икры, 175 язей и щукъ, 100 пучковъ вязиги, 10 осетровъ, 2000 кочней капусты, 20 ведръ огурцовъ, 3 ведра рыжиковъ, 40 ведръ масла конопляного, 3 ведра масла орѣховаго, 30 пудъ масла коровья, 30 ведръ сметаны, 5000 яицъ, 20 пудъ сыровъ, 200 лимоновъ, 2 ч. луку, 8 ч. чесноку, 5 ч. свеклы, 1 ч. хрѣну, 8 ч. грибовъ, 10 ч. крупъ гречневыхъ, 1 ч. проса, 10 ч. толокна, 500 карасей ушныхъ, 6 ч. гороху, 500 редекъ, прибавилъ: 4 пуда воску, $^1/_2$ пуда ладану, 1 пудъ семги, 6 ч. снетковъ, 20 пудъ хмѣлю, 150 судаковъ и язей, 500 свѣчъ сальныхъ.

6. 182 года, мая 5 Лопухинъ ѣздилъ въ Ѳерапонтовъ, чтобъ, по просьбѣ Никона, положить всякой рыбѣ мѣру, велѣть строить поварни и житницы. Никонъ билъ челомъ, чтобъ прислали ему соболей на каптуры и рукавицы.

7. Письмо Никона царю: «Еще отъ бѣднаго своего прошенья къ тебѣ не престану, яко червь отъ древоточенія, понеже утробою стѣснянъ отъ Кириллова монастыря, что, противъ твоего указа, архимандритъ съ братіею никакихъ столовыхъ запасовъ не присылаетъ со 182 по 184 годъ сентября по 20, и питаюся я твоимъ государевымъ жалованьемъ, покупаючи столовые запасы дорогою цѣною, да и купить стало негдѣ, пустое мѣсто и отъ города удалѣло, а нынѣ осень настаетъ, а у меня клячишка свои есть и коровенка, а скотинныхъ кормовъ, сѣнъ и иныхъ нѣтъ, а ближе Кириллова монастыря иныхъ монастырей нѣтъ. А въ Кирилловѣ монастырѣ смѣются и поругаются мнѣ, будто я у нихъ въ монастырѣ всѣ коровы пріѣлъ. А нынѣ священникъ и дьяконъ и простой старецъ просятся отъ меня прочь скудости ради пищныя, потому что мнѣ ихъ кормить стало нечѣмъ, и келейнаго ради безпокойства, потому что печей нѣтъ, а держать мнѣ ихъ насильно нельзя, понеже они терпѣли у меня, помня мою милость къ себѣ прежнюю. Милостивый, милостивый, милостивый великій государь, сотвори Господа ради со мною милость, не вели Кириллова монастыря старцамъ меня заморить. Да вѣдомо мнѣ учинилось, что будто нѣкій чернецъ, именемъ Сергій дьяконъ, говоритъ про меня, будто я не чаю воскресенія мертвыхъ. А я мню, что и тебѣ самому памятно, идеже прилучится при твоемъ приходѣ во св. церковь, идеже прилучится символу вѣры глаголатися, никому иному оставляю глаголати, но всюду самъ и до днесь. И ты Господа ради не повѣрь тому и, воспріимъ ревность Давида, погуби глаголющія неправду. Господа ради вели печи сдѣлать, а не велишь, и братья разбредутся розно и я останусь одинъ. Охъ увы мнѣ, что буду?»

8. Письмо Никона царю: «Бьютъ челомъ тебѣ Кириллова монастыря старцы, будто посылаютъ они на украйну покупать для меня вишни, и то тебѣ буди вѣдомо, что ни едина мнѣ отъ нихъ по се число не бывала вишня, только на прошлой 182 годъ за вишни деньги дали и на 183 строитель говорилъ, чтобъ имъ платить черемховымъ морсомъ за вишни, потому что черемха родилась и собрали великое множество того морса съ вотчинъ, и мнѣ не дали ни единой капли; да на прошлой же 183 годъ собрали съ Кириллова монастыря крестьяне малины тоже не малое число ведеръ, а мнѣ не дали ни единой же капли. Они бьютъ челомъ тебѣ, будто отъ меня Кирилловъ монастырь разоряется, и мнѣ разорять Кирилловъ монастырь некѣмъ, я мало могу и ходить отъ старости и слышится намъ, что они сами Кирилловъ монастырь пустошатъ и съ крестьянъ денежные поборы частые сбираютъ и посылаютъ къ Москвѣ и говорятъ: стало де намъ челобитье на Никона тысячи въ двѣ, а хотя станетъ и въ пять тысячъ, и намъ будетъ отбиваться, и тѣмъ тебя, великаго государя, безчестятъ, будто про площадной приказъ говорятъ безстрашно; а на мнѣ милость твоя не по челобитью, ни по дачамъ но по твоей милости и разсмотрѣнію. Воистинну скуднѣе и нищѣе насъ нынѣ нѣтъ; сотвори милость, пожалуй рыбки и икорки, да умилосердися надо мною грѣшнымъ и надъ приставомъ надъ князь Самойломъ (Шайсуповымъ), вели перемѣнить: онъ со всякія нужды помираетъ, да и меня уморилъ, потому что никто ни въ чемъ его не слушаетъ. А кирилловскіе старцы и нынѣшняго 184 году берутъ съ своихъ крестьянъ по 2 рубля, а говорятъ, будто на мой расходъ.»

9. Во 184 году, генваря 26 государь отправилъ къ Никону стряпчаго Кузьму Лопухина, послалъ съ нимъ отъ себя 100 рублей; отъ царицы мѣхъ соболій и мѣхъ бѣличій хребтовый, 10 полотенъ, 15 полотенецъ; отъ царевичей 100 рублей денегъ, 5 бѣлугъ, 10 осетровъ, 10 лососей, по пуду икры зернистой и паюсной и разныхъ сластей, яблокъ въ патакѣ, винограду, арбузовъ, постилъ. Лопухинъ долженъ былъ сказать ему: великій государь указалъ ему монаху Никону за всякіе столовые запасы и за питья и за работничья мяса, за сѣно и за дрова имать со всѣхъ монастырей деньгами: съ Кириллова 319 рублей, Прилуцкаго 106, Каменнаго 88, Устьшекснинскаго 94, Новоезерскаго 61, Никитскаго и Благовѣщенскаго по 31, Корнилова 55, Павлова 54. И если ему денегъ покажется мало, то сказать, что въ прибавку государь будетъ присылать къ нему рублевъ по 100 изъ своей казны, только бъ у него съ монастырей запросовъ больше того не было.

На стр. 316 (1-го изд.) мы сказали: «Не знаемъ отвѣта Никонова (Паисію); можемъ догадываться, какъ отвѣчалъ Никонъ человѣку, убѣждавшему его смириться.» Впрочемъ за отвѣтъ можно принять ту грамоту Никона къ Паисію, въ которой патріархъ пишетъ, что удалился отъ ярости царя, который и послѣ его ухода велѣлъ написать на него лживыя свидѣтельства людямъ, въ царскихъ палатахъ живущимъ; епископамъ, архимандритамъ и игумнамъ дары далъ, чтобъ подписались подъ опредѣленіемъ — не быть впредь Никону патріархомъ. «А мы, пишетъ Никонъ, передъ царемъ никакой вины не знаемъ, опричь того, что пишемъ и говоримъ, постерегаючи неправды его, что святые Божіи монастыри до большаго убожества привелъ и церкви Божіи сильно рукою своею разорилъ: на Москвѣ епископы, архимандриты по его велѣнію поставляются, проклятыхъ нами царь разрѣшаетъ и проч.»

72. Дополн. къ акт. истор. V, № 102.

73. Эта грамота находится въ Синодальной библіотекѣ.

74. Столбцы съ извѣстіями о Соловецкомъ возмущеніи въ Синодал. библіотекѣ; также въ архивѣ мин. юстиціи, между столбцами приказнаго стола. № 1525.

75. Слѣдующій разсказъ о возмущеніи Стеньки Разина основанъ преимущественно на актахъ, хранящихся въ архивахъ мин. юстиціи и мин. иностр. дѣлъ. Большая часть этихъ актовъ издана особою книгою, подъ заглавіемъ: Матеріалы для исторіи возмущенія Стеньки Разина, и составляетъ приложеніе къ монографіи о Разинѣ, написанной г. Поповымъ и помѣщенной въ Русской Бесѣдѣ 1857 года. Но г. Попову остались неизвѣстны важные акты, хранящіеся въ архивѣ мин. юстиціи между столбцами приказнаго стола, подъ №№ 1567 и 1573; такъ, между прочимъ, изъ этихъ актовъ оказывается, что Борятинскій былъ два раза подъ Симбирскомъ; мы воспользовались также любопытными извѣстіями о козацкихъ движеніяхъ до Разина, находящимися въ Донскихъ дѣлахъ означенныхъ годовъ: также извѣстіями о лицахъ, ссудившихъ Разина порохомъ и свинцомъ: эти извѣстія случайно включены въ Малороссійскія дѣла 1668 года, № 1. Важныя извѣстія о Разинѣ помѣщены въ Актахъ истор. №№ 202 и 226. Изъ иностранныхъ сочиненій: 1) Страуса — Sehr schwere, widerwertige und merkwürdige Reisen; 2) Relation des particularités de la rebellion de Stenko Razin; 3) Stephanus Razin cosacus perduellis— Штурцфлейша.—Иностранными извѣстіями, какъ вездѣ, такъ и тутъ, надобно пользоваться съ большою осторожностію: такъ по иностраннымъ извѣстіямъ Разинъ ничего не говорилъ съ пытокъ, но мы изъ

Никонова дѣла знаемъ, что говорилъ, говорилъ о монахѣ, будто бы присланномъ отъ Никона. — Объ отношеніяхъ Разина къ князю Семену Львову см. Исторію о невинномъ заточеніи Матвѣева, стр. 211.

76. При изложеніи осады Соловецкаго монастыря мы пользовались извѣстіями, находящимися въ архивѣ мин. юстиціи между столбцами приказнаго стола, №№ 1525, 1533 и 2159; извѣстія о томъ же событіи находятся въ Актахъ арх. экспед. (т. IV), въ Актахъ историч. (т. IV) и въ Дополненіяхъ къ актамъ историч. (т. V).

122015

ОГЛАВЛЕНІЕ.

II.

ДОПОЛНЕНІЯ

къ X тому:

Стр. 252 (2 изд.) Любопытны разговоры Хмельницкаго и Выговскаго съ монахомъ Арсеніемъ Сухановымъ, ѣздившимъ на Востокъ и останавливавшимся въ Чигиринѣ. Выговскій пришелъ къ Арсенію, который стоялъ вмѣстѣ съ назаретскимъ митрополитомъ Гавріиломъ, и завязался такой разговоръ: *Писарь:* «Какъ мы просили у государя помочи, и государь язнался было намъ помогать и ни въ чемъ не помогъ, и мы, видѣвъ что отъ государя намъ помочи нѣту и чтобъ крымской царь не завладѣлъ государствомъ польскимъ еслибы короля взялъ для того помирились съ королемъ и король многіе городы отдалъ Татарамъ въ полонъ: тѣ де души и кровь и полонъ взыщетъ Богъ на государѣ; а если бы отъ него была намъ помочь, и мы, на него государя надѣяся, съ королемъ не мирились и тѣхъ бы городовъ король не отдавалъ хану.» (И митрополитъ назаретскій, прислонясь къ писарю, на ухо говорилъ: «такъ есть истина, и патріархъ (Паисій іерусалимскій) то жъ говорилъ, что та кровь и полонъ взыщется на государѣ, что государь не помогъ вамъ.»—А патріархъ у себя будучи, тѣ рѣчи многожды Арсенію говорилъ, что для чего государь козаковъ не приметъ.)

8 ноября (1650 года) митрополиты коринеской и назаретской служили обѣдню въ церкви что у гетманскаго двора; гетманъ стоялъ съ сыномъ на правомъ крылосѣ. По заамвонной молитвѣ оба митрополита вышли изъ алтаря царскими дверьми, передъ которыми послали коверъ, и призвали къ себѣ гетмана съ сыномъ и велѣли имъ обоимъ стать на коврѣ на колѣнахъ, а митрополиты положили имъ на главы омофоры свои и наперъдъ челъ молитву по-гречески коринескій, потомъ челъ двѣ молитвы назаретскій по-русски. Во многолѣтіи и ектеніяхъ митрополиты поминаютъ гетмана государемъ и гетманомъ Великія Россія.

9 ноября пришелъ гетманъ на дворъ къ митрополиту назаретскому и къ Арсенію въ келію, Гречанъ и своихъ всѣхъ велѣлъ выслать вонъ (кромѣ Выговскаго) и говорилъ: «Посылали мы къ государю царю пословъ своихъ, просили помочи и били челомъ,

чтобъ государь насъ пожаловалъ, принялъ подъ свою державу. И государь было сказалъ намъ хорошо и принялъ добре, а такъ не учинилъ какъ намъ сказалъ и мы послѣ того опять послали и государь сказалъ намъ инаково, будто вѣчный миръ съ королемъ, помогать будто не умѣть ему государю. А нынѣ чрезъ васъ духовныхъ людей еще ко государю словесно посылаю, чтобъ надъ нами милостиво учинилъ, насъ принялъ подъ свою царскую державу и помочь бы намъ подалъ, а я ему буду служить; чтобъ насъ государь не пустилъ до бусурманъ, и о томъ бы государь намъ вѣдомость далъ истинную чрезъ писаніе или чрезъ якого духовнаго человѣка, чтобъ намъ было на что надѣяться; а если государь насъ не пожалуетъ, и подъ свою державу не приметъ и помочи не дастъ, что̀ ему государю будетъ, какъ я сложусь съ Турками и съ Татары и съ Волохи и съ Мутьяны и съ Венгры и пойду в землю его запустошу также какъ и волоскую?...» И Арсеній говорилъ: «Мости пане гетмане! какъ государю идти на Ляховъ, преступить крестное цѣлованіе и нарушить вѣчное мирное постановленіе?...» Гетманъ: «Государь благочестивый мирное постановленіе преступить не хочетъ ради крестнаго цѣлованія: вотожъ Ляхи такъ преступаютъ, и папа въ томъ ихъ разрѣшаетъ. На такое дѣло благословятъ его государя четыре вселенскіе патріархи со всѣмъ своимъ православнымъ освященнымъ соборомъ и Бога молить за него станутъ вся греческая страна и всѣ православніи, и въ той клятвѣ его разрѣшатъ и простятъ; то мнѣ вѣдомо, понеже пишетъ ко мнѣ о томъ вселенскій патріархъ Парѳеній Царяграда и Паисій ерусалимскій да и всѣ благочестивіи того желаютъ Греци и Серби и Болгары и Волохи и Мутьяня, чтобъ намъ всѣмъ въ соединеніи быть. Ино папа отступной благословляетъ и разрѣшаетъ Ляховъ и во всякихъ заклинаніяхъ прощаетъ, а Ляхи на то надѣются: колми паче наши благочестивіи патріархи и весь освященный соборъ и иноци могутъ государя разрѣшити.»

Къ XI тому:

1) Дѣла Малоросс. въ Москов. глав. архивѣ мин. иност. дѣлъ 1665 года, № 68 Списокъ городовъ:

Переяславскій полкъ: Переяславль, Барышполе, Барышовка, Воронковъ, Золотоноша, Домонтовъ, Бубновъ, Оржица; разоренные: Генмязовъ, Ирклеево, Басань, Кропивная, Буроръ.

Кіевскій полкъ: Кіевъ, Остръ, Козелецъ; разоренные: Бобровица, Заворычь, Гоголевъ.

Нѣжинскій полкъ: Нѣжинъ, разоренные: Кобыжжа, Носовка, Олшевка, Мрынъ, Дѣвица Салтыкова, Ивань-Городище, Бахмачь; жилые: Борозна, Конотопъ, Батуринъ, Новые Млыны, Коропъ, Глуховъ, Королевецъ, Воронежъ.

Черниговскій полкъ: Черниговъ, Седневъ, Березная, Мена, Сосница; разоренные: Любечь, Лоевъ.

Стародубскій полкъ: Стародубъ, Новгородокъ, Погарь, Почепъ, Млынъ.

Полтавскій полкъ: Полтава, Санджаровъ старый, Санджаровъ новый, Бѣлики, Кобылякъ, Кишенка, Переволочная, Рѣшетиловка.

Миргородскій полкъ: Миргородъ, Хороль, Сорочинцы, Учтивица,Ярески, Остапъ Голтва, Манджеленовка; разоренные: Барановка, Шишакъ, Бѣлоцерковка, Богачка, Балаклейка.

Лубенскій полкъ: Лубны, Перятынъ, Глинскъ, Роменъ; разоренные: Чернухи, Смѣлая, Костянтиновъ, Лукомль, Венча, Куренка, Яблоновъ.

Прилуцкій полкъ: Прилуки, Гуня, Красной, Серебряное, Варва, Иванница, Переволочная, Буровка (разоренъ).

— Роспись, въ которыя времена въ малороссійскихъ городахъ ярмонки бываютъ:

Въ *Кіевѣ:* въ день св. Георгія послѣ Свѣтлаго Воскресенья; на Рождество Богородицы; въ первую недѣлю Великаго поста.

Въ *Переяславлѣ:* въ день св. Симеона (1 сентября); на Богоявленіе; въ десятую пятницу.

Въ *Баришовцѣ:* на Воздвиженье; о Васильенѣ двѣ (1 января); въ день Николы вешняго.

Въ *Барышполѣ:* въ день св. Петра и Павла, о Масляной недѣлѣ.

Въ *Золотоношѣ:* на Успеніе Богородицы; въ Сырную недѣлю.

Въ *Черниговѣ:* на Богоявленіе; въ день св. Прокопія; въ день св. Евстаѳія.

Въ *Млинѣ:* въ день Преображенія.

Въ *Погарѣ:* въ оба Николина дня и на Успеніе.

Въ *Почеповѣ:* въ Ильинъ день.

Въ *Конотопѣ:* въ день св. Георгія.

Въ *Коропѣ:* въ Троицынъ день и въ день св. Евстаѳія (сентября 20).

Въ *Прилукѣ:* въ Сырную недѣлю; въ день Рождества Предтечи; въ день св. Димитрія.

Въ *Ичнѣ:* о Петровомъ заговѣньѣ; въ Ильинъ день.

Въ *Варвѣ:* въ день апостола Петра.

Въ *Чернухахъ:* въ Петрово заговѣнье.

Въ *Красномъ:* въ Николинъ день осенній; въ Петрово заговѣнье.

Въ *Серебряной:* въ день Николы осенняго.

Въ *Пырятинѣ:* въ четвертую недѣлю Великаго поста.

Въ *Лубнахъ:* въ Троицынъ день, Преображенье, Покровъ.

Въ *Миргородѣ:* въ Рождество Богородицы; въ Николинъ день осенній.

Въ *Нѣжинѣ:* на Троицынъ день; на Покровъ; во всеѣдную недѣлю передъ Масляницею.

2) Изъ отписки князя Алекс. Никит. Трубецкаго царю въ августѣ 1659 года. Когда Трубецкой объявилъ ратнымъ людямъ походъ въ Нѣжинъ, то «городовые дворяне и дѣти боярскіе на насъ, холопей твоихъ, кричали великимъ шумомъ и говорили съ большимъ невѣжествомъ, что имъ съ нами въ походъ не идти и шумѣли на насъ гилемъ; и мы тѣхъ гилевщиковъ велѣли имать стрѣльцомъ, и изъ тѣхъ гилевщиковъ изымали Бѣжиченина Кирилла Неупокоева сына Корякина, да Костромитина Тихомира Иванова сына Матцкаго, и ихъ Кирилла и Тихомира городовые дворяне и дѣти боярскіе у стрѣльцовъ учали отбивать, и я, холопъ твой Алешка за тѣхъ гилевщиковъ самъ принялся, чтобъ ихъ отбить не дать. Городовые дворяне и дѣти боярскіе много кричали большимъ крикомъ: не давай, не давай! отыми, отыми! и меня затѣснили, и товарищи мои и ясаулы, которые были за нами въ то время на съѣзжемъ дворѣ, гилевщиковъ отъ меня отбили, и изыманыхъ гилевщиковъ Бѣжиченина Кирилла Корякина, да Костромитина Тихомира Матцкаго мы велѣли отослать въ тюрьму до твоего великаго государя указу. А какъ мы пошли съ съѣзжаго двора, и на насъ городовые дворяне и дѣти боярскіе шумѣли жъ многимъ невѣжествомъ, и говорили, что де имъ въ походъ съ нами въ Нѣжинъ не хаживать, и по улицамъ учали бунтовать и на площадяхъ круги заводить, и рейтаръ, и драгуновъ, и стрѣльцовъ наговаривать, чтобъ они съ ними за одно были. До августа жъ въ 29 день поѣхали мы къ обѣднѣ, и на улицѣ у двора, на которомъ я стою, стояли городовые дворяне и дѣти боярскіе многолюдствомъ же и гилемъ, а иные были съ чеканы и съ топорками, и выступя изъ нихъ Арзамасецъ Яковъ Дмитреевъ, да Костромитинъ Василей Салмановъ, учали намъ въ походѣ отказывать большимъ шумомъ и невѣжествомъ и учали многіе бунтовать и на насъ кричали жъ большимъ крикомъ, и мы тѣхъ пущихъ гилевщиковъ дву человѣкъ велѣли изымать стрѣльцамъ и отвести на съѣзжій дворъ, и тѣхъ гилевщиковъ учали у стрѣльцовъ отбивать, и мы тѣхъ пущихъ гилевщиковъ изымали, а иные разбѣжались, и тѣхъ дву человѣкъ велѣли повѣсить, и доведчи до висѣлицы, велѣли отъ висѣлицы поворотить и до съѣзжаго двора бить кнутомъ нещадно.» (Архивъ мин. юстиціи, столбцы Малоросс. приказа, № 5855.)